

А. И. ГЕРЦЕН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ и ПИСЕМ

под редакцией М. К. ЛЕМКЕ

Том XII



Государственное Издательство

ПЕТЕРБУРГ • 1919

А. И. ГЕРЦЕНЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ и ПИСЕМЪ.

Подъ редакціей М. К. Лемке

ТОМЪ XII
Былое и думы.
чч. I—III.

Государственное Издательство

Петербургъ. — 1919.

Часть вторая.

ТЮРЬМА И ССЫЛКА.

(1834—1838).

	СТР.
Глава VIII. Пророчество.—Арестъ Огарева.—Пожаръ.—Московскій либераль.—М. Ѳ. Орловъ.—Кладбище.	195
Глава IX. Арестъ.—Добросовѣстный.—Канцелярія пречистенскаго частнаго дома.—Патріархальный судъ	204
Глава X. Подъ каланчей.—Лиссабонскій квартальный.—Зажигатели	209
Глава XI. Крутицкія казармы.—Жандармскія повѣствованія.—Офицеры	217
Глава XII. Слѣдствіе.—Голицынъ sen.—Голицынъ jun.—Генераль Стааль.—Сентенція.—Соколовскій	225
Глава XIII. Ссылка.—Городничій.—Волга.—Пермь	239
Глава XIV. Вятка.—Канцелярія и столовая его превосходительства.—К. Я. Тюфяевъ.	254
Глава XV. Чиновники.—Сибирскіе генераль-губернаторы.—Хищный полицмейстеръ.—Ручной судья.—Жареный исправникъ.—Равноапостольный татаринъ.—Мальчикъ женскаго пола.—Картофельный терроръ и пр.	271
Глава XVI. Александръ Лаврентьевичъ Витбергъ.	294
Глава XVII. Наслѣдникъ въ Вяткѣ.—Паденіе Тюфяева.—Переводъ во Владиміръ.—Исправникъ на слѣдствіи.	307
Глава XVIII. Начало владимірской жизни.	316
Комментарій	322

Часть третья.

ВЛАДИМІРЪ-НА-КЛЯЗЬМЪ.

(1838—1839).

Глава XIX. Княгиня и княжна	411
Глава XX. Сирота.	418
Глава XXI Разлука	431
Глава XXII. Въ Москвѣ безъ меня	448
Глава XXIII. Третье марта и девятое мая 1838 года.	458
Глава XXIV. 13 июня 1839 года.	475
Комментарій	488
Опечатки и дополненія.	494

БЫЛОЕ

И

ДУМЫ

Многіе изъ друзей совѣтовали мнѣ начать полное изданіе «Былого и думъ», и въ этомъ затрудненія нѣтъ, по крайней мѣрѣ, относительно двухъ первыхъ частей. Но они говорятъ, что отрывки, помѣщенные въ «Полярной Звѣздѣ», рапсодичны, не имѣютъ единства, прерываются случайно, забѣгаютъ иногда, иногда отстаютъ. Я чувствую, что это—правда, но поправить не могу. Сдѣлать дополненія, привести главы въ хронологическій порядокъ—дѣло не трудное; но все переплавить, d'un jet ¹⁾ я не берусь.

«Былое и думы» не были писаны подъ рядъ; между иными главами лежатъ цѣлые годы. Оттого на всемъ остался отгѣнокъ своего времени и разныхъ настроеній,—мнѣ бы не хотѣлось стереть его.

Это—не столько *записки*, сколько *исповѣдь*, около которой, по поводу которой собрались тамъ-сямъ схваченныя воспоминанія изъ *былого*, тамъ-сямъ остановленныя мысли изъ *думъ*. Впрочемъ, въ совокупности этихъ пристроекъ, надстроекъ, флигелей *единство есть*, по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется.

...Записки эти—не первый опытъ. Мнѣ было лѣтъ двадцать пять, когда я начиналъ писать что-то въ родѣ воспоминаній. Случилось это такъ. Переведенный изъ Вятки во Владиміръ, я ужасно скучалъ. Остановка передъ Москвой дразнила меня, оскорбляла; я былъ въ положеніи человѣка, сидящаго на послѣдней станціи безъ лошадей!

Въ сущности, это былъ чуть ли не самый «чистый, самый серьезный періодъ оканчивавшейся юности» ²⁾. И скучалъ-то я

¹⁾ Въ одинъ присѣсть.

²⁾ См. «Тюрьма и ссылка». А. И. Г.

тогда свѣтло и счастливо, какъ дѣти скучаютъ наканунѣ праздника или дня рожденія. Всякій день приходили письма, писанныя мелкимъ шрифтомъ ¹⁾: я былъ гордъ и счастливъ ими, я ими росъ. Тѣмъ не менѣе разлука мучила, и я не зналъ, за что приняться, чтобъ поскорѣе протолкнуть эту *вѣчность*—какихъ-нибудь *четыре-ре* мѣсяцевъ... Я послушался даннаго мнѣ совѣта и сталъ на досугѣ записывать мои воспоминанія о Крутицахъ, о Вяткѣ. Три тетрадки были написаны... потомъ прошедшее потонуло въ свѣтѣ настоящаго. Въ 1840 Бѣлинскій прочелъ ихъ; онѣ ему понравились, и онѣ напечаталъ двѣ тетрадки въ «Отечественныхъ Запискахъ» (первую и третью); остальная и теперь должна валяться гдѣ-нибудь въ нашемъ московскомъ домѣ, если не пошла на подтопки.

Прошло *пятнадцать лѣтъ*, «я жилъ въ одномъ изъ лондонскихъ захолустій, близъ Примрозъ Гилля, отдѣленный отъ всего міра далью, туманомъ и своей волей.

«Въ Лондонѣ не было ни одного близкаго мнѣ человѣка. Были люди, которыхъ я уважалъ, которые уважали меня, но близкаго никого. Всѣ подходившіе, отходившіе, встрѣчавшіеся занимались одними общими интересами, дѣлами всего человѣчества, по крайней мѣрѣ, дѣлами цѣлаго народа; знакомства ихъ были, такъ сказать, безличныя. Мѣсяцы проходили—и ни одного слова о томъ, о чемъ хотѣлось говорить.

«... А между тѣмъ, я тогда едва начиналъ приходить въ себя, оправляться послѣ ряда страшныхъ событій, несчастій, ошибокъ. Исторія послѣднихъ годовъ моей жизни представлялась мнѣ яснѣе и яснѣе, и я съ ужасомъ видѣлъ, что *ни одинъ человекъ*, кромѣ меня, не знаетъ ее, и что съ моей смертью умретъ и истина.

«Я рѣшилъ писать; но одно воспоминаніе вызывало сотни другихъ; все старое, полузабытое воскресало: отроческія мечты, юношескія надежды, удачъ молодости, тюрьма и ссылка—эти раннія несчастія, не оставившія никакой горечи на душѣ, пронесшіяся, какъ вешнія грозы, освѣжая и укрѣпляя своими ударами молодую жизнь» ²⁾.

... Этотъ разъ я писалъ не для того, чтобы выиграть время,—торопиться было некуда.

Когда я начиналъ новый трудъ, я совершенно не помнилъ о существованіи «Записокъ одного молодого человѣка» и какъ-то

¹⁾ Отъ Н. А.—ны.

²⁾ Введеніе къ «Тюрьмѣ и ссылкѣ», писанное въ маѣ 1854 г. ^{о)} А. И. Г.

^{о)} См. № 742.

случайно попалъ на нихъ въ British Museum'ѣ, перебирая русскіе журналы. Я велѣлъ ихъ списать и перечиталъ. Чувство, возбужденное ими, было странно: я такъ ощутительно увидѣлъ, насколько я состарѣлся въ эти пятнадцать лѣтъ, что на первое время это потрясло меня. Я игралъ еще тогда жизнью и самымъ счастьемъ, какъ будто, ему и конца не было. Тонъ «Записокъ одного молодого человѣка» до того былъ розенъ, что я не могъ ничего взять изъ нихъ; онѣ принадлежатъ молодому времени, онѣ должны остаться сами по себѣ. Ихъ утреннее освѣщеніе нейдетъ къ моему вечернему труду. Въ нихъ много истиннаго, но много также и шалости; сверхъ того, на нихъ остался очевидный для меня слѣдъ Гейне, котораго я съ увлеченіемъ читалъ въ Вяткѣ. На «*Быломъ и думѣхъ*» видны слѣды жизни и больше никакихъ слѣдовъ не видать.

Мой трудъ двигался медленно... Много надобно времени для того, чтобы *иная* была отстоялась въ прозрачную думу—неутѣшительную, грустную, но примиряющую пониманіемъ. Безъ этого можетъ быть искренность, но не можетъ быть *истины!*

Нѣсколько опытовъ мнѣ не удалось,—я ихъ бросилъ. Наконецъ, перечитывая нынѣшнимъ лѣтомъ одному изъ друзей юности ¹⁾ мои послѣднія тетради, я самъ *узналъ знакомыя* черты и остановился... Трудъ мой былъ конченъ!

Очень можетъ быть, что я далеко переоцѣнилъ его, что въ этихъ едва обозначенныхъ очеркахъ схоронено такъ много *только для меня одною*; можетъ, я гораздо больше читаю, чѣмъ написано: сказанное будить во мнѣ сны, служить іероглифомъ, къ которому у меня, есть ключъ. Можетъ, я одинъ слышу, какъ подъ этими строками бьются духи... можетъ, но оттого книга эта мнѣ не меньше дорога. Она долго замѣняла мнѣ и людей, и утраченное. Пришло время и съ нею разстаться.

Все личное быстро осыпается, этому обнищанію надо покориться. Это—не отчаяніе, не старчество, не холодъ и не равнодушіе, это—сѣдая юность, одна изъ формъ выздоровленія или, лучше, самый процессъ его. Человѣчески переживать иныя раны можно только этимъ путемъ.

Въ монахѣ, какихъ бы лѣтъ онъ ни былъ, постоянно встрѣчается и старецъ, и юноша. Онъ похоронами всего личнаго возвратился къ юности. Ему стало легко, широко... иногда слишкомъ широко... Дѣйствительно, человѣку бываетъ подчасъ пусто, сиротливо между безличными всеобщностями, историческими сти-

¹⁾ Н. М. Сатину.

хіями и образами будущаго, проходящими по ихъ поверхности, какъ облачныя тѣни. Но что же изъ этого? Людямъ хотѣлось бы все сохранить: и розы, и снѣгъ; имъ хотѣлось бы, чтобъ около спѣлыхъ гроздьевъ винограда вились майскіе цвѣты! Монахи спасались отъ минутъ ропота молитвой. У насъ нѣтъ молитвы, у насъ есть *трудъ*. Трудъ—наша молитва. Быть можетъ, что *плоды тою и другою* будетъ одинакій, но на сію минуту не объ этомъ рѣчь.

Да, въ жизни есть пристрастіе къ возвращающемуся ритму, къ повторенію мотива; кто не знаетъ, какъ старчество близко къ дѣтству? Вглядитесь, и вы увидите, что по обѣ стороны полнаго разгара жизни, съ ея вѣнками изъ цвѣтовъ и терній, съ ея колыбелями и гробами часто повторяются эпохи, сходныя въ главныхъ чертахъ. Чего юность *еще* не имѣла, то *уже* утрачено; о чемъ юность мечтала безъ личныхъ видовъ, выходитъ свѣтлѣе, спокойнѣе и также безъ личныхъ видовъ изъ-за тучъ и зарева.

... Когда я думаю о томъ, какъ мы двое ¹⁾ теперь, подъ *пятъдесять лѣтъ*, стоимъ за первымъ станкомъ русскаго вольнаго слова, мнѣ кажется, что наше ребячье *Грютли* на Воробьевыхъ горахъ было не *тридцать три* года тому назадъ, а много—три!

Жизнь... жизни, народы, революціи, любимѣйшія головы возникали, мѣнялись и исчезали между Воробьевыми горами и Примрозъ Гиллемъ; слѣдъ ихъ уже почти заметенъ безпощаднымъ вихремъ событій. Все измѣнилось вокругъ: Темза течетъ вмѣсто Москвы-рѣки, и чужое племя около... и нѣтъ намъ больше дороги на родину... Одна мечта двухъ мальчиковъ—одного 13 лѣтъ, другого 14—уцѣлѣла!

Пусть же «Былое и думы» заключатъ счетъ съ личною жизнью и будутъ ея оглавленіемъ. Остальныя *думы*—на дѣло, остальныя *силы*—на борьбу.

Таковъ остался нашъ союзъ...
Опять одни мы въ грустный путь пойдёмъ,
Объ истинѣ глася неутомимо,—
И пусть мечты и люди идутъ мимо ²⁾.

Eagle's Nest, Bournemouth.

5 іюля 1860 г.

¹⁾ Герценъ и Н. П. Огаревъ.

²⁾ Конецъ стихотворенія Огарева «Искандеру». Въ первомъ стихѣ опущено послѣднее слово «надменный».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Дѣтская и университетъ

(1812 — 1834)

Когда мы въ памяти своей
Проходимъ прежнюю дорогу,
Въ душѣ всѣ чувства прежнихъ дней
Вновь оживаютъ понемногу,
И грусть, и радость тѣ же въ ней,
И знаетъ ту жъ она тревогу,
И такъ же вновь тѣснится грудь,
И такъ же хочется вздохнуть.

Н. Огаревъ («Юморъ»).

Въ октябрѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года Герстъ и Блекетъ издали англійскій переводъ моихъ «Записокъ». Успѣхъ былъ полнѣйшій: не только всѣ свободномыслящіе журналы и реву помѣстили большіе отрывки съ самыми лестными отзывами (съ особенной благодарностью вспоминаю я о статьяхъ „The Athenaeum“, „The Critic“ и „Weekly Times“), но даже тайно-брачный органъ пальмерстоновскаго и бонапартовскаго союза, „Morning Post“, разбранилъ меня и совѣтовалъ закрыть Русскую типографію, если я хочу пользоваться уваженіемъ (кого? ихъ?—нисколько не хочу).

Этотъ успѣхъ, вмѣстѣ съ разборомъ нѣмецкаго перевода въ нью-іоркскихъ и нѣмецкихъ журналахъ, рѣшилъ мое сомнѣніе — печатать или нѣтъ часть, предшествующую «Тюрмѣ и ссылкѣ». Въ этой части мнѣ приходилось больше говорить о себѣ, нежели въ напечатанныхъ, и не только о себѣ, но и о семейныхъ дѣлахъ. Это — вещь трудная, не сама по себѣ, а потому, что по дорогѣ невольно наталкиваешься на предрасудки, окружающіе заборомъ семейный очагъ. Я не коснулся грубо ни одного воспоминанія, не оскорбилъ ни одного истиннаго чувства, но я не хотѣлъ пожертвовать интересомъ, который имѣетъ жизнь, искренно рассказанная, цѣломудренной лжи и коварному умалчиванію.

Не знаю, стоитъ ли говорить о гнусныхъ нападкахъ, которымъ меня подвергла неосторожная продѣлка издателей, но, чтобъ не подумали, что я умолчалъ о нихъ, скажу нѣсколько словъ. Издатели переводовъ, не имѣвшіе никакого сношенія со мной, смѣло поставили слово «Сибирь» въ заглавіе. Я протестовалъ. Это не помѣшало одному журналу напасть на меня. Я отвѣчалъ, рассказавъ дѣло. Онъ продолжалъ клевету,—я не могъ нагнуться до отвѣта. По счастью, я знаю, что въ Россіи не только между нашими друзьями, но между нашими врагами не найдется ни одинъ человѣкъ, который бы заподозрилъ меня въ намѣренномъ обманѣ à la Vaupnis или подумалъ бы, что ссылка на чернильную работу была для меня добровольной службой.

1855 г.

ГЛАВА I.

Моя нянюшка и La grande armée. — Пожаръ Москвы. — Мой отецъ у Наполеона. — Генераль Иловайскій. — Путешествіе съ французскими плѣнниками. — Патріотизмъ К. Кало. — Общее управленіе имѣніемъ. — Раздѣлъ. — «Сенаторъ».

...— Вѣра Артамоновна, ну, расскажите мнѣ еще разокъ, какъ французы приходили въ Москву, — говариваль я, потягиваясь на своей кроваткѣ, обшитой холстиной, чтобъ я не вывалился, и за-вертываясь въ стѣганое одѣяло.

— И! что это за рассказы! ужъ столько разъ слышали да и почивать пора, лучше завтра пораньше встанете, — отвѣчала обыкновенно старушка, которой столько же хотѣлось повторить свой любимый рассказъ, сколько мнѣ—его слушать.

— Да вы немножко расскажите. Ну, какъ же вы узнали, ну, съ чего же началось?

— Такъ и началось. Папенька-то вашъ, знаете, какой,—все въ долгій ящикъ откладываетъ; собирался, собирался да вотъ и собрался! Всѣ говорили: пора ѣхать, чего ждать? почитай, въ городѣ никого не оставалось. Нѣтъ, все съ Павломъ Ивановичемъ переговариваютъ, какъ вмѣстѣ ѣхать; то тотъ не готовъ, то другой. Наконецъ—таки, мы уложились, и коляска была готова; господа сѣли завтракать. Вдругъ нашъ кухмистъ взошелъ въ столовую такой блѣдный да и докладываетъ: «непріятель въ Драгомиловскую заставу вступилъ»... Такъ у насъ у всѣхъ сердце и опустилось,—сила, молъ, крестная съ нами!.. Все переполошилось... Пока мы суетились да ахали, смотримъ — а по улицѣ скачутъ драгуны въ такихъ каскахъ и съ лошадинымъ хвостомъ сзади. Заставы всѣ заперли... Вотъ вашъ папенька и остался у праздника да и вы съ

нимъ. Васъ кормилица Дарья тогда еще грудью кормила,—такіе были щедушные да слабые. ¹

И я съ гордостью улыбался, довольный, что принималъ участіе въ войнѣ.

— Сначала еще шло кое-какъ, первые дни, то-есть... Ну, такъ, бывало, взойдутъ два-три солдата и показываютъ: нѣтъ ли выпить? Поднесемъ имъ по рюмочкѣ, какъ слѣдуетъ, они и уйдутъ да еще сдѣлаютъ подъ козырекъ. А тутъ, видите, какъ пошли пожары, все больше да больше, сдѣлалась такая неурядица: грабежъ пошелъ и всякіе ужасы. Мы тогда жили во флигелѣ у княжны ¹⁾; домъ загорѣлся; вотъ Павелъ Ивановичъ ²⁾ говоритъ: «пойдемте ко мнѣ, мой домъ каменный, стоитъ глубоко на дворѣ, стѣны капитальныя». Пошли мы, и господа и люди, всѣ вмѣстѣ,—тутъ не было разбора. Выходимъ на Тверской бульваръ, а ужъ и деревья начинаютъ горѣть. Добрались мы, наконецъ, до голохвастовскаго дома, а онъ такъ и пышетъ, огонь изо всѣхъ оконъ... Павелъ Ивановичъ остолбенѣлъ, глазамъ не вѣритъ. За домомъ, знаете, большой садъ,—мы туда: думаемъ, тамъ останемся сохранны; сѣли пригорюнившись на скамеечкахъ, вдругъ, откуда ни возьмись, ватага солдатъ, препьяныхъ... Одинъ бросился съ Павла Ивановича дорожный тулупчикъ скидывать; старикъ не даетъ, солдатъ выхватилъ тесакъ да по лицу его и хватъ,—такъ у нихъ до кончины шрамъ и остался; ² другіе принялись за насъ; одинъ солдатъ вырвалъ васъ у кормилицы, развернулъ пеленки, нѣтъ ли, де, какихъ ассигнацій или брильянтовъ; видитъ, что ничего нѣтъ, такъ нарочно озорникъ изодралъ пеленки да и бросилъ. Только они ушли, случилась вотъ какая бѣда. Помните нашего Платона, что въ солдаты отдал? Онъ сильно любилъ выпить, и былъ онъ въ этотъ день очень въ куражѣ: повязавъ себѣ саблю, такъ и ходилъ. Графъ Ростопчинъ всѣмъ раздавалъ въ арсеналѣ за день до вступленія непріятеля всякое оружіе; вотъ и онъ промыслилъ себѣ саблю. Подъ вечеръ видитъ онъ, что драгунъ верхомъ вѣхалъ на дворъ,—возлѣ конюшни стояла лошадь, драгунъ хотѣлъ ее взять съ собой; но только Платонъ стремглавъ бросился къ нему и, уцѣпившись за поводья, сказалъ: «Лошадь наша, я тебѣ ее не дамъ». Драгунъ погрозилъ ему пистолетомъ, да, видно, онъ не былъ заряженъ; баринъ самъ видѣлъ и закричалъ ему: «Оставь лошадь, не твое дѣло!». Куда ты! Платонъ выхватилъ саблю да какъ хватитъ его по головѣ, драгунъ-то и покачнулся, а онъ его еще да еще. Ну, думаемъ мы,

¹⁾ Анна Борисовна Мещерская, тетка братьевъ Яковлевыхъ.

²⁾ П. И. Голохвастовъ, мужъ меньшей сестры моего отца. А. И. Г.

теперь пришла наша смерть: какъ увидятъ его товарищи,—тутъ намъ и конецъ. А Платонъ-то, какъ драгунъ свалился, схватилъ его за ноги и стащилъ въ творило, такъ его и бросилъ, бѣдняжку, а еще онъ былъ живъ... Лошадь его стоитъ, ни съ мѣста, и бьетъ ногой землю, словно, понимаетъ; наши люди заперли ее въ конюшню; должно быть, она тамъ сгорѣла. Мы всѣ скорѣй со двора долой,—пожаръ-то все страшнѣе и страшнѣе. Измученные, не ѣвши, взошли мы въ какой-то уцѣлѣвшій домъ и бросились отдохнуть. Не прошло часу, наши люди съ улицы кричатъ: «Выходите, выходите, огонь, огонь!». Тутъ я взяла кусокъ равендюка съ бильярда и завернула васъ отъ ночного вѣтра. Добрались мы такъ до Тверской площади; тутъ французы тушили, потому что ихъ набольшой жилъ въ губернаторскомъ домѣ. Сѣли мы такъ, просто на улицѣ; караульные вездѣ ходятъ, другіе, верховые, ѣздятъ. А вы-то кричите, надсаждаетесь; у кормилицы молоко пропало, ни у кого ни куска хлѣба. Съ нами была тогда Наталья Константиновна, знаете, бой-дѣвка ¹⁾; она увидѣла, что въ углу солдаты что-то ѣдятъ, взяла васъ—и прямо къ нимъ, показываетъ: маленькому, молъ, *манже*; они сначала посмотрѣли на нее такъ сурово да и говорятъ: «*але, але*»; а она ихъ ругать, —экіе, молъ, окаянные, такіе, сякіе; солдаты ничего не поняли, а таки вспрыснули со смѣха и дали ей для васъ хлѣба моченаго съ водой и ей дали краюшку. Утромъ рано подходитъ офицеръ и всѣхъ мужчинъ забралъ, и вашего папеньку тоже, оставилъ однѣхъ женщинъ да раненаго Павла Ивановича, и повелъ ихъ тушить окольные дома. Такъ до самаго вечера пробыли мы одни; сидимъ и плачемъ да и только. Въ сумерки приходитъ баринъ и съ нимъ какой-то офицеръ...

Позвольте мнѣ смѣнить старушку и продолжать ея рассказъ. Мой отецъ, окончивъ свою брандъ-маіорскую должность, встрѣтилъ у Страстного монастыря эскадронъ итальянской конницы; онъ пошелъ къ ихъ начальнику и рассказалъ ему по-итальянски, въ какомъ положеніи находится семья. Итальянецъ, услышавъ *la sua dolce favella* ²⁾, обѣщалъ переговорить съ герцогомъ Тревизскимъ ³⁾ и предварительно поставить часового въ предупрежденіе дикихъ сценъ въ родѣ той, которая была въ саду Голохвастова. Съ этимъ приказаніемъ онъ отправилъ офицера съ моимъ отцомъ. Услышавъ, что вся компанія второй день ничего не ѣла, офицеръ повелъ всѣхъ въ разбитую лавку; цвѣточный чай и ливанскій кофе

¹⁾ «Костенька», о которой не разъ упоминалось въ I и II томахъ.

²⁾ Сладкую родную рѣчь.

³⁾ Э.-А. Мортъе, маршалъ Франціи.

были выброшены на полъ вмѣстѣ съ большимъ количествомъ финиковъ, винныхъ ягодъ, миндаля; люди наши набили себѣ ими карманы; въ десертѣ недостатка не было. Часовой оказался чрезвычайно полезенъ: десять разъ ватаги солдатъ придирались къ несчастной кучкѣ женщинъ и людей, расположившихся на кочевье въ углу Тверской площади, но тотчасъ уходили, по его приказу.

Мортъ вспомнилъ, что онъ зналъ моего отца въ Парижѣ, и доложилъ Наполеону; Наполеонъ велѣлъ на другое утро представить его себѣ. Въ синемъ поношенномъ полуфракѣ съ бронзовыми пуговицами, назначенномъ для охоты, безъ парика, въ сапогахъ, нѣсколько дней нечищенныхъ, въ черномъ бѣльѣ и съ небритой бородой, мой отецъ—поклонникъ приличій и строжайшаго этикета—явился въ тронную залу Кремлевскаго дворца, по зову императора французовъ.

Разговоръ ихъ, который я столько разъ слышалъ, довольно вѣрно переданъ въ исторіи барона Фенъ и въ исторіи Михайловскаго-Данилевскаго ¹⁾).

Послѣ обыкновенныхъ фразъ, отрывистыхъ словъ и лаконическихъ отмѣтокъ, которымъ лѣтъ тридцать пять приписывали глубокой смыслъ, пока не догадались, что смыслъ ихъ очень часто былъ пошлъ,—Наполеонъ разбранилъ Ростопчина за пожаръ, говорилъ, что это—вандализмъ, увѣрялъ, какъ всегда, въ своей непреодолимой любви къ миру, толковалъ, что его война въ Англии, а не въ Россіи, хвастался тѣмъ, что поставилъ караулъ къ воспитательному дому и къ Успенскому собору, жаловался на Александра, говорилъ, что онъ дурно окруженъ, что мирныя расположенія его неизвѣстны императору.

Отецъ мой замѣтилъ, что предложить миръ скорѣе дѣло побѣдителя.

— Я сдѣлалъ, что могъ; я посылалъ къ Кутузову, онъ не вступаетъ ни въ какіе переговоры и не доводитъ до свѣдѣнія государя моихъ предложеній. Хотятъ войны, не моя вина,—будетъ имъ война.

Послѣ всей этой комедіи, отецъ мой попросилъ у него пропускъ для выѣзда изъ Москвы.

— Я пропусковъ не велѣлъ никому давать! Зачѣмъ вы ѣдете? Чего вы боитесь? Я велѣлъ открыть рынки.

Императоръ французовъ въ это время, кажется, забылъ, что, сверхъ открытыхъ рынковъ, не мѣшаетъ имѣть покрытый домъ и

¹⁾ «Описание Отечественной войны 1812 года», часть III, стр. 58—61.

что жизнь на Тверской площади среди неприятельскихъ солдатъ не изъ самыхъ пріятныхъ. Отецъ мой замѣтилъ это ему; Наполеонъ подумалъ и вдругъ спросилъ:

— Возьметесь ли вы доставить императору письмо отъ меня? На этомъ условіи я велю вамъ дать пропускъ со всѣми вашими.

— Я принялъ бы предложеніе в. в.,—замѣтилъ ему мой отецъ,—но мнѣ трудно ручаться.

— Даете ли вы честное слово, что употребите всѣ средства лично доставить письмо?

— Je m'engage sur mon honneur, Sire ¹⁾.

— Этого довольно. Я пришлю за вами. Имѣете вы въ чемъ-нибудь нужду?

— Въ крышѣ для моего семейства, пока я здѣсь, больше ни въ чемъ.

— Герцогъ Тревизскій сдѣлаетъ, что можетъ.

Мортъе, дѣйствительно, далъ комнату въ генераль-губернаторскомъ домѣ и велѣлъ насъ снабдить съѣстными припасами; его метръ-д'отель прислалъ даже вина. Такъ прошло нѣсколько дней, послѣ которыхъ, въ четыре часа утра, Мортъе прислалъ за моимъ отцомъ адъютанта и отправилъ его въ Кремль.

Пожаръ достигъ въ эти дни страшныхъ размѣровъ: накалившійся воздухъ, непрозрачный отъ дыма, становился невыносимъ отъ жара. Наполеонъ былъ одѣтъ и ходилъ по комнатахъ озабоченный, сердитый; онъ начиналъ чувствовать, что опаленные лавры его скоро замерзнутъ и что тутъ не отдѣлаешься такою шуткою, какъ въ Египтѣ. Планъ войны былъ нелѣпъ, это знали всѣ, кромѣ Наполеона: Ней ²⁾ и Нарбонъ ³⁾, Бертъ ²⁾ и простые офицеры; на всѣ возраженія онъ отвѣчалъ кабаллистическимъ словомъ: «Москва»; въ Москвѣ догадался и онъ.

Когда мой отецъ взошелъ, Наполеонъ взялъ запечатанное письмо, лежавшее на столѣ, подалъ ему и сказалъ, откланиваясь: «Я полагаюсь на ваше честное слово». На конвертѣ было написано: «A mon frère l'Empereur Alexandre» ⁴⁾.

Пропускъ, данный моему отцу, до сихъ поръ цѣлъ, онъ подписанъ герцогомъ Тревизскимъ и внизу скрѣпленъ *московскимъ* оберъ-полицмейстеромъ Лесепсомъ. ³⁾ Нѣсколько постороннихъ, узнавъ о пропускѣ, присоединились къ намъ, прося моего отца

¹⁾ Ручаюсь своей честью, В. В.

²⁾ Маршалы Франціи.

³⁾ Адъютантъ Наполеона.

⁴⁾ Моему брату Императору Александру.

взять ихъ подъ видомъ прислуги или родныхъ. Для больного старика, для моей матери и кормилицы дали открытую линейку; остальные шли пѣшкомъ. Нѣсколько уланъ верхами провожали насъ до русскаго арьергарда, въ виду котораго они пожелали счастливаго пути и поскакали назадъ. Черезъ минуту казаки окружили странныхъ выходцевъ и повели въ главную квартиру арьергарда. Тутъ начальствовали Винцингероде и Иловайскій IV.

Винценгероде, узнавъ о письмѣ, объявилъ моему отцу, что онъ его немедленно отправить съ двумя драгунами къ государю въ Петербургъ.

— Что дѣлать съ вашими?—спросилъ казацкій генераль Иловайскій. Здѣсь оставаться невозможно: они здѣсь не вѣ ружейныхъ выстрѣловъ и со дня на день можно ждать серьезнаго дѣла.

Отецъ мой просилъ, если возможно, доставить насъ въ его ярославское имѣніе, но замѣтилъ при томъ, что у него съ собою нѣтъ ни копѣйки денегъ.

— Сочтемся послѣ,—сказалъ Иловайскій,—и будьте покойны, я даю вамъ слово ихъ отправить.

Отца моего повезли на фельдъегерскихъ по тогдашнему фашиннику. Намъ Иловайскій досталъ какую-то старую колымагу и отправилъ до ближняго города съ партіей французскихъ плѣнниковъ, подъ прикрытіемъ казаковъ; онъ снабдилъ деньгами на прогоны до Ярославля и вообще сдѣлалъ все, что могъ въ суетѣ и тревогѣ военнаго времени. ⁴

Таково было мое первое путешествіе по Россіи; второе было безъ французскихъ уланъ, безъ уральскихъ казаковъ и военноплѣнныхъ,—я былъ одинъ, и возлѣ меня сидѣлъ пьяный жандармъ.

Отца моего привезли прямо къ Аракчееву и у него въ домѣ задержали. Графъ спросилъ письмо, отецъ мой сказалъ о своемъ честномъ словѣ лично доставить его; графъ обѣщалъ спросить у государя и на другой день письменно сообщилъ, что государь поручилъ ему взять письмо для немедленнаго доставленія. Въ полученіи письма онъ далъ расписку (и она цѣла). Съ мѣсяцу отецъ мой оставался арестованнымъ въ домѣ Аракчеева; къ нему никого не пускали; одинъ С. ¹⁾ С. Шишковъ пріѣзжалъ, по приказанію государя, разспросить о подробностяхъ пожара, вступленія непріятеля и о свиданіи съ Наполеономъ,—онъ былъ первый очевидецъ, явившійся въ Петербургъ. Наконецъ, Аракчеевъ объявилъ моему

¹⁾ Вѣроятно, рѣчь идетъ объ А. С., тогда государственнымъ секретарѣмъ.

отцу, что императоръ велѣлъ его освободить, не ставя ему въ вину, что онъ взялъ пропускъ отъ непріятельскаго начальства, что извинялось крайностью, въ которой онъ находился. Освобождая его, Аракчеевъ велѣлъ немедленно ѣхать изъ Петербурга, не выдавшись ни съ кѣмъ, кромѣ старшаго брата, которому разрѣшено было проститься. ⁵

Приѣхавши въ небольшую ярославскую деревеньку около ночи, отецъ мой засталъ насъ въ крестьянской избѣ (господскаго дома въ этой деревнѣ не было). Я спалъ на лавкѣ подъ окномъ; окно затворялось плохо, снѣгъ, пробиваясь въ щель, заносилъ часть скамьи и лежалъ, не таявши, на оконницѣ.

Все было въ большомъ смущеніи, особенно моя мать. За нѣсколько дней до приѣзда моего отца, утромъ староста и нѣсколько дворовыхъ съ поспѣшностью вошли въ избу, гдѣ она жила, показывая ей что-то руками и требуя, чтобы она шла за ними. Моя мать не говорила тогда ни слова по-русски, она только поняла, что рѣчь шла о Павлѣ Ивановичѣ; она не знала, что думать; ей приходило въ голову, что его убили или что его хотятъ убить и потомъ ее. Она взяла меня на руки и ни живая, ни мертвая, дрожа всѣмъ тѣломъ, пошла за старостой. Голохвастовъ занималъ другую избу; они вошли туда. Старикъ лежалъ, дѣйствительно, мертвый возлѣ стола, за которымъ хотѣлъ бриться; громовой ударъ паралича мгновенно прекратилъ его жизнь. ⁶

Можно себѣ представить положеніе моей матери (ей было тогда семнадцать лѣтъ) среди этихъ *палудикихъ* людей съ бородами, одѣтыхъ въ нагольные тулупы, говорящихъ на совершенно незнакомомъ языкѣ, въ небольшой закоптѣлой избѣ, и все это въ ноябрѣ мѣсяцѣ страшной зимы 1812 года... Ея единственная опора былъ Голохвастовъ; она дни, ночи плакала послѣ его смерти. А *дикіе* эти жалѣли ее отъ всей души, со всѣмъ радушіемъ, со всей простотой своей, и староста посылалъ нѣсколько разъ сына въ городъ за изюмомъ, пряниками, яблоками и баранками для нея.

Лѣтъ черезъ пятнадцать староста еще былъ живъ и иногда приѣзжалъ въ Москву, сѣдой, какъ лунь, и плѣшивый; моя мать угощала его обыкновенно чаемъ и поминала съ нимъ зиму 1812 года, какъ она его боялась, и какъ они, не понимая другъ друга, хлопотали о похоронахъ Павла Ивановича. Старикъ все еще называлъ мою мать, какъ тогда, «Юлиза Ивановна», вмѣсто Луиза, и рассказывалъ, какъ я вовсе не боялся его бороды и охотно ходилъ къ нему на руки.

Изъ Ярославской губерніи мы переѣхали въ Тверскую и, наконецъ, черезъ годъ перебрались въ Москву. Къ тѣмъ порамъ

воротился изъ Швеціи братъ моего отца ¹⁾, бывшій посланникомъ въ Вестфалии и потомъ ѣздившій зачѣмъ-то къ Бернадоту ²⁾; онъ поселился въ одномъ домѣ съ нами. ⁷

Я еще, какъ сквозь сонъ, помню слѣды пожара, оставшіеся до начала двадцатыхъ годовъ, большіе обгорѣлые дома безъ рамъ, безъ крышъ, обвалившіяся стѣны, пустыри, огороженные заборами, остатки печей и трубъ на нихъ.

Разказы о пожарѣ Москвы, о Бородинскомъ сраженіи, о Березинѣ, о взятіи Парижа были моею колыбельной пѣснью, дѣтскими сказками, моею Илиадою и Одиссеей. Моя мать и наша прислуга, мой отецъ и Вѣра Артамоновна безпрестанно возвращались къ грозному времени, поразившему ихъ такъ недавно, такъ близко и такъ круто. Потомъ возвратившіеся генералы и офицеры стали наѣзжать въ Москву. Старые сослуживцы моего отца по Измайловскому полку, теперь участники, покрытые славой едва кончившейся кровавой борьбы, часто бывали у насъ. Они отдыхали отъ своихъ трудовъ и дѣлъ, рассказывая ихъ. Это было, дѣйствительно, самое блестящее время петербургскаго періода; сознание силы давало новую жизнь; дѣла и заботы, казалось, были отложены на завтра, на будни, теперь хотѣлось попить на радостяхъ побѣды.

Тутъ я еще больше наслушался о войнѣ, чѣмъ отъ Вѣры Артамоновны. Я очень любилъ разказы графа Милорадовича ³⁾; онъ говорилъ съ необычайною живостью, съ рѣзкой мимикой, съ громкимъ смѣхомъ, и я не разъ засыпалъ подъ нихъ на диванѣ за его спиной.

Разумѣется, что при такой обстановкѣ я былъ отчаянный патріотъ и собирался въ полкъ. Но исключительное чувство національности никогда до добра не доводитъ; меня оно довело до слѣдующаго. Между прочими у насъ бывалъ графъ Кинсона, французскій эмигрантъ и генераль-лейтенантъ русской службы ⁴⁾. Отчаянный роялистъ, онъ участвовалъ на знаменитомъ праздникѣ, на которомъ королевскіе опричники топтали народную кокарду, и гдѣ Марія-Антуанетта пила на погибель революціи. Графъ Кинсона, худой, стройный, высокой и сѣдой старикъ, былъ типъ учтивости и изящ-

¹⁾ Левъ Алексѣевичъ.

²⁾ Регентъ Швеціи, подъ именемъ Карла XIV занимавшій ея престолъ съ 1818 года.

³⁾ Михаилъ Андреевичъ.

⁴⁾ Викторъ Осиповичъ, шефъ Ямбургскаго драг. полка; уволенъ отъ службы за ранами въ 1810 г.

ныхъ манеръ. Въ Парижѣ его ждало пэрство, онъ уже ѣздилъ поздравлять Людовика XVIII съ мѣстомъ и возвратился въ Россію для продажи имѣнья. Надобно было, на мою бѣду, чтобъ вѣжливейшій изъ генераловъ всѣхъ русскихъ армій сталъ при мнѣ говорить о войнѣ. «Да, вѣдь, вы стало, сражались противъ насъ?»—спросилъ я его пренаивно.—«Non, mon petit, non, j'étais dans l'armée rus-e¹⁾»—«Какъ,—сказалъ я,—вы французъ и были въ нашей арміи? это не можетъ быть!» Отецъ мой строго взглянулъ на меня и замялъ разговоръ. Графъ геройски поправилъ дѣло; онъ сказалъ, обращаясь къ моему отцу, что ему нравятся такія *патріотическія* чувства. Отцу моему они не понравились, и онъ мнѣ задалъ послѣ его отъѣзда страшную гонку. «Вотъ что значитъ говорить очертя голову обо всемъ, чего ты не понимаешь и не можешь понять; графъ изъ вѣрности *своему* королю служилъ *нашему* императору». Дѣйствительно, я этого не понималъ!

Отецъ мой провелъ лѣтъ двѣнадцать за границей, братъ его—еще дольше; они хотѣли устроить какую-то жизнь на иностранный манеръ, безъ большихъ тратъ и съ сохраненіемъ всѣхъ русскихъ удобствъ. Жизнь не устраивалась,—оттого ли, что они не умѣли сладить, оттого ли, что помѣщичья натура брала верхъ надъ иностранными привычками. Хозяйство было общее, имѣнье нераздѣльное, огромная дворня заселяла нижній этажъ; всѣ условія безпорядка, стало быть, были налицо.

За мной ходили двѣ нянюшки: одна русская и одна нѣмка; Вѣра Артамоновна и m-me Прово были очень добрыя женщины, но мнѣ было скучно смотрѣть, какъ онѣ цѣлый день вяжутъ чулокъ и пикируются между собой, а потому при всякомъ уд бномъ случаѣ я убѣгалъ на половину Сенатора (бывшаго посланника), къ моему единственному пріятелю—къ его камердинеру Кало.

Добрѣе, кротче, мягче я мало встрѣчалъ людей. Совершенно одинокій въ Россіи, разлученный со всѣми своими, плохо говорившій по-русски, онъ имѣлъ женскую привязанность ко мнѣ. Я насы цѣлые проводилъ въ его комнатѣ, докучалъ ему, притѣснялъ его, шалилъ,—онъ все выносилъ съ добродушной улыбкой, вырѣзавалъ мнѣ всякія чюд са изъ картонной бумаги, точилъ разныя бездѣлицы изъ дерева (зато, вѣдь, какъ же я его и любилъ!). По вечерамъ онъ приносилъ ко мнѣ наверхъ изъ библіотеки книги съ картинami: путешествія Гмелина и Палласа²⁾, и еще толстую

¹⁾ Нѣтъ, мой милый, нѣтъ, я былъ въ русской арміи.

²⁾ Іоганнъ-Георгъ Гмелинъ, путешественникъ-натуралистъ; въ 175—152 гг. въ Геттингенѣ было выпущено его четырехтомное сочиненіе: «Reise durch

книгу «Свѣтъ въ лицахъ», которая мнѣ до того нравилась, что я ее смотрѣлъ до тѣхъ поръ, что даже кожаный переплетъ не вынесъ. Кало часа по два показывалъ мнѣ одни и тѣ же изображенія, повторяя тѣ же объясненія въ тысячный разъ ¹⁾.

Передъ днемъ моего рожденія и моихъ именинъ Кало запирался въ своей комнатѣ; оттуда были слышны разные звуки молотка и другихъ инструментовъ; часто быстрыми шагами проходилъ онъ по коридору, всякій разъ запирая на ключъ свою дверь, то съ кастрюлькой для клея, то съ какими-то завернутыми въ бумагу вещами. Можно себѣ представить, какъ мнѣ хотѣлось знать, что онъ готовитъ; я подсылалъ дворовыхъ мальчиковъ вывѣдать, но Кало держалъ ухо остро. Мы какъ-то открыли на лѣстницѣ небольшое отверстіе, падавшее прямо въ его комнату, но и оно намъ не помогло: видны были верхняя часть окна и портретъ Фридриха II съ огромнымъ носомъ, съ огромной звѣздой и съ видомъ исхудалаго коршуна. Дня за два шумъ переставалъ, комната была отворена,—все въ ней было по-старому, кой-гдѣ валялись только обрѣзки золотой и цвѣтной бумаги; я краснѣлъ, снѣдаемый любопытствомъ, но Кало съ натянуто-серьезнымъ видомъ не касался щекотливаго предмета.

Въ мученіяхъ доживалъ я до торжественнаго дня; въ пять часовъ утра я уже просыпался и думалъ о приготовленіяхъ Кало; часовъ въ восемь являлся онъ самъ въ бѣломъ галстукѣ, въ бѣломъ жилетѣ, въ синемъ фракѣ и съ пустыми руками. «Когда же это кончится? Не испортилъ ли онъ?» И время шло, и обычные подарки шли, и лакей Елизаветы Алексѣевны Голоухънастовой уже приходилъ съ завязанной въ салфеткѣ богатой игрушкой, и Сена-

Sibirien, von dem Jahre 1733 bis 1743» («Путешествіе черезъ Сибирь съ 1733 до 1743 г.»); которое было первымъ давшимъ точныя свѣдѣнія о природѣ и населеніи Сибири. Петръ-Симонъ Палласъ, знаменитый путешественникъ и натуралистъ (1741—1811); его сочиненій очень много, и которое читалъ Герценъ, точно установить невозможно.

¹⁾ «Свѣтъ зримый въ лицахъ, или величіе и многообразность зидиделевыхъ намѣреній, открывающіяся въ пригодѣ и во нравяхъ, объясненныя физическими и нравственными изображеніями, украшенными достойнымъ сихъ предметовъ словомъ, въ пользу великаго состоянія людямъ, а наипаче молодымъ витіямъ, стихотворцамъ, живописцамъ и другимъ художникамъ. Геренель съ нѣмецкаго языка на російскій Иванъ Хмельницкій. Цѣна на здѣшней комментарной бумагѣ 3 р. 50 к., а на любской 4 р. СПб. 1773 г.». Эта книга въ 4 томахъ украшена 100 гравюрами аллегорическаго содержанія, по одной гравюрѣ на каждую статью. Изданіе было повторено въ 1789, 1805 и 1817 гг.

торъ уже приносилъ какія-нибудь чудеса, но безпокойное ожиданіе сюрприза мутило радость.

Вдругъ, какъ нибудь невзначай, послѣ обѣда или послѣ чая, нянюшка говорила мнѣ: «Сойдите на минуточку внизъ, васъ спрашиваетъ одинъ человекъ». Вотъ оно, думалъ я, и опускался, скользя на рукахъ по поручнямъ лѣстницы. Двери въ залу отворяются съ шумомъ, играетъ музыка, транспарантъ съ моимъ вензелемъ горитъ, дворовые мальчики, одѣтые турками, подаютъ мнѣ конфеты, потомъ кукольная комедія или комнатный фейерверкъ... Кало въ поту, суетится, все самъ приводитъ въ движеніе и не меньше меня въ восторгѣ.

Какіе же подарки могли стать рядомъ съ такимъ праздникомъ, — я же никогда не любилъ *вещей*, бугоръ собственности и стяжанія не былъ у меня развитъ ни въ какой возрастъ, — усталъ отъ неизвѣстности, множество свѣчекъ, фольги и запахъ пороха! Недоставало, можетъ, одного — товарища, но я все ребячество провелъ въ одиночествѣ ¹⁾ и, стало, не былъ избалованъ съ этой стороны.

У моего отца былъ еще братъ, старшій обоихъ ²⁾, съ которымъ онъ и Сенаторъ находились въ открытомъ разрывѣ; несмотря на то, они имѣніемъ управляли вмѣстѣ, т.-е. разорали его сообща. Безпорядокъ тройного управленія при ссорѣ былъ вопіющъ. Два брата дѣлали все наперекоръ старшему, онъ — имъ. Старосты и крестьяне теряли голову: одинъ требуетъ подводу, другой сѣна, третій дровъ, каждый распоряжается, каждый посылаетъ своихъ повѣренныхъ. Старшій братъ назначаетъ старосту, — меньшіе смѣняютъ его черезъ мѣсяць, придравшись къ какому-нибудь вздору, и назначаютъ другого, котораго старшій братъ не признаетъ. При этомъ, какъ слѣдуетъ, сплетни, переносы, лазутчики, фавориты и на днѣ всего бѣдные крестьяне, не находившіе ни расправы, ни защиты, и которыхъ тормозили въ разныя стороны, обременяли двойной работой и неустройствомъ капризныхъ требованій.

¹⁾ Кромѣ меня, у моего отца былъ другой сынъ ³⁾, лѣтъ десять старше меня. Я его всегда любилъ, но товарищемъ онъ мнѣ не могъ быть. Лѣтъ съ двѣнадцати и до тридцати онъ провелъ подъ ножомъ хирурговъ. Послѣ ряда истязаній, вынесенныхъ съ чрезвычайнымъ мужествомъ, превративъ цѣлое существованіе въ одну пережегающуюся операцию, доктора объявили его болѣзнь неизлѣчимой. Здоровье было разрушено; обстоятельства и нравъ способствовали окончательно сломать его жизнь. Страницы, въ которыхъ я говорю о его уединенномъ, печальномъ существованіи, выпущены мной; я ихъ не хочу печатать безъ его согласія. А. И. Г.

²⁾ Александръ Алексѣевичъ.

³⁾ Егоръ Ивановичъ Герценъ.

Ссора между братьями имѣла первымъ слѣдствіемъ, поразившимъ ихъ, потерю огромнаго процесса съ графами Дивіеръ, въ которомъ они были правы. Имѣя одинъ интересъ, они не могли никогда согласиться въ образѣ дѣйствія; противная партія, естественно, воспользовалась этимъ. Сверхъ потери большого и прекраснаго имѣнія, сенатъ приговорилъ каждого изъ братьевъ къ уплатѣ проторей и убытковъ *по тридцати тысячъ* руб. асс. ⁸ Этотъ урокъ раскрылъ имъ глаза, и они рѣшились раздѣлиться. Около года продолжались приговорительные толки; имѣнье было разбито на три довольно равныя части; судьба должна была рѣшить, кому какая достанется. Сенаторъ и мой отецъ ѣздили къ брату, котораго, не видали нѣсколько лѣтъ, для переговоровъ и примиренія; потомъ разнесся слухъ, что онъ пріѣдетъ къ намъ для окончанія дѣла. Слухъ о пріѣздѣ старшаго брата распространилъ ужасъ и безпокойство въ нашемъ домѣ.

Это было одно изъ тѣхъ оригинально уродливыхъ существъ, которыя только возможны въ оригинально уродливой русской жизни. Онъ былъ человѣкъ даровитый отъ природы и всю жизнь дѣлалъ нелѣпости, доходившія часто до преступленій. Онъ получилъ порядочное образованіе на французскій манеръ, былъ очень начитанъ и проводилъ время въ развратѣ и празднои пустотѣ до самой смерти. Онъ началъ свою службу тоже съ Измайловскаго полка, состоялъ при Потемкинѣ чѣмъ-то въ родѣ адъютанта, потомъ служилъ при какой-то миссіи и, возвратившись въ Петербургъ, былъ сдѣланъ оберъ-прокуроромъ въ синодѣ. Ни дипломатическій кругъ, ни монашескій не могли укротить необузданный характеръ его. За ссоры съ архіереями онъ былъ отставленъ; за пощечину, которую хотѣлъ дать или далъ на официальномъ обѣдѣ у генераль-губернатора какому-то господину, ему былъ воспрещенъ вѣздъ въ Петербургъ. Онъ уѣхалъ въ свое тамбовское имѣнье; тамъ мужики чуть не убили его за волокитство и свирѣпости; онъ былъ обязанъ своему кучеру и лошадямъ спасеніемъ жизни.

Послѣ этого онъ поселился въ Москвѣ. Покинутый всѣми родными и всѣми посторонними, онъ жилъ одинъ одиноконекъ въ своемъ большомъ домѣ на Тверскомъ бульварѣ; притѣснялъ свою дворню и разорялъ мужиковъ. Онъ завелъ большую библіотеку и цѣлую крѣпостную сераль и то и другое держалъ назаперти. Лишенный всякихъ занятій и скрывая страшное самолюбіе, доходившее до наивности, онъ для разсѣянія скупалъ ненужныя вещи и заводилъ еще болѣе ненужныя тяжбы, которая велъ съ ожесточеніемъ. *Тридцать* лѣтъ длился у него процессъ объ Амаіевской скрипкѣ и кончился тѣмъ, что онъ выигралъ ее. Онъ оттягалъ послѣ не-

обычныхъ усилій стѣну, общую двумъ домамъ, отъ обладанія которой онъ ничего не приобрѣталъ. Будучи въ отставкѣ, онъ, по газетамъ, приравнивая къ себѣ повышеніе своихъ сослуживцевъ, покупалъ ордена, имъ данные, и клалъ ихъ на столѣ, какъ скорбное напоминаніе, чѣмъ и чѣмъ онъ могъ бы быть изукрашенъ!

Братья и сестры его боялись и не имѣли съ нимъ никакихъ сношеній; наши люди обходили его домъ, чтобъ не встрѣтиться съ нимъ, и блѣднѣли при его видѣ; женщины страшились его наглыхъ преслѣдованій, дворовые служили молебны, чтобъ не достаться ему.⁹

И вотъ этотъ-то страшный человѣкъ долженъ былъ пріѣхать къ намъ. Съ утра во всемъ домѣ было необыкновенное волненіе; я никогда прежде не видалъ этого миѣическаго «брата-врага», хотя и родился у него въ домѣ, гдѣ жилъ мой отецъ, послѣ пріѣзда изъ чужихъ краевъ;¹⁰ мнѣ очень хотѣлось его посмотреть и въ то же время я боялся, не знаю чего, но очень боялся.

Часа за два передъ нимъ явился старшій племянникъ¹⁾ моего отца, двое близкихъ знакомыхъ и одинъ добрый, толстый и сырой чиновникъ, завѣдывавшій дѣлами. Всѣ сидѣли въ молчаливомъ ожиданіи; вдругъ взошелъ официантъ и какимъ-то не своимъ голосомъ доложилъ: «Братецъ изволили пожаловать». — «Проси»,—сказалъ Сенаторъ съ примѣтнымъ волненіемъ. Мой отецъ принялся нюхать табакъ, племянникъ поправилъ галстукъ, чиновникъ повернулся и откашлянулъ. Мнѣ было велѣно итти наверхъ, я остановился, дрожа всѣмъ тѣломъ, въ другой комнатѣ.

Тихо и важно подвигался «братецъ», Сенаторъ и мой отецъ пошли ему навстрѣчу. Онъ несъ съ собою, какъ носятъ на свадьбахъ и похоронахъ, обѣими руками передъ грудью образъ и протяжнымъ голосомъ, нѣсколько въ носъ, обратился къ братьямъ со слѣдующими словами:

— Этимъ образомъ благословилъ меня предъ своей кончиной нашъ родитель, поручая мнѣ и покойному брату Петру печься о васъ и быть вашимъ отцомъ въ замѣну его... Если-бъ покойный родитель нашъ зналъ ваше поведеніе противъ старшаго брата...

— Ну, mon cher frère,—замѣтилъ мой отецъ своимъ изученно безстрастнымъ голосомъ,—хорошо и вы исполнили послѣднюю волю родителя... Лучше было бы забыть эти тяжелыя напоминовенія для васъ да и для насъ.

— Какъ?! Что?!—закричалъ набожный братецъ. Вы меня за этимъ звали?!...—и такъ бросилъ образъ, что серебряная риза его задрезжала. Тутъ и Сенаторъ закричалъ голосомъ еще страшнѣй-

¹⁾ Дмитрій Павловичъ Голохвастовъ.

шимъ. Я опрометью бросился на верхній этажъ и только успѣлъ видѣть, что чиновникъ и племянникъ, испуганные не меньше меня, ретировались на балконъ.

Что было и какъ было, я не умѣю сказать; испуганные люди забились въ углы, никто ничего не зналъ о происходившемъ; ни Сенаторъ, ни мой отецъ никогда при мнѣ не говорили объ этой сценѣ. Шумъ мало-по-малу утихъ, и раздѣлъ имѣнія былъ сдѣланъ, тогда или въ другой день—не помню. ¹¹

Отцу моему досталось Васильевское, большое подмосковное имѣнье въ Рузскомъ уѣздѣ. На слѣдующій годъ мы жили тамъ цѣлое лѣто; въ продолженіе этого времени Сенаторъ купилъ себѣ домъ на Арбатѣ; мы пріѣхали одни на нашу большую квартиру, опустѣвшую и мертвую. ¹² Вскорѣ потомъ и отецъ мой купилъ тоже домъ въ Старой Конюшенной. ¹³

Съ Сенаторомъ удалялся, во-первыхъ, Кало, а, во-вторыхъ, все живое начало нашего дома. Онъ одинъ мѣшалъ ипохондрическому нраву моего отца взять верхъ, теперь ему была вѣля вольная. Новый домъ былъ печаленъ, онъ напоминалъ тюрьму или больницу; нижній этажъ былъ со сводами, толстыя стѣны придавали окнамъ видъ крѣпостныхъ амбразуръ; кругомъ дома со всѣхъ сторонъ былъ ненужной величины дворъ.

Въ сущности, скорѣе надобно дивиться, какъ Сенаторъ могъ такъ долго жить подъ одной крышей съ моимъ отцомъ, чѣмъ тому, что они разѣхались. Я рѣдко видаю двухъ человѣкъ болѣе противоположныхъ, какъ они.

Сенаторъ былъ по характеру человѣкъ добрый и любившій разсѣяннѣ; онъ провелъ всю жизнь въ мірѣ, освѣщенномъ лампами, въ мірѣ официально-дипломатическомъ и придворно-служебномъ, не догадываясь, что есть другой міръ, посерьезнѣе, — несмотря даже на то, что всѣ событія съ 1789 до 1815 не только прошли возлѣ, но зацѣплялись за него. Графъ Воронцовъ ¹⁾ посылалъ его къ лорду Гренвиллю ²⁾, чтобъ узнать о томъ, что предпринимаетъ генералъ Бонапартъ, оставившій египетскую армію. Онъ былъ въ Парижѣ во время коронаціи Наполеона. Въ 1811 году Наполеонъ велѣлъ его остановить и задержать въ Касселѣ, гдѣ онъ былъ посломъ «при царѣ Ерѣмѣ» ³⁾, какъ выражался мой отецъ въ минуты досады. Словомъ, онъ былъ налицо при всѣхъ огромныхъ происшествіяхъ послѣдняго времени, но какъ-то странно, не такъ, какъ слѣдуетъ. ¹⁴

¹⁾ Семенъ Романовичъ, посоль въ Лондонѣ.

²⁾ Вильямъ Виндгамъ, англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ.

³⁾ Иеронимъ Бонапартъ, король вестфальскій.

Лейбъ-гвардіи капитаномъ Измайловскаго полка онъ находился при миссіи въ Лондонъ; Павелъ, увидя это въ спискахъ, велѣлъ ему немедленно явиться въ Петербургъ. Дипломатъ-воинъ отправился съ первымъ кораблемъ и явился на разводъ.

— Хочешь оставаться въ Лондонъ?—спросилъ сильнымъ голосомъ Павелъ.

— Если в. в. угодно будетъ мнѣ позволить,—отвѣчалъ капитанъ при посольствѣ.

— Ступай назадъ, не теряя времени,—отвѣтилъ Павелъ сильнымъ голосомъ, и онъ отправился, не повидавшись даже съ родными, жившими въ Москвѣ.

Пока дипломатическіе вопросы разрѣшались штыками и картечью, онъ былъ посланникомъ и заключилъ свою дипломатическую карьеру во время Вѣнскаго конгресса, этого свѣтлаго праздника всѣхъ дипломатій. Возвратившись въ Россію, онъ былъ произведенъ въ дѣйствительные камергеры въ Москвѣ, гдѣ нѣтъ двора. Не зная законовъ и русскаго судопроизводства, онъ попалъ въ сенатъ, сдѣлался членомъ опекунскаго совѣта, начальникомъ Марьинскій больницы, начальникомъ Александринскаго института и все исполнялъ съ рвеніемъ, которое врядъ было ли нужно, со строптивостью, которая вредила, съ честностью, которую никто не замѣчалъ.

Онъ никогда не бывалъ дома. Онъ заѣзжалъ въ день двѣ четверки здоровыхъ лошадей: одну утромъ, одну послѣ обѣда. Сверхъ сената, который онъ никогда не забывалъ, опекунскаго совѣта, въ которомъ бывалъ два раза въ недѣлю, сверхъ больницы и института, онъ не пропускалъ почти ни одинъ французскій спектакль и ѣздилъ раза три въ недѣлю въ англійскій клубъ. Скучать ему было некогда, онъ всегда былъ занятъ, разсѣянъ, онъ все ѣхалъ куда-нибудь, и жизнь его легко катилась на рессорахъ по міру обертокъ и переплетовъ.

Зато онъ до семидесяти пяти лѣтъ былъ здоровъ, какъ молодой человѣкъ, являлся на всѣхъ большихъ балахъ и обѣдахъ, на всѣхъ торжественныхъ собраніяхъ и годовыхъ актахъ,—все равно какихъ: агрономическихъ или медицинскихъ, страхового отъ огня общества или общества естествоиспытателей... да, сверхъ того, зато же, можетъ, сохранилъ до старости долю человѣческаго сердца и нѣкоторую теплоту.

Нельзя ничего себѣ представить болѣе противоположнаго вѣчно движущемуся, сангвиническому Сенатору, иногда заѣзжавшему домой, какъ моего отца, почти никогда не выходившаго со двора, ненавидѣвшаго весь официальный міръ, вѣчно капризнаго.

и недовольнаго. У насъ было тоже восемь лошадей (прескверныхъ), но наша конюшня была въ родѣ богоугоднаго заведенія для клячъ; мой отецъ ихъ держалъ отчасти для порядка и отчасти для того, чтобъ два кучера и два фореитора имѣли какое-нибудь занятіе, сверхъ хожденія за «Московскими Вѣдомостями» и пѣтушинныхъ боевъ, которые они завели съ успѣхомъ между каретнымъ сараемъ и сосѣднимъ дворомъ.

Отецъ мой почти совсѣмъ не служилъ; воспитанный французскимъ гувернеромъ въ домѣ набожной и благочестивой тетки ¹⁾, онъ лѣтъ шестнадцати поступилъ въ Измайловскій полкъ сержантомъ; послужилъ до павловскаго воцаренія и вышелъ въ отставку гвардіи капитаномъ; въ 1801 онъ уѣхалъ за границу и прожилъ, скитаясь изъ страны въ страну, до конца 1811 года. ¹⁵ Онъ возвратился съ моей матерью за три мѣсяца до моего рожденія и, проживши годъ въ тверскомъ имѣніи послѣ московскаго пожара, переѣхалъ на житье въ Москву, стараясь, какъ можно уединеннѣе и скучнѣе, устроить жизнь. Живость брата ему мѣшала.

Послѣ переѣзда Сенатора, все въ домѣ стало принимать болѣе и болѣе угрюмый видъ. Стѣны, мебель, слуги, — все смотрѣло съ неудовольствіемъ, исподлобья; само собою разумѣется, всѣхъ недовольнѣе былъ мой отецъ самъ. Искусственная тишина, шопоть, осторожные шаги прислуги выражали не вниманіе, а подавленность и страхъ. Въ комнатахъ все было неподвижно, пять-шесть лѣтъ однѣ и тѣ же книги лежали на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ и въ нихъ—тѣ же замѣтки. Въ спальнѣ и кабинетѣ моего отца годы цѣлыя не передвигалась мебель, не отворялись окна. Уѣзжая въ деревню, онъ бралъ ключъ отъ своей комнаты въ карманъ, чтобъ безъ него не вздумали вымыть половъ или почистить стѣны,

¹⁾ Кн. Анна Борисовна Мещерская.

ГЛАВА II.

Разговоръ нянюшекъ и бесѣда генераловъ.— Ложное положеніе.— Русскіе энциклопедисты.— Скука.— Дѣвичья и передняя.— Два нѣмца.— Ученье и чтенье.— Катехизисъ и Евангеліе.

Лѣтъ до десяти я не замѣчалъ ничего страннаго, особеннаго въ моемъ положеніи; мнѣ казалось естественно и просто, что я живу въ домѣ моего отца, что у него на половинѣ я держу себя чинно, что у моей матери другая половина, гдѣ я кричу и шалю, сколько душѣ угодно. Сенаторъ баловалъ меня и дарилъ игрушки Кало носилъ на рукахъ, Вѣра Артамоновна одѣвала меня, клала спать и мыла въ корытѣ, т-те Прово водила гулять и говорила со мной по-нѣмецки. Все шло своимъ порядкомъ, а между тѣмъ, я началъ призадумываться. ¹⁶

Бѣглыя замѣчанія, неосторожно сказанныя слова стали обращать мое вниманіе. Старушка Прово и вся дворня любили безъ памяти мою мать, боялись и вовсе не любили моего отца. Домашнія сцены, возникавшія иногда между ними, служили часто темой разговоровъ т-те Прово съ Вѣрой Артамоновной, бравшихъ всегда сторону моей матери.

Моя мать, дѣйствительно, имѣла много непріятностей. Женщина чрезвычайно добрая, но безъ твердой воли, она была совершенно подавлена моимъ отцомъ и, какъ всегда бываетъ съ слабыми натурами, дѣлала отчаянную оппозицію въ мелочахъ и бездѣлицахъ. По несчастью, именно въ этихъ мелочахъ отецъ мой былъ почти всегда правъ, и дѣло оканчивалось его торжествомъ.

— Я, право,—говаривала, на примѣръ, т-те Прово,—на мѣстѣ барыни просто взяла бы да и уѣхала въ Штутгартъ; какая отрада? все капризы да непріятности,—скука смертная.

— Разумѣется,—добавляла Вѣра Артамоновна,—да вотъ что связало по рукамъ и ногамъ,—и она указывала спицами чулка на меня.— Взять съ собой—куда? къ чему? Покинуть здѣсь одного, съ нашими порядками, это и вчужѣ жаль!

Дѣти, вообще, проницательнѣе, нежели думаютъ; они быстро разсѣиваются, на время забываютъ, что ихъ поразило, но упорно возвращаются, особенно ко всему таинственному или страшному, и допытываются съ удивительной настойчивостью и ловкостью до истины.

Однажды настороженный, я въ нѣсколько недѣль узналъ всѣ подробности о встрѣчѣ моего отца съ моей матерью, о томъ, какъ она рѣшилась оставить родительскій домъ, какъ была спрятана въ русскомъ посольствѣ въ Кассель у Сенатора и въ мужскомъ платьѣ переѣхала границу. Все это я узналъ, ни разу не сдѣлавъ никому ни одного вопроса.

Первое слѣдствіе этихъ открытій было отдаленіе отъ моего отца за сцены, о которыхъ я говорилъ. Я ихъ видѣлъ и прежде, но мнѣ казалось, что это въ совершенномъ порядкѣ; я такъ привыкъ, что все въ домѣ, не исключая Сенатора, боялось моего отца, что онъ всѣмъ дѣлалъ замѣчанія, что не находилъ этого страннымъ. Теперь я сталъ иначе понимать дѣло, и мысль, что доля всего выносится за меня, завлакивала иной разъ темнымъ и тяжелымъ облакомъ свѣтлую дѣтскую фантазію.

Вторая мысль, укоренявшаяся во мнѣ съ того времени, состояла въ томъ, что я гораздо меньше заишу отъ моего отца, нежели вообще дѣти. Эта самобытность, которую я самъ себѣ выдумалъ, мнѣ нравилась.

Года черезъ два или три, разъ вечеромъ сидѣли у моего отца два товарища по полку: П. К. Эссенъ, оренбургскій ген.-губернаторъ, и А. Н. Бахметевъ, бывшій намѣстникомъ въ Бессарабіи, генералъ, которому подъ Бородинымъ оторвало ногу ¹⁾). Комната моя была возлѣ залы, въ которой они усѣлись. Между прочимъ, мой отецъ сказалъ имъ, что онъ говорилъ съ княземъ Юсуповымъ ²⁾ насчетъ опредѣленія меня на службу.

— Время терять нечего,—прибавилъ онъ,—вы знаете, что ему

¹⁾ Былъ генералъ-губернаторомъ нижегородскимъ, казанскимъ, пензенскимъ и симбирскимъ. Сынъ его Николай А. получилъ имя и графское достоинство своего внучатнаго брата гр. Протасова и сталъ гр. Протасовымъ-Бахметевымъ.

²⁾ Николай Борисовичъ, главноуправляющій экспедиціей кремлевскаго строенія.

надобно долго служить для того, чтобъ до чего-нибудь дослужиться.

— Что тебѣ, братецъ, за охота, — сказалъ добродушно Эссенъ, — дѣлать изъ него писаря? Поручи мнѣ это дѣло, я его запишу въ уральскіе казаки, въ офицеры его выведемъ, — это главное, потомъ своимъ чередомъ и пойдетъ, какъ мы всѣ.

Мой отецъ не соглашался. говорилъ, что онъ разлюбилъ все военное, что онъ надѣется помѣстить меня со временемъ гдѣ-нибудь при миссіи въ тепломъ краѣ, куда и онъ бы поѣхалъ оканчивать жизнь.

Бахметевъ, мало бравшій участія въ разговорѣ, сказалъ, вставая на своихъ костыляхъ: «Мнѣ кажется, что вамъ слѣдовало бы очень подумать о совѣтѣ Петра Кирилловича. Не хотите записывать въ Оренбургъ, можно и здѣсь записать. Мы съ вами — старые друзья, и я привыкъ говорить съ вами откровенно, — штатской службой, университетомъ вы ни *вашему молодому человеку* не сдѣлаете добра, ни пользы для общества. Онъ явнымъ образомъ *въ ложномъ положеніи*; одна военная служба можетъ разомъ раскрыть карьеру и поправить его. Прежде, чѣмъ онъ дойдетъ до того, что будетъ командовать ротой, всѣ опасныя мысли улягутся. Военная дисциплина — великая школа; дальнѣйшее зависитъ отъ него. Вы говорите, что онъ имѣетъ способности, да развѣ въ военную службу идутъ одни дураки? А мы-то съ вами да и весь нашъ кругъ? Одно вы можете возразить, что ему дольше надобно служить до офицерскаго чина, да въ этомъ-то именно мы и поможемъ вамъ».

Разговоръ этотъ стоилъ замѣчаній m-me Прово и Вѣры Артамоновны. Мнѣ тогда уже было лѣтъ 13 ¹⁾. Такіе уроки, переворачиваемые на всѣ стороны, разбираемые недѣли, мѣсяцы въ совершенномъ одиночествѣ, приносили свой плодъ. Результатомъ этого разговора было то, что я, мечтавшій прежде, какъ всѣ дѣти, о военной службѣ и мундирѣ, чуть не плакавшій о томъ, что мой отецъ хотѣлъ изъ меня сдѣлать статскаго, вдругъ охладѣлъ къ военной службѣ и, хотя не разомъ, но мало-по-малу искоренилъ до тла любовь и нѣжность къ эполетамъ, аксельбантамъ, лампасамъ. Еще разъ, впрочемъ, потухающая страсть къ мундиру вспыхнула. Родственникъ нашъ ²⁾, учившійся въ пансіонѣ въ Москвѣ и приходившій иногда по праздникамъ къ намъ, поступилъ въ Ямбургскій уланскій полкъ. Въ 1825 году онъ пріѣзжалъ юнкеромъ

¹⁾ Ошибка, — разговоръ происходилъ не въ 1825, а въ 1820 г.

²⁾ Алексѣй Петровичъ Кучинъ.

въ Москву и остановился у насъ на нѣсколько дней. Сильно билось сердце, когда я его увидѣлъ со всѣми шнурками и шнурочками, съ саблей и въ четырехугольномъ киверѣ, надѣтомъ немного на бокъ и привязанномъ на шнуркѣ. Онъ былъ лѣтъ семнадцати и небольшого роста. Утромъ на другой день я одѣлся въ его мундиръ, надѣлъ саблю и киверъ и посмотрѣлъ въ зеркало. Боже мой, какъ я казался себѣ хорошъ въ синемъ куцомъ мундирѣ съ красными выпушками! А этишкеты, а помпонъ, а лядунка!.. что съ ними въ сравненіи была камлотовая куртка, которую я носилъ дома, и желтые китайчатые панталоны?

Пріѣздъ родственника потрясъ, было, дѣйствіе генеральской рѣчи, но вскорѣ обстоятельства снова и окончательно отклонили мой умъ отъ военного мундира.

Внутренній результатъ думъ о «ложномъ положеніи» былъ довольно сходенъ съ тѣмъ, который я вывелъ изъ разговоровъ двухъ нянюшекъ. Я чувствовалъ себя свободнѣе отъ общества, котораго вовсе не зналъ, чувство алъ, что, въ сущности, я оставленъ на собственныя свои силы, и съ нѣсколько дѣтской згносивостью думалъ, что покажу себя Алексѣю Николаевичу ¹⁾ съ товарищами.

При всемъ этомъ можно себѣ представить, какъ томно и однообразно шло для меня время въ странномъ аббатствѣ родительскаго дома. Не было мнѣ ни поощреній, ни разсвѣній; отецъ мой былъ почти всегда мною недоволенъ,—онъ баловалъ меня только лѣтъ до десяти; товарищей не было, учителя приходили и уходили, и я украдкой убѣгалъ, провожая ихъ на дворъ, поиграть съ дворовыми мальчиками, что было строго запрещено. Остальное время я скитался по большимъ почернѣлымъ комнатамъ съ закрытыми окнами днемъ, едва освѣщенными вечеромъ, ничего не дѣлая или читая всякую всячину.

Передняя и дѣвичья составляли единственное живое удовольствіе, которое у меня оставалось. Тутъ мнѣ было совершенное раздолье, я бралъ партію однихъ противъ другихъ, судилъ и рядилъ вмѣстѣ съ моими пріятелями ихъ дѣла, зналъ всѣ ихъ секреты и никогда не проболтался въ гостиной о тайнахъ передней.

На этомъ предметѣ нельзя не остановиться. Я, впрочемъ, вовсе не бѣгу отъ отступленій и эпизодовъ,—такъ идетъ всякій разговоръ, такъ идетъ самая жизнь.

Дѣти, вообще, любятъ слугъ; родители запрещаютъ имъ сблизжаться съ ними, особенно въ Россіи; дѣти не слушаютъ ихъ, по-

¹⁾ Бахметевъ.

тому что въ гостиной скучно, а въ дѣвичьей весело. Въ этомъ случаѣ, какъ въ тысячѣ другихъ, родители не знаютъ, что дѣлаютъ. Я никакъ не могу себѣ представить, чтобъ наша передняя была вреднѣе для дѣтей, чѣмъ наша «чайная» или «диванная». Въ передней дѣти перенимаютъ грубыя выраженія и дурныя манеры, это правда; но въ гостиной они принимаютъ грубыя мысли и дурныя чувства.

Самый приказъ удалаться отъ людей, съ которыми дѣти въ непрерывномъ сношеніи, безнравствененъ.

Много толкують у насъ о глубокомъ развратѣ слугъ, особенно крѣпостныхъ. Они, дѣйствительно, не отличаются примѣрной строгостью поведенія; нравственное паденіе ихъ видно уже изъ того, что они слишкомъ многое выносятъ, слишкомъ рѣдко возмущаются и даютъ отпоръ. Но не въ этомъ дѣло. Я желалъ бы знать, которое сословіе въ Россіи меньше ихъ развращено? Неужели дворянство или чиновники? Быть можетъ, духовенство?

Что же вы смѣтесъ?

Развѣ одни крестьяне найдутъ кой-какія права...

Разница между дворянами и дворовыми такъ же мала, какъ между ихъ названіями. Я ненавижу, особенно послѣ бѣды 1848 года, демагогическую лесть толпѣ, но аристократическую клевету на народъ ненавижу еще больше. Представляя слугъ и рабовъ распутными звѣрями, плантаторы отводятъ глаза другимъ и заглушаютъ крики совѣсти въ себѣ. Мы рѣдко лучше черни, но выражаемся мягче, ловче скрываемъ эгоизмъ и страсти; наши желанія не такъ грубы и не такъ явны отъ легкости удовлетворенія, отъ привычки не сдерживаться; мы просто богаче, сѣтѣе и вслѣдствіе этого взыскательнѣе. Когда графъ Альмавива исчислилъ севильскому цырюльнику качества, которыя онъ требуетъ отъ слуги, Фигаро замѣтилъ, вздыхая: «Если слугѣ надобно имѣть всѣ эти достоинства, много ли найдется господъ, годныхъ быть лакеями?»

Развратъ въ Россіи вообще не глубокъ, онъ больше дикъ и саленъ, шуменъ и грубъ, растрепанъ и безстыденъ, чѣмъ глубокъ. Духовенство, запершись дома, пьянствуетъ и обжирается съ купечествомъ. Дворянство пьянствуетъ на бѣломъ свѣтѣ, играетъ на пропалую въ карты, дерется съ слугами, развратничаетъ съ горничными, ведетъ дурно свои дѣла и еще хуже — семейную жизнь. Чиновники дѣлаютъ то же, но грязнѣе да, сверхъ того, подличаютъ передъ начальниками и воруютъ по мелочи. Дворяне, собственно, меньше воруютъ, они открыто берутъ чужое, впрочемъ, гдѣ случится, похулы на руку не кладутъ.

Всѣ эти милыя слабости встрѣчаются въ формѣ еще грубѣйшей.

у чиновниковъ, стоящихъ за 14 классомъ, у дворянъ, принадлежащихъ не царю, а помѣщикамъ. Но чѣмъ они хуже другихъ, какъ сословіе, я не знаю.

Перебирая воспоминанія мои не только о дворовыхъ нашего дома и Сенатора, но о слугахъ двухъ-трехъ близкихъ намъ домовъ въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ, я не помню ничего особенно порочнаго въ ихъ поведеніи. Разяѣ, придется говорить о небольшихъ кражахъ... но тутъ понятія такъ сбиты положеніемъ, что трудно судить: *человѣкъ-собственность* не церемонится съ *своимъ* товарищемъ и поступаетъ за панибрата съ барскимъ добромъ. Справедливѣе слѣдуетъ исключить какихъ-нибудь временщиковъ, фаворитовъ и фаворитокъ, барскихъ барынь, наушниковъ; но, во-первыхъ, они составляютъ исключеніе, это — Клейнмихели ¹⁾ конюшни, Бенкендорфы отъ погреба, Перекусихины ²⁾ въ затрапезномъ платьѣ, Помпадуръ ³⁾ на босую ногу; сверхъ того, они-то и ведутъ себя всѣхъ лучше, напиваются только ночью и платья своего не закладываютъ въ питейный домъ.

Простодушный развратъ прочихъ вертится около стакана вина и бутылки пива, около веселой бесѣды и трубки, самовольныхъ отлучекъ изъ дома, ссоръ, иногда доходящихъ до дракъ, плутней съ господами, требующими отъ нихъ нечеловѣческаго и невозможнаго. Разумѣется, отсутствіе, съ одной стороны, всякаго воспитанія, съ другой,—крестьянской простоты, при рабствѣ, внесло бездну уродливаго и искаженнаго въ ихъ нравы, но при всемъ этомъ они, какъ негры въ Америкѣ, остались полудѣтьми: бездѣлица ихъ тѣшить, бездѣлица огорчаетъ; желанія ихъ ограничены и скорѣе наивны и человѣчественны, чѣмъ порочны.

Вино и чай, кабакъ и трактиръ — двѣ постоянныя страсти русскаго слуги; для нихъ онъ крадетъ, для нихъ онъ бѣденъ, изъ-за нихъ онъ выноситъ гоненія, наказанія и покидаетъ семью въ нищетѣ. Ничего нѣтъ легче, какъ съ высоты трезваго опьяненія патера Метью осуждать пьянство и, сидя за чайнымъ столомъ, удивляться, для чего слуги ходятъ пить чай въ трактиръ, а не пьютъ его дома, несмотря на то, что дома дешѣвле.

Вино оглушаетъ человѣка, даетъ возможность забыться, искусственно веселитъ, раздражаетъ; это оглушеніе и раздраженіе

¹⁾ П. А. Клейнмихель, министръ путей сообщенія при Николаѣ I, извѣстный своей прикосновенностью къ массѣ злоупотребленій.

²⁾ Марія Саввична Перекусихина любимая камеръ-юнгфера Екатерины II, вѣдавшая любовныя интрижки императрицы.

³⁾ Маркиза, фаворитка Людовика XV.

тѣмъ больше нравятся, чѣмъ меньше человѣкъ развить и чѣмъ больше сведень на узкую, пустую жизнь. Какъ же не пить слугѣ, осужденному на вѣчную переднюю, на всегдашнюю бѣдность, на рабство, на продажу? Онъ пьетъ черезъ край, когда можетъ, потому что не можетъ пить всякій день; это замѣтилъ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, Сенковскій въ «Библиотекѣ для Чтенія» ¹⁾. Въ Итали и южной Франціи нѣтъ пьяницъ, оттого что много вина. Дикое пьянство англійскаго работника объясняется точно такъ же. Эти люди сломились въ безвыходной и неравной борьбѣ съ голодомъ и нищетой; какъ они ни бились, они вездѣ встрѣчали свинцовый сводъ и суровый отпоръ, отбрасывавшій ихъ на мрачное дно общественной жизни и осуждавшій на вѣчную работу безъ цѣли, снѣдавшую умъ вмѣстѣ съ тѣломъ. Что же тутъ удивительнаго, что, пробывъ шесть дней рычагомъ, колесомъ, пружиной, винтомъ, человѣкъ дико вырывается въ субботу вечеромъ изъ каторги мануфактурной дѣятельности и въ полчаса напивается пьянъ, тѣмъ больше, что его изнуреніе не много можетъ вынести. Лучше бы и моралисты пили себѣ Irish или Scotch Whiskey ²⁾ да молчали бы, а то съ ихъ безчеловѣчной филантропіей они накличутся на страшные отвѣты.

Пить чай въ трактирѣ имѣетъ другое значеніе для слугъ. Дома ему чай не въ чай; дома ему все напоминаетъ, что онъ—слуга; дома у него грязная людская; онъ долженъ самъ поставить самоваръ; дома у него чашка съ отбитой ручкой, и всякую минуту баринъ можетъ позвонить. Въ трактирѣ онъ—вольный человѣкъ, онъ—господинъ, для него накрытъ столъ, зажжены лампы, для него несется съ подносомъ половой, чашки блестятъ, чайникъ блеститъ, онъ приказываетъ,—его слушаютъ, онъ радуется и весело требуетъ себѣ паусной икры или растегайчикъ къ чаю.

Во всемъ этомъ больше дѣтскаго простодушія, чѣмъ безнравственности. Впечатлѣнія ими овладѣваютъ быстро, но не пускаютъ корней; умъ ихъ постоянно занятъ или, лучше, разсѣянъ случайными предметами, небольшими желаніями, пустыми цѣлями. Ребячья вѣра во все чудесное заставляетъ трусить взрослога мужчину, и та же ребячья вѣра утѣшаетъ его въ самыя тяжелыя минуты. Я съ удивленіемъ присутствовалъ при смерти двухъ или трехъ изъ слугъ моего отца: вотъ гдѣ можно было судить о простодушномъ безпечіи, съ которымъ проходила ихъ жизнь, о томъ, что на ихъ

¹⁾ Осипъ Ивановичъ, писатель, редакторъ этого журнала.

²⁾ Ирландская или шотландская водка.

совѣсти вовсе не было большихъ грѣховъ, а если кой-что случилось, такъ уже покончено на духу съ «батюшкой».

На этомъ сходствѣ дѣтей съ слугами и основано взаимное пристрастіе ихъ. Дѣти ненавидятъ аристократію взрослыхъ и ихъ благосклонно-снисходительное обращеніе, оттого что они умны и понимаютъ, что для нихъ они—дѣти, а для слугъ—лица. Вслѣдствіе этого, они гораздо больше любятъ играть въ карты и лото съ горничными, чѣмъ съ гостями. Гости играютъ для *нихъ* изъ снисхожденія, уступаютъ имъ, дразнятъ ихъ и оставляютъ игру, какъ вздумается; горничныя играютъ обыкновенно столько же для себя, сколько для дѣтей; отъ этого игра получаетъ интересъ.

Прислуга чрезвычайно привязывается къ дѣтямъ, и это—вовсе не рабская привязанность, это—взаимная любовь *слабыхъ* и *простыхъ*.

Встарь бывала, какъ теперь въ Турціи, патриархальная, династическая любовь между помѣщиками и дворовыми. Нынче нѣтъ больше на Руси усердныхъ слугъ, преданныхъ роду и племени своихъ господъ. И это понятно. Помѣщикъ не вѣритъ въ свою власть, не думаетъ, что онъ будетъ отвѣчать за своихъ людей на страшномъ судилищѣ Христовомъ, а пользуется ею изъ выгоды. Слуга не вѣритъ въ свою подчиненность и выноситъ насиліе, не какъ кару Божію, не какъ искусство, а просто оттого, что онъ беззащитенъ: сила солому ломить.

Я знавалъ еще въ молодости два-три образчика этихъ фанатиковъ рабства, о которыхъ со вздохомъ говорятъ восьмидесятилѣтніе помѣщики, повѣствуя о ихъ неусыпной службѣ, о ихъ великомъ усердіи и забывая прибавить, чѣмъ ихъ отцы и они сами платили за такое самоотверженіе.

Въ одной изъ деревень Сенатора проживалъ на покоѣ, т.-е. на хлѣбѣ, дряхлый старикъ Андрей Степановъ.

Онъ былъ камердинеромъ Сенатора и моего отца во время ихъ службы въ гвардіи, добрый, честный и трезвый человекъ, глядѣвшій въ глаза молодымъ господамъ и угадывавшій, по ихъ собственнымъ словамъ, ихъ волю, что, думаю, было не легко. Потомъ онъ управлялъ подмосковной. Отрѣзанный сначала войной 1812 года отъ всякаго сообщенія, потомъ одинъ, безъ денегъ, на пепелищѣ выгорѣлаго села, онъ продалъ какія-то бревна, чтобы не умереть съ голоду. Сенаторъ, возвратившись въ Россію, принялся приводить въ порядокъ свое имѣніе и, наконецъ, добрался до бревенъ. Въ наказаніе онъ отобралъ его должность и отправилъ его въ опалу. Старикъ, обремененный семьей, поплелся на подножный кормъ. Намъ приходилось проѣзжать и останавливаться на день, на два въ деревнѣ, гдѣ жилъ Андрей Степановъ. Дряхлый старецъ, разби-

тый параличемъ, приходилъ всякій разъ, опираясь на костыль, поклониться моему отцу и поговорить съ нимъ.

Преданность и кротость, съ которой онъ говорилъ, его несчастный видъ, космы желто-сѣдыхъ волосъ по обѣимъ сторонамъ голаго черепа глубоко трогали меня. «Слышалъ я, государь мой»,— говорилъ онъ однажды,—«что братецъ вашъ еще кавалерію изволилъ получить. Старъ, батюшка, становлюсь, скоро Богу душу отдамъ, а, вѣдь, не сподобилъ меня Господь видѣть братца въ кавалеріи; хоть бы разъ передъ кончиной лицезрѣть ихъ въ лентѣ и во всѣхъ регаліяхъ!»

Я смотрѣлъ на старика: его лицо было такъ дѣтски откровенно, сторбленная фигура его, болѣзненно перекошенное лицо, потухшіе глаза, слабый голосъ,—все внушало довѣріе; онъ не лгалъ, онъ не льстилъ, ему, дѣйствительно, хотѣлось видѣть прежде смерти въ «кавалеріи и регаліяхъ» человѣка, который лѣтъ пятнадцать не могъ ему простить какихъ-то бревенъ. Что это: святой, или безумный? Да не одни ли безумные и достигаютъ святости?

Новое поколѣніе не имѣетъ этого идолопоклонства, и если бываютъ случаи, что люди не хотятъ на волю, то это, просто отъ лѣни и изъ матеріальнаго разсчета. Это развратнѣе, спору нѣтъ, но ближе къ концу; они навѣрное, если что-нибудь и хотятъ видѣть на шеѣ господъ, то не владимірскую ленту.

Скажу здѣсь кстати о положеніи нашей прислуги вообще.

Ни Сенаторъ, ни отецъ мой не тѣснили особенно дворовыхъ, т.-е. не тѣснили ихъ физически. Сенаторъ былъ вспылчивъ, нетерпѣливъ и именно потому часто грубъ и несправедливъ; но онъ такъ мало имѣлъ съ ними соприкосновенія и такъ мало ими занимался, что они почти не знали другъ друга. Отецъ мой докучалъ имъ капризами, не пропускалъ ни взгляда, ни слова, ни движенія и безпрестанно училъ; для русскаго человѣка это часто хуже боевъ и брани.

Тѣлесныя наказанія были почти неизвѣстны въ нашемъ домѣ, и два-три случая, въ которые Сенаторъ и мой отецъ прибѣгали къ гнусному средству «частнаго дома», были до того необыкновенны, что объ нихъ вся дворня говорила цѣлые мѣсяцы; сверхъ того, они были вызываемы значительными проступками.

Чаще отдавали дворовыхъ въ солдаты; наказаніе это приводило въ ужасъ всѣхъ молодыхъ людей: безъ роду, безъ племени, они все же лучше хотѣли остаться крѣпостными, нежели двадцать лѣтъ тянуть лямку. На меня сильно дѣйствовали эти страшныя сцены... Являлись два полицейскіе солдата, по зову помѣщика; они воровски, невзначай, врасплохъ брали назначеннаго человѣка;

староста обыкновенно тутъ объявлялъ, что баринъ съ вечера приказалъ представить его въ присутствіе, и человекъ сквозь слезы куражился, женщины плакали, всѣ давали подарки, и я отдавалъ все, что могъ, т.-е. какой-нибудь двугривенный, шейный платокъ.

Помню я еще, какъ какому-то старостѣ за то, что онъ истратилъ собранный оброкъ, отецъ мой велѣлъ обрить бороду. Я ничего не понималъ въ этомъ наказаніи, но меня поразилъ видъ старика лѣтъ шестидесяти: онъ плакалъ навзрыдъ, кланялся въ землю и просилъ положить на него, сверхъ оброка, сто цѣлковыхъ штрафа, но помиловать отъ безчестья.

Когда Сенаторъ жилъ съ нами, общая прислуга состояла изъ тридцати мужчинъ и почти столькихъ же женщинъ; замужнія, впрочемъ, не несли никакой службы, онѣ занимались своимъ хозяйствомъ; на службѣ были пять-шесть горничныхъ и прачки, не ходившія наверхъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить *мальчишекъ* и *дѣвчонокъ*, которыхъ приучали къ службѣ, т.-е. къ праздности, лѣни, лганью и къ употребленію сивухи.

Для характеристики тогдашней жизни въ Россіи, я не думаю, чтобъ было излишнимъ сказать нѣсколько словъ о содержаніи дворовыхъ. Сначала имъ давались 5 рублей ассигн. въ мѣсяцъ на харчи, потомъ 6, женщинамъ рублемъ меньше, дѣтямъ лѣтъ съ десяти—половина. Люди составляли между собой артели и на недостатокъ не жаловались, что свидѣтельствуетъ о чрезвычайной дешевизнѣ съѣстныхъ припасовъ. Наибольшее жалованье состояло изъ 100 руб. асс. въ годъ, другіе получали половину, нѣкоторые 30 рублей въ годъ. Мальчики лѣтъ до восемнадцати не получали жалованья. Сверхъ оклада, людямъ давались платья, шинели, рубашки, простыни, одѣяла, полотенца, матрацы изъ парусины; мальчикамъ, не получавшимъ жалованья, отпускались деньги на нравственную и физическую чистоту, т.-е. на баню и *говѣнде*. Взявъ все въ расчетъ, слуга обходился руб. въ 300 асс.; если къ этому прибавить дивидендъ на лѣкарства, лѣкаря и на съѣстные припасы, случайно привозимые изъ деревни и которые не знали, куда дѣтъ, то мы и тогда не перейдемъ 350 рублей. Это составляетъ *четвертую* часть того, что слуга стоитъ въ Парижѣ или въ Лондонѣ.

Плантаторы обыкновенно вводятъ въ счетъ *страховую* премію рабства, т.-е. содержаніе жены, дѣтей помѣщикомъ и скудный кусокъ хлѣба гдѣ-нибудь въ деревнѣ подъ старость лѣтъ. Конечно, это надобно взять въ расчетъ, но страховая премія сильно понижается преміей *страха* тѣлесныхъ наказаній, невозможностью перемѣны состоянія и гораздо худшаго содержанія.

Я довольно наглядѣлся, какъ страшное сознаніе крѣпостного состоянія убиваетъ, отравляетъ существованіе дворовыхъ, какъ оно гнететъ, одуряетъ ихъ душу. Мужики, особенно оброчные, меньше чувствуютъ личную неволю, они какъ-то умѣютъ не вѣрить своему полному рабству. Но тутъ, сидя на грязномъ залавкѣ передней съ утра до ночи или стоя съ тарелкой за столомъ, нѣтъ мѣста сомнѣнію.

Разумѣется, есть люди, которые живутъ въ передней, какъ рыба въ водѣ,—люди, которыхъ душа никогда не просыпалась, которые взошли во вкусъ и съ своего рода художествомъ исполняютъ свою должность.

Въ этомъ отношеніи было у насъ лицо чрезвычайно интересное—нашъ старый лакей Бакай. Человѣкъ атлетическаго сложения и высокаго роста, съ крупными и важными чертами лица, съ видомъ величайшаго глубокомыслія, онъ дожилъ до преклонныхъ лѣтъ, воображая, что положеніе лакея—одно изъ самыхъ значительныхъ.

Почтенный старецъ этотъ постоянно былъ сердитъ или выпивши или выпивши и сердитъ вмѣстѣ. Должность свою онъ исполнялъ съ какой-то высшей точки зрѣнія и придавалъ ей торжественную важность. Онъ умѣлъ съ особеннымъ шумомъ и трескомъ отбросить ступеньки кареты и хлопалъ дверцами сильнѣе ружейнаго выстрѣла; сумрачно и на вытяжкѣ стоялъ на запяткахъ и всякій разъ, когда его подтряхивало на рытвинѣ, онъ густымъ и недвольнымъ голосомъ кричалъ кучеру: «легче!», несмотря на то, что рытвина уже была на пять шаговъ сзади.

Главное занятіе его, сверхъ ѣзды за каретой,—занятіе, добровольно возложенное имъ на себя, состояло въ обученіи мальчишекъ аристократическимъ манерамъ передней. Когда онъ былъ трезвъ, дѣло еще шло кой-какъ съ рукъ, но когда у него въ головѣ шумѣло, онъ становился педантомъ и тираномъ до невѣроятной степени. Я иногда вступался за моихъ пріятелей, но мой авторитетъ мало дѣйствовалъ на римскій характеръ Бакай; онъ отворялъ мнѣ дверь въ залу и говорилъ: «Вамъ здѣсь не мѣсто, извольте итти, а не то я на рукахъ несусь». Онъ не пропускалъ ни одного движенія, ни одного слова, чтобъ не разбранить мальчишекъ; къ словамъ нерѣдко прибавлялъ онъ и тумакъ или «ковырлялъ масло», т.-е. щелкалъ какъ-то хитро и искусно, какъ пружиной, большимъ пальцемъ и мизинцемъ по головѣ.

Когда онъ разгонялъ, наконецъ, мальчишекъ и оставался одинъ, его преслѣдованія обращались на единственнаго друга его, Макбета,—большую ньюфаундлендскую собаку, которую онъ кор-

милъ, любилъ, чесалъ и холилъ. Посидѣвъ безъ компаніи минуты двѣ-три, онъ сходилъ на дворъ и приглашалъ Макбета съ собой на залавокъ; тутъ онъ заводилъ съ нимъ разговоръ. «Что же ты, дуракъ, сидишь на дворѣ, на морозѣ, когда есть топленая комната? Экая скотина! Что вытарачилъ глаза—ну? Ничего не отвѣчаешь?» За этимъ слѣдовала обыкновенная пощечина. Макбетъ иногда огрызался на своего благодѣтеля; тогда Бакай его упрекалъ, но безъ ласки и уступокъ. «Впрямь, корми собаку,—все собака останется; зубы скалитъ и не подумаетъ, на кого... Блохи бы заѣли безъ меня!» И, обиженный неблагодарностью своего друга, онъ нюхалъ съ гнѣвомъ табакъ и бросалъ Макбету въ носъ что оставалось на пальцахъ, послѣ чего тотъ чихалъ, ужасно неловко лапой снималъ съ глазъ табакъ, попавшій въ носъ, и, съ полнымъ негодованіемъ оставляя залавокъ, царапалъ дверь; Бакай ему отворялъ ее со словомъ «мерзавецъ!» и давалъ ему ногой толчекъ. Тутъ обыкновенно возвращались мальчики, и онъ принимался «ковырять масло».

Прежде Макбета у насъ была легавая собака Берта; она сильно занемогла, Бакай ее взялъ на свой матрацъ и двѣ-три недѣли ухаживалъ за ней. Утромъ рано выхожу я разъ въ переднюю. Бакай хотѣлъ мнѣ что-то сказать, но голосъ у него перемѣнился, и крупная слеза скатилась по щекѣ,—собака умерла. Вотъ еще фактъ для изученія человѣческаго сердца. Я вовсе не думаю, чтобъ онъ и мальчишекъ ненавидѣлъ; это былъ суровый нравъ, подкрѣпляемый сивухою и безсознательно втянувшійся въ поэзію передней

Но рядомъ съ этими дилетантами рабства какіе мрачные образы мучениковъ, безнадежныхъ страдальцевъ печально проходить въ моей памяти!...

У Сенатора былъ поваръ необычайнаго таланта, трудолюбивый, трезвый; онъ шелъ въ гору; самъ Сенаторъ хлопоталъ, чтобъ его приняли въ кухню государя, гдѣ тогда былъ знаменитый поваръ-французъ. Поучившись тамъ, онъ опредѣлился въ англійскій клубъ, разбогатѣлъ, женился, жилъ бариномъ; но веревка крѣпостного состоянія не давала ему ни покойно спать, ни наслаждаться своимъ положеніемъ.

Собравшись съ духомъ и отслуживши молебень Иверской, Алексѣй явился къ Сенатору съ просьбой отпустить его за пять тысячъ асс. Сенаторъ гордился *своимъ* поваромъ точно такъ, какъ гордился *своимъ* живописцемъ, а вслѣдствіе того денегъ не взялъ и сказалъ повару, что отпустить его даромъ послѣ своей смерти.

Поваръ былъ пораженъ, какъ громомъ; погрузилъ, перемѣнился въ лицѣ, сталъ сѣдѣть и... русскій человѣкъ — принялся

попивать. Дѣла свои повелъ онъ спустя рукава, англійскій клубъ ему отказалъ. Онъ нанялся у княгини Трубецкой; княгиня преслѣдовала его мелкимъ скряжничествомъ. Обиженный разъ ею черезъ мѣру, Алексѣй, любившій выражаться краснорѣчиво, сказалъ ей съ своимъ важнымъ видомъ, своимъ голосомъ въ носъ: «какая непрозрачная душа обитаетъ въ вашемъ свѣтлѣйшемъ тѣлѣ!». Княгиня взбѣсилась, прогнала повара и, какъ слѣдуетъ русской барынѣ, написала жалобу Сенатору. Сенаторъ ничего бы не сдѣлалъ, но, какъ учтивый кавалеръ, призвалъ повара, разругалъ его и велѣлъ ему итти къ княгинѣ просить прощенія.

Поваръ къ княгинѣ не пошелъ, а пошелъ въ кабакъ. Въ годъ времени онъ все спустилъ: отъ капитала, приготовленнаго для взноса, до послѣдняго фартука. Жена побилась, побилась съ нимъ да и пошла въ няньки куда-то въ отъѣздъ. О немъ долго не было слуха. Потомъ какъ-то полиція привела Алексѣя, обтерханнаго, одичалаго; его подняли на улицѣ, квартиры у него не было, онъ кочевалъ изъ кабака въ кабакъ. Полиція требовала, чтобъ помѣщикъ его прибралъ. Больно было Сенатору, а, можетъ, и совѣстно; онъ его принялъ довольно кротко и далъ комнату. Алексѣй продолжалъ пить, пьяный шумѣлъ и воображалъ, что сочиняетъ стихи; онъ, дѣйствительно, не былъ лишень какъ-то безпорядочной фантазіи. Мы были тогда въ Васильевскомъ. Сенаторъ, не зная, что дѣлать съ поваромъ, прислалъ его туда, воображая, что мой отецъ уговоритъ его. Но человѣкъ былъ слишкомъ сломленъ. Я тутъ разглядѣлъ, какая сосредоточенная ненависть и злоба противъ господъ лежатъ на сердцѣ у крѣпостнаго человѣка: онъ говорилъ со скрипомъ зубовъ и съ мимикой, которая, особенно въ поварѣ, могла быть опасна. При мнѣ онъ не боялся давать волю языку; онъ меня любилъ и часто, фамиллярно трепля меня по плечу, говорилъ: «добрая вѣтвь испорченнаго древа».

Послѣ смерти Сенатора, мой отецъ далъ ему тотчасъ отпускную; это было поздно и значило сбыть его съ рукъ; онъ такъ и пропалъ.

Рядомъ съ нимъ не могу не вспомнить другой жертвы крѣпостнаго состоянія. У Сенатора былъ, въ родѣ писмоводителя, дворовой человѣкъ лѣтъ 35. Старшій братъ моего отца ¹⁾, умершій въ 1813 году, имѣя въ виду устроить деревенскую больницу, отдалъ его мальчишкомъ какому-то знакомому врачу для обученія фельд-

*

¹⁾ Петръ Алексѣевичъ.

шерскому искусству. Докторъ выпросилъ ему позволеніе ходить на лекціи медико-хирургической академіи; молодой человекъ былъ съ способностями, выучился по-латыни, по-нѣмецки и лѣчилъ кой-какъ. Лѣтъ двадцати пяти онъ влюбился въ дочь какого-то офицера, скрылъ отъ нея свое состояніе и женился на ней. Долго обманъ не могъ продолжаться, жена съ ужасомъ узнала послѣ смерти барина, что они—крѣпостные. Сенаторъ, новый владѣлецъ его, нисколько ихъ не тѣснилъ, онъ даже любилъ молодого Толочанова, но ссора его съ женой продолжалась; она не могла ему простить обмана и бѣжала отъ него съ другимъ. Толочановъ, должно быть, очень любилъ ее: онъ съ этого времени впалъ въ задумчивость, близкую къ помѣшательству, прогуливалъ ночи и, не имѣя своихъ средствъ, тратилъ господскія деньги; когда онъ увидѣлъ, что нельзя свести концовъ, онъ 31 декабря 1821 года отравился.

Сенатора не было дома; Толочановъ взошелъ при мнѣ къ моему отцу и сказалъ ему, что онъ пришелъ съ нимъ проститься и просить его сказать Сенатору, что деньги, которыхъ не достаетъ, истратилъ онъ.

— Ты пьянъ,—сказалъ ему мой отецъ,—поди и выспись.

— Я скоро пойду спать надолго,—сказалъ лѣкарь,—и прошу только не поминать меня зломъ.

Спокойный видъ Толочанова испугалъ моего отца, и онъ, пристальнѣе посмотрѣвъ на него, спросилъ:

— Что съ тобою? ты бредишь?

— Ничего-съ, я только принялъ рюмку мышьяку.

Послали за докторомъ, за полиціей, дали ему рвотное, дали молока... Когда его начало тошнить, онъ удерживался и говорилъ: «Сиди, сиди тамъ, я не съ тѣмъ тебя проглотилъ». Я слышалъ потомъ, когда ядъ сталъ сильнѣе дѣйствовать, его стонъ и страдальческій голосъ, повторявшій: «Жжетъ, жжетъ! огонь!». Кто-то посоветовалъ ему послать за священникомъ, онъ не хотѣлъ и говорилъ Кало, что жизни за гробомъ быть не можетъ, что онъ *настолько знаетъ анатомію*. Часу въ двѣнадцатомъ вечера, онъ спросилъ штабъ-лѣкаря по-нѣмецки, «который часъ?», потомъ, сказавши: «вотъ и новый годъ, поздравляю васъ»,—умеръ.

Утромъ я бросился въ небольшой флигель, служившій баней,—туда снесли Толочанова; тѣло лежало на столѣ въ томъ видѣ, какъ онъ умеръ: во фракѣ, безъ галстука, съ раскрытой грудью; черты его были страшно искажены и уже почернѣли. Это было первое мертвое тѣло, которое я видѣлъ; близкій къ обмороку, я вышелъ вонъ. И игрушки, и картинки, подаренныя мнѣ на новый годъ, не

тѣшили меня; почернѣлый Толочановъ носился передъ глазами, и я слышалъ его: «жжетъ! огонь!». ¹⁷

Въ заключеніе этого печальнаго предмета скажу только одно: на меня передняя не сдѣлала никакого дѣйствительно дурнаго вліянія. Напротивъ, она съ раннихъ лѣтъ развила во мнѣ непреодолимую ненависть ко всякому рабству и ко всякому произволу. Бывало, когда я еще былъ ребенкомъ, Вѣра Артамоновна, желая меня сильно обидѣть за какую-нибудь шалость, говаривала мнѣ: «Дайте срокъ, — вырастете, такой же баринъ будете, какъ другіе». Меня это ужасно оскорбляло. Старушка можетъ быть довольна: *такимъ, какъ другіе*, по крайней мѣрѣ, я не сдѣлался.

Сверхъ передней и дѣвичьей, было у меня еще одно разсѣяніе, и тутъ, по крайней мѣрѣ, не было мнѣ помѣхи: я любилъ чтеніе столько же, сколько не любилъ учиться. Страсть къ бессистемному чтенію была, вообще, однимъ изъ главныхъ препятствій серьезному ученію. Я, на примѣръ, прежде и послѣ терпѣть не могъ теоретическаго изученія языковъ, но очень скоро выучивался кой-какъ понимать и болтать съ грѣхомъ пополамъ, и на этомъ останавливался, потому что этого было достаточно для моего чтенія.

У отца моего вмѣстѣ съ Сенаторомъ была довольно большая библіотека, составленная изъ французскихъ книгъ прошлаго столѣтія. Книги валялись грудями въ сырой нежилой комнатѣ нижняго этажа въ домѣ Сенатора; ключъ былъ у Кало; мнѣ было позволено рыться въ этихъ литературныхъ закромахъ, сколько я хотѣлъ, и я читалъ себѣ да читалъ. Отецъ мой видѣлъ въ этомъ двойную пользу: во-первыхъ, что я скорѣе выучусь по-французски, а сверхъ того, что я занятъ, т.-е. сажу смирно, и притомъ у себя въ комнатѣ. Къ тому же я не всѣ книги показывалъ или клалъ у себя на столѣ,—иныя прятались въ шифоньерку.

Что же я читалъ? Само собою разумѣется, романы и комедіи. Я прочелъ томовъ пятьдесятъ французскаго «Репертуара» и русскаго «Театра» ¹⁾; въ каждой части было по три, по четыре пьесы. Сверхъ французскихъ романовъ, у моей матери были романы Лафонтена, комедіи Коцебу, — я ихъ читалъ раза по два. Не могу сказать, чтобъ романы имѣли на меня большое вліяніе; я бросался съ жадностью на всѣ двусмысленныя или нѣсколько растрепанныя сцены, какъ всѣ мальчики, но онѣ не занимали меня особенно. Гораздо сильнѣйшее вліяніе имѣла на меня пьеса, которую я лю-

¹⁾ «Россійскій Театръ», сборникъ, издавался при Академіи наукъ въ 1785—1794 гг.; вышло 43 части.

билъ безъ ума, перечитывалъ двадцать разъ, и притомъ въ русскомъ переводѣ «Театра» — «Свадьба Фигаро». Я былъ влюбленъ въ Керубино и въ графиню, и, сверхъ того, я самъ былъ Керубино; у меня замирало сердце при чтеніи и, не давая себѣ никакого отчета, я *чувствовала* какое-то новое ощущение. Какъ упоительна казалась мнѣ сцена, гдѣ пажа одѣваются въ женское платье! Мнѣ страшно хотѣлось спрятать на груди чью-нибудь ленту и тайкомъ цѣловать ее. На дѣлѣ я былъ далеку отъ всякаго женскаго общества въ эти лѣта.

Помню только, какъ изрѣдка по воскресеньямъ къ намъ пріѣзжали изъ пансіона двѣ дочери Б. Меньшая, лѣтъ шестнадцати, была поразительной красоты. Я терялся, когда она входила въ комнату, не смѣлъ никогда обращаться къ ней съ рѣчью, а украдкой смотрѣлъ въ ея прекрасные темные глаза, на ея темные кудри. Никогда никому не заикался я объ этомъ, и первое дыханіе любви прошло, не свѣданное никѣмъ, ни даже ею.

Годы спустя, когда я встрѣчался съ нею, сильно билось сердце, и я вспоминалъ, какъ я двѣнадцати лѣтъ отроду молился ея красотѣ.

Я забылъ сказать, что «Вертеръ» меня занималъ почти столько же, какъ «Свадьба Фигаро»; половины романа я не понималъ и пропускалъ, торопясь скорѣе дойти до страшной развязки; тутъ я плакалъ, какъ сумасшедшій. Въ 1839 году «Вертеръ» попался мнѣ случайно подъ руки; это было во Владимірѣ; я рассказалъ моей женѣ, какъ я мальчикомъ плакалъ, и сталъ ей читать послѣднія письма... И когда дошелъ до того же мѣста, слезы полились изъ глазъ, и я долженъ былъ остановиться.

Лѣтъ до четырнадцати, я не могу сказать, чтобъ мой отецъ особенно тѣснилъ меня, но просто вся атмосфера нашего дома была тяжела для живого мальчика. Строптивая и ненужная заботливость о физическомъ здоровьи рядомъ съ полнымъ равнодушіемъ къ нравственному страшно надоѣдала, — предостереженія отъ простуды, отъ вредной пищи, хлопоты при малѣйшемъ насморкѣ, кашлѣ. Зимой я по недѣлямъ сидѣлъ дома, а когда позволялось проѣхаться, то въ теплыхъ сапогахъ, шарфахъ и пр. Дома былъ постоянно нестерпимый жаръ отъ печей. Все это должно было сдѣлать изъ меня хилаго и изнѣженнаго ребенка, если-бъ я не наслѣдовалъ отъ моей матери непреодолимаго здоровья. Она, съ своей стороны, вовсе не дѣлила этихъ предрасудковъ и на своей половинѣ позволяла мнѣ все то, что запрещалось на половинѣ моего отца.

Ученіе шло плохо, безъ соревнованія, безъ поощреній и одобреній; безъ системы и безъ надзору я занимался спуская рукава и

думалъ памятью и живымъ соображеніемъ замѣнить трудъ. Разаумѣется, что и за учителями не было никакого присмотра; однажды условившись въ цѣнѣ, лишь бы они приходили въ свое время и сидѣли своей часъ,—они могли продолжать годы, не отдавая никакого отчета въ томъ, что дѣлали.

Однимъ изъ самыхъ странныхъ эпизодовъ моего тогдашняго ученія было приглашеніе французскаго актера Далеса давать мнѣ уроки декламациі.

«Нынче на это не обращаютъ вниманія,—говорилъ мнѣ мой отецъ,—а вотъ братъ Александръ,—онъ шесть мѣсяцевъ съ ряду всякій вечеръ читалъ съ Офренемъ ¹⁾ *le récit de Thérémène* ²⁾ и все не могъ дойти до того совершенства, котораго хотѣлъ Офрень».

Затѣмъ принялся я за декламацию.

«А что, *monsieur Dalès*,—спросилъ его разъ мой отецъ,—вы можете, я полагаю, давать уроки танцованія?»

Далесъ, толстый старикъ за шестьдесятъ лѣтъ, съ чувствомъ глубокаго сознанія своихъ достоинствъ, но и съ не меньше глубокимъ чувствомъ скромности отвѣчалъ, что онъ не можетъ судить о своихъ талантахъ, но что онъ часто *давалъ советъ* въ балетныхъ танцахъ *au grand Opéra*.

— Я такъ и думалъ,—замѣтилъ ему мой отецъ, поднося ему свою открытую табакерку, чего съ русскимъ или нѣмецкимъ учителемъ онъ никогда бы не сдѣлалъ. Я очень хотѣлъ бы, если-бъ вы могли *le dégourdir un peu* ³⁾ послѣ декламациі, немного бы потанцовать.

— *Monsieur le comte peut disposer de moi* ⁴⁾.

И мой отецъ, безмѣрно любившій Парижъ, началъ вспоминать о фойэ Оперы въ 1810, о молодости Жоржъ ⁵⁾, о преклонныхъ лѣтахъ Марсъ ⁶⁾ и разспрашивалъ о кафэ и театрахъ.

Теперь вообразите себѣ мою небольшую комнатку. Печальный зимній вечеръ; окна замерзли, и съ нихъ течетъ вода по веревочкѣ; двѣ сальныя свѣчи на столѣ—и нашъ *tête à tête*. Далесъ на сценѣ еще говорилъ довольно естественно, но за уро-

¹⁾ Знаменитый французскій актеръ, бывший въ 1785—1806 гг. въ Петербургѣ, гдѣ и умеръ.

²⁾ Разсказъ Терамена, персонажа въ «Федръ» Расина.

³⁾ Сдѣлать его немного развязнымъ.

⁴⁾ Графъ можетъ мною располагать.

⁵⁾ Маргарита Веммаръ, по сценѣ—*m-lle George*, знаменитая французская актриса.

⁶⁾ *Anna Bouter*, по сценѣ *Mars*, знаменитая французская актриса.

комъ считалъ своей обязанностью наиболѣе удалаться отъ природы въ своей декламаци. Онъ читалъ Расина какъ-то на распѣвъ и дѣлалъ тотъ проборъ, который англичане носятъ на затылкѣ, на цезурѣ каждаго стиха, такъ что онъ выходилъ похожимъ на надломленную трость.

При этомъ онъ дѣлалъ рукой движеніе человѣка, попавшаго въ воду и не умѣющаго плавать. Каждый стихъ онъ заставлялъ меня повторять нѣсколько разъ и все качалъ головой: «Не то, совсѣмъ не то! Attention! «Je crains Dieu, cher Abner,—тутъ проборъ, онъ закрывалъ глаза, слегка качалъ головой и, нѣжно отталкивая рукой волны, прибавлялъ: et n'ai point d'autre crainte»¹⁾.

Затѣмъ старичокъ, «ничего не боявшійся, кромѣ Бога», смотрѣлъ на часы, свертывалъ романы и бралъ стулъ: *это была моя дама.*

Послѣ этого нечему дивиться, что я никогда не танцевалъ.

Уроки эти продолжались недолго и прекратились очень трагически недѣли черезъ двѣ.

Я былъ съ Сенаторомъ во французскомъ театрѣ; проиграли увертюру и разъ, и два,—занавѣсъ не подымалась; передніе ряды, желая показать, что они знаютъ *свой* Парижъ, начали шумѣть, какъ тамъ шумятъ *задніе*. На аванъ-сцену вышелъ какой-то режиссеръ, поклонился направо, поклонился налево, поклонился прямо и сказалъ: «Мы просимъ всего снисхожденія публики; насъ постигло страшное несчастіе: нашъ товарищъ Далесъ,—и у режиссера, дѣйствительно, голосъ перервался слезами,—наиденъ у себя въ комнатѣ мертвымъ отъ угара».

Такимъ-то сильнымъ средствомъ избавилъ меня русскій чадъ отъ декламаци, монологовъ и монотанцевъ съ моей дамой о чetyрехъ точеныхъ ножкахъ изъ краснаго дерева.

Лѣтъ двѣнадцати я былъ переведенъ съ женскихъ рукъ на мужскія. Около того времени мой отецъ сдѣлалъ два неудачныхъ опыта приставить за мной нѣмца.

Нѣмецъ при дѣтяхъ—и не гувернеръ и не дядька, это—совсѣмъ особенная профессія. Онъ не учитъ дѣтей и не одѣваетъ, а смотреть, чтобъ они учились и были одѣты, печется о ихъ здоровьѣ, ходитъ съ ними гулять и говоритъ тотъ вздоръ, который хочетъ, не иначе, какъ по-нѣмецки. Если есть въ домѣ гувернеръ, нѣмецъ ему покоряется; если есть дядька, онъ покоряется нѣмцу.

¹⁾ Вниманіе! «Я боюсь Бога, дорогой Абнеръ (персонажъ въ «Аталіи» Расина), и ничего болше не боюсь».

Учителя, ходящіе по билетамъ, опаздывающіе по непридвидимымъ причинамъ и уходящіе слишкомъ рано, по обстоятельствамъ, не зависящимъ отъ ихъ воли, строятъ нѣмцу куры, и онъ при всей безграмотности начинаетъ себя считать ученымъ. Гувернантки употребляютъ нѣмца на покупки, на всѣ возможныя комиссіи, но позволяютъ ухаживать за собой только въ случаѣ физическихъ недостатковъ и при совершенномъ отсутствіи другихъ поклонниковъ. Лѣтъ четырнадцати воспитанники ходятъ тайкомъ отъ родителей къ нѣмцу въ комнату курить табакъ; онъ это терпитъ, потому что ему необходимы сильныя вспомогательныя средства, чтобъ оставаться въ домѣ. Въ самомъ дѣлѣ, большей частью въ это время нѣмца при дѣтяхъ благодарятъ, дарятъ ему часы и отсылаютъ; если онъ усталъ бродить съ дѣтьми по улицамъ и получать выговоры за насморкъ и пятна на платяхъ, то нѣмецъ *при дѣтяхъ* становится просто нѣмцемъ, заводитъ небольшую лавочку, продаетъ прежнимъ питомцамъ мундштуки изъ янтаря, одеколонъ, сигарки и дѣлаетъ другого рода *тайныя* услуги имъ ¹⁾.

Первый нѣмецъ, приставленный за мною, былъ родомъ изъ Шлезіи и назывался Іокишъ; по моему, этой фамиліи было за глаза довольно, чтобъ его не брать. Высокій плѣшивый мужчина, онъ отличался чрезвычайной нечистоплотностью и хвастался своимъ знаніемъ агрономіи; я думаю, что отецъ мой именно поэтому его и взялъ. Я съ отвращеніемъ смотрѣлъ на шленскаго великана и только на томъ мирился съ нимъ, что онъ мнѣ рассказывалъ, гуляя по Дѣвичьему полю и на Прѣсенскихъ прудахъ, сальныя анекдоты, которые я передавалъ передней. Онъ прожилъ не больше года, напакостилъ что-то въ деревнѣ, садовникъ хотѣлъ его убить косою; отецъ мой велѣлъ ему убираться.

На его мѣсто поступилъ брауншвейгъ-вольфенбюттельскій солдатъ (вѣроятно, бѣглый) Федоръ Карловичъ, отличавшійся каллиграфіей и непоимѣрнымъ тупоуміемъ. Онъ уже былъ прежде въ двухъ домахъ при дѣтяхъ и имѣлъ нѣкоторый навыкъ, т.-е. придалъ себѣ видъ гувернера; къ тому же онъ говорилъ по-французски на «ши», съ обратнымъ удареніемъ ²⁾.

Я не имѣлъ къ нему никакого уваженія и отравлялъ всѣ минуты его жизни, особенно съ тѣхъ поръ, какъ я убѣдился, что,

¹⁾ Органистъ и учитель музыки, о которомъ говорится въ «Запискахъ одного молодого человѣка», И. И. Эскъ ³⁾ давалъ только уроки музыки, не имѣвъ никакого вліянія. А. И. Г.

²⁾ Англичане говорятъ хуже нѣмцевъ по-французски, но они только коверкаютъ языкъ, нѣмцы *оподобляютъ* его. А. И. Г.

³⁾ Johann Esck, † въ 1827 г.

несмотря на всё мои усилия, онъ не можетъ понять двухъ вещей: десятичныхъ дробей и тройного правила. Въ душѣ мальчиковъ, вообще, много безпощаднаго и даже жестокаго; я съ свирѣпостью преслѣдовалъ бѣднаго вольфенбюттельскаго егеря пропорціями; меня это до того занимало, что я, мало вступавшій въ подобные разговоры съ моимъ отцомъ, торжественно сообщилъ ему о глупости Федора Карловича.

Къ тому же Федоръ Карловичъ мнѣ похвастался, что у него есть новый фракъ, синій, съ золотыми пуговицами, и, дѣйствительно, я его видѣлъ разъ отправляющагося на какую-то свадьбу во фракъ, который ему былъ широкъ, но съ золотыми пуговицами. Мальчикъ, приставленный за нимъ, донесъ мнѣ, что фракъ этотъ онъ бралъ у своего знакомаго сидѣльца въ косметическомъ магазинѣ. Безъ малѣйшаго сожалѣнія присталъ я къ бѣдняку: гдѣ синій фракъ?—да и только.

— У васъ въ домѣ много моли, я его отдалъ къ знакомому портному на сохраненіе.

— Гдѣ живетъ этотъ портной?

— Вамъ на что?

— Отчего же не сказать?

— Неудобно не въ свои дѣла мѣшаться.

— Ну, пусть такъ, а черезъ недѣлю мои именины,—утѣшите меня, возьмите синій фракъ у портного на этотъ день.

— Нѣтъ, не возьму; вы не заслуживаете, потому что вы «импертигентъ»¹⁾).

И я грозилъ ему пальцемъ.

Надобно же было для послѣдняго удара Федору Карловичу, чтобъ онъ разъ при Бушо, французскомъ учителѣ, похвастался тѣмъ, что онъ былъ рекрутомъ подъ Ватерлоо, и что нѣмцы дали страшную таску французамъ. Бушо только посмотрѣлъ на него и такъ страшно понюхалъ табаку, что побѣдитель Наполеона нѣсколько сконфузился. Бушо ушелъ, сердито опираясь на свою сучковатую палку, и никогда не называлъ его иначе, какъ *le soldat de Vilain-ton*²⁾. Я тогда еще не зналъ, что каламбуръ этотъ принадлежитъ Бераниже, и не могъ нарадоваться на выдумку Бушо.

Наконецъ, товарищъ Блюхера рассорился съ моимъ отцомъ и оставилъ нашъ домъ; послѣ этого отецъ мой не тѣснилъ меня больше нѣмцами.

¹⁾ Impertinent—наглый, дерзкій.

²⁾ «Солдатъ дурного тона» или «солдатъ Веллингтона», разбившаго вмѣстѣ съ Блюхеромъ Наполеона при Ватерлоо.

При брауншвейгъ-вольфенбюттельскомъ воинѣ я иногда похаживалъ къ какимъ-то мальчикамъ, при которыхъ жилъ его пріятель тоже въ должности «нѣмца», и съ которыми мы дѣлали дальнія прогулки; послѣ него я снова оставался въ совершенномъ одиночествѣ, скучалъ, рвался изъ него и не находилъ выхода. Не имѣя возможности пересилить волю отца, я, можетъ, сломился бы въ этомъ существованіи, если-бъ вскорѣ новая умственная дѣятельность и двѣ встрѣчи, о которыхъ скажу въ слѣдующей главѣ, не спасли меня. Я увѣренъ, что моему отцу ни разу не приходило въ голову, какую жизнь онъ заставляетъ меня вести, иначе онъ не отказывалъ бы мнѣ въ самыхъ невинныхъ желаніяхъ, въ самыхъ естественныхъ просьбахъ.

Изрѣдка отпускаялъ онъ меня съ Сенаторомъ во французскій театръ; это было для меня высшее наслажденіе; я страстно любилъ представленія, но и это удовольствіе приносило мнѣ столько же горя, сколько радости: Сенаторъ пріѣзжалъ со мною въ полъ-піесы и, вѣчно куда-нибудь званный, увозилъ меня прежде конца. Театръ былъ у Арбатскихъ воротъ, въ домѣ Апраксина; мы жили, въ Старой Коношенной, т.-е. очень близко, но отецъ мой строго запретилъ возвращаться безъ Сенатора.

Мнѣ было около пятнадцати лѣтъ, когда мой отецъ пригласилъ священника давать мнѣ уроки богословія, *насколько* это было нужно для вступленія въ университетъ. Катехизисъ попался мнѣ въ руки послѣ Вольтера. Нигдѣ религія не играетъ такой скромной роли въ дѣлѣ воспитанія, какъ въ Россіи, и это, разумѣется,—величайшее счастье. Священнику за уроки закона Божія платятъ всегда полцѣны, и даже это такъ, что тотъ же священникъ, если даетъ тоже уроки латинскаго языка, то онъ за нихъ беретъ дороже, чѣмъ за катехизисъ.

Мой отецъ считалъ религію въ числѣ необходимыхъ вещей благовоспитаннаго человѣка; онъ говорилъ, что надобно вѣрить въ священное писаніе безъ разсужденій, потому что умомъ тутъ ничего не возьмешь, и всѣ мудрованія затемняютъ только предметъ; что надобно исполнять обряды той религіи, въ которой родился, не вдаваясь, впрочемъ, въ излишнюю набожность, которая идетъ старымъ женщинамъ, а мужчинамъ неприлична. Вѣрилъ ли онъ самъ? Я полагаю, что немного вѣрилъ, по привычкѣ, изъ приличія и на всякій случай. Впрочемъ, онъ самъ не исполнялъ никакихъ церковныхъ постановленій, защищаясь разстроеннымъ здоровьемъ. Онъ почти никогда не принималъ священника или просилъ его пѣть въ пустой залѣ, куда высылалъ ему синенькую бумажку. Зимой онъ извинялся тѣмъ, что священникъ и дьяконъ вносятъ такое коли-

чество стужи съ собой, что онъ всякій разъ простужается. Въ деревнѣ онъ ходилъ въ церковь и принималъ священника, но это больше изъ свѣтско-правительственныхъ цѣлей, нежели изъ согобозанненныхъ.

Мать моя была лютеранка и, стало быть, степенью религіознѣе; она всякій мѣсяцъ разъ или два ѣздила въ воскресенье въ свою церковь или, какъ Бакай упорно называлъ, «въ свою кирху», и я отъ нечего дѣлать ѣздилъ съ ней. Тамъ я выучился до артистической степени передразнивать нѣмецкихъ пасторовъ, ихъ декламацию и пустословіе,—талантъ, который я сохранилъ до совершеннѣйшаго.

Каждый годъ отецъ мой приказывалъ мнѣ говѣть. Я побаивался исповѣди, и вообще церковная mise en scène ¹⁾ поражала меня и пугала; съ истиннымъ страхомъ подходилъ я къ причастию; но религіознымъ чувствомъ я этого не назову; это былъ тотъ страхъ, который наводитъ все непонятное, таинственное, особенно, когда ему придають серьезную торжественность; такъ дѣйствуетъ ворожба, заговариваніе. Разговѣвшись послѣ заутрени на святой недѣлѣ и объѣвшись красныхъ яицъ, пасхи и кулича, я цѣлый годъ больше не думалъ о религіи.

Но Евангеліе я читалъ много и съ любовью, по-славянски и въ лютеровскомъ переводѣ. Я читалъ безъ всякаго руководства, не все понималъ, но чувствовалъ искреннее и глубокое уваженіе къ читаемому. Въ первой молодости моей я часто увлекался вольтеріанизмомъ, любилъ иронію и насмѣшку, но не помню, чтобы когда-нибудь я взялъ въ руки Евангеліе съ холоднымъ чувствомъ; это меня проводило черезъ всю жизнь; во всѣ возрасты, при разныхъ событіяхъ я возвращался къ чтенію Евангелія, и всякій разъ его содержаніе низводило миръ и кротость на душу.

Когда священникъ ²⁾ началъ мнѣ давать уроки, онъ былъ удивленъ не только общимъ знаніемъ Евангелія, но тѣмъ, что я приводилъ тексты буквально. «Но Господь Богъ,—говорилъ онъ,—раскрывъ умъ, не раскрылъ еще сердце». И мой теологъ, пожимая плечами, удивлялся моей «двойственности», однако же, былъ доволенъ мною, думая, что у Терновскаго ³⁾ сумѣю держать отвѣтъ.

Вскорѣ религія другого рода овладѣла моей душой.

¹⁾ Обстановка службы.

²⁾ В. В. Боголѣповъ.

³⁾ Петръ Матвѣевичъ, протоіерей, профессоръ богословія московскаго университета.

ГЛАВА III.

Смерть Александра I и 14-ое декабря. — Нравственное пробужденіе. — Террористъ Бушо. — Корчевская кузина.

Однимъ зимнимъ утромъ ¹⁾, какъ-то не въ свое время, прѣхалъ Сенаторъ; озабоченный, онъ скорыми шагами прошелъ въ кабинетъ моего отца и заперъ дверь, показавши мнѣ рукой, чтобъ я остался въ залѣ.

По счастью, мнѣ недолго пришлось ломать голову, догадываясь, въ чемъ дѣло. Дверь изъ передней немного пріотворилась, и красное лицо, полузакрытое волчьимъ мѣхомъ ливрейной шубы, шопотомъ подзывало меня; это былъ лакей Сенатора. Я бросился къ двери.

— Вы не слышали?—спросилъ онъ.

— Чего?

— Государь померъ въ Таганрогѣ.

Новость эта поразила меня; я никогда прежде не думалъ о возможности его смерти; я выросъ въ большомъ уваженіи къ Александру и грустно вспоминалъ, какъ я его видѣлъ незадолго передъ тѣмъ ²⁾ въ Москвѣ. Гуляя, встрѣтили мы его за Тверской заставой; онъ тихо ѣхалъ верхомъ съ двумя-тремя генералами, возвращаясь съ Ходынки, гдѣ были маневры. Лицо его было привѣтливо, черты мягки и округлы, выраженіе лица усталое и печальное. Когда онъ поровнялся съ нами, я снялъ шляпу и поднялъ ее; онъ, улыбаясь, поклонился мнѣ. Какая разница съ Николаемъ, вѣчно представляющимъ остриженную и взлыстистую медузу съ усами. Онъ на

¹⁾ 28 ноября 1825 г.

²⁾ 30 августа 1823 г.

улицѣ, во дворцѣ, съ своими дѣтьми и министрами, съ вѣстовыми и фрейлинами пробоваль безпрестанно, имѣеть ли его взглядъ свойство гремучей змѣи—останавливать кровь въ жилахъ ¹⁾. Если наружная кротость Александра была личина,—не лучше ли такое лицемѣріе, чѣмъ наглая откровенность самовластья?

... Пока смутныя мысли бродили у меня въ головѣ, и въ лавкахъ продавали портреты императора Константина, пока носились повѣстки о присягѣ, и добрые люди торопились поклясться, разнесся слухъ объ отреченіи цесаревича. Вслѣдъ затѣмъ, тотъ же лакей Сенатора,—большой охотникъ до политическихъ новостей и которому было, гдѣ ихъ собирать по всѣмъ переднимъ сенаторовъ и присутственныхъ мѣстъ, по которымъ онъ ѣздилъ съ утра до ночи, не имѣя выгоды лошадей, которая мѣнялась послѣ обѣда,—сообщилъ мнѣ, что въ Петербургѣ былъ бунтъ и что по Галерной стрѣляли «въ пушки».

На другой день вечеромъ былъ у насъ жандармскій генераль ²⁾ графъ Комаровскій; онъ рассказываль о каре на Исаакіевской площади, о конно-гвардейской атакѣ, о смерти графа Милорадовича.

А тутъ пошли аресты: «того-то взяли», «того-то схватили», «того-то привезли изъ деревни»; испуганные родители трепетали за дѣтей. Мрачныя тучи заволокли небо.

Въ царствованіе Александра политическія гоненія были рѣдки; онъ сослалъ, правда, Пушкина за его стихи и Лабзина ³⁾ за то, что онъ, будучи конференцъ-секретаремъ въ академіи художествъ, предложилъ избрать кучера Илью Байкова въ члены академіи ⁴⁾; но

¹⁾ Рассказываютъ, что какъ-то Николай въ своей семьѣ, т.е. въ присутствіи двухъ-трехъ начальниковъ тайной полиціи, двухъ-трехъ *лейб-фрейлинъ* и *лейб-генераловъ*, попробоваль свой взглядъ на Марьѣ Николаевнѣ. Она похожа на отца, и взглядъ ея, дѣйствительно, напоминаетъ его страшный взглядъ. Дочь смѣло вынесла отцовскій взоръ. Онъ поблѣднѣлъ. Щеки задрожали у него, и глаза сдѣлались еще свирѣпѣе; тѣмъ же взглядомъ отвѣчала ему дочь. Все поблѣднѣло и задрожало вокругъ; лейб-фрейлины и лейб-генералы не смѣли дохнуть отъ этого каннибальски-царскаго поединка глазами, въ родѣ описаннаго Байрономъ въ «Донъ-Жуанъ». Николай всталъ,—онъ почувствовалъ, что нашла коса на камень. А. И. Г.

²⁾ Невѣрно — генераль-адъютантъ, Евграфъ Ѳеодоровичъ; 17 декабря прибыль въ Москву для присутствованія при вскрытіи секретныхъ документовъ въ Успенскомъ соборѣ.

³⁾ Александръ Ѳеодоровичъ.

⁴⁾ Президентъ академіи предложилъ въ почетные члены Аракчеева. Лабзинъ спросилъ, въ чемъ состоятъ заслуги графа въ отношеніи къ искусству? Президентъ не нашелся и отвѣчалъ, что Аракчеевъ — «самый близкій человѣкъ къ государю». — «Если эта причина достаточна, то я предлагаю кучера Илью Байкова», замѣтилъ секретарь; «онъ не только близокъ къ государю, но сидитъ передъ нимъ». Лабзинъ былъ мистикъ и издатель «Сіонъ»

систематическаго преслѣдованія не было. Тайная полиція не разрослась еще въ самодержавный корпусъ жандармовъ, а состояла изъ канцеляріи подъ начальствомъ стараго вольтеріанца, остряка и болтуна и юмориста, въ родѣ Жуи ¹⁾, Де-Санглена ²⁾. При Николаѣ Де-Сангленъ попалъ самъ подъ надзоръ полиціи и считался либераломъ, оставаясь тѣмъ же, чѣмъ былъ; по одному этому легко вымѣрять разницу царствованій.

Николая вовсе не знали до его воцаренія,—при Александрѣ онъ ничего не значилъ и никого не занималъ. Теперь всѣ бросились разспрашивать о немъ. Одни гвардейскіе офицеры могли дать отвѣтъ: они его ненавидѣли за холодную жестокость, за мелочное педанство, за злопамятность. Одинъ изъ первыхъ анекдотовъ, разнесшихся по городу, больше, нежели подтверждалъ мнѣніе гвардейцевъ. Разсказывали, что какъ-то на ученъѣ великій князь до того забылся, что хотѣлъ схватить за воротникъ офицера. Офицеръ отвѣтилъ ему: «в. в., у меня шпага въ рукѣ». Николай отступилъ назадъ, промолчалъ, но не забылъ отвѣта. Послѣ 14 декабря онъ два раза освѣдомился, замѣшанъ этотъ офицеръ или нѣтъ. По счастью, онъ не былъ замѣшанъ ³⁾.

скаго Вѣстника»; самъ Александръ былъ такой же мистикъ, но съ паденіемъ министерства Голицына ⁰⁾ отдалъ головой Аракчееву своихъ прежнихъ «братій о Христѣ и о внутреннемъ челоуѣкѣ». Лабзина сослала въ Симбирскъ. А. И. Г.

¹⁾ Victor de Jouy, французскій писатель, популярный своимъ юморомъ.

²⁾ Яковъ Ивановичъ; весьма интересныя его «Записки» въ «Рус. Старинѣ» 1882 и 1883 гг.

³⁾ Офицеръ, если не ошибаюсь,—графъ Самойловъ ⁰⁰⁾, вышелъ въ отставку и спокойно жилъ въ Москвѣ. Николай узналъ его въ театрѣ; ему показалось, что онъ какъ-то изысканно-оригинально одѣтъ, и онъ высочайше изъявилъ желаніе, чтобъ подобные костюмы были осмѣяны на сценѣ. Директоръ и *патріотъ* Загоскинъ ⁰⁰⁰⁾ поручилъ одному изъ актеровъ представить Самойлова въ какомъ-нибудь водевилѣ. Слухъ объ этомъ разнесся по городу. Когда пьеса кончилась, настоящій Самойловъ взошелъ къ ложу директора и просилъ позволенія сказать нѣсколько словъ своему двойнику. Директоръ струсилъ; однако, боясь скандала, позвалъ гаера. «Вы прекрасно представили меня,—сказалъ ему графъ,—но для полного сходства у васъ не достаетъ одного,—этого брילьянта, который я всегда ношу. Позвольте мнѣ вручить его вамъ; вы его будете надѣвать, когда вамъ опять будетъ приказано меня представить». Послѣ этого Самойловъ спокойно отправился на свое мѣсто. Плоская шутка такъ же глупо пала, какъ объявленіе Чаадаева сумасшедшимъ и другія августѣйшія шалости. А. И. Г.

⁰⁾ Кн. Александръ Николаевичъ, министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

⁰⁰⁾ Николай Александровичъ.

⁰⁰⁰⁾ Михаилъ Николаевичъ, извѣстный писатель, директоръ московскихъ театровъ.

Тонъ общества мѣнялся наглазно; быстрое нравственное паденіе служило печальнымъ доказательствомъ, какъ мало развито было между русскими аристократами чувство личнаго достоинства. Никто (кромѣ женщинъ) не смѣлъ показать участія, произнести теплаго слова о родныхъ, о друзьяхъ, которымъ еще вчера жали руку, но которые за ночь были взяты. Напротивъ, являлись дикіе фанатики рабства: одни изъ подлости, а другіе хуже—безкорыстно.

Однѣ женщины не участвовали въ этомъ позорномъ отреченіи отъ близкихъ... И у креста стояли однѣ женщины, и у кровавой гильотины является то Люсиль Демуленъ ¹⁾, эта Офелія революціи, бродящая возлѣ топора, ожидая свой чередъ, то Ж. Сандъ, подающая на эшафотъ руку участія и дружбы фанатическому юношѣ Алибо ²⁾.

Жены сосланныхъ въ каторжную работу лишались всѣхъ гражданскихъ правъ, бросали богатство, общественное положеніе и ѣхали на цѣлую жизнь неволи въ страшный климатъ Восточной Сибири, подъ еще страшнѣйшій гнетъ тамошней полиціи. Сестры, не имѣвшія права ѣхать, удалялись отъ двора, многія оставили Россію; почти всѣ хранили въ душѣ живое чувство любви къ страдальцамъ. Но его не было у мужчинъ; страхъ выѣлъ его въ ихъ сердцахъ, никто не смѣлъ заикнуться о *несчастныхъ*.

Коснувшись до этого предмета, я не могу удержаться, чтобъ не сказать нѣсколько словъ объ одной изъ этихъ героическихъ исторій, которая очень мало извѣстна.

Въ старинномъ домѣ Ивашевыхъ жила молодая французенка гувернанткой ³⁾. Единственный сынъ Ивашева ⁴⁾ хотѣлъ на ней жениться. Это свело съ ума всю родню его; гвалтъ, слезы, просьбы. У французенки не было налицо брата Чернова, убившаго на дуэли Новосильцова и убитаго имъ ⁵⁾; ее уговорили: уѣхать изъ Петербурга, его—отложить до поры до времени свое намѣреніе. Ивашевъ былъ однимъ изъ энергическихъ заговорщиковъ; его приговорили къ вѣчной каторжной работѣ. Отъ этой *mésalliance* родня не спасла его. Какъ только страшная вѣсть дошла до молодой дѣвушки въ Парижѣ, она отправилась въ Петербургъ и попросила дозволенія ѣхать въ Иркутскую губернію къ своему же-

¹⁾ Жена революціонера Камилла Демулена, казненная послѣ казни мужа за недоказанную попытку спасти его.

²⁾ Луи, покушавшійся въ 1836 г. на жизнь короля Людовика-Филиппа.

³⁾ Камилла Ле Дантю, была дочерью гувернантки.

⁴⁾ Василій Петровичъ.

⁵⁾ Въ 1824 г. два названные офицера дрались на дуэли за оскорбленную честь сестры перваго изъ нихъ. Дѣло надѣлало тогда много шуму.

ниху Ивашеву. Бенкендорфъ попытался отклонить ее отъ такого преступнаго намѣренія; ему не удалось—и онъ доложилъ Николаю. Николай велѣлъ ей объяснить положеніе женъ, не *измѣнившихъ* мужьямъ, сосланнымъ въ каторжную работу, присовокупляя, что онъ ее не держитъ, но что она должна знать, что если жены, идущія изъ вѣрности съ своими мужьями, заслуживаютъ нѣкотораго снисхожденія, то она не имѣетъ на это ни малѣйшаго права, сознательно вступая въ бракъ съ преступникомъ. Она и Николай сдержали слово: она отправилась въ Сибирь, онъ ничѣмъ не облегчилъ ея судьбу. Царь былъ строгъ, но справедливъ.

Въ крѣпости ничего не знали о позволеніи и бѣдная дѣвушка, добравшись туда, должна была ждать, пока начальство спишетъ съ Петербургомъ, въ какомъ-то мѣстечкѣ, населенномъ всякаго рода бывшими преступниками, безъ всякаго средства узнать что-нибудь объ Ивашевѣ и дать ему вѣсть о себѣ.

Мало-по-малу она ознакомилась съ своими новыми товарищами. Между ними былъ сосланный разбойникъ; онъ работалъ въ крѣпости; она рассказала ему свою исторію. На другой день разбойникъ принесъ ей записочку отъ Ивашева. Черезъ день онъ предложилъ ей носить отъ Ивашева вѣсти и брать ея записки. Съ утра онъ долженъ былъ работать въ крѣпости до вечера; когда наступала ночь, онъ бралъ письмо Ивашева и отправлялся, несмотря ни на бураны, ни на свою усталъ, и возвращался къ разсвѣту на свою работу ¹⁾.

Наконецъ, пришло позволеніе, ихъ обвѣнчали. Черезъ нѣсколько лѣтъ каторжная работа замѣнилась поселеніемъ. Положеніе ихъ нѣсколько улучшилось, но силы были потрачены; жена первая пала подъ бременемъ всего испытаннаго. Она увяла, какъ долженъ былъ увянуть цвѣтокъ полуденныхъ странъ на сибирскомъ

¹⁾ Люди, хорошо знавшіе Ивашевыхъ, говорили мнѣ впоследствии, что они сомнѣваются въ исторіи разбойника и что, говоря о возвращеніи дѣтей и объ участіи брата, нельзя не вспомнить благороднаго поведенія сестеръ Ивашева. Подробности дѣла я слышала отъ Языковой ⁹⁾, которая ѣздила къ брату (Ивашеву) въ Сибирь. Но она ли рассказывала о разбойникѣ, я не помню. Не смѣшали ли Ивашеву съ кн. Трубецкой ⁹⁹⁾, пославшей письма и деньги кн. Оболенскому ⁹⁹⁹⁾ черезъ незнакомаго раскольника? Цѣлы ли письма Ивашева? Намъ кажется, будто мы имѣемъ право на нихъ. А. И. Г.

⁹⁾ Елизавета Петровна.

⁹⁹⁾ Екатерина Ивановна, жена декабриста кн. С. П., первая изъ женъ декабристовъ, прибывшая въ Сибирь. Некрасовъ озаглавилъ ея именемъ первую часть своихъ «Русскихъ женщинъ».

⁹⁹⁹⁾ Евгеній Петровичъ.

снѣгу. Ивашевъ не пережилъ ее, онъ умеръ ровно черезъ годъ послѣ нея, но и *тогда* онъ уже не былъ здѣсь; его письма (поразившія Третье отдѣленіе) носили слѣдъ какого-то безмѣрно-грустнаго, святаго лунатизма, мрачной поэзіи; онъ, собственно, не жилъ послѣ нея, а тихо, торжественно умиралъ.

Это «житіе» не оканчивается съ ихъ смертью. Отецъ Ивашева, послѣ ссылки сына, передалъ свое имѣніе незаконному сыну, прося его не забывать бѣднаго брата и помогать ему. У Ивашевыхъ осталось двое дѣтей, двое малютокъ безъ имени, двое будущихъ кантонистовъ, поселщиковъ въ Сибири—безъ помощи, безъ правъ, безъ отца и матери ¹⁾. Братъ Ивашева испросилъ у Николая позволеніе взять дѣтей къ себѣ,—Николай разрѣшилъ ²⁾. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ рискнулъ на другую просьбу: онъ ходатайствовалъ о возвращеніи имъ имени отца; удалось и это.

Разказы о возмущеніи, о судѣ, ужасъ въ Москвѣ, сильно поразили меня; мнѣ открывался новый міръ, который становился больше и больше средоточіемъ всего нравственнаго существованія моего; не знаю, какъ это сдѣлалось, но, мало понимая или очень смутно, въ чемъ дѣло, я чувствовалъ, что я не съ той стороны, съ которой картечь и побѣды, тюрьмы и цѣпи. Казнь Пестеля ³⁾ и его товарищей ⁴⁾ окончательно разбудила ребяческой сонъ моей души.

Всѣ ожидали облѣгченія въ судьбѣ осужденныхъ,—коронація была на дворѣ. Даже мой отецъ, несмотря на свою осторожность и на свой скептицизмъ, говорилъ, что смертный приговоръ не будетъ приведенъ въ дѣйствіе, что все это дѣлается для того, чтобъ поразить умы. Но онъ, какъ и всѣ другіе, плохо зналъ юнаго монарха. Николай уѣхалъ изъ Петербурга и, не вѣзжая въ Москву, остановился въ Петровскомъ дворцѣ... Жители Москвы едва вѣрили своимъ глазамъ, читая въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» страшную новость 14 іюля.

Народъ русскій отвыкъ отъ смертныхъ казней: послѣ Мировича, казненнаго вмѣсто Екатерины II, послѣ Пугачева и его товарищей не было казней; люди умирали подъ кнутомъ, солдатъ гоняли (вопреки закону) до смерти сквозь строй, но смертная

¹⁾ Петръ 3 лѣтъ, Марія (потомъ извѣстная М. В. Трубникова)—5 и Вѣра (потомъ В. В. Черкесова)—2.

²⁾ Въ 1841 г. (архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло деп. полиц. исп. 1841 г. № 341).

³⁾ Павелъ Ивановичъ, полковникъ, одинъ изъ главныхъ декабристовъ.

⁴⁾ К. Ѡ. Рылѣевъ, М. П. Бестужевъ-Рюминъ, С. И. Муравьевъ-Апостоль и П. Г. Каховскій.

казнь de jure не существовала. Рассказываютъ, что при Павлѣ на Дону было какое-то частное возмущеніе казаковъ, въ которомъ замѣшались два офицера. Павелъ велѣлъ ихъ судить военнымъ судомъ и далъ полную власть гетману или генералу. Судъ приговорилъ ихъ къ смерти, но никто не осмѣлился утвердить приговоръ; гетманъ представилъ дѣло государю. «Всѣ они—бабы», сказалъ Павелъ,—«они хотятъ свалить казнь на меня,—очень благодарень»—и замѣнилъ ее каторжной работой.

Николай ввелъ *смертную казнь* въ наше уголовное законодательство сначала незаконно, а потомъ привѣнчалъ ее къ своему своду. ¹⁸

Черезъ день послѣ полученія страшной вѣсти ¹⁾, былъ молебень въ Кремлѣ ²⁾. Отпраздновавши казнь, Николай сдѣлалъ свой торжественный въѣздъ въ Москву ³⁾. Я тутъ видѣлъ его въ первый разъ. Онъ ѣхалъ верхомъ возлѣ кареты, въ которой сидѣли вдовствующая императрица и молодая. Онъ былъ красивъ, но красота его обдавала холодомъ; нѣтъ лица, которое бы такъ безпощадно обличало характеръ человѣка, какъ его лицо. Лобъ, быстро бѣгущей назадъ; нижняя челюсть, развитая на счетъ черепа, выражали непреклонную волю и слабую мысль, больше жестокости, нежели чувственности. Но главное—глаза безъ всякой теплоты, безъ всякаго милосердія, зимніе глаза. Я не вѣрю, чтобъ онъ когда-нибудь страстно любилъ какую-нибудь женщину, какъ Павелъ—Лопухину, какъ Александръ—всѣхъ женщинъ, кромѣ своей жены; онъ «пребывалъ къ нимъ благосклоненъ», не больше. ¹⁹

Въ Ватиканѣ есть новая галлерей, въ которой, кажется, Пій VII собралъ огромное количество статуй, бюстовъ, статуэтокъ, вырытыхъ въ Римѣ и его окрестностяхъ. Вся исторія римскаго

¹⁾ 19 июля; въ Чудовомъ монастырѣ.

²⁾ «Побѣду Николая надъ пятью торжествовали въ Москвѣ молебствиемъ. Среди Кремля митрополитъ Филаретъ благодарилъ бога за убійства. Вся царская фамилія молилась, около нея сенатъ, министры, а кругомъ на огромномъ пространствѣ стояли густыя массы гвардіи, колѣнопреклоненныя, безъ кивера, и тоже молились; пушки гремѣли съ высотъ Кремля.

«Никогда висѣлицы не имѣли такого торжества; Николай появлялъ важность побѣды!

«Мальчикомъ четырнадцати лѣтъ, потеряннымъ въ толпѣ, я былъ на этомъ молебствіи, и тутъ, передъ алтаремъ, оскверненнымъ кровавой молитвой, я клялся отмстить казенныхъ и обрекалъ себя на борьбу съ этимъ трономъ, съ этимъ алтаремъ, съ этими пушками. Я не отмстилъ; гвардія и тронъ, алтарь и пушки,—все осталось; но черезъ тридцать лѣтъ я стою подъ тѣмъ же знаменемъ, котораго не покидалъ ни разу» («Полярная Звѣзда» на 1855). А. И. Г.

³⁾ 24 июля.

паденія выражена тутъ бровями, лбами, зубами; отъ дочерей Августа до Поппеи ¹⁾ матроны успѣли превратиться въ лоретокъ, и типъ лоретки побѣждаетъ и остается. Мужской типъ, перейдя, такъ сказать, самого себя въ Антиноѣ и Гермафродитѣ, двоится: съ одной стороны, плотское и нравственное паденіе, загрязненныя черты развратомъ и обжорствомъ, кровью и всѣмъ на свѣтѣ, безо лба, исхудалые, какъ у гетеры Гелиогабала ²⁾, или съ опущенными щеками, какъ у Гальбы ³⁾; послѣдній типъ чудесно воспроизвелся въ неаполитанскомъ королѣ ⁴⁾; но есть и другой, это—типъ военачальниковъ, въ которыхъ вымерло все гражданское, все человѣческое, и осталась одна страсть—повелѣвать; умъ узокъ, сердца совсѣмъ нѣтъ; это—монахи властолюбія, въ ихъ чертахъ видна сила и суровая воля. Таковы *гвардейскіе* и *армейскіе* императоры, которыхъ крамольные легіонеры ставили на часы къ имперіи. Въ ихъ-то числѣ я нашелъ много головъ, похожихъ на Николая, когда онъ былъ безъ усовъ. Я понимаю необходимость этихъ угрюмыхъ и непреклонныхъ стражей возлѣ умирающаго въ бѣшенствѣ, но зачѣмъ она возникающему, юному?

Несмотря на то, что политическія мѣчты занимали меня день и ночь, понятія мои не отличались особенной проницательностью; они были до того сбивчивы, что я воображалъ, въ самомъ дѣлѣ, что петербургское возмущеніе имѣло, между прочимъ, цѣлью посадить на тронъ цесаревича, ограничивъ его власть.

Отсюда—цѣлый годъ поклоненія этому чудаку. Онъ былъ тогда народнѣе Николая; отчего, не понимаю, но массы, для которыхъ онъ никакаго добра не сдѣлалъ, и солдаты, для которыхъ онъ дѣлалъ одинъ вредъ, любили его. Я очень помню, какъ во время коронаціи онъ шелъ возлѣ блѣднаго Николая, съ насупившимися свѣтло-желтаго цвѣта взъерошенными бровями, въ мундирѣ литовской гвардіи, съ желтымъ воротникомъ, сгорбившись и поднимая плечи до ушей. Обвѣнчавши, въ качествѣ отца посаженнаго, Николая съ Россіей, онъ уѣхалъ додразнивать Варшаву. До 29 ноября 1830 года о немъ не было слышно ⁵⁾.

Некрасивъ былъ мой герой,—такого типа и въ Ватиканѣ не сыщешь. Я бы этотъ типъ назвалъ *патчинскимъ*, если бы не видѣлъ сардинскаго короля.

¹⁾ Вторая жена Нерона.

²⁾ Римскій императоръ, прославившійся развратомъ.

³⁾ Сервій Сульпицій, римскій императоръ, извѣстный жестокостью и скупостью.

⁴⁾ Фердинандъ II.

⁵⁾ 17 (29) ноября произошла революція въ Варшавѣ.

Само собою разумѣется, что одиночество теперь тяготило меня больше прежняго, мнѣ хотѣлось кому-нибудь сообщить мои мысли и мечты, провѣрить ихъ, слышать имъ подтвержденіе; я слишкомъ гордо сознавалъ себя «злоумышленникомъ», чтобъ молчать объ этомъ или чтобъ говорить безъ разбора.

Первый выборъ палъ на русскаго учителя.

И. Е. Протопоповъ былъ полонъ того благороднаго и неопредѣленнаго либерализма, который часто проходитъ съ первымъ сѣдымъ волосомъ, съ женитьбой и мѣстомъ, но, все-таки, облагораживаетъ человѣка. Иванъ Евдокимовичъ былъ тронуть и, уходя, обнялъ меня со словами: «Дай Богъ, чтобъ эти чувства созрѣли въ васъ и укрѣпились». Его сочувствіе было для меня великой отрадой. Онъ послѣ этого сталъ носить мнѣ мелко переписанныя и очень затертая тетрадки стиховъ Пушкина: «Ода на свободу», «Кинжалъ», «Думы» Рылѣва; я ихъ переписывалъ тайкомъ... (*а теперь печатаю явно!*)¹⁾

Разумѣется, что и чтеніе мое перемѣнилось. Политика впередъ, а главное—исторія революціи; я ее зналъ только по рассказамъ m-me Прово. Въ подвальной библиотекѣ открылъ я какую-то исторію девяностыхъ годовъ, писанную рядистомъ. Она была до того пристрастна, что даже я, 14-лѣтъ, ей не повѣрилъ. Слышалъ я мелькомъ отъ старика Бушо, что онъ во время революціи былъ въ Парижѣ, мнѣ очень хотѣлось разспросить его; но Бушо былъ человѣкъ суровый и угрюмый, съ огромнымъ носомъ и очками; онъ никогда не пускался въ излишніе разговоры со мною, спрягалъ глаголы, диктовалъ примѣры, бранилъ меня и уходилъ, опираясь на толстую сучковатую палку.

— Зачѣмъ,—спросилъ я его среди урока,—казнили Людовика XVI?

Старикъ посмотрѣлъ на меня, опуская одну сѣдую бровь и поднимая другую, поднялъ очки на лобъ, какъ забрало, вынулъ огромный синій носовой платокъ и, утирая имъ носъ, съ важностью сказалъ:

— Parce qu'il a été traître à la patrie²⁾.

— Если бы вы были между судьями, вы подписали бы приговоръ?

— Обѣими руками.

¹⁾ Въ Лондонѣ, подъ редакціей Н. П. Огарева, напечатаны «Думы» Рылѣва; стихотворенія Пушкина вошли въ сборникъ «Русская потаенная литература XIX столѣтія».

²⁾ Потому что онъ измѣнилъ отечеству.

Этотъ урокъ стоилъ всякихъ субжонктивовъ; для меня было довольно: ясное дѣло, что подѣломъ казнили короля.

Старикъ Бушо не любилъ меня и считалъ пустымъ шалуномъ за то, что я дурно приготовлялъ уроки; онъ часто говаривалъ: «изъ васъ ничего не выйдетъ», но когда замѣтилъ мою симпатію къ его идеямъ regicides ¹⁾, онъ смѣнилъ гнѣвъ на милость, прощалъ ошибки и рассказывалъ эпизоды 93 года и какъ онъ уѣхалъ изъ Франціи, когда «развратные и плуты» взяли верхъ. Онъ съ тою же важною, не улыбаясь, оканчивалъ урокъ, но уже снисходительно говорилъ: «Я, право, думалъ, что изъ васъ ничего не выйдетъ, но ваши благородныя чувства спасутъ васъ».

Къ этимъ педагогическимъ поощреніямъ и симпатіямъ вскорѣ присовокупилась симпатія болѣе теплая и имѣвшая сильное вліяніе на меня.

Въ небольшомъ городкѣ Тверской губерніи ²⁾ жила внучка старшаго брата моего отца ³⁾. Я ее зналъ съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ, но видались мы рѣдко; она пріѣзжала разъ въ годъ на святки или объ масляницу погостить въ Москву съ своей теткой. Тѣмъ не менѣе мы сблизились. Она была лѣтъ пять ⁴⁾ старше меня, но такъ мала ростомъ и моложава, что ее можно было еще считать моей ровесницей. Я ее полюбилъ за то особенно, что она первая стала обращаться со мной по-человѣчески, т.-е. не удивлялась безпрестанно тому, что я выросъ, не спрашивала, чему учусь и хорошо ли учусь, хочу ли въ военную службу и въ какой полкъ, а говорила со мной такъ, какъ люди вообще говорятъ между собой, не оставляя, впрочемъ, докторальный авторитетъ, который дѣвушки любятъ сохранять надъ мальчиками нѣсколько лѣтъ моложе ихъ.

Мы переписывались, и очень, съ 1824 г., но письма, это—опять перо и бумага, опять учебный столъ съ чернильными пятнами и иллюстраціями, вырѣзанными перочиннымъ ножомъ; мнѣ хотѣлось ее видѣть, говорить съ ней о новыхъ идеяхъ, и потому можно себѣ представить, съ какимъ восторгомъ я услышалъ, что кузина пріѣдетъ въ февралѣ (1826) и будетъ у насъ гостить нѣсколько мѣсяцевъ. Я на своемъ столѣ нацарапалъ числа до ея пріѣзда и смазывалъ прошедшія, иногда намѣренно забывая дня три, чтобъ имѣть удовольствіе разомъ вымарать побольше, и, все-

¹⁾ Цареубійственнымъ.

²⁾ Корчева; отсюда названіе Герценомъ Т. П. Кучиной «корчевская кузина».

³⁾ Петра Алексѣевича Яковлева.

⁴⁾ На два года.

таки, время тянулось очень долго; потомъ и срокъ прошелъ, и новый былъ назначенъ, и тотъ прошелъ, какъ всегда бываетъ.

Мы сидѣли разъ вечеромъ съ Иваномъ Евдокимовичемъ въ моей учебной комнатѣ, и Иванъ Евдокимовичъ, по обыкновенію запивая кислыми щаами всякое предложеніе, толковалъ о «гексаметрѣ», страшно рубя на стопы голосомъ и рукой каждый стихъ изъ Гнѣдичевой «Иліады». Вдругъ на дворѣ снѣгъ завизжалъ какъ-то иначе, чѣмъ отъ городскихъ саней, подвязанный колокольчикъ позванивалъ остаткомъ голоса, говоръ на дворѣ.... Я вспыхнулъ въ лицѣ, мнѣ было не до рубленого гнѣва «Ахиллеса, Пелеева сына»; я бросился стремглавъ въ переднюю, а тверская кѹзина, закутанная въ шубахъ, шаляхъ, шарфахъ, въ капорѣ и въ бѣлыхъ мохнатыхъ сапогахъ, красная отъ морозу, а, можетъ, и отъ радости, бросилась меня цѣловать.

Люди обыкновенно вспоминаютъ о первой молодости, о тогдашнихъ печаляхъ и радостяхъ немного съ улыбкой снисхожденія, какъ будто, они хотятъ, жеманясь, какъ Софья Павловна въ «Горѣ отъ ума», сказать: «Ребячество!». Словно, они стали лучше послѣ, сильнѣе чувствуютъ или больше. Дѣти года черезъ три стыдятся своихъ игрушекъ,—пусть ихъ, имъ хочется быть большими, они такъ быстро растутъ, мѣняются, они это видятъ по курточкѣ и по страницамъ учебныхъ книгъ; а, кажется, совершеннолѣтнимъ можно бы было понять, что «ребячество» съ двумя-тремя годами юности—самая полная, самая изящная, самая *наша* часть жизни да и чуть ли не самая важная: она незамѣтно опредѣляетъ все будущее.

Пока человѣкъ идетъ скромнымъ шагомъ впередъ, не оставиваясь, не задумываясь, пока не пришелъ къ оврагу или не сломалъ себѣ шею, онъ все полагаетъ, что его жизнь впереди, свысока смотритъ на прошедшее и не умѣетъ цѣнить настоящаго. Но когда опытъ прибиль весенніе цвѣты и остудилъ лѣтній румянецъ, когда онъ догадывается, что жизнь, собственно, прошла, а осталось ея продолженіе, тогда онъ иначе возвращается къ свѣтлымъ, къ теплымъ, къ прекраснымъ воспоминаніямъ первой молодости.

Природа съ своими вѣчными уловками и экономическими хитростями *даетъ* юность человѣку, но человѣка сложившагося *беретъ* для себя; она его втягиваетъ, впутываетъ въ ткань общественныхъ и семейныхъ отношеній, въ три четверти не зависящихъ отъ него; онъ, разумѣется, даетъ своимъ дѣйствіямъ свой личный характеръ, но онъ гораздо меньше принадлежитъ себѣ, лирической элементъ личности ослабленъ, а потому и чувства и наслажденіе—все слабѣе, кромѣ ума и воли.

Жизнь кузины шла не по розамъ. Матери ¹⁾ она лишилась ребенкомъ ²⁾. Отець ³⁾ былъ отчаянный игрокъ и, какъ всѣ игроки по крови, десять разъ былъ бѣденъ, десять разъ былъ богатъ и кончилъ, все-таки, тѣмъ, что окончательно разорился. Les beaux restes ⁴⁾ своего достоянія онъ посвятилъ конскому заводу, на который обратилъ всѣ свои помыслы и страсти. Сынъ его ⁵⁾, уланскій юнкеръ, единственный брѣтъ кузины, очень добрый юноша, шельъ прямымъ путемъ къ гибели: девятнадцати лѣтъ онъ уже былъ болѣе страстный игрокъ, нежели отецъ.

Лѣтъ пятидесяти, безъ всякой нужды, отецъ женился на застарѣлой въ дѣвствѣ воспитанницѣ Смольнаго монастыря ⁶⁾. Такого полного, совершеннаго типа петербургской институтки мнѣ не случалось встрѣчать. Она была одна изъ отличнѣйшихъ ученицъ и потомъ классной дамой въ монастырѣ; худая, бѣлокурая, подслѣпая, она въ самой наружности имѣла что-то дидактическое и назидательное. Вовсе не глупая, она была полна ледяной восторженности на словахъ, говорила готовыми фразами о добродѣтели и преданности, знала на память хронологію и географію, до противной степени правильно говорила по-французски и таила внутри самолюбіе, доходившее до искусственной, іезуитской скромности. Сверхъ этихъ общихъ чертъ «семинаристовъ въ желтой шали» ⁷⁾, она имѣла чисто невскія или смольныя: она поднимала глаза къ небу, полные слезъ, говоря о посѣщеніяхъ ихъ общей матери (императрицы Маріи Ѳеодоровны), была влюблена въ императора Александра и, помнится, носила медальонъ или перстень съ отрывкомъ изъ письма императрицы Елизаветы: «Il a repris son sourire de bienveillance!» ⁸⁾.

Можно себѣ представить стройное trio, составленное изъ отца-игрока и страстнаго охотника до лошадей, цыганъ, шума, пировъ, скачекъ и бѣговъ, дочери, воспитанной въ совершенной независимости, привыкшей дѣлать, что хотѣлось въ домѣ, и ученой дѣвы, вдругъ сдѣлавшейся изъ пожилыхъ наставницъ молодой супругой. Разумѣется, она не любила падчерицу, разумѣется, что падчерица ее не любила. Вообще, между женщинами тридцати пяти лѣтъ и

¹⁾ Наталія Петровна урожд. Яковлева.

²⁾ 12-ти лѣтъ.

³⁾ Петръ Ивановичъ Кучинъ.

⁴⁾ Прекрасные остатки.

⁵⁾ Алексѣй Петровичъ Кучинъ.

⁶⁾ Елизавета Михайловна Тушнева.

⁷⁾ Выраженіе Пушкина («Евгеній Онѣгинъ»).

⁸⁾ Онъ поймалъ ея (или его) благосклонную улыбку.

дѣвушками семнадцати только тогда бываетъ большая дружба, когда первая самоотверженно рѣшаются не имѣть пола.

Я нисколько не удивляюсь обыкновенной враждѣ между падчерицами и мачихами: она естественна, она нравственна. Новое лицо, вводимое вмѣсто матери, вызываетъ со стороны дѣтей отвращеніе. Второй бракъ—вторые похороны для нихъ. Въ этомъ чувствѣ ярко выражается дѣтская любовь, она шепчетъ сиротамъ: «Жена твоего отца вовсе—не твоя мать». Христіанство сначала понимало, что съ тѣмъ понятіемъ о бракѣ, которое оно развивало, съ тѣмъ понятіемъ о безсмертіи души, которое оно проповѣдывало, второй бракъ—вообще нелѣпость; но, дѣлая постоянно уступки міру, церковь перехитрила и встрѣтилась съ неумолимой логикой жизни,—съ простымъ дѣтскимъ сердцемъ, практически возставшимъ противъ благочестивой нелѣпости считать подругу отца своей матерью.

Съ своей стороны и женщина, встрѣчающая, выходя изъ-подъ вѣнца, готовую семью, дѣтей, находится въ неловкомъ положеніи: ей нечего съ ними дѣлать, она должна натянуть чувства, которыхъ не можетъ имѣть, она должна увѣрить себя и другихъ, что чужія дѣти ей такъ же милы, какъ свои.

Я, стало быть, вовсе не обвиняю ни монастырку, ни кузину за ихъ взаимную нелюбовь, но понимаю, какъ молодая дѣвушка, не привыкнущая къ дисциплинѣ, рвалась куда бы то ни было на волю изъ родительскаго дома. Отецъ, начинавшій стариться, больше и больше покорялся ученой супругѣ своей; уланъ, братъ ея, шалилъ хуже и хуже, словомъ, дома было тяжело, и она, наконецъ, склонила мачиху отпустить ее на нѣсколько мѣсяцевъ, а, можетъ, и на годъ къ намъ.

На другой день послѣ пріѣзда, кузина ниспровергла весь порядокъ моихъ занятій, кромѣ уроковъ; самодержавно назначила часы для общаго чтенія, не совѣтовала читать романы, а рекомендовала Сегюрову всеобщую исторію ¹⁾ и Анахарсисово путешествіе ²⁾. Съ стоической точки зрѣнія противодѣйствовала она сильнымъ наклонностямъ моимъ курить тайкомъ табакъ, завертывая его въ бумажку (тогда папиросы еще не существовали); вообще, она любила мнѣ читать морали,—если я ихъ не исполнялъ, то мирно выслушивалъ. По счастью, у нея не было выдержки, и, забывая свои распоряженія, она читала со мной повѣсти Цшоке ³⁾, вмѣсто

¹⁾ Луи-Филиппъ Сегюръ.

²⁾ Ж. Бартеlemi, «Путешествіе молодого Анахарсиса по Греціи».

³⁾ Иоганнъ-Генрихъ, нѣмецкій писатель; его повѣсти и рассказы изъ народнаго быта были въ свое время очень популярны.

археологического романа, и посылала тайкомъ мальчика покупать зимой гречневика и гороховый кисель съ постнымъ масломъ, а лѣтомъ—крыжовникъ и смородину.

Я думаю, что вліяніе кухни на меня было очень хорошо: теплый элементъ взошелъ съ нею въ мое келейное отрочество, отогрѣлъ, а, можетъ, и сохранилъ едва развертывавшіяся чувства, которыя очень могли быть совсѣмъ подавлены ироніей моего отца. Я научился быть внимательнымъ, огорчаться отъ одного слова, заботиться о другѣ, любить; я научился говорить о чувствахъ. Она поддержала во мнѣ мои политическія стрѣмленія, пророчила мнѣ необыкновенную будущность, славу, и я съ ребячьимъ самолюбіемъ вѣрилъ ей, что я—будущій «Брутъ или Фабрицій». ²⁰

Мнѣ одному она довѣрила тайну любви къ одному офицеру Александрійскаго гусарскаго полка, въ черномъ ментикѣ и въ черномъ доломанѣ; это была дѣйствительная тайна, потому что и самъ гусаръ никогда не подозрѣвалъ, командуя своимъ эскадрономъ, какой чистый огонекъ теплился для него въ груди восемнадцатилѣтней дѣвушки. Не знаю, завидовалъ ли я его судьбѣ,—вѣроятно, немножко,—но я былъ гордъ тѣмъ, что она избрала меня своимъ повѣреннымъ, и воображалъ (по Вертеру), что это—одна изъ тѣхъ трагическихъ страстей, которая будетъ имѣть великую развязку, сопровождаемую самоубійствомъ, ядомъ и кинжаломъ; мнѣ даже приходило въ голову итти къ нему и все рассказать.

Кузина привезла изъ Корчевы воланы ¹⁾; въ одинъ изъ волановъ была воткнута булавка, и она никогда не играла другимъ, и всякій разъ, когда онъ попадался мнѣ или кому-нибудь, брала его, говоря, что она очень къ нему привыкла. Демонъ *espèglerie* ²⁾, который всегда былъ моимъ злымъ искусителемъ, наустилъ меня перемѣнить булавку, т.-е. воткнуть ее въ другой воланъ. Шалость вполне удалась: кузина постоянно брала тотъ, въ которомъ была булавка. Недѣли черезъ двѣ я ей сказалъ; она перемѣнилась въ лицѣ, залилась слезами и ушла къ себѣ въ комнату. Я былъ испуганъ, несчастенъ и, подождавъ съ полчаса, отправился къ ней; комната была заперта, я просилъ отпереть дверь, кузина не пускала, говорила, что она больна, что я не другъ ей, а бездушный мальчикъ. Я написалъ ей записку, умолялъ простить меня; послѣ чая мы помирились, я у ней поцѣловалъ руку, она обняла меня и тутъ объяснила всю важность дѣла. Годъ тому назадъ гусаръ обѣдалъ

¹⁾ Кусокъ пробки, утыканный перьями; играющіе перебрасываютъ его другъ другу особыми ракетками.

²⁾ Проказливости.

у нихъ и послѣ обѣда игралъ съ ней въ воланъ,—его-то воланъ и былъ отмѣченъ. Меня угрызала совѣсть, я думалъ, что я сдѣлалъ истинное святотатство. 21

Кузина оставалась до октября мѣсяца. Отецъ звалъ ее назадъ и общалъ черезъ годъ отпустить ее къ намъ въ Васильевское. Мы съ ужасомъ ждали разлуки, и вотъ однимъ осеннимъ днемъ пріѣхала за ней бричка, и горничная ея понесла класть кузовки и картоны; наши люди уложили всякихъ дорожныхъ припасовъ на цѣлую недѣлю, толпились у подъѣзда и прощались. Крѣпко обнялись мы; она плакала, и я плакалъ; бричка выѣхала на улицу, повернула въ переулокъ возлѣ того самаго мѣста, гдѣ продавали гречневики и гороховый кисель, и исчезла; я походилъ по двору,—такъ что-то холодно и дурно; взошелъ въ свою комнату,—и тамъ, будто, пусто и холодно; принялся готовить урокъ Ивану Евдокимовичу, а самъ думалъ, гдѣ-то теперь кибитка, проѣхала заставу или нѣтъ?

Одно меня утѣшало: въ будущемъ іюнѣ—вмѣстѣ въ Васильевскомъ!

Для меня деревня была временемъ воскресенія, я страстно любилъ деревенскую жизнь. Лѣса, поля и воля вольная,—все это мнѣ было такъ ново, выросшему въ хлопкахъ, за каменными стѣнами, не смѣя выйти ни подъ какимъ предлогомъ за ворота безъ спроса и безъ сопровожденія лакея...

«Ѣдемъ мы нынѣшній годъ въ Васильевское или нѣтъ?» Вопросъ этотъ сильно занималъ меня съ весны. Отецъ мой всякій разъ говорилъ, что въ этомъ году онъ уѣдетъ рано, что ему хочется видѣть, какъ распускается листъ, и никогда не могъ собраться прежде іюля. Иной годъ онъ такъ опаздывалъ, что мы совсѣмъ не ѣздили. Въ деревню писалъ онъ всякую зиму, чтобъ домъ былъ готовъ и протопленъ, но это дѣлалось больше по глубокимъ политическимъ соображеніямъ, нежели серьезно,—для того, чтобъ староста и земскій, боясь близкаго пріѣзда, внимательнѣе смотрѣли за хозяйствомъ.

Кажется, что ѣдемъ. Отецъ мой говорилъ Сенатору, что очень хотѣлось бы ему отдохнуть въ деревнѣ и что хозяйство требуетъ его присмотра, но опять проходили недѣли.

Мало-по-малу дѣло становилось вѣроятнѣе, запасы начинали отправляться: сахаръ, чай, разная крупа, вино;—тутъ снова пауза, и, наконецъ, приказъ старостѣ, чтобъ къ такому-то дню прислать столько-то крестьянскихъ лошадей. Итакъ, ѣдемъ, ѣдемъ!

Я не думалъ тогда, какъ была тягостна для крестьянъ въ самую рабочую пору потеря четырехъ или пяти дней, радовался отъ

души и торопился укладывать тетради и книги. Лошадей приводили, я съ внутреннимъ удовольствіемъ слушалъ ихъ жеваніе и фырканіе на дворѣ и принималъ большое участіе въ суетѣ кучеровъ, въ спорахъ людей о томъ, гдѣ кто сядетъ, гдѣ кто положить свои пожитки; въ людской огонь горѣлъ до самаго утра, и всѣ укладывались, таскали съ мѣста на мѣсто мѣшки и мѣшочки и одѣвались по-дорожному (ѣхать всего было около восьмидесяти верстъ!). Всего болѣе раздраженъ былъ камердинеръ моего отца; онъ чувствовалъ всю важность укладки, съ ожесточеніемъ выбрасывалъ все, положенное другими, рвалъ себѣ волосы на головѣ отъ досады и былъ неприспособленъ.

Отецъ мой вовсе не раньше вставалъ на другой день,—казалось, даже позже обыкновеннаго, также продолжительно пилъ кофе и, наконецъ, часовъ въ одиннадцать приказывалъ закладывать лошадей. За четверомѣстной каретой, заложенной шестью господскими лошадьми, ѣхали три, иногда четыре повозки: коляска, бричка, фура или, вмѣсто ея, двѣ телѣги; все это было наполнено дворовыми и пожитками; несмотря на обозы, прежде отправленные, все было биткомъ набито, такъ что никому нельзя было порядочно сидѣть.

На полдорогѣ мы останавливались обѣдать и кормить лошадей въ большомъ селѣ Перхушковѣ, имя котораго попало въ наполеоновскіе бюллетени. Село это принадлежало сыну «старшаго брата», о которомъ мы говорили при раздѣлѣ ¹⁾. Запущенный барскій домъ стоялъ на большой дорогѣ, окруженный плоскими безотрадными полями; но мнѣ и эта пыльная даль очень нравилась послѣ городской тѣсноты. Въ домѣ покоробленные полы и ступени лѣстницы качались, шаги и звуки раздавались рѣзко, стѣны вторили имъ, будто, съ удивленіемъ. Старинная мебель изъ кунсткамеры прежняго владѣльца доживала свой вѣкъ въ этой ссылкѣ; я съ любопытствомъ бродилъ изъ комнаты въ комнату, ходилъ вверхъ, ходилъ внизъ; отправлялся въ кухню. Тамъ нашъ поваръ приготовлялъ наскоро дорожный обѣдъ съ недовольнымъ и ироническимъ видомъ. Въ кухнѣ сидѣлъ обыкновенно бурмистръ, сѣдой старикъ съ шишкой на головѣ; поваръ, обращаясь къ нему, критиковалъ плиту и очагъ; бурмистръ слушалъ его и по временамъ лаконически отвѣчалъ: «И то, пожалуй, что и такъ»—и невесело посматривалъ на всю эту тревогу, думая: «когда нелегкая ихъ пронесетъ».

¹⁾ Алексѣю Александровичу Яковлеву, «химику».

Обѣдъ подавался на особенномъ англійскомъ сервизѣ изъ жести или изъ какой-то композиціи, купленномъ *ad hoc* ¹⁾. Между тѣмъ, лошади были заложены; въ передней и въ сѣняхъ собирались охотники до придворныхъ встрѣчъ и проводовъ: лакеи, оканчивающіе жизнь на хлѣбѣ и чистомъ воздухѣ, старухи, бывшія смазливыми горничными лѣтъ тридцать тому назадъ,—вся эта саранча господскихъ домовъ, поѣдающая крестьянскій трудъ безъ собственной вины, какъ настоящая саранча. Съ ними приходили дѣти съ свѣтлопалевыми волосами; босыя и запачканныя, они все совались впередъ, старухи все ихъ дергали назадъ; дѣти кричали, старухи кричали на нихъ, ловили меня при всякомъ случаѣ и всякій годъ удивлялись, что я такъ выросъ. Отецъ мой говорилъ съ ними нѣсколько словъ; одни подходили *кѣ ручкѣ*, которую онъ никогда не давалъ, другіе кланялись,—и мы уѣзжали.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Вяземъ князя Голицына дожидался васильевскій староста, верхомъ, на опушкѣ лѣса и провожалъ проселкомъ. Въ селѣ, у господскаго дома, къ которому вела длинная липовая аллея, встрѣчалъ священникъ, его жена, причетники, дворовые, нѣсколько крестьянъ и дуракъ Пронька, который одинъ чувствовалъ человѣческое достоинство, не снималъ засаленной шляпы, улыбался, стоя нѣсколько поодаль, и давалъ стрѣчка, какъ только кто-нибудь изъ городскихъ хотѣлъ подойти къ нему.

Я мало видалъ мѣстъ изящнѣе Васильевского. Кто знаетъ Кунцово ²⁾ и Архангельское ³⁾ Юсупова или имѣніе Лопухина противъ Саввина монастыря, тому довольно сказать, что Васильевское лежитъ на продолженіи того же берега, верстъ тридцать отъ Саввина монастыря ⁴⁾. На отлогой сторонѣ—село, церковь и старый господскій домъ. По другую сторону—гора и небольшая деревенька. Тамъ построилъ мой отецъ новый домъ. Видъ изъ него обнималъ верстъ пятнадцать кругомъ: озера нивъ, колеблясь, стлались безъ конца; разныя усадьбы и села съ бѣлѣющими церквями видны были тамъ-сямъ; лѣса разныхъ цвѣтовъ дѣлали полукруглую раму, и черезъ все—голубая тесьма Москвы-рѣки. Я открывалъ окно рано утромъ въ своей комнатѣ наверху и смотрѣлъ, и слушалъ, и дышалъ.

¹⁾ Для даннаго случая.

²⁾ Или Знаменское, Московской губ. и у., нынѣ дачное мѣсто.

³⁾ Село Звенигор. у. Московск. губ., въ 3 вер. отъ жел.-дорож. ст. Одинцово.

⁴⁾ Саввинъ-Сторожевскій-Рождество-Богородицкій мужской 1-го класса монастырь въ Звенигородскомъ у. Московской губ., въ 20 вер. отъ Твери.

При всемъ томъ мнѣ было жаль старый каменный домъ, можетъ, оттого, что я въ немъ встрѣтился въ первый разъ съ деревней; я такъ любилъ длинную, тѣнистую аллею, которая вела къ нему, и одичалый садъ возлѣ; домъ разваливался, и изъ одной трещины въ сѣняхъ росла тоненькая, стройная береза. Налѣво по рѣкѣ шла ивовая аллея, за нею тростникъ и бѣлый песокъ до самой рѣки; на этомъ пескѣ и въ этомъ тростникѣ игрывалъ я, бывало, цѣлое утро—лѣтъ одиннадцати, двѣнадцати. Передъ домомъ сиживалъ почти всегда сгорбленный старикъ садовникъ, троилъ мятную воду, отваривалъ ягоды и тайкомъ кормилъ меня всякой овощью. Въ саду было множество воронъ; гнѣзда ихъ покрывали макушки деревьевъ, онѣ кружились около нихъ и каркали; иногда, особенно къ вечеру, онѣ вспархивали цѣлыми сотнями, шумя и поднимая другихъ; иногда одна какая-нибудь перелетитъ наскоро съ дерева на дерево, и все затихнетъ... А къ ночи издали гдѣ-то сова то плачетъ, какъ ребенокъ, то заливается хохотомъ... Я боялся этихъ дикихъ и плачевныхъ звуковъ, а, все-таки, ходилъ ихъ слушать.

Каждый годъ или, по крайней мѣрѣ, черезъ годъ ѣздили мы въ Васильевское. Я, уѣзжая, мѣтилъ на стѣнѣ возлѣ балкона мой ростъ и тотчасъ отправлялся свидѣтельствовать, сколько меня прибыло. Но я могъ деревней мѣрить не одинъ физическій ростъ: періодическія возвращенія къ тѣмъ же предметамъ наглядно показывали разницу внутренняго развитія. Другія книги привозились, другіе предметы занимали. Въ 1823 я еще совсѣмъ былъ ребенкомъ, со мной были дѣтскія книги, да и тѣхъ я не читалъ, а занимался всего больше зайцемъ и векшей, которые жили въ чуланѣ возлѣ моей комнаты. Одно изъ главныхъ наслажденій состояло въ разрѣшеніи моего отца каждый вечеръ разъ выстрѣлить изъ фальконета, причемъ, само собою разумѣется, вся дворня была занята, и пятидесятилѣтніе люди съ просѣдью такъ же тѣшились, какъ я. Въ 1827 я привезъ съ собою Плутарха и Шиллера; рано утромъ уходилъ я въ лѣсъ, въ чашу, какъ можно дальше, тамъ ложился подъ дерево и, воображая, что это—богемскіе лѣса, читалъ самъ о себѣ вслухъ; тѣмъ не меньше, еще плотина, которую я дѣлалъ на небольшомъ ручьѣ съ помощью одного двороваго мальчика, меня очень занимала, и я въ день десять разъ бѣгалъ ее осматривать и поправлять. Въ 1829 и 30 годахъ я писалъ *философскую* статью о Шиллеровомъ Валленштейнѣ, и изъ прежнихъ игръ удержался въ силѣ одинъ фальконетъ.

Впрочемъ, сверхъ пальбы, еще другое наслажденіе осталось моей неизмѣнной страстью—сельскіе вечера; они и теперь, какъ тогда, остались для меня минутами благочестія, тишины и поэзіи.

Одна изъ послѣднихъ кротко-свѣтлыхъ минутъ въ моей жизни тоже напоминаетъ мнѣ сельскій вечеръ. Солнце опускалось торжественно, ярко въ океанъ огня, распускалось въ немъ... Вдругъ густой пурпуръ смѣнился синей темнотой; все подернулось дымчатымъ испареніемъ,—въ Италіи сумерки начинаются быстро. Мы сѣли на муловъ; по дорогѣ изъ Фраскати въ Римъ надобно было проѣзжать небольшою деревенькой; кой-гдѣ уже горѣли огоньки, все было тихо; копыта муловъ звонко постукивали по камню; свѣжій и нѣсколько сырой вѣтеръ подувалъ съ Апеннинъ. При выѣздѣ изъ деревни, въ нишѣ стояла небольшая мадонна, передъ нею горѣлъ фонарь; крестьянскія дѣвушки, шедшія съ работы, покрытыя своимъ бѣлымъ убрусомъ на головѣ, опустили на колѣни и запѣли молитву; къ нимъ присоединились шедшіе мимо нищіе пифераріи ¹⁾. Я былъ глубоко потрясенъ, глубоко тронутъ. Мы ²⁾ посмотрѣли другъ на друга... и тихимъ шагомъ поѣхали къ остеріи, гдѣ насъ ждала коляска. Ъхавши домой, я рассказывалъ о вечерахъ въ Васильевскомъ. А что рассказывать?

Деревья сада
Стояли тихо. По холмамъ
Тянулась сельская ограда.
И расходилось по домамъ
Уныло медленное стадо.

(«Юморъ»).

... Пастухъ хлопаетъ длиннымъ бичемъ да играетъ на берестовой дудкѣ; мычанье, бляенье, топанье по мосту возвращающагося стада; собака подгоняетъ лаемъ разсѣянную овцу, и та бѣжитъ какимъ-то деревяннымъ курць-галопомъ; а тутъ пѣсни крестьянокъ, идущихъ съ поля, все ближе и ближе; но тропинка повернула направо, и звуки снова удаляются. Изъ домовъ, скрипя воротами, выходятъ дѣти, дѣвочки—встрѣчаютъ своихъ коровъ, барановъ; работа кончилась. Дѣти играютъ на улицѣ, у берега, и ихъ голоса раздаются пронзительно чисто по рѣкѣ и по вечерней зарѣ; къ воздуху примѣшивается паленый запахъ овиновъ; роса начинаетъ исподволь стлать дымомъ по полю; надъ лѣсомъ вѣтеръ какъ-то ходитъ вслухъ, словно, листь закипаетъ, а тутъ зарница дрожа освѣтитъ замирающей, трепетной лазурью окрестности, и Вѣра Артамоновна, больше ворча, нежели сердясь, говоритъ, найдя меня подъ липой:

¹⁾ Абруцкіе горные пастухи, поющіе свои пѣсни подъ аккомпаниментъ *piffero*, въ родѣ дудочки.

²⁾ Герценъ и Н. А.—на.

— Что это васъ нигдѣ не сыщешь? и чай давно поданъ, и всѣ въ сборѣ... Я уже искала, искала васъ,—ноги устали, не подѣ лѣта мнѣ бѣгать; да и что 'это на сырой травѣ лежать?... Вотъ будетъ завтра насморкъ, непременно будетъ.

— Ну, полноте, полноте,—говориль я смѣясь старушкѣ,—и насморку не будетъ, и чаю я не хочу, а вы мнѣ украдѣте сливокъ получше съ самага верху.

— Въ самомъ дѣлѣ, ужъ какой вы... на васъ и сердиться нельзя... Лакомство какое! сливки-то я ужъ и безъ вашего спроса приготовила. А вотъ зарница... хорошо! это къ хлѣбу зарить.

И я, подпрыгивая и повистывая, отправлялся домой.

Послѣ 1832 года мы не ѣздили больше въ Васильевское: въ продолженіе моей ссылки мой отецъ продалъ его ¹⁾. Въ 1843 году мы жили въ другой подмосковной ²⁾ въ Звенигородскомъ уѣздѣ, верстъ двадцать отъ Васильевскаго. Какъ же было не съѣздить на старое пепелище? И вотъ мы опять ѣдемъ тѣмъ же проселкомъ; открывается знакомый боръ и гора, покрытая орѣшникомъ, а тутъ и бродъ черезъ рѣку; это—бродъ, приводившій меня двадцать лѣтъ тому назадъ въ восторгъ,—вода брызжетъ, мелкіе камни хрустятъ, кучера кричатъ, лошади упираются... Ну, вотъ и село, и домъ священника, гдѣ онъ сиживалъ на лавочкѣ въ буромъ подрясникѣ, простодушный, добрый, рыжеватый, вѣчно въ поту, всегда что-нибудь прикусывавшій и постоянно одержимый икотой; вотъ и канцелярія, гдѣ земскій Василій Епифановъ, никогда не бывшій трезвымъ, писалъ свои отчеты, скорчившись надъ бумагой и держа перо у самага конца, круто подогнувши третій палецъ подъ него. Священникъ умеръ, Василій Епифановъ пишетъ отчеты и напивается въ другой деревнѣ. Мы остановились у старостихи; мужъ ея былъ на полѣ.

Что-то чужое прошло тутъ въ эти десять лѣтъ; вмѣсто нашего дома, на горѣ стоялъ другой, около него былъ разбитъ новый садъ. Возвращаясь мимо церкви и кладбища, мы встрѣтили какое-то уродливое существо, тащившееся почти на четверенькахъ; оно мнѣ показывало что-то; я подошелъ; это была горбатая и разбитая параличомъ полуюродивая старуха, жившая подаяніемъ и работавшая на огородѣ прежняго священника; ей было тогда уже лѣтъ около семидесяти, и ее-то именно смерть и обошла. Она узнала меня, плакала, качала головой и приговаривала: «Охъ, уже:

¹⁾ Въ 1835 г. Н. П. Голохвастову за 250,000 руб. асс.

²⁾ С. Покровское-Засѣкино.

и ты-то какъ состарился, я по поступи тебя только узнала... А я, ужъ я-то, о, о, охъ—и не говори!».

Когда мы ѣхали назадъ, я увидѣлъ издали на полѣ старосту, того же, который былъ при насъ; онъ сначала не узналъ меня, но когда мы проѣхали, онъ, какъ бы спохватившись, снялъ шляпу и низко кланялся. Проѣхавъ еще нѣсколько, я обернулся: староста Григорій Горскій все еще стоялъ на томъ же мѣстѣ и смотрѣлъ намъ вслѣдъ; его высокая, бородатая фигура, кланяющаяся середь нивы, знакомо проводила насъ изъ отчужденнаго Васильевского.

ГЛАВА IV.

Никъ и Воробьевы горы.

«Напиши тогда, какъ въ этомъ мѣстѣ (на Воробьевыхъ горахъ) развилась исторія нашей жизни, т.-е. моей и твоей».

Письмо 1833.

Года за три до того времени, о которомъ идетъ рѣчь, мы гуляли по берегу Москвы-рѣки въ Лужникахъ, т.-е. по другую сторону Воробьевыхъ горъ. У самой рѣки мы встрѣтили знакомаго намъ француза-гувернера въ одной рубашкѣ; онъ былъ перепуганъ и кричалъ: «тонетъ! тонетъ!». Но прежде, нежели нашъ пріятель успѣлъ снять рубашку или надѣть панталоны, уральскій казакъ сбѣжалъ съ Воробьевыхъ горъ, бросился въ воду, исчезъ и черезъ минуту явился съ тщедушнымъ человѣкомъ, у котораго голова и руки болтались, какъ платье, вывѣшенное на вѣтеръ; онъ положилъ его на берегъ, говоря: «еще отходится, стоить покачать».

Люди, бывшіе около, собрали рублей пятьдесятъ и предложили казаку. Казакъ безъ ужимокъ очень простодушно сказалъ: «Грѣшно за эдакое дѣло деньги брать, и труда, почитай, никакого не было, ишь, какой,—словно, кошка. А впрочемъ,—прибавилъ онъ,—мы люди бѣдные, просить не просимъ, ну, а коли даютъ, отчего не взять; покорнѣйше благодаримъ». Потомъ, завязавши деньги въ платокъ, онъ пошелъ пасти лошадей на гору. Мой отецъ спросилъ его имя и написалъ на другой день о бывшемъ Эссену. Эссенъ произвелъ его въ урядники. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ явился къ-

намъ казакъ и съ нимъ надушенный, рябой, лысый, въ завитой бѣлокурой надкладкѣ нѣмецъ: онъ пріѣхаль благодарить за казака,— это былъ утопленникъ. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ бывать у насъ.

Карль Ивановичъ Зонненбергъ оканчиваль тогда нѣмецкую часть воспитанія какихъ-то двухъ повѣсь, отъ нихъ онъ перешель къ одному симбирскому помѣщику, отъ него—къ дальнему родственнику моего отца ¹⁾). Мальчикъ, котораго физическое здоровье и германское произношеніе было ему ввѣрено и котораго Зонненбергъ называль Никомъ, мнѣ нравился: въ немъ было что-то доброе, кроткое и задумчивое; онъ вовсе не походилъ на другихъ мальчиковъ, которыхъ мнѣ случалось видѣть; тѣмъ не менѣе сближались мы туго. Онъ былъ молчаливъ, задумчивъ; я рѣзвъ, но боялся его тормошить.

Около того времени, какъ тверская кузина уѣхала въ Корчеву, умерла бабушка Ника; матери онъ лишился въ первомъ дѣтствѣ. Въ ихъ домѣ была суета, и Зонненбергъ, которому нечего было дѣлать, тоже хлопоталь и представляль, что сбить съ ногъ; онъ привель Ника съ утра къ намъ и просиль его на весь день оставить у насъ. Никъ былъ грустенъ, испуганъ; вѣроятно, онъ любиль бабушку. Онъ такъ поэтически вспомнилъ ее потомъ:

И вотъ теперь въ вечерній часъ
Заря блестить стезею длинной,—
Я вспоминаю, какъ у насъ
Давно обычай былъ старинной:
Предъ воскресеньемъ каждый разъ
Ходиль къ намъ попъ сѣдой и чинной
И передъ образомъ святымъ
Молился съ причетомъ своимъ.

Старушка бабушка моя,
На креслахъ опершись, стояла,
Молитву шопотомъ творя,
И четки все перебирала;
Въ дверяхъ знакомая семья
Дворовыхъ лицъ мольбѣ внимала,
И въ землю кланялись они,
Прося у Бога долги дни.

А блескъ вечерній по окнамъ
Межъ тѣмъ горѣлъ....

.
По залѣ изъ кадила дымъ
Носился клубомъ голубымъ.

¹⁾ Платонъ Богдановичъ Огаревъ.

И все такую тишиной
 Кругомъ дышало, только чтенье
 Дьячковъ звучало, и съ душой
 Дружилось тайное стремленье,
 И смутно съ дѣтскою мечтой
 Ужъ грусти тихой ощущенье
 Я безсознательно сближалъ,
 И все чего-то такъ желалъ.

(Юморъ).

... Посидѣвши немного, я предложилъ читать Шиллера. Меня удивляло сходство нашихъ вкусовъ; онъ зналъ на память гораздо больше, чѣмъ я, и зналъ именно тѣ мѣста, которыя мнѣ такъ нравились; мы сложили книгу и выпытывали, такъ сказать, другъ въ другъ симпатію. ²²

Отъ Мероса, шедшаго съ кинжаломъ въ рукавъ, «чтобъ городъ освободить отъ тирана», отъ Вильгельма Телля, поджидавшего на узкой дорожкѣ въ Кюснахтѣ Фогта, переходъ къ 14 декабря и Николаю былъ легокъ. Мысли эти и эти сближенія не были чужды Нику, ненапечатанные стихи Пушкина и Рылѣева были и ему извѣстны; разница съ пустыми мальчиками, которыхъ я изрѣдка встрѣчалъ, была разительна.

Незадолго передъ тѣмъ, гуляя на Прѣсенскихъ прудахъ, я, полный моимъ бушотовскимъ терроризмомъ, объяснялъ одному изъ моихъ ровесниковъ справедливость казни Людовика XVI. «Все такъ,—замѣтилъ юный князь О.,—но, вѣдь, онъ былъ помазанникъ Божій!» Я посмотрѣлъ на него съ сожалѣніемъ, разлюбилъ его и ни разу потомъ не просился къ нимъ.

Этихъ предѣловъ съ Никомъ не было; у него сердце такъ же билось, какъ у меня; онъ такъ же отчалилъ отъ угрюмаго консервативнаго берега; стоило дружнѣе отпихнуться—и мы чуть ли не въ первый день рѣшились дѣйствовать въ пользу цесаревича *Константина!*

Прежде мы имѣли мало долгихъ бесѣдъ. Карлъ Ивановичъ мѣшалъ, какъ осенняя муха, и портилъ всякій разговоръ своимъ присутствіемъ, во все мѣшался, ничего не понимая, дѣлалъ замѣчанія, поправлялъ воротникъ рубашки у Ника, торопился домой, словомъ, былъ очень противень. Черезъ мѣсяць мы не могли провести двухъ дней, чтобъ не увидѣться или не написать письмо; я съ порывистостью моей природы привязывался больше и больше къ Нику, онъ тихо и глубоко любилъ меня.

Дружба наша должна была съ самаго начала принять характеръ серьезный. Я не помню, чтобъ шалости занимали насъ на пер-

вомъ планѣ, особенно, когда мы были одни. Мы, разумѣется, не сидѣли съ нимъ на одномъ мѣстѣ,—лѣта брали свое: мы хохотали и дурачились, дразнили Зонненберга и стрѣляли на нашемъ дворѣ изъ лука; но основа всего была очень далека отъ пустого товарищества; насъ связывала, сверхъ равенства лѣтъ ¹⁾, сверхъ нашего «химическаго» сродства, наша общая религія. Ничего въ свѣтѣ ни очищаетъ, ни облагораживаетъ такъ отроческій возрастъ, ни хранить его, какъ сильно возбужденный общечеловѣческой интересъ. Мы уважали въ себѣ наше будущее, мы смотрѣли другъ на друга, какъ на сосуды избранные, предназначенные.

Часто мы ходили съ Никомъ за городъ; у насъ были любимыя мѣста—Воробьевы горы, поля за Дорогомиловской заставой. Онъ приходилъ за мной съ Зонненбергомъ часовъ въ шесть или семь утра и, если я спалъ, бросалъ въ мое окно песокъ и маленькіе камешки. Я просыпался, улыбаясь, и торопился выйти къ нему.

Раннія прогулки эти завелъ неутомимый Карлъ Ивановичъ.

Зонненбергъ въ помѣщичьи-патріархальномъ воспитаніи Огарева играетъ роль Бирона. Съ его появленіемъ вліяніе старика дядьки было устранено; скрѣпя сердце, молчала недовольная олигархія передней, понимая, что проклятаго нѣмца, кушающаго за господскимъ столомъ, не пересилишь. Круто измѣнилъ Зонненбергъ прежніе порядки; дядька даже прослезился, узнавъ, что нѣмчура повелъ молодого барина *самою* покупать въ лавки готовые сапоги. Переворотъ Зонненберга такъ же, какъ переворотъ Петра I, отличался военнымъ характеромъ въ дѣлахъ самыхъ мирныхъ. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы худенькія плечи Карла Ивановича когда-нибудь прикрывались погономъ или эполетами, но природа такъ устроила нѣмца, что если онъ не доходитъ до неряшества и *sans-gêne* ²⁾ филологіей или теологіей, то какой бы онъ ни былъ статскій, все-таки, онъ военный. Въ силу этого и Карлъ Ивановичъ любилъ и узкія платья, застегнутыя и съ перехватомъ, въ силу этого и онъ былъ строгій блюститель собственныхъ правилъ и, положивши встать въ шесть часовъ утра, поднималъ Ника въ 59 минутъ шестого и никакъ не позже одной минуты седьмого и отправлялся съ нимъ на чистый воздухъ.

Воробьевы горы, у подножія которыхъ тонулъ Карлъ Ивановичъ, скоро сдѣлались нашими «святыми холмами».

Разъ послѣ обѣда, отецъ мой собрался ѣхать за городъ. Огаревъ былъ у насъ; онъ его пригласилъ, и съ Зонненбергомъ. Поѣздки

¹⁾ Н. П. Огаревъ родился 24 ноября 1813 г.

²⁾ Безцеремонность.

эти были нешуточными дѣлами. Въ четверомѣстной каретѣ «работы Іохима», что не мѣшало ей въ пятнадцатилѣтнюю, хотя и покойную, службу состарѣться до безобразія и быть попрежнему тяжелѣе осадной мортиры, до заставы надобно было ѣхать часъ или больше. Четыре лошади разнаго роста и не одного цвѣта, облѣнившіяся въ празднои жизни и наѣвшія себѣ животы, покрывались черезъ четверть часа потомъ и мыломъ; это было *запрещено* кучеру Авдѣю, и ему оставалось ѣхать шагомъ. Окна были обыкновенно подняты, какой бы жаръ ни былъ; и ко всему этому рядомъ съ равномерно-гнетущимъ надзоромъ моего отца безпкойно суетливый, тормошащій надзоръ Карла Ивановича. Но мы охотно подвергались всему, чтобъ быть вмѣстѣ.

Въ Лужникахъ мы переѣхали на лодкѣ Москву-рѣку на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ казакъ вытащилъ изъ воды Карла Ивановича. Отецъ мой, какъ всегда, шелъ угрюмо и сгорбившись; возлѣ него мелкими шажками сѣменилъ Карлъ Ивановичъ, занимая его сплетнями и болтовней. Мы ушли отъ нихъ впередъ и, далеко опередивши, взбѣжали на мѣсто закладки Витбергова храма на Воробьевыхъ горахъ.

Запыхавшись и раскраснѣвшись, стояли мы тамъ, обтирая потъ. Садилось солнце, купола блестѣли, городъ стлался на необозримое пространство подъ горой, свѣжій вѣтерокъ подувалъ на насъ; постояли мы, постояли, оперлись другъ на друга и, вдругъ обнявшись, присягнули, въ виду всей Москвы, пожертвовать нашей жизнью на избранную нами борьбу.

Сцена эта можетъ показаться очень натянутой, очень театральной, а между тѣмъ, черезъ двадцать шесть лѣтъ я тронуть до слезъ, вспоминая ее: она была свято искренна, это доказала вся жизнь наша. Но, видно, одинакая судьба поражаетъ всѣ обѣты, данные на этомъ мѣстѣ; Александръ былъ тоже искрененъ, положивши первый камень храма, который, какъ Іосифъ II сказалъ, и притомъ ошибочно, при закладкѣ какого-то города въ Новороссіи,—сдѣлалъ послѣднимъ.

Мы не знали всей силы того, съ чѣмъ вступали въ бой, но бой приняли. *Сила* сломила въ насъ многое, *но не она* насъ сокрушила, и ей мы не сдались, несмотря на всѣ ея удары. Рубцы, полученные отъ нея, почетны,—свихнутая нога Іакова была знаменіемъ того, что онъ боролся ночью съ Богомъ.

Съ этого дня Воробьевы горы сдѣлались для насъ мѣстомъ богомолья, и мы въ годъ разъ или два ходили туда, и всегда одни. Тамъ спрашивалъ меня Огаревъ, пять лѣтъ спустя, робко и застѣнчиво, вѣрю ли я въ его поэтической талантъ, и писалъ мнѣ потомъ

(1833) изъ своей деревни: «Выѣхалъ я, и мнѣ стало грустно, такъ грустно, какъ никогда не бывало. А все Воробьевы горы. Долго я самъ въ себѣ таилъ восторги; застѣнчивость или что-нибудь другое, чего я и самъ не знаю, мѣшало мнѣ высказать ихъ, но на Воробьевыхъ горахъ этотъ восторгъ не былъ отягченъ одиночествомъ, ты раздѣлялъ его со мной, и эти минуты незабвенны, онѣ, какъ воспоминанія о быломъ счастьи, преслѣдовали меня дорогой, а вокругъ я только видѣлъ лѣсъ; все было такъ синѣ, синѣ, а на душѣ темно, темно».

«Напиши, заключалъ онъ, какъ въ этомъ мѣстѣ (на Воробьевыхъ горахъ) развилась исторія нашей жизни, т.-е. моей и твоей». ²³

Прошло еще пять лѣтъ, я былъ далеко отъ Воробьевыхъ горъ, но возлѣ меня угрюмо и печально стоялъ ихъ Прометей—А. Л. Витбергъ. Въ 1842, возвратившись окончательно въ Москву, я снова посѣтилъ Воробьевы горы; мы опять стояли на мѣстѣ закладки, смотрѣли на тотъ же видъ и также вдвоемъ, но не съ Никомъ ¹⁾.

Съ 1827 мы не разлучались. Въ каждомъ воспоминаніи того времени, отдѣльномъ и общемъ, вездѣ на первомъ планѣ *она* съ своими отроческими чертами, съ своей любовью ко мнѣ. Рано виднѣлось въ немъ то помазаніе, которое достается немногимъ,—на бѣду ли, на счастье ли, не знаю, но навѣрное на то, чтобъ не быть въ толпѣ. Въ домѣ у его отца долго потомъ оставался большой писанный масляными красками портретъ Огарева того времени (1827—28 года). Впослѣдствіи часто останавливался я передъ нимъ и долго смотрѣлъ на него. Онъ представленъ съ раскинутымъ воротникомъ рубашки; живописецъ чудно схватилъ богатые каштановые волосы, отрочески неустоявшуюся красоту отъ неправильныхъ чертъ и нѣсколько смуглый колоритъ; на холстѣ виднѣлась задумчивость, предварающая сильную мысль; безотчетная грусть и чрезвычайная кротость просвѣчивали изъ сѣрыхъ большихъ глазъ, намекая на будущій ростъ великаго духа; такимъ онъ и выросъ. Портретъ этотъ, подаренный мнѣ, взяла чужая женщина ²⁾, можетъ, ей попадутся эти строки, и она его пришлетъ мнѣ.

Я не знаю, почему даютъ какую-то монополію воспоминаніямъ первой любви надъ воспоминаніями молодой дружбы. Первая любовь потому такъ благоуханна, что она забываетъ различіе половъ, что она—страстная дружба. Съ своей стороны, дружба между юношами имѣетъ всю горячность любви и весь ея характеръ: та же застѣнчивая боязнь касаться словомъ своихъ чувствъ, то же не-

¹⁾ Съ женой.

²⁾ Вѣроятно, гр. Е. В. Салиасъ де Турнемиръ.

довѣріе къ себѣ, безусловная преданность, та же мучительная тоска разлуки и то же ревнивое желаніе исключительности.

Я давно любилъ, и любилъ страстно, Ника, но не рѣшался назвать его «другомъ», и когда онъ жилъ лѣтомъ въ Кунцовѣ, я писалъ ему въ концѣ письма: «Другъ вашъ или нѣтъ, еще не знаю». Онъ первый сталъ мнѣ писать *ты* и называлъ меня своимъ Агатомъ по Карамзину ¹⁾, а я звалъ его моимъ Рафаиломъ по Шиллеру ²⁾.

Улыбнитесь, пожалуй, да только кротко, добродушно, такъ, какъ улыбаются, думая о своемъ пятнадцатомъ годѣ. Или не лучше ли призадуматься надъ своимъ: «Таковъ ли былъ я, расцвѣтая?» и благословить судьбу, если у васъ *была* юность (одной молодости недостаточно на это); благословить ее вдвое, если у васъ былъ тогда другъ.

Языкъ того времени намъ сдается натянутымъ, книжнымъ; мы отучились отъ его неустоявшейся восторженности, нестройнаго одушевленія, смѣняющагося вдругъ то томной нѣжностью, то дѣтскимъ смѣхомъ. Онъ былъ бы смѣшонъ въ тридцатилѣтнемъ человѣкѣ, какъ знаменитое «*Bettina will schlafen*» ³⁾, но въ свое время этотъ отроческій языкъ, этотъ *jargon de la puberte* ⁴⁾, эта перемѣна психическаго голоса очень откровенны, даже книжный оттѣнокъ естествененъ возрасту теоретическаго знанія и практическаго невѣжества.

Шиллеръ остался нашимъ любимцемъ ⁵⁾; лица его драмъ были для насъ существующія личности, мы ихъ разбирали, любили и ненавидѣли не какъ поэтическія произведенія, а какъ живыхъ людей. Сверхъ того, мы въ нихъ видѣли самихъ себя. Я писалъ къ Нику, нѣсколько озабоченный тѣмъ, что онъ слишкомъ любитъ Фіеско, что за «всякимъ» Фіеско стоитъ свой Веринна. Мой идеалъ былъ Карлъ Мооръ, но я вскорѣ измѣнилъ ему и перешелъ въ маркиза Позу. На сто ладовъ придумывалъ я, какъ буду говорить съ Николаемъ, какъ онъ потомъ отправитъ меня въ рудники, каз-

¹⁾ Карамзинъ въ Агатонѣ вывелъ типъ истиннаго друга.

²⁾ «*Philosophische Briefe*». А. И. Г.

³⁾ Беттина хочетъ спать.

⁴⁾ Жаргонъ возмужалости.

⁵⁾ Поэзія Шиллера не утратила на меня своего вліянія; нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ ⁶⁾, я читалъ моему сыну «*Валленштейна*», это—гигантское произведеніе! Тотъ, кто теряетъ вкусъ къ Шиллеру, тотъ или старъ, или педантъ, очерствѣлъ или забылъ себя. Что же сказать о тѣхъ скороспѣлыхъ *altkluge Burschen* ⁷⁾, которые такъ хорошо знаютъ *недостатки* его въ семнадцать лѣтъ?.. А. И. Г.

⁶⁾ Въ 1853 году.

⁷⁾ Умные не по лѣтамъ молодые люди.

нить. Странная вещь, что почти всё наши грезы оканчивались Сибирью или казнью и почти никогда—торжествомъ. Неужели это—русскій складъ фантазіи или отраженіе Петербурга съ пятью висѣлицами и каторжной работой на юномъ поколѣніи?

Такъ-то, Огаревъ, рука въ руку входили мы съ тобою въ жизнь! Шли мы безбоязненно и гордо, не скупясь, отвѣчали всякому призыву, искренно отдавались всякому увлеченію. Путь, нами избранный, былъ не легокъ; мы его не покидали ни разу; раненые, сломанные, мы шли, и насъ никто не обгонялъ. Я дошелъ... не до цѣли, а до того мѣста, гдѣ дорога идетъ подъ гору, и невольно ищу твоей руки, чтобъ вмѣстѣ выйти, чтобъ пожать ее и сказать, грустно улыбаясь: «*вотъ и все!*».

А покамѣстъ въ скучномъ досугѣ, на который меня осудили событія, не находя въ себѣ ни силъ, ни свѣжести на новый трудъ, записываю я *наши* воспоминанія. Много того, что насъ такъ тѣсно соединяло, осѣло въ этихъ листахъ,—я ихъ дарю тебѣ. Для тебя они имѣютъ двойной смыслъ,—смыслъ надгробныхъ памятниковъ, на которыхъ мы встрѣчаемъ знакомыя имена ¹⁾.

...А не странно ли подумать, что, умѣй Зонненбергъ плавать или утони онъ тогда въ Москвѣ-рѣкѣ, вытащи его не уральскій казакъ, а какой-нибудь апшеронскій пѣхотинецъ, я бы и не встрѣтился съ Никомъ, или позже, иначе, не въ той комнаткѣ нашего стараго дома, гдѣ мы, тайкомъ куря сигарки, заступали такъ далеко другъ другу въ жизнь и черпали другъ въ другѣ силу.

Онъ не забылъ его, нашъ «старый домъ»:

Старый домъ, старый другъ! посѣтилъ я,
Наконецъ, въ запустѣнныя тебя,
И бывшее опять воскресилъ я
И печально смотрѣлъ на тебя.

Дворъ лежалъ предо мной неметеный
Да колодезь валился гнилой.
И въ саду не шумѣлъ листь зеленый,—
Желтый, тлѣлъ онъ на почвѣ сырой.

Домъ стоялъ обветшалый уныло,
Штукатурка обилась кругомъ.
Туча сѣрая сверху ходила
И все плакала, гляди на домъ.

Я вошелъ. Тѣ же комнаты были,—
Здѣсь ворчалъ недовольный старикъ,
Мы бесѣды его не любили,—
Насъ страшилъ его черствый языкъ.

¹⁾ Писано въ 1853 году. А. И. Г.

Вотъ и комнатка: съ другомъ, бывало.
Здѣсь мы жили умомъ и душой,
Много думъ золотыхъ возникало
Въ этой комнаткѣ прежней порой.
Въ нее звѣздочка тихо свѣтила,
Въ ней остались слова на стѣнахъ:
Ихъ въ то время рука начертила,
Когда юность кипѣла въ душахъ.
Въ этой комнаткѣ счастье былое,
Дружба свѣтлая выросла тамъ...
А теперь запустѣнье глухое,
Паутины висятъ по угламъ.
И мнѣ страшно вдругъ стало. Дрожалъ я,—
На кладбищѣ я, будто, стоялъ,
И родныхъ мертвецовъ вызывалъ я,
Но изъ мертвыхъ никто не возсталъ ¹⁾. 24

¹⁾ «Старый домъ» Огарева.

ГЛАВА V.

Подробности домашняго житья.—Люди XVIII вѣка въ Россіи.—День у насъ въ домѣ.—Гости и habitués.—Зонненбергъ.—Камердинеръ и пр.

Невыносимая скука нашего дома росла съ каждымъ годомъ. Если-бъ не близокъ былъ университетскій курсъ, не новая дружба, не политическое увлеченіе и не живость характера, я бѣжалъ бы или погибъ.

Отецъ мой рѣдко бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа, онъ постоянно былъ всѣмъ недоволенъ. Человѣкъ большого ума, большой наблюдательности, онъ бездну видѣлъ, слышалъ, помнилъ; свѣтскій человѣкъ *assompli* ¹⁾, онъ могъ быть чрезвычайно любезенъ и занимателенъ, но онъ не хотѣлъ этого и все болѣе и болѣе впадалъ въ капризное отчужденіе ото всѣхъ.

Трудно сказать, что, собственно, внесло столько горечи и желчи въ его кровь. Эпохи страстей, большихъ несчастій, ошибокъ, потерь вовсе не было въ его жизни. Я никогда не могъ вполне понять, откуда происходила злая насмѣшка и раздраженіе, наполняшія его душу, его недовѣрчивое удаленіе отъ людей и досада, снѣдавшая его. Развѣ, онъ унесъ съ собой въ могилу какое-нибудь воспоминаніе, котораго никому не довѣрилъ, или это было просто слѣдствіе встрѣчи двухъ вещей до того противоположныхъ, какъ восемнадцатый вѣкъ и русская жизнь, при посредствѣ третьей, ужасно способствующей капризному развитію,—помѣщицъей праздности.

Прошлое столѣтіе произвело удивительный кряжъ людей на

¹⁾ Совершенный.

Западъ, особенно во Франціи, со всѣми слабостями регентства, со всѣми силами Спарты и Рима. Эти Фоблазы и Регулы вмѣстѣ отворили настежь двери революціи, и первые ринулись въ нее, поспѣшно толкая другъ друга, чтобъ выйти въ «окно» гильотины. Нашъ вѣкъ не производитъ болѣе этихъ цѣльныхъ, сильныхъ натуръ; прошлое столѣтіе, напротивъ, вызвало ихъ вездѣ, даже тамъ, гдѣ онѣ не были нужны, гдѣ онѣ не могли иначе развиваться, какъ въ уродство. Въ Россіи люди, подвергнушіеся вліянію этого мощнаго западнаго вѣянія, не вышли историческими людьми, а—людьми оригинальными. Иностранцы дома, иностранцы въ чужихъ краяхъ, праздные зрители, испорченные для Россіи западными предрасудками, для Запада—русскими привычками, они представляли какую-то умную ненужность и терялись въ искусственной жизни, въ чувственныхъ наслажденіяхъ и въ нестерпимомъ эгоизмѣ.

Къ этому кругу принадлежалъ въ Москвѣ на первомъ планѣ блестящій умомъ и богатствомъ русскій вельможа, европейскій grand seigneur и татарскій князь Н. Б. Юсуповъ. Около него была цѣлая плеяда сѣдыхъ волокитъ и esprits forts ¹⁾, всѣхъ этихъ Масальскихъ, Санти ²⁾ и tutti quanti. Всѣ они были люди довольно развитые и образованные; оставленные безъ дѣла, они бросились на наслажденія, холили себя, любили себя, отпускали себѣ добродушно всѣ прегрѣшенія, возвышали до платонической страсти свою гастрономію и сводили любовь къ женщинамъ на какое-то обжорливое лакомство.

Старый скептикъ и эпикуреецъ, Юсуповъ, пріятель Вольтера и Бомарше, Дидро и Касті ³⁾, былъ одаренъ дѣйствительно артистическимъ вкусомъ. Чтобъ въ этомъ убѣдиться, достаточно разъ побывать въ Архангельскомъ, поглядѣть на его галереи, если ихъ еще не продалъ вразбивку его наслѣдникъ. Онъ пышно потухалъ восьмидесяти лѣтъ, окруженный мраморной, рисованой и *живой* красотой. Въ его загородномъ домѣ бесѣдовалъ съ нимъ Пушкинъ, посвятившій ему чудное посланіе, и рисовалъ Гонзага ⁴⁾, которому Юсуповъ посвятилъ свой театръ.

Мой отецъ, по воспитанію, по гвардейской службѣ, по жизни и связямъ принадлежалъ къ этому же кругу; но ему ни его нравъ, ни его здоровье не позволяли вести до семидесяти лѣтъ вѣтреную

¹⁾ Вольнодумцевъ.

²⁾ Александръ Львовичъ, графъ, генераль-интендантъ.

³⁾ Джамбаттиста Casti, итальянскій поэтъ легкаго жанра и сатирикъ.

⁴⁾ Венеціанецъ, перспективный живописецъ и декораторъ; въ 1792 г. пріѣхалъ въ Россію, гдѣ приводилъ въ восторгъ своими работами.

жизнь, и онъ перешель въ противоположную крайность. Онъ хотѣлъ себѣ устроить жизнь одинокую; въ ней его ждала смертельная скука, тѣмъ болѣе, чѣмъ онъ только *для себя* хотѣлъ ее устроить. Твердая воля превращалась въ упрямые капризы; незанятая сила портила нравъ, дѣлая его тяжелымъ.

Когда онъ воспитывался, европейская цивилизація была еще такъ нова въ Россіи, что быть образованнымъ значило быть наименѣе русскимъ. Онъ до конца жизни писалъ свободнѣе и правильнѣе по-французски, нежели по-русски, онъ à la lettre ¹⁾ не читалъ ни одной русской книги, ни даже библіи. Впрочемъ, библіи онъ и на другихъ языкахъ не читалъ; онъ зналъ по наслышкѣ и по отрывкамъ, о чемъ идетъ рѣчь вообще въ св. писаніи, и дальше не любопытствовалъ заглянуть. Онъ уважалъ, правда, Державина и Крылова: Державина за то, что написалъ оду на смерть его дяди князя Мещерскаго, Крылова за то, что вмѣстѣ съ нимъ былъ секундантомъ на дуэли Н. Н. Бахметева ²⁾. Какъ-то мой отецъ принялся за Карамзина «Исторію государства Россійскаго», узнавши, что императоръ Александръ ее читалъ, но положилъ въ сторону, съ пренебреженіемъ говоря: «все Изяславичи да Ольговичи, кому это можетъ быть интересно?».

Людей онъ презиралъ откровенно, открыто—всѣхъ. Ни въ какомъ случаѣ онъ не считалъ ни на кого, и я не помню, чтобъ онъ къ кому-нибудь обращался съ значительной просьбой. Онъ и самъ ни для кого ничего не дѣлалъ. Въ сношеніяхъ съ посторонними онъ требовалъ одного—сохраненія приличій; les apparences, les convenances ³⁾ составляли его нравственную религію. Онъ много прощалъ или, лучше, пропускалъ сквозь пальцы, но нарушеніе формъ и приличій выводило его изъ себя, и тутъ онъ становился безъ всякой терпимости, безъ малѣйшаго снисхожденія и состраданія. Я такъ долго возмущался противъ этой несправедливости, что, наконецъ, понялъ ее: онъ впередъ былъ увѣренъ, что всякій человѣкъ способенъ на все дурное, и если не дѣлаетъ, то или не имѣетъ нужды, или случай не подходитъ; въ нарушеніи же формъ онъ видѣлъ личную обиду, неуваженіе къ нему или «мѣщанское воспитаніе», которое, по его мнѣнію, отлучало человѣка отъ всякаго людскаго общества.

«Душа человѣческая,—говаривалъ онъ,—потемки, и кто знаетъ, что у кого на душѣ; у меня своихъ дѣлъ слишкомъ много, чтобъ

¹⁾ Буквально.

²⁾ Біографы баснописца до сихъ поръ не рассказали ничего объ этомъ эпизодѣ.

³⁾ Внѣшность, благопристойность.

заниматься другими да еще судить и пересуживать ихъ намѣренія; но съ человѣкомъ дурно воспитаннымъ я въ одной комнатѣ не могу быть, онъ меня оскорбляетъ, *фруасируетъ* ¹⁾; а тамъ онъ можетъ быть добрѣйшій въ мірѣ человѣкъ, за то ему будетъ мѣсто въ раю, но мнѣ его ненадобно. Въ жизни всего важнѣе *esprit de conduite* ²⁾, важнѣе превыспренняго ума и всякаго ученя. Вездѣ умѣть найтись, нигдѣ не соваться впередъ, со всѣми чрезвычайная вѣжливость и ни съ кѣмъ фамиллярности».

Отецъ мой не любилъ никакого abandon ³⁾, никакой откровенности, онъ все это называлъ фамиллярностью, такъ, какъ всякое чувство — сентиментальностью. Онъ постоянно представлялъ изъ себя человѣка, стоящаго выше всѣхъ этихъ мелочей; для чего, съ какой цѣлью? въ чемъ состоялъ высшій интересъ, которому жертвовалось сердце?—я не знаю. И для кого этотъ гордый старикъ, такъ искренно презиравшій людей, такъ хорошо знавшій ихъ, представлялъ свою роль безстрастнаго судьи? Для женщины, которой волю онъ сломилъ, несмотря на то, что она иногда ему противорѣчила ⁴⁾; для больного, постоянно лежавшаго подъ ножомъ оператора ⁵⁾; для мальчика, изъ рѣзвости котораго онъ развилъ непокорность ⁶⁾; для дюжины лакеевъ, которыхъ онъ не считалъ людьми!

И сколько силъ, терпѣнія было употреблено на это, сколько настойчивости, и какъ удивительно вѣрно была доиграна роль, несмотря ни на лѣта, ни на болѣзни. Дѣйствительно, душа человѣческая—потемки!

Впослѣдствіи я видѣлъ, когда меня арестовали, и потомъ, когда отправляли въ ссылку, что сердце старика было больше открыто любви и даже нѣжности, нежели я думалъ. Я никогда не поблагодарилъ его за это, не зная, какъ бы онъ принялъ мою благодарность. ²⁵

Разумѣется, онъ не былъ счастливъ; всегда насторожѣ, всѣмъ недовольный, онъ видѣлъ съ стѣсненнымъ сердцемъ непріязненные чувства, вызванныя имъ у всѣхъ домашнихъ; онъ видѣлъ, какъ улыбка пропадала съ лица, какъ оставалась рѣчь, когда онъ входилъ; онъ говорилъ объ этомъ съ насмѣшкой, съ досадой, но не дѣлалъ ни одной уступки и шелъ съ величайшей настойчивостью

1) Froisser—задѣвать, оскорблять.

2) Тактъ, умѣніе вести себя.

3) Непринужденность въ обхожденіи.

4) Луиза Ивановна.

5) Старшій сынъ Егоръ Ивановичъ.

6) Самъ Герценъ.

своей дорогой. Насмѣшка, иронія холодная, язвительная и полная презрѣнія, была орудіе, которымъ онъ владѣлъ артистически; онъ его равно употреблялъ противъ насъ и противъ слугъ. Въ первую юность многое можно скорѣе вынести, нежели *шпильянде*, и я, въ самомъ дѣлѣ, до тюрьмы удалялся отъ моего отца и вель противъ него маленькую войну, соединяясь со слугами и служанками. 28

Ко всему остальному, онъ увѣрилъ себя, что онъ опасно боленъ, и безпрестанно лѣчился; сверхъ домового лѣкаря, къ нему ѣздили два или три доктора, и онъ дѣлалъ, по крайней мѣрѣ, три консилиума въ годъ. Гости, видя постоянно непріязненный видъ его и слушая однѣ жалобы на здоровье, которое далеко не было такъ дурно, рѣдѣли. Онъ сердился за это, но ни одного человѣка не упрекнулъ, не пригласилъ. Страшная скука царила въ домѣ, особенно въ безконечные зимніе вечера. Двѣ лампы освѣщали цѣлую анфиладу комнатъ. Сгорбившись и заложивъ руки на спину, въ суконныхъ или пояровыхъ сапогахъ (въ родѣ валенокъ), въ бархатной шапочкѣ и въ тулупѣ изъ бѣлыхъ мерлушекъ ходилъ старикъ взадъ и впередъ, не говоря ни слова, въ сопровожденіи двухъ-трехъ коричневыхъ собакъ.

Вмѣстѣ съ меланхоліей росла у него бережливость, обращенная на ничтожные предметы. Своимъ имѣньемъ онъ управлялъ дурно для себя и дурно для крестьянъ. Староста и его *missi dominici* ¹⁾ грабили барина и мужиковъ; зато все, находившееся на глазахъ, было подвержено двойному контролю; тутъ береглись свѣчи, и тощій *vin de Graves* ²⁾ замѣнялся кислымъ крымскимъ виномъ въ то самое время, какъ въ одной деревнѣ сводили цѣлый лѣсъ, а въ другой ему же продавали его собственный овесъ. У него были привилегированные воры; крестьянинъ, котораго онъ сдѣлалъ сборщикомъ оброка въ Москвѣ и котораго посылалъ всякое лѣто ревизовать старосту, огородъ, лѣсъ и работы, купилъ лѣтъ черезъ десять въ Москвѣ домъ. Я съ дѣтства ненавидѣлъ этого министра безъ портфеля; онъ при мнѣ разъ на дворѣ билъ какого-то стараго крестьянина, я отъ бѣшенства вцѣпилъ ему въ бороду и чуть не упалъ въ обморокъ. Съ тѣхъ поръ я не могъ на него равнодушно смотрѣть до самой его смерти въ 1845 г. Я нѣсколько разъ говорилъ моему отцу: «Откуда же Шкунъ взялъ деньги на покупку дома?».

¹⁾ Божьи посланцы, здѣсь—сподручные.

²⁾ Вино Graves: Graves—выступъ, образуетъ чый устьемъ Жиронды.

— Вотъ что значить трезвость,—отвѣчалъ мнѣ старикъ,—онѣ капли вина въ ротъ не беретъ.

Всякій годъ около масленицы пензенскіе крестьяне привозили изъ-подъ Керенска оброкъ *натурой* ¹⁾. Недѣли двѣ тащился бѣдный обозъ, нагруженный свинными тушами, поросятами, гусями, курами, крупами, рожью, яйцами, масломъ и, наконецъ, холстомъ. Приѣздъ керенскихъ мужиковъ былъ праздникомъ для всей дворни; они грабили мужиковъ, обсчитывали на каждомъ шагу и притомъ безъ малѣйшаго права. Кучера съ нихъ брали *за воду* въ колодецѣ, не позволяя поить лошадей безъ платы; бабы—*за тепло* въ избѣ; аристократамъ передней они должны были кланяться кому поросенкомъ и полотенцемъ, кому гусемъ и масломъ. Все время ихъ пребыванія на барскомъ дворѣ шель пиръ горой у прислуги, дѣлались селянки, жарились поросята, и въ передней носился постоянно запахъ лука, подгорѣлаго жира и сивухи, уже выпитой. Бакай послѣдніе два дня не входилъ въ переднюю и не вполне одѣвался, а сидѣлъ въ накинутой старой ливрейной шинели, безъ жилета и куртки, въ снѣгахъ кухни. Никита Андреевичъ ²⁾ видимо худѣлъ и становился смуглѣе и старше. Отецъ мой выносилъ все это довольно спокойно, зная, что это необходимо и отвратить этого нельзя.

Послѣ приѣма мерзлой *живности*, отецъ мой,—и тутъ самая замѣчательная черта въ томъ, что эта штука повторялась ежегодно,—призывалъ повара Спиридона и отправлялъ его въ Охотный рядъ и на Смоленскій рынокъ узнать цѣны. Поваръ возвращался съ баснословными цѣнами,—меньше, чѣмъ въ половину. Отецъ мой говорилъ, что онѣ дуракъ, и посылалъ за Шкуномъ или Слѣпушкинымъ. Слѣпушкинъ торговалъ фруктами у Ильинскихъ воротъ. И тотъ, и другой находили цѣны повара ужасно низкими, справлялись и принесли цѣны выше. Наконецъ, Слѣпушкинъ предлагалъ взять все огуломъ: и яйца, и поросятъ, и масло, и рожь, «чтобъ вашему-то здоровью, батюшка, никакого безпокойства не было». Цѣну онѣ давалъ, само собою разумѣется, нѣсколько выше поварской. Отецъ мой соглашался; Слѣпушкинъ приносилъ ему на спрыски апельсиновъ съ пряниками, а повару—двухсотрублевую ассигнацію.

Слѣпушкинъ этотъ былъ въ большой милости у моего отца и часто занималъ у него деньги; онѣ и тутъ былъ оригиналенъ, именно потому, что глубоко изучилъ характеръ старика.

¹⁾ Въ Керенскомъ уѣздѣ Яковлеву принадлежало с. Архангельское, Дубасово тожъ.

²⁾ Камердинеръ Ивана Алексѣевича.

Выпросить, бывало, себѣ руб. 500 мѣсяца на два и за день до срока является въ переднюю съ какимъ-нибудь куличемъ на блюдѣ и съ 500 рублями на куличѣ. Отецъ мой бралъ деньги; Слѣпушкинъ кланялся въ поясъ и просилъ ручку, которую баринъ не давалъ. Но дня черезъ три Слѣпушкинъ снова приходилъ просить денегъ взаймы, тысячи полторы. Отецъ ему давалъ, и Слѣпушкинъ снова приносилъ въ срокъ; отецъ мой ставилъ его въ примѣръ; а тотъ черезъ недѣлю увеличивалъ кушъ и имѣлъ такимъ образомъ для своихъ оборотовъ тысячъ пять въ годъ наличными деньгами, за небольшіе проценты двухъ-трехъ куличей, нѣсколько фунтовъ фигъ и грецкихъ орѣховъ да сотню апельсинъ и крымскихъ яблокъ.

Въ заключеніе упомяну, какъ въ Новосели ¹⁾ пропало нѣсколько сотъ десятинъ строевого лѣса. Въ сороковыхъ годахъ М. Ѳ. Орловъ, которому тогда, помнится, графиня Анна Алексѣевна ²⁾ давала капиталъ для покупки имѣнія его дѣтямъ, сталъ торговать тверское имѣнье, доставшееся моему отцу отъ Сенатора. Сошлись въ цѣнѣ, и дѣло казалось оконченнымъ. Орловъ поѣхалъ осмотрѣть и, осмотрѣвши, написалъ моему отцу, что онъ ему показывалъ на планѣ лѣсъ, но что этого лѣса вовсе нѣтъ.

— Вѣдь, вотъ—умный человекъ,—говорилъ мой отецъ,—и въ конспираціи былъ, книгу писалъ *des finances* ³⁾, а какъ до дѣла дошло, видно, что пустой человекъ... Неккеры! А я вотъ попрошу Григорія Ивановича ⁴⁾ съѣздить; онъ не конспираторъ, но честный человекъ и дѣло знаетъ.

Поѣхалъ и Григорій Ивановичъ въ Новоселье и привезъ вѣсть, *что лѣса нѣтъ*, а есть только лѣсная декорация, такъ что ни изъ господскаго дома, ни съ большой дороги порубки не бросаются въ глаза. Сенаторъ послѣ раздѣла, на худой конешъ, былъ пять разъ въ Новосели, и все оставалось шито и крыто.

Чтобъ дать полное понятіе о нашемъ житьѣ-бытьѣ, опишу цѣлый день съ утра; однообразность была именно одна изъ самыхъ убійственныхъ вещей; жизнь у насъ шла, какъ англійскіе часы, у которыхъ убавленъ ходъ,—тихо, правильно и громко напоминая каждую секунду.

Въ десятомъ часу утра камердинеръ, сидѣвшій въ комнатѣ

¹⁾ Имѣніе въ Корчевскомъ уѣздѣ Тверской губ., доставшееся братьямъ Яковлевымъ послѣ Петра А.

²⁾ Орлова-Чесменская, дочь гр. Алексѣя Григор. Орлова; одна ея недвижимость оцѣнивалась въ 45 мил. руб.

³⁾ «О государственномъ кредитѣ», 1833 г.

⁴⁾ Ключаревъ.

возлѣ спальной, увѣдомляя Вѣру Артамоновну, мою эксъ-нянюшку, что баринъ встаетъ. Она отправлялась готовить кофе, который онъ пилъ одинъ въ своемъ кабинетѣ. Все въ домѣ принимало иной видъ, люди начинали чистить комнаты, по крайней мѣрѣ, показывали видъ, что дѣлаютъ что-нибудь. Передняя, до тѣхъ поръ пустая, наполнялась; даже большая ньюфаундлендская собака Макбетъ садилась передъ печью и, не мигая, смотрѣла въ огонь.

За кофеемъ старикъ читалъ «Московскія Вѣдомости» и «Journal de St.-Petersbourg»; не мѣшаетъ замѣтить, что «Московскія Вѣдомости» было велѣно грѣть, чтобъ не простудить рукъ отъ сырости листовъ, и что политическія новости мой отецъ читалъ во французскомъ текстѣ, находя русскій неяснымъ. Одно время онъ бралъ откуда-то гамбургскую газету, но не могъ примириться, что нѣмцы печатаютъ нѣмецкими буквами; всякій разъ показывалъ мнѣ разницу между французской печатью и нѣмецкой и говорилъ, что отъ этихъ вычурныхъ готическихъ буквъ съ хвостиками слабѣетъ зрѣніе. Потомъ онъ выписывалъ «Journal de Francfort», а впоследствии ограничивался отечественными газетами.

Окончивъ чтеніе, онъ примѣчалъ, что въ его комнатѣ уже находится Карлъ Ивановичъ Зонненбергъ. Когда Нику было лѣтъ пятнадцать, Карлъ Ивановичъ завелъ, было, лавку, но, не имѣя ни товара, ни покупателей и растративъ кой-какъ сколоченныя деньги на эту полезную торговлю, онъ ее оставилъ съ почетнымъ титуломъ «ревельскаго негоціанта». Ему было тогда гораздо лѣтъ за сорокъ и онъ въ этотъ пріятный возрастъ повелъ жизнь птички божіей или четырнадцатилѣтняго мальчика, т.-е. не зналъ, гдѣ завтра будетъ спать и на что обѣдать. Онъ пользовался нѣкоторымъ благорасположеніемъ моего отца; мы сейчасъ увидимъ, что это значить.

Въ 1830 году отецъ мой купилъ возлѣ нашего дома другой, больше, лучше и съ садомъ; домъ этотъ принадлежалъ графинѣ Ростопчиной, женѣ знаменитаго Федора Васильевича. Мы перешли въ него. Вслѣдъ затѣмъ онъ купилъ третій домъ, уже совершенно ненужный, но смежный.²⁷ Оба эти дома стояли пустые, внаймы они не отдавались, въ предупрежденіе пожара (дома были застрахованы) и безопасности отъ наемщиковъ; они, сверхъ того, и не поправлялись, такъ что были на самой вѣрной дорогѣ къ разрушенію. Въ одномъ-то изъ нихъ дозволялось жить безпріютному Карлу Ивановичу, съ условіемъ: воротъ послѣ десяти часовъ вечера не отпирать (условіе легкое, потому что они никогда и не

запирались), дрова покупать, а не брать изъ домашняго запаса (онъ ихъ, дѣйствительно, покупалъ у нашего кучера) и состоять при моемъ отцѣ въ должности чиновника особыхъ порученій, т.-е. приходиться по утру съ вопросомъ: «нѣтъ ли какихъ приказаній?», являться къ обѣду и приходиться вечеромъ, когда никого не было, занимать повѣствованіями и новостями.

Какъ ни проста, кажется, была должность Карла Ивановича, но отецъ мой умѣлъ ей придать столько горечи, что мой бѣдный ревелецъ, привыкнувшій ко всѣмъ бѣдствіямъ, которыя могутъ обрушиться на голову человѣка безъ денегъ, безъ ума, маленькаго роста, рябого и нѣмца, не могъ постоянно выносить ее. Года въ два, въ полтора, глубоко оскорбленный Карлъ Ивановичъ объявлялъ, что «это вовсе несосно», укладывался, покупалъ и мѣнялъ разныя вещишки подозрительной цѣлости и сомнительнаго качества и отправлялся на Кавказъ. Неудачи его обыкновенно преслѣдовали съ ожесточеніемъ. То клячонка его,—онъ ѣздилъ на своей лошади въ Тифлисъ и въ Редутъ-Кале,—падала неподалеку Земли донскихъ казаковъ, то у него крали половину груза, то его двухколесая таратайка падала, причемъ французскіе духи лились, никѣмъ не оцѣненные, у подножія Эльборуса на сломанное колесо; то онъ терялъ что-нибудь и когда нечего было терять, терялъ свой пассъ. Мѣсяцевъ черезъ десять, обыкновенно, Карлъ Ивановичъ постарше, поизмятъе, побѣднѣе и еще съ меньшимъ числомъ зубовъ и волосъ, смиренно являлся къ моему отцу съ запасомъ персидскаго порошку отъ блохъ и клоповъ, линялой тармаламы, ржавыхъ черкесскихъ кинжаловъ и снова поселялся въ пустомъ домѣ на тѣхъ же условіяхъ: исполнять комиссіи и печь топить своими дровами.

Примѣтивъ Карла Ивановича, отецъ мой тотчасъ начиналъ небольшія военныя дѣйствія противъ него. Карлъ Ивановичъ освѣдомлялся о здоровьѣ, старикъ благодарилъ поклономъ и потомъ, подумавши, спрашивалъ, напр.:

— Гдѣ вы покупаете помладу?

При этомъ необходимо сказать, что Карлъ Ивановичъ, безобразнѣйшій изъ смертныхъ, былъ страшный волокита, считалъ себя Ловласомъ, одѣвался съ претензіей и носилъ завитую золотисто-бѣлокурую накладку. Все это, разумѣется, давно было взвѣшено и оцѣнено моимъ отцомъ.

— У Буйсъ, на Кузнецкой мостъ,—отрывисто отвѣчалъ Карлъ Ивановичъ, нѣсколько пикированный, и ставилъ одну ногу на другую, какъ человѣкъ, готовый постоять за себя.

— Какъ называется этотъ запахъ?

— Нахтъ-фіолень,—отвѣчалъ Карль Ивановичъ.

— Онъ васъ обманываетъ; violet, это—запахъ нѣжный, c'est un parfum, а это какой-то крѣпкій, противный, тѣла бальзамируютъ чѣмъ-то такимъ. Куда нервы стали у меня слабы, мнѣ даже тошно сдѣлалось, велите-ка мнѣ дать одеколонъ.

Карль Ивановичъ самъ бросался за стклянкой.

— Да нѣтъ, вы уже позовите кого-нибудь, а то вы еще ближе подойдете, мнѣ сдѣлается дурно, я упаду.

Карль Ивановичъ, рассчитывавшій на дѣйствіе своей помады на дѣвичью, глубоко огорчался.

Опрыскавши комнату одеколономъ, отецъ мой придумывалъ комиссіи: купить французскаго табаку, англійской магнезіи, посмотреть продажную по газетамъ карету (онъ ничего не покупалъ). Карль Ивановичъ, пріятно раскланявшись и душевно довольный, что отдѣлался, уходилъ до обѣда.

Послѣ Карла Ивановича являлся поварь; что бы онъ ни купилъ и что бы ни написалъ, отецъ мой находилъ чрезмѣрно дорогимъ.

— У-у какая дороговизна! что это, подвозовъ, что ли, нѣтъ?

— Точно такъ-съ,—отвѣчалъ поварь,—дороги очень дурны.

— Ну, такъ, знаешь, пока ихъ починять, мы съ тобой будемъ поменьше покупать.

Послѣ этого онъ садился за свой письменный столъ, писалъ отписки и приказанія въ деревни, сводилъ счета, между дѣломъ журилъ меня, принималъ доктора, а, главное—ссорился съ своимъ камердинеромъ. Это былъ первый пациентъ во всемъ домѣ. Небольшого роста, сангвиникъ, вспыльчивый и сердитый, онъ, какъ нарочно, былъ созданъ для того, чтобъ дразнить моего отца и вызывать его поученія. Сцены, повторявшіяся между ними всякій день, могли бы наполнить любую комедію, а все это было совершенно серьезно. Отецъ мой очень зналъ, что человѣкъ этотъ ему необходимъ, и часто сносилъ крупные отвѣты его, но не переставалъ воспитывать его, несмотря на безуспѣшныя усилія въ продолженіе тридцати пяти лѣтъ. Камердинеръ, съ своей стороны, не вынесъ бы такой жизни, если-бъ не имѣлъ своего развлеченія: онъ, по большей части, къ обѣду былъ нѣсколько навеселѣ. Отецъ мой замѣчалъ это и ограничивался легкими околичнословіями, напр., совѣтомъ закусывать чернымъ хлѣбомъ съ солью, чтобъ не пахло водкой. Никита Андреевичъ имѣлъ обыкновеніе, выпивши, подавая блюда, особенно расшаркиваться. Какъ только мой отецъ замѣчалъ это, онъ выдумывалъ ему порученіе, посылалъ его, напр., спросить у цырюльника Антона, «не перемѣнилъ ли онъ квартиры» прибавляя

мнѣ по-французски: «Я знаю, что онъ не съѣзжалъ; но онъ не трезвъ, уронить суповую чашку, разобьетъ ее, обольетъ скатерть и перепугаетъ меня: пусть онъ провѣтрится, le grand air ¹⁾ помогаетъ».

Камердинеръ обыкновенно при такихъ продѣлкахъ что-нибудь отвѣчалъ; но когда не находилъ отвѣта въ глаза, то выходя бормоталъ сквозь зубы. Тогда баринъ, тѣмъ же спокойнымъ голосомъ, звалъ его и спрашивалъ, что онъ ему сказалъ?

— Я не докладывалъ ни слова.

— Съ кѣмъ же ты говоришь? Кромѣ меня и тебя никого нѣтъ ни въ этой комнатѣ, ни въ той.

— Самъ съ собой.

— Это очень опасно, съ этого начинается сумасшествіе.

Камердинеръ съ бѣшенствомъ уходилъ въ свою комнату возлѣ спальни; тамъ онъ читалъ «Московскія Вѣдомости» и тресировалъ волосы для продажныхъ париковъ. Вѣроятно, чтобъ отвести сердце, онъ свирѣпо нюхалъ табакъ; табакъ ли былъ у него силенъ, нервы носа, что ли, были слабы, но онъ вслѣдствіе этого почти всегда разъ шесть или семь чихалъ.

Баринъ звонилъ. Камердинеръ бросалъ свою пачку волосъ и входилъ.

— Это ты чихаешь?

— Я-съ.

— Желая здравствовать. И онъ давалъ рукой знакъ, чтобъ камердинеръ удалился.

Въ послѣдній день масленицы всѣ люди, по старинному обычаю, приходили вечеромъ просить прощенія къ барину; въ этихъ торжественныхъ случаяхъ мой отецъ выходилъ въ залу, сопровождаемый камердинеромъ. Тутъ онъ дѣлалъ видъ, будто не всѣхъ узнаетъ.

— Что это за почтенный старецъ стоитъ тамъ въ углу? — спрашивалъ онъ камердинера.

— Кучеръ Данило,—отвѣчалъ отрывисто камердинеръ, зная, что все это—одно драматическое представленіе.

— Скажи, пожалуйста, какъ онъ перемѣнился! Я, право, думаю, что это все отъ вина люди такъ старѣютъ; чѣмъ онъ занимается?

— Дрова *таскаетъ* въ печи.

Старикъ дѣлалъ видъ нестерпимой боли.

— Какъ это ты въ тридцать лѣтъ не научился говорить?..

¹⁾ Свѣжій воздухъ.

Таскаеть... какъ это таскать дрова? Дрова носятъ, а не таскаютъ. Ну, Данило, слава Богу, Господь сподобилъ меня еще разъ тебя видѣть. Прощаю тебѣ всѣ грѣхи за сей годъ и овесъ, который ты тратишь безмѣрно, и то, что лошадей не чистишь, и ты меня прости. Потаскай еще дровецъ, пока силенка есть, ну, а теперь настаеть постъ, такъ вина употребляй поменьше, въ наши лѣта вредно да и грѣхъ.

Въ этомъ родѣ онъ дѣлалъ общій смотрѣ.

Обѣдали мы въ четвертомъ часу. Обѣдъ длился долго и былъ очень скученъ. Спиридонъ былъ отличный поварь; но, съ одной стороны, экономія моего отца, а съ другой,—его собственная дѣлали обѣдъ довольно тощимъ, несмотря на то, что блюдъ было много. Возлѣ моего отца стоялъ красный глиняный тазъ, въ который онъ самъ клалъ разные куски для собакъ; сверхъ того, онъ ихъ кормилъ съ своей вилки, что ужасно оскорбляло прислугу и, слѣдовательно, меня. Почему? Трудно сказать...

Гости, вообще, ѣздили, рѣдко, обѣдать—еще рѣже. Помню одного человѣка изъ всѣхъ посѣщавшихъ насъ, котораго приѣздъ къ обѣду разглаживалъ иной разъ морщины моего отца—Н. Н. Бахметева. Н. Н. Бахметевъ, братъ хромого генерала и тоже генералъ, но давно въ отставкѣ, былъ друженъ съ нимъ еще во время ихъ службы въ Измайловскомъ полку. Они вмѣстѣ кутили съ нимъ при Екатеринѣ, при Павлѣ оба были подъ военнымъ судомъ: Бахметевъ за то, что стрѣлялся съ кѣмъ-то, а мой отецъ за то, что былъ секундантомъ; потомъ одинъ уѣхалъ въ чужіе края—туристомъ, а другой въ Уфу—губернаторомъ. Сходства между ними не было. Бахметевъ, полный, здоровый и красивый старикъ любилъ и хорошенько поѣсть, и выпить немного, любилъ веселую бесѣду и многое другое. Онъ хвастался, что во время оно съѣдалъ до ста подовыхъ пирожковъ, и могъ, лѣтъ около шестидесяти, безнаказанно употребить до дюжины гречневыхъ блиновъ, потонувшихъ въ лужѣ масла; этимъ опытамъ я бывалъ не разъ свидѣтель.

Бахметевъ имѣлъ какую-то тѣнь вліянія или, по крайней мѣрѣ, держалъ моего отца въ уздѣ. Когда Бахметевъ замѣчалъ, что мой отецъ ужъ черезъ край не въ духѣ, онъ надѣвалъ шляпу и, шаркая по военному ногами, говорилъ: «до свиданья,—ты сегодня боленъ и глупъ; я хотѣлъ обѣдать, но я за обѣдомъ терпѣть не могу кислыхъ лицъ! Гегорсамеръ динеръ!»¹⁾... А отецъ мой, въ

¹⁾ Покорный слуга!

видѣ поясненія, говорилъ мнѣ: «Impressario ¹⁾! какой живой еще Н. Н.! Слава Богу, здоровый человекъ, ему понять нельзя нашего брата, Иова многострадальнаго; морозъ въ двадцать градусовъ, онъ скачетъ въ санкахъ, какъ ничего... съ Покровки... а я благодарю Создателя каждое утро, что проснулся живой, что еще дышу. О... о... охъ! не даромъ пословица говорить: сытый голоднаго не понимаетъ!». Больше снисходительности нельзя было отъ него ждать.

Изрѣдка давались семейные обѣды, на которыхъ бывалъ Сенаторъ, Голохвастовы и проч., и эти обѣды давались не изъ удовольствія и неспроста, а были основаны на глубокихъ экономико-политическихъ соображеніяхъ. Такъ, 20 февраля, въ день Льва Катанскаго, т.-е. въ именины Сенатора, обѣдъ былъ у насъ, а 24 июня, т.-е. въ Ивановъ день,—у Сенатора, что, сверхъ моральнаго примѣра братской любви, избавляло того и другого отъ гораздо большаго обѣда у себя.

Затѣмъ были разные *habitués* ²⁾; тутъ являлся *ex-officio* ³⁾ Карлъ Ивановичъ Зонненбергъ, который, хвативши дома передъ самымъ обѣдомъ рюмку водки и закусивши ревельской килькой, отказывался отъ крошечной рюмочки какой-то особенно настоенной водки; иногда пріѣзжалъ послѣдній французскій учитель мой, старикъ скряга, съ дерзкой рожой и сплетникъ. *Monsieur Thirié* такъ часто ошибался, наливая вино въ стаканъ, вмѣсто пива, и выпивая его въ извиненіе, что отецъ мой впоследствии говорилъ ему: «съ правой стороны вашей стоитъ *vin de Graves*,—вы опять не ошибитесь», и Тирье, пихая огромную щепотку табаку въ широкій и вздернутый въ одну сторону носъ, сыпалъ табакъ на тарелку.

Въ числѣ этихъ посѣтителей одно лицо было въ высшей степени комическое. Небольшой, лысенькій старичокъ, постоянно одѣтый въ узенькій и короткій фракъ и въ жилетъ, оканчивавшійся тамъ, гдѣ нынче жилетъ, собственно, начинается, съ тоненькой тросточкой,—онъ представлялъ всей своей фигурой двадцать лѣтъ назадъ, въ 1830—1810 годъ, а въ 1840—1820 годъ. Дмитрій Ивановичъ Пименовъ, статскій совѣтникъ по чину, былъ одинъ изъ начальниковъ Шереметевскаго страннопримнаго дома и притомъ занимался литературой. Скупо надѣленный природой и воспитанный на сентиментальныхъ фразахъ Карамзина, на Мармонтелѣ и Мариво ⁴⁾, Пименовъ могъ стать среднимъ братомъ между Шали-

¹⁾ Предпріимчивый.

²⁾ Завсегдатаи.

³⁾ По обязанности.

⁴⁾ Пьеръ-Карлзъ, извѣстный французскій драматургъ.

ковымъ ¹⁾ и В. Панаевымъ ²⁾. Вольтеръ этой почтенной фланги былъ начальникъ тайной полиціи при Александрѣ—Яковъ Ивановичъ Де-Сангленъ; ея молодой человекъ, подававшій надежды— Пимень Араповъ ³⁾. Все это примыкало къ общему патриарху— Ивану Ивановичу Дмитріеву; у него соперниковъ не было, а былъ Василій Львовичъ Пушкинъ. Пименовъ всякій вторникъ являлся къ «ветхому денни» Дмитріеву, въ его домъ на Садовой, разсуждать о красотахъ стіля и объ испорченности новаго языка. Дмитрій Ивановичъ самъ искусился на скользкомъ поприщѣ отечественной словесности; сначала онъ издалъ *Мысли герцога Де-ла-Роше-Фуко*, потомъ трактатъ *О женской красотѣ и прелести* ⁴⁾. Въ этомъ трактатѣ, котораго я не бралъ въ руки съ шестнадцати-лѣтняго возраста, я помню только длинныя сравненія въ томъ родѣ, какъ Плутархъ сравниваетъ героевъ блондинокъ съ черноволосыми. «Хотя блондинка—то, то и то, но черноволосая женщина зато—то, то и то»... Главная особенность Пименова состояла не въ томъ, что онъ издавалъ когда-то книжки, никогда никѣмъ не читанныя, а въ томъ, что, если онъ начиналъ хохотать, то онъ не могъ остановиться, и смѣхъ у него выросталъ въ припадки коклюша со взрывами и глухими раскатами. Онъ зналъ это и потому, предчувствуя что-нибудь смѣшное, бралъ мало-по-малу свои мѣры: вынималъ носовой платокъ, смотрѣлъ на часы, застегивалъ фракъ, закрывалъ обѣими руками лицо и, когда наступалъ кризисъ, вставалъ, оборачивался къ стѣнѣ, упирался въ нее и мучился полчаса и больше; потомъ, усталый отъ пароксизма, красный, обтирая потъ съ плѣшивой головы, онъ садился, но еще долго потомъ его схватывало.

Разумѣется, мой отецъ не ставилъ его ни въ грошъ; онъ былъ тихъ, добръ, неловокъ, *литераторъ* и бѣдный человекъ,— стало, по всѣмъ условіямъ стоялъ за цензоръ; но его судорожную смѣшливость онъ очень хорошо замѣтилъ, въ силу чего, онъ заставлялъ его смѣяться до того, что всѣ остальные начинали, подъ его вліяніемъ, тоже какъ-то неестественно хохотать. Виновникъ глумленія, немного улыбаясь, глядѣлъ тогда на насъ, какъ человекъ смотритъ на возню щенятъ.

¹⁾ Петръ Ивановичъ, князь, издатель «Московскихъ Вѣдомостей» и др. журналовъ, отецъ жены М. Н. Каткова.

²⁾ Владиміръ Ивановичъ, поэтъ.

³⁾ Пимень Николаевичъ, драматургъ и историкъ театра.

⁴⁾ Названія не точны: «Нравственныя разсужденія герцога де-ла Роше-Фуко», М., 1809 и «О сущности красоты и прелести», М., 1818.

Иногда мой отецъ дѣлалъ съ несчастнымъ цѣнителемъ женской красоты и прелести ужасныя вещи.

— Инженеръ-полковникъ такой-то,—докладывалъ человѣкъ.

— Проси,—говорилъ мой отецъ и, обращаясь къ Пименову, прибавлялъ:—Дмитрій Ивановичъ, пожалуйста, будьте осторожны при немъ; у него несчастный тикъ, когда онъ говоритъ, какъ-то странно заикается, точно будто у него хроническая отрыжка.—При этомъ онъ представлялъ совершенно вѣрно полковника.—Я знаю, вы человѣкъ смѣшливый,—пожалуйста, воздержитесь.

Этого было довольно. По второму слову инженера Пименовъ вынималъ платокъ, дѣлалъ зонтикъ изъ руки и, наконецъ, вскакивалъ.

Инженеръ смотрѣлъ съ изумленіемъ, а отецъ мой говорилъ мнѣ преспокойно: «Что это съ Дмитриемъ Ивановичемъ? Il est malade ¹⁾, это—спазмы; вели поскорѣ подать стаканъ холодной воды да принеси одеколонъ». Пименовъ хваталъ въ подобныхъ случаяхъ шляпу и хохоталъ до Арбатскихъ воротъ, останавливаясь на перекресткахъ и опираясь на фонарные столбы.

Онъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ постоянно черезъ воскресенье обѣдалъ у насъ, и равно его аккуратность и неаккуратность, если онъ пропускалъ, сердили моего отца, и онъ тѣснилъ его. А добрый Пименовъ, все-таки, ходилъ и ходилъ пѣшкомъ отъ Красныхъ воротъ въ Старую Конюшенную до тѣхъ поръ, пока умеръ, и притомъ совсѣмъ не смѣшно. Одинокій, холостой старикъ, послѣ долгой хворости, умирающими глазами видѣлъ, какъ его экономка забирала его вещи, платье, даже бѣлье съ постели, оставляя его безъ всякаго ухода.

Но настоящіе *souffre-douleur*'ы ²⁾ обѣда были разныя старухи, убогія и кочующія приживалки княгини М. А. Хованской (сестры моего отца). Для перемѣны, а долею ддя того, чтобъ освѣдомиться, какъ все обстоитъ въ домѣ у насъ, не было ли ссоры между господами, не дрался ли поваръ съ своей женой, и не узналъ ли баринъ, что Палашка или Уляша съ прибылью,—прихаживали онѣ иногда въ праздники на цѣлый день. Надобно замѣтить, что эти вдовы еще незамужними, лѣтъ сорокъ, пятьдесятъ тому назадъ, были *прибѣжны* къ дому княгини и княжны Мещерской и съ тѣхъ поръ знали моего отца; что въ этотъ промежутокъ между молодымъ шатаньемъ и старымъ кочевьемъ онѣ лѣтъ двадцать бранились съ мужьями, удерживали ихъ отъ пьянства, ходили за ними въ па-

¹⁾ Онъ боленъ.

²⁾ Посмѣшища.

раличѣ и снесли ихъ на кладбище. Одрѣ таскались съ какимъ-нибудь гарнизоннымъ офицеромъ и охапкой дѣтей въ Бессарабіи, другія состояли годы подѣ судомъ съ мужемъ, и всѣ эти опыты жизненные оставили на нихъ слѣды повиной и уѣздныхъ городовъ, боязнь сильныхъ міра сего, духъ униженія и какое-то тупоумное изувѣрство.

Съ ними бывали сцены удивительныя.

— Да ты что это, Анна Якимовна, больна что ли, ничего не кушаешь?—спрашивалъ мой отецъ.

Скорчившаяся, съ поношеннымъ и вылинялымъ лицомъ старушонка, вдова какого-то зрителя въ Кременчугѣ, постоянно и сильно пахнувшая какимъ-то пластыремъ, отвѣчала, унижаясь глазами и пальцами:

— Простите, батюшка, Иванъ Алексѣевичъ, право-съ, ужъ мнѣ совѣстно-съ, да такъ-съ, по старинному-съ, ха, ха, ха, теперь спажинки.

— Ахъ, какая скука! Набоженство все! Не то, матушка, сквернить, что въ уста входитъ, а что изъ устъ; то ли ѣсть, другое ли—одинъ исходъ; вотъ что изъ устъ выходитъ,—надобно наблюдать... пересуды да о ближнемъ. Ну, лучше ты обѣдала бы дома въ такіе дни, а то тутъ еще турокъ придетъ—ему пилавъ надобно... у меня не гербергъ à la carte ¹⁾.

Испуганная старуха, имѣвшая въ виду, сверхъ того, попросить крупки да мучки, бросалась на квасъ и салатъ, дѣлая видъ, что страшно ѣсть.

Но замѣчательно то, что стоило ей или кому-нибудь изъ нихъ начать ѣсть скоромное въ постѣ, отецъ мой (никогда не употреблявшій постнаго) говорилъ, скорбно качая головой: «Не стоило бы, кажется, Анна Якимовна, на нѣсколько послѣднихъ лѣтъ мѣнять обычай предковъ. Я грѣшу, ѣмъ скоромное, по множеству болѣзней; ну, а ты, по твоимъ лѣтамъ, слава Богу, всю жизнь соблюдала посты, и вдругъ... что за примѣръ для *нихъ*». Онъ указывалъ на прислугу. И бѣдная старуха снова бросалась на квасъ да на салатъ.

Сцены эти сильно возмущали меня; иной разъ я дерзала вступаться и напоминалъ противоположное мнѣніе. Тогда отецъ мой привставалъ, снималъ съ себя за кисточку бархатную шапочку и, держа ее на воздухѣ, благодарилъ меня за уроки и просилъ извинить забывчивость, а потомъ говорилъ старухѣ: «Ужасный вѣкъ! Мудрено ли, что ты *кушаешь* скоромное постомъ, когда

¹⁾ Ресторанъ, въ которомъ подается все, что требуютъ, по картѣ.

дѣти учать родителей! Куда мы идемъ? Подумать страшно! Мы съ тобой, по счастью, не увидимъ».

После обѣда мой отецъ ложился отдохнуть часа на полтора. Дворня тотчасъ разсыпалась по полпивнымъ и по трактирамъ. Въ семь часовъ приготовляли чай; тутъ иногда кто-нибудь прїѣзжалъ, всего чаще Сенаторъ; это было время отдыха для насъ. Сенаторъ привозилъ обыкновенно разныя новости и рассказывалъ ихъ съ жаромъ. Отецъ мой показывалъ видъ совершеннаго невниманія, слушая его: дѣлалъ серьезную мину, когда тотъ былъ увѣренъ, что морить со смѣху, и переспрашивалъ, какъ будто не слыжалъ, въ чемъ дѣло, если тотъ рассказывалъ что нибудь-поразительное.

Сенатору доставалось и не такъ, когда онъ противорѣчилъ или былъ не одного мнѣнія съ меньшимъ братомъ, что, впрочемъ, случалось очень рѣдко; а иногда безъ всякихъ противорѣчій, когда мой отецъ былъ особенно не въ духѣ. При этихъ комико-трагическихъ сценахъ, что всего было смѣшнѣе, это—естественная запальчивость Сенатора и натянутое, искусственное хладнокровіе моего отца. «Ну, ты сегодня боленъ», говорилъ нетерпѣливо Сенаторъ, хваталъ шляпу и бросался вонъ. Разъ въ досадѣ онъ не могъ отворить дверь и толкнулъ ее, что есть силъ, ногой, говоря: «что за проклятыя двери!». Мой отецъ спокойно подошелъ, отворилъ дверь въ противоположную сторону и совершенно тихимъ голосомъ замѣтилъ: «дверь эта дѣлаетъ свое дѣло, она отворяется туда, а вы хотите ее отворить сюда и сердитесь». При этомъ не мѣшаетъ замѣтить, что Сенаторъ былъ двумя ¹⁾ годами старше моего отца и говорилъ ему *ты*, а тотъ, въ качествѣ меньшого брата—*вы*.

Послѣ Сенатора отецъ мой отправлялся въ свою спальную, всякій разъ освѣдомлялся о томъ, заперты ли ворота, получалъ утвердительный отвѣтъ, изъявлялъ нѣкоторое сомнѣніе и ничего не дѣлалъ, чтобы удостовѣриться. Тутъ начиналась длинная исторія умываній, примочекъ, лѣкарствъ; камердинеръ приготовлялъ на столикѣ возлѣ постели цѣлый арсеналъ разныхъ вещей: стклянокъ, ночниковъ, коробочекъ. Старикъ, обыкновенно, читалъ съ часъ времени Бурьенна «*Mémoires de S-te Hélène*» и вообще разныя записки; за симъ наступала ночь. ²⁸

Такъ я оставилъ въ 1834 нашъ домъ, такъ засталъ его въ 1840, и такъ все продолжалось до его кончины въ 1846 году.

Лѣтъ тридцати, возвратившись изъ ссылки, я понялъ, что во многомъ мой отецъ былъ правъ, что онъ, по несчастью, оскорбительно хорошо зналъ людей. Но моя ли была вина, что онъ и

¹⁾ Тремя съ небольшимъ.

самую истину проповѣдывалъ такимъ возмутительнымъ образомъ для юнаго сердца? Его умъ, охлажденный длинною жизнью въ кругу людей испорченныхъ, поставилъ его en garde ¹⁾ противъ всѣхъ, а равнодушное сердце не требовало примиренія; онъ такъ и остался въ враждебномъ отношеніи со всѣми на свѣтѣ.

Я его засталъ въ 1839, а еще больше въ 1842, слабымъ и уже, дѣйствительно, больнымъ. Сенаторъ умеръ,—пустота около него была еще больше, даже и камердинеръ былъ другой, но онъ самъ былъ тотъ же,—однѣ физическія силы измѣнили: тотъ же злой умъ, та же память, онъ такъ же всѣхъ тѣснилъ мелочами, и неизмѣнный Зонненбергъ имѣлъ свое прежнее кочевье въ старомъ домѣ и дѣлалъ комиссіи.

Тогда только оцѣнилъ я все безотрадное этой жизни; съ сокрушеннымъ сердцемъ смотрѣлъ я на грустный смыслъ этого одинокаго, оставленнаго существованія, потухавшаго на сухомъ, жесткомъ, каменистомъ пустырьѣ, который онъ самъ создалъ возлѣ себя, но который измѣнить было не въ его волѣ; онъ зналъ это, видѣлъ приближающуюся смерть и, переламывая слабость и дряхлость, ревниво и упорно выдерживалъ себя. Мнѣ бывало ужасно жаль старика, но дѣлать было нечего,—онъ былъ неприступенъ.

...Тихо проходилъ я иногда мимо его кабинета, когда онъ, сидя въ глубокихъ креслахъ, жесткихъ и неловкихъ, окруженный своимъ собачонками, одинъ одиноконекъ игралъ съ моимъ трехлѣтнимъ сыномъ. Казалось, сжавшіяся руки и окоченѣвшіе нервы старика распускались при видѣ ребенка, и онъ отдыхалъ отъ непрерывной тревоги, борьбы и досады, въ которой поддерживалъ себя, дотрогиваясь умирающей рукой до колыбели. ²³

¹⁾ Насторожѣ.

ГЛАВА VI.

Кремлевская экспедиція.—Московскій университетъ.—«Химикъ».—Мы.—Маловская исторія.—Холера.—Филаретъ.—Сунгуровское дѣло.—В. Пассекъ.—Генераль Лесовскій.

О, годы свѣтлыхъ вольныхъ думъ
И безпредѣльныхъ упованій!
Гдѣ смѣхъ безъ желчи? пира шумъ?
Гдѣ трудъ, столь полный ожиданій?

(„Юморъ“).

Несмотря на зловѣщія пророчества хромого генерала ¹⁾, отецъ мой опредѣлилъ—таки меня на службу къ князю Н. Б. Юсупову въ Кремлевскую экспедицію. Я подписалъ бумагу, тѣмъ дѣло и кончилось, больше я о службѣ ничего не слыхалъ, кромѣ того, что года черезъ три Юсуповъ прислалъ дворцоваго архитектора,—который всегда кричалъ такимъ голосомъ, какъ будто онъ стоялъ на стропилахъ пятаго этажа и оттуда что-нибудь приказывалъ работникамъ въ подвалѣ,—извѣстить, что я получилъ первый офицерскій чинъ. Всѣ эти чудеса, замѣтимъ мимоходомъ, были не нужны: чины, полученные службой, я разомъ наверсталъ, выдержавши экзаменъ на кандидата; изъ-за какихъ-нибудь двухъ-трехъ годовъ старшинства не стоило хлопотать. А между тѣмъ, эта мнимая служба чуть не помѣшала мнѣ вступить въ университетъ. Совѣтъ, видя, что я числюсь къ канцеляріи Кремлевской экспедиціи, отказалъ мнѣ въ правѣ держать экзаменъ.

¹⁾ А. Н. Бахметева.

Для служащихъ были особые курсы послѣ объѣда, чрезвычайно ограниченные и давашіе право на, такъ называемые, «комитетскіе экзамены». Всѣ лѣнтяи съ деньгами, баричи, ничему неучившіеся, все, что не хотѣло служить въ военной службѣ и торопилось получить чинъ ассесора, держало комитетскіе экзамены; это было нѣчто въ родѣ *золотыхъ* присковъ, уступленныхъ старымъ профессорамъ, дававшимъ *privatissime* ¹⁾ по двадцати рублей за урокъ. ³⁰

Начать мою жизнь этими Кавдинскими фурулами науки далеко не согласовалось съ моими мыслями. Я сказалъ рѣшительно моему отцу, что, если онъ не найдетъ другого средства, я подамъ въ отставку.

Отецъ мой сердился, говорилъ, что я своими капризами мѣшаю ему устроить мою карьеру, бранилъ учителей, которые натолковали мнѣ этотъ вздоръ, но, видя, что все это очень мало меня трогаетъ, рѣшился ѣхать къ Юсупову.

Юсуповъ разсудилъ дѣло вмигъ, отчасти по-барски и отчасти по-татарски. Онъ позвалъ секретаря и велѣлъ ему написать отпускъ на три года. Секретарь помялся, помялся и доложилъ со страхомъ пополамъ, что отпускъ болѣе, нежели на четыре мѣсяца, нельзя давать безъ высочайшаго разрѣшенія.

— Какой вздоръ, братецъ,—сказалъ ему князь,—что тутъ затрудняться! Ну—въ отпускъ нельзя,—пиши, что я командирую его для усовершенствованія въ наукахъ слушать университетскій курсъ.

Секретарь написалъ, и на другой день я уже сидѣлъ въ амфитеатрѣ физико-математической аудиторіи. ³¹

Въ исторіи русскаго образованія и въ жизни двухъ послѣднихъ поколѣній московскій университетъ и царскосельскій лицей играютъ значительную роль.

Московскій университетъ выросъ въ своемъ значеніи вмѣстѣ съ Москвою послѣ 1812 года; разжалованная императоромъ Петромъ изъ царскихъ столицъ, Москва была произведена императоромъ Наполеономъ (сколько волею, а вдвое того неволею) въ столицы народа русскаго. Народъ догадался по боли, которую чувствовалъ при вѣсти о ея занятіи неприятелемъ, о своей кровной связи съ Москвою. Съ тѣхъ поръ началась для нея новая эпоха. Въ ней университетъ больше и больше становился средоточіемъ русскаго образованія. Всѣ условія для его развитія были соединены: историческое значеніе, географическое положеніе и отсутствіе царя.

Сильно возбужденная дѣятельность ума въ Петербургѣ, послѣ Павла, мрачно замкнулась 14 декабря. Явился Николай съ пятью

¹⁾ Частнымъ образомъ.

висѣлицами, съ каторжной работой, бѣлымъ ремнемъ и голубымъ Бенкендорфомъ ¹⁾.

Все пошло назадъ; кровь бросилась къ сердцу; дѣятельность, скрытая снаружи, закипала, таясь внутри. Московскій университетъ устоялъ и началъ первый вырѣзываться изъ-за всеобщаго тумана. Государь его возненавидѣлъ съ полежаевской исторіи. Онъ прислалъ А. Писарева, генераль-маіора «Калужскихъ вечеровъ», попечителемъ ²⁾; велѣлъ студентамъ одѣтъ въ мундирные сюртуки, велѣлъ имъ носить шпагу, потомъ запретилъ носить шпагу, отдалъ Полежаева въ солдаты за стихъ, Костенецкаго съ товарищами ³⁾ — за прозу, уничтожилъ Критскихъ ⁴⁾ за бюстъ, отправилъ насъ въ ссылку за сень-симонизмъ, посадилъ князя Сергѣя Михайловича Голицына попечителемъ и не занимался больше этимъ «разсадникомъ разврата», благочестиво совѣтуя молодымъ людямъ, окончившимъ курсъ въ лицей и въ школѣ правовѣдѣнія, не вступать въ него.

Голицынъ былъ удивительный человекъ; онъ долго не могъ привыкнуть къ тому безпорядку, что когда профессоръ боленъ, то и лекціи нѣтъ; онъ думалъ, что слѣдующій *по очереди* долженъ быть его замѣнять, такъ что отцу Терновскому пришлось бы иной разъ читать въ клиникѣ о женскихъ болѣзняхъ, а акушеру Рихтеру — толковать безсѣмное зачатіе.

Но, несмотря на это, опальный университетъ росъ вліяніемъ: въ него, какъ въ общій резервуаръ, вливались юныя силы Россіи со всѣхъ сторонъ, изъ всѣхъ слоевъ; въ его залахъ онѣ очищались отъ предрасудковъ, захваченныхъ у домашняго очага, приходили къ одному уровню, братались между собой и снова разливались во всѣ стороны Россіи, во всѣ слои ея.

До 1848 года устройство нашихъ университетовъ было чисто демократическое. Двери ихъ были открыты всякому, кто могъ выдержать экзаменъ и не былъ ни крѣпостнымъ, ни крестьяниномъ, не уволеннымъ своей общиной. Николай все это искажилъ, онъ ограничилъ пріемъ студентовъ, увеличилъ плату своекоштныхъ и дозволилъ избавлять отъ нея только бѣдныхъ *дворянъ*. Все это

¹⁾ Цвѣтъ жандармскаго сукна.

²⁾ Александръ Александровичъ, попечитель съ 1825 по 1830 гг. Имъ тогда же (1825 г.) выпущены были двѣ части «Калужскихъ вечеровъ», сборника сочиненій разныхъ авторовъ.

³⁾ Участники «Сунгуровскаго дѣла», о которомъ ниже.

⁴⁾ Весьма характерное дѣло братьевъ Критскихъ рассказано мною по подлиннымъ документамъ III Отдѣленія С. Е. И. В. канцеляріи въ VI кн. «Былого» 1906 г.

принадлежить къ ряду безумныхъ мѣртъ, которыя исчезнуть съ послѣднимъ дыханіемъ этого тормазы, попавшагося на русское колесо, вмѣстѣ съ закономъ о пассахъ, о религиозной нетерпимости и пр. ¹⁾).

Пестрая молодежь, пришедшая сверху, снизу, съ юга и сѣвера, быстро сплавлялась въ компактную массу товарищества. Общественныя различія не имѣли у насъ того оскорбительнаго вліянія, которое мы встрѣчаемъ въ англійскихъ школахъ и казармахъ; объ англійскихъ университетахъ я не говорю: они существуютъ исключительно для аристократіи и для богатыхъ. Студентъ, который бы вздумалъ у насъ хвастаться своей *бллой костью* или богатствомъ, былъ бы отлученъ отъ «воды и огня», замученъ товарищами.

Внѣшнія различія, и то не глубокія, дѣлившія студентовъ, шли изъ другихъ источниковъ; такъ, напр., медицинское отдѣленіе, находившееся по другую сторону сада, не было съ нами такъ близко, какъ прочіе факультеты; къ тому же его большинство состояло изъ семинаристовъ и нѣмцевъ. Нѣмцы держали себя нѣсколько въ

¹⁾ Кстати, вотъ еще одна изъ отеческихъ мѣртъ «незабвеннаго» Николая. Воспитательные дома и приказы общественного призрѣнія составляютъ одинъ изъ лучшихъ памятниковъ екатерининскаго времени. Самая мысль учрежденія больницъ, богадѣленъ и воспитательныхъ домовъ на доли процентовъ, которые ссудные банки получаютъ отъ оборотовъ капиталами, замѣчательно умна.

Учрежденія эти принялись, ломбарды и приказы богатѣли, воспитательные дома и богоугодныя заведенія цвѣли настолько, насколько допускало ихъ всеобщее воровство чиновниковъ. Дѣти, приносимыя въ воспитательный домъ, частью оставались тамъ, частью раздавались крестьянкамъ въ деревни; послѣднія оставались крестьянами, первыя воспитывались въ самомъ заведеніи. Изъ нихъ сортировали наиболѣе способныхъ для продолженія гимназическаго курса, отдавая менѣе способныхъ въ ученье ремесламъ или, наконецъ, способнѣйшихъ—въ классныя дамы и въ гувернантки. Все шло, какъ нельзя лучше. Но Николай и этому учрежденію нанесъ страшный ударъ. Говорятъ, что императрица, встрѣтивъ разъ въ домѣ у одного изъ своихъ приближенныхъ воспитательницу его дѣтей, вступила съ ней въ разговоръ и, будучи очень довольна ею, спросила, гдѣ она воспитывалась: та сказала ей, что она изъ «пансеніорокъ воспитательнаго дома». Всякій подумаетъ, что императрица поблагодарила за это начальство. Нѣтъ, это ей подало поводъ подумать о *неприличіи* давать такое воспитаніе подкинутымъ дѣтямъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Николай *произвелъ* высшіе классы воспитательныхъ домовъ въ *оберъ-офицерскій* институтъ, т.-е. не велѣлъ болѣе помѣщать питомцевъ въ эти классы, а замѣнилъ ихъ оберъ-офицерскими дѣтьми. Онъ даже подумалъ о мѣртѣ болѣе радикальной,—онъ не велѣлъ въ губернскихъ заведеніяхъ, въ приказахъ принимать новорожденныхъ дѣтей. Лучшій комментарий на эту умную мѣру—въ отчетѣ министра юстиціи, въ графѣ «Дѣтоубійство». А. И. Г.

сторонѣ и были очень пропитаны западно-мѣщанскимъ духомъ. Все воспитаніе несчастныхъ семинаристовъ, всѣ ихъ понятія были совсѣмъ иныя, чѣмъ у насъ, мы говорили разными языками; они, выросшіе подъ гнетомъ монашескаго деспотизма, забытые своей риторикой и теологіей, завидовали нашей развязности; мы досадовали на ихъ христіанское смиреніе ¹⁾).

Я вступилъ въ физико-математическое отдѣленіе, несмотря на то, что никогда не имѣлъ ни большой способности, ни большой любви къ математикѣ. Учились ей мы съ Никомъ у одного учителя ²⁾), котораго мы любили за его анекдоты и рассказы; при всей своей занимательности, онъ врядъ могъ ли развить особую страсть къ своей наукѣ. Онъ зналъ математику включительно до коническихъ сѣченій, т.-е. ровно столько, сколько было нужно для приготовления гимназистовъ къ университету; настоящій философъ, онъ никогда не полюбопытствовалъ заглянуть въ «университетскія части» математики. Особенно замѣчательно при этомъ, что онъ только одну книгу и читалъ, и читалъ ее постоянно, лѣтъ десять, это Франкёровъ курсъ ³⁾), но, воздержный по характеру и не любившій роскоши, онъ не переходилъ извѣстной страницы. ³²

Я избралъ физико-математическій факультетъ, потому что въ немъ же преподавались естественныя науки, а къ нимъ именно въ это время развилась у меня сильная страсть.

Довольно странная встрѣча навела меня на эти занятія.

Послѣ знаменитаго раздѣла имѣнія въ 1822 ⁴⁾ году, о которомъ я рассказывалъ, «старшій братецъ» переѣхалъ на житье въ Петербургъ. Давно объ немъ ничего не было слышно, какъ вдругъ разнесся слухъ, что онъ женился. Ему было за шестьдесятъ лѣтъ тогда, и всѣ знали, что, сверхъ совершеннолѣтняго сына, у него были другія дѣти. Онъ именно женился на матери старшаго сына; «молодой» тоже было за пятьдесятъ. Этимъ бракомъ онъ «привѣнчалъ», какъ говорили встарь, своего сына. Отчего же не всѣхъ дѣтей ⁵⁾? Мудрено было бы сказать отчего, если-бъ главная цѣль, съ которой онъ все это дѣлалъ, была неизвѣстна: онъ хотѣлъ

¹⁾ Въ этомъ отношеніи сдѣланъ огромный успѣхъ; все, что я слышалъ въ послѣднее время о духовныхъ академіяхъ и даже семинаріяхъ, подтверждаетъ это. Само собою разумѣется, что въ этомъ виновато не духовное начальство, а духъ учащихся. А. И. Г.

²⁾ И. О. Волковъ.

³⁾ Луи Франкёръ, «Cours complet de mathématique pure», очень распространенный въ Россіи во многихъ переводахъ.

⁴⁾ Ошибка—1821.

⁵⁾ См. № 1.

одного,—лишить своихъ братьевъ наслѣдства, и этого онъ достигалъ вполнѣ «привѣнчиваніемъ» сына. Въ извѣстное наводненіе 1824 года старика залило водой въ каретѣ, онъ простудился, слегъ и въ началѣ 1825 года умеръ.

О сынѣ носились странные слухи; говорили, что онъ былъ нелюдимъ, ни съ кѣмъ не знался, вѣчно сидѣлъ одинъ, занимаясь химіей, проводилъ жизнь за микроскопомъ, читалъ даже за обѣдомъ и ненавидѣлъ женское общество. Объ немъ сказано въ «Горѣ отъ ума»:

Отъ женщинъ бѣгаетъ и даже отъ меня!
Чиновъ не хочетъ знать! Онъ химикъ, онъ ботаникъ—
Князь Федоръ, мой племянникъ.

Дяди, перенесшіе на него зубъ, который имѣли противъ отца, не называли его иначе, какъ «Химикъ», придавая этому слову порицательный смыслъ и подразумѣвая, что химія вовсе не можетъ быть занятіемъ порядочнаго человѣка.

Отецъ передъ смертью страшно тѣснилъ сына; онъ не только оскорблялъ его зрѣлищемъ сѣдого отцовскаго разврата,—разврата циническаго, но просто ревновалъ его къ своей серали. Химикъ разъ хотѣлъ отдѣлаться отъ этой неблагородной жизни лауданумомъ; его спасъ случайно товарищъ, съ которымъ онъ занимался химіей. Отецъ перепугался и передъ смѣртью сталъ смиренѣе съ сыномъ.

Послѣ смерти отца Химикъ далъ отпускную несчастнымъ одалискамъ, уменьшилъ на половину тяжелый оброкъ, положенный отцомъ на крестьянъ, простилъ недоимки и даромъ отдалъ рекрутскія квитанціи, которыя продавалъ имъ старикъ, отдавая дворовыхъ въ солдаты.

Года черезъ полтора онъ пріѣхалъ въ Москву. Мнѣ хотѣлось его видѣть: я его любилъ за крестьянъ и за несправедливое недоброжелательство къ нему его дядей.

Однимъ утромъ явился къ моему отцу небольшой человѣкъ въ золотыхъ очкахъ, съ большимъ носомъ, съ полупотерянными волосами, съ пальцами, обожженными химическими реакціями. Отецъ мой встрѣтилъ его холодно, колко; племянникъ отвѣчалъ той же монетой и не хуже чеканеной; помѣрjавшись, они стали говорить о постороннихъ предметахъ съ наружнымъ равнодушіемъ и разстались учтиво, но съ затаенной злобой другъ противъ друга. Отецъ мой увидѣлъ, что боецъ ему не уступитъ.

Они никогда не сближались потомъ. Химикъ ѣздилъ очень рѣдко къ дядямъ; въ послѣдній разъ онъ видѣлся съ моимъ отцомъ

послѣ смерти Сенатора; онъ пріѣзжалъ просить у него тысячь тридцать рублей взаймы на поупку земли. Отець мой не далъ; Химикъ разсердился и, потирая рукою носъ, съ улыбкой ему замѣтилъ: «Какой же тутъ рискъ? У меня имѣнье *родовое*, я беру деньги для его усовершенствованія, дѣтей у меня нѣтъ, и мы другъ послѣ друга наслѣдники». Старикъ 75-лѣтъ никогда не прощаль племяннику эту выходку.

Я сталъ время отъ времени навѣщать его. Жиль онъ чрезвычайно своеобразно; въ большомъ домѣ своемъ на Тверскомъ бульварѣ занималъ онъ одну крошечную комнату для себя и одну для лабораторіи. Старуха мать его жила черезъ коридоръ въ другой комнаткѣ; остальное было запущено и оставалось въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ было при отъѣздѣ его отца въ Петербургъ. Почернѣвшіе канделябры, необыкновенная мебель, всякія рѣдкости, стѣнные часы, *будто-бы*, купленные Петромъ I въ Амстердамѣ, кресла, будто бы, изъ дома Станислава Лещинскаго, рамы безъ картинъ, картины, обороченныя къ стѣнѣ,—все это, поставленное кой-какъ, наполняло три большія залы, нетопленныя и неосвѣщенныя. Въ передней люди играли обыкновенно на турбанѣ и курили (въ той самой, въ которой прежде едва смѣли дышать и молиться). Человѣкъ зажигалъ свѣчку и провожалъ этой оружейной палатой, замѣчая всякій разъ, что плаща снимать ненадобно, что въ залахъ очень холодно; густые слои пыли покрывали рогатыя и курьезныя вещи, отражавшіяся и двигавшіяся вмѣстѣ со свѣчей въ вычурныхъ зеркалахъ; солома, остававшаяся отъ укладки, спокойно лежала тамъ-сямъ вмѣстѣ съ стриженной бумагой и бичевками.

Рядомъ этихъ комнатъ достигалась, наконецъ, дверь, завѣшанная ковромъ, которая вела въ страшно натопленный кабинетъ. Въ немъ Химикъ, въ замаранномъ халатѣ на бѣлицемъ мѣху, сидѣлъ безвыходно, обложенный книгами, обставленный стеклянками, ретортами, тигелями, снарядами. Въ этомъ кабинетѣ, гдѣ теперь царилъ микроскопъ Шевалье, пахло хлоромъ, и гдѣ совершались за нѣсколько лѣтъ страшныя, вопіющія дѣла,—въ этомъ кабинетѣ я *родился*. Отець мой, возвратившись изъ чужихъ краевъ, до ссоры съ братомъ, останавливался на нѣсколько мѣсяцевъ въ его домѣ, и въ этомъ же домѣ родилась моя жена въ 1817 году. Химикъ года черезъ два продалъ свой домъ, и мнѣ опять случилось бывать въ немъ на вечерахъ у Свербеева ¹⁾, спорить тамъ о

¹⁾ Дмитрій Николаевичъ.

панславизмъ и сердиться на Хомякова ¹⁾, который никогда ни на что не сердился. Комнаты были перестроены, но подъездъ, сѣни, лѣстница, передняя,—все осталось, также и маленькій кабинетъ остался.

Хозяйство Химика было еще менѣе сложно, особенно, когда мать его уѣзжала на лѣто въ подмосковную, а съ нею и поварь. Камердинеръ его являлся часа въ четыре съ кофейникомъ, распускалъ въ немъ немного крѣпкаго бульону и, пользуясь химическимъ горномъ, ставилъ его къ огню вмѣстѣ со всякими ядами. Потомъ онъ приносилъ изъ трактира полрябчика и хлѣбъ,—въ этомъ состоялъ весь обѣдъ. По окончаніи его камердинеръ мылъ кофейникъ, и онъ входилъ въ свои естественныя права. Вечеромъ снова являлся камердинеръ, снималъ съ дивана тигровую шкуру, доставшуюся по наслѣдству отъ отца, и груду книгъ, стлалъ простыню, приносилъ подушки и одѣяло, и кабинетъ такъ же легко превращался въ спальню, какъ въ кухню и столовую.

Съ самаго начала нашего знакомства, Химикъ увидѣлъ, что я серьезно занимаюсь, и сталъ уговаривать, чтобъ я бросилъ «пустыя» занятія литературой и «опасныя безъ всякой пользы»—политикой, а принялся бы за естественныя науки. Онъ далъ мнѣ рѣчь Кюве о геологическихъ переворотахъ ²⁾ и Де-Кандолеву растительную органографію ³⁾. Видя, что чтеніе идетъ на пользу, онъ предложилъ свои превосходныя собранія, снаряды, гербаріи и даже свое руководство. Онъ на своей почвѣ былъ очень занимателенъ, чрезвычайно ученъ, остеръ и даже любезенъ; но для этого ненадобно было ходить дальше обезьянъ; отъ камней до орангъ-утанга его все интересовало, далѣе онъ неохотно пускался, особенно въ философію, которую считалъ болтовней. Онъ не былъ ни консерваторъ, ни отсталый человѣкъ, онъ просто не вѣрилъ въ людей, т.-е. вѣрилъ, что эгоизмъ—исключительное начало всѣхъ дѣйствій, и находилъ, что его сдерживаютъ только безуміе⁴⁾ однихъ и невежество другихъ.

Меня возмущалъ его матеріализмъ. Поверхностный и со страхомъ пополамъ вольтеріанизмъ нашихъ отцовъ нисколько не былъ похожъ на матеріализмъ Химика. Его взглядъ былъ спокойный, послѣдовательный, оконченный; онъ напоминалъ извѣстный отвѣтъ Лаланда ⁴⁾ Наполеону: «Кантъ принимаетъ гипотезу Бога»,

¹⁾ Алексѣй Степановичъ.

²⁾ «Discours sur les révolutions de la surface du globe et sur les changements qu'elles ont produits dans le règne animal».

³⁾ См. № 17.

⁴⁾ Жозефъ, французскій астрономъ.

сказалъ ему Бонапартъ.—«Sire,—возразилъ астрономъ,—мнѣ въ моихъ занятіяхъ никогда не случалось нуждаться въ этой гипотезѣ».

Атеизмъ Химика шелъ далѣе теологическихъ сферъ. Онъ считалъ Жофруа Сентъ-Илера ¹⁾ мистикомъ, а Окена ²⁾ просто поврежденнымъ. Онъ съ тѣмъ пренебреженіемъ, съ которымъ мой отецъ сложилъ «Исторію» Карамзина, закрылъ сочиненія натурфилософовъ. «Сами выдумали первыя причины, духовныя силы да и удивляются потомъ, что ихъ ни найти, ни понять нельзя». Это былъ мой отецъ въ другомъ изданіи, въ иномъ вѣкѣ и иначе воспитанный.

Взглядъ его становился еще безотраднѣе во всѣхъ жизненныхъ вопросахъ. Онъ находилъ, что на человѣкѣ такъ же мало лежитъ отвѣтственности за добро и зло, какъ на звѣрѣ; что все—дѣло организациі, обстоятельствъ и вообще устройства нервной системы, отъ которой *больше ждуть, нежели она въ состояніи дать*. Семейную жизнь онъ не любилъ, говорилъ съ ужасомъ о бракѣ и наивно признавался, что онъ пережилъ тридцать лѣтъ, не любя ни одной женщины. Впрочемъ, одна теплая струйка въ этомъ охлажденномъ человѣкѣ еще оставалась, она была видна въ его отношеніяхъ къ старушкѣ матери; они много страдали вмѣстѣ отъ отца, бѣдствія сильно сплавили ихъ; онъ трогательно окружалъ одинокую и болѣзненную старость ея, насколько умѣлъ, покоемъ и вниманіемъ.

Теоріи своихъ, кромѣ химическихъ, онъ никогда не проповѣдывалъ; онѣ высказывались случайно, вызывались мною. Онъ даже нехотя отвѣчалъ на мои романтическія и философскія возраженія; его отвѣты были коротки, онъ ихъ дѣлалъ улыбаясь и съ той деликатностью, съ которой большой, старый мастифъ играетъ со шпикомъ, позволяя ему себя теребить и только легко отгоняя лапой. Но это-то меня и дразнило всего больше, и я неутомимо возвращался à la charge ³⁾, не выигрывая, впрочемъ, ни одного пальца почвы. Впослѣдствіи, т.-е. лѣтъ черезъ двѣнадцать, я много разъ поминалъ Химика, такъ, какъ поминалъ замѣчанія моего отца; разумѣется, онъ былъ правъ въ трехъ четвертяхъ всего, на что я возражалъ. Но, вѣдь, и я былъ правъ. Есть истины,—мы уже говорили объ этомъ,—которыя, какъ политическія права, не передаются раньше извѣстнаго возраста.

¹⁾ Извѣстный французскій зоологъ.

²⁾ Лоренцъ, нѣмецкій естествоиспытатель, основатель натурфилософій.

³⁾ Возобновлялъ попытку (отъ retourner à la charge).

Вліяніе Химика заставило меня избрать физико-математическое отдѣленіе; можетъ, еще лучше было бы вступить въ медицинское, но бѣды большой въ томъ нѣтъ, что я сперва посредственно выучилъ, потомъ основательно забылъ дифференціальныя и интегральныя исчисленія.

Безъ естественныхъ наукъ нѣтъ спасенія современному чело-вѣку; безъ этой здоровой пищи, безъ этого строгаго воспитанія мысли фактами, безъ этой близости къ окружающей насъ жизни, безъ смиренія передъ ея независимостью гдѣ-нибудь въ душѣ остается монашеская келья, и въ ней—мистическое зерно, которое можетъ разлиться темной водой по всему разумѣнію.

Передъ окончаніемъ моего курса Химикъ уѣхалъ въ Петербургъ, и я не видался съ нимъ до возвращенія изъ Вятки. Нѣсколько мѣсяцевъ послѣ моей женитьбы, я ѣздилъ полутайкомъ на нѣсколько дней въ подмосковную, гдѣ тогда жилъ мой отецъ. Цѣль этой поѣздки состояла въ окончательномъ примиреніи съ нимъ: онъ все еще сердился на меня за мой бракъ.

По дорогѣ я остановился въ Перхушковѣ, тамъ, гдѣ мы столько разъ останавливались. Химикъ меня ожидалъ и даже приготовилъ обѣдъ и двѣ бутылки шампанскаго. Онъ черезъ четыре или пять лѣтъ былъ неизмѣнно тотъ же, только немного постарѣлъ. Передъ обѣдомъ онъ спросилъ меня совершенно серьезно: «Скажите, пожалуйста, откровенно, ну, какъ вы находите семейную жизнь, бракъ? Что, хорошо, что ли, или не очень?»—Я смѣялся.—«Какая смѣлость съ вашей стороны,—продолжалъ онъ,—я удивляюсь вамъ; въ нормальномъ состояніи никогда чело-вѣкъ не можетъ рѣшиться на такой страшный шагъ. Мнѣ предлагали двѣ три партіи, очень хорошія, но какъ я вздумаю, что у меня въ комнатѣ будетъ распоряжаться женщина, будетъ все приводить по своему въ порядокъ, пожалуй, будетъ мнѣ запрещать курить мой табакъ (онъ курилъ нѣжинскіе корешки), подниметь шумъ, сумбуръ,—тогда на меня находить такой страхъ, что я предпочитаю умереть въ одиночествѣ».

— Остаться мнѣ у васъ ночевать или ѣхать въ Покровское?—спросилъ я его послѣ обѣда.

— Недостатка въ мѣстѣ у меня нѣтъ,—отвѣтилъ онъ,—но для васъ, я думаю, лучше ѣхать; вы приѣдете часовъ въ десять къ вашему батюшкѣ. Вы, вѣдь, знаете, что онъ еще сердитъ на васъ; ну, вечеромъ, передъ сномъ у старыхъ людей обыкновенно нервы ослаблены и вялы; онъ васъ приметъ, вѣроятно, гораздо лучше нынче, чѣмъ завтра; утромъ вы его найдете совсѣмъ готовымъ для сраженія.

— Ха, ха, ха, какъ я узнаю моего учителя физиологіи и матеріализма,—сказаль я ему, смѣясь отъ души,—ваше замѣчаніе такъ и напомнило мнѣ тѣ блаженныя времена, когда я приходилъ къ вамъ, въ родѣ гётевскаго Вертера, надоѣдать моимъ идеализмомъ и выслушивать не безъ негодованія ваши охлаждающія сен-тенціи.

— Вы съ тѣхъ поръ довольно жили,—отвѣтилъ онъ, тоже смѣясь,—чтобъ знать, что всё дѣла человѣческія зависятъ просто отъ нервовъ и отъ химическаго состава.

Послѣ мы какъ-то разошлись съ нимъ; вѣроятно, мы оба были неправы... Тѣмъ не менѣе, въ 1846 онъ написалъ мнѣ письмо. Я начиналъ тогда входить въ моду послѣ первой части «*Кто виноватъ?*». Химикъ писалъ мнѣ, что онъ съ грустью видитъ, что я употребляю на пустыя занятія мой талантъ. «Я съ вами примирился за ваши «Письма объ изученіи природы»; въ нихъ я понялъ (насколько человѣческому уму можно понимать) нѣмецкую философію; зачѣмъ же, вмѣсто продолженія серьезнаго труда, вы пишете сказки?» Я отвѣчалъ ему нѣсколькими дружескими строками; тѣмъ наши сношенія и кончились.

Если эти строки попадутся на глаза самому Химику, я попрошу его ихъ прочесть, ложась спать въ постель, когда нервы ослаблены, и увѣренъ, что онъ проститъ мнѣ тогда дружескую болтовню, тѣмъ болѣе, что я храню серьезную и добрую память о немъ. 33

Итакъ, наконецъ, затворничество родительскаго дома пало. Я былъ au large ¹⁾; вмѣсто одиночества въ нашей небольшой комнатѣ, вмѣсто тихихъ и полускрываемыхъ свиданій съ однимъ Огаревымъ, шумная семья въ семьсотъ головъ окружила меня. Въ ней я больше оклиматился въ двѣ недѣли, чѣмъ въ родительскомъ домѣ съ самаго дня рожденія.

А домъ родительскій меня преслѣдовалъ даже въ университетъ, въ видѣ лакея, которому отецъ мой велѣлъ меня провожать, особенно, когда я ходилъ пѣшкомъ. Цѣлый семестръ я отдѣлывался отъ провожатаго и насилу официально успѣлъ въ этомъ. Я говорю «официально», потому что Петръ Ѳедоровичъ, мой камердинеръ, на котораго была возложена эта должность, очень скоро понялъ, во-первыхъ, что мнѣ непріятно быть провожаемымъ, во-вторыхъ, что самому ему гораздо пріятнѣе въ разныхъ увеселительныхъ мѣстахъ, чѣмъ въ передней физико-математическаго факультета, въ которой всё удовольствія ограничивались бесѣдою

¹⁾ Въ открытомъ морѣ.

съ двумя сторожами и взаимнымъ потчеваніемъ другъ друга и самихъ себя табакомъ.

Къ чему посылали за мной провожатаго? Неужели Петръ, съ молодыхъ лѣтъ зашибавшій по нѣскольکو дней сряду, могъ меня остановить въ чемъ-нибудь? Я полагаю, что мой отецъ и не думалъ этого, но для *своею* спокойствія бралъ мѣры недѣйствительныя, но все же мѣры, въ родѣ того, какъ люди, не вѣря, говѣютъ. Черта эта принадлежитъ нашему старинному помѣщичьему воспитанію. До семи лѣтъ было приказано водить меня за руку по внутренней лѣстницѣ, которая была нѣскольکو крута; до одиннадцати меня мыла въ корытѣ Вѣра Артамоновна; стало, очень послѣдовательно— за мной, студентомъ, посылали слугу и до 21 года мнѣ не позволялось возвращаться домой послѣ половины одиннадцатаго. Я практически очутился на волѣ и на своихъ ногахъ въ ссылкѣ; если-бъ меня не сослали, вѣроятно, тотъ же режимъ продолжался бы до 25 лѣтъ... до 35.

Какъ большая часть живыхъ мальчиковъ, воспитанныхъ въ одиночествѣ, я съ такой искренностью и стремительностью бросался каждому на шею, съ такой безумной неосторожностью дѣлалъ пропаганду и такъ откровенно самъ всѣхъ любилъ, что не могъ не вызвать горячій отвѣтъ со стороны аудиторіи, состоявшей изъ юношей почти одного возраста (мнѣ былъ тогда семнадцатый ¹⁾ годъ).

Мудрыя правила: со всѣми быть учтивымъ и ни съ кѣмъ близкимъ, никому не довѣряться, — столько же способствовали этимъ сближеніямъ, какъ неотлучная мысль, съ которой мы вступили въ университетъ, — мысль, что *здѣсь* совершатся наши мечты, что здѣсь мы бросимъ сѣмена, положимъ *основу* союзу. Мы были увѣрены, что изъ этой аудиторіи выйдетъ та фаланга, которая пойдетъ вслѣдъ за Пестелемъ и Рылѣвымъ, и что мы будемъ въ ней.

Молодежь была прекрасная въ нашъ курсъ. Именно въ это время пробуждались у насъ больше и больше теоретическія стремленія. Семинарская выучка и шляхетская лѣнь равно исчезали, не замѣняясь еще нѣмецкимъ утилитаризмомъ, удобряющимъ умы наукой, какъ поля навозомъ, для усиленной жатвы. Порядочный кругъ студентовъ не принималъ больше науку за необходимый, но скучный проселокъ, которымъ скорѣе объѣзжаютъ въ коллежскіе ассесоры. Возникавшіе вопросы вовсе не относились до табели о рангахъ.

¹⁾ Ошибка—восемнадцатый.

Съ другой стороны, научный интересъ не успѣлъ еще выродиться въ доктринаризмъ; наука не отвлекала отъ вмѣшательства въ жизнь, страдавшую вокругъ. Это сочувствіе съ нею необыкновенно поднимало *гражданскую* нравственность студентовъ. Мы и наши товарищи говорили въ аудиторіи открыто все, что приходило въ голову; тетрадки *запрещенныхъ* стиховъ ходили изъ рукъ въ руки, запрещенныя книги читались съ комментаріями, и при всемъ томъ я не помню ни одного доноса изъ аудиторіи, ни одного предательства. Были робкіе молодые люди, уклонявшіеся, отстранявшіеся, но и тѣ молчали ¹⁾).

Одинъ пустой мальчикъ, допрашиваемый своею матерью о Маловской исторіи подъ угрозою прута, рассказалъ ей кое-что. Нѣжная мать, *аристократка* и княгиня, бросилась къ ректору и передала доносъ сына, какъ доказательство его раскаянія. Мы узнали это и мучили его до того, что онъ не остался до окончанія курса.

Исторія эта, за которую и я посидѣлъ въ карцерѣ, стоитъ того, чтобъ рассказать ее.

Маловъ ²⁾ былъ глупый, грубый и необразованный профессоръ въ политическомъ ³⁾ отдѣленіи. Студенты презирали его, смѣялись надъ нимъ. «Сколько у васъ профессоровъ въ отдѣленіи?»—спросилъ какъ-то попечитель у студента въ политической аудиторіи. «Безъ Малова девять»,—отвѣчалъ студентъ. Вотъ этотъ-то профессоръ, котораго надобно было *вычестъ* для того, чтобъ осталось девять, сталъ больше и больше дѣлать дерзостей студентамъ; студенты рѣшились прогнать его изъ аудиторіи. Сговорившись, они прислали въ наше отдѣленіе двухъ парламентаровъ, приглашая меня прійти съ вспомогательнымъ войскомъ. Я тотчасъ объявилъ клічъ итти войной на Малова; нѣсколько человекъ пошли со мной. Когда мы пришли въ политическую аудиторію, Маловъ былъ налицо и видѣлъ насъ.

У всѣхъ студентовъ на лицахъ былъ написанъ одинъ страхъ: ну, какъ онъ въ этотъ день не сдѣлаетъ никакого грубаго замѣчанія? Страхъ этотъ скоро прошелъ. Черезъ край полная аудиторія была непокойна и издавала глухой, сдавленный гулъ. Маловъ сдѣлалъ какое-то замѣчаніе, началось шарканье. «Вы выражаете ваши мысли, какъ лошади, ногами»,—замѣтилъ Маловъ, вообра-

¹⁾ Тогда не было инспекторовъ и субъ-инспекторовъ, исправляющихъ при аудиторіяхъ роль моего Петра Федоровича. А. И. Г.

²⁾ Михаилъ Яковлевичъ.

³⁾ Этико-политическое.

жавшей, вѣроятно, что лошади думаютъ галопомъ и рысью,—и буря поднялась: свистъ, шиканье, крикъ: «вонъ его, вонъ его! regeat!». Маловъ, блѣдный, какъ полотно, сдѣлалъ отчаянное усиліе овладѣть шумомъ и не могъ; студенты вскочили на лавки. Маловъ тихо сошелъ съ кафедры и, съжившись, сталъ пробираться къ дверямъ; аудиторія—за нимъ, его проводили по университетскому двору на улицу и бросили вслѣдъ за нимъ его калоши. Последнее обстоятельство было важно: на улицѣ дѣло получило совсѣмъ иной характеръ,—но, будто, есть на свѣтѣ молодые люди 17-18 лѣтъ, которые думаютъ объ этомъ.

Университетскій совѣтъ перепугался и убѣдилъ попечителя представить дѣло оконченнымъ и для того виновныхъ или такъ кого-нибудь посадить въ карцеръ. Это было не глупо. Легко можетъ быть, что въ противномъ случаѣ государь прислалъ бы флигель-адъютанта, который для полученія креста сдѣлалъ бы изъ этого дѣла заговоръ, возстаніе, бунтъ и предложилъ бы всѣхъ отправить на каторжную работу, а государь помиловалъ бы въ солдаты. Видя, что порокъ наказанъ и нравственность торжествуетъ, государь ограничился тѣмъ, что высочайше соизволилъ утвердить волю студентовъ и отставилъ профессора. Мы Малова прогнали до университетскихъ воротъ, а онъ его выгналъ за ворота. *Vae victis* ¹⁾ съ Николаемъ, но на этотъ разъ не намъ пенять на него. ³⁴

Итакъ, дѣло закипѣло. На другой день, послѣ обѣда приплелся ко мнѣ сторожъ изъ правленія, сѣдой старикъ, который добросовѣстно принималъ à la lettre, что студенты ему давали деньги на водку, и потому постоянно поддерживалъ себя въ состояніи болѣе близкомъ къ пьяному, чѣмъ къ трезвому. Онъ въ обшлагѣ шинели принесъ отъ «лехтура» записочку,—мнѣ было велѣно явиться къ нему въ семь часовъ вечера. Вслѣдъ за нимъ явился блѣдный и испуганный студентъ изъ остзейскихъ бароновъ, получившій такое же приглашеніе и принадлежавшій къ несчастнымъ жертвамъ, приведеннымъ мною. Онъ началъ съ того, что осыпалъ меня упреками, потомъ спрашивалъ совѣта, что ему говорить.

— Лгать отчаянно, запирается во всемъ, кромѣ того, что шумъ былъ и что вы были въ аудиторіи,—отвѣчалъ я ему.

— А ректоръ спроситъ, зачѣмъ я былъ въ политической аудиторіи, а не въ нащей?

— Какъ зачѣмъ? Да развѣ вы не знаете, что Родіонъ Гей-

¹⁾ Горе побѣжденнымъ.

манъ ¹⁾ не приходилъ на лекцію? вы, не желая потерять времени по пустому, пошли слушать другую.

— Онъ не повѣритъ.

— Это ужъ его дѣло.

Когда мы входили на университетскій дворъ, я посмотрѣлъ на моего барона: пухленькія щечки его были очень блѣдны и вообще ему было плохо. «Слушайте,—сказалъ я,—вы можете быть увѣрены, что ректоръ начнетъ не съ васъ, а съ меня; говорите то же самое съ варіаціями; вы же и въ самомъ дѣлѣ ничего особеннаго не сдѣлали. Не забудьте одно: за то, что вы шумѣли, и за то, что лжете,—много, много васъ посадятъ въ карцеръ; а если вы проболтаетесь да кого-нибудь при мнѣ запутаете, я расскажу въ аудиторіи, и мы отравимъ вамъ ваше существованіе». Баронъ обѣщаль и честно сдержалъ слово.

Ректоромъ былъ тогда Двигубскій, одинъ изъ остатковъ и образцовъ допотопныхъ профессоровъ или, лучше сказать, *до-пожарныхъ*, то-есть до 1812 г. Они вывелись теперь; съ попечительствомъ князя Оболенскаго ²⁾, вообще, оканчивается патріархальный періодъ московскаго университета. Въ тѣ времена начальство университетомъ не занималось, профессора читали и не читали, студенты ходили и не ходили, и ходили притомъ не въ мундирныхъ сюртукахъ à l'instar ³⁾ конно-егерскихъ, а въ разныхъ отчаянныхъ и эксцентрическихъ платьяхъ, въ крошечныхъ фуражкахъ, едва державшихся на дѣвственныхъ волосахъ. Профессора составляли два стана или слоя, мирно ненавидѣвшіе другъ друга; одинъ состоялъ исключительно изъ нѣмцевъ, другой изъ не-нѣмцевъ. Нѣмцы, въ числѣ которыхъ были люди добрые и ученые, какъ Лодеръ ⁴⁾, Фишеръ ⁵⁾, Гильдебрандтъ ⁶⁾ и самъ Геймъ ⁷⁾, вообще, отличались незнаніемъ и нежеланіемъ знать русскаго языка, хладнокровіемъ къ студентамъ, духомъ западнаго кліентизма, ремесленничества, неумѣреннымъ куреніемъ сигаръ и огромнымъ количествомъ крестовъ, которыхъ они никогда не снимали. Не-нѣмцы, съ своей стороны, не знали ни одного (живого) языка, кромѣ русскаго, были отечественно-раболѣпны, семинарски-неуклюжи, дер-

¹⁾ Родіонъ Григорьевичъ, проф. химіи.

²⁾ Андрей Петровичъ, попечитель до 1825 г.

³⁾ На подобіе.

⁴⁾ Христіанъ Ивановичъ, анатомъ.

⁵⁾ Фишеръ фонъ-Вальдгеймъ, отецъ и сынъ, Григорій Ивановичъ и Александръ Григорьевичъ, естественники.

⁶⁾ Ѳеодоръ Андреевичъ, хирургъ.

⁷⁾ Иванъ Андреевичъ, историкъ.

жались, за исключеніемъ Мерзлякова ¹⁾, въ черномъ тѣлѣ и, вмѣсто неумѣреннаго употребленія сигаръ, употребляли неумѣренно настойку. Нѣмцы были больше изъ Геттингена, не-нѣмцы—изъ повскихъ дѣтей.

Двигубскій былъ изъ не-нѣмцевъ. Видъ его былъ такъ назидателенъ, что какой-то студентъ изъ семинаристовъ, приходя за табелью, подошелъ къ нему подѣ благословеніе и постоянно называлъ его «отецъ-ректоръ». Притомъ онъ былъ страшно похожъ на сову съ Анной на шеѣ, какъ его рисовалъ другой студентъ, получившій болѣе свѣтское образованіе. Когда онъ, бывало, приходилъ въ нашу аудиторію или съ деканомъ Чумаковымъ ²⁾, или съ Котельницкимъ ³⁾, который завѣдывалъ шкапомъ съ надписью «*Materia Medica*», неизвѣстно зачѣмъ проживавшимъ въ математической аудиторіи, или съ Рейсомъ ⁴⁾, выписаннымъ изъ Германіи за то, что его дядя хорошо зналъ химію,—съ Рейсомъ, который, нитая по-французски, называлъ свѣтильню—*bâton de coton* ⁵⁾, ядь—рыбой (*poisson*) ⁶⁾, а слово «молнія» такъ несчастно произносилъ, что многіе думали, что онъ бранится,—мы смотрѣли на нихъ большими глазами, какъ на собраніе ископаемыхъ, какъ на послѣднихъ Абенсераговъ ⁷⁾, представителей иного времени, не столько близкаго къ намъ, какъ къ Тредьяковскому и Кострову,—времени, въ которомъ читали Хераскова и Княжнина, времени добраго профессора Дильтея ⁸⁾, у котораго были двѣ собачки: одна вѣчно лаявшая, другая никогда не лаявшая, за что онъ очень справедливо прозвалъ одну *Баваркой*, а другую *Пруденкой*.

Но Двигубскій былъ вовсе не добрый профессоръ, онъ принялъ насъ чрезвычайно круто и былъ грубъ. Я поролъ страшную дичь и былъ неучтивъ, баронъ подогрѣвалъ то же самое. Раздраженный Двигубскій велѣлъ явиться на другое утро въ совѣтъ; тамъ въ полчаса времени насъ допросили, осудили, приговорили и послали сентенцію на утверженіе князя Голицына.

Едва я успѣлъ въ аудиторіи пять или шесть разъ въ лицахъ представить студентамъ судъ и расправу университетскаго сената,

¹⁾ Алексѣй Федоровичъ, профессоръ русской словесности и поэтъ.

²⁾ Федоръ Ивановичъ.

³⁾ Василій Ивановичъ.

⁴⁾ Фердинандъ-Фридрихъ.

⁵⁾ Палочка изъ хлопчатой бумаги.

⁶⁾ Рыба—*poisson*; ядь—*poison*.

⁷⁾ Благородный мавританскій родъ въ Гренадѣ.

⁸⁾ Филиппъ-Генрихъ, въ теченіе 1756—1766 гг. единственный профессоръ на всемъ юридическомъ факультетѣ.

какъ вдругъ въ началѣ лекціи явился инспекторъ, русской службы майоръ и французскій танцмейстеръ, съ унтеръ-офицеромъ и съ приказомъ въ рукѣ—меня взять и свести въ карцеръ. Часть студентовъ пошла провожать, на дворѣ тоже толпилась молодежь; видно, меня не перваго вели; когда мы проходили, всѣ махали фуражками, руками; университетскіе солдаты двигали ихъ назадъ, студенты не шли.

Въ грязномъ подвалѣ, служившемъ карцеромъ, я уже нашелъ двухъ арестантовъ: Арапетова ¹⁾ и Орлова; князя Андрея Оболенскаго и Розенгейма ²⁾ посадили въ другую комнату; всего было шесть человекъ, наказанныхъ по маловскому дѣлу ³⁾. Намъ было велѣно содержать на хлѣбѣ и водѣ; ректоръ прислалъ какой-то супъ, мы отказались, и хорошо сдѣлали: какъ только смерклось и университетъ опустѣлъ, товарищи принесли намъ сыру, дичи, сигаръ, вина и ликеру. Солдатъ сердился, ворчалъ, бралъ двугривенные и носилъ припасы. Послѣ полуночи, онъ пошелъ далѣе и пустилъ къ намъ нѣсколько человекъ гостей. Такъ проводили мы время, пируя ночью и ложась спать днемъ.

Разъ какъ-то товарищъ попечителя Панинъ ⁴⁾, братъ министра юстиціи, вѣрный своимъ конногвардейскимъ привычкамъ, вздумалъ обойти ночью рундомъ государственную тюрьму въ университетскомъ подвалѣ. Только-что мы зажгли свѣчу подъ стуломъ, чтобы снаружи не было видно, и принялись за нашъ ночной завтракъ, раздався стукъ въ наружную дверь; не тотъ стукъ, который своей слабостью проситъ солдата отпереть, который больше боится, что его услышатъ, нежели то, что не услышатъ; нѣтъ, это былъ стукъ съ авторитетомъ, приказывающій. Солдатъ обмеръ, мы спрятали бутылки и студентовъ въ небольшой чуланъ, задули свѣчу и бросились на наши койки. Взошелъ Панинъ. «Вы, *кажется*, курите?»—сказалъ онъ, едва вырѣзываясь съ инспекторомъ, который несъ фонарь, изъ-за густыхъ облаковъ дыма. «Откуда это они берутъ огонь? ты даешь?» Солдатъ клялся, что не даетъ. Мы отвѣчали, что у насъ былъ съ собою трутъ. Инспекторъ обѣщалъ его отнять и обобратъ сигары, и Панинъ удалился, не замѣтивъ, что количество фуражекъ было вдвое больше количества головъ.

¹⁾ Иванъ Павловичъ, потомъ членъ редакціонныхъ комиссій по освобожденію крестьянъ.

²⁾ Александръ.

³⁾ Шестой—Каменскій.

⁴⁾ Александръ Никитичъ, графъ; занималъ мѣсто чиновника особыхъ порученій при попечителѣ и имѣлъ надзоръ за университетомъ и частными мужскими пансіонами.

Въ субботу вечеромъ явился инспекторъ и объявилъ, что я и еще одинъ изъ насъ можетъ итти домой, но что остальные посидятъ до понедѣльника. Это предложеніе показалось мнѣ обиднымъ, и я спросилъ инспектора, могу ли остаться; онъ отступилъ на шагъ, посмотрѣлъ на меня съ тѣмъ грозно-граціознымъ видомъ, съ которымъ въ балетахъ цари и герои пляшутъ гнѣвъ, и, сказавши: «сидите, пожалуйста!», вышелъ вонъ. За послѣднюю выходку досталось мнѣ дома больше, нежели за всю исторію. ³⁵

Итакъ, первыя ночи, которыя я не спалъ въ родительскомъ домѣ, были проведены въ карцерѣ. Вскорѣ мнѣ приходилось испытать другую тюрьму, и тамъ я просидѣлъ не восемь дней, а девять мѣсяцевъ, послѣ которыхъ поѣхалъ не домой, а въ ссылку. Но до этого далеко.

Съ этого времени я въ аудиторіи пользовался величайшей симпатіей. Сперва я слылъ за хорошаго студента; послѣ маловской исторіи сдѣлался, какъ извѣстная гоголевская дама, хороший студентъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Учились ли мы при всемъ этомъ чему-нибудь? могли ли научиться? Полагаю, что «да». Преподаваніе было скуднѣе, объемъ его меньше, чѣмъ въ сороковыхъ годахъ. Университетъ, впрочемъ, не долженъ оканчивать научное воспитаніе; его дѣло—поставить человѣка à tête ¹⁾ продолжать на своихъ ногахъ; его дѣло—возбудить вопросы, научить спрашивать. Именно это-то и дѣлали такіе профессора, какъ М. Г. Павловъ, а съ другой стороны, и такіе, какъ Каченовскій ²⁾. Но больше лекцій и профессоровъ развивала студентовъ аудиторія юнымъ столкновеніемъ, обмѣномъ мыслей, чтеній... Московскій университетъ свое дѣло дѣлалъ; профессора, способствовавшіе своими лекціями развитію Лермонтова, Бѣлинскаго, И. Тургенева, Кавелина, Пирогова, могутъ спокойно играть въ бостонъ и еще покойнѣе лежать подъ землей.

А какіе оригиналы были въ ихъ числѣ и какія чудеса: отъ Ѳедора Ивановича Чумакова, *подгонявшаго* формулы къ тѣмъ, которыя были въ курсѣ Пуансо ³⁾, съ совершеннѣйшей свободой помѣщичьяго права, прибавляя; убавляя буквы, принимая квадраты за корни и x за извѣстное, до Гавріила Мягкова ⁴⁾, читавшаго самую *жесткую* науку въ мірѣ—тактику. Отъ постоянного обращенія съ предметами героическими самая наружность Мягкова

¹⁾ Въ состояніе.

²⁾ Михаилъ Трофимовичъ, профессоръ археологіи, исторіи и исторіи литературы.

³⁾ Луи, извѣстный французскій математикъ.

⁴⁾ Магистръ военныхъ наукъ.

приобрѣла строевую выправку: застегнутый до горла, въ несгибающемся галстухѣ, онъ больше командовалъ свои лекціи, чѣмъ говорилъ. «Господа!—кричалъ онъ,—на полѣ: *Объ артиллеріи!..*» Это не значило: на полѣ сраженія ѣдутъ пушки, а просто, что на маршѣ такое заглавіе. Какъ жаль, что Николай обходилъ университетъ; если бы онъ увидѣлъ Мягкова, онъ его сдѣлалъ бы попечителемъ.

А Ѳедоръ Ѳедоровичъ ¹⁾ Рейсъ, никогда не читавшій химіи далѣе второй химической ипостаси, т.-е. водорода! Рейсъ, который, дѣйствительно, попалъ въ профессора химіи, потому что не онъ, а его дядя занимался когда-то ею. Въ концѣ царствованія Екатерины, старика пригласили въ Россію; ему ѣхать не хотѣлось,—онъ отправилъ, вмѣсто себя, племянника...

Къ чрезвычайнымъ событіямъ нашего курса, продолжавшагося четыре года (потому что во время холеры университетъ былъ закрытъ цѣлый семестръ), принадлежатъ сама холера, пріѣздъ Гумбольдта и посѣщеніе Уварова.

Гумбольдтъ, возвращаясь съ Урала, былъ встрѣченъ въ Москвѣ въ торжественномъ засѣданіи общества естествоиспытателей при университетѣ ²⁾, членами котораго были разные сенаторы, губернаторы, вообще, люди, не занимавшіеся ни естественными, ни неестественными науками. Слава Гумбольдта, тайнаго совѣтника его прусскаго величества, которому государь императоръ изволилъ дать Анну и приказалъ не брать съ него денегъ за матеріалъ и дипломъ, дошла и до нихъ. Они рѣшились не ударить себя лицомъ въ грязь передъ человѣкомъ, который былъ на Чимборазо и жилъ въ Санъ-Суи.

Мы до сихъ поръ смотримъ на европейцевъ и Европу въ томъ родѣ, какъ провинціалы смотрятъ на столичныхъ жителей,—съ подбострастіемъ и чувствомъ собственной вины, принимая каждую разницу за недостатокъ, краснѣя своихъ особенностей, скрывая ихъ, подчиняясь и подражая. Дѣло въ томъ, что мы были застрашены и не оправились отъ насмѣшекъ Петра I, отъ оскорбленій Бирона, отъ высокомѣрія служебныхъ нѣмцевъ и воспитателей французовъ. Западные люди толкуютъ о нашемъ двоедушіи и лукавомъ коварствѣ; они принимаютъ за желаніе обмануть желаніе выказаться и похвастаться. У насъ тотъ же человѣкъ готовъ наивно либеральничать съ либераломъ, прикинуться легитимистомъ, и это безъ всякихъ заднихъ мыслей, просто изъ учтивости и изъ кокетства; бугоръ *de l'approbativité* ³⁾ сильно развитъ въ нашемъ черепѣ.

¹⁾ Имя неофициальное.

²⁾ 26 октября 1829 г.

³⁾ Желанія понравиться.

«Князь Дмитрій Голицынъ, — сказалъ какъ-то лордъ Дюрамъ ¹⁾, — настоящій вигъ, вигъ въ душѣ».

Князь Д. В. Голицынъ ²⁾ былъ почтенный русскій баринъ, но почему онъ былъ «вигъ», съ чего онъ былъ «вигъ», не понимаю. Будьте увѣрены: князь на старости лѣтъ хотѣлъ понравиться Дюраму и прикинулся вигомъ.

Пріемъ Гумбольдта въ Москвѣ и въ университетѣ былъ дѣло не шуточное. Генераль-губернаторъ, разные вое- и градо-начальники, сенать, — все явилось: лента черезъ плечо, въ полномъ мундирѣ, профессора воинственно при шпагахъ и съ треугольными шляпами подъ рукой. Гумбольдтъ, ничего не подозрѣвая, прѣхалъ въ синемъ фракѣ съ золотыми пуговицами и, разумѣется, былъ сконфужень. Отъ сѣней до залы общества естествоиспытателей, вездѣ были приготовлены засады: тутъ ректоръ, тамъ деканъ, тутъ начинающій профессоръ, тамъ ветеранъ, оканчивающій свое поприще и именно потому говорящій очень медленно, — каждый привѣтствовалъ его по-латыни, по-нѣмецки, по-французски, и все это въ этихъ страшныхъ каменныхъ трубахъ, называемыхъ коридорами, въ которыхъ нельзя остановиться на минуту, чтобъ не простудиться на мѣсяць. Гумбольдтъ все слушалъ безъ шляпы и на все отвѣчалъ. Я увѣренъ, что всѣ дикіе, у которыхъ онъ былъ, краснокожіе и мѣднаго цвѣта, сдѣлали ему меньше непріятностей, чѣмъ московскій пріемъ.

Когда онъ дошелъ до залы и усѣлся, тогда надобно было встать. Попечитель Писаревъ счелъ нужнымъ въ краткихъ, но сильныхъ словахъ *отдать приказъ*, по-русски, о заслугахъ его превосходительства и знаменитаго путешественника; послѣ чего Сергѣй ³⁾ Глинка, «офицеръ», голосомъ тысяча восемьсотъ двѣнадцатаго года, густо-силнымъ, прочелъ свое стихотвореніе, начавшееся такъ:

«Humboldt—Prométhée de nos jours!» ⁴⁾.

А Гумбольдту хотѣлось потолковать о наблюденияхъ надъ магнитной стрѣлкой, сличить свои метеорологическія замѣтки на Уралѣ съ московскими; вмѣсто этого, ректоръ пошелъ ему показывать что-то сплетенное изъ высочайшихъ волосъ Петра I...; на-

¹⁾ Въ 1835—37 гг. англійскій посолъ въ Россіи.

²⁾ Московскій военный генераль-губернаторъ.

³⁾ Николаевичъ, издатель «Русскаго Вѣстника», цензоръ.

⁴⁾ Гумбольдтъ—Прометей нашихъ дней!

силу Эренбергъ ¹⁾ и Розе ²⁾ нашли случай кой-что рассказать о своихъ открытіяхъ ³⁾.

У насъ и въ неофіціальному мірѣ дѣла идутъ не много лучше: десять лѣтъ спустя, точно такъ же принимали Листа въ московскомъ обществѣ. Глупостей довольно дѣлали для него и въ Германіи, но тутъ совсѣмъ не тотъ характеръ; въ Германіи это все—стародѣвическая экзальтація, сентиментальность, все *Blumenstreuen* ⁴⁾, у насъ—подчиненіе, признаніе власти, вытяжка, у насъ все «честь имѣю явиться къ вашему превосходительству». Тутъ же, по неостатку, прибавилась слава Листа, какъ извѣстнаго ловласа; дамы толпились около него такъ, какъ крестьянскіе мальчишки на проселочныхъ дорогахъ толпятся около проѣзжаго, пока закладываютъ лошадей, любознательно разсматривая его самого, его коляску, шапку... Все слушало одного Листа, все говорило только съ нимъ однимъ, отвѣчало только ему. Я помню, что на одномъ вечерѣ Хомяковъ, краснѣя за почтенную публику, сказалъ мнѣ: «поспоримте, пожалуйста, о чемъ-нибудь, чтобъ Листъ видѣлъ, что есть здѣсь въ комнатѣ люди, не исключительно занятые имъ». Въ утѣшеніе нашимъ дамамъ, я могу только одно сказать, что англичанки точно такъ же метались, толпились, тормозились, не давали проходу другимъ знаменитостямъ: Кошуту, потомъ Гарибальди и пр.; но горе тѣмъ, кто хочетъ учиться хорошимъ манерамъ у англичанокъ и ихъ мужей!

Второй «знаменитый» путешественникъ былъ тоже въ нѣкоторомъ смыслѣ «Проміеюй нашихъ дней», только что онъ свѣтъ крадь не у Юпитера, а у людей. Этотъ Проміеюй, воспѣтый не Глинкою, а самимъ Пушкинымъ въ посланіи къ Лукуллу, былъ министръ народнаго просвѣщенія С. С. (еще не графъ) Уваровъ. Онъ удивлялъ насъ своимъ многоязычіемъ и разнообразіемъ вся-

¹⁾ Христіанъ, нѣмецкій естествоиспытатель, сопровождавшій Гумбольдта по Россіи.

²⁾ Густавъ, нѣмецкій геологъ, сопровождавшій Гумбольдта по Россіи.

³⁾ Какъ разное было понято въ Россіи путешествіе Гумбольдта, можно судить изъ повѣствованія уральскаго казака, служившаго при канцеляріи пермскаго губернатора; онъ любилъ рассказывать, какъ онъ провожалъ «сумасшедшаго прусскаго принца Гумплота».—Что же онъ дѣлалъ?—«Такъ, самое, т.-е., пустое: травы набереть, песокъ посмотреть; какъ-то въ солончакахъ говорить мнѣ черезъ толмача: полѣзай въ воду, достань, что на днѣ; ну, я досталъ, обыкновенно, что на днѣ бываетъ, а онъ спрашиваетъ: что, внизу очень холодна вода? Думаю, нѣтъ, братъ, меня не проведешь, сдѣлалъ фрунтъ и отвѣтилъ: того, молъ, ваша свѣтлость, служба требуетъ—все равно, мы рады стараться». А. И. Г.

⁴⁾ Бросаніе цвѣтовъ.

кой всячины, которую зналъ; настоящей сидѣлецъ за прилавкомъ просвѣщенія, онъ берегъ въ памяти образчики всѣхъ наукъ, ихъ казовые концы или, лучше, начала. При Александрѣ онъ писалъ либеральныя брошюрки по-французски, потомъ переписывался съ Гёте по-нѣмецки о греческихъ предметахъ. Сдѣлавшись министромъ, онъ толковалъ о славянской поэзіи IV столѣтія, на что Каченовскій ему замѣтилъ, что тогда впору было съ медвѣдями сражаться нашимъ праотцамъ, а не то, что пѣснопѣть о самооаркійскихъ богахъ и самодержавномъ милосердіи. Въ родѣ патента, онъ носилъ въ карманѣ письмо отъ Гёте, въ которомъ Гёте ему сдѣлалъ прекуръезный комплиментъ, говоря: «Напрасно извиняетесь вы въ вашемъ слогѣ: вы достигли до того, до чего я не могъ достигнуть,—вы забыли нѣмецкую грамматику».

Вотъ этотъ-то дѣйствительный тайный Пико де ла Мирандола ¹⁾ завелъ новаго рода испытанія ²⁾. Онъ велѣлъ отобрать лучшихъ студентовъ для того, чтобъ каждый изъ нихъ прочелъ по лекціи изъ своихъ предметовъ, вмѣсто профессора. Деканы, разумѣется, выбрали самыхъ бойкихъ.

Лекціи эти продолжались цѣлую недѣлю. Студенты должны были приготовляться на всѣ темы своего курса, деканъ вынималъ билетъ и имя. Уваровъ созвалъ всю московскую знать. Архимандриты и сенаторы, генераль-губернаторъ и Ив. Ив. Дмитріевъ,— всѣ были налицо ³⁾.

Мнѣ пришлось читать у Ловецкаго изъ минералогіи... И онъ уже умеръ!

Гдѣ нашъ старецъ Ланжеронъ!
Гдѣ нашъ старецъ Бенигсонъ,
И тебя уже не стало,
И тебя какъ не бывало! ⁴⁾

Алексѣй Леонтьевичъ Ловецкій былъ высокій, тяжело двигавшійся, топорной работы мужчина, съ большимъ ртомъ и большимъ лицомъ, совершенно ничего не выражавшимъ. Снимая въ коридорѣ свою гороховую шинель, украшенную воротниками разнаго роста, какъ носили во время перваго консулата, — онъ, еще не входя въ аудиторію, начиналъ ровнымъ и безстрастнымъ (что очень хо-

¹⁾ Итальянскій ученый эпохи Возрожденія, пораженный своимъ раннимъ и всестороннимъ развитіемъ.

²⁾ Уваровъ былъ въ Москвѣ въ августѣ и сентябрѣ 1832 г. и тогда состоялъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія.

³⁾ На лекцію И. И. Давыдова былъ приглашенъ и А. С. Пушкинъ.

⁴⁾ Изъ стихотворенія Дениса Давыдова.

рошо шло къ каменному предмету его) голосомъ: «Мы заключили прошедшую лекцію, сказавъ все, что слѣдуетъ о кремнеземіи», потомъ онъ сѣлся и продолжалъ «о глиноземіи»... У него были созданы неизмѣнныя рубрики для формулярныхъ списковъ каждаго минерала, отъ которыхъ онъ никогда не отступалъ; случалось, что характеристика иныхъ опредѣлялась отрицательно: «кристаллизація—не кристаллизуется, употребленіе—никуда не употребляется, польза—вредъ, приносимый организму»...

Впроемъ, онъ не бѣжалъ ни поэзіи, ни нравственныхъ отбѣтокъ, и всякій разъ, когда показывалъ подѣльные камни и рассказывалъ, какъ ихъ дѣлають, онъ прибавлялъ: «господа, это—обманъ». Въ сельскомъ хозяйствѣ онъ находилъ *моральными* качествами хорошаго пѣтуха, если онъ «охотникъ пѣть и до куръ», и отличительнымъ свойствомъ аристократическаго барана—«плѣшивыя колѣнки». Онъ умѣлъ тоже трогательно повѣствовать, какъ мушки рассказывали, какъ онѣ въ прекрасный лѣтній день гуляли по дереву и были залиты смолой, сдѣлавшейся янтаремъ, и всякій разъ добавлялъ: «господа, это—прозопопая».

Когда деканъ вызвалъ меня, публика была нѣсколько утомлена; двѣ математическія лекціи распространили уныніе и грусть на людей, не понявшихъ ни одного слова. Уваровъ требовалъ что-нибудь поживѣе и студента съ «хорошо-повѣшеннымъ языкомъ». Щепкинъ ¹⁾ указалъ на меня.

Я взошелъ на кафедру. Ловецкій сидѣлъ возлѣ неподвижно, положи руки на ноги, какъ Мемнонъ или Озирисъ, и боялся... Я шепнулъ ему: «экое счастье, что мнѣ пришлось у васъ читать, я васъ не выдамъ».—«Не хвались, идучи на рать...», отпечаталъ, едва шевеля губами и не смотря на меня, почтенный профессоръ. Я чуть не захохоталъ, но когда я взглянулъ передъ собой, у меня зарыбило въ глазахъ, я чувствовалъ, что я поблѣднѣлъ, и какая-то сухость покрыла языкъ. Я никогда прежде не говорилъ публично; аудиторія была полна студентами, —они надѣялись на меня; подъ кафедрой за столомъ—«сильные міра сего» и всѣ профессора нашего отдѣленія. Я взялъ вопросъ и прочелъ не своимъ голосомъ: «о кристаллизаціи, ея условіяхъ, законахъ, формахъ».

Пока я придумывалъ, съ чего начать, мнѣ пришла счастливая мысль въ голову: если я и ошибусь, замѣтятъ, можетъ, профессора, но ни слова не скажутъ, другіе же сами ничего не смыслятъ, а студенты, лишь бы я не ср^ался на полдорогѣ, будутъ довольны,

¹⁾ Павелъ Степановичъ, деканъ физико-математическаго отдѣленія.

потому что я у нихъ въ фаворѣ. Итакъ, во имя Гайюи ¹⁾, Вернера ²⁾ и Митчерлиха ³⁾, я прочелъ свою лекцію, заключилъ ее философскими разсужденіями и все время относился и обращался къ студентамъ, а не къ министру. Студенты и профессора жали мнѣ руки и благодарили. Уваровъ водилъ представлять князю Голицыну; онъ сказалъ что-то одними гласными, такъ, что я не понималъ. Уваровъ общалъ мнѣ книгу въ знакъ памяти и никогда не прислалъ. ³⁶

Второй разъ и третій я совсѣмъ иначе выходилъ на сцену. Въ 1836 году я представлялъ «Угара», а жена жандармскаго полковника—«Марѳу» при всемъ вятскомъ бомондѣ и при Тюфяевѣ. Съ мѣсяцъ времени мы дѣлали репетиціи, а все-таки, сердце сильно билось, и руки дрожали, когда мертвая тишина вдругъ замѣнила увертюру, и занавѣсъ стала, какъ-то страшно пошевеливаясь, подниматься; мы съ Марѳой ожидали за кулисами начала. Ей было меня до того жаль или до того она боялась, что я испорчу дѣло, что она мнѣ подала огромный стаканъ шампанскаго, но и съ нимъ я былъ едва живъ.

Съ легкой руки министра народнаго просвѣщенія и жандармскаго полковника, я уже безъ нервныхъ явленій и самолюбивой застѣнчивости явился на польскомъ митингѣ въ Лондонѣ; это былъ мой третій публичный дебютъ. Отставной министр Уваровъ былъ замѣненъ отставнымъ министромъ Ледрю-Ролленомъ ⁴⁾.

Но не довольно ли студентскихъ воспоминаній? Я боюсь, не старчество ли это останавливаться на нихъ такъ долго; прибавлю только нѣсколько подробностей о холерѣ 1830—31 года.

Холера,—это слово, такъ знакомое теперь въ Европѣ, домашнее въ Россіи до того, что какой-то патріотическій поэтъ называетъ холеру единственной вѣрной союзницей Николая,—раздалось тогда въ первый разъ на сѣверѣ. Все трепетало страшной заразы, подвигавшейся по Волгѣ къ Москвѣ. Преувеличенные слухи наполняли ужасомъ воображеніе. Болѣзнь шла капризно, останавливалась, перескакивала, казалось, обошла Москву, и вдругъ грозная вѣсть: «холера въ Москвѣ!» разнеслась по городу.

Утромъ одинъ студентъ политическаго отдѣленія почувствовалъ дурноту, на другой день онъ умеръ въ университетской больницѣ. Мы бросились смотрѣть его тѣло. Онъ исхудалъ, какъ въ

¹⁾ Ренэ, французскій минералогъ, создавшій научную кристаллографію.

²⁾ Авраамъ-Готлибъ, нѣмецкій минералогъ.

³⁾ Эйлордъ, знаменитый нѣмецкій химикъ.

⁴⁾ Александръ-Августъ, извѣстный французскій политическій дѣятель.

длинную болѣзнь, глаза ввалились, черты были искажены; возлѣ него лежалъ сторожъ, занемогшій въ ночь.

Намъ объявили, что университетъ велѣно закрыть. Въ нашемъ отдѣленіи этотъ приказъ былъ прочтенъ профессоромъ технологи Денисовымъ ¹⁾; онъ былъ грустенъ, можетъ быть, испуганъ. На другой день къ вечеру умеръ и онъ.

Мы собрались изъ всѣхъ отдѣленій на большой университетскій дворъ; что-то трогательное было въ этой толпящейся молодежи, которой велѣно было разстаться передъ заразой. Лица были блѣдны, особенно одушевлены, многіе думали о родныхъ, друзьяхъ; мы простились съ казеннокоштными, которыхъ отъ насъ отдѣляли карантинными мѣрами, и разбрелись небольшими кучками по домамъ. А дома всѣхъ встрѣтили вонючей хлористой известью, «укусомъ четырехъ разбойниковъ» и такой діетой, которая одна безъ хлора и холеры могла свести человѣка въ постель.

Странное дѣло, это печальное время осталось какимъ-то торжественнымъ въ моихъ воспоминаніяхъ.

Москва приняла совсѣмъ иной видъ. Публичность, неизвѣстная въ обыкновенное время, давала новую жизнь. Экипажей было меньше; мрачныя толпы народа стояли на перекресткахъ и толковали объ отравителяхъ; кареты, возившія больныхъ, шагомъ двигались, сопровождаемая полицейскими; люди сторонились отъ черныхъ фуръ съ трупами. Бюллетени о болѣзни печатались два раза въ день. Городъ былъ оцѣпленъ, какъ въ военное время, и солдаты пристрѣлили какого-то бѣднаго дьячка, пробирававшегося черезъ рѣку. Все это сильно занимало умы; страхъ передъ болѣзнию отнял страхъ передъ властями, жители роптали, а тутъ вѣсть за вѣстью, что тотъ-то занемогъ, что такой-то умеръ...

Митрополитъ устроилъ общее молебствіе. Въ одинъ день и въ одно время священники съ хоругвями обходили свои приходы. Испуганные жители выходили изъ домовъ и бросались на колѣни во время шествія, прося со слезами отпущенія грѣховъ; сами священники, привыкшіе обращаться съ Богомъ за панибрата, были серьезны и тронуты. Доля ихъ шла въ Кремль; тамъ на чистомъ воздухѣ, окруженный высшимъ духовенствомъ, стоялъ колѣно-преклоненный митрополитъ и молился: да мимо идетъ чаша сія. На томъ же мѣстѣ онъ молился объ убіеніи декабристовъ шесть лѣтъ ²⁾ тому назадъ.

Филаретъ представлялъ какого-то оппозиціоннаго іерарха; во

¹⁾ Федоръ Алексѣевичъ; † 28 сентября 1830 г.

²⁾ Ошибка—четыре года.

имя чего онъ дѣлалъ оппозицію, я никогда не могъ понять,—развѣ, во имя своей личности. Онъ былъ человѣкъ умный и ученый, владѣлъ мастерски русскимъ языкомъ, удачно вводя въ него церковно-славянскій; все это вмѣстѣ не давало ему никакихъ правъ на оппозицію. Народъ его не любилъ и называлъ масономъ, потому что онъ былъ въ близости съ княземъ А. Н. Голицынымъ и проповѣдывалъ въ Петербургѣ въ самый разгаръ библейскаго общества. Синодъ запретилъ учить по его катехизису. Подчиненное ему духовенство трепетало его деспотизма. Можетъ, именно по соперничеству они ненавидѣли другъ друга съ Николаемъ.

Филаретъ умѣлъ хитро и ловко унижать временную власть; въ его проповѣдяхъ просвѣчивалъ тотъ христіанскій, неопредѣленный социализмъ, которымъ блистали Лакордеръ ¹⁾ и другіе дальновидные католики. Филаретъ съ высоты своего первосвятительнаго амвона говорилъ о томъ, что человѣкъ никогда не можетъ быть *законно* орудіемъ другого, что между людьми можетъ только быть обмѣнъ услугъ, и это говорилъ онъ въ государствѣ, гдѣ населенія—рабы.

Онъ говорилъ колодникамъ въ пересыльномъ острогѣ на Воробьевыхъ торахъ: «Гражданскій законъ васъ осудилъ и гонитъ, а церковь гонится за вами, хочетъ сказать еще слово, еще помолиться объ васъ и благословить на путь». Потомъ, утѣшая ихъ, онъ прибавлялъ, что «они, наказанные, покончили съ своимъ прошедшимъ, что имъ предстоитъ новая жизнь, въ то время, какъ между другими (вѣроятно, другихъ, *кромя* чиновниковъ, не было налицо) есть еще большіе преступники», и онъ ставилъ въ примѣръ разбойника вмѣстѣ съ Христомъ.

Проповѣдь Филарета на молебствіи по случаю холеры превзошла всѣ остальные; онъ взялъ текстомъ, какъ ангелъ предложилъ въ наказаніе Давиду избрать войну, голодъ или чуму; Давидъ избралъ чуму. Государь пріѣхалъ въ Москву взбѣшенный, послалъ министра двора князя Волконскаго намылить Филарету голову и грозился его отправить митрополитомъ въ Грузію. Митрополитъ смиренно покорился и разослалъ новое слово по всѣмъ церквамъ, въ которомъ пояснялъ, что напрасно стали бы искать какое-нибудь приложеніе въ текстѣ первой проповѣди къ благочестивѣйшему императору, что Давидъ, это—мы сами, погрязнувшіе въ грѣхахъ. Разумѣется, тогда и тѣ поняли первую проповѣдь, которые не добрались до ея смысла сразу. ³⁷

Такъ игралъ въ оппозицію московскій митрополитъ.

¹⁾ Жанъ-Батистъ, извѣстный французскій проповѣдникъ.

Молебствіе такъ же мало помогло отъ заразы, какъ хлористая известь: болѣзнь увеличивалась.

Я былъ все время жесточайшей холеры 1849 въ Парижѣ. Болѣзнь свирѣпствовала страшно. Іюньскіе жары ей помогали, бѣдные люди мерли, какъ мухи; мѣщане бѣжали изъ Парижа, другіе сидѣли назаперти. Правительство, исключительно занятое своей борьбой противъ революціонеровъ, не думало брать дѣятельныхъ мѣръ. Тщедушныя коллекты ¹⁾ были несоразмѣрны требованіямъ. Бѣдные работники оставались покинутыми на произволъ судьбы, въ больницахъ не было довольно кроватей, у полиціи не было достаточно гробовъ, и въ домахъ, биткомъ набитыхъ разными семьями, тѣла оставались дня по два во внутреннихъ комнатахъ.

Въ Москвѣ было не такъ.

Князь Д. В. Голицынъ, тогдашній генераль-губернаторъ, человекъ слабый, но благородный, образованный и очень уважаемый, увлекъ московское общество, и какъ-то все уладилось по домашнему, т. е. безъ особеннаго вмѣшательства правительства. Составился комитетъ изъ почетныхъ жителей—богатыхъ помещиковъ и купцовъ. Каждый членъ взялъ себѣ одну изъ частей Москвы ²⁾. Въ нѣсколько дней было открыто двадцать больницъ, онѣ не стоили правительству ни копѣйки, все было сдѣдано на пожертвованныя деньги. Купцы давали даромъ все, что нужно для больницъ: одѣяла, бѣлье и теплую одежду, которую оставляли выздоравливавшимъ. Молодые люди шли даромъ въ смотрителя больницъ, для того, чтобъ приношенія не были на половину украдены служащими.

Университетъ не отсталъ. Весь медицинскій факультетъ, студенты и лѣкаря en masse, привели себя въ распоряженіе холернаго комитета; ихъ разослали по больницамъ и они остались тамъ безвыходно до конца заразы. Три или четыре мѣсяца эта чудная молодежь прожила въ больницахъ ординаторами, фельдшерами, сидѣлками, письмоводителями,—и все это безъ всякаго вознагражденія, и притомъ въ то время, когда такъ преувеличенно боялись заразы. Я помню одного студента малороссіянина, кажется, Фицхелаурова, который въ началѣ холеры просился въ отпускъ по важнымъ семейнымъ дѣламъ. Отпускъ во время курса даютъ рѣдко; онъ, наконецъ, получилъ его; въ самое то время, какъ онъ собирался ѣхать, студенты отправлялись по больницамъ.

¹⁾ Collecte—сборъ пожертвованій.

²⁾ Сенаторъ Л. А. Яковлевъ взялъ на себя надзоръ и попеченіе по Пятницкой части, Д. П. Голохвостовъ—по Тверской.

Малороссіянинъ положилъ свой отпускъ въ карманъ и пошелъ съ ними. Когда онъ вышелъ изъ больницы, отпускъ былъ давно просроченъ, и онъ первый отъ души хохоталъ надъ своей поѣздкой. 38

Москва, повидимому, сонная и вялая, занимающаяся сплетнями и богомольемъ, свадьбами и ничѣмъ, просыпается всякій разъ, когда надобно, и становится въ уровень съ обстоятельствами, когда надъ Русью гремитъ гроза.

Она въ 1612 году кроваво обвѣнчалась съ Россіей и сплывала съ нею огнемъ 1812.

Она склонила голову передъ Петромъ, потому что въ звѣриной лапѣ его была будущность Россіи. Но она съ ропотомъ и презрѣніемъ приняла въ своихъ стѣнахъ женщину, обогренную кровью своего мужа, эту лэди Макбетъ безъ раскаянія, эту Лукрецію Борджіо безъ итальянской крови, русскую царицу нѣмецкаго происхожденія,—и она тихо удалилась изъ Москвы, хмурия брови и надувая губы.

Хмурия брови и надувая губы, ждалъ Наполеонъ ключей Москвы у Дорогомилловской заставы, нетерпѣливо играя мундштукъ и теребя перчатку. Онъ не привыкъ одинъ входить въ чужіе города.

«Но не пошла Москва моя»,

какъ говоритъ Пушкинъ,—а зажгла самое себя.

Явилась холера, и снова народный городъ показался полнымъ сердца и энергіи!

Въ 1830, въ августѣ ¹⁾, мы поѣхали въ Васильевское, останавливались, по обыкновенію, въ радклифовскомъ замкѣ Перхушкова и собирались, покормивши себя и лошадей, ѣхать далѣе. Бакай, подпоясанный полотенцемъ, уже прокричалъ «трогай!», какъ какой-то человекъ, скакавшій верхомъ, далъ знакъ, чтобы мы остановились, и фореиторъ Сенатора, въ пыли и поту, соскочилъ съ лошади и подаль моему отцу пакетъ. Въ этомъ пакетѣ была *Юльская революція!*—Два листа «*Journal des Débats*», которые онъ привезъ съ письмомъ, я перечиталъ сто разъ, я ихъ зналъ наизусть—и первый разъ скучалъ въ деревнѣ.

Славное было время, событія неслись быстро. Едва худошавая

¹⁾ 4—5 числа.

фигура Карла X ¹⁾ успѣла скрыться за туманами Голируда ²⁾, Бельгія вспыхнула, тронъ короля-гражданина качался; какое-то горячее, революціонное дуновеніе началось въ преніяхъ, въ литературѣ. Романы, драмы, поэмы,—все снова сдѣлалось пропагандой, борьбой.

Тогда орнаментальная, декоративная часть революціонныхъ постановокъ во Франціи намъ была неизвѣстна, и мы все принимали за чистыя деньги.

Кто хочетъ знать, какъ сильно дѣйствовала на молодое поколѣніе вѣсть іюльскаго переворота, пусть тотъ прочтетъ описаніе Гейне, услышавшаго на Гельголандѣ, что «великій, языческій Панъ умеръ». Тутъ нѣтъ поддѣльнаго жара; Гейне тридцати лѣтъ былъ такъ же увлеченъ, такъ же одушевленъ до ребячества, какъ мы—восемнадцати. ³⁹

Мы слѣдили шагъ за шагомъ за каждымъ словомъ, за каждымъ событіемъ, за смѣлыми вопросами и рѣзкими отвѣтами, за генераломъ Лафайетомъ и за генераломъ Ламаркомъ; мы не только подробно знали, но горячо любили всѣхъ тогдашнихъ дѣятелей, разумѣется, радикальныхъ, и хранили у себя ихъ портреты, отъ Манюеля ³⁾ и Бенжамена Констана до Дюпонъ де Лѣра ⁴⁾ и Армана Кареля.

Середь этого разгара, вдругъ, какъ бомба, разорвавшаяся возлѣ, оглушила насъ вѣсть о варшавскомъ возстаніи ⁵⁾. Это ужъ не далеко, это—дома, и мы смотрѣли другъ на друга со слезами на глазахъ, повторяя любимое:

Nein! es sind keine leere Träume! ⁶⁾

Мы радовались каждому пораженію Дибича, не вѣрили неуспѣхамъ поляковъ, и я тотчасъ прибавилъ въ свой иконостаъ портретъ Фаддея Костюшки.

Въ самое это время ⁷⁾ я видѣлъ во второй разъ Николая, и тутъ, лицо его еще сильнѣе врѣзалось въ мою память. Дворянство ему давало балъ; я былъ на хорахъ собранія и могъ досыта на-

¹⁾ Французскій король 1827—30 гг.

²⁾ Древній королевскій замокъ въ Эдинбургѣ, гдѣ жилъ одно время Карлъ X.

³⁾ Жакъ-Антуанъ, † 1827 г.

⁴⁾ Жакъ-Шарль, † 1855 г.

⁵⁾ Ноябрь 1830 г.

⁶⁾ Нѣтъ, это—не пустыя грезы!

⁷⁾ 21 октября 1831 г.

смотрѣться на него. Онъ еще тогда не носилъ усовъ, лицо его было молодо; но перемѣна въ его чертахъ со времени коронаціи поразила меня. Угрюмо стоялъ онъ у колонны, свирѣпо и холодно смотрѣлъ передъ собой, ни на кого не глядя. Онъ похудѣлъ. Въ этихъ чертахъ, за этими оловянными глазами ясно можно было понять судьбу Польши да и Россіи. Онъ былъ потрясенъ, *испуанъ*, онъ усомнился ¹⁾ въ прочности трона и готовился мстить за страданное имъ, за страхъ и сомнѣніе.

Съ покоренія Польши всѣ задержанныя злобы этого человѣка распустились. Вскорѣ почувствовали это и мы.

Сѣть шпіонства, обведенная около университета съ начала царствованія, стала затягиваться. Въ 1832 году *пропалъ* полякъ, студентъ нашего отдѣленія. Присланный на казенный счетъ, не по своей волѣ, онъ былъ помѣщенъ въ нашъ курсъ; мы познакомились съ нимъ; онъ велъ себя скромно и печально; никогда мы не слышали отъ него ни одного рѣзкаго слова, но никогда не слышали и

¹⁾ Вотъ что рассказываетъ Денисъ Давыдовъ въ своихъ «Запискахъ»: «Государь сказалъ однажды А. П. Ермолову, во время польской войны: «я находился одно время въ ужаснѣйшемъ положеніи. Жена моя была на сноси, въ Новгородѣ вспыхнулъ бунтъ, при мнѣ остались лишь два эскадрона кавалергардовъ; извѣстія изъ арміи доходили до меня лишь черезъ Кенигсбергъ. Я нашелся вынужденнымъ окружить себя выпущенными изъ госпиталя солдатами».

«Записки» партизана не оставляютъ никакого сомнѣнія, что Николай, какъ Аракчеевъ, какъ всѣ бездушно жестокосердые и мстительные люди, была *трусъ*. Вотъ что рассказывалъ Давыдову генералъ Чеченскій: «Вы знаете, что я умѣю цѣнить мужество, а потому вы повѣрите моимъ словамъ. Находясь 14 декабря близъ государя, я во все время наблюдалъ за нимъ. Я васъ могу увѣрить честнымъ словомъ, что у государя, бывшаго во все время весьма *блѣднымъ*, душа была въ *пяткахъ*».

А вотъ, что рассказываетъ самъ Давыдовъ. «Во время бунта на Сѣнной государь прибылъ въ столицу лишь на *второй* день, когда уже все успокоилось. Государь былъ въ Петергофѣ, и какъ-то самъ случайно проговорился: «мы съ Волконскимъ стояли во весь день на курганѣ въ саду и прислушивались, не раздадутся ли со стороны Петербурга пушечные выстрѣлы». вмѣсто озабоченнаго прислушиванія въ саду и непрерывныхъ отправокъ курьеровъ въ Петербургъ, добавляетъ Давыдовъ, онъ долженъ былъ лично поспѣшить туда; такъ поступилъ бы всякій, маломальски мужественный человѣкъ. На слѣдующій день (когда все было усмирено) государь, вѣхавъ въ коляскѣ въ толпу, наполнявшую площадь, закричалъ ей: «На колѣни!», и толпа постѣшно исполнила его приказаніе. Государь, увидѣвъ нѣсколько лицъ, одѣтыхъ въ партикулярныхъ платьяхъ (въ числѣ слѣдовавшихъ за экипажемъ), *вообразилъ*, что это были лица подозрительныя, приказалъ взять этихъ несчастныхъ на гауптвахты и, обратившись къ народу, сталъ кричать: «Это все подлые полячишки, они васъ подбили!». Подобная неумѣстная выходка совершенно испортила, по моему мнѣнію, результаты».—Каковъ гусь былъ этотъ Николай!

ни одного слабого. Однимъ утромъ его не было на лекціяхъ, на другой день тоже нѣтъ. Мы стали спрашивать; казеннокоштные студенты сказали намъ по секрету, что за нимъ приходили ночью, что его позвали въ правленіе, потомъ явились какіе-то люди за его бумагами и пожитками и не велѣли объ этомъ говорить. Тѣмъ и кончилось, *мы никогда не слышали ничего о судьбѣ этого несчастнаго молодого человѣка* ¹⁾.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ; вдругъ разнесся въ аудиторіи слухъ, что схвачено ночью нѣсколько человѣкъ студентовъ; называли Костенецкаго, Кольрейфа, Антоновича и другихъ; мы ихъ знали коротко,—всѣ они были превосходные юноши. Кольрейфъ, сынъ протестантскаго пастора, былъ чрезвычайно даровитый музыкантъ. Надъ ними была назначена *военно-судная коммиссія*; въ переводѣ это значило, что ихъ обрекли на гибель. ⁴⁰ Всѣ мы лихорадочно ждали, что съ ними будетъ, но и они сначала, какъ будто, канули въ воду. Буря, ломавшая поднимавшіеся всходы, была возлѣ. Мы ужъ не то, что чуяли ея приближеніе, а слышали, видѣли и жались тѣснѣе и тѣснѣе другъ къ другу.

Опасность поднимала еще болѣе наши раздраженные нервы, заставляла сильнѣе биться сердца и съ большей горячностью любить другъ друга. Насъ было пятеро ²⁾ сначала, тутъ мы встрѣтились съ Пассекомъ ³⁾.

Въ Вадимѣ для насъ было много новаго. Мы всѣ, съ небольшими варіаціями, имѣли сходное развитіе, т.-е. ничего не знали, кромѣ Москвы и деревни, учились по тѣмъ же книгамъ и брали уроки у тѣхъ же учителей, воспитывались дома или въ университетскомъ пансіонѣ. Вадимъ родился въ Сибири, во время ссылки своего отца ⁴⁾, въ нуждѣ и дишеніяхъ; его училъ самъ отецъ, онъ выросъ въ многочисленной семьѣ братьевъ и сестеръ, въ гнетущей бѣдности, но на полной волѣ. Сибирь кладетъ свой отпечатокъ, вовсе не похожій на нашъ провинціальный: онъ далеко не такъ пошлъ и мелокъ, онъ обличаетъ больше здоровья и лучшей закалъ. Вадимъ былъ дичокъ въ сравненіи съ нами. Его удалъ была другая, не наша, богатырская, иногда заносчивая; аристократизмъ несчастія развилъ въ немъ особое самолюбіе; но онъ много умѣлъ любить и другихъ и отдавался имъ, не скупясь. Онъ былъ отваженъ, даже неосто-

¹⁾ А гдѣ Критскіе? Что они сдѣлали, кто ихъ судилъ? На что ихъ осудили? А. И. Г.

²⁾ Герценъ, Огаревъ, Сазоновъ, Сатинъ и Савичъ.

³⁾ Вадимъ Васильевичъ.

⁴⁾ Василій Васильевичъ, сосланъ при Александрѣ, будучи оклеветанъ въ подлогѣ мошенникомъ дядей Петромъ Богдановичемъ Пассекомъ.

роженъ до излишества: человекъ, родившійся въ Сибири, и притомъ въ семьѣ сосланной, имѣеть уже то преимущество передъ нами, что не боится Сибири.

Вадимъ, по наслѣдству, ненавидѣлъ отъ всей души самовластье и крѣпко прижалъ насъ къ своей груди, какъ только встрѣтился. Мы сблизились очень скоро. Впрочемъ, въ то время ни церемоній, ни благоразумной осторожности, ничего подобнаго не было въ нашемъ кругѣ.

— Хочешь познакомиться съ К. ¹⁾, о которомъ ты столько слышалъ?—говорить мнѣ Вадимъ.

— Непремѣнно хочу.

— Приходи завтра, въ семь часовъ вечера, да не опоздай,—онъ будетъ у меня.

Я прихожу—Вадима нѣтъ дома. Высокій мужчина съ выразительнымъ лицомъ и добродушно-грознымъ взглядомъ изъ-подъ очковъ дожидается его. Я беру книгу,—онъ беретъ книгу.

— Да вы,—говоритъ онъ, раскрывая ее,—вы—Герценъ?

— Да, а вы К.?

Начинается разговоръ,—живѣй, живѣй...

— Позвольте,—грубо перебиваетъ меня К.,—позвольте, сдѣлайте одолженіе, говорите мнѣ *ты*.

— Будемте говорить *ты*.

И съ этой минуты (которая могла быть въ концѣ 1831 г.) мы были неразрывными друзьями; съ этой минуты гнѣвъ и милость, смѣхъ и крикъ К. раздаются во всѣ наши возрасты, во всѣхъ приключеніяхъ нашей жизни.

Встрѣча съ Вадимомъ ввела новый элементъ въ нашу Запорожскую Сѣчь.

Собирались мы, попрежнему, всего чаще у Огарева. Большой отецъ его переѣхалъ на житье въ свое пензенское имѣніе. Онъ жилъ одинъ въ нижнемъ этажѣ ихъ дома у Никитскихъ воротъ. Квартира его была недалеко отъ университета, и въ нее особенно всѣхъ тянуло. Въ Огаревѣ было то магнитное притяженіе, которое образуетъ первую стрѣлку кристаллизаціи во всякой массѣ беспорядочно встрѣчающихся атомовъ, если только они имѣютъ между собою сродство. Брошенные куда бы то ни было, они становятся незамѣтно сердцемъ организма.

Но рядомъ съ его свѣтлой, веселой комнатой, обитой красными обоями съ золотыми полосками, въ которой не проходилъ дымъ сигаръ, запахъ жженки и другихъ... я хотѣлъ сказать—

¹⁾ Николай Христофоровичъ Кетчеръ.

яствъ и питій, но остановился, потому что изъ съѣстныхъ припасовъ, кромѣ сыру, рѣдко что было,—итакъ, рядомъ съ ультра-студенческимъ приютомъ Огарева, гдѣ мы спорили цѣлыя ночи напролетъ, а иногда цѣлыя ночи кутили, дѣлался у насъ больше и больше любимымъ другой домъ, въ которомъ мы чуть ли не впервые научились уважать семейную жизнь.

Вадимъ часто оставлялъ наши бесѣды и уходилъ домой,—ему было скучно, когда онъ не видалъ долго сестеръ и матери. Намъ, жившимъ всей душою въ товариществѣ, было странно, какъ онъ могъ предпочитать свою семью нашей.

Онъ познакомилъ насъ съ нею. Въ этой семьѣ все носило слѣды царскаго *посѣщенія*; она вчера пришла изъ Сибири, она была разорена, замучена и вмѣстѣ съ тѣмъ полна того величія, которое кладетъ несчастье не на *каждаю* страдальца, а на чело тѣхъ, которые *умѣли* вынести.

Ихъ отецъ былъ схваченъ при Павлѣ вслѣдствіе какого-то политическаго доноса, брошенъ въ Шлиссельбургъ ¹⁾ и потомъ ²⁾ сосланъ въ Сибирь на поселенье. Александръ возвратилъ тысячи сосланныхъ безумнымъ отцомъ его, но Пассекъ былъ *забытъ*. Онъ былъ племянникъ того Пассека, который участвовалъ въ убійствѣ Петра III, потомъ былъ генераль-губернаторомъ въ польскихъ провинціяхъ ³⁾, и *могъ требовать* долю наслѣдства, уже перешедшаго въ другія руки, эти-то другія руки и задержали его въ Сибири.

Содержась въ Шлиссельбургѣ, Пассекъ женился на дочери одного изъ офицеровъ тамошняго гарнизона. Молодая дѣвушка ⁴⁾ знала, что дѣло кончится дурно, но не остановилась, утраченная ссылкой. Сначала они въ Сибири кой-какъ перебивались, продавая послѣднія вещи, но страшная бѣдность шла неотразимо и тѣмъ скорѣе, что семья росла числомъ. Въ нуждѣ, въ работѣ, лишеныя теплой одежды, а иногда засушнаго хлѣба, они умѣли выходить, вскормить цѣлую семью львенковъ; отецъ передалъ имъ неукротимый и гордый духъ свой, вѣру въ себя, тайну великихъ несчастій, онъ воспиталъ ихъ примѣромъ; мать—самоотверженіемъ и горькими слезами. Сестры не уступали братьямъ въ героической твердости. Да чего бояться словъ,—это была семья героевъ. Что они всѣ вынесли другъ для друга, что они дѣлали для семьи,—не вѣротно,—и все съ поднятой головой, нисколько не сломившись.

¹⁾ Динамюнде (Усть-Двинскъ); освобожденъ въ 1801 г.

²⁾ При Александрѣ I.

³⁾ Петръ Богдановичъ Пассекъ, намѣстникъ могилевскій и полоцкій до 1796 г.

⁴⁾ Екатерина Ивановна.

Въ Сибири у трехъ сестеръ была какъ-то одна пара башмаковъ; онѣ ее берегли для прогулки, чтобъ посторонніе не видали крайности.

Въ началѣ 1824 года Пассеку было разрѣшено возвратиться въ Россію. Дѣло было зимой; штука ли подняться съ такой семьей безъ шубъ, безъ денегъ изъ Тобольской губерніи? А съ другой стороны, сердце рвалось,—ссылка всего невыносимѣе послѣ ея окончанія. Поплелись наши страдальцы кой-какъ; кормилица-крестьянка, кормившая кого-то изъ дѣтей во время болѣзни матери, принесла свои деньги, кой-какъ сколоченныя ею, имъ на дорогу, прося только, чтобъ и ее взяли; ямщики провезли ихъ до русской границы за безцѣнокъ или даромъ; часть семьи шла, другая ѣхала, молодежь смѣнялась... Такъ они перешли дальній зимній путь отъ Уральскаго хребта до Москвы. Москва была мечтою молодежи, ихъ надеждой,—тамъ ихъ ждалъ голодъ.

Правительство, прощая Пассековъ, и не думало имъ возвратитъ какую-нибудь долю имѣнія. Истощенный усиліями и лишеніями, старикъ слегъ въ постель; не знали, чѣмъ будутъ обѣдать завтра. Въ это время Николай праздновалъ свою коронацію; пиры слѣдовали за пирами; Москва была похожа на тяжело убранную бальную залу: вездѣ огни, щиты, наряды... Двѣ старшихъ сестры, ни съ кѣмъ не совѣтуясь, пишутъ просьбу Николаю, рассказываютъ о положеніи семьи, просятъ пересмотра дѣла и возвращенія имѣнія. Утромъ онѣ тайкомъ оставляютъ домъ, идутъ въ Кремль, пробираются впередъ и ждутъ вѣнчаннаго и превознесеннаго царя. Когда Николай сходилъ со ступеней Краснаго крыльца, двѣ дѣвушки тихо выступили впередъ и подали просьбу. Онъ прошелъ мимо, сдѣлавъ видъ, что не замѣчаетъ ихъ; какой-то флигель-адъютантъ взялъ бумагу; полиція повела ихъ на съѣзжую.

Николаю тогда было около тридцати лѣтъ, и онъ уже былъ способенъ къ такому бездушію. Этотъ холодъ, эта выдержка принадлежатъ натурамъ рядовымъ, кассирамъ, экзекуторамъ. Я часто замѣчалъ эту *непоколебимую* твердость характера у почтовыхъ экспедиторовъ, у продавцовъ театральныхъ мѣстъ, билетовъ на желѣзной дорогѣ, у людей, которыхъ безпрестанно тормозать и которымъ ежеминутно мѣшаютъ; они умѣютъ не видѣть челоуѣка, глядя на него, и не слушать его, стоя возлѣ. А этотъ самодержавный экспедиторъ съ чего выучился не смотрѣть, и какая необходимость не опоздать минутой на разводъ?

Дѣвушекъ продержали въ части до вечера. Испуганныя, оскорбленныя, онѣ слезами убѣдили частнаго пристава отпустить ихъ

домой, гдѣ отсутствіе ихъ должно было переполошить всю семью. По просьбѣ ничего не было сдѣлано.

Не вынесъ больше отецъ, съ него было довольно, онъ умеръ. Остались дѣти одни съ матерью, кой-какъ перебиваясь со дня на день. Чѣмъ больше было нуждъ, тѣмъ больше работали сыновья; трое блестящимъ образомъ окончили курсъ въ университетѣ и вышли кандидатами ¹⁾. Старшіе ²⁾ уѣхали въ Петербургъ; оба отличные математики, они, сверхъ службы (одинъ во флотѣ, другой въ инженерахъ), давали уроки и, отказывая себѣ во всемъ, посылали въ семью вырученныя деньги.

Живо помню я старушку мать въ ея темномъ капотѣ и бѣломъ чепцѣ; худое блѣдное лицо ея было покрыто морщинами, она казалась съ виду гораздо етарше, чѣмъ была; ³⁾одни глаза нѣсколько отстали, въ нихъ было видно столько кротости, любви, заботы и столько прошлыхъ слезъ. Она была влюблена въ своихъ дѣтей, она была ими богата, знатна, молода... она читала и перечитывала намъ ихъ письма, она съ такимъ свято-глубокимъ чувствомъ говорила о нихъ своимъ слабымъ голосомъ, который иногда измѣнялся и дрожалъ отъ удержанныхъ слезъ.

Когда они всѣ бывали въ сборѣ въ Москвѣ и садились за свой простой обѣдъ, старушка была внѣ себя отъ радости, ходила около стола, хлопотала и, вдругъ останавливаясь, смотрѣла на свою молодежь съ такою гордостью, съ такимъ счастіемъ и потомъ поднимала на меня глаза, какъ будто спрашивая: «не правда ли, какъ они хороши?»... Какъ въ эти минуты мнѣ хотѣлось броситься ей на шею, поцѣловать ея руку. И къ тому же они, дѣйствительно, всѣ были даже наружно очень красивы.

Она была счастлива тогда... Зачѣмъ она не умерла за однимъ изъ этихъ обѣдовъ?

Въ два года она лишилась трехъ старшихъ сыновей. Одинъ ³⁾ умеръ блестяще, окруженный признаніемъ враговъ, середь успѣховъ, славы, хотя и не за свое дѣло сложилъ голову. Это былъ молодой генералъ, убитый черкесами подъ Дарго. Лавры не лѣчатъ сердце матери... Другимъ даже не удалось хорошо погибнуть; тяжелая русская жизнь давила ихъ, давила, пока продавала грудь.

Бѣдная мать! И бѣдная Россія!

Вадимъ умеръ въ февралѣ 1843 г.; я былъ при его кончинѣ и тутъ въ первый разъ видѣлъ смерть близкаго человѣка, и при-

¹⁾ Вадимъ, Помпей и Діомидъ.

²⁾ Евгений и Леонидъ.

³⁾ Діомидъ.

томъ во всемъ не смягченномъ ужасѣ ея, во всей бессмысленной случайности, во всей тупой, безнравственной несправедливости.

Десять лѣтъ передъ своей смертью, Вадимъ женился на моей кузинѣ, и я былъ шаферомъ на свадьбѣ.⁴¹ Семейная жизнь и перемѣна быта развели насъ нѣсколько. Онъ былъ счастливъ въ своемъ а parte, но внѣшняя сторона жизни не давалась ему, его предпріятія не шли. Незадолго до нашего ареста онъ поѣхалъ въ Харьковъ, гдѣ ему была обѣщана кафедра въ университетѣ. Его поѣздка, хотя и спасла его отъ тюрьмы, но имя его не ускользнуло отъ полицейскихъ ушей. Вадиму отказали въ мѣстѣ. Товарищъ попечителя признался ему, что они получили бумагу, въ силу которой имъ не велѣно ему давать кафедры за извѣстныя правительству связи еѣ съ *злоумышленными людьми*.

Вадимъ остался безъ мѣста, т.-е. безъ хлѣба,—вотъ его Вятка.

Насъ сослали. Сношенія съ нами были опасны. Черные годы нужды наступили для него; въ семилѣтней борьбѣ съ добываніемъ скудныхъ средствъ, въ оскорбительныхъ столкновеніяхъ съ людьми грубыми и черствыми, вдали отъ друзей, безъ возможности перекликнуться съ ними, здоровья мышцы его износились.

«Разъ,—сказывала мнѣ его жена потомъ,—у насъ вышли всѣ деньги до послѣдней копѣйки; наканунѣ я старалась достать гдѣ-нибудь рублей десять, нигдѣ не нашла; у кого можно было занять нѣсколько, я уже заняла. Въ лавочкахъ отказались давать припасы иначе, какъ на чистыя деньги; мы думали объ одномъ: что же завтра будутъ ѣсть дѣти? Печально сидѣлъ Вадимъ у окна, потомъ всталъ, взялъ шляпу и сказалъ, что хочетъ пройтись. Я видѣла, что ему очень тяжело, мнѣ было страшно, но все же я радовалась, что онъ нѣсколько разсѣется. Когда онъ ушелъ, я бросилась на постель и горько, горько плакала, потомъ стала думать, что дѣлать: всѣ сколько-нибудь цѣнныя вещи, кольца, ложки, давно были заложены; я видѣла одинъ выходъ: приходилось итти къ *нашимъ* и просить ихъ тяжелой, холодной помощи. Между тѣмъ, Вадимъ бродилъ безъ опредѣленной цѣли по улицамъ и такъ дошелъ до Петровскаго бульвара. Проходя мимо лавки Ширяева, ему пришло въ голову спросить, не продаль ли онъ хоть одинъ экземпляръ его книги; онъ былъ дней пять передъ тѣмъ, но ничего не нашель; со страхомъ взошелъ онъ въ его лавку. «Очень радъ васъ видѣть,—сказалъ ему Ширяевъ;—отъ петербургскаго корреспондента письмо: онъ продаль на 300 рублей вашихъ книгъ; желаете получить?»—И Ширяевъ отсчиталъ ему пятнадцать золотыхъ. Вадимъ потерялъ голову отъ радости,

бросился въ первый трактиръ за съѣстными припасами, купилъ бутылку вина, фруктовъ и торжественно прискакалъ на извозчикѣ домой. Я въ это время разбавила водой остатокъ бульона для дѣтей и думала удѣлить ему немного, увѣривши его, что я уже ѣла, какъ вдругъ: онъ входитъ съ кулькомъ и бутылкой, веселый и радостный, какъ бывало..»

И она рыдала и не могла выговорить ни слова...

Послѣ ссылки я его мелькомъ встрѣтилъ въ Петербургѣ и нашелъ его очень измѣнившимся. Убѣжденія свои онъ сохранилъ, но онъ ихъ сохранилъ, какъ воинъ не выпускаетъ меча изъ руки, чувствуя, что самъ раненъ на вылетъ. Онъ былъ задумчивъ, изнуренъ и сухо смотрѣлъ впередъ. Такимъ я его засталъ въ Москвѣ въ 1842 году; обстоятельства его нѣсколько поправились, труды его были оцѣнены, но все это пришло поздно; это—эполеты Полежаева, это—прощеніе Кольрейфа, сдѣланное не русскимъ царемъ, а русской жизнью.

Вадимъ таялъ: туберкулезная чахотка открылась осенью 1842 года,—страшная болѣзнь, которую мнѣ привелось еще разъ видѣть.

За мѣсяцъ до его смерти я съ ужасомъ сталъ примѣчать, что умственные способности его тухнуть, слабѣютъ, точно догорающія свѣчи: въ комнатѣ становилось темнѣе, смутнѣе. Онъ скорѣе сталъ съ трудомъ и усиліемъ приискивать слово для нескладной рѣчи, останавливался на внѣшнихъ созвучіяхъ, потомъ онъ почти и не говорилъ, а только заботливо спрашивалъ свои лѣкарства и не пора ли принять.

Одной февральской ночью, часа въ три, жена Вадима прислала за мной; больному было тяжело, онъ спрашивалъ меня, я подошелъ къ нему и тихо взялъ его за руку; его жена назвала меня; онъ посмотрѣлъ долго, устало, не узналъ и закрылъ глаза. Привели дѣтей, онъ посмотрѣлъ на нихъ, но тоже, кажется, не узналъ. Стонъ его становился тяжелѣе, онъ утихалъ минутами и вдругъ продолжительно вздыхалъ съ крикомъ. Тутъ въ ближней церкви ударили въ колоколъ; Вадимъ прислушался и сказалъ: «Это—заутреня». Больше онъ не произнесъ ни одного слова... Жена рыдала на колѣняхъ у кровати возлѣ покойника; добрый, милый молодой человекъ изъ университетскихъ товарищей, ходившій послѣднее время за нимъ, суетился, отодвигалъ столъ съ лѣкарствами, поднималъ шторы... Я вышелъ вонъ; на дворѣ было морозно и свѣтло, восходящее солнце ярко свѣтило на снѣгъ, точно, будто сдѣлалось что-нибудь хорошее; я отправился заказывать гробъ.

Когда я возвратился, въ маленькомъ домѣ царила мертвая

тишина; покойникъ, по русскому обычаю, лежалъ на столѣ въ залѣ, поодаль сидѣлъ живописецъ Рабусъ ¹⁾, его пріятель, и карандашомъ, сквозь слезы, снималъ его портретъ; возлѣ покойника, молча, сложа руки, съ выраженіемъ безконечной грусти, стояла высокая женская фигура; но одинъ артистъ не сумѣлъ бы изваять такую благородную и глубокую «Скорбь». Женщина эта была не молода, но слѣды строгой, величавой красоты остались; завернутая въ длинную черную бархатную мантилью на горностаевомъ мѣху, она стояла неподвижно.

Я остановился въ дверяхъ.

Прошли двѣ-три минуты,—та же тишина, но вдругъ она поклонилась, крѣпко поцѣловала покойника въ лобъ и, сказавъ: «Прощай, прощай, другъ Вадимъ!», твердыми шагами пошла во внутреннія комнаты. Рабусъ все рисовалъ; онъ кивнулъ мнѣ головой,—говорить намъ не хотѣлось; я молча сѣлъ у окна.

Женщина эта была сестра графа Захара Чернышева, сосланнаго за 14-ое декабря, Е. Черткова ²⁾.

Симоновскій архимандритъ Мелхиседекъ самъ предложилъ мѣсто въ своемъ монастырѣ. Мелхиседекъ былъ нѣкогда простой плотникъ и отчаянный раскольникъ, потомъ обратился къ православію, пошелъ въ монахи, сдѣлался игумномъ и, наконецъ, архимандритомъ. При этомъ онъ остался плотникомъ, т. е. не потерялъ ни сердца, ни широкихъ плечъ, ни краснаго здороваго лица. Онъ зналъ Вадима и уважалъ его за его историческія изысканія о Москвѣ.

Когда тѣло покойника явилось передъ монастырскими воротами, они отворились, и вышелъ Мелхиседекъ со всѣми монахами встрѣтить тихимъ, грустнымъ пѣніемъ бѣдный гробъ страдальца и проводить до могилы. Недалеко отъ могилы Вадима покоится другой прахъ, дорогой намъ, прахъ Веневитинова ³⁾ съ надписью:

«Какъ зналъ онъ жизнь,
Какъ мало жилъ!»

Много зналъ и Вадимъ жизнь!

Судьбѣ и этого было мало. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, такъ долго зажилась старушка мать? Видѣла конецъ ссылки, видѣла своихъ дѣтей во всей красотѣ юности, во всемъ блескѣ таланта,—чего было жить еще! Кто дорожитъ счастьемъ, тотъ долженъ искать ранней смерти; хроническаго счастья такъ же нѣтъ, какъ нetaющаго льда.

¹⁾ Карлъ Ивановичъ.

²⁾ Елизавета Григорьевна.

³⁾ Дмитрій Владиміровичъ, поэтъ.

Старшій братъ ¹⁾ Вадима умеръ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ того, какъ Діомидъ былъ убитъ; онъ простудился, запустилъ болѣзнь, подточенный организмъ не вынесъ. Врядъ было ли ему сорокъ лѣтъ, а онъ былъ старшій.

Эти три гроба трехъ друзей отбрасываютъ назадъ длинныя черныя тѣни; послѣдніе мѣсяцы юности виднѣются сквозь погребальный крекъ и дымъ кадилъ...

Прошло съ годъ, дѣло взятыхъ товарищей окончилось. Ихъ обвинили (какъ впослѣдствіи насъ, потомъ петрашевцевъ) въ *намитрени* составить тайное общество, въ преступныхъ разговорахъ; за это ихъ отправляли въ солдаты, въ Оренбургъ.

Одного изъ подсудимыхъ Николай отличилъ,—Сунгурова. Онъ уже кончилъ курсъ и былъ на службѣ, женатъ и имѣлъ дѣтей; его приговорили къ лишенію правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь.

«Что могли сдѣлать нѣсколько молодыхъ студентовъ? Напрасно они погубили себя!»

Все это основательно, и люди, разсуждающіе такимъ образомъ, должны быть довольны *благоразуміемъ* русскаго юношества, слѣдовавшаго за нами. Послѣ нашей исторіи, шедшей вслѣдъ за сунгуровской, и до исторіи Петрашевскаго прошло спокойно *пятнадцать лѣтъ*, именно тѣ пятнадцать, отъ которыхъ едва начинается, оправляться Россія, и отъ которыхъ сломились два поколѣнія: старое, потерявшееся въ буйствѣ, и молодое, отравленное съ дѣтства, котораго квѣлыхъ представителей мы теперь видимъ.

Послѣ декабристовъ всѣ попытки основывать общества не удавались, дѣйствительно; бѣдность силъ, неясность цѣлей указывали на необходимость другой работы,—предварительной, внутренней. Все это такъ.

Но что же это была за молодежь, которая могла бы въ ожиданіи теоретическихъ рѣшеній спокойно смотрѣть на то, что дѣлалось вокругъ, на сотни поляковъ, гремѣвшихъ цѣпями по владимірской дорогѣ, на жрѣбостное состояніе, на солдатъ, засѣкаемыхъ на Ходынскомъ полѣ какимъ-нибудь генераломъ Лашкевичемъ, на студентовъ-товарищей, пропадавшихъ безъ вѣсти? Въ нравственную очистку поколѣнія, въ залогъ будущаго они должны были негодовать до безумныхъ опытовъ, до презрѣнія опасности. Свирѣпныя наказанія мальчиковъ 16-17 лѣтъ служили грознымъ урокомъ и своего рода закаломъ; занесенная надъ каждымъ звѣриная лапа, шедшая отъ груди, лишенной сердца, впередъ отводила розовыя надежды на снисхожденіе къ молодости. Шутить либерализмомъ было

¹⁾ Евгений.

опасно, играть въ заговоры не могло прійти въ голову. За одну дурно скрытую слезу о Польшѣ, за одно смѣло сказанное слово—годы ссылки, бѣлаго ремня, а иногда и казematъ. Потому-то и важно, что слова эти говорились, что слезы эти лились. Гибли молодые люди иной разъ, но они гибли, не только не мѣшая работѣ мысли, разъяснявшей себѣ сфинксову задачу русской жизни, но оправдывая ея упованія.

Чередъ былъ теперь за нами. Имена 'наши уже были занесены въ списки тайной полиціи. Первая игра голубой кошки съ мышью началась такъ.

Когда приговоренныхъ молодыхъ людей отправляли по этапамъ пѣшкомъ, безъ достаточно теплой одежды, въ Оренбургъ, Огаревъ въ нашемъ кругу и И. Кирѣевскій въ своемъ сдѣлали подписки. Всѣ приговоренные были безъ денегъ. Кирѣевскій привезъ собранныя деньги коменданту Стаалю ¹⁾, добрѣйшему старику, о которомъ намъ придется еще говорить. Стааль общался деньги отдать и спросилъ Кирѣевского:

— А это что за бумаги?

— Имена подписавшихся,—сказалъ Кирѣевскій,—и счетъ.

— Вы вѣрите, что я деньги отдамъ?—спросилъ старикъ.

— Объ этомъ нечего говорить.

— А я думаю, что тѣ, которые вамъ ихъ вручили, вѣрятъ вамъ, а потому на что жъ *намъ беречь ихъ имена?*—Съ этими словами Стааль списокъ бросилъ въ огонь и, само собою разумеется, поступилъ превосходно.

Огаревъ самъ свезъ деньги въ казармы, и это сошло съ рукъ. Но молодые люди вздумали поблагодарить изъ Оренбурга товарищей и, пользуясь случаемъ, что какой-то чиновникъ ѣхалъ въ Москву, попросили его взять письмо, котораго довѣрить почтѣ боялись. Чиновникъ не преминулъ воспользоваться такимъ рѣдкимъ случаемъ для засвидѣтельствованія своихъ вѣрнопопданническихъ чувствъ и представилъ письмо жандармскому окружному генералу въ Москвѣ.

Тогда на мѣстѣ А. А. Волкова, сошедшаго съ ума на томъ, что поляки хотятъ ему поднести польскую корону (что за иронія—свести съ ума жандармскаго генерала на коронѣ Ягеллоновъ!), былъ Лесовскій. Лесовскій, самъ полякъ, былъ не злой и не дурной человѣкъ; разстроивъ свое имѣніе игрой и какой-то французской актрисой, онъ философски предпочелъ мѣсто жандармскаго генерала въ Москвѣ мѣсту въ ямѣ того же города.

¹⁾ Карлъ Густавовичъ.

Лесовскій призвалъ Огарева, К. ¹⁾, С. ²⁾, Вадима, И. Оболенскаго и проч. и обвинилъ ихъ за сношенія съ государственными преступниками. На замѣчаніе Огарева, что онъ ни къ кому не писалъ, а что если кто къ нему писалъ, то за это онъ отвѣчать не можетъ, къ тому же до него никакого письма и не доходило, Лесовскій отвѣчалъ:

— Вы дѣлали для нихъ подписку, *это еще хуже*. На первый разъ государь *такъ милосердъ, что онъ васъ прощаетъ*; только, господа, предупреждаю васъ, за вами будетъ строгій надзоръ, будьте осторожны.

Лесовскій осмотрѣлъ всѣхъ значительнымъ взглядомъ и, оставившись на К....., который былъ всѣхъ выше, постарше и такъ грозно поднималъ брови, прибавилъ: «Вамъ-то, милостивый государь, въ *вашемъ званіи* какъ не стыдно?». Можно было думать, что К..... былъ тогда вице-канцлеромъ россійскихъ орденовъ, а онъ занималъ только должность уѣзднаго лѣкаря.

Я не былъ призванъ; вѣроятно, моего имени въ письмѣ не было. ⁴²

Угроза эта была чиномъ, посвященіемъ, мощными шпорами. Совѣтъ Лесовскаго попалъ масломъ въ огонь, и мы, какъ бы облегчая будущій надзоръ полиціи, надѣли на себя бархатные береты à la Karl Sand ³⁾ и повязали на шею одинакіе *трехцѣтныя шарфы!*

Полковникъ Шубинскій, тихо и мягко, бархатной ступней подбирившись на мѣсто Лесовскаго, цѣпко ухватился за его слабость съ нами; мы должны были послужить одной изъ ступенекъ его повышенія по службѣ и послужили.

Но прежде прибавлю нѣсколько словъ о судьбѣ Сунгурова и его товарищей.

Кольрейфа Николай возвратилъ черезъ *десять лѣтъ* изъ Оренбурга, гдѣ стоялъ его полкъ. Онъ его простилъ за чухотку, такъ, какъ за чухотку произвелъ Полежаева въ офицеры, а Бестужеву далъ крестъ за *смерть*. Кольрейфъ возвратился въ Москву и потухъ на старыхъ рукахъ убитаго горемъ отца.

Костенецкій отличился рядовымъ на Кавказѣ и былъ произведенъ въ офицеры, Антоновичъ тоже.

Судьба несчастнаго Сунгурова несравненно страшнѣе. Пришедши въ первый этапъ на Воробьевыхъ горахъ, Сунгуровъ по-

¹⁾ Кетчера.

²⁾ Сатина.

³⁾ Убийца популярнаго нѣмецкаго драматурга и романиста А. Коцебу.

просилъ у офицера позволеніе выйти на воздухъ изъ душной избы, биткомъ набитой ссыльными. Офицеръ, молодой человекъ, лѣтъ двадцати, вышелъ самъ съ нимъ на дорогу. Сунгуровъ, избравъ удобную минуту, свернулъ съ дороги и исчезъ. Вѣроятно, онъ очень хорошо зналъ мѣстность,—ему удалось уйти отъ офицера, но на другой день жандармы попали на его слѣдъ. Когда Сунгуровъ увидѣлъ, что ему нельзя спастись, онъ перерѣзалъ себѣ горло. Жандармы привезли его въ Москву безъ памяти и исходящаго кровью.

Несчастный офицеръ былъ разжалованъ въ солдаты.

Сунгуровъ не умеръ. Его снова судили, но уже не какъ политическаго преступника, а какъ бѣглаго поселщика: ему обрили полголовы. Мѣра оригинальная и, вѣроятно, унаслѣдованная отъ татаръ, употребляемая въ *предупрежденіе* побѣговъ и показывающая больше тѣлесныхъ наказаній всю мѣру презрѣнія къ человѣческому достоинству со стороны русскаго законодательства. Къ этому внѣшнему сраму сентенція прибавила *одинъ* ударъ плетью въ стѣнахъ острога. Было ли это исполнено, не знаю. Послѣ этого Сунгуровъ былъ отправленъ въ Нерчинскъ въ рудники.

Имя его еще разъ прозвучало для меня и потомъ совсѣмъ исчезло.

Въ Вяткѣ встрѣтилъ я разъ на улицѣ молодого лѣкаря, товарища по университету, ѣхавшаго куда-то на заводы. Мы разговорились о былыхъ временахъ, объ общихъ знакомыхъ.

— Боже мой, сказала лѣкарь, знаете ли, кого я видѣлъ, ѣхавши сюда? Въ Нижегородской губерніи сию я на почтовой станціи и жду лошадей. Погода была прескверная. Взошелъ этапный офицеръ, приведшій партію арестантовъ, пообогрѣться. Мы съ нимъ разговорились; услышавъ, что я лѣкарь, онъ попросилъ меня дойти до этапа, взглянуть на одного больного изъ пересыльныхъ, притворяется что ли онъ или вправду крѣпко боленъ. Я пошелъ, разумѣется, съ намѣреніемъ во всякомъ случаѣ подтвердить болѣзнь колодника. Въ небольшомъ этапѣ было человекъ восемьдесятъ народу въ цѣпяхъ, бритыхъ и небритыхъ, женщинъ, дѣтей; всѣ они разступились передъ офицеромъ, и мы увидѣли на грязномъ полу, въ углу на соломѣ какую-то фигуру, завернутую въ кафтанъ ссыльнаго.

— «Вотъ больной,—сказалъ офицеръ.

«Лгать мнѣ не пришлось: несчастный былъ въ сильнѣйшей горячкѣ; исхудалый и изнеможенный отъ тюрьмы и дороги, полубритый и съ бородой, онъ былъ страшенъ, бессмысленно водилъ глазами и безпрестанно просилъ пить.

— «Что, братъ, плохо?»—сказалъ я больному и прибавилъ офицеру: «итти ему невозможно».

«Больной уставилъ на меня глаза и пробормоталъ: «Это вы?». Онъ назвалъ меня. «Вы меня не узнаете», прибавилъ онъ голосомъ, который ножемъ провелъ по сердцу.

— «Извините меня,—сказалъ я ему, взявъ его сухую и каленую руку,—не могу припомнить.

— «Я—Сунгуровъ»,—отвѣчалъ онъ.

«Бѣдный Сунгуровъ!»—повторилъ лѣкарь, качая головой.

— Что же, его оставили?—спросилъ я.

— Нѣтъ, однако, дали телѣгу.

Послѣ того, какъ я писалъ это, я узналъ, что Сунгуровъ умеръ въ *Нерчинскѣ*. Имѣніе его, состоявшее изъ 250 душъ въ бронницкомъ уѣздѣ подъ Москвой и въ арзамасскомъ Нижегородской губерніи въ 400 душъ, *пошло на уплату за содержаніе ея и ея товарищей въ тюрьмѣ въ продолженіе слѣдствія*. Семью его разорили, впрочемъ, сперва позаботились и о томъ, чтобъ ее уменьшить: *жена Сунгурова была схвачена съ двумя дѣтьми и тысяцевъ шесть прожила въ Пречистенской части; грудной ребенокъ тамъ и умеръ*. Да будетъ проклято царствованіе Николая во вѣки вѣковъ, аминь! 43

ГЛАВА VII.

Конецъ курса.—Шиллеровскій періодъ.—Молодая юность и артистическая жизнь.—С.-симонизмъ и Н. Полевой.

Пока еще не разразилась надъ нами гроза, мой курсъ пришелъ къ концу. Обыкновенныя хлопоты, неспяныя ночи для без-полезныхъ мнемоническихъ пытокъ, поверхностное ученіе на скорую руку и мысль объ экзаменѣ, побѣждающая научный интересъ,—все это, какъ всегда. Я писалъ *астрономическую* диссертацию ¹⁾ на золотую медаль и получилъ—серебряную. Я увѣренъ, что я теперь не въ состояніи былъ бы понять того, что тогда писалъ, и что стоило вѣсь *серебра*.

Мнѣ случалось иной разъ видѣть во снѣ, что я—студентъ и иду на экзаменъ; я съ ужасомъ думалъ, сколько я забуду... сръ-жешься да и только,—и я просыпался, радуясь отъ души, что море и паспорта, годы и вины отдѣляютъ меня отъ университета, никто меня не будетъ испытывать и не осмѣятся поставить отвратительную единицу. А въ самомъ дѣлѣ, профессора удивились бы, что я въ столько лѣтъ такъ много пошелъ назадъ. Разъ это со мной уже и случилось ²⁾.

¹⁾ См. № 24.

²⁾ Въ 1844 г. встрѣтился я съ Перевошиковымъ у Щепкина ³⁾ и сидѣлъ возлѣ него за обѣдомъ. Подъ конецъ онъ не выдержалъ и сказалъ:

— Жаль-съ, очень жаль-съ, что обстоятельства-съ помѣшали-съ заниматься дѣломъ-съ,—у васъ прекрасныя-съ были-съ способности-съ.

— Да, вѣдь, не всѣмъ же,—говорилъ я ему,—за вами на небо лѣзть. Мы здѣсь займемся, на землѣ кой-чѣмъ.

³⁾ Михаилъ Семеновичъ, извѣстный актеръ.

Послѣ окончательнаго экзамена, профессора заперлись для счета балловъ, а мы, волнуемые надеждами и сомнѣніями, бродили маленькими кучками по коридору и по снѣжкѣ. Иногда кто-нибудь выходилъ изъ совѣта, мы бросались узнать судьбу, но долго еще не было ничего рѣшено; наконецъ, вышелъ Гейманъ. «Поздравляю васъ, сказалъ онъ мнѣ, вы—кандидатъ».—Кто еще? кто еще?—«Такой-то и такой-то». Мнѣ разомъ сдѣлалось грустно и весело. Выходя изъ-за университетскихъ воротъ, я чувствовалъ, что не такъ выхожу, какъ вчера, какъ всякій день; я отчуждался отъ университета, отъ этого общаго родительскаго дома, въ которомъ провелъ такъ юно-хорошо четыре года; а съ другой стороны, меня тѣшило чувство признаннаго совершеннѣйшаго и, отчего же не признаться, и названіе кандидата, полученное сразу ¹⁾.

Alma mater! Я такъ много обязанъ университету и такъ долго послѣ курса жилъ его жизнью, съ нимъ, что не могу вспоминать о немъ безъ любви и уваженія. Въ неблагодарности онъ меня не обвинить, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ университету легка благодарность: она нераздѣльна съ любовью, съ свѣтлымъ воспоминаніемъ молодого развитія... И я благословляю его изъ дальней чужбины!

Годъ, проведенный нами послѣ курса, торжественно заключилъ первую юность. Это былъ продолжающійся пиръ дружбы, обмѣна идей, вдохновенья, разгула...

Небольшая кучка университетскихъ друзей, пережившая курсъ, не разошлась и жила еще общими симпатіями и фантазіями, ни-

Помилюйте-съ, какже-съ это-съ можно-съ! какое занятіе-съ — Гегелева-съ философія-съ! Ваши статьи-съ читаль-съ: понимать-съ нельзя-съ, птичій языкъ-съ. Какое-съ это дѣло-съ. Нѣтъ-съ!

Я долго смѣялся надъ этимъ приговоромъ, т.-е. долго не понималъ, что языкъ-то у насъ тогда, дѣйствительно, былъ скверный и, если птичій, то, навѣрное, птицы, состоящей при Минервѣ ⁹⁾. А. И. Г.

¹⁾ Въ бумагахъ, присланныхъ мнѣ изъ Москвы, я нашелъ записку, которой я извѣщалъ *кузину*, бывшую тогда въ деревнѣ съ княгиней, объ окончаніи курса. «Экзамень кончился, и я—кандидатъ! Вы не можете себѣ представить сладкое чувство воли послѣ четырехлѣтнихъ занятій. Вспомнили ли вы обо мнѣ въ четвергъ? День былъ душный, и пытка продолжалась отъ 9 утра до 9 вечера» (26 іюня 1833). Мнѣ кажется, часа два прибавлено для эффекта или для скругленія. Но при всемъ удовольствіи самолюбіе было дѣто тѣмъ, что золотая медаль досталась другому (Александру Драшусову). Во второмъ письмѣ, отъ 6 іюля, сказано: «Сегодня актъ, но я не былъ, я не хотѣлъ быть вторымъ при полученіи медали» А. И. Г.

(См. №№ 26 и 30). 44

⁹⁾ Т.-е. совы.

кто не думалъ о матеріальномъ положеніи, объ устройствѣ будущаго. Я не похвалилъ бы этого въ людяхъ совершеннолѣтнихъ, но дорого цѣню въ юношахъ Юность, гдѣ только она не изсякла отъ нравственнаго растлѣнія мѣщанствомъ, вездѣ непрактична; тѣмъ больше она должна быть такою въ странѣ молодой, имѣющей много стремлений и мало достигнутаго. Сверхъ того, быть непрактическимъ далеко не значить быть во лжи; все, обращенное къ будущему, имѣетъ непременно долю идеализма. Безъ непрактическихъ натуръ всѣ практики остановились бы на скучно повторяющемся одномъ и томъ же.

Иная восторженность лучше всякихъ нравоученій хранить отъ *истинныхъ* паденій. Я помню юношескія оргіи, разгульныя минуты, хватавшія иногда черезъ край; я не помню ни одной безнравственной исторіи въ нашемъ кругу, ничего такого, отъ чего человѣкъ *серьезно* долженъ былъ краснѣть, что старался бы забыть, скрыть. Все дѣлалось открыто,—открыто рѣдко дѣлается дурное. Половина, больше половины сердца была не туда направлена, гдѣ праздная страстность и болѣзненный эгоизмъ сосредоточиваются на нечистыхъ помыслахъ и троютъ пороки.

Я считаю большимъ несчастіемъ положеніе народа, котораго молодое поколѣніе не имѣетъ юности; мы уже замѣтили, что одной молодости на это недостаточно. Самый уродливый періодъ нѣмецкаго студентства во сто разъ лучше мѣщанскаго совершеннолѣтія молодежи во Франціи и Англій; для меня американскіе *пожилые* люди лѣтъ въ пятнадцать отроду просто противны.

Во Франціи нѣкогда была блестящая аристократическая юность, потомъ революціонная. Всѣ эти С.-Жюсты и Гоши, Марсо и Демуллены, героическія дѣти, выросшья на мрачной поэзіи Жанъ-Жака ¹⁾, были настоящіе юноши. Революція была сдѣлана молодыми людьми; ни Дантонъ, ни Робеспьеръ, ни самъ Людовикъ XVI не пережили своихъ тридцати пяти лѣтъ. Съ Наполеономъ изъ юношей дѣлаются ординарцы; съ реставраціей, «съ воскресеніемъ старости» юность вовсе несомвѣстна: все становится совершеннолѣтнимъ, дѣловымъ, т.-е. мѣщанскимъ.

Послѣдніе юноши Франціи были сень-симонисты и фаланга. Нѣсколько исключеній не могутъ измѣнить прозаически-плоскій характеръ французской молодежи. Эскусъ и Лебра застрѣлились оттого, что они были юны въ обществѣ стариковъ ²⁾. Другіе

¹⁾ Руссо.

²⁾ Викторъ Escousse и Огюсть Lebras, два молодыхъ франц. поэта и драматурга (20 и 19 лѣтъ), покончили жизнь самоубійствомъ 16 февраля

бились, какъ рыба, выкинутая изъ воды на грязномъ берегу, пока одни не попались на баррикаду, другіе—на іезуитскую уду.

Но такъ какъ возрастъ беретъ свое, то большая часть французской молодежи отбываетъ юность *артистическимъ* періодомъ, т.-е. живетъ, если нѣтъ денегъ, въ маленькихъ кафэ, съ маленькими гризетками въ quartier Latin ¹⁾, и въ большихъ кафэ съ большими лоретками, если есть деньги. Въмѣсто шиллеровскаго періода, это—періодъ поль-де-коковскій; въ немъ наскоро и довольно мизерно тратятся сила, энергія, все молодое,—и человѣкъ готовъ въ commis ²⁾ торговыхъ домовъ. Артистическій періодъ оставляетъ на днѣ души одну страсть—жажду денегъ, и ей жертвуется вся будущая жизнь, другихъ интересовъ нѣтъ; практическіе люди эти смѣются надъ общими вопросами, презираютъ женщинъ (слѣдствіе многочисленныхъ побѣдъ надъ *побѣжденными* по ремеслу). Обыкновенно артистическій періодъ дѣлается подъ руководствомъ какого-нибудь истасканнаго грѣшника изъ увядшихъ знаменитостей, d'un vieux prostitué ³⁾, живущаго на чужой счетъ, какого-нибудь актера, потерявшаго голосъ, живописца, у котораго трясутся руки; ему подражаютъ въ произношеніи, въ питъѣ, а главное, въ гордомъ взглядѣ на людскія дѣла и въ основательномъ знаніи блюдъ.

Въ Англіи артистическіи періодъ замѣненъ пароксизмомъ милыхъ оригинальностей и эксцентрическихъ любезностей, т.-е. безумныхъ продѣлокъ, нелѣпыхъ тратъ, тяжелыхъ шалостей, увѣсистаго, но тщательно скрытаго разврата, бесплодныхъ поѣздокъ въ Калабрію или Квито, на югъ, на сѣверъ; по дорогѣ—дошаді, собаки, скачки, глупые обѣды, а тутъ и жена съ неимовѣрнымъ количествомъ румяныхъ и дебелыхъ baby, обороты, «Times», парламентъ и придавливающій къ землѣ ольць-портъ ⁴⁾.

Дѣлали шалости и мы, пировали и мы, но основной тонъ былъ не тотъ, діапазонъ былъ слишкомъ поднятъ. Шалость, разгулъ не становились цѣлью. Цѣль была вѣра въ призваніе; положимте, что мы ошибались, но, фактически вѣруя, мы уважали въ себѣ и другъ въ другъ орудія общаго дѣла.

И въ чемъ же состояли наши пиры и оргіи? Вдругъ приходитъ въ голову, что черезъ два дня—6 декабря, Николинъ день.

1832 г., потому что не чувствовали себя на мѣстѣ на землѣ. Беранже посвятилъ имъ свое «Самоубійство».

¹⁾ Латинскій кварталъ въ Парижѣ.

²⁾ Приказчики.

³⁾ Стараго развратника.

⁴⁾ Старый портеръ.

Обиліе Николаевъ страшное: Николай Огаревъ, Николай С..... ¹⁾ Николай К..... ²⁾, Николай Сазоновъ... «Господа, кто празднуетъ именины?»—Я!—Я!—А я на другой день.—Это все вздоръ, что такое на другой день? Общій праздникъ, складку! Зато каковъ будетъ и пиръ!

— Да, да! у кого же собираться?

— С..... ³⁾ боленъ, ясно, что у него.

И вотъ дѣлаются смѣты, проекты; это занимаетъ невѣроятно будущихъ гостей и хозяевъ. Одинъ Николай ѣдетъ къ «Яру» заказывать ужинъ, другой—къ Матерну за сыромъ и салами. Вино, рузумѣется, берется на Петровкѣ у Депре, на книжкѣ котораго Огаревъ написалъ эпиграфъ:

De près ou de loin,
Mais je fournis toujours ⁴⁾.

Нашъ неопытный вкусъ еще далѣе шампанскаго не шелъ и былъ до того молодъ, что мы какъ-то измѣнили и шампанскому въ пользу Rivesaltes mousseux ⁵⁾. Въ Парижѣ я на картѣ у ресторана увидѣлъ это имя, вспомнилъ 1833 годъ и потребовалъ бутылку. Но, увы, даже воспоминанія не помогли мнѣ выпить больше одного бокала.

До праздника вина пробуются, оттого надобно еще посылать нарочнаго, потому что пробы явнымъ образомъ нравятся.

При этомъ не могу не рассказать, что случилось съ Соколовскимъ ⁶⁾. Онъ былъ постоянно безъ денегъ и тотчасъ тратилъ все, что получалъ. За годъ до его ареста онъ пріѣзжалъ въ Москву и остановился у С..... Онъ какъ-то удачно продалъ, помнится, рукопись «Хеверы» и потому рѣшилъ дать праздникъ не только намъ, но и pour les gros bonnets ⁷⁾, т.-е. позвалъ Полевого, Максимовича и пр. Наканунѣ онъ съ утра поѣхалъ съ Полежаевымъ, который тогда былъ съ своимъ полкомъ въ Москвѣ, дѣлать покупки, купилъ чашекъ и даже самоваръ, разныхъ ненужныхъ вещей и, наконецъ, вина и съѣстныхъ припасовъ, т.-е. паштетовъ, фаршированныхъ индѣекъ и пр. Вечеромъ мы пришли къ С..... Соколовскій предложилъ откупорить одну бутылку, затѣмъ другую; насъ было человекъ пять; къ концу вечера, т.-е. къ началу утра слѣдующаго

¹⁾ Сатинъ.

²⁾ Кетчеръ.

³⁾ Сатинъ.

⁴⁾ Близко или далеко, но я доставляю всегда.

⁵⁾ Ривезальтское шипучее вино.

⁶⁾ Владиміръ Игнатьевичъ, поэтъ; о немъ будетъ ниже.

⁷⁾ Для важныхъ особъ, вельможей.

дня, оказалось, что ни вина больше нѣтъ, ни денегъ у Соколовскаго: онъ купилъ на все, что оставалось отъ уплаты маленькихъ долговъ.

Огорчился, было, Соколовскій, но, скрѣпивъ сердце, подумалъ, подумалъ и написалъ ко всѣмъ gros bonnets, что онъ страшно занемогъ и праздникъ откладываетъ.

Для пира *четырехъ именинъ* я писалъ цѣлую программу, которая удостоилась особеннаго вниманія инквизитора Голицына ¹⁾, спрашивавшаго меня въ комиссіи, точно ли программа была исполнена.

— A la lettre ²⁾—отвѣчалъ я ему. Онъ пожалъ плечами, какъ будто онъ всю жизнь провелъ въ Смольномъ монастырѣ или въ великой пятницѣ.

Послѣ ужина возникалъ обыкновенно *капитальный* вопросъ,— вопросъ, возбуждавшій пренія, а именно: «какъ варить жженку?». Остальное обыкновенно ѣлось и пилось, какъ вотируютъ по довѣрью въ парламентахъ,— безъ спору. Но тутъ каждый участвовалъ, и притомъ съ высоты ужина. «Зажигать, не зажигать еще? какъ зажигать? тушить шампанскимъ или сотерномъ? класть фрукты и ананасъ, пока еще горитъ, или послѣ?»

— Очевидно, пока горитъ, тогда-то весь аромъ перейдетъ въ пуншъ!

— Помилуй, ананасы плаваютъ, стороны ихъ подожгутся, это—просто бѣда!

— Все это — вздоръ!—кричитъ К..... всѣхъ громче.—А вотъ что не вздоръ,—свѣчи надобно потушить.

Свѣчи потушены, лица у всѣхъ посинѣли, и черты колеблются съ движеніемъ огня. А между тѣмъ въ небольшой комнатѣ температура отъ горячаго рома становится тропическая. Всѣмъ хочется пить, жженка не готова. Но Joseph, французъ, присланный отъ «Яра», готовъ; онъ приготовляетъ какой-то антitezисъ жженки, напитокъ со льдомъ изъ разныхъ винъ, à la base de cognac ³⁾; неподдѣльный сынъ «великаго народа», онъ, наливая французское вино, объясняетъ намъ, что оно потому такъ хорошо, что два раза проѣхало экваторъ.—Oui, oui, messieurs; deux fois l'équateur, messieurs! ⁴⁾

Когда замѣчательный своей полярной стужей напитокъ оконченъ и вообще пить больше ненадобно, К..... кричитъ, мѣшая

¹⁾ Александръ Ѳедоровичъ, князь, членъ слѣдственной комиссіи по дѣлу Герцена и друзей. Въ «дѣлѣ» объ этомъ нѣтъ ничего.

²⁾ Буквально.

³⁾ Преимущественно изъ коньяка.

⁴⁾ Да, да, господа, два раза экваторъ, господа!

огненное озеро въ суповой чашкѣ, приче́мъ послѣдніе куски сахара таютъ съ шипѣніемъ и плачемъ: «Пора тушить! пора тушить!».

Огонь краснѣетъ отъ шампанскаго, бѣгаетъ по поверхности пунша съ какой-то тоской и дурнымъ предчувствіемъ.

А тутъ отчаянный голось:

— Да, помилуй, братецъ, ты съ ума сходишь! развѣ не видишь, смола топится прямо въ пуншъ.

— А ты самъ поддержи бутылку въ такомъ жару, чтобы смола не тѣпилась.

— Ну, такъ ее прежде обить,—продолжаетъ огорченный голось.

— Чашки, чашки! довольно ли у васъ ихъ? сколько насъ ... девять, десять, ... четырнадцать,—такъ, такъ.

— Гдѣ найти четырнадцать чашекъ?

— Ну, кому чашекъ не достало—въ стаканъ.

— Стаканы лопнуть.

— Никогда, никогда, стоитъ только ложечку положить.

Свѣчи поданы; послѣдній зайчикъ огня выбѣжалъ на середину, сдѣлалъ пируэтъ—и нѣтъ его.

— Жженка удалась!

— Удалась, очень удалась!—говорятъ со всѣхъ сторонъ.

На другой день болитъ голова, тошно. Это, очевидно, отъ жженки,—смѣсь! И тутъ искреннее рѣшеніе впредь жженки никогда не пить, это—отрава.

Входитъ Петръ Федоровичъ.

— А вы-съ сегодня пришли не въ своей шляпѣ: наша шляпа будетъ лучше.

— Чортъ съ ней совсѣмъ!

— Не прикажете ли сбѣгать къ Николай Михайловичу Кузьмѣ ¹⁾?

— Что ты воображаешь, что кто-нибудь пошелъ безъ шляпы?

— Не мѣшаетъ-съ на всякой случай.

Тутъ я догадываюсь, что дѣло совсѣмъ не въ шляпѣ, а въ томъ, что Кузьма звалъ на поле битвы Петра Федоровича.

— Ты къ Кузьмѣ ступай, да только прежде попроси у повара мнѣ кислой капусты.

— Знать, Лександъ Иваннычъ, именинники-то не ударили лицомъ въ грязь?

— Какой—въ грязь! этакаго пира во весь курсъ не было.

— Въ ниверситетъ-то ужъ, должно быть, сегодня отложимъ попеченіе?

¹⁾ Сатинскій слуга.

Меня угрызаетъ совѣсть, и я молчу.

— Папенька-то вашъ меня спрашивалъ: «Какъ это, говорить, еще не вставалъ?». Я, знаете, не промахъ: голова изволить болѣть, съ утра-съ жаловались, такъ я такъ и шторы не подымалъ-съ.—«Ну, говоритъ, и хорошо сдѣлалъ».

— Да дай ты мнѣ Христа ради уснуть. Хотѣлъ итти къ С....., ну и ступай.

— Сю мину-съ, только за капустой сбѣгаю-съ.

Тяжелый сонъ снова смыкаетъ глаза; часа черезъ два просыпаешься гораздо свѣжѣе. Что-то они дѣлаютъ тамъ? К..... и Огаревъ остались ночевать. Досадно, что жженка такъ на голову дѣйствуетъ: надобно признаться, она была очень вкусна. Вольно же пить жженку стаканомъ; я рѣшительно отнынѣ и до вѣка буду пить небольшую чашку.

Между тѣмъ мой отецъ уже окончилъ чтеніе газетъ и приемъ повара.

— У тебя голова болитъ сегодня?

— Очень.

— Можетъ, слишкомъ много занимался?—И при этомъ вопросѣ видно, что прежде отвѣта онъ усомнился.—Я и забылъ, вѣдь, вчера ты, кажется, былъ у Николаши ¹⁾ и у Огарева?

— Какъ же-съ.

— Потчевали, что ли, они тебя... именины? Опять супъ съ мадерой? Охъ, не охотникъ я до всего до этого. Николаша-то любить, я знаю, не во-время вино... и откуда у него это взялось, не понимаю. Покойный Павелъ Ивановичъ... ну, 29 іюня именины, позоветъ всѣхъ родныхъ, обѣдъ, какъ водится,—все скромно, прилично. А это, по нынѣшнему, шампанскаго да сардинки въ маслѣ,—противно смотрѣть. О несчастномъ сынѣ Платона Богдановича я и не говорю,—одинъ, брошенъ! Москва... деньги есть... «Кучеръ Еремѣй, пошелъ за виномъ!» А кучеръ радъ: ему за это въ лавкѣ гривенникъ.

— Да, я у Николая Павловича завтракалъ; впрочемъ, я не думаю, чтобъ отъ этого болѣла голова. Я пройдуся немного, это мнѣ всегда помогаетъ.

— Съ Богомъ; обѣдаешь дома, я надѣюсь?

— Безъ сомнѣнія, я только такъ.

Для поясненія *супа съ мадерой* необходимо сказать, что за

¹⁾ Голохвастовъ ^{o)}. А. И. Г.

^{o)} Братъ Дмитрія Павловича, двоюродный братъ Герцена, спустившій все свое состояніе на веселую жизнь.

годъ или больше до знаменитаго пира четырехъ именинниковъ, мы на Святой недѣлѣ отправлялись съ Огаревымъ гулять, и, чтобъ отдѣлаться отъ обѣда дома, я сказалъ, что меня пригласилъ обѣдать отецъ Огарева.

Отецъ мой не любилъ вообще моихъ знакомыхъ, называлъ на изнанку ихъ фамиліи, ошибаясь постоянно одинакимъ образомъ; такъ, С..... ¹⁾ онъ безошибочно называлъ Сакенымъ, а Сазонова—Сназинымъ. Огарева онъ еще меньше другихъ любилъ и за то, что у него волосы были длинны, и за то, что онъ курилъ безъ его спроса. Но, съ другой стороны, онъ его считалъ внучатымъ племянникомъ и, слѣдственно, родственной фамиліи исказить не могъ. Къ тому же Платонъ Богдановичъ принадлежалъ, и по родству и по богатству, къ малому числу признанныхъ моимъ отцомъ личностей, и мое близкое знакомство съ его домомъ ему нравилось. Оно нравилось бы еще больше, если-бъ у Платона Богдановича не было сына.

Итакъ, отказать ему не считалось приличнымъ.

Вмѣсто почтенной столовой Платона Богдановича, мы отправились сначала подъ Новинское, въ балаганъ Прейса (я потомъ встрѣтилъ съ восторгомъ эту семью акробатовъ въ Женевѣ и Лондонѣ); тамъ была небольшая дѣвочка, которой мы восхищались и которую назвали Миньонной.

Посмотрѣвъ Миньону и рѣшившись еще разъ прійти ее посмотреть вечеромъ, мы отправились обѣдать къ «Яру». У меня былъ золотой и у Огарева около того же. Мы тогда еще были совершенные новички и потому, долго обдумывая, заказали *ouka au champagne* ²⁾, бутылку рейнвейна и какой-то крошечной дичи, въ силу чего мы встали изъ-за обѣда, ужасно дорогого, совершенно голодные и отправились опять смотреть Миньону.

Отецъ мой, прощаясь со мной, сказалъ мнѣ, что ему кажется, будто бы отъ меня пахнетъ виномъ.

— Это, вѣрно, оттого, — сказалъ я, — что супъ былъ съ мадерой.

— «*Au madère*; это зять Платона Богдановича, вѣрно, такъ завелъ; *cela sent les casernes de la garde*» ³⁾.

Съ тѣхъ поръ и до моей ссылки, если моему отцу казалось, что я выпилъ вина, что у меня лицо красно, онъ непременно говорилъ мнѣ: «Ты, вѣрно, ѣлъ сегодня супъ съ мадерой?».

¹⁾ Сатинъ.

²⁾ Уха на шампанскомъ.

³⁾ Съ мадерой... Это пахнетъ гвардейскими казармами.

Итакъ, я скорымъ шагомъ къ С.....

Разумѣтся, Огаревъ и К..... были на мѣстѣ. К..... съ помятымъ лицомъ, былъ недоволенъ нѣкоторыми распоряженіями и строго ихъ критиковалъ. Огаревъ гомеопатически вышибалъ клинъ клиномъ, допивая какіе-то остатки не только послѣ праздника, но и послѣ фуражировки Петра Федоровича, который уже съ пѣніемъ, присвистомъ и дробью игралъ на кухнѣ у С.:

Въ роцѣ Марьиной гулянье
Въ самой тотъ день семика.

... Вспоминая времена нашей юности, всего нашего круга, я не помню ни одной исторіи, которая осталась бы на совѣсти, которую было бы стыдно вспомнить. И это относится безъ исключенія ко всѣмъ нашимъ друзьямъ.

Были у насъ платоническіе мечтатели и разочарованные юноши въ семнадцать лѣтъ. Вадимъ даже писалъ драму, въ которой хотѣлъ представить «страшный опытъ своего *изжитаго* сердца». Драма эта начиналась такъ: «Садъ, вдали домъ, окна освѣщены, буря, никого нѣтъ, калитка не заперта, она хлопасть и скрипитъ».

— Сверхъ калитки и сада, есть дѣйствующія лица?—спросилъ я у Вадима.

И Вадимъ, нѣсколько огорченный, сказалъ мнѣ: «ты все дурачишься! Это—не шутка, а былъ моего сердца; если такъ, я и читать не стану»,—и сталъ читать.

Были и вовсе не платоническія шалости, даже такія, которыя оканчивались не драмой, а аптекой, но не было пошлыхъ интригъ, губящихъ женщину и унижающихъ мужчину, не было *содержанокъ* (даже не было и этого подлаго слова). Покойный, безопасный, прозаическій, мѣщанскій развратъ,—развратъ по контракту миновалъ нашъ кругъ.

— Стало быть, вы допускаете худшій, продажный развратъ?

— Не я, а вы! То-есть не *вы* вы, а вы всѣ. Онъ такъ прочно покоится на общественномъ устройствѣ, что ему не нужно моей инвеституры.

Общіе вопросы, гражданская экзальтація спасали насъ; и не только они, но сильно развитой научный и художественный интересъ. Они, какъ зажженная бумага, выжигали сальныя пятна. У меня сохранилось нѣсколько писемъ Огарева того времени; о тогдешнемъ грунтонѣ нашей жизни можно легко по нимъ судить. Въ 1833 году, июня 7, Огаревъ, напримѣръ, мнѣ пишетъ:

«Мы другъ друга, кажется, знаемъ, кажется, можемъ быть

откровенны. Письма моего ты никому не покажешь. Итакъ, скажи,—съ нѣкотораго времени я рѣшительно такъ полонъ, можно сказать, задавленъ ощущеніями и мыслями, что мнѣ кажется, мало того, кажется,—мнѣ врѣзалась мысль, что мое призваніе: быть поэтомъ, стихотворцемъ или музыкантомъ, *alles eins* ¹⁾, но я чувствую необходимость жить въ этой мысли, ибо имѣю какое-то самоощущеніе, что я поэтъ; положимъ, я еще пишу дрянно, но этотъ огонь въ душѣ, эта полнота чувствъ даетъ мнѣ надежду, что я буду и порядочно (извини за такое пошлое выраженіе) писать. Другъ, скажи же, вѣрить ли мнѣ моему призванію? Ты, можетъ, лучше меня знаешь, нежели я самъ, и не ошибешься.

«Юнь 7, 1833».

«Ты пишешь: *«Да, ты поэтъ, поэтъ истинный!»* ²⁾. Другъ, можешь ли ты постигнуть все то, что производятъ эти слова? И такъ, оно не ложно, все, что я чувствую, къ чему стремлюсь, въ чемъ моя жизнь! Оно не ложно! Правду ли говоришь? Это не бредъ горячки,—это я чувствую. Ты меня знаешь болѣе, чѣмъ кто-нибудь, не правда ли? я это дѣйствительно чувствую. Нѣтъ, это высокая жизнь—не бредъ горячки, не обманъ воображенія, она слишкомъ высока для обмана, она дѣйствительна, я живу ею, я не могу вообразить себя съ иною жизнью. Для чего я не знаю музыки? какая симфонія вылетѣла бы изъ моей души теперь! Вотъ слышишь величественное *adagio*, но нѣтъ силъ выразиться, надобно больше сказать, нежели сказано; *presto, presto*, мнѣ надобно бурное, неукротимое *presto*. *Adagio* и *presto*—двѣ крайности. Прочь съ этой посредственностью, *andante, allegro moderato*; это заики или слабоумные не могутъ ни сильно говорить, ни сильно чувствовать.

«Село Чертково, 18 августа 1833».

Мы отвыкли отъ того восторженнаго лепета юности, онъ намъ страненъ, но въ этихъ строкахъ молодого человѣка, которому еще не стукнуло 20 лѣтъ, ясно видно, что онъ застрахованъ отъ пошлаго порока и отъ пошлой добродѣтели, что онъ, можетъ, не спасется отъ болота, но выйдетъ изъ него не загрязнившись.

Это—не неувѣренность въ себѣ, это—сомнѣніе вѣры, это—страстное желаніе подтвержденія ненужнаго слова любви, которое такъ дорого намъ. Да, это—безпокойство зарождающаго творчества, это—тревожное озираніе души *зачавшей*.

«Я не могу еще взять,—пишетъ онъ въ томъ же письмѣ,—

¹⁾ Все одно.

²⁾ См. № 37.

тѣ звуки, которые слышатся душѣ моей; неспособность тѣлесная ограничиваетъ фантазію. Но, чортъ возьми! Я поэтъ; поэзія мнѣ подсказываетъ истину тамъ, гдѣ бы я ее не понялъ холоднымъ разсужденіемъ. Вотъ философія откровенія».

Такъ оканчивается первая часть нашей юности, вторая начинается тюрьмой. Но прежде, нежели мы взойдемъ въ нее, надобно упомянуть, въ какомъ направленіи, съ какими думами она застала насъ.

Время, слѣдовавшее за усмиреніемъ польскаго возстанія, быстро воспитывало. Насъ уже не одно то мучило, что Николай выросъ и осѣлся въ строгости; мы начали съ внутреннимъ ужасомъ разглядывать, что и въ Европѣ, и особенно во Франціи, откуда ждали пароль политической и лозунгъ, дѣла идутъ неладно,—теоріи наши становились намъ подозрительны.

Дѣтскій либерализмъ 1826 года, сложившійся мало-по-малу въ то французское воззрѣніе, которое проповѣдывали Лафайетъ и Бенжаменъ Констанъ, пѣлъ Беранже, терялъ для насъ, послѣ гибели Польши, свою чарующую силу.

Тогда-то часть молодежи, и въ ея числѣ Вадимъ, бросилась на глубокое и серьезное изученіе русской исторіи, другая—въ изученіе нѣмецкой философіи.

Мы съ Огаревымъ не принадлежали ни къ тѣмъ, ни къ другимъ. Мы слишкомъ сжились съ иными идеями, чтобъ скоро поступиться ими. Вѣра въ беранжеровскую *застольную* революцію была потрясена, но мы искали чего-то другого, чего не могли найти ни въ несторовской лѣтописи, ни въ трансцендентальномъ идеализмѣ Шеллинга.

Середь этого броженія, середь догадокъ, усилій понять сомнѣнія, пугавшія насъ, попались въ наши руки сенъ-симонистскія брошюры, ихъ проповѣди, ихъ процессъ. Они поразили насъ.

Поверхностные и неповерхностные люди довольно смѣялись надъ Отцомъ Анфантенемъ ¹⁾ и надъ его апостолами; время иного признанія наступаетъ для этихъ предтечъ социализма.

Торжественно и поэтически являлись середь мѣщанскаго міра¹ эти восторженные юноши съ своими неразрѣзными жилетами, съ отрощенными бородами. Они возвѣстили новую вѣру, имъ было чтѣ сказать и было во имя чего позвать передъ свой судъ старый порядокъ вещей, хотѣвшій ихъ судить по кодексу Наполеона и по орлеанской религіи.

¹⁾ Бартеlemi-Просперъ (прозванный «le Père Enfantin»), одинъ изъ главныхъ сенъ-симонистовъ, устроитель общины на основаніяхъ социализма.

Съ одной стороны, *освобожденіе женщины*, призваніе ея на общій трудъ, отданіе ея судьбъ въ ея руки, союзъ съ нею, какъ съ равнымъ.

Съ другой,—оправданіе, *искупленіе плоти*, *réhabilitation de la chair!* ¹⁾.

Великія слова, заключающія въ себѣ цѣлый міръ новыхъ отношеній между людьми, — міръ здоровья, міръ духа, міръ красоты, міръ естественно-нравственный и потому нравственно чистый. Много издѣвались надъ свободой женщины, надъ признаніемъ правъ плоти, придавая словамъ этимъ смыслъ грязный и пошлый; наше монашески-развратное воображеніе боится плоти, боится женщины; добрые люди поняли, что очистительное *крещеніе* плоти есть отходная христіанства. Религія жизни шла на смѣну религіи смерти, религія красоты—на смѣну религіи бичеванія и худобы отъ поста и молитвы. Распятое тѣло воскресало, въ свою очередь, и не стыдилось больше себя; человѣкъ достигалъ созвучнаго единства, догадывался, что онъ—существо цѣлое, а не составленъ, какъ маятникъ, изъ двухъ разныхъ металловъ, удерживающихъ другъ друга; что врагъ, спаянный съ нимъ, исчезъ.

Какое мужество надобно было имѣть, чтобъ произнести всенародно во Франціи эти слова освобожденія отъ спиритуализма, который такъ силенъ въ понятіяхъ французовъ и такъ вовсе не существуетъ въ ихъ поведеніи.

Старый міръ, осмѣянный Вольтеромъ, подшибленный революціей, но закрѣпленный, перешитый и упроченный мѣщанствомъ для своего обихода, этого еще не испыталъ. Онъ хотѣлъ судить отщепенцевъ на основаніи своего тайно соглашеннаго лицемѣрія, а люди эти обличили его. Ихъ обвиняли въ отступничествѣ отъ христіанства, а они указали надъ головой судьи *завѣщанную* икону послѣ революціи 1830 года. Ихъ обвиняли въ оправданіи чувственности, а они спросили у судьи, цѣломудренно ли онъ живетъ?

Новый міръ толкался въ дверь; наши души, наши сердца растворялись ему. Сенъ-симонизмъ легъ въ основу нашихъ убѣжденій и неизмѣнно остался въ существованномъ.

Удобовпечатлимые, искренно-молодые, мы легко были подхвачены мощной волной его и рано переплыли тотъ рубежъ, на которомъ останавливаются цѣлые ряды людей, складываютъ руки, идутъ назадъ или ищутъ по сторонамъ броду черезъ море!

Но не всѣ рискнули съ нами. Соціализмъ и реализмъ остаются до сихъ поръ пробными камнями, брошенными на путяхъ рево-

¹⁾ Реабилитация плоти.

люди и науки. Группы пловцовъ, прибитыя волнами событій или мышлениемъ къ этимъ скаламъ, немедленно разстаются и составляютъ двѣ вѣчныя партіи, которыя, мѣняя одежды, проходятъ черезъ всю исторію, черезъ всѣ перевороты, черезъ многочисленные партіи и кружки, состоящія изъ десяти юношей. Одна представляетъ логику, другая—исторію, одна—діалектику, другая—эмбриогенію. Одна изъ нихъ *правда*, другая *возможность*.

О выборѣ не можетъ быть рѣчи; обуздать мысль труднѣе, чѣмъ всякую страсть,—она влечетъ невольно; кто можетъ ее затормозить чувствомъ, мечтой, страхомъ послѣдствій, тотъ и затормозитъ ее, но не всѣ могутъ. У кого мысль беретъ верхъ, у того вопросъ не о прилагемости, не о томъ, легче или тяжеле будетъ,—тотъ ищетъ истины и неумолимо, нелицепріятно проводитъ начала, какъ с.-симонисты нѣкогда, какъ Прудонъ до сихъ поръ.

Кругъ нашъ еще тѣснѣе сомкнулся. Уже тогда, въ 1833 году, *либералы* смотрѣли на насъ исподлобья, какъ на сбившихся съ дороги. ⁴⁵ Передъ самой тюрьмой сенъ-симонизмъ поставилъ рубежъ между мной и Н. А. Полевымъ. Полевой былъ человѣкъ необыкновенно ловкаго ума, дѣятельнаго, легко претворяющаго всякую пищу; онъ родился быть журналистомъ, лѣтописцемъ успѣховъ, открытій, политической и ученой борьбы. Я познакомился съ нимъ въ концѣ курса и бывалъ иногда у него и у его брата Ксенофонта. Это было время его пушей славы,—время, предшествовавшее запрещенію «Телеграфа» ¹⁾.

Этотъ-то человѣкъ, жившій послѣднимъ открытіемъ, вчерашнимъ вопросомъ, новой новостью въ теоріи и въ событіяхъ, мѣнявшійся, какъ хамелеонъ, при всей живости ума не могъ понять сенъ-симонизма. Для насъ сенъ-симонизмъ былъ откровеніемъ, для него—безуміемъ, пустой утопией, мѣшающей гражданскому развитію. Сколько я ни ораторствовалъ, ни развивалъ, ни доказывалъ, Полевой былъ глухъ, сердился, становился желченъ. Ему была особенно досадна оппозиція, дѣлаемая студентомъ; онъ очень дорожилъ своимъ вліяніемъ на молодежь и въ этомъ преніи видѣлъ, что она ускользаетъ отъ него.

Одинъ разъ, оскорбленный нелѣпостью его возраженій, я ему замѣтилъ, что онъ—такой же отсталый консерваторъ, какъ тѣ, противъ которыхъ онъ всю жизнь сражался. Полевой глубоко обидѣлся моими словами и, качая головой, сказалъ мнѣ: «Придетъ время, и вамъ, въ награду за цѣлую жизнь усилій и трудовъ,

¹⁾ «Московскій Телеграфъ» закрытъ Николаемъ I въ 1834 году.

какой-нибудь молодой человекъ, улыбаясь, скажетъ: «ступайте прочь, вы—отсталый человекъ». Мнѣ было жаль его, мнѣ было стыдно, что я его огорчилъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ я понялъ, что въ его грустныхъ словахъ звучалъ его приговоръ. Въ нихъ слышался уже не сильный боецъ, а отжившій, устарѣлый гладиаторъ. Я понялъ тогда, что впередъ онъ не двинется, а на мѣстѣ устоять не сумѣетъ съ такимъ дѣятельнымъ умомъ и съ такимъ непрочнымъ грунтомъ.

Вы знаете, что съ нимъ было потомъ: онъ принялся за «Парашу-Сибирячку»... ¹⁾

Какое счастье во-время умереть для человека, не умѣющего въ свой часъ ни сойти со сцены, ни итти впередъ. Это я думалъ, глядя на Полевого, глядя на Пія IX и на *многихъ другихъ!*.

Прибавленіе.

А. ПОЛЕЖАЕВЪ.

Въ дополненіе къ печальной лѣтописи того времени слѣдуетъ передать нѣсколько подробностей объ А. Полежаевѣ.

Полежаевъ студентомъ въ университетѣ былъ уже извѣстенъ своими превосходными стихотвореніями. Между прочимъ, написалъ онъ юмористическую поэму «Сашка», пародируя «Онѣгина». Въ ней, не стѣсняя себя приличіями, шутивнымъ тономъ и очень милыми стихами задѣлъ онъ многое.

Осенью 1826 года Николай, повѣсивъ Пестеля, Муравьева и ихъ друзей, праздновалъ въ Москвѣ свою коронацію. Для другихъ эти торжества бывають поводомъ амнистій и прощеній; Николай, отпраздновавши свой апоѳеозъ, снова пошелъ «разить враговъ отечества», какъ Робеспьеръ послѣ своего Fête-Dieu ²⁾.

Тайная полиція доставила ему поэму Полежаева...

И вотъ въ одну ночь, часа въ три, ректоръ будитъ Полежаева, велитъ одѣться въ мундиръ и сойти въ правленіе. Тамъ его ждетъ попечитель. Осмотрѣвъ, всѣ ли пуговицы на его мундирѣ и нѣтъ ли лишнихъ, онъ безъ всякаго объясненія пригласилъ Полежаева въ свою карету и увезъ.

Привезъ онъ его къ министру народнаго просвѣщенія. Министръ

¹⁾ «Патріотическая» драма, давшая автору кличку «квасного патріота».

²⁾ Праздника тѣла Господня.

сажаетъ Полежаева въ свою карету и тоже везетъ, но на этотъ разъ ужъ прямо къ государю.

Князь Ливень¹⁾ оставилъ Полежаева въ залѣ, гдѣ дожидались нѣсколько придворныхъ и другихъ высшихъ чиновниковъ, несмотря на то, что былъ шестой часъ утра, и пошелъ во внутреннія комнаты. Придворные вообразили себѣ, что молодой человѣкъ чѣмъ-нибудь отличился, и тотчасъ вступили съ нимъ съ разговоръ. Какой-то сенаторъ предложилъ ему давать уроки сыну.

Полежаева позвали въ кабинетъ. Государь стоялъ, опершись на бюро, и говорилъ съ Ливенемъ. Онъ бросилъ на взшедшаго испытующій взглядъ, въ рукѣ у него была тетрадь.

— Ты ли,—спросилъ онъ,—сочинилъ эти стихи?

— Я,—отвѣчалъ Полежаевъ.

— Вотъ, князь,—продолжалъ государь,—вотъ я вамъ дамъ образчикъ университетскаго воспитанія, я вамъ покажу, чему учатся тамъ молодые люди. Читай эту тетрадь вслухъ,—прибавилъ онъ, обращаясь снова къ Полежаеву.

Волненіе Полежаева было такъ сильно, что онъ не могъ читать. Взглядъ Николая неподвижно остановился на немъ. Я знаю этотъ взглядъ и ни одного не знаю страшнѣе, безнадежнѣе этого сѣро-бѣзцвѣтнаго, холоднаго, оловяннаго взгляда.

— Я не могу,—сказалъ Полежаевъ.

— Читай!—закричалъ высочайшій фельдфебель.

Этотъ крикъ воротилъ силу Полежаеву; онъ развернулъ тетрадь. Никогда, говорилъ онъ, я не видывалъ «Сашку» такъ переписаннаго и на такой славной бумагѣ.

Сначала ему было трудно читать, потомъ, одушевляясь болѣе и болѣе, онъ громко и живо дочиталъ поэму до конца. Въ мѣстахъ особенно рѣзкихъ государь дѣлалъ знакъ рукой министру. Министръ закрывалъ глаза отъ ужаса.

— Что скажете?—спросилъ Николай по окончаніи чтенія.— Я положу предѣлъ этому разврату! Это все еще *слѣды, послѣдніе остатки*; я ихъ искореню! Какого онъ поведенія?

Министръ, разумѣется, не зналъ его поведенія, но въ немъ проснулось что-то человѣческое, и онъ сказалъ: «Превосходнѣйшаго поведенія, в. в.»

— Этотъ отзывъ тебя спасъ, но наказать тебя надобно для примѣра другимъ. Хочешь въ военную службу?

Полежаевъ молчалъ.

¹⁾ Карлъ Андреевичъ, министръ народнаго просвѣщенія съ 1828 г., въ то время министромъ былъ А. С. Шишковъ.

— Я тебѣ даю военной службой средство очиститься. Что же! хочешь?

— Я долженъ повиноваться,—отвѣчалъ Полежаевъ.

Государь подошелъ къ нему, положилъ руку на плечо и, сказавъ: «Отъ тебя зависить твоя судьба; если я забуду, ты можешь мнѣ *писать*», *поцѣловалъ его въ лобъ*.

Я десять разъ заставлялъ Полежаева повторять разсказъ о поцѣлуѣ,—такъ онъ мнѣ казался невѣроятнымъ. Полежаевъ клялся, что это правда.

Отъ государя Полежаева свели къ Дибичу, который жилъ тутъ же, во дворцѣ. Дибичъ спалъ, его разбудили; онъ вышелъ зѣвая и, прочитавъ бумагу, спросилъ флигель-адъютанта: «Это онъ?»— «Онъ, в. с.».

— Что же! доброе дѣло, послужите въ военной; я все въ военной службѣ былъ, видите, дослужился, и вы, можетъ, будете фельдмаршаломъ... Эта неумѣстная, тупая, нѣмецкая шутка была поцѣлуемъ Дибича. Полежаева свезли въ лагерь и отдали въ солдаты ¹⁾.

Прошли года три ²⁾, Полежаевъ вспомнилъ слова государя и написалъ ему письмо. Отвѣта не было. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ написалъ другое,—тоже нѣтъ отвѣта. Увѣренный, что его письма не доходятъ, онъ бѣжалъ, и бѣжалъ для того, чтобъ лично подать просьбу. Онъ велъ себя неосторожно, видѣлся въ Москвѣ съ товарищами, былъ ими угощаемъ; разумѣется, это не могло остаться въ тайнѣ. Въ Твери его схватили и отправили въ полкъ, какъ бѣглаго солдата, въ цѣпяхъ, пѣшкомъ. Военный судъ приговорилъ его прогнать сквозь строй; приговоръ послали къ государю на утверждение.

Полежаевъ хотѣлъ лишить себя жизни передъ наказаніемъ. Долго отыскивая въ тюрьмѣ какое-нибудь острое орудіе, онъ довѣрился старому солдату, который его любилъ. Солдатъ понялъ его и оцѣнилъ его желаніе. Когда старикъ узналъ, что отвѣтъ пришелъ, онъ принесъ ему штыкъ и, отдавая, сказалъ сквозь слезы: «Я самъ отточилъ его».

Государь не велѣлъ наказывать Полежаева.

Тогда-то написалъ онъ свое превосходное стихотвореніе:

.
Я погибалъ
Безъ сожалѣній,

¹⁾ Унтеръ-офицеромъ въ Бутырскій пѣх. полкъ, расположенный въ Московскомъ округѣ.

²⁾ Ошибка—годъ.

Безъ утѣшеній...
 Мой злобный геній
 Торжествовалъ!
¹⁾.

Полежаева отправили на Кавказъ; тамъ онъ былъ произведенъ за отличіе въ унтеръ-офицеры. Годы шли и шли; безвыходное, скучное положеніе сломило его; сдѣлаться полицейскимъ поэтомъ и пѣть доблести Николая онъ не могъ, а это былъ единственный путь отдѣлаться отъ раяца.

Былъ, впрочемъ, еще другой, и онъ предпочелъ его: онъ пилъ для того, чтобъ забыться. Есть страшное стихотвореніе его «Къ сивухѣ».

Онъ перепросился въ карабинерный полкъ, стоявшій въ Москвѣ. Это значительно улучшило его судьбу, но уже злая чахотка раздѣдала его грудь. Въ это время я познакомился съ нимъ, около 1833 года. Помаялся онъ еще года четыре и умеръ въ солдатской больницѣ²⁾.

Когда одинъ изъ друзей его³⁾ явился просить тѣло для погребенія, никто не зналъ, гдѣ оно; солдатская больница торгуетъ трупами: она ихъ продаетъ въ университетъ, въ медицинскую академію, вывариваетъ скелеты и пр. Наконецъ, онъ нашелъ въ подвалѣ трупъ бѣднаго Полежаева,—онъ валялся подъ другими, крысы объѣли ему одну ногу.

Послѣ его смерти издали его сочиненія и при нихъ хотѣли приложить его портретъ въ солдатской шинели. Цензура нашла это неприличнымъ, и бѣдный страдалецъ представленъ въ офицерскихъ эполетахъ,—онъ былъ произведенъ въ больницѣ.⁴⁶

◆◆ Комментарій къ «Былому и думамъ» довольно обширенъ, что и понятно, несмотря на всѣ принятія мною мѣры къ сокращенію его за счетъ комментаріевъ къ другимъ сочиненіямъ и письмамъ. Отчасти это есть слѣдствіе поздно представившейся мнѣ возможности еще почерпнуть богатый матеріалъ изъ нѣкоторыхъ архивовъ, прежде вовсе или почти закрытыхъ для изслѣдователей; отчасти — желанія использовать матеріалъ, несвоевременно полученный изъ другихъ источниковъ, преимущественно изъ-за границы. Я вижу, что вообще историко-литературный комментарий поглощаетъ много мѣста въ изданіи, но, стремясь сдѣлать послѣднее

¹⁾ Отрывокъ изъ «Провидѣнія».

²⁾ 1838 г. 16 января.

³⁾ А. П. Лозовскій.

не только книгой Герцена, а и «книгой о Герценѣ», полагаю, что въ интересахъ историко-литературныхъ и общественно-политическихъ поступаю совершенно правильно, особенно, имѣя въ виду современныя условія печатанія такихъ матеріаловъ внѣ даннаго изданія.

Въ статьяхъ и еще болѣе въ письмахъ и дневникахъ Герцена очень часто заключаются подробности къ болѣе краткому разсказу въ «Быломъ и думахъ». Ссылки на эти пополненія мною не сдѣланы, такъ какъ при хронологическомъ расположеніи всего матеріала «собранія» каждый самъ легко справится, особенно руководясь «канвой біографіи» Герцена, которая будетъ дана въ послѣднемъ томѣ.

1. Разсказъ Герцена, слышавшаго обо всемъ этомъ спустя лѣтъ восемь-десять, и при томъ не столько отъ отца, сколько отъ няни и другихъ дворовыхъ, мѣстами очень невѣренъ. Т. П. Пассекъ, просто переписавшая его страницами и прибавившая многое со словъ недостовѣрныхъ очевидцевъ, еще больше запутала истинные факты въ сѣть всякаго вздора. Я не вижу надобности опровергать Пассекъ тамъ, гдѣ она не касается Герцена или его родителей, но считаю обязанностью возстановить истину въ разсказѣ Герцена и его кузины постольку, поскольку ей противорѣчитъ ея описаніе мытарствъ семейства И. А. Яковлева и все, что разсказываетъ самъ Герценъ. Надежнымъ источникомъ, помимо нѣкоторыхъ документовъ, является рядъ писемъ, опубликованныхъ Д. Д. Голохвастовымъ вслѣдъ за напечатаніемъ въ «Русской Старинѣ» 1872 и 1873 гг. первыхъ главъ «Воспоминаній» Пассекъ.

Уклоняясь отъ послѣдовательнаго изложенія, я буду по пути разсказа Герцена обращаться къ матеріаламъ, могущимъ возстановить факты.

Вотъ что, между прочимъ, писалъ И. А. Яковлевъ своей сестрѣ Е. А. Голохвастовой 1 ноября 1812 года, когда все было еще совершенно живо въ его памяти:

«Когда вы всѣ уѣхали изъ Москвы, я твердо положилъ также не оставаться, а потому и держалъ себя къ отъѣзду готовымъ. По сту разъ въ день я приходилъ къ Павлу Ивановичу (мужъ Е. А. Голохвастовой—*М. Л.*), чтобы убѣждать его наискорѣе удалиться, ибо я не только предвидѣлъ, но и предупрежденъ былъ въ опасности оставаться. Всякой разъ было мнѣ обѣщано, но безъ труда я замѣтить могъ изъ словъ его, что въ самомъ дѣлѣ онъ отнюдь изъ Москвы никуда не хотѣлъ отъѣхать, почему я уже и рѣшился спасать себя и свое семейство и назначили съ братомъ А. А. (въ домѣ котораго жилъ тогда И. А.—*М. Л.*) выѣхать въ

одинъ день, т.-е. 1-го сентября, о чемъ сообщилъ и ему. Онъ, увидя мою рѣшимость, сказалъ мнѣ, что онъ готовъ со мною ѣхать; но 1-го числа исполнить онаго не могли, ибо онъ разбиралъ нужная свои бумаги и укладывалъ картины, почему и положили мы всене-премѣнно выѣхать на другой день, т.-е. 2 числа, что братъ А. А. точно и исполнилъ въ 10 часовъ утра. Понуждая безпрестанно моихъ кучеровъ, чтобы они скорѣе закладывали мои экипажи, что уже и было сдѣлано, я еще былъ на дворѣ, проводя брата, какъ пришли меня позвать къ Павлу Ивановичу, который мнѣ объявилъ о полученіи съ Лукою твоего письма, въ коемъ ты увѣдомляешь, что казаки уже показались на этой дорогѣ, и заключилъ тѣмъ, что онъ рѣшился ни подъ какимъ видомъ изъ Москвы не выѣзжать, что онъ лучше хочетъ потерпѣть отъ французовъ въ теплой своей горницѣ, чѣмъ отъ казаковъ и бѣглыхъ солдатъ на большой дорогѣ. Я побѣждалъ тотчасъ къ своимъ знакомымъ, чтобы собрать какія свѣдѣнія, но нашель, что всѣ тѣ, кои никуда не собирались, бѣжали изъ города; увидѣлъ на улицахъ отъ своихъ и драки и смертоубійства, пришелъ обо всемъ сообщить Павлу Ивановичу и паки уговаривалъ велѣть заложить карету, а мои, будучи готовы, тотчасъ уѣхать. Но онъ мнѣ отвѣчалъ, чтобы я не трудился напрасно его убѣждать; что онъ рѣшился остаться, опираясь наиболѣе на то, что наканунѣ митрополитъ Платонъ и многія знатныя особы пріѣхали въ Москву, что и доказываетъ, что видимой опасности нѣтъ; что я могу дѣлать, что хочу, но что онъ дружески совѣтовалъ мнѣ также остаться и переѣхать къ тетушкѣ въ домъ, дабы мы чаще могли видаться. Я въ то же время, приписавъ къ тебѣ въ письмѣ съ Лукой, что я ни въ какомъ случаѣ Павла Ивановича одного не оставлю, пошелъ домой и велѣлъ своимъ экипажамъ, вмѣсто Троицкой заставы, ѣхать къ тетушкѣ на дворъ, гдѣ отобѣдавъ, сходилъ къ вамъ на дворъ и, возвратясь, нашель у себя уже французскихъ драгунъ» («Рус. Архивъ» 1874, I, 1056—1058).

Этимъ документомъ вносится цѣлый рядъ поправокъ въ рассказы Герцена и Пассекъ (ср. стр. 40—41 т. I ея «Воспоминаній»).

2. Объ этомъ говоритъ и Пассекъ, передѣлавъ тесакъ въ саблю, вложивъ въ уста драгуна патетическое восклицаніе, и т. п. Врядъ ли, однако, все это вѣрно: шестидесятилѣтній старикъ не перенесъ бы безболѣзненно такого удара, а между тѣмъ И. А. Яковлевъ въ уже цитированномъ письмѣ своимъ къ сестрѣ, послѣ смерти ея мужа, совсѣмъ по другой причинѣ, писалъ: «въ такомъ-то расположеніи *и при совершенномъ здоровьѣ* мы выѣхали изъ Москвы». Очевидно, все ограничилось просто царпиной или ссадиной.

3. Въ бумагахъ Яковлева, хранящихся въ архивѣ семьи Герцена, этого документа нѣтъ.

4. Разсказъ Герцена о свиданіи его отца, съ Наполеономъ и объ обстоятельствахъ выѣзда его изъ Москвы не вполнѣ соотвѣтствуетъ разсказу самого Яковлева. И въ самомъ разговорѣ есть такія фразы, которыхъ Яковлевъ не записалъ,—впрочемъ, онѣ могли быть сообщены имъ позже устно сыну,—и два свиданія съ Наполеономъ, и экипажъ для Голохвастова («больной старикъ») и матери съ кормилицей, и одновременная встрѣча въ одномъ мѣстѣ Винцингероде и Иловайскаго и т. д. Пассекъ сначала написала сплошной вымыселъ и напечатала его въ «Рус. Старинѣ»; потомъ, послѣ статьи Голохвастова, желая поправиться, она смѣшала уже все, и такимъ образомъ нынѣ стр. 40—50 т. I ея «Воспоминаній» совершенно не могутъ быть принимаемы за какую бы то ни было тѣнь истины, несмотря на то, что для большей убѣдительности, она выставляетъ свидѣтелемъ Егора Ивановича Герцена (тогда бывшаго 9 лѣтъ), говорить, что знала опровергающіе ее документы Голохвастова, и т. п.

О свиданіи своемъ съ Наполеономъ И. А. Яковлевъ составилъ «записку» послѣ того, какъ въ 1836 г. прочиталъ «Manuscrit de mille huit cent douze» par le baron Fain и нашелъ въ ней ошибки. Привожу ея переводъ, сдѣланный Д. Д. Голохвастовымъ по рукописному подлиннику.

«2 (14 н. ст.—день вступленія французовъ въ Москву и начало пожаровъ—*М. Л.*) сентября 1812, сядясь въ карету, чтобы ѣхать изъ Москвы, я былъ настигнутъ французскимъ отрядомъ, который отнял у меня моихъ лошадей и мои экипажи со всѣмъ тѣмъ, что въ оныхъ находилось». Приостанавливаю изложеніе И. А., чтобы обратить вниманіе читателя на то, какъ спустя 25 лѣтъ, память измѣнила Яковлеву въ описаніи именно этого начала. Психологически понятно, что дальнѣйшее изложеніе, касающееся болѣе важныхъ фактовъ, мѣжно считать болѣе близкимъ къ истинѣ: фигура Наполеона и все, что происходило между ними, конечно, было важнѣе, чѣмъ это начало.

«По этой причинѣ я остался въ Москвѣ съ моимъ семействомъ, моею прислугою, съ прислугою моихъ родственниковъ и съ сотнею крестьянъ, ихъ женами, дѣтьми, скотомъ и со всѣмъ ихъ имуществомъ. Всѣ эти люди, въ томъ числѣ и я, лишились даже обуви и не знали, чѣмъ питаться, и такъ какъ дома наши одинъ за другимъ погорѣли, то мы должны были день и ночь скитаться по улицамъ, не находя убѣжища. Случайно я встрѣтился съ полковникомъ Мейнадѣе, начальникомъ главнаго штаба, и спро-

силъ его, какимъ образомъ выбратъся мнѣ со всѣми моими за французскіе аванпосты. Онъ сказалъ мнѣ, чтобы я обратился къ маршалу Мортъе, который былъ тогда губернаторомъ Москвы и къ которому Мейнадъе немедленно провелъ меня. Маршалъ сказалъ, что онъ никакъ не можетъ дать мнѣ пропускъ безъ соизволенія Наполеона, которому онъ, дѣйствительно, и говорилъ о томъ, вслѣдствіе чего Наполеонъ приказалъ провести меня къ себѣ. (Это было 9 сентября). За мною пришелъ тогдашній секретарь его Делорнь-Дидвиль и провелъ меня въ кремлевскій дворецъ, въ тронную залу. Наполеонъ, повидимому, ожидалъ меня. Онъ далъ знакъ Делорню, чтобы тотъ не уходилъ, а самъ немедленно обратился ко мнѣ. Послѣ обыкновеннаго приступа къ разговору, онъ началъ жаловаться на московскіе пожары, говоря: «Конечно, не отъ насъ горитъ городъ, ибо я занималъ почти всѣ европейскія столицы и не сжегъ ни одной. Въ жизнь мою я сжегъ только одинъ городъ, въ Италіи, и то потому, что жители защищались въ улицахъ. Какъ! и вы сами хотите уничтожить Москву,—Москву святую, въ которой покоятся всѣ предки вашихъ государей!» Я отвѣчалъ ему по правдѣ, что мнѣ неизвѣстны виновники этого бѣдствія, но что мнѣ довелось испытать его въ значительной степени, такъ какъ все мое состояніе заключается лишь въ томъ, въ чемъ онъ меня видитъ (дѣйствительно, въ это время я всего лишился, и одежда моя была въ лохмотьяхъ). Онъ продолжалъ: «А кто у васъ въ Москвѣ губернаторомъ?». Делорнь назвалъ ему графа Ростопчина. «Что это за человѣкъ?» Я отвѣчалъ, что это человѣкъ, очень извѣстный по уму своему. «По уму, можетъ быть (возразилъ онъ), но онъ сумасшедшій», и затѣмъ продолжалъ: «Я имѣлъ понятіе объ этой странѣ, но, судя по тому, что я видѣлъ отъ границы до Москвы, это страна великолѣпная: всюду воздѣланныя поля, всюду поселенія, но изъ нихъ одни опустѣли, другія обращены въ пепель. И, однако, вы сами губите эту прекрасную страну. И зачѣмъ вы такъ поступили? Это не мѣшало мнѣ идти впередъ. Мнѣ понятно, что вы то же самое дѣлали въ Польшѣ. О! поляки вполне это заслужили, потому что они явились къ намъ навстрѣчу и кинулись въ наши объятія. Наконецъ, надо же положить конецъ кровопролитію, надо намъ прійти къ соглашенію. Война эта вполне не политическая. Мнѣ нечего дѣлать въ Россіи. Я ничего отъ нея не требую, лишь бы соблюдался тильзитскій трактатъ. Я хочу уйти изъ нея, потому что всѣ мои дѣла съ Англіею. Ахъ, если бы мнѣ взять Лондонъ! Оттуда бы я не вышелъ! Да, я хочу возвратиться. Коль скоро императоръ Александръ желаетъ мира, ему стоитъ лишь дать мнѣ знать о томъ. Я пошлю къ нему кого-нибудь изъ моихъ

адъютантовъ—или Нарбона или Лористона,—и миръ будетъ скоро заключенъ. Но, если онъ хочетъ продолжать войну, такъ хорошо, мы будемъ ее продолжать. Мои солдаты настоятельно просятъ меня, чтобъ я шелъ въ Петербургъ. Ну, хорошо, мы и туда пойдемъ, и Петербургу достанется участь Москвы». Тутъ онъ сталъ нюхать табакъ. Я воспользовался этою минутою и спросилъ его, гдѣ наша главная армія. Онъ мнѣ отвѣчалъ: «Ахъ, ваша главная армія пошла по рязанской дорогѣ» (доказательство, что въ этотъ день ему еще было неизвѣстно о совершившемся уже переходѣ ея на калужскую дорогу). Я сдѣлалъ ему такой же вопросъ относительно генерала Витгенштейна. Онъ мнѣ сказалъ: «Ахъ, Витгенштейнъ находится къ сторонѣ Петербурга и совершенно разбитъ Сень-Сиромъ». Потомъ, говоря о нашей арміи, онъ сказалъ мнѣ: «У васъ превосходные солдаты; вы имѣете хорошихъ офицеровъ, но вашъ офицеръ не вынесетъ того, что выносить нашъ, потому что нашъ одинаково выносить какъ жаръ, такъ и холодъ и всякаго рода лишения». Въ теченіе этого долгаго разговора онъ, очевидно, хотѣлъ передо мною поважничать. Кое-что изгладилось изъ моей памяти, а другія подробности, по моему мнѣнію, не стоятъ того, чтобы упоминать о нихъ. Онъ иногда пускался въ хвастовство, иногда даже просто пускалъ пыль въ глаза, напр., говоря мнѣ, что наши бумажныя деньги съ каждымъ днемъ падаютъ въ цѣнѣ, и что мы кончимъ банкротствомъ; что солдаты его устроили въ городѣ рынки; что они нашли въ московскихъ погребахъ большой запасъ лучшихъ винъ, и прибавилъ: «Знаете, что когда мои солдаты сообщать эти новости своимъ роднымъ, вся Европа къ вамъ пожалуетъ, потому что народъ вездѣ идетъ на даровую приманку». Въ заключеніе онъ мнѣ сказалъ, что такъ какъ я просился выйти за французскіе аванпосты, то онъ ничего противъ этого не имѣетъ, но ставитъ условіемъ, чтобы, проводивъ всѣхъ моихъ людей въ то мѣсто, которое я имъ назначилъ, самъ я отправился въ Петербургъ, гдѣ императоръ будетъ радъ увидѣть очевидца-свидѣтеля всего происходящаго въ Москвѣ, и чтобъ я разсказалъ объ этомъ государю. Я отвѣчалъ ему, что у меня нѣтъ никакого права, ни положенія для того, чтобы имѣть смѣлость представиться императору. Онъ мнѣ сказалъ на это, что я могу обратиться къ посредству гофмаршала Толстого, котораго онъ знаетъ за хорошаго человѣка; что я могу приказать доложить о себѣ черезъ государева камеръ-лакея; что, впрочемъ, императоръ ежедневно прогуливается, и я могу встрѣтиться ему. Несмотря на мои постоянно отрицательные отзывы, онъ продолжалъ излагать мнѣ множество способовъ представиться моему государю, и я нашелся вынужден-

нымъ сказать ему: «Государь! Теперь я въ вашей власти, но я не переставалъ быть подданнымъ императора Александра и не перестану имъ быть, пока въ жилахъ моихъ будетъ хоть капля крови. Не требуйте, чтобы я сдѣлалъ то, чего я не долженъ смѣть дѣлать и чего поэтому я не могу вамъ обѣщать». На это онъ мнѣ сказалъ: «Хорошо, я напишу письмо къ императору, я ему скажу, что призывалъ васъ, что говорилъ съ вами»... Онъ передалъ мнѣ содержаніе письма, которое предполагалъ онъ написать, и сущность котораго состояла въ томъ, что онъ желаетъ мира. Наконецъ, онъ мнѣ сказалъ, что я долженъ отвезти письмо это въ Петербургъ, на что я не отвѣчалъ ничего, потому что, сказать правду, я не зналъ тогда, да и теперь не знаю, въ правѣ ли я былъ отказаться отъ такого порученія. Онъ пожелалъ мнѣ добраго пути, и я вышелъ. На другой день онъ мнѣ прислалъ письмо черезъ Делорня и приказалъ проводить меня до французскихъ аванпостовъ. Итакъ, на слѣдующій день я въ полдень вышелъ изъ Москвы пѣшкомъ въ сопровожденіи челоуѣкъ до 500. Вечеромъ я достигъ Черной Грязи, гдѣ засталъ полковника (нынѣ генерала) Иловайскаго. Я провелъ тамъ ночь, а на другой день онъ приказалъ казакамъ проводить меня до деревни Давыдова, гдѣ находился генералъ Винценгероде, который тотчасъ отправилъ меня въ Петербургъ въ сопровожденіи офицера. При прибытіи къ петербургской заставѣ предъявлено было приказаніе везти меня прямо къ графу Аракчееву, который встрѣтилъ меня отмѣнно ласково и сказалъ мнѣ, что императоръ приказалъ ему взять привезенное мною письмо; въ пріемѣ письма я получилъ отъ графа расписку, которая у меня цѣла. Разказъ о моемъ разговорѣ съ Наполеономъ можетъ также служить опроверженіемъ разказа барона Фена въ подробностяхъ, въ которыхъ мы не сходимся» («Рус. Архивъ» 1874, I, стр. 1062—1070).

Михайловскій-Данилевскій имѣлъ эту «записку» въ своемъ распоряженіи и воспользовался ею при составленіи своего «Описанія Отечественной войны 1812 года», вышедшаго въ 1840 г. Тамъ же (ч. III, стр. 62—65) приведено и самое письмо Наполеона (появлявшееся затѣмъ нѣсколько разъ въ русской печати въ качествѣ неизвѣстнаго; см. стр. 289—290 «Рус. Архива» 1876 г. кн. I), которое начиналось словами: «Узнавъ, что братъ посланника Вашего Импер. Величества при кассельскомъ дворѣ находится здѣсь, я поручилъ ему отправиться къ Вашему Величеству для изъявленія Вамъ моихъ чувствованій». Дата письма,—если она вѣрна, а это почти безспорно,—опровергаетъ въ разказѣ Яковлева дату 9 сентября: письмо написано 20/8 сентября, слѣдовательно,

Яковлевъ былъ у Наполеона не 9-го, а 7-го числа; это, вѣроятно, просто неточность Голохвастова, принявшаго 9 за 7.

О прибытіи Яковлева на русскіе аванпосты существуетъ разсказъ декабриста кн. С. Г. Волконскаго, который я считаю не лишнимъ привести здѣсь въ дополненіе ко всему уже сказанному. Назвавъ Яковлева, вмѣсто «отставной л.-гв. капитанъ», «дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ», сказавъ, что онъ былъ тѣсно знакомъ съ Винцингероде по своей службѣ во время суворовской кампаніи въ Италіи при в. кн. Константинѣ Павловичѣ, и указавъ, что Винцингероде, неправильно подозрѣваемый въ передачѣ Наполеону плана аустерлицкаго сраженія, умышленно обставилъ свой разговоръ съ Яковлевымъ свидѣтелями, въ числѣ которыхъ былъ и самъ Волконскій,—авторъ увлекательныхъ «Записокъ» такъ описываетъ это свиданіе:

«Прибывъ и являсь къ Иловайскому, онъ (Яковлевъ—*М. Л.*) требовалъ немедленной отсылки къ генералу Винцингероде, имѣя, какъ онъ говорилъ, важное сообщеніе ему для передачи государю... По прибытіи его, насъ нѣсколько человѣкъ было въ комнатѣ, занимаемой Винцингероде. Яковлевъ, взошедши, по обыкновенію привѣтствовалъ, какъ знакомый коротко, и сказалъ Винцингероде, что онъ имѣетъ необходимость переговорить съ нимъ глазъ на глазъ; но Винцингероде ему отвѣчалъ, что всѣ присутствующіе такъ близки ему и такъ пользуются полнымъ его довѣріемъ, что ему нечего опасаться говорить при насъ, и что даже онъ требуетъ, чтобъ тайна, которую онъ имѣетъ сообщить ему, была высказана при насъ. Тогда Яковлевъ объявилъ ему, что оставался больнымъ въ Москвѣ при занятіи города французами. Наполеонъ, имѣвшій о немъ свѣдѣніе, какъ о братѣ бывшаго русскаго посланника при королѣ вестфальскомъ въ Касселѣ, вызвалъ его къ себѣ и поручилъ ему для передачи русскому императору отъ себя письмо и вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ, что онъ, Наполеонъ, желаетъ войти въ переговоры о замиреніи съ императоромъ Александромъ и что передачу письма и этого порученія передалъ ему, Яковлеву, какъ извѣстному ему дипломату.

«Едва только кончилъ это сообщеніе Яковлевъ, Винцингероде ему сказалъ: «Хотя мы и старые знакомые, но долженъ я вамъ сказать, что объявленное вами заставляетъ меня дѣйствовать съ вами, не какъ старый знакомый, но какъ лицо, обязанное служебнымъ долгомъ. Мое одно присутствіе охраняетъ васъ отъ заслуженнаго вами поруганія присутствующихъ господъ. Предложеніе къ миру не можетъ прилечь къ сердцу ни государю, ни кому изъ его вѣрноподданныхъ и поэтому письмо, вамъ врученное, пере-

шлю къ государю, но вмѣстѣ и васъ арестованнымъ. Вотъ все, что я могу вамъ сказать на ваше извѣщеніе, и, какъ старый вашъ знакомый, сожалѣю, что вы приняли таковое порученіе».

«Какъ я завѣдовалъ письменными дѣлами при Винцингероде, исправляя должность дежурнаго штабъ-офицера по отряду, то Винцингероде приказалъ мнѣ приготовить къ безотлагательному отъѣзду фельдъегеря, пославъ собственноручное донесеніе государю императору, и вмѣстѣ съ тѣмъ велѣлъ назначить офицера и конвойныхъ для отправки арестованнымъ Яковлева также на курьерскихъ» («Записки С. Г. Волконскаго», 1902 г., стр. 187—189).

Если къ этому присоединить еще нѣсколько словъ изъ цитированнаго уже письма Яковлева къ Е. А. Голохвастовой, то въ общемъ факты будутъ возстановлены довольно полно.

«Нашествіе враговъ на Москву и всѣ истощенныя ими надъ жителями и имуществомъ ихъ злодѣйства ни малѣйшаго, по замѣчанію моему, не имѣли вліянія надъ кончиною почтеннаго и любезнаго брата нашего, Павла Ивановича, ибо онъ, какъ видимыя имъ тогда потери въ имуществовѣ, равно и разныя досады переносилъ не только съ геройскимъ, можно сказать, духомъ, но и съ хладнокровіемъ, кое безпрестанно меня удивляло. Въ такомъ-то расположеніи и при совершенномъ здоровьѣ мы выѣхали изъ Москвы, доѣхали подъ Клинь, откуда внезапно я долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ, не имѣвъ ни позволенія, ни способа даже и объясниться о причинѣ моего отъѣзда. Итакъ, я вдругъ принужденъ былъ, почти не простясь, разстаться и на неизвѣстность со всѣмъ тѣмъ, что было безпрестаннымъ предметомъ неусыпнаго моего, при врагахъ, старанія, чтó тѣмъ паче было для меня прискорбно и тяжело, что сверхъ всякаго чаянія и возможности чудеснымъ образомъ мнѣ удалось свершить свободный и, елико возможно, спокойный нашъ выѣздъ изъ Москвы и изъ рукъ вражбихъ. Въ такомъ-то положеніи они безъ меня уже прибыли въ Новоселье» («Рус. Архивъ» 1874, I, 1055—1056).

Новоселье — имѣніе Петра А. Яковлева въ Корчевскомъ уѣздѣ Тверской губерніи, гдѣ Голохвастовъ, Луиза Ивановна и сыновья И. А. были уже 16-го, а 18 сентября, — Голохвастовъ умеръ отъ удара. До 28 сентября Луиза Ивановна была въ Новосельѣ, а затѣмъ поѣхала въ ярославское имѣніе своего мужа (с. Глѣбовское Романовскаго уѣзда), что подтверждается и письмомъ Петра А. Яковлева къ кн. Хованской, въ которомъ онъ называетъ ее «мамзель Луиза» (стр. 1060—1061 кн. I «Рус. Архива» 1874 г.). Въ то же имѣніе и вернулся Иванъ Алексѣевичъ изъ Петербурга

въ концѣ октября 1812 г., и въ немъ вся семья прожила зиму 1812—1813 гг. (*ibid.*, 1876, I, 236).

5. Тому, что разсказаль о своемъ прибытіи въ Спб. самъ Яковлевъ, и что добавилъ Герценъ, не противорѣчитъ приведенный уже выше разсказъ Волконскаго; поѣхавшій впередъ фельдъегерь предупредилъ обо всемъ въ Спб. и вотъ почему на заставѣ знали уже, куда везти Яковлева. Расписка Аракчеева хранится въ архивѣ семьи Герцена. Вотъ ея точный текстъ:

«Получилъ я отъ Г. гвардіи капитана Яковлева письмо къ Его Императорскому Величеству Госуд. Императору всероссійскому отъ Императора французовъ, въ чемъ и росписку даль.

Г. Аракчеевъ.

18 сентября 1812 г.».

Невѣрно лишь сообщаемое Волконскимъ уже дальше приведеннаго мною: «Впослѣдствіи я узналъ, что государь отправилъ, не распечатавши, письмо Наполеона къ Кутузову для возвращенія въ томъ же видѣ на французскіе аванпосты, а по прибытіи Яковлева въ Петербургъ, его прямо повезли въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ подвергли его слѣдствію тайному, послѣ котораго Яковлевъ былъ отправленъ въ свои деревни подъ надзоръ мѣстной полиціи, и запрещенъ ему былъ въѣздъ въ обѣ столицы» (стр. 189).

О мѣстѣ заключенія говоритъ вѣрно Герценъ, а запрещенія въѣзда въ Москву и надзора полиціи вовсе не было.

На стр. 65. ч. III «Описанія» Михайловскаго-Данилевскаго находится также цитата изъ письма Александра I къ наслѣдному шведскому принцу, написаннаго на другой день послѣ прибытія Яковлева, 19 сентября: «Наполеонъ искалъ въ Москвѣ кого-нибудь для доставленія ко мнѣ письма. Наконецъ, захватилъ онъ отставнаго гвардейскаго офицера Яковлева, который, сопровождая стараго, больного дядю своего, хотѣлъ уѣхать во внутреннія губерніи и нечаянно былъ застигнутъ непріятелемъ. Я велѣлъ показать письмо графу Левенгелюму. Онъ прочиталъ его и о содержаніи донесетъ вашему высочеству. Впрочемъ, письмо заключаетъ въ себѣ только пустое хвастовство».

6. Все это случилось гораздо раньше, какъ уже сказано мною,—18 сентября, и не въ ярославскомъ имѣніи, а въ Новосельѣ.

7. Левъ А. былъ въ Швеціи съ конца 1798 г. до весны 1800 г., затѣмъ въ маѣ 1800 г. былъ уже въ Лондонѣ и больше въ Швецію не ѣздилъ; вернулся въ Россію въ іюлѣ 1812 года. Иванъ А. въ Тверскую губернію не «переѣзжалъ», такъ какъ прямо пріѣхалъ въ нее («Рус. Архивъ» 1874, I, 1070—1071; 1876, I, 233).

8. На стр. 50—57 т. I «Воспоминаній» Пассекъ сообщается много объ отношеніяхъ братьевъ Яковлевыхъ къ вдовѣ брата Петра, умершаго въ 1813 г., но и тамъ все, что дополняетъ сказанное Герценомъ, приукрашено сплошной небывальщиной. Все, что можетъ компрометировать Ивана и Льва Алексѣвичей, основательно опровергнуто Д. Д. Голохвастовымъ во второй его статьѣ—«Нѣсколько замѣчаній по поводу воспоминаній Т. П. Пассекъ», въ I кн. «Рус. Архива» 1876 г. и частью въ уже цитированной мною первой статьѣ (1874 г. кн. I). О процессѣ съ гр. Дивьеръ мнѣ никакихъ свѣдѣній получить не удалось; нѣсколькимъ же словамъ о немъ Пассекъ особаго довѣрія придавать нельзя.

9. Смѣнившій А. А. Яковлева кн. А. Н. Голицынъ разсказалъ, какъ относился къ нему его яредшественникъ, какъ не могъ переварить введенныхъ имъ реформъ по синоду, получаемыхъ княземъ наградъ и пр. («Русскій Архивъ» 1886 г. кн. II, стр. 67—68).

Н. К. Шильдеръ говоритъ объ А. А. Яковлевѣ, какъ оберъ-прокурорѣ св. синода: «Въ его управленіе всеподданнѣйшіе доклады восходили къ государю черезъ генераль-прокурора. Высшее духовенство не терпѣло Яковлева; съ появленіемъ же князя Голицына все смирилось, потому только, что его поддерживалъ государь» («Императоръ Александръ Первый», изд. 1897 г., т. II, стр. 280). Этими строчками исчерпывается все, сказанное объ Яковлевѣ историкомъ царствованія, и, надо оговориться, оно не компрометируетъ Яковлева въ нашихъ глазахъ, потому что ссориться съ высшимъ духовенствомъ значило, отчасти, быть сторонникомъ невмѣшательства его въ политику и власть и поддерживать нѣкоторую самостоятельность низшаго духовенства. Иначе смотрѣлъ на дѣло Александръ I. «Яковлевъ не совсѣмъ хорошъ,—писалъ онъ; далеко, чтобъ онъ могъ удовлетворить моимъ требованіямъ и ожиданіямъ; притомъ и духовенство совершенно имъ недовольно. Жалобы на него безпрестанныя. Мнѣ кажется, что онъ не способенъ быть на этомъ мѣстѣ». Другой историкъ александровскаго времени, б. в. кн. Николай Михайловичъ, только вскользь упоминаетъ объ Яковлевѣ.

Послѣдній оставилъ записки подъ заглавіемъ «Журналъ Яковлева, бывшаго въ синодѣ оберъ-прокуроромъ съ 1 января по 7 октября 1803 г. и съ послѣдующими обстоятельствами, или исповѣдь честнаго человѣка, пострадавшаго за вѣрность къ своему государю, начертанная единственно для собственнаго напоминанія». Однако, полный текстъ ея выпущенъ В. А. Андреевымъ только въ 1915 г., а до тѣхъ поръ обычно въ литературѣ (напр., Ф. Благовидовъ, «Оберъ-прокуроры св. синода etc.») пользовались извлече-

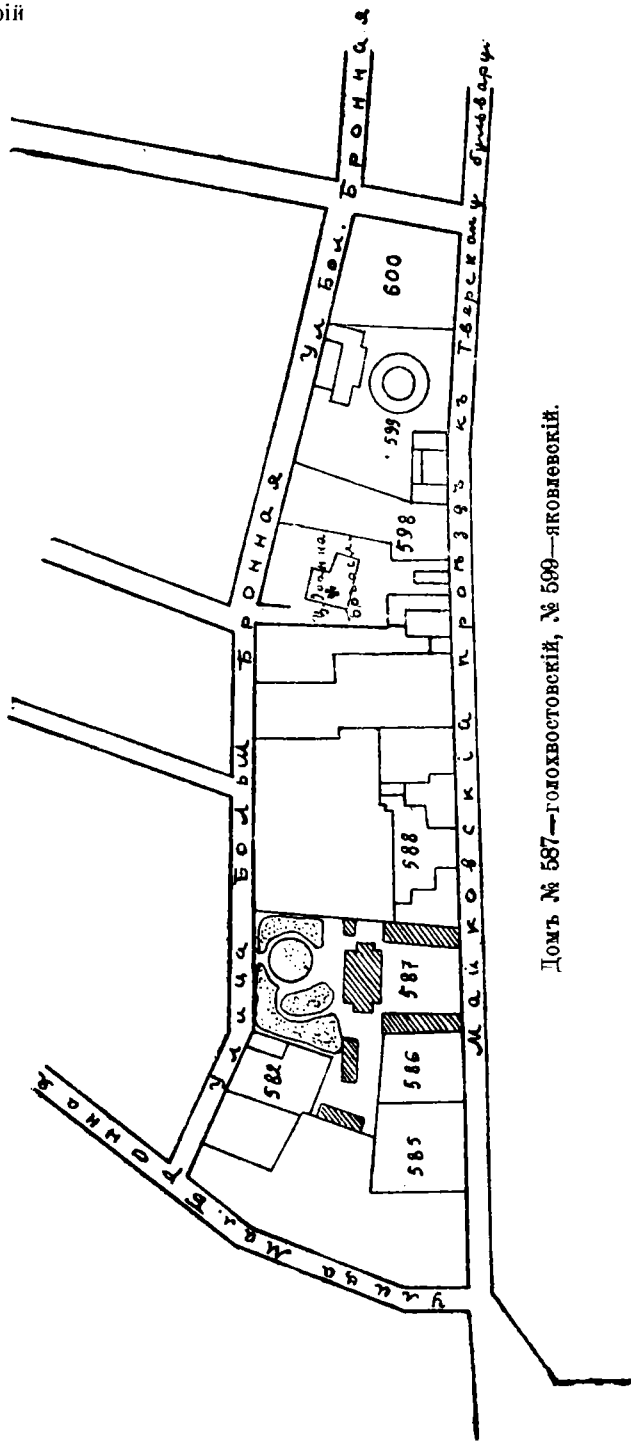
ніями, сдѣланными очень своеобразно въ апрѣльской книжкѣ «Рус. Вѣстника» 1868 г.—«Изъ прошлаго».

10. Домъ Александра Алексѣевича Яковлева по плану Москвы 1817 г. значился на Тверскомъ бульварѣ подъ № 536; подъ тѣмъ же номеромъ онъ былъ и въ 1802 г. за д. ст. сов. Б. П. Островскимъ, въ 1806 — за женою его, М. С. Островской; по указателю къ плану Москвы 1849—1852 г., домъ числился за поручицей Кротковой (№ 599), а по плану 1864 г. — за вдовою ротмистра А. Н. Козловой, подъ № 720. Теперь этотъ домъ принадлежитъ пот. поч. гражд. А. Г. Найденовой и носить полицейскій № 25.

Этотъ яковлевскій домъ, гдѣ родился Герценъ, не слѣдуетъ смѣшивать съ домомъ Е. А. Голохвастовой, что нынѣ по Тверскому бульвару № 13. По плану, 1849—52 гг. онъ (на очень обширномъ мѣстѣ) значитъ подъ № 587, по окладнымъ книгамъ 1867 г.—числился за М. И. Оливъ подъ № 712; по указателю 1882 г.—Л. С. Полякова, подъ № 87, которому принадлежитъ и теперь (Архивъ городской плановой; планъ 1849—1852 гг. въ масштабѣ 25 саж. въ д.; указатель 1868 г. къ этому плану; указатель улицъ и домовъ 1882 г.). И яковлевское и голохвастовское владѣнія выходили своими границами на Б. Бронную улицу (см. стр. 169).

11. Въ архивѣ семейства Герцена находится копія съ письма Ивана Алексѣевича, посланнаго незадолго до описаннаго Герценомъ раздѣла брату его Александру Алексѣевичу. Оно настолько характерно, что приведу его буквально:

«Вамъ братецъ Ал. Ал. угодно было знать согласенъ ли меньшей вашъ братъ (т.-е. я) на раздѣлъ общаго нашего имѣнія на тѣхъ условіяхъ кои братъ Л. А. въ письме своемъ къ вамъ объявилъ; я бы давно желаніе ваше исполнилъ но болезнь серьезная моего Шушки да къ тамужъ и собственная моя хворость, дѣлали меня на таковое занятіе вовсе не способнымъ. На предлагаемый вамъ въ письме братниномъ раздѣлъ, (который совершенно былъ согласенъ съ проэктомъ раздѣла отъ васъ къ намъ присланнымъ) я согласенъ былъ тогда, а равно согласенъ и теперь ибо минувъ все виды интереса или пріобрѣтенія, часъ отъ часу более вижу необходимость тоже поспѣшить сіе исполнить для собственнаго спокойствія нашего, и для улутченія жребія вверенныхъ судьбою намъ подданныхъ. Желаніе наше да кажется и общее, при семъ раздѣлѣ окончить рѣшительно, (то есть заплакою денегъ) всѣхъ существующихъ да и неизбежныхъ по раздѣлу денежныхъ щотовъ, никто я думаю не можетъ приписать къ ѣдиной алчности принять во владеніе свою собственность, но гораздо важнѣе должно сказать и святее на то есть причины. То есть чтобы истребить между



Домъ № 587—голохвостовскій, № 599—яковлевскій.

нами и малѣйшіе корешки отъ которыхъ во дни посвященные соглашенію могла бы и паки возрасти трава вредная. Наше благо-разуміе, наши лѣта и несчастная наша опытность не ясно-ли намъ напоминають что не много болше или не много менше, ни для кого изъ насъ существенной розницы не здѣлаетъ; но не лъзя не согласиться что все усилія употребить намъ теперь должно, чтобъ раздѣливъ имѣніе остатся намъ между собою, въ одномъ токмо отношеніи принадлежащія братьямъ, отнюдь не предоставляя одинъ другому право остатся братомъ кредиторомъ или братомъ должникомъ. Приступая къ сему дѣлу, (то есть раздѣлу) съ чистейшимъ намѣреніемъ, не токмо полюбовно, но сколько возможно и ближе къ справедливости общее между нами имѣніе раздѣлить, а не завоевать или обшитать силою или хитростію, я не видалъ и не вижу чтобы могло затруднить исполненіе сего святаго намѣренія и коль скоро матеріалы необходимые къ уравненію частей у насъ всехъ будутъ изготовлены, то съ того числа и дѣло сіе кажется можно будетъ считать поконченнымъ. Вотъ согласіе мое, вотъ моя готовность, вотъ мысли мои, а затемъ я вашъ братъ меншой и пакорный».

Раздѣлъ происходилъ лѣтомъ 1821 года, какъ свидѣтельствуютъ документы, опубликованные Д. Д. Голохвастовымъ въ I кн. «Рус. Архива» 1876 г. Братья дѣлили 1159 душъ, изъ которыхъ 532 достались имъ отъ Петра Алексѣевича, а 627—отъ Екатерины Михайловны Яковлевой, получившей все послѣ смерти своихъ двухъ братьевъ, бывшихъ сыновьями Михаила Александровича Яковлева, дяди занимающихъ насъ Яковлевыхъ («Рус. Архивъ» 1874, I).

На долю Ивана Алексѣевича достались: а) часть въ с. Новосельѣ съ деревнями Уходово и Шумново Корчевскаго уѣзда Тверской губ., б) почти все с. Васильевское Рузскаго уѣзда Московской губ., оставшееся братьямъ отъ двоюродной сестры Екатерины Михайловны Яковлевой, двадцать восьмая часть котораго принадлежала Т. П. Пассекъ,—а вовсе не седьмая, какъ она заявляла и потому имѣла, якобы, основаніе обвинять Яковлева, а затѣмъ и Герцена въ дешевой покупкѣ своей части; в) меньшая часть с. Покровскаго-Засѣкина и дер. Раево въ Звенигородскомъ уѣздѣ Московской губ.

12. Переѣхавъ изъ с. Глѣбовскаго въ Москву въ 1813 году, И. А. Яковлевъ нанялъ себѣ вмѣстѣ съ братомъ Львомъ домъ въ приходѣ церкви Рождества Пр. Богородицы въ Путинкахъ, одной изъ самыхъ яркихъ достопримѣчательностей Москвы, гдѣ они и жили до указаннаго Герценомъ срока. По отсутствію какихъ бы то ни было другихъ, болѣе точныхъ указаній, опредѣлить мѣсто этого дома нынѣ не представляется возможности.

13. Старая Конюшенная въ разсказѣ Герцена и современникрвъ означаетъ отнюдь не одну улицу, а цѣлый районъ, носившій тогда такое названіе. Это—лабиринтъ чистыхъ спокойныхъ и извилистыхъ улицъ и переулковъ между Арбатомъ и Пречистенкой, это — гнѣздо родовитаго московскаго дворянства: Долгоруковыхъ, Волконскихъ, Оболенскихъ, Голицыныхъ, Гагариныхъ, Трубецкихъ, Кропоткиныхъ и т. д. «Въ этихъ тихихъ углахъ,—говорить представитель послѣднихъ,—лежащихъ въ сторонѣ отъ шума и суеты торговой Москвы, всѣ дома были очень похожи другъ на друга. Большею частью, они были деревянные съ ярко-зелеными желѣзными крышами; у всѣхъ фасадъ съ колоннами, всѣ выкрашены по штукатуркѣ въ веселые цвѣта. Почти всѣ дома строились въ одинъ этажъ, съ выходящими на улицу семью или девятью большими свѣтлыми окнами. Второй этажъ допускался лишь въ мезонинѣ, выходящемъ на пространный дворъ, обстроенный многочисленными службами: кухнями, конюшнями, сараями, погребами и людскими. Во дворъ вели широкія ворота, и на мѣдной доскѣ надъ калиткой значилось обыкновенно: «Домъ поручика или штабсъ-ротмистра и кавалера такого-то». Рѣдко можно было встрѣтить «генераль-майора» или соотвѣтственный гражданскій чинъ... Лавки въ эти улицы не допускались, за исключеніемъ, развѣ, мелочной или овощной лавочки, которая ютилась въ деревянномъ домикѣ, принадлежавшемъ церкви... Жизнь текла тихо и спокойно, по крайней мѣрѣ, на посторонній взглядъ, въ этомъ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ Москвы. Утромъ никого нельзя было встрѣтить на улицахъ. Въ полдень появлялись дѣти, отправлявшіяся подъ надзоромъ гувернеровъ-французовъ или нянекъ-нѣмокъ на прогулку по занесеннымъ снѣгомъ бульварамъ. Попозже можно было видѣть барынь въ парныхъ саняхъ съ лакеемъ на запяткахъ, а то въ старомодныхъ громадныхъ и просторныхъ, на высокихъ рессорахъ, каретахъ, запряженныхъ четверкой, съ фореиторомъ впереди и двумя лакеями на запяткахъ. Вечеромъ большинство домовъ было ярко освѣщено, а такъ какъ ставни не запирались, то прохожіе могли любоваться играющими въ карты или же танцующими» («Записки революціонера», 1918, 2—3.).

14. Ходъ службы Льва Алексѣевича и характеръ его отношеній къ разнымъ лицамъ виднаго положенія иллюстрируются многими штрихами въ «Архивѣ князя Воронцова». Надо лишь имѣть въ виду, что сверхъ тѣхъ страницъ, которыя указаны въ «Росписи сорока книгамъ архива», къ тому же лицу относятся и нѣкоторыя другія, ошибочно означенныя не у Льва Алексѣевича (напр., кн. XII,

стр. 378, кн. XIV стр. 474). Въ одномъ изъ примѣчаній П. И. Бартенева (П. Б.) категорически утверждаетъ, что Левъ А. сватался за дочь гр. С. Р. Воронцова (стр. 427 кн. XII).

Здѣсь же я считаю не лишнимъ привести нѣсколько словъ Д. Н. Свербеева о семьѣ Яковлевыхъ вообще и въ частности объ Александрѣ Алексѣевичѣ и Елизаветѣ Алексѣевнѣ Голохвастовой. «Три брата отличались во всемъ московскомъ обществѣ какимъ-то деликатнымъ, европейскимъ, изысканнымъ обращеніемъ. Они всѣ трое долго жили въ чужихъ краяхъ и всѣ превосходно описаны Герценомъ». «Александръ очень любилъ разныя науки и, какъ ни плохо преподавались онѣ-въ нашемъ университетѣ нашими профессорами, онъ на старости лѣтъ отъ нечего дѣлать посѣщаль университетскія лекціи, влюбился въ меня и требоваль, чтобы я его, какъ можно чаще, посѣщаль въ его огромномъ преотвратительно содержимомъ домѣ (на Тверскомъ бульварѣ), который перешель къ Кротковымъ, и въ которомъ мы долго послѣ жили» (т. I, стр. 169—170).

«Голохвастова мать, судя по тогдашнему времени, была женщина необыкновенной образованности.... Женщина лѣтъ около 50, еще довольно свѣжая и красивая, она знала пять языковъ, на нихъ читала и говорила и, что очень замѣчательно въ русской женщинѣ съ европейскимъ образованіемъ, знала превосходно русскій языкъ, и, будучи очень набожной, вполнѣ понимала языкъ церковно-славянскій. Несмотря на такое многостороннее просвѣщеніе, она, къ крайнему моему изумленію, не чужда была современныхъ предразсудковъ—ханжества и дворянской спѣси» (стр. 133—134).

Интересующіеся подробной характеристикой семьи Голохвастовыхъ найдутъ у Свербеева много цѣнныхъ страницъ.

15. Въ московскомъ отдѣленіи общаго архива Главнаго штаба (опись 38, связка 11, дѣло № 214, листъ 52) хранится очень цѣнный документъ—формулярный списокъ отца Герцена, который даетъ возможность точно установить нѣкоторыя даты изъ его мало извѣстной біографіи. Иванъ Алексѣевичъ былъ зачисленъ въ л.-гв. Измайловскій полкъ солдатомъ 1 мая 1775 г., на девятомъ году, и въ одинъ годъ прошелъ (на бумагѣ, конечно) званіе капрала, фуріера и подпрапорщика; въ 1776 г. былъ въ званіи каптенармуса и сержанта, а дѣйствительно сталъ прапорщикомъ и вступилъ на службу въ полкъ 1 января 1788 г., подпоручика получилъ ровно черезъ два года, поручика—1 января 1791 г., капитанъ-поручика—1 января 1796 г. и капитана—16 апрѣля 1797 г., уже въ царствованіе Павла I. Въ 1788 и 1790 гг. былъ въ походахъ въ Финляндіи. 16 сентября 1797 г. получилъ отставку съ мундиромъ (тамъ же, дѣло № 39853, листъ 60).

16. М. К. Рейхель такъ характеризуетъ Вѣру Артамонову: «Такого необыкновенно добраго существа, несмотря на отличительную черту доброты въ характерѣ русскихъ людей, мнѣ не случалось встрѣтить, и при этомъ—совершенное отсутствіе желанія собственности. Все, безъ чего она сколько-нибудь могла обойтись, она отдавала другимъ, когда знала, что они нуждаются» («Отрывки изъ воспоминаній», 40).

17. Про Константина Дмитріевича Толочанова Т. П. Пассекъ сочинила цѣлую легенду, какъ о героѣ весьма гнуснаго грабежа и мошенничества, совершенныхъ имъ, якобы, вмѣстѣ съ Александромъ А. Яковлевымъ (стр. 53, т. I). Д. Д. Голохвастовъ доказалъ нелѣпость и этого разсказа (стр. 1084—1091 кн. I «Рус. Архива» 1874 г.).

18. Извѣстна резолюція Николая I, положенная въ 1830-хъ годахъ на докладѣ ген.-губернатора Западной Сибири о поимкѣ, послѣ долгихъ стараній, наводившей на населеніе ужасъ шайки разбойниковъ, въ которомъ испрашивалось разрѣшеніе повѣсить ихъ—:«Слава Богу, смертная казнь еще не введена въ Россіи, и не мнѣ ее вводить»,—дальше слѣдовалъ точный рецептъ, какъ и сколько кому надо было дать палокъ, прогнавши виновныхъ сквозь строй, при чемъ заранѣе было ясно, что и половины указанного царемъ количества люди не выдержатъ...

19. Пассекъ даетъ нѣсколько подробностей объ ихъ времяпрепровожденіи въ теченіе коронаціонныхъ торжествъ.

«Утромъ Луиза Ивановна часто ходила съ нами, Егоромъ Ивановичемъ и Маршалемъ въ Кремль на разводы. На разводахъ мы изучили всѣ гвардейскіе полки по мундирамъ, знали отличать всѣ посольства и насмотрѣлись на царскую фамилію. Эти походы не нравились Ивану Алексѣевичу; онъ отпускалъ насъ неохотно, съ опасеніемъ и называлъ ихъ «патріотизмомъ», но никто не обращалъ вниманія на его слова, и патріотическія экскурсіи продолжались (т. I, стр. 195).

«Мы выѣхали на коронацію (22 августа 1826 г.) до разсвѣта, попали въ цѣль каретъ и вышли изъ экипажа у Иверскихъ воротъ уже бѣлымъ днемъ. Кромѣ Ивана Алексѣевича, Луизы Ивановны и Егора Ивановича, съ нами были Карлъ Ивановичъ Кало и маленькій сынъ Сенатора, Сережа»... «Молодая государыня стала подъ балдахинъ, держа за руку наслѣдника престола. Царственное дитя невинно смотрѣло на все своимъ яснымъ, добросердечнымъ взоромъ. Со всѣхъ сторонъ на него упали взоры любви и умиленія. Саша напомнилъ мнѣ, какъ, будучи еще дѣтми, мы случайно проходили Кремлемъ въ то самое время, какъ бородинскія пушки воз-

вѣщали о его рожденіи, и, любуясь царственнымъ отрокомъ, вполголоса восторженно проговорилъ пророческій стихъ:

Быть можетъ, отрокъ мой, корона
Тебѣ назначена судьбой, —
Люби народъ, чти власть закона»

(т. I, стр. 195—196).

Въ этомъ отрывкѣ видна вся манера Пассекъ: факты переплетены съ вымысломъ, и все вмѣстѣ какъ-то почти нераздѣльно. Александръ II родился въ 1818 году, когда Герцену было 6 лѣтъ, и, конечно, онъ не могъ такъ тогда понимать значеніе пушечныхъ салютовъ, а, значитъ, въ 1826 г. ничего подобнаго не могъ и вспоминать.

«Въ продолженіе пребыванія въ Москвѣ царской фамиліи, Ивана Алексѣевича безпрестанно посѣщали его бывшіе сослуживцы и старые знакомые. Въ числѣ ихъ я чаще всѣхъ видѣла кн. Петра Михайловича Волконскаго ¹⁾, графа Комаровскаго, князя Сапѣгу ²⁾, двухъ братьевъ Бахметевыхъ, генераль-губернатора Западной Сибири Капцевича и графа Владиміра Григорьевича Орлова. Иванъ Алексѣевичъ принималъ всѣхъ въ своей спальней, въ своемъ поношенномъ, мѣстами изорванномъ халатѣ на бѣлыхъ мерлушкахъ, въ поярковыхъ сапогахъ, жалуясь на разныя немощи и недуги. Мы знали, что это—одна комедія, что недугами онъ хотѣлъ отдѣлаться отъ поѣздки къ цесаревичу, который черезъ графа Комаровскаго поручилъ сказать Ивану Алексѣевичу, что желаетъ его видѣть. Иванъ Алексѣевичъ, отзываясь своими немощами, просилъ графа Комаровскаго выразить цесаревичу его преданность и благоговѣніе, сказать, что онъ весь къ услугамъ его высочества, но не встаетъ съ постели (онъ принималъ Комаровскаго, случалось и другихъ, лежа на кровати), что онъ—развалина. На это графъ Комаровскій сказалъ, что цесаревичъ не принимаетъ въ уваженіе никакихъ отговорокъ и приказалъ передать ему, что если онъ не въ состояніи встать съ постели, то пускай велитъ привезти себя на кровати. Это подѣйствовало. Начались сборы. Съ вечера, при шести свѣчахъ, онъ брился, хладнокровно выводя изъ себя камердинера и дѣлая каждому всевозможныя досады и оскорбленія. На другой день, послѣ обѣда, отдохнувши, надѣлъ на себя рыжеватый парикъ, длинный, темно-зеленаго цвѣта, мохнатый заграничный сюртукъ и въ четверомѣстной каретѣ, въ которой въ 12 году выѣхалъ изъ

¹⁾ Въ день коронаціи назначеннаго министромъ двора.

²⁾ Левъ, камергеръ, въ 1831 г. эмигрировалъ въ Галицію.

Москвы, отправился во дворець. Онъ пробыль у цесаревича до вечера, возвратился домой, видимо, растроганный, молча прошелъ въ свою комнату и легъ на постель. Мы не смѣли его спрашивать. Спустя нѣсколько дней, онъ намъ сказалъ, что цесаревичъ живетъ очень просто, въ верхнемъ этажѣ дворца, гдѣ помѣщаются фрейлины, и что онъ съ трудомъ поднялся къ нему. Въ другой разъ, говоря о цесаревичѣ, онъ въ раздумьи сказалъ: «да, это—великій человекъ». Съ недѣлю Иванъ Алексѣевичъ былъ смиренъ, насъ какъ бы не замѣчалъ, не разговаривалъ, и одинъ ходилъ цѣлые часы вдоль амфилады комнатъ. Что происходило въ это свиданіе, такъ съ Иваномъ Алексѣевичемъ и умерло» (т. I, стр. 193—194).

Для болѣе точнаго пониманія вкратцѣ описанныхъ Герценомъ событій, привожу небольшую хронологическую справку.

16 іюля 1826 г. Николай I выѣхалъ изъ Царскаго Села въ Москву; до его прибытія, 19 іюля въ Чудовѣ монастырѣ Филаретомъ была совершена литургія, послѣ которой на Кремлевской площади, въ присутствіи императрицы Маріи Ѳедоровны, вел. кн. Михаила Павловича и в. кн. Елены Павловны, отслуженъ былъ благодарственный молебенъ «за избавленіе отъ крамолы, угрожавшей бѣдствіемъ всему російскому государству». 20-го Николай прибыль въ Петровскій дворець. 21-го происходилъ торжественный въѣздъ императора въ столицу. 22 августа была коронація. Очень осторожный Н. К. Шильдеръ, все-таки, долженъ былъ сказать: «Смертная казнь пяти декабристовъ произвела въ русскомъ обществѣ потрясающее впечатлѣніе. Никто не ожидалъ такого исхода... Ходили слухи о томъ, что, будто бы, императоръ Николай сказалъ: «по приговору не будетъ пролито крови, онъ удивитъ всѣхъ своимъ милосердіемъ. И вдругъ случилось обратное!» («Импер. Николай Первый», I, 454). Записи разнообразныхъ современниковъ гораздо болѣе рѣзки и опредѣленны...

20. Приведу нѣсколько отрывковъ изъ «Воспоминаній» Пасека, хотъ сколько-нибудь самостоятельно ею изложенныхъ и могущихъ дополнить представленіе о тогдашнихъ ихъ отношеніяхъ.

«Любимымъ разказомъ Саши были ужасы, слышанные имъ отъ m-me Прово о масонахъ, при ложѣ которыхъ ея мужъ занималъ когда-то какую-то должность, и о французской революціи, во время которой едва не повѣсили на фонарѣ ея почтеннаго сожителя» (т. I, стр. 108).

«Когда меня увозили отъ Яковлевыхъ, Саша, оставаясь одинокимъ, начиналъ капризничать и приставать, чтобы меня опять привезли къ нимъ» (ibid., 109).

«Началась присяга цесаревичу. Въ лавкахъ продавались портреты императора Константина. Вдругъ разнесся слухъ, что цесаревичъ отказался отъ престола. Саша купилъ портретъ императора Константина, повѣсилъ его на стѣнѣ въ своей комнатѣ, позвалъ меня и торжественнымъ голосомъ сказалъ: «Преклонитесь, это—великій человѣкъ». Почему мы ему поклонялись, за что любили,—и сами не знали, такъ оно и осталось въ неизвѣстности» (стр. 178).

«Политическія событія всегда занимали Сашу, я же изъ дружбы къ нему старалась интересоваться ими и толковать о совершившихся событіяхъ» (179).

21. Увлеченіе гусаромъ, бар. Н. А. Корфомъ, подробно описано самой Пассекъ. «Дружба Саши ко мнѣ д. того усилилась, что онъ сталъ участвовать въ моихъ сентиментальностяхъ, привитыхъ пансіономъ и чтеніемъ. Онъ взялъ себѣ половину сухихъ нарцисовъ; изъ шнурковъ съ гусарской фуражки сдѣлали мы себѣ по браслету и надѣли ихъ на руки повыше локтя; но Саша, по живости своего характера, не могъ долго оставаться подъ натянутымъ состояніемъ ложно чувствительности, что спасительно дѣйствовало и на меня» («Воспоминанія», т. I, 191).

22. «Мое дѣтство и моя молодость, долго я буду помнить ихъ, гдѣ каждая минута освѣщена твоею дружбой»—писалъ Огаревъ Герцену въ 1838 г. «Помнишь ли наше первое знакомство въ кремлевскомъ саду, когда я, дикій ребенокъ, едва рѣшался сказать тебѣ слово, и мы тутъ ходили смотрѣть древнія кольчуги въ мѣняльной лавкѣ? Помнишь ли, какъ это сближалось, сближалось и, наконецъ, стало вѣчною, неразрывною дружбой?.. И что тутъ значить Зонненбергъ? Вѣдь, это странно. Зонненбергъ былъ тутъ орудіе Провидѣнія, которое захотѣло дать двумъ человѣкамъ половину возможного счастья (другая половина—любовь)» («Русск. Мысль» 1888 г., X, 12).

23. Чтобы яснѣе видѣти, какъ относился Огаревъ къ этому періоду подъема своихъ дружескихъ чувствъ, приведу выдержки изъ его позднѣйшихъ писемъ (1837—38 и 1840 гг.) къ Герцену.

«Помнишь ли эту гору, этотъ берегъ, крутой и высокій, подъ которымъ течетъ спокойная рѣка, а за рѣкой городъ идетъ въ безпредѣльность? О! я всегда вспоминаю ее, когда я счастливъ, и теплая, сладкія слезы навертываются на глазахъ. Тамъ мы сознались въ дружбѣ, неразрывной до гроба, тамъ высказались лучшія чувства, лучшія идеи нашей юности и, быть можетъ,—дай, дай мнѣ вѣрить этому! я, какъ дитя, плачу при этой мысли,—быть можетъ, мы тамъ увидимся снова, но насъ будетъ четверо¹⁾, дружба

¹⁾ Оба друга съ своими женами.

и любовь явится въ единомъ святомъ союзѣ. Я говорю тебѣ, что теперь плачу, какъ ребенокъ, и если эти строки не вызовутъ слезъ изъ глазъ твоихъ, то ты холодный человекъ; но я знаю, я знаю, что ты будешь плакать; это такъ сладко, этотъ свѣтлый рай такъ сильно и полно тѣснится въ душу, что я задохнулся бы, если-бъ у меня не было слезъ» («Русск. Мысль» 1888, VII, 7).

«Что это былъ за дивный возрастъ! Ты не забудь его, Александръ? Грѣхъ тебѣ, если забудь: это святое время нашей дружбы! Что за дивная жизнь, разбери, пожалуйста: дружба составлена, союзъ крѣпокъ; мы чувствуемъ въ себѣ какую-то силу необыкновенную. Этимъ союзомъ мы отрицаемъ наше ребячество и, крѣпко обнявшись, кажется, говоримъ людямъ: «мы—юноши!». Какая благородная гордость въ первомъ ощущении самихъ себя! А передъ нами лежитъ будущее, безконечное—*tabula rasa* ¹⁾, мы напишемъ на ней дѣла великія. Что за чудесное время, Герценъ! Наша дружба—точка отправленія вдаль, которую мы наполнимъ своимъ существованіемъ. Иногда мнѣ кажутся смѣшны эти 15-тилѣтніе герои, но въ эту минуту я чувствую, что они были прекрасны. Я смотрю на нихъ, какъ на художественное произведение. Все наше прошедшее приходитъ мнѣ на память: и эта книга съ исписанными полями, и комната, гдѣ мы ее читали, и дверь въ комнату затворена. Тамъ, возлѣ все докучные люди толкуютъ о вздорѣ, намъ до нихъ дѣла нѣтъ. Мы полны жизнью, мы опредѣляемъ нашу будущность, мы чувствуемъ, что мы не пройдемъ въ мірѣ такимъ пошлымъ путемъ, какъ тѣ. А въ окно свѣтитъ звѣздочка... Мы ее полюбили, мы назвали ее нашею путеводною звѣздой, мы вѣримъ. Мы плачемъ отъ любви другъ къ другу, намъ такъ хорошо, мы такъ сильны... О, Герценъ, Герценъ! что это за чудесное время! Я не промѣняю настоящаго развитія на ту начинавшуюся жизнь, но со вздохомъ скажу: она была лучше! Жалко мнѣ моего прошедшаго, настоящее пусто и скучно, атмосфера, въ которой я живу, меня душитъ. Герценъ! руку, дай мнѣ руку, старый другъ мой, мой вѣрный товарищъ, благодарю за блаженство, которое мнѣ принесла твоя дружба» («Русск. Мысль» 1889, I, 4).

Интересующіеся шире этой стороной въ психологіи друзей могутъ найти подобныя же впечатлѣнія на стр. 146 кн. XI «Русск. Мысли» 1902 г.

24. Дѣлая примѣчанія къ этому стихотворенію, М. О. Гершензонъ говоритъ: «Старый домъ—домъ отца Герцена И. А. Яковлева,

¹⁾ Чистая восковая дощечка.

гдѣ прошло дѣтство Герцена,—если не ошибаемся, на углу Калошина пер. и Сивцева Вражка» (Огаревъ, «Стихотворенія», т. I, стр. 383). «Старымъ» домомъ назывался у друзей домъ въ Б. Власьевскомъ пер., первый, который купилъ Яковлевъ, и гдѣ его семья жила до 1830 г., слѣдовательно, тамъ прошло не только дѣтство, но и юность Герцена. Г. Гершензонъ слышалъ о Калошиномъ переулкѣ не точныя свѣдѣнія: второй домъ Яковлева, о которомъ Герценъ говоритъ дальше, былъ по Сивцеву Вражку, но не на углу, а противъ Калошина переулка.

25. Для иллюстраціи отношеній Яковлева къ Герцену приведу рассказъ Т. П. Пассекъ.

«Однажды у Ивана Алексѣевича обѣдалъ Милорадовичъ. Саша, держа меня за руку, по манерѣ своей ломать и коверкать все, что ни попадалось ему, сталъ вертѣть мои пальцы и, позабывшись, такъ повернулъ одинъ палецъ, что едва не вывихнулъ. Я вскрикнула отъ боли, выдернула руку и громко заплакала. Саша испугался, закричалъ и заревѣлъ вдвое громче моего. Иванъ Алексѣевичъ бросился къ Сашѣ и схватилъ его за руки, а Луиза Ивановна и Милорадовичъ—ко мнѣ. Милорадовичъ посадилъ меня къ себѣ на колѣни, осмотрѣлъ мою руку, опустилъ мнѣ руку въ воду, потомъ обернулъ мокрымъ батистовымъ платкомъ. Я успокоилась понемногу; Луиза Ивановна, видя, какъ Сенаторъ и Иванъ Алексѣевичъ торопливо хлопчуть около Саши, замѣтила имъ, что не зачѣмъ такъ заботиться о немъ, что это—его баловать, а надобно заставить просить прощенье у меня. Иванъ Алексѣевичъ возразилъ на ея слова, что Саша перепугался больше моего, а это опасно для его здоровья, и о прощеньи тутъ толковать нечего: Саша—ребенокъ, сдѣлалъ непреднамеренно» (т. I, 119).

Интересныя подробности объ Иванѣ Алексѣевичѣ сообщила М. К. Рейхель.

«Въ комнатахъ не отворялись окна; онъ страшно боялся воздуха. Лѣтомъ, когда онъ уходилъ въ третью комнату, онъ посылалъ меня отворить форточку въ фонарикѣ,—такъ называлась небольшая бесѣдка, вся въ окнахъ. Спустя короткое время, я шла затворять форточку и должна была завернуть шнурокъ означенное число разъ. Потомъ днемъ онъ ходилъ смотрѣть, такъ ли все было сдѣлано. Всѣ въ домѣ, даже и слуги, называли Ивана Алексѣевича «дег Негг», и все должно было слѣдовать его приказаніямъ... Его личность, какъ будто, пряталась подъ нѣкоторыя мелочаго и, окружая себя ими, не позволяла близко подойти къ себѣ... Первое время моего пребыванія въ Москвѣ еще случалось, что онъ надѣвалъ сюртукъ и парикъ и бралъ меня съ собою

тулять. Позднѣ же онъ два-три раза выѣзжалъ, только лѣтомъ, въ каретѣ, и подъ конецъ даже не перемѣнялъ халата... Иванъ Алексѣвичъ никогда не мѣнялъ привычекъ, даже всегда по одной и той же дорогѣ ходилъ умываться въ туалетную и точно такъ же, но уже въ другомъ направленіи, приходилъ здороваться съ нами, что заключалось въ томъ, что онъ три раза прикладывался щеками, что называлось французскимъ обычаемъ.

«Иванъ Алексѣвичъ былъ ко мнѣ снисходителенъ, даже пробовавъ со мной шутить: «а что, Маша, есть у васъ въ Сибири куры опатки?». Или старался отучить меня отъ угловатыхъ движеній, повторяя «le coude rond»¹⁾, и вообще за долгимъ молчаливымъ обѣдомъ нерѣдко заговаривалъ со мной. Луиза Ивановна ласкала меня и старалась, насколько это было ей возможно, доставлять мнѣ развлеченія. Я говорю «насколько это было ей возможно» потому, что она жила въ большой зависимости, рѣдко отлучалась, и, вслѣдствіе ея исключительнаго положенія, не могла имѣть знакомыхъ, а если какіе и были, она могла только изрѣдка посѣщать ихъ, у себя же принимать не могла, потому что старикъ этого не жаловалъ» («Отрывки изъ воспоминаній», 14—17).

Мать свою Герценъ нигдѣ не охарактеризовалъ сколько-нибудь подробно, хотя по отдѣльнымъ штрихамъ и видно, что это была необыкновенно добрая, отзывчивая женщина, терпѣвшая много отъ своего мужа, любимая прислугой и уважаемая всѣми, кто ее зналъ. Пассекъ говоритъ, что она была красивой брюнеткой, «добросердечной до безконечности» (стр. 37 т. I). М. К. Рейхель свидѣтельствуєтъ также о ея добротѣ и привѣтливости. «Луиза Ивановна принимала живое участіе въ интересахъ сына и, если сама не получила образованія, то многого наслушалась и многое читала, чтобъ быть въ состояніи понимать своего богато одареннаго Александра» (стр. 15).

26. Ко времени окончанія Герценомъ университета относится одинъ очень любопытный рассказъ Т. П. Пассекъ, прекрасно иллюстрирующій только что сказанное имъ.

«Разъ при мнѣ, во время обѣда, проходившаго во всеобщемъ молчаніи, Иванъ Алексѣвичъ былъ въ особенно язвительномъ настроеніи духа и, не находя предмета, на который приходилось бы кстатѣ излить его, покинулъ несчастнымъ, сталъ жаловаться на свою участь, недуги, беспомощность и сиротливость.

«— И вотъ,—повершилъ онъ свои жалобы, на которыя никто не отозвался ни однимъ словомъ,—вотъ, живу совсѣмъ одинокъ,

¹⁾ Круглая локоть.

а, повидимому, съ семействомъ; живеть у меня барышня съ своимъ сыномъ, воспитанникъ,—наградила имъ сестрица-княгиня..

«Александръ не далъ ему докончить этой рѣчи. Въ себя, блѣдный, онъ всталъ изъ-за стола и дрожащимъ голосомъ сказалъ:

« — Долѣ выносить вашихъ оскорбленій я не могу позволить ни себѣ, ни моей матери. При вашемъ взглядѣ на наши отношенія между нами ничего не можетъ быть общаго. Позвольте намъ сейчасъ же оставить вашъ домъ.

«Старикъ былъ пораженъ и опомнился.

« — Полно, помилуй,—заговорилъ онъ тихимъ, испуганнымъ голосомъ;—что ты? зачѣмъ? я такъ, ты понимаешь, ты знаешь меня, успокойся...

« — Вы насъ притѣсняете, оскорбляете,—говорилъ Александръ въ сильномъ волненіи;—упрекаете,—въ чемъ? чья вина?... наша, что ли? Нѣтъ, переносить эту унизительную жизнь долѣ нельзя, не должно... Боже мой!

« — Полно, оставь, успокойся... прости меня,—сказалъ старикъ прерывающимся голосомъ и зарыдалъ.

«Александръ закрылъ лицо руками.

«Всѣ, страшно встревоженные, встали изъ-за стола.

«Старикъ, охая и сгорбившись вдвое противъ обыкновеннаго, увелъ Александра къ себѣ въ кабинетъ. Спустя часть времени, Саша вышелъ изъ кабинета мрачный, разстроенный. Иванъ Алексѣвичъ смиренно лежалъ на диванѣ, голова его была обвязана батистовымъ платкомъ, намоченнымъ одеколономъ.

«Съ этого времени старикъ сдѣлался сдержаннѣе и съ Сашей сталъ обращаться съ нѣкоторымъ уваженіемъ» (т. II, 57—58).

27. Хронологически пріобрѣтеніе домовъ И. А. Яковлевымъ шло въ такой послѣдовательности:

1) № 359, нынѣ 14 № по Б. Власьевскому пер. купленъ имъ до 1835 г. у Алексѣя Петровича Румянцова, пріобрѣвшаго его въ 1821 г. у кн. П. П. Шаховскаго. Въ 1846 г. домъ перешелъ къ Егору И. Герцену, въ 1872 г. проданъ имъ Софіи Александровнѣ Львовой, а въ 1912 г. пріобрѣтенъ Семеномъ Саввичемъ Лоренцомъ.

2) № 356, нынѣ № 25/9 на углу Сивцева Вражка и М. Власьевскаго пер., съ обширнымъ мѣстомъ, двухэтажный, низъ каменный, купленъ Яковлевымъ въ 1835 году у гр. Ростопчиной, въ 1846 г. перешелъ А. И. Герцену и проданъ имъ брату; въ 1862 г. на домъ было наложено запрещеніе, потомъ снятое (Сенат. объявленія 1862 г. № 3561); въ 1874 г. проданъ Е. И.-мъ Александру Трофимовичу Скино, въ 1877 г. купленъ ротмистромъ Тереховымъ, а теперь принадлежитъ Александрѣ Іосифовнѣ Калужской.

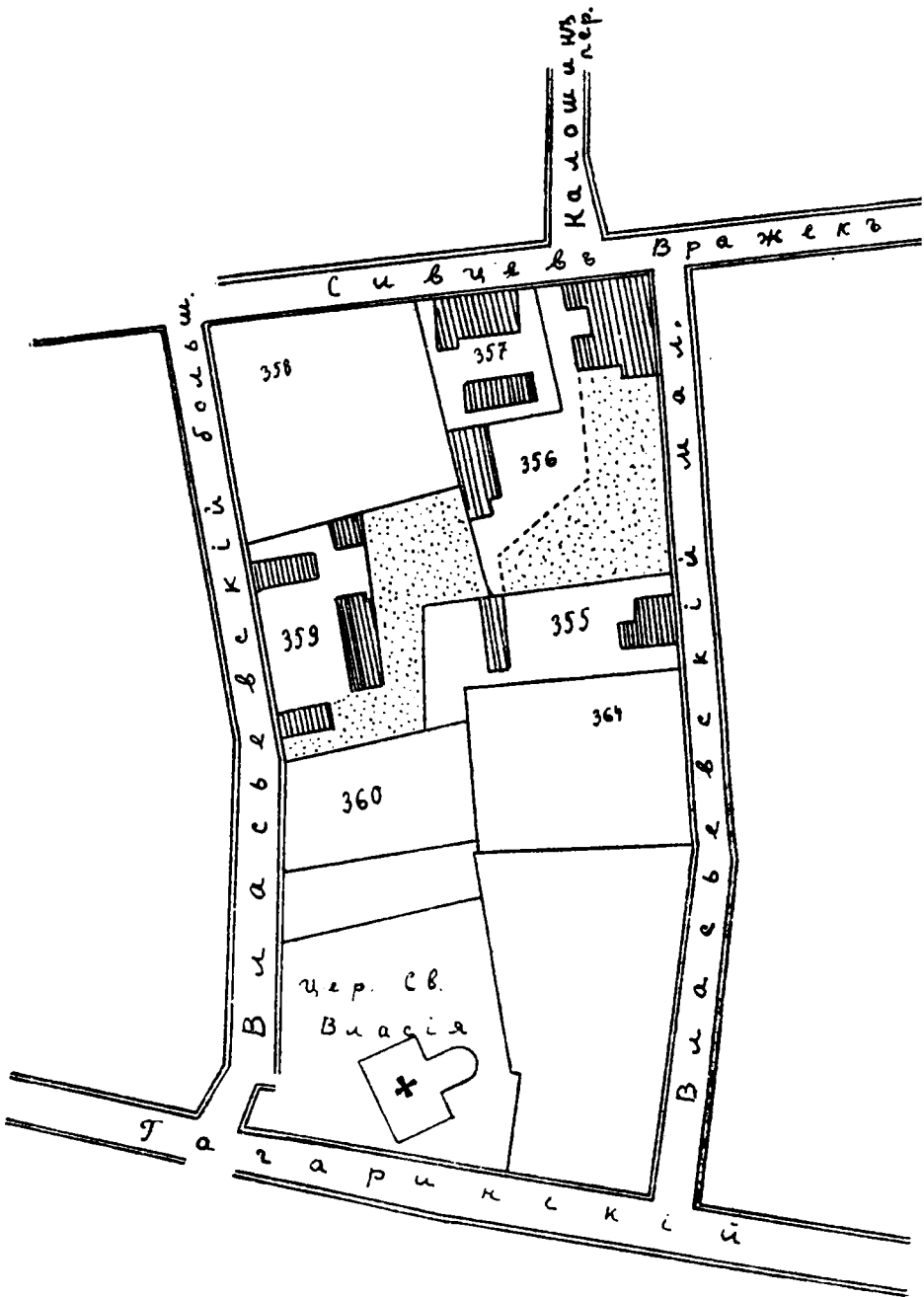
3) № 357, нынѣ № 27 по Сивцеву Вражку, купленъ Яковлевымъ въ 1839 году у ген. Тучкова, почему домъ этотъ назывался въ семьѣ «тучковскимъ»; Герцены жили въ немъ почти до смерти отца; потомъ, когда они перебрались въ № 356, гдѣ жили Луиза Ивановна съ М. К. Эрнъ, въ немъ поселился Егоръ Ив., а передъ отъѣздомъ за границу туда помѣстили П. П. Медвѣдеву съ ея дѣтьми. Купивъ этотъ домъ у матери въ 1846 г., Егоръ Ивановичъ, обладатель трехъ домовъ (№№ 359, 356 и 357), рѣшилъ ликвидировать часть владѣній, не удовлетворявшихъ его неправильнымъ начертаніемъ своихъ границъ, и продалъ въ 1863 г. № 357 Людмилѣ Петровнѣ Цвѣтковой, перепродавшей его въ 1877 г. Татьянѣ Александровнѣ Лопухиной, а въ 1912 г. домъ перешелъ къ Павлу Павловичу Замятину. Себѣ Егоръ Ив. купилъ въ 1867 г. № 355 по М. Власьевскому пер., нынѣ № 7, А. И. Вульфа.

Прилагаемый планъ относится къ 1849—52 гг. (стр. 182).

28. Луи-Антуанъ Бурьеннъ былъ лично знакомъ со Львомъ Алексѣвичемъ, вотъ почему къ его воспоминаніямъ Иванъ Алексѣвичъ былъ особенно внимателенъ. Они называются: «Mémoires sur Napoléon, le Directoire, le Consulat, l'Empire et la Restauration», вышли въ 10 томахъ въ Парижѣ, 1829 г.

29. М. О. Гершензонъ выразилъ увѣренность, что въ I главѣ своей поэмы «Радаевъ» Огаревъ «очень точно» изобразилъ И. А. Яковлева (стр. 383 т. I и 442 т. II «Стихотвореній» Н. П. О.). Позже эта категоричность была смягчена: «Повидимому, портретъ отца нарисованъ Огаревымъ въ поэмѣ «Радаевъ», но тутъ могутъ быть и черты старика Яковлева, отца Герцена» («Образы прошлого», 327). Но маломальски внимательнаго прочтенія этой главы достаточно, чтобы разсвѣять непонятное недоразумѣніе и снять съ Ивана Алексѣвича цѣлый рядъ тяжкихъ обвиненій со стороны Огарева.

Изъ службы *вынанный* когда-то,
 Но вѣрный цѣли всѣхъ трудовъ,
Копилъ онъ постоянно злато
 Въ деревнѣ, купленной съ торговъ.
 Все прочее считалъ за шалость;
Въ хозяйство видя идеалъ,
 Онъ къ мужику не вѣдалъ жалость,
Давилъ работою и дралъ.
Въ замѣну взятокъ, съ страстью новой
Онъ полюбилъ обманъ торювый,
 Любилъ процессы по судамъ
 Вести *кривой* дорогой самъ...



Ничего подобнаго изъ жизни Яковлева намъ неизвѣстно. Когда Пассекъ, относившаяся къ Яковлеву явно недоброжелательно, цитировала стихи I главы «Радаева» (см. т. II, 58—60), не говоря, откуда они, и не утверждая сказаннаго г. Гершензономъ, это не заслуживало вниманія,—иное дѣло мнѣнія сколько-нибудь серьезныхъ историковъ литературы.

30. «Объ аристократикахъ», какъ ихъ называетъ Д. Н. Свербеевъ, слушавшихъ университетскія лекціи, находимъ въ его «Запискахъ» слѣдующее:

«Отцы ли ихъ гнушались для нихъ студенчествомъ, или сами они опасались срѣзаться на экзаменахъ, но большая часть этихъ полубаричей, не дѣлаясь студентами, пользовалась слушаніемъ лекцій въ виду того, чтобы выдержать, такъ называемый, «комитетскій экзаменъ» на право производства въ чинъ VIII класса, испрошенное Сперанскимъ въ 1809 году». Въ числѣ такихъ «студентовъ» Свербеевъ называетъ Д. П. Голохвастова, поэта М. А. Дмитріева, дипломата В. П. Титова и др. (т. I, стр. 109—110).

31. См. № 14. На самомъ дѣлѣ, получивъ свидѣтельство отъ экспедиціи 20 августа, Герценъ вступилъ въ университетъ лишь 14 сентября (стр. 129 т. I). Отдѣленіе физико-математическихъ наукъ, потомъ второе отдѣленіе философскаго факультета, и было то, что теперь называется физико-метаматическимъ факультетомъ.

Т. П. Пассекъ дополняетъ рассказъ своего кузена слѣдующими подробностями, достовѣрность которыхъ ничѣмъ не подтверждается и не опровергается:

«Саша переговорилъ съ Дмитріемъ Павловичемъ (Голохвастовъ—*М. Л.*) насчетъ своего поступленія въ университетъ. Д. П. былъ согласенъ съ мнѣніемъ Саши, далъ слово урезонить дядюшку и сдержалъ его. Несмотря на то, что И. А. согласился на поступленіе Саши въ университетъ, когда мы возвратились въ Васильевское, онъ позвалъ его къ себѣ въ кабинетъ и задалъ ему жестокій нагоняй, говоря, что онъ натравилъ на него Д. П., что всѣ во всемъ ему перечатъ, и кончилъ словами: «Хотя я и не желаю, чтобы ты поступалъ въ университетъ, но такъ какъ этого желаешь ты и Митя, то принужденъ согласиться» («Воспоминанія», I, 281).

«Замѣчательнень былъ отпускъ Саши на первую лекцію. К. И. Зонненбергу поручалось сопровождать его. Передъ отпускомъ И. А. давалъ Зонненбергу инструкцію, какъ бережно доставить Шушку въ школу и обратно домой; предписывалось лично присутствовать на лекціи, смотрѣть, чтобъ Шушка, уѣзжая изъ школы, садясь въ санки (?), былъ закутанъ, а то, де, онъ, пожалуй, думая, что теперь студентъ,—шапку на бекрень, шубу (?) на одно плечо... Саша торо-

пился уѣхать, глаза его горѣли радостью освобождающагося плѣнника, и вмѣстѣ съ тѣмъ выходилъ изъ себя съ досады на распоряженія, которыя дѣлались относительно его... Зонненбергъ сопровождалъ Сашу въ школу и присутствовалъ на лекціяхъ въ качествѣ ментора около трехъ мѣсяцевъ» (тамъ же, 283—284).

32. Въ автобіографіи Огарева находимъ по этому поводу еще слѣдующія указанія: учитель математики Волковъ, «преподавая намъ ариѳметику отъ начала и до геометріи, въ то же время общалъ намъ и направленіе декабристовъ. Мы тотчасъ же стали ему сочувствовать». Учителемъ французскаго языка у Огарева былъ Кюри, воспитатель декабриста Васильчикова.

Вспоминая это время, Огаревъ такъ описываетъ свое тогдашнее состояніе:

...Я помню, помню тѣ года,
Я счастливъ былъ и скорбію, и вѣрой.
И помысломъ, растущимъ каждый день,
И чувствомъ, каждый день кипѣвшимъ жаромъ.
И все тогда влекло меня впередъ—
И жажда знать законы общей жизни,
Судьбы великія людскаго рода,
Въ которыя не вѣрю я теперь,
И двигала меня еще живая память
О пятерыхъ¹⁾.
По ихъ слѣдамъ слагалась жизнь моя,
Я призванъ былъ работать для свободы
И побѣдить иль величаво пасть..

(«Рус. Мысль» 1904, VIII, 9).

33. Богучарскій, со словъ... Грибоѣдова, называлъ «химика» Федоромъ, а домъ его указывалъ на Тверской улицѣ («А. И. Герценъ», 21—22). То и другое, конечно, невѣрно.

34. Одинъ изъ слушателей Малова рассказываетъ, какъ однажды на просьбу одного студента-нѣмца позволить ему отвѣтить лекцію по-нѣмецки, профессоръ далъ согласіе, сказавъ: «Извольте, съ моимъ удовольствіемъ, мнѣ все равно». Отвѣтъ нѣмца состоялъ изъ сплошной ругани по адресу Малова, который, между тѣмъ, повторялъ: «ja; sehr gut; sehr gut»... (Да, очень хорошо, очень хорошо).

Вся исторія произошла 16 марта 1831 г., начавшись благодаря дерзости Малова, назвавшаго шумѣвшихъ студентовъ мальчишками, по одной версіи (Я. Костенецкій, «Рус. Архивъ» 1887, кн. III), и одного студента свиньей—по другой, гораздо болѣе до-

¹⁾ Повѣшенныхъ, — вѣроятно.

стовѣрной (архивъ III Отд. С. Е. И. В. канцеляріи 1 эксп. 1831 г., дѣло № 209). Какъ бы то ни было, рѣшено было проучить на этотъ разъ профессора, какъ слѣдуетъ. Костенецкій взялъ на себя организацію «бенефиса»; присутствовавшіе должны были, по соглашенію, за пять минутъ до конца лекціи начать шаркать по полу ногами и не переставать до тѣхъ поръ, пока Маловъ не выйдетъ изъ аудиторіи. На дѣлѣ все прошло, какъ рассказываетъ Герценъ. Въ тотъ же день и въ ближайшіе за нимъ руководители «бенефиса» собирались у одного изъ товарищей для обсуждения дальнѣйшихъ послѣдствій. Герценъ былъ тоже.

Между тѣмъ, въ III Отдѣленіе поступилъ анонимный доносъ, въ которомъ сообщалось о двухъ фактахъ: о томъ, какъ студенты отказались ѣсть тухлую говядину и прогнившіе соленые огурцы, и о «маловской исторіи». Доноситель писалъ: «политическое отдѣленіе адъюнктъ профессоръ Маловъ на лекціи своей назвалъ одного студента *свинбею*; таковою дерзостью все студенты были до того раздражены, что начали свистать, шаркать ногами, шуметь и потомъ безъ окончанія лекціи вышли изъ аудиторіи вонъ». Одновременно было перлюстрировано нѣмецкое письмо проф. Х. И. Лодера къ пастору Розенштрауху въ Харьковъ, гдѣ, между прочимъ, говорилось: «нѣсколько дней тому назадъ былъ нѣкоторый родъ возмущенія многихъ университетскихъ студентовъ противъ проф. правъ Малова, человѣка безо всякихъ свѣдѣній и грубаго обращенія». Бенкендорфъ запросилъ у попечителя кн. С. М. Голицына объясненія по этому дѣлу и вскорѣ получилъ отвѣтъ, что виновать Маловъ, и ему уже предложено подать въ отставку черезъ два мѣсяца. При этомъ «просвѣщенный» князь писалъ: «Если государь согласится имѣть въ университетѣ вмѣсто выборнаго ректора директора изъ постороннихъ чиновниковъ моего выбора, то я смѣло могу ручаться, что университетъ московскій въ скоромъ времени пріобрѣтетъ должную степень совершенства». Для убѣдительности Голицынъ приложилъ и особую по этому предмету докладную записку.

Упоминаемая Герценомъ княгиня, должно быть, — княгиня Оболенская, потому что въ томъ же «дѣлѣ» есть письмо кн. Ал. П. Оболенскаго къ Бенкендорфу, гдѣ онъ, признавая, что сынъ его наказанъ справедливо, спрашиваетъ, однако, что его ожидаетъ. Шефъ жандармовъ успокоилъ отца, что такъ какъ свѣдѣній объ арестѣ его сына въ III Отдѣленіи нѣтъ, то значитъ, все дѣло кончено безъ гласности и не грозитъ осложнениями. Указанный Герценомъ кн. Андрей Оболенскій, дѣйствительно, ушелъ изъ университета, не закончивъ курса.

Доноса Маловъ не дѣлалъ. П. В. Анненковъ разсказалъ, какъ Н. П. Огаревъ былъ высланъ изъ Москвы за маловскую исторію («Анненковъ и его друзья», стр. 111), но это—одна изъ ошибокъ, которыхъ такъ много у Анненкова. Огаревъ не былъ тогда еще въ университетѣ, поступивъ послѣ 25 января 1832 года,—дата его прошенія о допущеніи къ слушанію лекцій («Рус. Стар.» 1908, III, 586). Н. Сатинъ говоритъ, что Лермонтовъ прямо по вступленіи въ университетъ тотчасъ наткнулся на «маловскую исторію» и былъ за участіе въ ней исключенъ («Починъ» на 1895 г., 238), но и это—недоразумѣніе: Лермонтовъ вступилъ въ университетъ осенью 1830 года и покинулъ его по другой причинѣ.

35. Т. П. Пассекъ разсказываетъ, что при извѣстіи объ арестѣ Герцена отцомъ были приняты энергичныя мѣры. «Отправлены были записки къ Сенатору и Д. П. Голохвастову съ приглашеніемъ немедленно прѣхать. По прибытіи ихъ составилъ родственныи совѣтъ, что предпринять для скорѣйшаго освобожденія изъ подвала, вѣроятно, сырого и нечистаго, слабаго здоровьемъ Шушки. Рѣшено было, чтобы Сенаторъ и Дмитрій Павловичъ обратились къ вліятельнымъ лицамъ и объяснили, какъ это событіе разстроило стараго немощнаго отца Саши, и что недѣля въ подвалѣ на хлѣбѣ и водѣ должна сильно повредить слабому здоровью молодого чело-вѣка. Ходатайство было успѣшно,—приказано было Сашу освободить послѣ трехдневнаго заключенія» (т. I стр. 290—291).

Въ разсказѣ Герцена и Пассекъ есть противорѣчіе съ документами. 24 марта кн. С. М. Голицынъ предписалъ ректору: «зачинщиковъ» маловской исторіи, кн. Оболенскаго, Арапетова, Розенгейма, Орлова и Каменскаго, посадить подъ арестъ на 4 дня на хлѣбъ и воду; еслибы оказалось, что виноватыхъ больше, то и всѣхъ остальныхъ подвергнуть такому же наказанію («Рус. Архивъ» 1901, II). Съ другой стороны, Герценъ былъ арестованъ не самымъ первымъ, а, по его разсказу, всѣхъ пострадавшихъ было шесть. Такимъ образомъ совершенно неясно, во-первыхъ, почему арестъ, могъ продолжаться свыше 4 сутокъ, съ другой,—ради кого Герценъ остался досиживать. Указаніе Пассекъ на сокращеніе ареста до 3 сутокъ, конечно,—вздоръ.

36. По этому поводу мнѣ не удалось найти какихъ-либо документальныхъ данныхъ. Въ отчетѣ за 1832—33 акад. годъ находимъ только слѣдующія общія восклицанія пресмыкавшагося передъ Уваровымъ университетскаго лѣтописца: «Его Превосходительство, сколько по возложенной обязанности, столько же и по любви къ наукамъ удостоилъ многократнымъ посѣщеніемъ публичныя занятія наши съ любознательнымъ юношествомъ, руководствовалъ пре-

подавателей, назидаль учащихся. Одобряемые благоснисходительною его привѣтливостью лучшіе изъ студентовъ нашихъ, иногда по первому вызову, почти безъ приготовленія, читали съ кафедры полныя лекція о предметахъ, которые извѣстны были имъ изъ лекцій профессорскихъ» («Рѣчи, произнесенныя на торжественномъ собраніи И. Москов. унив. іюля 6 дня 1833 г.», стр. 73).

37. Первое «слово» сказано было Филаретомъ 18 сентября 1830 года; никакой разсылки по церквамъ поправки не было; но, въ виду циркулировавшихъ по Москвѣ сплетень и слуховъ, Филаретъ поправился въ словѣ, произнесенномъ Николаю 29 сентября (см. Барсуковъ, «Жизнь и труды М. П. Погодина», III, 199—212). Вѣренъ ли рассказъ о нахлобучкѣ черезъ кн. Волконскаго, сказать трудно: въ литературѣ о немъ ничего встрѣчать не приходилось.

38. Стипендіатъ Войска Донского, Фицхеллауровъ, послѣ прекращенія холеры въ Москвѣ, за борьбу съ которой, въ числѣ другихъ, былъ «удостоенъ высочайшаго благоволенія и денежнаго награжденія», все-таки, поѣхалъ домой. «Отпущенный на вакаціонное время и проѣзжавшій черезъ Воронежъ, по добровольному своему вызову, употребленъ былъ для пользованія страждущихъ холерою и усердіемъ своимъ, дѣятельностью и трудами заслужилъ лестный отзывъ отъ мѣстнаго начальства; за сіе Е. И. В. всемилостивѣйше повелѣлъ выдать 500 руб.» («Рѣчи, произнесенныя на торжественномъ собраніи И. Моск. университета 1831 года», М., 1831).

39. Вотъ что писалъ Гейне изъ Гельголанда: «Лафайетъ, трехцвѣтное знамя, марсельеза... Кончилась моя жажда покоя. Теперь я снова знаю, чего я хочу, что долженъ, что обязанъ дѣлать... Я—сынъ революціи и снова беру въ руки замороженное оружіе, надъ которымъ моя мать произнесла свое, полное чаръ, благословеніе... Цвѣтовъ! цвѣтовъ! Я увѣнчаю ими свою голову для битвы не на жизнь, а на смерть! И лиру, дайте мнѣ лиру, чтобы я спѣлъ боевую пѣсню... Слова, подобныя пламеннымъ звѣздамъ, которыя падаютъ съ небесной высоты, сожигаютъ дворцы и освѣщаютъ хижины... Слова, подобныя блестящимъ метательнымъ копьямъ, которыя взлетаютъ въ седьмое небо и поражаютъ набожныхъ лицемѣровъ, прокравашихся туда въ святую святыхъ... Я весь—радость и пѣснопѣніе, весь мечъ и пламя!»

40. Яковъ Ивановичъ Костенецкій, Юлій Павловичъ Кольрейфъ, Платонъ Александровичъ Антоновичъ—участники «тайнаго общества» Николая Петровича Сунгурова; громадное дѣло о нихъ было списано мною въ архивѣ III Отдѣленія С. Е. И. В. канцеляріи, предоставлено для обработки родственнику моему Б. М. Эй-

хенбауму и опубликовано имъ въ III и V кн. «Завѣтовъ» 1913 года. Я не буду останавливаться на этомъ дѣлѣ, а лишь укажу тѣ неточности, которыя допустилъ Герценъ въ своемъ разсказѣ, оговариваясь, что, конечно, въ «дѣлѣ» вовсе не имѣется нѣкоторыхъ указаній.

Названные три студента были арестованы съ другими лицами 20 и 21 июня 1831 года. По приговору генераль-аудиторіата, конфирмованному Николаемъ 6 февраля 1833 г., Сунгуровъ былъ приговоренъ къ ссылкѣ въ Сибирь въ каторжную работу съ лишеніемъ чиновъ и дворянства, Костенецкій, Антоновичъ и Кольрейфъ—записаны рядовыми съ лишеніемъ первыхъ двоихъ дворянскаго достоинства, а третьяго—присвоенныхъ ему по происхожденію правъ.

41. Свадьба происходила 11 ноября 1832 г. Шаферами были: у Кучиной—Герценъ, Сатинъ и А. Н. Савичъ, у Пассека—Кетчеръ, Огаревъ и офицеръ Константинъ Бахтуринъ.

«Когда я была одѣта наполовину,—разсказываетъ Пассекъ,—въ уборную позвали Сашу. Въ качествѣ брата, онъ долженъ былъ надѣть мнѣ на ногу башмакъ. Саша боялся всякаго *mise en scène* и блѣднѣлъ отъ робости. Я сидѣла въ креслѣ. Онъ опустился передо мной на одно колѣно и взялъ мою полуобутую ногу. Руки его дрожали, на глазахъ у него навертывались слезы. Мы взглянули другъ на друга, этимъ взоромъ повторилось наше дѣтство, наша ранняя юность, и мы съ благодарностью простились съ ними... «Что же вы, Александръ Ивановичъ? Обувайте скорѣе сестрицу»,—сказалъ кто-то изъ присутствовавшихъ. Саша поспѣшно взялъ башмакъ, наклонился, и я почувствовала, какъ горячая слеза капнула мнѣ на ногу, и легкой поцѣлуй обжегъ ее» (т. I, 398).

42. Къ сказанному Герценомъ о первомъ крещеніи его друзей добавлю извѣстное мнѣ изъ «дѣла» № 150 1 экспед. 1833 г. архива III Отдѣленія С. Е. И. В. канцеляріи.

19 июня 1833 г. начальникъ 2 округа корпуса жандармовъ генераль-лейтенантъ Лесовскій секретно донесъ московскому генераль-губернатору, что къ нему поступили письма Платона Антоновича къ чиновнику Громовскому и Костенецкаго къ студенту Почекѣ, изъ которыхъ видно, что эти лица, достойно правительствомъ наказанныя за свою дѣятельность, продолжаютъ поддерживать сношенія съ прежними своими пріятелями. Онъ, Лесовскій, навелъ всѣ необходимыя справки, которыя и спѣшилъ донести по начальству. Далѣе идетъ объясненіе именъ и инициаловъ, употребленныхъ въ письмахъ, изъ которыхъ я приведу только то, что должно быть интереснымъ для читателей настоящаго изданія.

«Nicolas есть чиновникъ, служащій въ Московскомъ Архивѣ иностранныхъ дѣлъ, Николай Огаревъ, сынъ дѣйств. стат. совѣтника и значительнаго помѣщика Пензенской губ., куда съ мѣсяць тому назадъ поѣхалъ и Николай Огаревъ. Онъ учился прежде въ университетѣ, а по окончаніи курса, года два предъ симъ, выпущенъ дѣйствительнымъ студентомъ—и по ходатайству родственника его, сенатора Огарева, опредѣленъ въ означенный Архивъ, прежде сверхъ комплекта, а потомъ помѣщенъ на вакансію переводчика, но какъ сынъ богатаго отца служить безъ жалованья и дѣломъ занимается мало. Сказываютъ, что въ бытность въ университетѣ, онъ отъ отца былъ порученъ смотрѣнію какой-то довѣренной особы, и потому велъ себя съ приличіемъ; равно и теперь ни въ чемъ предосудительномъ незамѣчается и кругъ знакомства имѣеть хорошій»¹⁾.

«Станкевичъ, Николай, студентъ московскаго университета, сынъ воронежскаго помѣщика отставнаго поручика, отличается превосходными успѣхами по всѣмъ предметамъ проходимыхъ имъ наукъ, скромный и ни въ дурномъ поведеніи, ни въ какихъ-либо предосудительныхъ поступкахъ и намѣреніяхъ замѣченъ не былъ».

«Сатинъ, Николай, студентъ московскаго университета, сынъ тамбовскаго помѣщика, отставнаго маіора, хотя успѣхами въ наукахъ равняются съ прочими не можетъ, но такъ же ни въ какихъ предосудительныхъ поступкахъ не обращался и въ образѣ мыслей его ничего особеннаго замѣчено не было».

«Кетчеръ, Николай Христофоровичъ, московскій уѣздный лекарь, учился въ медикохирургической академіи и настоящее мѣсто получилъ по хадатайству многихъ почтенныхъ особъ, уважавшихъ умершаго отца его, извѣстнаго казеннаго инструментальнаго мастера при главной аптекѣ. Отзывы объ немъ столь хороши, что кажутся пристрастными; поведенія скромнаго и трезваго, по службѣ примѣрно усерденъ, и за содѣйствіе къ прекращенію холеры въ Владимірской и Курской губерніяхъ удостоился получить монаршее благоволеніе; а честность и безпристрастіе до того выхваляютъ, что ихъ можно назвать странными. Но среди непрерывныхъ почти занятій по уѣзду, онъ имѣеть еще страсть къ переводамъ нѣмецкихъ книгъ и преимущественно сочиненій Шиллера, изъ коихъ и перевелъ: «Разбойниковъ», «Заговоръ Фіеско» и другія»²⁾.

¹⁾ Все, что касается университета, агентъ Лесовскаго напуталъ: Огаревъ поступилъ туда въ 1832 году, а въ архивъ опредѣленъ на двѣ недѣли раньше.

²⁾ Въ письмѣ Костенецкаго упоминались еще Иванъ Оболенскій и Яннуарій Невѣровъ, — другъ Т. Н. Грановскаго, потомъ занимавшій видное мѣсто по министерству народнаго просвѣщенія.

Московскій генераль-губернаторъ довелъ обо всемъ этомъ до свѣдѣнія шефа жандармовъ, послѣдній представилъ дѣло Николаю I и получилъ извѣщеніе отъ военнаго министра кн. А. Чернышева, что, хотя, по рапорту Лесовскаго, поведеніе всѣхъ лицъ, упоминаемыхъ въ письмахъ, вполне одобряется, но «его императорское величество, находя такое сношеніе ихъ съ государственнымъ преступникомъ крайне предосудительнымъ, а по откровенности, съ коею Костенецкій объясняетъ имъ свои преступныя мѣры и вредныя замыслы, заключаая, что лица сіи болѣе или менѣе должны быть знакомы съ оними, высочайше повелѣтъ соизволилъ, чтобы ваше сіятельство предписали генераль-лейтенанту Лесовскому, дабы онъ призвавъ къ себѣ означенныхъ лицъ, поставилъ имъ на видъ такое замѣчаніе его величества и внушилъ имъ, что для огражденія себя отъ справедливаго нареканія и непріятныхъ послѣдствій, они должны рѣшительно прекратить всякія сношенія съ Костенецкимъ и прочими его соучастниками; за поведеніемъ же сихъ лицъ учредить строгій надзоръ, предваривъ секретно обо всемъ и начальства, въ вѣдомствѣ коихъ лица сіи нынѣ состоятъ».

Лесовскій исполнилъ высочайшую волю и, по мѣрѣ прибытія изъ имѣній и съ дачъ названныхъ лицъ, приглашалъ ихъ, дѣлалъ соотвѣтствующее внушеніе и отбиралъ соотвѣтствующія подписки. Такъ, Кетчеру и Оболенскому все было сообщено въ серединѣ іюля, Огареву, Станкевичу и Сатину—21 сентября. Лесовскій сообщилъ Бенкендорфу, что всѣ они произвели на него очень хорошее впечатлѣніе: «они совершенно невинны, очень скромны и образованные люди». Кетчеръ былъ подъ строгимъ надзоромъ до 1844 г., а, можетъ быть, и дольше; эта дата видна изъ запроса Л. Перовскаго, сдѣланнаго гр. Орлову 16 іюня 1844 г., отвѣтъ на который въ дѣлѣ отсутствуетъ; съ Невѣрова надзоръ былъ снятъ, по особому ходатайству Уварова, въ ноябрѣ 1846 г.

Костенецкій былъ прощенъ и умеръ въ своемъ имѣніи въ 1885 г., Антоновичъ былъ впослѣдствіи одесскимъ градоначальникомъ, бессарабскимъ военнымъ губернаторомъ и, наконецъ (при гр. Д. А. Толстомъ), попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа; Кольрейфъ былъ прощенъ въ 1842 г. по болѣзни и кончилъ службу въ канцеляріи московскаго генераль-губернатора.

Сунгуровъ 26 апрѣля 1833 г. вмѣстѣ съ плѣннымъ поваромъ Розенштейномъ бѣжалъ съ этапа на Воробьевыхъ горахъ, не безъ содѣйствія конвойнаго прапорщика Одигера. На слѣдующій день они были пойманы въ 16 верстахъ отъ Москвы; Сунгуровъ перерѣзалъ себѣ бритвой горло, но остался живъ. 1 декабря 1833 г.

московская уголовная палата приговорила его къ наказанію плетьюми при полиціи.

Кстати, приведу нѣкоторыя данныя о службѣ Кетчера, назначенаго во всѣхъ формулярныхъ спискахъ, вмѣсто Христофоровича, «Яковлевичемъ». Родился въ 1806—1807 г. (въ списокѣ отъ 1846 г. указано «39 лѣтъ»); курсъ московскаго отдѣленія медико-хирургической академіи окончилъ въ 1828 г. съ званіемъ лѣкаря; въ 1830 г. опредѣленъ въ штатъ московской полиціи частнымъ лѣкаремъ, сверхъ комплекта, безъ содержанія; въ 1831 г. былъ командированъ въ Суздаль Владимірской губ. для борьбы съ холерой, а послѣ— въ Курскъ; «обязанности врача исполнялъ съ отмѣннымъ усердіемъ при неусыпномъ попеченіи»; вернулся въ Москву въ сентябрѣ 1831 г.; въ слѣдующемъ году опредѣленъ московскимъ уѣзднымъ врачомъ; въ январѣ 1836 г. по разсмотрѣніи представленнаго имъ въ московское отдѣленіе медико-хирургической академіи медико-топографическаго описанія Московскаго уѣзда и по выдержаніи словеснаго экзамена, удостоенъ званія штабъ-лѣкаря; въ 1837 г. произведенъ за выслугу въ титулярные совѣтники; въ іюнѣ 1843 г. «во вниманіе къ ревностной службѣ» помѣщенъ на вакансію старшаго врача Московской губ. и тогда же причисленъ къ медицинскому департаменту; въ 1844 г. произведенъ въ коллежскіе асессоры, въ сентябрѣ 1846 г. перемѣщенъ на вакансію члена медицинской конторы; въ 1848 г. произведенъ въ надворные совѣтники (архивъ мин. вн. дѣлъ, формул. списки №№ 343 и 1209).

44. По физико-математическому факультету кандидатами окончили курсъ только четверо,—четвертымъ былъ Герценъ.

Кстати, хронологическая справка. Окончили курсъ московскаго университета: въ 1831 г.—Николай Астраковъ—кандидатомъ физико-математ. факультета; въ 1832 г.—Мих. Носковъ—кандид. физико-матем. ф., Яннуарій Невѣровъ—канд. словеснаго факул.; въ 1833 г.—Иванъ Оболенскій—дѣйств. студ. словеснаго фак.; въ 1834 г.—Иванъ Оболенскій (получилъ степень кандидата), Николай Станкевичъ—канд. нравственно-политич. фак., Егоръ Машковцевъ, Николай Киндяковъ и Иванъ А. Гончаровъ—д. студ. словеснаго фак.; въ 1835 г.—Николай Сазоновъ—канд. физико-матем. фак. съ золотой медалью.

45. Въ 1840 г. Огаревъ, вспоминая это время, писалъ Герцену: «Первая идея, которая запала въ нашу голову, когда мы были ребятами, это—соціализмъ. Сперва мы наше я примѣнили къ нему, потомъ его прилѣпили къ нашему я, и главною цѣлью сдѣлалось: мы создадимъ соціализмъ. Не отрекайся, это—правда. Чувствуешь ли ты, что въ этомъ много уродливости, что тутъ эгоизмъ,

хорошо замаскированный, но тотъ же эгоизмъ?» («Рус. Мысль» 1889, I, 7).

46. Герценъ смѣшалъ нѣкоторыя событія военной жизни Полежаева. За отлучку изъ полка для подачи просьбы государю поэтъ былъ лишень личнаго дворянства и разжалованъ въ рядовые. Затѣмъ за грубость въ нетрезвомъ видѣ по адресу фельдфебеля Полежаевъ былъ вторично подъ судомъ и, закованный въ кандалы, сидѣлъ около года въ Спасскихъ казармахъ. Тогда ему и пришла мысль о самоубійствѣ. 2 января 1829 г. онъ былъ переведенъ въ Московскій пѣх. полкъ, расположенный въ томъ же округѣ. Съ полкомъ онъ попалъ на Кавказъ, откуда съ полкомъ же и вернулся лѣтомъ 1833 г., а въ сентябрѣ былъ переведенъ въ Тарутинскій полкъ той же дивизіи. Въ 1831 г. за отличіе въ бою былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры. Производство въ офицеры произошло 27 декабря 1837, но сообщеніе о немъ не застало уже поэта живымъ («Рус. біографич. словарь», статья Ф. Витберга).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Тюрьма и ссылка.

(1834—1838)

ГЛАВА VIII.

Пророчество. — Арестъ Огарева. — Пожаръ. — Московскій либераль. — М. Ѳ. Орловъ. — Кладбище.

...Разъ весною 1834 года пришелъ я утромъ къ Вадиму; ни его не было дома, ни его братьевъ и сестеръ. Я вошелъ наверхъ въ небольшую комнату его и сѣлъ писать.

Дверь тихо отворилась, и вошла старушка, мать Вадима; шаги ея были едва слышны, она подошла устало, болѣзненно къ кресламъ и сказала мнѣ, садясь въ нихъ: «Пишите, пишите,—я пришла взглянуть, не воротился ли Вадя; дѣти пошли гулять, внизу такая пустота, мнѣ сдѣлалось грустно и страшно; я посижу здѣсь; я вамъ не мѣшаю, дѣлайте свое дѣло».

Лицо ея было задумчиво, въ немъ яснѣе обыкновеннаго виднѣлся отблескъ вынесеннаго въ прошедшемъ и та подозрительная робость къ будущему, то недовѣріе къ жизни, которое всегда остается послѣ большихъ, долгихъ и многочисленныхъ бѣдствій.

Мы разговорились. Она рассказывала что-то о Сибири. «Много, много пришлось мнѣ перестрадать, что-то еще придется увидѣть,—прибавила она, качая головой;—хорошаго ничего не чувствуетъ сердце».

Я вспомнилъ, какъ старушка, иной разъ слушая наши смѣлые рассказы и демагогическіе разговоры, становилась блѣднѣе, тихо вздыхала, уходила въ другую комнату и долго не говорила ни слова.

«Вы,—продолжала она,—и ваши друзья, вы идете вѣрной дорогой къ гибели. Погубите вы Вадю, себя и всѣхъ; я, вѣдь, и васъ люблю, какъ сына». Слеза катилась по исхудалой щекѣ.

Я молчалъ. Она взяла мою руку и, стараясь улыбнуться, при-

бавила: «Не сердитесь, у меня нервы разстроены; я все понимаю; идите вашей дорогой: для васъ нѣтъ другой, а если-бъ была, вы всѣ были бы не тѣ. Я знаю это, но не могу пересилить страха; я такъ много перенесла несчастій, что на новыя недостаеъ силъ. Смотрите, вы ни слова не говорите Вадѣ объ этомъ; онъ огорчится, будетъ меня уговаривать... Вотъ онъ»,—прибавила старушка, поспѣшно утирая слезы и прося еще разъ взглядомъ, чтобъ я молчалъ.

Бѣдная мать! Святая, великая женщина!

Это стоитъ корнелевскаго «qu'il thought!»¹⁾

Пророчество ея скоро сбылось; по счастью, на этотъ разъ гроза пронеслась надъ головой ея семьи, но много набралась бѣдная горя и страху.

...— *Какъ взяли?*—спрашивалъ я, вскочивъ съ постели и щупая голову, чтобъ знать, сплю я или нѣтъ.

— Полицмейстеръ пріѣзжалъ ночью съ квартальнымъ и казаками, часа череъ два послѣ того, какъ вы ушли отъ насъ, забралъ бумаги и увезъ Н. П.

Это былъ камердинеръ Огарева. Я не могъ понять, какой поводъ выдумала полиція,—въ послѣднее время все было тихо. Огаревъ только за день пріѣхалъ... И отчего же его взяли, а меня нѣтъ? ¹

Сложя руки нельзя было оставаться, я одѣлся и вышелъ изъ дому безъ опредѣленной цѣли. Это было первое несчастіе, падавшее на мою голову. Мнѣ было скверно, меня мучило мое безсиліе.

Бродя по улицамъ, мнѣ, наконецъ, пришелъ въ голову одинъ пріятель, котораго общественное положеніе ставило въ возможность узнать, въ чемъ дѣло, а можетъ, и помочь. Онъ жилъ страшно далеко: на дачѣ за Воронцовскимъ полемъ; я сѣлъ на перваго извозчика и поскакалъ къ нему. Это былъ часъ седьмой утра.

Года за полтора передъ тѣмъ познакомились мы съ В.; это былъ своего рода левъ въ Москвѣ. Онъ воспитывался въ Парижѣ, былъ богатъ, уменъ, образованъ, остеръ, вольнодумъ, сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости по дѣлу 14 декабря и былъ въ числѣ выпущенныхъ; ссылки онъ не испыталъ, но слава осталась при немъ. Онъ служилъ и имѣлъ большую силу у генераль-губернатора. Князь Голицынъ любилъ людей съ свободнымъ образомъ мыслей, особенно, если они его хорошо выражали по-французски: въ русскомъ языкѣ князь былъ не силенъ. ²

В. былъ лѣтъ десять старше насъ и удивлялъ насъ своими практическими замѣтками, своимъ знаніемъ политическихъ дѣлъ, своимъ

¹⁾ Пусть онъ умретъ!

французскимъ краснорѣчіемъ и горячностью своего либерализма. Онъ зналъ такъ много и такъ подробно, рассказывалъ такъ мило и такъ плавно; мнѣнія его были такъ твердо очерчены, на все былъ отвѣтъ, совѣтъ, разрѣшеніе. Читалъ онъ все: новые романы, трактаты, журналы, стихи и, сверхъ того, сильно занимался зоологіей, писалъ проекты для князя и составлялъ планы для дѣтскихъ книгъ.

Либерализмъ его былъ чистѣйшій трехцвѣтной воды, лѣваго бока между Могеномъ ¹⁾ и генераломъ Ламаркомъ ²⁾.

Его кабинетъ былъ увѣшанъ портретами всѣхъ революціонныхъ знаменитостей, отъ Гемпдена ³⁾ и Бальи ⁴⁾ до Фіески ⁵⁾ и Арманъ Кареля ⁶⁾. Цѣлая бібліотека запрещенныхъ книгъ находилась подъ этимъ революціоннымъ иконостасомъ. Скелеть, нѣсколько набитыхъ птицъ, сушеныхъ амфибій и моченыхъ внутренностей набрасывали серьезный колоритъ думы и созерцанія на слишкомъ горький характеръ кабинета.

Мы съ завистью посматривали на его опытность и знаніе людей; его тонкая ироническая манера возражать имѣла на насъ большое вліяніе. Мы на него смотрѣли, какъ на *дѣлового* революціонера, какъ на государственнаго человѣка *in spe* ⁷⁾.

Я не засталъ В. дома. Онъ съ вечера уѣхалъ въ городъ для свиданія съ княземъ; его камердинеръ сказалъ, что онъ непременно будетъ часа черезъ полтора домой. Я остался ждать.

Дача, занимаемая В., была превосходна. Кабинетъ, въ которомъ я дожидался, былъ обширенъ, высокъ и *au rez-de-chaussée* ⁸⁾; огромная дверь вела на террасу и въ садъ. День былъ жаркій, изъ сада пахло деревьями и цвѣтами, дѣти играли передъ домомъ, звонко смѣясь. Богатство, довольство, просторъ, солнце и тѣнь, цвѣты и зелень... А въ тюрьмѣ-то узко, душно, темно... Не знаю, долго ли я сидѣлъ, погруженный въ горькія мысли, какъ вдругъ камердинеръ съ какимъ-то страннымъ одушевленіемъ позвалъ меня съ террасы.

¹⁾ Либеральный французскій депутатъ 30-хъ годовъ.

²⁾ Максимилианъ, французскій генералъ, членъ оппозиціонной партіи палаты.

³⁾ Джонъ, поднялъ вооруженное возстаніе противъ Карла I.

⁴⁾ Жанъ-Сильвенъ, президентъ національнаго собранія въ великую революцію.

⁵⁾ Жозефъ, покушавшійся на жизнь Луи-Филиппа.

⁶⁾ Республиканскій публицистъ и историкъ.

⁷⁾ Въ будущемъ.

⁸⁾ Въ нижнемъ этажѣ.

— Что такое?—спросилъ я.

— Да пожалуйста сюда, взгляните.

Я вышелъ, не желая его обидѣть, на террасу—и обомлѣлъ. Цѣлый полукругъ домовъ пылалъ, точно будто всѣ они загорѣлись въ одно время. Пожаръ разростался съ невѣроятной скоростью.

Я остался на террасѣ. Камердинеръ смотрѣлъ съ какимъ-то нервнымъ удовольствіемъ на пожаръ, приговаривая: «славно забираетъ, вотъ и этотъ домъ направо загорится, непременно загорится».

Пожаръ имѣетъ въ себѣ что-то революціонное: онъ смѣется надъ собственностью, нивелируетъ состоянія. Камердинеръ инстинктомъ понялъ это.

Черезъ полчаса времени четверть небосклона покрылась дымомъ, краснымъ внизу и сѣро-чернымъ сверху. Въ этотъ день выгорѣло Лефортово. Это было начало тѣхъ зажигательствъ, которыя продолжались мѣсяцевъ пять; объ нихъ мы еще будемъ говорить.

Наконецъ, пріѣхалъ и В. Онъ былъ въ ударѣ, милъ, пріятливъ, рассказалъ мнѣ о пожарѣ, мимо котораго ѣхалъ, объ общемъ говорѣ, что это—поджоги, и полушутя прибавилъ:

— Пугачевщина-съ, вотъ посмотрите, и мы съ вами не уйдемъ, посадятъ насъ на колъ...

— Прежде, нежели посадятъ насъ на колъ,—сказалъ я,—боюсь, чтобъ не посадили на цѣпь. Знаете ли вы, что сегодня ночью полиція взяла Огарева?

— Полиція? что вы говорите?!

— Я за этимъ къ вамъ пріѣхалъ. Надобно что-нибудь сдѣлать, съѣздите къ князю, узнайте, въ чемъ дѣло, попросите мнѣ дозволеніе его увидѣть.

Не получая отвѣта, я взглянулъ на В., но, вмѣсто его, казалось, былъ его старшій братъ, съ посоловѣлымъ лицомъ, съ опустившимися чертами,—онъ ахалъ и безпокоился.

— Что съ вами?

— Вѣдь, вотъ я вамъ говорилъ, всегда говорилъ, до чего это доведетъ... Да, да, этого надобно было ждать, прошу покорно,—ни тѣломъ, ни душой не виноватъ, а и меня, пожалуй, посадятъ; эдакъ шутить нельзя, я знаю, что такое казематы.

— Поѣдете вы къ князю?

— Помилуйте, зачѣмъ же это? Я вамъ совѣтую дружески: и не говорите объ Огаревѣ, живите, какъ можно тише, а то худо будетъ. Вы не знаете, какъ эти дѣла опасны; мой искренній совѣтъ: держите себя въ сторонѣ; тормозитесь, какъ хотите,—Огареву не поможете, а сами попадетесь. Вотъ оно самовластье,—какія права, какая защита; есть, что ли, адвокаты, судьи?...

На этотъ разъ я не былъ расположенъ слушать его смѣлыя мнѣнія и рѣзкія сужденія. Я чоюль шляпу и уѣхалъ.

Дома я засталъ все въ волненіи. Уже отецъ мой былъ сердитъ на меня за взятіе Огарева, уже Сенаторъ былъ налицо, рылся въ моихъ книгахъ, отбиралъ, по его мнѣнію, опасныя и былъ недоволенъ.

На столѣ я нашель записку отъ М. Ѳ. Орлова: онъ звалъ меня обѣдать. Не можетъ ли онъ чего-нибудь сдѣлать? Опытъ хотя меня и проучилъ, но все же попытка—не пытка и спросъ—не бѣда. ³

Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ былъ одинъ изъ основателей знаменитаго Союза Благоденствія, и, если онъ не попалъ въ Сибирь, то это не его вина, а его брата ¹⁾, пользующагося особой дружбой Николая и который первый прискакалъ съ своей конногвардіей на защиту Зимняго дворца 14 декабря. Орловъ былъ посланъ въ свои деревни, черезъ нѣсколько лѣтъ ему позволено было поселиться въ Москвѣ. Въ продолженіе уединенной жизни своей въ деревнѣ, онъ занимался политической экономіей и химіей. Первый разъ, когда я его встрѣтилъ, онъ толковалъ о новой химической номенклатурѣ... У всѣхъ энергическихъ людей, поздно начинающихъ заниматься какой-нибудь наукой, является поползновение переставлять мебель и распоряжаться по своему. Номенклатура его была сложнѣе общепринятой французской. Мнѣ хотѣлось обратить его вниманіе и я, въ родѣ *captatio benevolentiae* ²⁾, сталъ доказывать ему, что номенклатура его хороша, но что прежняя лучше.

Орловъ поспорилъ, потомъ согласился.

Мое кокетство удалось, мы съ тѣхъ поръ были съ нимъ въ близкихъ сношеніяхъ. Онъ видѣлъ во мнѣ восходящую возможность, я видѣлъ въ немъ ветерана нашихъ мнѣній, друга нашихъ героевъ, благородное явленіе въ нашей жизни.

Бѣдный Орловъ былъ похожъ на льва въ клѣткѣ. Вездѣ стучался онъ въ рѣшетку, нигдѣ не было ему ни простора, ни дѣла, а жажда дѣятельности его снѣдала.

Послѣ паденія Франціи я не разъ встрѣчалъ людей этого рода, людей, разлагаемыхъ потребностью политической дѣятельности и не имѣющихъ возможности найтись въ четырехъ стѣнахъ кабинета или въ семейной жизни. Они не умѣютъ быть одни; въ одиночествѣ на нихъ нападаетъ хандра, они становятся капризны, ссорятся съ послѣдними друзьями, видятъ вездѣ интриги

¹⁾ Алексѣй Ѳедоровичъ, потомъ шефъ жандармовъ.

²⁾ Чтобы заручиться благоволеніемъ.

противъ себя и сами интригуютъ, старѣясь раскрыть всѣ эти несуществующія козни.

Имъ надобна, какъ воздухъ, сцена и зрители; на сценѣ они, дѣйствительно, герои и вынесутъ невыносимое. Имъ необходимъ шумъ, громъ, трескъ, имъ надобно произносить рѣчи, слышать возраженія враговъ, имъ необходимо раздраженіе борьбы, лихорадка опасности,—безъ этихъ конфертативовъ они тоскуютъ, вянутъ, опускаются, тяжелѣютъ, рвутся вонъ, дѣлаютъ ошибки. Таковъ Ледрю-Ролленъ, который, кстати, и лицомъ напоминаетъ Орлова, особенно съ тѣхъ поръ, какъ отростилъ усы.

Онъ былъ очень хорошъ собой; высокая фигура его, благородная осанка, красивыя мужественныя черты, совершенно обнаженный черепъ, и все это вмѣстѣ, стройно соединенное, сообщали его наружности неотразимую привлекательность. Его бюстъ—pendant бюсту А. П. Ермолова, которому его насупленный, четверугольный лобъ, шалашъ сѣдыхъ волосъ и взглядъ, пронизывающій даль, придавали ту красоту вождя, состарѣвшагося въ битвахъ, въ которую влюбилась Марія Кочубей въ Мазепѣ.

Отъ скуки Орловъ не зналъ, что начать. Пробовалъ онъ и хрустальную фабрику заводить, на которой дѣлались средне-вѣковыя стекла съ картинами, обходившіяся ему дороже, чѣмъ онъ ихъ продавалъ, и книгу онъ принимался писать «о кредитѣ», — нѣтъ, не туда рвалось сердце, но другого выхода не было. Левъ былъ осужденъ праздно бродить между Арбатомъ и Басманной, не смѣя даже давать волю своему языку.

Смертельно жаль было видѣть Орлова, усилившагося сдѣлаться ученымъ, теоретикомъ. Онъ имѣлъ умъ ясный и блестящій, но вовсе не спекулятивный, а тутъ онъ путался въ разныхъ новоизобрѣтенныхъ системахъ на давно знакомые предметы, въ родѣ химической номенклатуры. Все отвлеченное ему рѣшительно не удавалось, но онъ съ величайшимъ ожесточеніемъ возился съ метафизикой.

Неосторожный, невоздержный на языкъ, онъ безпрестанно дѣлалъ ошибки; увлекаемый первымъ впечатлѣніемъ, которое у него было рыцарски благородно, онъ вдругъ вспоминалъ свое положеніе и сворачивалъ съ полдороги. Эти дипломатическіе контрмарши ему удавались еще меньше метафизики и номенклатуры; и онъ, заступивъ за одну постройку, заступалъ за двѣ, за три, стараясь выправиться. Его бранили за это; люди такъ поверхностны и невнимательны, что они больше смотрятъ на слова, чѣмъ на дѣйствія, и отдѣльнымъ ошибкамъ даютъ больше вѣса, чѣмъ совокупности всего характера. Что тутъ винить, съ натянутой регу-

ловской точки зрѣнія, человѣка,—надобно винить грустную среду, въ которой всякое благородное чувство передается, какъ контрабанда, подъ полой да затворивши двери; а сказалъ слово громко, такъ день цѣлый и думаешь, скоро ли придетъ полиція...

Обѣдъ былъ большой. Мнѣ пришлось сидѣть возлѣ генерала Раевского ¹⁾, брата жены Орлова. Раевскій былъ тоже въ опалѣ съ 14 декабря; сынъ знаменитаго Н. Н. Раевского, онъ мальчишкомъ четырнадцати лѣтъ находился съ своимъ братомъ подъ Бородинымъ возлѣ отца; впоследствии онъ умеръ отъ ранъ на Кавказѣ. Я разсказалъ ему объ Огаревѣ и спросилъ, можетъ ли и захочетъ ли Орловъ что-нибудь сдѣлать.

Лицо Раевского подернулось облакомъ, но это было не выраженіе плаксиваго самосохраненія, которое я видѣлъ утромъ, а какая-то смѣсь горькихъ воспоминаній и отвращенія.

— Тутъ нѣтъ мѣста хотѣть или не хотѣть,—отвѣчалъ онъ,—только я сомнѣваюсь, чтобъ Орловъ могъ много сдѣлать; послѣ обѣда пройдите въ кабинетъ, я его приведу къ вамъ. Такъ вотъ,—прибавилъ онъ, помолчавъ,—и вашъ чередъ пришелъ; этотъ омутъ всѣхъ утянетъ.

Разспросивши меня, Орловъ написалъ письмо къ князю Голицыну, прося его свиданія. «Князь,—сказалъ онъ мнѣ,—порядочный человѣкъ: если онъ ничего не сдѣлаетъ, то скажетъ, по крайней мѣрѣ, правду».

Я на другой день поѣхалъ за отвѣтомъ. Князь Голицынъ сказалъ, что Огаревъ арестованъ по высочайшему повелѣнію, что назначена слѣдственная комиссія, и что матеріальнымъ поводомъ былъ какой-то пиръ 24 іюня, на которомъ пѣли возмутительныя пѣсни. Я ничего не могъ понять: въ этотъ день были именины моего отца; я весь день былъ дома, и Огаревъ былъ у насъ.

Съ тяжелымъ сердцемъ оставилъ я Орлова; и ему было нехорошо; когда я ему подаль руку, онъ всталъ, обнялъ меня, крѣпко прижалъ къ широкой своей груди и поцѣловалъ.

Точно будто онъ чувствовалъ, что мы расстаемся надолго.

Я его видѣлъ съ тѣхъ поръ одинъ разъ, ровно черезъ шесть ²⁾ лѣтъ. Онъ угасалъ. Болѣзненное выраженіе, задумчивость и какая-то новая угловатость лица поразили меня; онъ былъ печаленъ, чувствовалъ свое разрушеніе, зналъ разстройство дѣлъ и не видѣлъ выхода. Мѣсяца черезъ два онъ умеръ ³⁾—кровь свернулась въ его жилахъ.

¹⁾ Николай Николаевичъ.

²⁾ Ошибка—восемь.

³⁾ 19 марта 1842 г.

...Въ Люцернѣ есть удивительный памятникъ; онъ сдѣланъ Торвальдсеномъ въ дикой скалѣ. Во впадинѣ лежитъ умирающій левъ; онъ раненъ на смерть, кровь струится изъ раны, въ которой торчитъ обломокъ стрѣлы; онъ положилъ молодецкую голову на лапу, онъ стонетъ, его взоръ выражаетъ нестерпимую боль; кругомъ пусто, внизу прудъ; все это задвинуто горами, деревьями, зеленью; прохожіе идутъ, не догадываясь, что тутъ умираетъ царственный звѣрь.

Разъ какъ-то, долго сидя на скамьѣ противъ каменнаго страдальца, я вдругъ вспомнилъ мое послѣднее посѣщеніе Орлова...

Бѣжавши отъ Орлова домой мимо оберъ-полицмейстерскаго дома, мнѣ пришло въ голову попросить у него открыто дозволеніе повидаться съ Огаревымъ.

Я отроду никогда не бывалъ прежде ни у одного полицейскаго лица. Меня заставили долго ждать, наконецъ, оберъ-полицмейстеръ ¹⁾ вышелъ.

Мой вопросъ его удивилъ.

— Какой поводъ заставляетъ васъ просить дозволеніе?

— Огаревъ—мой родственникъ.

— Родственникъ?—спросилъ онъ, прямо глядя мнѣ въ глаза.

Я не отвѣчалъ, но такъ же прямо смотрѣлъ въ глаза его превосходительства.

— Я не могу вамъ дать позволенія, — сказалъ онъ, — вашъ родственникъ *au secret* ²⁾. Очень жалы!

... Неизвѣстность и бездѣйствіе убивали меня. Почти никого изъ друзей не было въ городѣ, узнать рѣшительно нельзя было ничего. Казалось, полиція забыла или обошла меня. Очень, очень было скучно. Но когда все небо заволокло сѣрыми тучами, и длинная ночь ссылки и тюрьмы приближалась, свѣтлый лучъ сошелъ на меня.

Нѣсколько словъ глубокой симпатіи, сказанныя семнадцатилѣтней дѣвушкой ³⁾, которую я считалъ ребенкомъ, воскресили меня.

Первый разъ въ моемъ разсказѣ является женскій образъ... и, собственно, одинъ женскій образъ является во всей моей жизни.

Мимолетная, юная, весенняя увлеченія, волновавшія душу, поблѣднѣли, исчезли передъ нимъ, какъ туманныя картины; но-выхъ, другихъ не пришло.

¹⁾ Левъ Михайловичъ Цынскій.

²⁾ Въ секретной камерѣ.

³⁾ Наталіей Александровной Захарьиной.

Мы встрѣтились на кладбищѣ. Она стояла, опершись на надгробный памятникъ, и говорила объ Огаревѣ, и грусть моя улеглась.

— До завтра, — сказала она и подала мнѣ руку, улыбаясь сквозь слезы.

— До завтра! — отвѣтилъ я.. и долго смотрѣлъ вслѣдъ за исчезающимъ образомъ ея.

Это было девятнадцатаго іюля 1834. 4

ГЛАВА IX.

Арестъ.—Добросовѣстный.—Канцелярія пречистенскаго частнаго дома.—
Патріархальный судъ.

...«До завтра», повторялъ я, засыпая... На душѣ было необыкновенно легко и хорошо.

Часу во второмъ ночи меня разбудилъ камердинеръ моего отца; онъ былъ раздѣтъ и испуганъ.

— Васъ требуетъ какой-то офицеръ.

— Какой офицеръ?

— Я не знаю.

— Ну, такъ я знаю,—сказалъ я ему и набросилъ на себя халатъ.

Въ дверяхъ залы стояла фигура, завернутая въ военную шинель; къ окну виднѣлся бѣлый султанъ, сзади были еще какія-то лица,—я разглядѣлъ казацкую шапку.

Это былъ полицмейстеръ Миллеръ.

Онъ сказалъ мнѣ, что, по приказанію военнаго генераль-губернатора, которое было у него въ рукахъ, онъ долженъ осмотрѣть мои бумаги. Принесли свѣчи. Полицмейстеръ взялъ мои ключи; квартальный и его поручикъ стали рыться въ книгахъ, въ бѣлѣхъ. Полицмейстеръ занялся бумагами; ему все казалось подозрительнымъ, онъ все откладывалъ и вдругъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Я васъ попрошу покажѣсть одѣться; вы поѣдете со мной.

— Куда?—спросилъ я.

— Въ пречистенскую часть,—отвѣтилъ полицмейстеръ успокаивающимъ голосомъ.

— А потомъ?

— Дальше ничего нѣтъ въ приказаніи генераль-губернатора. Я сталъ одѣваться.

Между тѣмъ, испуганные слуги разбудили мою мать; она бросилась изъ своей спальни ко мнѣ въ комнату, но въ дверяхъ между гостиной и залой была остановлена казакомъ. Она вскрикнула, я вздрогнулъ и побѣжалъ туда. Полицмейстеръ оставилъ бумаги и вышелъ со мной въ залу. Онъ извинился передъ моею матерью, пропустилъ ее, разругалъ казака, который былъ не виноватъ, и воротился къ бумагамъ.

Потомъ взмогъ мой отецъ. Онъ былъ блѣденъ, но старался выдержать свою безстрастную роль. Сцена становилась тяжела. Мать моя сидѣла въ углу и плакала. Старикъ говорилъ безразличныя вещи съ полицмейстеромъ, но голосъ его дрожалъ. Я боялся, что не выдержу этого à la longue ¹⁾, и не хотѣлъ доставить квартальнымъ удовольствіе видѣть меня плачущимъ:

Я дернулъ полицмейстера за рукавъ.

— Поѣдемте!

— Поѣдемте,—сказалъ онъ съ радостью.

Отецъ мой вышелъ изъ комнаты и черезъ минуту возвратился; онъ принесъ маленькій образъ, надѣлъ мнѣ на шею и сказалъ, что имъ благославилъ его отецъ, умирая. Я былъ тронутъ; этотъ *религозный* подарокъ показалъ мнѣ мѣру страха и потрясенія въ душѣ старика. Я сталъ на колѣни, когда онъ надѣвалъ его; онъ поднялъ меня, обнялъ и благословилъ.

Образъ представлялъ на финифти отсѣченную голову Іоанна Предтечи на блюдѣ. Что это было: примѣръ, совѣтъ или пророчество, не знаю, но смыслъ образа поразилъ меня.

Мать моя была почти безъ чувствъ.

Вся дворня провожала меня по лѣстницѣ со слезами, бросаясь цѣловать меня, мои руки,—я заживо присутствовалъ при своемъ выноскѣ; полицмейстеръ хмурился и торопилъ.

Когда мы вышли за ворота, онъ собралъ свою команду; съ нимъ было четыре казака, двое квартальныхъ и двое полицейскихъ.

— Позвольте мнѣ итти домой?—спросилъ у полицмейстера человекъ съ бородой, сидѣвшій передъ воротами.

— Ступай,—сказалъ Миллеръ.

— Это что за человекъ?—спросилъ я, садясь на дрожки.

— Добросовѣстный; вы знаете, что безъ добросовѣстнаго полиція не можетъ входить въ домъ.

— За тѣмъ-то вы и оставили его за воротами?

¹⁾ Долго.

— Пустая форма! даромъ помѣшали человѣку спать!—замѣтилъ Миллеръ.

Мы поѣхали въ сопровожденіи двухъ казаковъ верхомъ.⁵

Въ частномъ домѣ не было для меня особой комнаты. Полицейскій мастеръ велѣлъ до утра посадить меня въ канцелярію. Онъ самъ привелъ меня туда, бросился на кресла и, устало зѣвая, бормоталъ: «Проклятая служба; на скачкѣ былъ съ трехъ часовъ да вотъ съ вами провозился до утра,—небось, ужъ четвертый часъ, а завтра въ девять съ рапортомъ ѣхать. Прощайте,—прибавилъ онъ черезъ минуту и вышелъ.

Унтеръ заперъ меня на ключъ, замѣтивъ, что, если что нужно, то могу постучать въ дверь.

Я отворилъ окно; день ужъ начался, утренній вѣтеръ подымался; я попросилъ у унтера воды и выпилъ цѣлую кружку. О снѣ не было и въ помышленіи. Впрочемъ, и лечь было некуда: кромѣ грязныхъ кожаныхъ стульевъ и одного кресла, въ канцеляріи находился только большой столъ, заваленный бумагами, и въ углу маленькій столъ, еще болѣе заваленный бумагами. Скучный ночникъ не могъ освѣщать комнату, а дѣлалъ колеблющееся пятно свѣта на потолокъ, блѣднѣвшее больше и больше отъ разсвѣта.

Я сѣлъ на мѣсто частнаго пристава и взялъ первую бумагу, лежавшую на столѣ, — билетъ на похороны двороваго человѣка князя Гагарина и медицинское свидѣтельство, что онъ умеръ по всѣмъ правиламъ науки. Я взялъ другую,—полицейскій уставъ. Я пробѣжалъ его и нашелъ въ немъ статью, въ которой сказано: «Всякій арестованный имѣетъ право черезъ три дня послѣ ареста узнать причину онаго или быть выпущенъ». Эту статью я себѣ замѣтилъ.

Черезъ часъ времени я видѣлъ въ окно, какъ пріѣхалъ нашъ дворецкій и привезъ мнѣ подушку, одѣяло и шинель. Онъ просилъ о чемъ-то унтера, вѣроятно, о позволеніи взойти ко мнѣ. Это былъ сѣдой старикъ, у котораго я ребенкомъ перекрестилъ двухъ или трехъ дѣтей. Унтеръ грубо и отрывисто отказывалъ ему. Одинъ изъ нашихъ кучеровъ стоялъ возлѣ. Я имъ закричалъ въ окно. Унтеръ засуетился и велѣлъ имъ убираться. Старикъ кланялся мнѣ въ поясъ и плакалъ; кучеръ, стегнувши лошадь, снялъ шляпу и утеръ глаза,—дрожки застучали, и слезы полились у меня градомъ. Душа переполнилась. Это были первыя и послѣднія слезы во все время заключенія.⁶

Къ утру канцелярія начала наполняться; явился писарь, который продолжалъ быть пьянымъ со вчерашняго дня; фигура чахоточная, рыжая, въ прыщахъ, съ животво-развратнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Онъ былъ во фракѣ кирпичнаго цвѣта, прескверно сшитомъ,

нечистомъ, лоснящемся. Вслѣдъ за нимъ пришелъ другой, въ унтеръ-офицерской шинели, чрезвычайно развязный. Онъ тотчасъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Въ театрѣ, что ли-съ, попались?

— Меня арестовали дома.

— И самъ Федоръ Ивановичъ?

— Кто это Федоръ Ивановичъ?

— Полковникъ Миллеръ-съ.

— Да, онъ.

— Понимаемъ-съ,—онъ моргнулъ рыжему, который не показалъ никакого участія. Кантонистъ не продолжалъ разговора; онъ увидѣлъ, что я взятъ ни за буянство, ни за пьянство, и потерялъ ко мнѣ весь интересъ, а, можетъ, и боялся вступить въ разговоръ съ *опаснымъ* арестантомъ.

Спустя немного, явились разные квартальные, заспанные и непродспавшіеся, наконецъ, просители и тяжущіеся.

Содержательница публичнаго дома жаловалась на полпивщика, что онъ въ своей лавкѣ обругалъ ее всенародно и притомъ такими словами, которыя она, будучи женщиной, не можетъ произнести при начальствѣ. Полпивщикъ клялся, что онъ такихъ словъ никогда не произносилъ. Содержательница клялась, что онъ ихъ неоднократно произносилъ, и очень громко, причемъ она прибавляла, что онъ замахнулся на нее, и если-бъ она не наклонилась, то онъ раскроилъ бы ей все лицо. Сидѣлецъ говорилъ, что она, во-первыхъ, ему не платитъ долгъ, во-вторыхъ, разобидѣла его въ собственной его лавкѣ и, мало того, обѣщала исколотить его не на животъ, а на смерть руками своихъ приверженцевъ.

Содержательница, высокая, неопрятная женщина, съ отеками глазами, кричала пронзительно громкимъ, визжащимъ голосомъ и была чрезвычайно многорѣчива. Сидѣлецъ больше бралъ мимикой и движеніями, чѣмъ словами.

Соломонъ-квартальный, вмѣсто суда, бранилъ ихъ обоихъ на чемъ свѣтъ стоитъ. «Съ жиру собаки бѣсятся!—говорилъ онъ. Сидѣли бъ бестіи покойно у себя, благо, мы молчимъ да мирволимъ. Видишь, важность какая! поругались да и тотчасъ начальство беспокоить. И что вы за фря такая? словно, вамъ въ первый разъ? да васъ назвать нельзя, не выругавши,—такимъ ремесломъ занимаетесь».

Полпивщикъ тряхнулъ головой и передернулъ плечами въ знакъ глубокаго удовольствія. Квартальный тотчасъ напалъ на него.

— А ты что изъ-за прилавка лаешься, собака?! хочешь въ сибирку? Сквернословъ эдакой! да лапу еще подымать... а березовыхъ, горычихъ... хочешь?

Для меня эта сцена имѣла всю прелесть новости, она у меня осталась въ памяти навсегда; это былъ первый патріархальный русскій процессъ, который я видѣлъ.

Содержательница и квартальный кричали до тѣхъ поръ, пока взошелъ частный приставъ. Онъ, не спрашивая, зачѣмъ эти люди тутъ и чего хотятъ, закричалъ еще больше дикимъ голосомъ: «Вонъ отсюда, вонъ! что здѣсь: торговая баня (или кабакъ?!). Прогнавши «сволочь», онъ обратился къ квартальному: «Какъ вамъ это не стыдно допускать такой беспорядокъ? Сколько разъ вамъ говорилъ! Уваженіе къ мѣсту теряется,—шваль всякая станетъ послѣ этого Содомъ дѣлать. Вы потакаете слишкомъ этимъ мошенникамъ... Это что за человѣкъ?»—спросилъ онъ обо мнѣ.

— Арестантъ,—отвѣчалъ квартальный,— котораго привезли Федоръ Ивановичъ; тутъ есть бумажка-съ.

Частный пробѣжалъ бумажку, посмотрѣлъ на меня, съ неудовольствіемъ встрѣтилъ прямой и неподвижный взглядъ, который я на немъ остановилъ, приготовляясь на первое его слово дать сдачи, и сказалъ: «Извините».

Дѣло содержательницы и полпивщика снова явилось; она требовала присяги; пришелъ попъ; кажется, они оба присягнули,—я конца не видалъ. Меня увезли къ оберъ-полицмейстеру, не знаю, зачѣмъ; никто не говорилъ со мною ни слова, потомъ опять привезли въ частный домъ, гдѣ мнѣ была приготовлена комната подъ самой каланчей. Унтеръ-офицеръ замѣтилъ, что, если я хочу поѣсть, то надобно послать купить что-нибудь, что казенный паекъ еще не назначенъ, и что онъ еще дня два не будетъ назначенъ; сверхъ того, какъ онъ состоитъ изъ 3 или 4 копѣекъ серебромъ, то *хорошіе* арестанты предоставляютъ его въ экономію.

Запачканный диванъ стоялъ у стѣны; время было за полдень, я чувствовалъ страшную усталъ, бросился на диванъ и уснулъ мертвымъ сномъ. Когда я проснулся, на душѣ все улеглось и успокоилось. Я былъ измученъ въ послѣднее время неизвѣстностью объ Огаревѣ; теперь чередъ дошелъ и до меня, опасность не виднѣлась издали, а обложила въокругъ, туча была надъ головой. Это первое гоненіе должно было намъ служить рукоположеніемъ.

ГЛАВА X.

Подъ каланчей. — Лиссабонскій кварталный. — Зажигатели.

Къ тюрьмѣ человекъ приучается скоро, если онъ имѣеть сколько-нибудь внутренняго содержанія. Къ тишинѣ и совершенной волѣ въ клѣткѣ привыкаешь быстро,—никакой заботы, никакого разсѣянія.

Сначала не давали книгъ,—частный приставъ увѣрялъ, что изъ дому книгъ не дозволяется брать. Я его просилъ купить. «Развѣ что-нибудь учебное, грамматику какую, что ли, пожалуй, можно, а не то, надобно спросить генерала». Предложеніе читать отъ скуки грамматику было неизмѣримо смѣшно, тѣмъ не менѣе я ухватился за него обѣими руками и попросилъ частнаго пристава купить итальянскую грамматику и лексиконъ. Со мной были двѣ красненькія ассигнаціи, я отдалъ одну ему; онъ тутъ же послалъ поручика за книгами и отдалъ ему мое письмо къ оберъ-полицмейстеру, въ которомъ я, основываясь на вычитанной мною статьѣ, просилъ объявить мнѣ причину ареста или выпустить меня.

Частный приставъ, въ присутствіи котораго я писалъ письмо, уговаривалъ не посылать его. «Напрасно-съ, ей Богу, напрасно-съ утруждаете генерала; скажутъ: безпокойные люди,—вамъ же вредъ, а пользы никакой не будетъ».

Вечеромъ явился кварталный и сказалъ, что оберъ-полицмейстеръ велѣлъ мнѣ на словахъ объявить, что въ свое время я узнаю причину ареста. Далѣе онъ вытащилъ изъ кармана засаленную итальянскую грамматику и, улыбаясь, прибавилъ: «такъ хорошо случилось, что тутъ и словарь есть, лексикончика не нужно». Объ сдачѣ и разговора не было. Я хотѣлъ, было, снова писать къ

оберъ-полицмейстеру, но роль миниатюрнаго Гемпдена ¹⁾ въ пре-чистенской части показалась мнѣ слишкомъ смѣшной.

Недѣли черезъ полторы послѣ моего взятія, часу въ десятомъ вечера, пришелъ маленькаго роста черненькій и рябенькій квар-тальный съ приказомъ одѣться и отправляться въ слѣдственную комиссію ²⁾.

Пока я одѣвался, случилось слѣдующее смѣшно-досадное про-исшествіе. Обѣдъ мнѣ присылали изъ дома; слуга отдавалъ внизу дежурному унтеръ-офицеру, тотъ присылалъ съ солдатомъ ко мнѣ. Виноградное вино позволялось пропускать отъ полубутылки до цѣлой въ день. Н. Сазоновъ, пользуясь этимъ дозволеніемъ, прислалъ мнѣ бутылку превосходнаго «Іоганнисбергера». Солдатъ и я, мы хитрились двумя гвоздями откупорить бутылку; букетъ поразилъ издали. Этимъ виномъ я хотѣлъ наслаждаться дня три-четыре.

Надобно быть въ тюрьмѣ, чтобъ знать, сколько ребячества остается въ человѣкѣ и какъ могутъ тѣшить мелочи отъ бутылки вина до шалости надъ сторожемъ.

Рябенькій квартальный отыскалъ мою бутылку и, обращаясь ко мнѣ, просилъ позволенія немного выпить. Досадно мнѣ было, однако, я сказалъ, что очень радъ. Рюмки у меня не было. Извергъ этотъ взялъ стаканъ, налилъ его до невозможной полноты и вы-лилъ его себѣ внутрь, не переводя дыханія; этотъ образъ вливанія спиртовъ и винъ только существуетъ у русскіихъ и у «толяковъ»; я во всей Европѣ не видалъ людей, которые бы пили *залпомъ* ста-канъ или умѣли *хватить* рюмку. Чтобъ потерю этого стакана сдѣлать еще чувствительнѣе, рябенькій квартальный, обтирая си-нимъ табачнымъ платкомъ губы, благодарилъ меня, приговаривая: «мадера хоть куда». Я съ ненавистью посмотрѣлъ на него и злобно радовался, что люди не привили квартальному коровьей оспы, а природа не обошла его человѣческой.

Этотъ знатокъ винъ привезъ меня въ оберъ-полицмейстер-скій домъ на Тверскомъ бульварѣ, ввелъ въ боковую залу и оста-вилъ одного. Полчаса спустя, изъ внутреннихъ комнатъ вышелъ толстый человѣкъ съ лѣнивымъ и добродушнымъ видомъ; онъ бро-силъ портфель съ бумагами на стулъ и послалъ куда-то жандарма, стоявшаго въ дверяхъ.

— Вы вѣрно,—сказалъ онъ мнѣ,—по дѣлу Огарева и другихъ молодыхъ людей, недавно взятыхъ?

¹⁾ См. стр. 197, приобрѣлъ извѣстность настойчивостью въ отстаи-ваніи своихъ правъ въ дѣлѣ о, такъ называемой, корабельной подати.

²⁾ На четвертый день ареста.

Я подтвердилъ.

— Слышалъ я,—продолжалъ онъ,—мелькомъ. Странное дѣло, ничего не понимаю.

— Я сижу двѣ недѣли въ тюрьмѣ по этому дѣлу, да не только ничего не понимаю, но просто не знаю ничего.

— Это-то и прекрасно,—сказалъ онъ, пристально посмотрѣвши на меня,—и не знайте ничего. Вы меня простите, а я вамъ дамъ совѣтъ: вы молоды, у васъ еще кровь горяча, хочется поговорить, это—бѣда; не забудьте же, что вы ничего не знаете, это—единственный путь спасенія.

Я смотрѣлъ на него съ удивленіемъ: лицо его не выражало ничего дурного; онъ догадался и, улыбнувшись, сказалъ:

— Я самъ былъ студентъ московскаго университета лѣтъ двѣнадцать тому назадъ.

Взошелъ какой-то чиновникъ; толстякъ обратился къ нему, какъ начальникъ, и, кончивъ свои приказанія, вышелъ вонъ, ласково кивнувъ головой и приложивъ палецъ къ губамъ. Я никогда послѣ не встрѣчалъ этого господина и не знаю, кто онъ; но искренность его совѣта я испыталъ.

Потомъ взошелъ полицмейстеръ, другой, не Федоръ Ивановичъ, и позвалъ меня въ комиссію. Въ большой, довольно красивой залѣ сидѣли за столомъ чловѣкъ пять, всѣ въ военныхъ мундирахъ, за исключеніемъ одного чахлаго старика. Они курили сигары, весело разговаривали между собой, растегнувши мундиры и развалиясь на креслахъ. Оберъ-полицмейстеръ предсѣдательствовалъ.

Когда я взошелъ, онъ обратился къ какой-то фигурѣ, смиренно сидѣвшей въ углу, и сказалъ: «Батюшка, не угодно ли?». Тутъ только я разглядѣлъ, что въ углу сидѣлъ старый священникъ, съ сѣдой бородой и красно-синимъ лицомъ. Священникъ дремалъ, хотѣлъ домой, думалъ о чемъ-то другомъ и зѣвалъ, прикрывая рукою ротъ. Протяжнымъ голосомъ и нѣсколько нарастѣвъ началъ онъ меня *уощевать*: толковалъ о грѣхѣ утаивать истину предъ лицами, назначенными царемъ, и о бесполезности такой откровенности, взявъ во вниманіе всеслышащее ухо Божіе; онъ не забылъ даже сослаться на вѣчные тексты, что «нѣтъ власти, аще не отъ Бога» и «кесарю—кесарево». Въ заключеніе онъ сказалъ, чтобъ я приложился къ святому Евангелію и *честному* кресту въ удостовѣреніе обѣта, котораго я, впрочемъ, не давалъ; да онъ и не требовалъ, искренно и откровенно раскрыть всю истину.

Окончивши, онъ поспѣшно началъ заворачивать Евангеліе и крестъ. Цынскій, едва приподнявшись, сказалъ ему, что онъ можетъ идти. Послѣ этого онъ обратился ко мнѣ и перевелъ ду-

ховную рѣчь на гражданскій языкъ. «Я прибавлю къ словамъ священника одно: запирайтесь вамъ нельзя, если-бъ вы и хотѣли». Онъ указалъ на кипы бумагъ, писемъ, портретовъ, съ намѣреніемъ разбросанныхъ по столу. «Одно откровенное сознаніе можетъ смягчить вашу участь; быть на волѣ или въ Бобруйскѣ, на Кавказѣ—это зависитъ отъ васъ».

Вопросы предлагались письменно; наивность нѣкоторыхъ была поразительна. «Не знаете ли вы о существованіи какого-либо тайнаго общества? Не принадлежите ли вы къ какому-нибудь обществу, литературному или *иному*? Кто его члены? гдѣ они собираются?»

На все это было чрезвычайно легко отвѣчать однимъ *нѣтъ*.

— Вы, я вижу, ничего не знаете,—сказалъ, перечитывая отвѣты, Цынскій. Я васъ предупредилъ,—вы усложните ваше положеніе.

Тѣмъ и кончился первый допросъ.

... Восемь лѣтъ спустя, въ другой половинѣ дома, гдѣ была слѣдственная комиссія, жила женщина, нѣкогда прекрасная собой, съ дочерью красавицей, сестра новаго оберъ-полицмейстера ¹⁾).

Я бывалъ у нихъ и всякій разъ проходилъ той залой, гдѣ Цынскій съ компаніей судилъ и рядилъ насъ; въ ней висѣлъ, тогда и потомъ, портретъ Павла—напоминовеніемъ ли того, до чего можетъ унижить человѣка необузданность и злоупотребленіе власти, или для того, чтобы поощрять полицейскихъ на всякую свирѣпость,—не знаю, но онъ былъ тутъ, съ тростью въ рукахъ, курносый и нахмуренный. Я останавливался всякій разъ предъ этимъ портретомъ, тогда арестантомъ, теперь гостемъ. Небольшая гостиная возлѣ, гдѣ все дышало женщиной и красотой, была какъ-то неумѣстна въ домѣ строгости и слѣдствій; мнѣ было не по себѣ тамъ и какъ-то жаль, что прекрасно развернувшійся цвѣтокъ попалъ на кирпичную, печальную стѣну съѣзжей. Наши рѣчи и рѣчи небольшого круга друзей, собиравшихся у нихъ, такъ иронически звучали, такъ удивляли ухо въ этихъ стѣнахъ, привыкшихъ слушать допросы, доносы и рапорты о повальныхъ обыскахъ,—въ этихъ стѣнахъ, отдѣлявшихъ насъ отъ шопота квартальныхъ, отъ вздоховъ арестантовъ, отъ брэнчання жандармскихъ шпоръ и сабли уральскаго казака... ⁷

Черезъ недѣлю или двѣ снова пришелъ рябенкій квартальный и снова привезъ меня къ Цынскому. Въ сѣняхъ сидѣли и лежали нѣсколько человѣкъ скованныхъ, окруженные солдатами съ ружьями; въ передней было тоже нѣсколько человѣкъ разныхъ сословій, безъ

¹⁾ См. комментарий въ IV части.

цѣпей, но строго охраняемыхъ. Квартальный сказалъ мнѣ, что это— все зажигатели. Цынскій былъ на пожарѣ, слѣдовало ждать его возвращенія; мы пріѣхали часу въ десятомъ вечера; въ часть ночи меня еще никто не спрашивалъ, и я все еще преспокойно сидѣлъ въ передней съ зажигателями. Изъ нихъ требовали то одного, то другого; полицейскіе бѣгали взадъ и впередъ, цѣпи гремѣли, солдаты отъ скуки брякали ружьями и выкидывали артикуль. Около часу пріѣхалъ Цынскій, въ сажѣ и копоти, и пробѣжалъ въ кабинетъ, не останавливаясь. Прошло съ полчаса, позвали моего квартального; онъ воротился блѣдный, растерянный и съ судорожнымъ подергиваніемъ въ лицѣ. Вслѣдъ за нимъ Цынскій высунулъ голову въ дверь и сказалъ: «А васъ, monsieur Г., вся комиссія ждала цѣлый вечеръ; этотъ *болванъ* привезъ васъ сюда въ то время, какъ васъ требовали къ князю Голицыну. Мнѣ очень жаль, что вы здѣсь прождали такъ долго, но это не моя вина. Что прикажете дѣлать съ такими исполнителями? Я думаю, пятьдесятъ лѣтъ служить и все чурбанъ. Ну, пошелъ теперь домой!» — прибавилъ онъ, измѣнивъ голосъ на гораздо грубѣйшій и обращаясь къ квартальному.

Квартальный повторялъ цѣлую дорогу: «Господи, какая бѣда! Человѣкъ не думаетъ, не гадаетъ, что надъ нимъ сдѣлается; ну, ужъ онъ меня дождетъ теперь. Онъ бы еще ничего, если-бъ васъ тамъ не ждали, а то, вѣдь, ему срамъ. Господи, какое несчастіе!».

Я простилъ ему рейнвейнъ, особенно, когда онъ мнѣ сообщилъ, что онъ менѣе былъ испуганъ, когда разъ тонулъ возлѣ Лиссабона, чѣмъ теперь. Послѣднее обстоятельство было такъ неожиданно для меня, что мною оладѣлъ безумный смѣхъ.—«Какъ же вы это попали въ Лиссабонъ? Помилуйте, на что же это похоже?»—спросилъ я его. Старикъ былъ лѣтъ за двадцать пять морскимъ офицеромъ. Нельзя не согласиться съ министромъ, который увѣрялъ капитана Копѣйкина, что въ Россіи, нѣкоторымъ образомъ, никакая служба не остается безъ вознагражденія. Его судьба спасла въ Лиссабонѣ для того, чтобъ быть обруганнымъ Цынскимъ, какъ мальчишка, послѣ сорокалѣтней службы. Онъ же почти не былъ виноватъ.

Слѣдственная комиссія, составленная генераль-губернаторомъ; не понравилась государю; онъ назначилъ новую подъ предсѣдательствомъ князя Сергѣя Михайловича Голицына. Въ этой комиссіи членами были: московскій комендантъ Стааль, другой князь Голицынъ, жандармскій полковникъ Шубинскій и прежній аудиторъ Оранскій.

Въ оберъ-полицейстерскомъ приказѣ не было сказано, что комиссія переведена; весьма естественно, что лиссабонскій квартальный свезъ меня къ Цынскому...

Въ частномъ домѣ была тоже большая тревога: три пожара

случились въ одинъ вечеръ, и потомъ изъ комиссіи присылали два раза узнать, что со мной сдѣлалось, не бѣжалъ ли я. Чего Цынскій не добранилъ, то добавилъ частный приставъ лиссабонцу, что и слѣдовало ожидать, потому что частный приставъ былъ тоже долею виноватъ, не справившись, куда именно требуютъ. Въ канцеляріи, въ углу кто-то лежалъ на студьяхъ и стоналъ; я посмотрѣлъ,—молодой человѣкъ красивой наружности и чисто одѣтый; онъ харкалъ кровью и охалъ; частный лѣкарь совѣтовалъ пораньше утромъ отправить его въ больницу.

Когда унтеръ-офицеръ привелъ меня въ мою комнату, я выпыталъ отъ него исторію раненаго. Это былъ отставной гвардейскій офицеръ; онъ имѣлъ интригу съ какой-то горничной и былъ у нея, когда загорѣлся флигель. Это было время наибольшаго страха отъ зажигательства; дѣйствительно, не проходило дня, чтобъ я не слышалъ трехъ-четырехъ разъ сигнальнаго колокольчика; изъ окна я видѣлъ всякую ночь два-три зарева. Полиція и жители съ ожесточеніемъ искали зажигателей. Офицеръ, чтобъ не компрометировать дѣвушку, какъ только началась тревога, перелѣзъ заборъ и спрятался въ сараѣ сосѣдняго дома, выжидая минуты, чтобъ выйти. Маленькая дѣвчонка, бывшая на дворѣ, увидѣла его и сказала первымъ прискакавшимъ полицейскимъ, что зажигатель спрятался въ сараѣ; они ринулись туда съ толпой народа и съ торжествомъ вытащили офицера. Они его такъ основательно избили, что онъ на другой день къ утру умеръ.

Начался разборъ захваченныхъ людей: половину отпустили, другихъ нашли подозрительными. Полицмейстеръ Брянчаниновъ ѣздилъ всякое утро и допрашивалъ часа три или четыре. Иногда допрашиваемыхъ сѣкли или били; тогда ихъ вопль, крикъ, просьбы, визгъ, женскій стонъ вмѣстѣ съ рѣзкимъ голосомъ полицмейстера и однообразнымъ чтеніемъ писмоводителя доходили до меня. Это было ужасно, невыносимо! Мнѣ по ночамъ грезились эти звуки, и я просыпался въ изступленіи, думая, что страдальцы эти въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня лежатъ на соломѣ, въ цѣпяхъ, съ изодранной, съ избитой спиной и, навѣрное, безъ всякой вины.

Чтобъ знать, что такое русская тюрьма, русскій судъ и полиція, для этого надобно быть мужикомъ, дворовымъ, мастеровымъ или мѣщаниномъ. Политическихъ арестантовъ, которые большею частію принадлежатъ къ дворянству, содержатъ строго, наказываютъ свирѣпо, но ихъ судьба не идетъ ни въ какое сравненіе съ судьбою бѣдныхъ бородачей. Съ этими полиція не церемонится: къ кому мужикъ или мастеровой пойдетъ потомъ жаловаться, гдѣ найдетъ судъ?

Таковъ безпорядокъ, звѣрство, своеволие и развратъ русскаго суда и русской полиціи, что простой человекъ, попавшійся подъ судъ, боится не наказанія по суду, а судопроизводства. Онъ ждетъ съ нетерпѣніемъ, когда его пошлютъ въ Сибирь: его мученичество оканчивается съ началомъ наказанія. Теперь вспомнимъ, что три четверти людей, хватаемыхъ полиціею по подозрѣнію, судомъ освобождаются, и что они прошли черезъ тѣ же истязанія, какъ и виновные.

Петръ III уничтожилъ застѣнокъ и тайную канцелярію.

Екатерина II уничтожила пытку.

Александръ I *еще разъ* ее уничтожилъ.

Отвѣты, сдѣланные «подъ страхомъ», не считаются по закону. Чиновникъ, пытающій подсудимаго, подвергается самъ суду и строгому наказанію.

И во всей Россіи—отъ Берингова пролива до Таурогена—людей пытаются; тамъ, гдѣ опасно пытатъ розгами, пытаются нестерпимымъ жаромъ, жаждой, соленой пищей; въ Москвѣ полиція ставила какого-то подсудимаго босого, градусовъ въ десять мороза, на чугунный полъ; онъ занемогъ и умеръ въ больницѣ, бывшей подъ начальствомъ князя Мещерскаго, рассказывавшаго съ негодованіемъ объ этомъ. Начальство знаетъ все это, губернаторы прикрываютъ, *правительствующій* сенатъ мирволить, министры молчатъ; государь и синодъ, помѣщики и квартальные,—всѣ согласны съ Селифаномъ, что «отчего же мужика и не пощѣчь? мужика иногда надобно пощѣчь!».

Комиссія, назначенная для розыска зажигательствъ, судила, т.-е. сѣкла, мѣсяцевъ шесть къ ряду и ничего не высѣкла. Государь разсердился и велѣлъ дѣло окончить въ три дня. Дѣло и кончилось въ три дня; виновные были найдены и приговорены къ наказанію кнутомъ, клейменію и ссылкѣ въ каторжную работу. Изъ всѣхъ домовъ собрали дворниковъ смотрѣть страшное наказаніе «зажигателей». Это было уже зимой, и я содержался тогда въ Крутицкихъ казармахъ. Жандармскій ротмистръ, бывший при наказаніи, добрый старикъ, сообщилъ мнѣ подробности, которыя я передаю. Первый осужденный на кнутъ громкимъ голосомъ сказалъ народу, что онъ клянется въ своей невинности, что онъ самъ не знаетъ, что отвѣчалъ подъ вліяніемъ боли, при этомъ онъ снялъ съ себя рубашку и, повернувшись спиной къ народу, прибавилъ: «посмотрите, православные!».

Стонъ ужаса пробѣжалъ по толпѣ: его спина была синяя полосатая рана, и по этой-то ранѣ его слѣдовало бить кнутомъ. Ропотъ и мрачный видъ собраннаго народа заставили полицію топиться, палачи отпустили законное число ударовъ, другіе закле-

мили, третьи сковали ноги, и дѣло казалось оконченнымъ. Однако, сцена эта поразила жителей; во всѣхъ кругахъ Москвы говорили о ней. Генераль-губернаторъ донесъ объ этомъ государю. Государь велѣлъ назначить *новый* судъ и особенно разобрать дѣло зажигателя, протестовавшаго передъ наказаніемъ.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, прочелъ я въ газетахъ, что государь, желая вознаградить двухъ невинно наказанныхъ кнутомъ, приказалъ имъ выдать по 200 руб. за ударъ и снабдить особымъ паспортомъ, свидѣтельствующимъ ихъ невинность, несмотря на клеймо. Это былъ зажигатель, говорившій къ народу, и одинъ изъ его товарищей.

Исторія о зажигательствахъ въ Москвѣ въ 1834 г., отозвавшаяся лѣтъ черезъ десять въ разныхъ провинціяхъ, остается загадкой. Что поджоги были, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; вообще, огонь, «красный пѣтухъ»—очень національное средство мести у насъ. Безпрестанно слышишь о поджогѣ барской усадьбы, овина, амбара. Но что за причина была пожаровъ именно въ 1834 въ Москвѣ, этого никто не знаетъ, всего меньше—члены комиссіи.

Передъ 22 августа, днемъ коронаціи, какіе-то шалуны подкинули въ разныхъ мѣстахъ письма, въ которыхъ сообщали жителямъ, чтобъ они не заботились объ иллюминаціи, что освѣщеніе будетъ...

Переполошилось трусливое московское начальство. Съ утра частный домъ былъ наполненъ солдатами, эскадронъ уланъ стоялъ на дворѣ. Вечеромъ патрули верхомъ и пѣшіе безпрестанно объѣзжали улицы. Въ экзерциръ-гаузѣ была приготовлена артиллерія. Полицмейстеры скакали взадъ и впередъ съ казаками и жандармами; самъ князь Голицынъ съ адъютантами проѣхалъ верхомъ по городу. Этотъ военный видъ скромной Москвы былъ страненъ и дѣйствовалъ на нервы. Я до поздней ночи лежалъ на окнѣ подъ своей каланчей и смотрѣлъ на дворъ... Спѣшившіеся уланы сидѣли кучками около лошадей, другіе садились на коней; офицеры расхаживали, съ пренебреженіемъ глядя на полицейскихъ; плацъ-адъютанты пріѣзжали съ озабоченнымъ видомъ, съ желтымъ воротникомъ, и, ничего не сдѣлавши, уѣзжали.

Пожаровъ не было.

Вслѣдъ затѣмъ явился самъ государь въ Москву. Онъ былъ недоволенъ слѣдствіемъ надъ нами, которое только началось; былъ недоволенъ, что насъ оставили въ рукахъ явной полиціи, былъ недоволенъ, что не нашли зажигателей, словомъ, былъ недоволенъ всѣмъ и всѣми.

Мы вскорѣ почувствовали высочайшую близость.

ГЛАВА XI.

Крутицкія казармы. — Жандармскія повѣствованія. — Офицеры.

Дня черезъ три послѣ приѣзда государя ¹⁾, поздно вечеромъ— всѣ эти вещи дѣлаются въ темнотѣ, чтобъ не беспокоить публику—пришелъ ко мнѣ полицейскій офицеръ съ приказомъ собрать вещи и отправляться съ нимъ.

— Куда?—спросилъ я.

— Вы увидите,—отвѣчалъ умно и учтиво полицейскій. Послѣ этого, разумѣется, я не продолжалъ разговора, собралъ вещи и пошелъ.

Ѣхали мы, ѣхали часа полтора, наконецъ, проѣхали Симоновъ монастырь и остановились у тяжелыхъ каменныхъ воротъ, передъ которыми ходили два жандарма съ карабинами. Это былъ Крутицкій монастырь, превращенный въ жандармскія казармы. ⁸

Меня привели въ небольшую канцелярію. Писаря, адъютанты, офицеры,—все было голубое. Дежурный офицеръ, въ каскѣ и полной формѣ, просилъ меня подождать и даже предложилъ закурить трубку, которую я держалъ въ рукахъ. Послѣ этого онъ принялся писать расписку въ полученіи арестанта; отдавъ ее квартальному, онъ ушелъ и воротился съ другимъ офицеромъ. «Комната ваша готова,—сказалъ мнѣ послѣдній,—пойдемте». Жандармъ свѣтилъ намъ, мы сошли съ лѣстницы, прошли нѣсколько шаговъ дворомъ, взошли небольшою дверью въ длинный коридоръ, освѣщенный однимъ фонаремъ; по обѣимъ сторонамъ были небольшія двери, одну изъ нихъ отворилъ дежурный офицеръ; дверь вела въ кро-

¹⁾ Ошибка—до приѣзда.

шечную кордегарію, за которой была небольшая комнатка, сырая, холодная и съ запахомъ подвала. Офицеръ съ аксельбантомъ, который привелъ меня, обратился ко мнѣ на французскомъ языкѣ, говоря, что онъ *désolé d'être dans la nécessité* ¹⁾ шарить въ моихъ карманахъ, но что военная служба, обязанность, повиновѣніе... Послѣ этого краснорѣчиваго вступленія, онъ очень просто обернулся къ жандарму и указалъ на меня глазомъ. Жандармъ въ ту же минуту запустилъ невѣроятно большую и шершавую руку въ мой карманъ. Я замѣтилъ учтивому офицеру, что это вовсе ненужно, что я самъ, пожалуй, выворочу всѣ карманы безъ такихъ насильственныхъ мѣръ. Къ тому же, что могло быть у меня послѣ полутора-мѣсячнаго заключенія?

— Знаемъ мы, — сказалъ, неподражаемо самодовольно улыбаясь, офицеръ съ аксельбантомъ, — знаемъ мы порядки частныхъ домовъ. Дежурный офицеръ тоже колко улыбнулся, однако, жандарму сказали, чтобъ онъ только смотрѣлъ; я вынулъ все, что было.

— Высыпьте на столъ вашъ табакъ, — сказалъ офицеръ *désolé*.

У меня въ кисетѣ былъ перочинный ножикъ и карандашъ, завернутые въ бумажкѣ; я самъ началъ думать о нихъ и, говоря съ офицеромъ, игралъ съ кисетомъ до тѣхъ поръ, пока ножикъ мнѣ попалъ въ руку; я держалъ его сквозь матерію и смѣло высыпалъ табакъ на столъ; жандармъ снова его всыпалъ. Ножикъ и карандашъ были спасены, — вотъ жандарму съ аксельбантомъ урокъ за его гордое пренебреженіе къ явной полиціи.

Это происшествіе расположило меня чрезвычайно хорошо, я весело сталъ разсматривать мои новыя владѣнія.

Въ монашескихъ кельяхъ, построенныхъ за триста лѣтъ и ушедшихъ въ землю, устроили нѣсколько свѣтскихъ келій для политическихъ арестантовъ.

Въ моей комнатѣ стояла кровать безъ тюфяка, маленькій столикъ, на немъ кружка съ водой, возлѣ стулъ; въ большомъ мѣдномъ шандалѣ горѣла тонкая сальная свѣча. Сырость и холодъ проникали до костей; офицеръ велѣлъ затопить печь, потомъ всѣ ушли. Солдатъ обѣщаль принести сѣна; пока, подложивъ шинель подъ голову, я легъ на голую кровать и закурилъ трубку.

Черезъ минуту я замѣтилъ, что потолокъ былъ покрытъ прусскими тараканами. Они давно не видали свѣчи и бѣжали со всѣхъ сторонъ къ освѣщенному мѣсту, толкались, суетились, падали

¹⁾ Огорченъ необходимостью.

на столъ и бѣгали потомъ опрометью взадъ и впередъ по кракстола.

Я не любилъ таракановъ, какъ вообще всякихъ незваныхъ гостей; сосѣди мои показались мнѣ страшно гадки, но дѣлать было нечего,—не начать же было жаловаться на таракановъ, и нервы покорились. Впрочемъ, дня черезъ три всѣ прусаки перебрались за загородку къ солдату, у котораго было теллѣе; иногда только забѣжить, бывало, одинъ, другой тараканъ, поводитъ усами и тотчасъ назадъ—грѣться.

Сколько я ни просилъ жандарма, онъ печку, все-таки, закрылъ. Мнѣ становилось не по себѣ, въ головѣ кружилось, я хотѣлъ встать и постучать солдату; дѣйствительно, всталъ, но этимъ и оканчивается все, что я помню...

... Когда я пришелъ въ себя, я лежалъ на полу, голову лопило страшно. Высокій, сѣдой жандармъ стоялъ, сложа руки, и смотрѣлъ на меня безсмысленно-внимательно, въ томъ родѣ, какъ въ извѣстныхъ бронзовыхъ статуэткахъ собака смотритъ на черепаху.

«Славно угорѣли, ваше благородіе,—сказалъ онъ, видя, что я очнулся.—Я вамъ хрѣну принесъ съ солью и съ квасомъ; я ужъ вамъ давалъ нюхать, теперь выпейте». Я выпилъ, онъ поднялъ меня и положилъ на постель; мнѣ было очень дурно; окно было съ двойной рамой и безъ форточки; солдатъ ходилъ въ канцелярію просить разрѣшенія выйти на дворъ; дежурный офицеръ велѣлъ сказать, что ни полковника, ни адъютанта нѣтъ налицо, а что онъ на свою отвѣтственность взять не можетъ. Пришлось оставаться въ угарной комнатѣ.

Обжился я и въ Крутицкихъ казармахъ, спрягая итальянскіе глаголы и почитывая кой-какія книжонки. Сначала содержаніе было довольно строго. Въ девять часовъ вечера, при послѣднемъ звукѣ вѣстовой трубы солдатъ входилъ въ комнату, тушилъ свѣчу и запиралъ дверь на замокъ. Съ девяти вечера до восьми слѣдующаго дня приходилось сидѣть въ потемкахъ. Я никогда не спалъ много, въ тюрьмѣ безъ всякаго движенія мнѣ за глаза было достаточно четырехъ часовъ сна,—каково же наказаніе не имѣть свѣчи? Къ тому же часовые съ двухъ сторонъ коридора кричали каждыя четверть часа протяжно и громко: «Слу—у—у—шай!».

Черезъ нѣсколько недѣль, полковникъ Семеновъ (братъ знаменитой актрисы, впоследствии княгини Гагариной)¹⁾ позволилъ оставлять свѣчу, запретивъ, чтобъ чѣмъ-нибудь завѣшивали

¹⁾ Екатерина Семеновна.

окно, которое было ниже двора, такъ что часовой могъ видѣть все, что дѣлается у арестанта, и не велѣлъ въ коридорѣ кричать «Слушай».

Потомъ комендатель ¹⁾ разрѣшилъ намъ имѣть чернильницу и гулять по двору. Бумага давалась счетомъ на томъ условіи, чтобъ всѣ листы были цѣлы. Гулять было дозволено разъ въ сутки на дворѣ, окруженномъ оградой и цѣпью часовыхъ, въ сопровожденіи солдата и дежурнаго офицера.

Жизнь шла однообразно, тихо; военная аккуратность придавала ей какую-то механическую правильность въ родѣ цезуры въ стихахъ. Утромъ я варилъ съ помощью жандарма въ печкѣ кофе; часовъ въ десять являлся дежурный офицеръ, внося съ собой нѣсколько кубическихъ футовъ мороза, гремя саблей, въ перчаткахъ съ огромными обшлагами, въ каскѣ и шинели; въ часъ жандармъ приносилъ грязную салфетку и чашку супа, которую онъ держалъ всегда за края, такъ что два большіе пальца были примѣтно чище остальныхъ. Кормили насъ сносно, но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что за кормъ брали по 2 руб. асс. въ день, что въ продолженіе девяти-мѣсячнаго заключенія составило довольно значительную сумму для неимущихъ. Отецъ одного арестанта просто сказалъ, что у него денегъ нѣтъ; ему хладнокровно отвѣтили, что у него изъ жалованья вычтутъ. Если-бъ онъ не получалъ жалованья, весьма вѣроятно, что его посадили бы въ тюрьму.

Въ дополненіе должно замѣтить, что въ казармы присылалось для нашего прокормленія полковнику Семенову 1 руб. 50 коп. изъ ордонансъ-гауза. Изъ этого, было, вышелъ шумъ, но пользовавшіеся этимъ плацъ-адъютанты задарили жандармскій дивизионъ ложами на первыя представленія и бенефисы, тѣмъ дѣло и кончилось.

Послѣ вечерней зари наступала совершенная тишина, вовсе не прерываемая шагами солдата, хрустѣвшими по снѣгу передъ самымъ окномъ, ни дальними окликами часовыхъ. Обыкновенно я читалъ до часу и потомъ тушилъ свѣчу. Сонъ переносилъ на волю, иной разъ въ просоньяхъ казалось: фу, какія тяжелыя грезы приснились—тюрьма, жандармы, и радуешься, что все это—сонъ; а тутъ вдругъ прогремитъ сабля по коридору, или дежурный офицеръ отворитъ дверь, сопровождаемый солдатомъ съ фонаремъ, или часовой прокричитъ нечеловѣчески «кто идетъ?», или

¹⁾ Стааль.

труба подь самымъ окномъ рѣзкой «зарей» раздереть утренній воздухъ...

Въ скучныя минуты, когда не хотѣлось читать, я толковалъ съ жандармами, караулившими меня, особенно со старикомъ, лѣчившимъ меня отъ угара. Полковникъ, въ знакъ милости, отряжаетъ старыхъ солдатъ, избавляя ихъ отъ строя, на спокойную должность беречь запертаго человѣка; надъ ними назначается ефрейторъ—шпiонъ и плутъ. Пять-шесть жандармовъ дѣлали всю службу.

Старикъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ существо простое, доброе и преданное за всякую ласку, которыхъ, вѣроятно, ему немного доставалось въ жизни. Онъ дѣлалъ кампанію 1812 года, грудь его была покрыта медалями; срокъ свой онъ выслужилъ и остался по доброй волѣ, не зная, куда дѣться. «Я два раза,—говорилъ онъ,—писалъ на родину въ Могилевскую губернію, да отвѣта не было, видно, изъ моихъ никого больше нѣтъ, такъ оно какъ-то и жутко на родину прійти; побудешь, побудешь, да, какъ окаанный какой, и пойдешь, куда глаза глядятъ, Христа ради просить». Какое варварское и безжалостное устройство военной службы въ Россіи, съ ея чудовищнымъ срокомъ! Личность человѣка у насъ вездѣ принесена на жертву безъ малѣйшей пощады, безъ всякаго вознагражденія.

Старикъ Филимоновъ имѣлъ притязанія на знаніе нѣмецкаго языка, которому обучался на зимнихъ квартирахъ послѣ взятія Парижа. Онъ очень удачно перекладывалъ на русскіе нравы нѣмецкія слова: лошадь онъ называлъ *фертъ*, яйца—*еры*, рыбу—*пищъ*, овесъ—*оберъ*, блины—*панкухи*.

Въ его разсказахъ былъ характеръ наивности, наводившій на меня грусть и раздумье. Въ Молдавіи, во время турецкой кампаніи 1805 года, онъ былъ въ ротѣ капитана, добрѣйшаго въ мірѣ, который о каждомъ солдатѣ, какъ о сынѣ, пекся и въ дѣлѣ былъ всегда впереди. «Его приворожила къ себѣ одна молдаванка; мы видимъ: нашъ ротный командиръ въ заботѣ, а онъ, знаете, того, подмѣтилъ, что молдаванка къ другому офицеру похаживаетъ. Вотъ разъ позвалъ онъ меня и одного товарища—славнаго солдата, ему потомъ подь Малымъ-Ярославцемъ обѣ ноги оторвало—и сталъ намъ говорить, какъ его молдаванка обидѣла, и что хотимъ ли мы помочь ему и дать ей науку. Отчего же, говоримъ мы ему, мы вашему высокоблагородію всегда рады стараться. Онъ поблагодарилъ да и указалъ домъ, въ которомъ жилъ офицеръ, и говоритъ: вы ночью станьте на мосту, она безпремѣнно пойдетъ къ нему, вы ее безъ шума возьмите да и въ рѣку. Можно, молъ, ваше

высокоблагородіе, говоримъ мы ему, да и припасли съ товарищемъ мѣшочекъ; сидимъ-съ; только эдакъ къ полночи бѣжитъ молдаванка; мы, знаете, говоримъ ей: что, молъ, сударыня, торопитесь? да и дали ей разъ по головѣ; она, голубушка, не пикнула, мы ее въ мѣшокъ—да и въ рѣку. А капитанъ на другой день къ офицеру пришелъ и говоритъ: вы не гнѣвайтесь на молдаванку, мы ее немножко позадержали, она, т.-е., теперь въ рѣкѣ, а съ вами, дескать, прогуляться можно на саблѣ или на пистоляхъ, какъ угодно. Ну, и рублились. Тотъ нашему капитану грудь сильно прохватилъ, почехъ сердечный, иначе, мѣсяца черезъ три Богу душу и отдалъ».

— А молдаванка,—спросилъ я,—такъ и утонула?

— Утонула-съ,—отвѣчалъ солдатъ.

Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на дѣтскую безпечность, съ которой старый жандармъ мнѣ рассказывалъ эту исторію. И онъ, какъ будто догадавшись или подумавъ въ первый разъ о ней, добавилъ, успокаивая меня и примиряясь съ совѣстью:

— Язычица-съ, все равно, что некрещеная, такой народъ.

Жандармамъ даютъ всякій царскій день чарку водки. Вахмистръ дозволялъ Филимонову отказываться разъ пять-шесть отъ своей порціи и получать разомъ всѣ пять-шесть; Филимоновъ мѣтилъ на деревянную бирку, сколько стаканчиковъ пропущено, и въ самые большіе праздники отправлялся за ними. Водку эту онъ выливалъ въ миску, крошилъ въ нее хлѣбъ и ѣлъ ложкой. Послѣ такой закуски, онъ закуривалъ большую трубку на крошечномъ чубучкѣ; табакъ у него былъ крѣпости невѣроятной, онъ его самъ крошилъ и вслѣдствіе этого остроумно называлъ «самкраше». Кура, онъ укладывался на небольшомъ окнѣ,—стула въ солдатской комнатѣ не было,—согнувшись въ три погібели, и пѣлъ цѣсно:

Вышли дѣвки на лужокъ,
Гдѣ муравка и цвѣтокъ.

По мѣрѣ того, какъ онъ пьянѣлъ, онъ иначе произносилъ слово цвѣтокъ: «твѣтокъ», «квѣтокъ», «хвѣтокъ»; дойдя до «хвѣтокъ», онъ засыпалъ. Каково здоровье человѣка, слишкомъ шестидесяти лѣтъ, два раза раненаго и который выносилъ такіе завтраки!

Прежде, нежели я оставлю эти казарменно-фламандскія картины à la Зуверманъ—Калло ¹⁾ и эти тюремныя сплетни, похожія на воспоминанія всѣхъ въ неволѣ заключенныхъ, скажу еще нѣсколько словъ объ офицерахъ.

¹⁾ Первая фамилія принадлежитъ Филиппу В. изъ семьи голландскихъ живописцевъ, вторая—французскому живописцу.

Большая часть между ними были довольно добрые люди, вовсе не шпионы, а люди, случайно занесенные въ жандармскій дивизионъ. Молодые дворяне, мало или ничему не учившіеся, безъ состоянія, не зная, куда преклонить главы, они были жандармами, потому что не нашли другого дѣла. Должность свою они исполняли со всею военной точностью, но я не замѣчалъ тѣни усердія, исключая, впрочемъ, адъютанта, но зато онъ и былъ адъютантомъ.

Когда офицеры ознакомились со мной, они дѣлали всѣ маленькія льготы и облегченія, которыя отъ нихъ зависѣли; жаловаться на нихъ было бы грѣшно.

Одинъ молодой офицеръ рассказывалъ мнѣ, что въ 1831 году онъ былъ командированъ отыскать и захватить одного польскаго помѣщика, скрывавшагося въ сосѣдствѣ своего имѣнія. Его обвиняли въ сношеніяхъ съ эмиссарами. Офицеръ отправился по собраннымъ свѣдѣніямъ; онъ узналъ мѣсто, гдѣ укрывался помѣщикъ, явился туда съ командой, оцѣпилъ домъ и взошелъ въ него съ двумя жандармами. Домъ былъ пустой: походили они по комнатамъ, пошныряли,—нигдѣ никого, а, между прочимъ, нѣкоторыя бездѣлицы явно показывали, что въ домѣ недавно были жильцы. Оставя жандармовъ внизу, молодой человекъ второй разъ пошелъ на чердакъ; осматривая внимательно, онъ увидѣлъ небольшую дверь, которая вела къ чулану или къ какой-нибудь коморкѣ; дверь была заперта изнутри; онъ толкнулъ ее ногой, она отворилась,—и высокая женщина, красивая собой, стояла передъ ней; она молча указывала ему на мужчину, державшаго въ своихъ рукахъ дѣвочку лѣтъ двѣнадцати, почти безъ памяти. Это былъ онъ и его семья. Офицеръ смутился. Высокая женщина замѣтила это и спросила его: «И вы будете имѣть жестокость погубить ихъ?». Офицеръ извинялся, говоря обычныя пошлости о безпрекословномъ повинненіи, о долгѣ и, наконецъ, въ отчаяніи, видя, что его слова нисколько не дѣйствуютъ, кончилъ свою рѣчь вопросомъ: «Что же мнѣ дѣлать?». Женщина гордо посмотрѣла на него и сказала, указывая рукой на дверь: «Итти внизъ и сказать, что здѣсь никого нѣтъ».—«Ей Богу, не знаю,—говорилъ офицеръ,—какъ это случилось и что со мной было, но я сошелъ съ чердака и велѣлъ унтеру собрать команду. Черезъ два часа мы его усердно искали въ другомъ поимѣстьи, пока онъ пробирался за границу. Ну, женщина! признаюсь!»

...Ничего въ мірѣ не можетъ быть ограниченнѣе и безчеловѣчнѣе, какъ оптовыя осужденія цѣлыхъ сословій по надписи, по нравственному каталогу, по главному характеру цеха. Названія—страшная вещь. Ж.-П. Рихтеръ говоритъ съ чрезвычайной вѣр-

ностью: если дитя солжетъ, испугайте его дурнымъ дѣйствіемъ, скажите, что солгалъ, но не говорите, что онъ—*лгуна*. Вы разрушаете его нравственное довѣріе къ себѣ, опредѣляя его, какъ лгуна. «Это—убійца», говорятъ намъ, и намъ тотчасъ кажется спрятанный кинжалъ, звѣрское выраженіе, черные замыслы, точно будто убивать—постоянное занятіе, ремесло человѣка, которому случилось разъ въ жизни кого-нибудь убить. Нельзя быть шпиономъ, торгашомъ чужого разврата и честнымъ человѣкомъ, но можно быть жандармскимъ офицеромъ, не утративъ всего человѣческаго достоинства, такъ, какъ сплошь да рядомъ можно найти женственность, нѣжное сердце и даже благородство въ несчастныхъ жертвахъ «общественной невоздержанности».

Я имѣю отвращеніе къ людямъ, которые не умѣютъ, не хотятъ или не даютъ себѣ труда итти далѣе названія, перешагнуть черезъ преступленіе, черезъ запутанное, ложное положеніе, цѣломудренно отвращиваясь или грубо отталкивая. Это дѣлаютъ обыкновенно отвлеченныя, сухія, себялюбивыя, противныя въ своей чистотѣ натуры или натуры пошлыя, низшія, которымъ еще не удалось или не было нужды заявить себя официально; онѣ по сочувствію дома на грязномъ днѣ, на которое другіе упали. ⁶

ГЛАВА XII.

Слѣдствіе.—Голицынъ sen.—Голицынъ jun.—Генералъ Стааль.—Сентенція.—
Соколовскій.

...Но при всемъ этомъ что же *дѣло*, что же слѣдствіе и процессъ?

Въ новой комиссіи дѣло такъ же не шло на ладъ, какъ въ старой. Полиція слѣдила за нами давно, но, нетерпѣливая, не могла въ своемъ усердіи дождаться дѣльнаго повода и сдѣлала вздоръ.¹⁰ Она подслала отставного офицера Скаретку¹⁾, чтобъ насъ завлечь, обличить; онъ познакомился почти со всѣмъ нашимъ кругомъ, но мы очень скоро угадали, чтò онъ такое, и удалили его отъ себя. Другіе молодые люди, большею частью студенты, не были такъ осторожны, но эти *другіе* не имѣли съ нами никакой серьезной связи.

Одинъ студентъ, окончившій курсъ, давалъ своимъ пріятелямъ праздникъ 24 іюня 1834 года.¹¹ Изъ насъ не только не было ни одного на пиру, но никто не *былъ приглашенъ*. Молодые люди перепились, дурачились, танцевали мазурку и, между прочимъ, спѣли хоромъ извѣстную пѣсню Соколовскаго:

Русскій императоръ
Въ вѣчность отошелъ,—
Ему операторъ
Брюхо распоролъ.
Плачетъ государство,
Плачетъ весь народъ,—

¹⁾ Иванъ.

Ёдетъ къ намъ на царство
 Константинъ уродъ.
 Но царю вселенной,
 Богу высшихъ силъ,
 Царь Благословенный
 Грамотку вручилъ.
 Манифестъ читая,
 Сжалился Творецъ,
 Далъ намъ Николая,—
 Сукинъ сынъ, подлець. ¹²

Вечеромъ Скаретка *вдругъ* вспомнилъ, что это — день его именинъ, рассказалъ исторію; какъ онъ выгодно продалъ лошадь, и пригласилъ студентовъ къ себѣ, общая дюжину шампанскаго. Всѣ поѣхали. Шампанское явилось, и хозяинъ, покачиваясь, предложилъ еще разъ спѣть пѣсню Соколовскаго. Середь пѣнія отворилась дверь, и вошелъ Цынскій съ полиціей. Все это было грубо, глупо, неловко и притомъ неудачно.

Полиція хотѣла захватить *насъ*, она искала внѣшній поводъ запутать въ дѣло человѣкъ пять-шесть, до которыхъ добиралась, и захватила двадцать человѣкъ невинныхъ. ¹³

Но русскую полицію трудно сконфузить. Черезъ двѣ недѣли арестовали *насъ*, какъ *соприкосновенныхъ* къ дѣлу праздника. У Соколовскаго нашли письма С. ¹⁾, у С.—письма Огарева, у Огарева—мои,—тѣмъ не менѣе ничего не раскрывалось. ¹⁴ Первое слѣдствіе не удалось. Для большаго успѣха второй комисіи государь послалъ изъ Петербурга отборнѣйшаго изъ инквизиторовъ, А. О. Голицына.

Порода эта у *насъ* рѣдка. Къ ней принадлежалъ извѣстный начальникъ Третьяго отдѣленія Мордвиновъ ²⁾, виленскій ректоръ Пеликанъ ³⁾ да нѣсколько служилыхъ остзейцевъ и падшихъ поляковъ ⁴⁾.

Но на бѣду инквизиціи, первымъ членомъ былъ назначенъ московскій комендантъ Стааль. Стааль—прямодушный воинъ, старый, храбрый генералъ, разобралъ дѣло и нашель, что оно состоитъ изъ двухъ обстоятельствъ, не имѣющихъ ничего общаго между собой: изъ дѣла о праздникѣ, за который слѣдуетъ полицейски наказать, и изъ ареста людей, захваченныхъ Богъ знаетъ почему,

¹⁾ Сатинъ.

²⁾ Александръ Николаевичъ.

³⁾ Венценславъ Венценславовичъ.

⁴⁾ Къ вновь отличившимся талантамъ принадлежитъ извѣстный Липранди, подавшій проектъ объ учрежденіи академіи шпіонства. А. И. Г.

которыхъ вся видимая вина въ какихъ-то полу-высказанныхъ мнѣніяхъ, за которыя судить и трудно и смѣшно.

Мнѣніе Стаала не понравилось Голицыну младшему. Споръ ихъ принялъ колкій характеръ; старый воинъ вспыхнулъ отъ гнѣва, ударилъ своей саблей по полу и сказалъ: «Вмѣсто того, чтобы губить людей, вы бы лучше сдѣлали представленіе о закрытіи всѣхъ школъ и университетовъ, это предупредить другихъ несчастныхъ; а впрочемъ, вы можете дѣлать, что хотите, но дѣлать безъ меня: нога моя не будетъ въ комиссіи». Съ этими словами старикъ поспѣшно оставилъ залу.

Въ тотъ же день это было донесено государю.

Утромъ, когда комендантъ явился съ рапортомъ, государь спросилъ его, зачѣмъ онъ не хочетъ ѣздить въ комиссію? Стааль рассказалъ, зачѣмъ.

— Что за вздоръ?—возразилъ императоръ,—ссориться съ Голицыномъ, какъ не стыдно! Я надѣюсь, что ты попрежнему будешь въ комиссіи.

— Государь,—отвѣтилъ Стааль,—пощадите мой сѣдые волосы, я дожилъ до нихъ безъ малѣйшаго пятна. Мое усердіе извѣстно в. в., кровь моя, остатокъ дней принадлежать вамъ. Но тутъ дѣло идетъ о моей чести, — моя совѣсть возстаегъ противъ того, что дѣлается въ комиссіи.

Государь сморщился, Стааль откланялся и въ комиссіи не былъ ни разу съ тѣхъ поръ.

Этотъ анекдотъ, котораго вѣрность не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, бросаетъ большой свѣтъ на характеръ Николая. Какъ же ему не пришло въ голову, что если человѣкъ, которому онъ не отказываетъ въ уваженіи, храбрый воинъ, заслуженный старецъ, такъ упирается и такъ умоляетъ пощадить его честь, то, стало быть, дѣло не совсѣмъ чисто? Меньше нельзя было сдѣлать, какъ потребовать налицо Голицына и велѣть Стаалу при немъ объяснить дѣло. Онъ этого не сдѣлалъ, а велѣлъ насъ строже содержать.

Послѣ него въ комиссіи остались одни враги подсудимыхъ подъ предсѣдательствомъ простенькаго старичка, князя С. М. Голицына, который черезъ девять мѣсяцевъ такъ же мало зналъ дѣло, какъ девять мѣсяцевъ прежде его начала. Онъ хранилъ важно молчаніе, рѣдко вступалъ въ разговоръ и при окончаніи допроса всякій разъ спрашивалъ: «Его можно отпустить?»—Можно, отвѣчалъ Голицынъ junior,—и senior важно говорилъ арестанту: «Ступайте!».

Первый допросъ мой продолжался четыре часа.

Вопросы были двухъ родовъ. Одни имѣли цѣлью раскрыть

образъ мыслей, «несвойственныхъ духу правительства, мнѣнія революціонныя и проникнутыя пагубнымъ ученіемъ Сенъ-Симона»—такъ выражались Голицынъ junior и аудиторъ Оранскій.

Эти вопросы были легки, но не были вопросы. Въ захваченныхъ бумагахъ и письмахъ мнѣнія были высказаны довольно просто; вопросы, собственно, могли относиться къ вещественному факту: писалъ ли человекъ или нѣтъ такія строки. Комиссія сочла нужнымъ прибавлять къ каждой выписанной фразѣ: «какъ вы объясняете слѣдующее мѣсто вашего письма?».

Разумѣется, объяснять было нечего, я писалъ уклончивыя и пустыя фразы въ отвѣтъ. Въ одномъ письмѣ аудиторъ открылъ фразу: «въ конституціонныя хартіи ни къ чему не ведутъ, это—контракты между господиномъ и рабами; задача не въ томъ, чтобъ рабамъ было лучше, но чтобъ не было рабовъ». Когда мнѣ пришлось объяснять эту фразу, я замѣтилъ, что я не вижу никакой обязанности защищать конституціонное правительство и что, если-бы я его защищалъ, меня въ этомъ обвинили бы.

— На конституціонную форму можно нападать съ двухъ сторонъ,—замѣтилъ своимъ нервнымъ шипящимъ голосомъ Голицынъ junior;—вы не съ монархической точки нападаете, а то вы не говорили бы о *рабахъ*.

— Въ этомъ отношеніи я дѣлю ошибку съ императрицей Екатериной II, которая не велѣла своимъ подданнымъ зваться *рабами*.

Голицынъ junior, задыхаясь отъ злобы за этотъ ироническій отвѣтъ, сказалъ мнѣ:

— Вы, вѣрно, думаете, что мы здѣсь собираемся для того, чтобъ вести схоластическіе споры? что вы въ университетѣ защищаете диссертацию?

— Зачѣмъ же вы требуете объясненій?

— Вы дѣлаете видъ, будто не понимаете, чего отъ васъ хотятъ.

— Не понимаю.

— Какая у *нихъ* у *всѣхъ* упорность,—прибавилъ предсѣдатель Голицынъ senior, пожалъ плечами и взглянулъ на жандармскаго полковника Шубинскаго. Я улыбнулся. «Точно Огаревъ»,—довершилъ добрѣйшій предсѣдатель.

Слѣдалась пауза. Комиссія собиралась въ бібліотекѣ князя Сергѣя Михайловича; я обернулся къ шкафамъ и сталъ смотрѣть книги. Между прочимъ, тутъ стояло многотомное изданіе записокъ герцога Сенъ-Симона.

— Вотъ,—сказалъ я, обращаясь къ предсѣдателю,—какая не-

справедливость? Я подъ слѣдствіемъ за сень-симонизмъ, а у васъ, князь, томовъ двадцать его сочиненій.

Такъ какъ добрякъ, отродясь, ничего не читалъ, то онъ и не нашелся, что отвѣчать. Но Голицынъ jun. взглянулъ на меня глазами ехидны и спросилъ: «Что, вы не видите, что ли, что это — записки герцога С.-Симона, который былъ при Людовикѣ XIV?»

Предсѣдатель улыбулся, сдѣлалъ мнѣ знакъ головой, выражавшій: «что, братъ, обмишурился!» и сказалъ: «Ступайте».

Когда я былъ въ дверяхъ, предсѣдатель спросилъ: «Вѣдь, это онъ писалъ о Петрѣ I, вотъ что вы мнѣ показывали?» ¹⁾.

— Онъ,—отвѣчала Шубинскій.

Я приостановился.

— Il a des moyens ²⁾,—замѣтилъ предсѣдатель.

— Тѣмъ хуже. Ядъ въ ловкихъ рукахъ опаснѣе,—прибавилъ инквизиторъ;— превредный и совершенно неисправимый молодой человекъ...

Приговоръ мой лежалъ въ этихъ словахъ.

А ргорос къ Сень-Симону. Когда полицмейстеръ бралъ бумаги и книги у Огарева, онъ отложилъ томъ исторіи французской революціи Тьера, потомъ нашелъ другой... третій... восьмой. Наконецъ, онъ не вытерпѣлъ и сказалъ: «Господи! какое количество революціонныхъ книгъ... И вотъ еще!» — прибавилъ онъ, отдавая квартальному рѣчь Кювье «Sur les révolutions du globe terrestre» ³⁾.

Другой порядокъ вопросовъ былъ запутаннѣе. Въ нихъ употреблялись разныя полицейскія уловки и слѣдственные шалости, чтобы сбить, запутать, натянуть противорѣчіе. Тутъ дѣлались намеки на показаніе другихъ и разныя нравственныя пытки. Рассказывать ихъ не стоитъ, довольно сказать, что между нами четьрьмя ⁴⁾, при всѣхъ своихъ уловкахъ, они не могли натянуть *ни одной очной ставки*.

Получивъ послѣдній вопросъ, я сидѣлъ одинъ въ небольшой комнатѣ, гдѣ мы писали. Вдругъ отворилась дверь, и вошелъ Голицынъ jun. съ печальнымъ и озабоченнымъ видомъ.

— Я, — сказалъ онъ, — пришелъ поговорить съ вами передъ о кончаніемъ вашихъ показаній. Давнишняя связь моего покойнаго отца съ вашимъ заставляетъ меня принимать въ васъ особенное участіе. Вы молоды и можете еще сдѣлать карьеру; для этого вамъ надобно выпутаться изъ дѣла... а это зависитъ, по счастью, отъ

¹⁾ См. № 23.

²⁾ Онъ имѣетъ способности.

³⁾ «О катастрофахъ земного шара».

⁴⁾ Герценъ, Огаревъ, Сатинъ и Ив. Оболенскій.

васъ. Вашъ отецъ очень принялъ къ сердцу вашъ арестъ и живетъ теперь надеждой, что васъ выпустятъ; мы съ княземъ Сергіемъ Михайловичемъ сейчасъ говорили объ этомъ и искренно готовы многое сдѣлать; дайте намъ средства помочь.

Я видѣлъ, куда шла его рѣчь; кровь у меня бросилась въ голову, я съ досадой грызъ перо.

Онъ продолжалъ:

— Вы идете прямо подъ бѣлый ремень или въ казематы; по дорогѣ вы убьете отца: онъ дня не переживетъ, увидѣвъ васъ въ сѣрой шинели.

Я хотѣлъ что-то сказать, но онъ прервалъ мои слова.

— Я знаю, что вы хотите сказать. Потерпите немного. Что у васъ были замыслы противъ правительства, это очевидно. Для того, чтобъ обратить на васъ монаршую милость, намъ надобны доказательства вашего раскаянія. Вы запираетесь во всемъ, уклоняетесь отъ отвѣтовъ и изъ ложнаго чувства чести бережете людей, о которыхъ мы знаемъ больше, чѣмъ вы, и *которые не были такъ скромны, какъ вы*¹⁾; вы имъ не поможете, а они васъ стащатъ съ собой въ пропасть. Напишите письмо въ комиссію, просто, откровенно, скажите, что вы чувствуете свою вину, что вы были увлечены по молодости лѣтъ, *назовите* несчастныхъ заблудшихъ людей, которые вовлекли васъ... Хотите ли вы этой легкой цѣной искупить вашу будущность и жизнь вашего отца?

— Я ничего не знаю и не прибавлю къ моимъ показаніямъ ни слова,—отвѣтилъ я.

Голицынъ всталъ и сказалъ сухимъ голосомъ:

— А, такъ вы не хотите,—не наша вина!

Этимъ заключились допросы.

Въ январѣ или февралѣ 1835 года я былъ въ послѣдній разъ въ комиссіи. Меня призвали перечитать мои отвѣты, добавить, если хочу, и подписать. Одинъ Шубинскій былъ налицо. Окончивъ чтеніе, я сказалъ ему:

— Хотѣлось бы мнѣ знать, въ чемъ можно обвинить человека по этимъ вопросамъ и по этимъ отвѣтамъ? Подъ какую статью Свода вы подведете меня?

— *Сводъ законовъ назначенъ для преступленій другою рода*,—замѣтилъ голубой полковникъ.

— Это—дѣло иное. Перечитывая всѣ эти литературныя упра-

¹⁾ Нужно ли говорить, что это была наглая ложь, пошлая полицейская уловка. А. И. Г.

жненія, я не могу повѣрить, что въ этомъ-то все *дѣло*, по которому я сижу въ тюрьмѣ седьмой мѣсяць.

— Да вы, въ самомъ дѣлѣ, воображаете,—возразилъ Шубинскій,—что мы такъ и повѣрили вамъ, что у васъ не *составлялось* тайнаго общества!

— Гдѣ же это общество?—спросилъ я.

— Ваше счастье, что слѣдовъ не нашли, что вы не успѣли ничего надѣлать. Мы во время васъ остановили, то-есть, просто сказать, мы спасли васъ.

Опять исторія слесарши Пошлепкиной и ея мужа въ «Ревизорѣ».

Когда я подписалъ, Шубинскій позвонилъ и велѣлъ позвать священника. Священникъ взшелъ и подписалъ подъ моей подписью, что всѣ показанія мною сдѣланы были добровольно и безъ всякаго насилія. Само собою разумѣется, что онъ не былъ при допросахъ, и что даже не спросилъ меня изъ приличія, какъ и что было (а, это опять—мой добросовѣстный за воротами!).

По окончаніи слѣдствія тюремное заключеніе нѣсколько ослабили. Близкіе родные могли доставать въ ордонансъ-гаузѣ дозволеніе видѣться. Такъ прошли еще два мѣсяца. ¹⁵

Въ половинѣ марта приговоръ нашъ былъ утвержденъ; никто не зналъ его содержанія; одни говорили, что насъ посылаютъ на Кавказъ, другіе, — что насъ свезутъ въ Бобруйскъ, третьи надѣялись, что всѣхъ выпустятъ (таково было мнѣніе Стаала, посланное имъ особо государю; онъ предлагалъ вмѣнить намъ тюремное заключеніе въ наказаніе).

Наконецъ, насъ собрали всѣхъ двадцатаго марта къ князю Голицыну для слушанія приговора. ¹⁶ Это былъ праздникамъ праздникъ: тутъ мы увидѣлись въ первый разъ послѣ ареста.

Шумно, весело, обнимаясь и пожимая другъ другу руки, стояли мы, окруженные цѣпью жандармскихъ и гарнизонныхъ офицеровъ. Свиданіе одушевило всѣхъ; разспросамъ, анекдотамъ не было конца.

Соколовскій былъ налицо, нѣсколько похудѣвшій и блѣдный, но во всемъ блескѣ своего юмора.

Соколовскій, авторъ «Мірозданія», «Хеверы» и другихъ довольно хорошихъ стихотвореній, имѣлъ отъ природы большой поэтической талантъ, но не довольно дико самобытный, чтобъ обойтись безъ развитія, и не довольно образованный, чтобъ развиваться. Милый гуляка, поэтъ въ жизни, онъ вовсе не былъ политическимъ человѣкомъ. Онъ былъ очень забавенъ, любезенъ, веселый товарищъ въ веселыя минуты, *bon vivant*, любившій покутить, какъ мы всѣ... можетъ, немного больше.

Попавшись невзначай съ оргіи въ тюрьму, Соколовскій пре-восходно себя велъ, онъ выросъ въ острогѣ.

Аудиторъ комиссіи, педантъ, піэтистъ, сыщикъ, похудѣвшій, посѣдѣвшій въ зависти, стяжаніяхъ и ябедахъ, спросилъ Соколовскаго, не смѣя изъ преданности къ престолу и религіи понимать грамматическаго смысла послѣднихъ двухъ стиховъ:

— Къ кому относятся дерзкія слова въ концѣ пѣсни?

— Будьте увѣрены,—сказалъ Соколовскій,—что не къ государю, и особенно обращаю ваше вниманіе на эту *облегчающую* причину.

Аудиторъ пожалъ плечами, возвелъ глаза горѣ и, долго молча, посмотрѣвъ на Соколовскаго, понюхалъ табакъ.

Соколовскаго схватили въ Петербургѣ и, не сказавши, куда его повезутъ, отправили въ Москву. Подобныя шутки полиція у насъ дѣлаетъ часто и совершенно бесполезно. Это—ея поэзія. Нѣтъ на свѣтѣ такого прозаическаго, такого отвратительнаго занятія, которое бы не имѣло своей артистической потребности, ненужной роскоши, украшеній. Соколовскаго привезли прямо въ острогъ и посадили въ какой-то темный чуланъ. Почему его посадили въ острогъ, когда насъ содержали по казармамъ?

У него было съ собой двѣ-три рубашки и больше ничего. Въ Англии всякаго колодника, приводимаго въ тюрьму, тотчасъ по приходѣ сажаютъ въ ванну, у насъ берутъ предварительныя мѣры противъ чистоты.

Если-бъ докторъ Гаазъ ¹⁾ не прислалъ Соколовскому связку своего бѣлья, онъ заросъ бы въ грязи.

Докторъ Гаазъ былъ преоригинальный чудакъ. Память объ этомъ *юродивомъ* и *поврежденномъ* не должна заглухнуть въ лебедѣ официальныхъ некрологовъ, описывающихъ добродѣтели первыхъ двухъ классовъ, обнаруживающіяся не прежде гніенія тѣла.

Старый, худощавый, восковой старичокъ, въ черномъ фракѣ, коротенькихъ панталонахъ, въ черныхъ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ съ пряжками, казался только-что вышедшимъ изъ какой-нибудь драмы XVIII столѣтія. Въ этомъ grand ²⁾ gala похоронъ и свадебъ и въ пріятномъ климатѣ 59° сѣв. шир. Гаазъ ѣздилъ каждую недѣлю въ этапъ на Воробьевы горы, когда отправляли ссыльныхъ. Въ качествѣ доктора тюремныхъ заведеній, онъ имѣлъ доступъ къ нимъ, онъ ѣздилъ ихъ осматривать и всегда привозилъ съ собой корзину всякой всячины, съѣстныхъ припасовъ и разныхъ лакомствъ: грецкихъ орѣховъ, пряниковъ, апель-

¹⁾ Федоръ Петровичъ.

²⁾ Парадномъ костюмѣ.

синовъ и яблокъ для женщинъ. Это возбуждало гнѣвъ и негодованіе *благодѣлательныхъ* дамъ, боящихся благотвореніемъ сдѣлать удовольствіе, боящихся больше благотворить, чѣмъ нужно, чтобъ спасти отъ голодной смерти и трескучихъ морозовъ.

Но Гаазъ былъ несговорчивъ и, кротко выслушивая упреки за «глупое баловство преступницъ», потиралъ себѣ руки и говорилъ: «Извольте видѣть, милостивой сударинь, кусокъ хлѣба, крошъ имъ всякой даетъ, а конфекту или апфельзину долго онѣ не увидятъ, этого имъ никто не даетъ, это я могу консеквировать изъ вашихъ словъ; потому я и дѣлаю имъ это удовольствіе, что оно долго не повторится».

Гаазъ жилъ въ больницѣ. Приходитъ къ нему передъ обѣдомъ какой-то больной посовѣтоваться. Гаазъ осмотрѣлъ его и пошелъ въ кабинетъ что-то прописать. Возвратившись, онъ не нашелъ ни больного, ни серебряныхъ приборовъ, лежавшихъ на столѣ. Гаазъ позвалъ сторожа и спросилъ, не входилъ ли кто, кромѣ больного? Сторожъ смекнулъ дѣло, бросился вонъ и черезъ минуту возвратился съ ложками и пациентомъ, котораго онъ остановилъ съ помощью другого больничнаго солдата. Мошенникъ бросился въ ноги доктору и просилъ помилованія. Гаазъ сконфузился.

— Сходи за квартальнымъ,—сказалъ онъ одному изъ сторожей.—А ты позови сейчасъ писаря.

Сторожа, довольные открытіемъ, побѣдой и вообще участіемъ въ дѣлѣ, бросились вонъ, а Гаазъ, пользуясь ихъ отсутствіемъ, сказалъ вору: «Ты — фальшивый человѣкъ, ты обманулъ меня и хотѣлъ обокрасть, Богъ тебя разсудитъ... а теперь бѣги скорѣе въ заднія ворота, пока солдаты не вортились... Да постой, можетъ, у тебя нѣтъ ни гроша, вогъ полтинникъ; но старайся исправить свою душу: отъ Бога не уйдешь, какъ отъ будочника!».

Тутъ возстали на Гааза и домочадцы. Но неисправимый докторъ толковалъ свое: «воровство—большой порокъ; но я знаю полицію, я знаю, какъ они истязаютъ, — будутъ допрашивать, будутъ сѣчь; подвергнуть ближняго розгамъ гораздо большій порокъ; да и почему знать, можетъ, мой поступокъ тронетъ его душу!».

Домочадцы качали головой и говорили: «er hat einen Raptus»¹⁾; *благодѣлательныя* дамы говорили: «c'est un brave homme, mais ce n'est pas tout à fait en règle là»²⁾, и онѣ указывали на лобъ. А Гаазъ потиралъ руки и дѣлалъ свое.

... Едва Соколовскій кончилъ свои анекдоты, какъ нѣсколько

¹⁾ У него причуды.

²⁾ Это—честный человѣкъ, но тутъ не все въ порядкѣ.

другихъ разомъ начали свои; точно всѣ мы возвратились послѣ долгаго путешествія,—разспросамъ, шуткамъ, остротамъ не было конца.

Физически С.....¹⁾ пострадалъ больше другихъ, онъ былъ худъ и лишился части волосъ. Узнавъ въ Тамбовской губерніи, въ деревнѣ у своей матери, что насъ схватили, онъ самъ поѣхалъ въ Москву, чтобъ пріѣздъ жандармовъ не испугалъ мать, простудился на дорогѣ и пріѣхалъ домой въ горячкѣ. Полиція его застала въ постели,—вести въ часть было невозможно. Его арестовали дома, поставили у дверей спальни съ внутренней стороны полицейскаго солдата и *братамъ милосердія* посадили у постели больного квартальнаго надзирателя; такъ что, приходя въ себя послѣ бреда, онъ встрѣчалъ *слушающій* взглядъ одного или испитую рожу другого.

Въ началѣ зимы его перевезли въ Лефортовскій госпиталь; оказалось, что въ больницѣ не было ни одной пустой *секретной* арестантской комнаты; за такой бездѣлицей останавливаться не стоило: нашелся какой-то отгороженный уголь *безъ печи*.—положили больного въ эту южную веранду и поставили къ нему часового. Какова была температура зимой въ каменномъ чуланѣ, можно понять изъ того, что часовой ночью до того изнемогъ отъ стужи, что пошелъ въ коридоръ погрѣться къ печи, прося С..... не говорить объ этомъ дежурному.

Тропическое помѣщеніе показалось самимъ властямъ госпиталя въ такой близости въ полюсу невозможнымъ; С..... перевели въ комнату, возлѣ которой оттирали замерзлыхъ.

Не успѣли мы пересказать и переслушать половину походовъ, какъ вдругъ адъютанты засуетились, гарнизонные офицеры вытянулись, квартальные оправились, дверь отворилась торжественно — и маленькій князь Сергій Михайловичъ Голицынъ взошелъ en grande tenue²⁾, лента черезъ плечо; Цынскій—въ свитскомъ мундирѣ, даже аудиторъ Оранскій надѣлъ какой-то свѣтло-зеленый статско-военный мундиръ для такой радости. Комендантъ, разумѣется, не пріѣхалъ.

Шумъ и смѣхъ, между тѣмъ, до того возростали, что аудиторъ грозно вышелъ въ залу и замѣтилъ, что громкій разговоръ, и особенно смѣхъ, показываютъ пагубное *неуваженіе* къ высочайшей волѣ, которую мы должны услышать.

¹⁾ Сатинъ.

²⁾ Въ парадной формѣ.

Двери растворились. Офицеры раздѣлили насъ на три отдѣла; въ первомъ были: Соколовскій, живописецъ Уткинъ и офицеръ Ибаевъ; во второмъ были мы; въ третьемъ tutti frutti ¹⁾).

Приговоръ прочли особо первой категоріи; онъ былъ ужасенъ: обвиненные въ оскорбленіи величества, они ссылались въ Шлиссельбургъ на *безсрочное время*.

Всѣ трое выслушали геройски этотъ дикій приговоръ.

Когда Оранскій, мямля для важности, съ разстановкой читалъ, что за оскорбленіе величества и августѣйшей фамиліи слѣдуетъ то и то, Соколовскій ему замѣтилъ: «ну, фамиліи-то я никогда не оскорблялъ».

У него въ бумагахъ, сверхъ стиховъ, нашли шутя нѣсколько разъ писанныя подъ руку вел. кн. Михаила Павловича резолюціи съ намѣренными орфографическими ошибками, напр.: «утвѣрждаю», «пѣреговорить», «доложить мне» и пр., и эти ошибки способствовали къ обвиненію его.

Цыпскій, чтобъ показать, что и онъ можетъ быть развязнымъ и любезнымъ челоуѣкомъ, сказалъ Соколовскому послѣ сентенціи: «А вы прежде въ Шлиссельбургѣ бывали?»—«Въ прошломъ году,— отвѣчалъ ему тотчасъ Соколовскій,—точно сердце чувствовало, я тамъ выпилъ бутылку мадеры».

Черезъ два года Уткинъ умеръ въ казематѣ. Соколовскаго выпустили полумертваго на Кавказъ, онъ умеръ въ Пятигорскѣ. Какой-то остатокъ стыда и совѣсти заставилъ правительство послѣ смерти перевести третьяго въ Пермь. Ибаевъ умеръ по своему: онъ сдѣлался мистикомъ.

Уткинъ, «вольный художникъ, содержащійся въ острогѣ», какъ онъ подписывался подъ допросами, былъ челоуѣкъ лѣтъ сорока; онъ никогда не участвовалъ ни въ какомъ политическомъ дѣлѣ, но, благородный и порывистый, онъ давалъ волю языку въ комиссіи, былъ рѣзокъ и грубъ съ членами. Его за это *уморили* въ сыромъ казематѣ, въ которомъ вода текла со стѣнъ.

Ибаевъ былъ виноватѣе другихъ только эполетами. Не будь онъ офицеръ, его никогда бы такъ не наказали. Челоуѣкъ этотъ попалъ на *какую-то* пирушку, вѣроятно, пилъ и пѣлъ, какъ всѣ прочіе, но навѣрное не болѣе и не громче другихъ.

Пришелъ нашъ чередъ. Оранскій протеръ очки, откашлянулъ и принялся благоговѣнно возвѣщать высочайшую волю. Въ ней было *изображено*, что государь, разсмотрѣвъ докладъ комиссіи и взявъ въ особенное вниманіе молодыхъ лѣта преступниковъ, пове-

¹⁾ Всякая всячина.

льва подв судъ насъ не отдавать, а объявить намъ, что, по закону, слѣдовало бы насъ, какъ людей, уличенныхъ въ оскорбленіи величества пѣніемъ возмутительныхъ пѣсенъ, лишить живота, а, въ силу другихъ законовъ, сослать на вѣчную каторжную работу, вмѣсто чего государь, въ безпредѣльномъ милосердіи своемъ, большую часть виновныхъ прощаетъ, оставляя ихъ на мѣстѣ жительства подъ надзоромъ полиціи, болѣе же виноватыхъ повелѣваетъ подвергнуть исправительнымъ мѣрамъ, состоящимъ въ отправленіи ихъ на безсрочное время въ дальнія губерніи на гражданскую службу и подъ надзоръ мѣстнаго начальства.

Этихъ болѣе виновныхъ нашлось шестеро: Огаревъ, С....., Лахтинъ, Оболенскій, Сорокинъ и я. Я назначался въ Пермь. Въ числѣ осужденныхъ былъ Лахтинъ, который вовсе не былъ арестованъ. Когда его позвали въ комиссію слушать сентенцію, онъ думалъ, что это для страха, для того, чтобъ онъ казнилса глядя, какъ другихъ наказываютъ. Разсказывали, что кто-то изъ близкихъ князя Голицына, сердясь на его жену, удружилъ ему этимъ сюрпризомъ. Слабый здоровьемъ, онъ года черезъ три умеръ въ ссылкѣ.

Когда Оранскій окончилъ чтеніе, выступилъ полковникъ Шубинскій. Онъ отборными словами и ломоносовскимъ слогомъ объявилъ намъ, что мы обязаны предстательству того благороднаго вельможи, который предсѣдательствовалъ въ комиссіи, что государь былъ такъ милосердъ.

Шубинскій ждалъ, что при этомъ словѣ всѣ примутся благодарить князя; но вышло не такъ. Нѣсколько изъ прощенныхъ кивнули головой, да и то украдкой глядя на насъ.

Мы стояли, сложа руки, нисколько не показывая вида, что сердце наше тронуту царской и княжеской милостью.

Тогда Шубинскій выдумалъ другую уловку и, обращаясь къ Огареву, сказалъ: «Вы ѣдете въ Пензу. Неужели вы думаете, что это случайно? Въ Пензѣ лежитъ въ параличѣ вашъ отецъ; князь просилъ государя вамъ назначить этотъ городъ для того, чтобъ ваше присутствіе сколько нибудь ему облегчило ударъ вашей ссылки. Неужели и вы не находите причины благодарить князя?»

Дѣлать было нечего,—Огаревъ слегка поклонился... Вотъ изъ чего они бились.

Добренькому старику это понравилось, и онъ, не знаю, почему, вслѣдъ затѣмъ позвалъ меня. Я вышелъ впередъ съ святѣйшимъ намѣреніемъ, что бы онъ и Шубинскій ни говорили, не благодарить; къ тому же меня посылали дальше всѣхъ и въ самый скверный городъ.

— А вы ѣдете въ Пермь,—сказаль князь.

Я молчалъ. Князь срѣзался и, чтобъ что-нибудь сказать, прибавилъ: У меня тамъ есть имѣніе.

— Вамъ угодно что-нибудь поручить черезъ меня вашему старостѣ?—спросилъ я, улыбаясь.

— Я такимъ людямъ, какъ вы, ничего не поручаю—*карбонарія*мо,—добавилъ находчивый князь.

— Что же вы желаете отъ меня?

— Ничего.

— Мнѣ показалось, что вы меня позвали.

— Вы можете итти,—прервалъ Шубинскій.

— Позвольте,—возразилъ я,—благо я здѣсь, вамъ напомнить, что вы, полковникъ, мнѣ говорили, когда я былъ въ послѣдній разъ въ комиссії, что меня никто не обвиняетъ въ дѣлѣ праздника, а въ приговорѣ сказано, что я—одинъ изъ виновныхъ по этому дѣлу. Тутъ какая-нибудь ошибка.

— Вы хотите возражать на высочайшее рѣшеніе?—замѣтилъ Шубинскій. Смотрите, какъ бы Пермь не перемѣнилась на что-нибудь худшее. Я ваши слова велю записать.

— Я объ этомъ хотѣлъ просить. Въ приговорѣ сказано: по докладу комиссії; я возражаю на вашъ докладъ, а не на высочайшую волю. Я шлюсь на князя, что мнѣ не было даже вопроса ни о праздникѣ, ни о какихъ пѣсняхъ.

— Какъ будто вы не знаете,—сказаль Шубинскій, начинавшій блѣднѣть отъ злобы,—что ваша вина вдесятеро больше тѣхъ, которые были на праздникѣ. Вотъ,—онъ указаль пальцемъ на одного изъ прощенныхъ,—вотъ онъ подъ пьяную руку спѣлъ мерзость да послѣ на колѣнкахъ со слезами просилъ прощенія. Ну, вы еще отъ всякаго раскаянія далеки.

Господинъ, на котораго указаль полковникъ, промолчалъ и понурилъ голову, побагровѣвъ въ лицѣ... Урокъ былъ хорошъ. Вотъ и дѣлай послѣ мерзости...

— Позвольте, не о томъ рѣчь,—продолжалъ я,—великали моя вина, или нѣтъ; но если я убійца, я не хочу, чтобъ меня считали воромъ. Я не хочу, чтобъ обо мнѣ, даже оправдывая меня, сказали, что я то-то надѣлалъ «подъ пьяную руку», какъ вы сейчасъ выразились.

— Если бъ у меня былъ сынъ, родной сынъ, съ такой законностью, я бы самъ попросилъ государя сослать его въ Сибирь.

Тутъ оберъ-полицмейстеръ вмѣшалъ въ разговоръ какой-то безсвязный вздоръ. Жаль, что не было меньшого Голицына,—вотъ былъ бы случай поораторствовать.

Все это, разумеется, окончилось ничемъ.

Лахтинъ подошелъ къ князю Голицыну и просилъ отложить отъѣздъ. «Моя жена беременна», сказалъ онъ. «Въ этомъ я не виновата», отвѣчалъ Голицынъ. Звѣрь, бѣшенная собака, когда кусается, дѣлаетъ серьезный видъ, поджимаетъ хвостъ, а этотъ юродивый вельможа, аристократъ, да притомъ со славой добраго человека... не постыдился этой подлой шутки.

... Мы остановились еще разъ на четверть часа въ залѣ; вопреки ревностнымъ увѣщаніямъ жандармскихъ и полицейскихъ офицеровъ, крѣпко обнялись мы другъ съ другомъ и простились надолго. Кромѣ Оболенскаго, я никого не видѣлъ до возвращенія изъ Вятки.

Отъѣздъ былъ передъ нами.

Тюрьма продолжала еще прошлую жизнь; но съ отъѣздомъ въ глушь она обрывалась.

Юношеское существованіе въ нашемъ дружескомъ кружкѣ оканчивалось.

Ссылка продолжится, навѣрное, нѣсколько лѣтъ. Гдѣ и какъ встрѣтимся мы и встрѣтимся ли?...

Жаль было прежней жизни, и такъ круто приходилось ее оставить... не простясь. Видѣть Огарева я не имѣлъ надежды. Двое изъ друзей добрались ко мнѣ въ послѣдніе дни, но этого мнѣ было мало.

Еще бы разъ увидѣть мою юную утѣшительницу, пожать ей руку, какъ я пожалъ ей на кладбищѣ... Въ ея лицѣ хотѣлъ я проститься съ былымъ и встрѣтиться съ будущимъ...

Мы увидѣлись на нѣсколько минутъ 9 апрѣля 1835 г., накануне моего отправленія въ ссылку.

Долго святилъ я этотъ день въ моей памяти, это—одно изъ счастливѣйшихъ мгновеній въ моей жизни.

...Зачѣмъ же воспоминаніе объ этомъ днѣ и обо всѣхъ свѣтлыхъ дняхъ моего былого напоминаетъ такъ много страшнаго?.. Могилу, вѣнокъ изъ темно-красныхъ розъ, двухъ дѣтей, которыхъ я держалъ за руки, факелы, толпу изгнанниковъ, мѣсяць, теплое море подъ горой, рѣчь, которую я не понималъ, и которая рѣзала мое сердце...

Все прошло!

ГЛАВА XIII.

Ссылка.—Городничій.—Волга.—Пермь.

Утромъ 10 апрѣля жандармскій офицеръ привезъ меня въ домъ генераль-губернатора. Тамъ, въ секретномъ отдѣленіи канцеляріи позволено было родственникамъ ¹⁾ проститься со мною.

Разумѣется, все это было неловко и щемило душу; шныряющіе шпіоны, писаря; чтеніе инструкціи жандарму, который долженъ былъ меня везти; невозможность сказать что-нибудь безъ свидѣтелей,—словомъ, оскорбительнѣе и печальнѣе обстановки нельзя было придумать.

Я вздохнулъ, когда коляска покатилась, наконецъ, по Владиміркѣ.

Per me si va nella citta dolente,
Per me si va nel eterno dolore ²⁾...

На станціи гдѣ-то я написалъ эти два стиха, которые равно хорошо идутъ къ преддверію ада и къ сибирскому тракту.

Въ семи верстахъ отъ Москвы есть трактиръ, называемый «Перовымъ». Тамъ меня обѣщался ждать одинъ изъ близкихъ друзей ³⁾. Я предложилъ жандарму ⁴⁾ выпить водки, онъ согласился: отъ города было далеко. Мы взошли, но пріятеля тамъ не было.

¹⁾ Отецъ, мать, «Сенаторъ» и др.

²⁾ Вступаютъ мною въ градъ скорбей къ мученьямъ,
Вступаютъ мною къ мукѣ вѣковой.

«Адъ» Данте. III пѣснь, пер. Д. Мина.

³⁾ Н. Х. Кетчеръ.

⁴⁾ Рядовой Елистратъ Васильевъ.

Я мѣшкалъ въ трактирѣ всѣми способами, жандармъ не хотѣлъ больше ждать, ямщикъ трогалъ коней; вдругъ несется тройка и прямо къ трактиру; я бросился къ двери, — двое незнакомыхъ гуляющихъ купеческихъ сынковъ шумно слѣзали съ телѣги. Я посмотрѣлъ вдаль, — ни одной движущейся точки, ни одного человѣка не было видно на дорогѣ къ Москвѣ... Горько было садиться и ѣхать. Я далъ двугривенный ямщику, и мы понеслись, какъ изъ лука стрѣла.

Мы ѣхали, не останавливаясь; жандарму велѣно было дѣлать не менѣе двухсотъ верстъ въ сутки. Это было бы сносно, но только не въ началѣ апрѣля. Дорога мѣстами была покрыта льдомъ, мѣстами водой и грязью; притомъ, подвигаясь къ Сибири, она становилась хуже и хуже съ каждой станціей.

Первый путевой анекдотъ былъ въ Покровѣ ¹⁾.

Мы потеряли нѣсколько часовъ за льдомъ, который шелъ по рѣкѣ, прерывая всѣ сношенія съ другимъ берегомъ. Жандармъ торопился; вдругъ станціонный смотритель въ Покровѣ объявляетъ, что лошадей нѣтъ. Жандармъ показываетъ, что въ подорожной сказано: «давать изъ курьерскихъ, если нѣтъ почтовыхъ». Смотритель отвѣчаетъ, что лошади взяты подъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ. Какъ разумѣется, жандармъ сталъ спорить, шумѣть; смотритель побѣждалъ доставать обывательскихъ лошадей. Жандармъ отправился съ нимъ.

Надоѣло мнѣ дожидаться ихъ въ нечистой комнатѣ станціоннаго смотрителя. Я вышелъ за ворота и сталъ ходить передъ домомъ. Это была первая прогулка безъ солдата послѣ девятимѣсячнаго заключенія.

Я ходилъ съ полчаса, какъ вдругъ повстрѣчался мнѣ чело-вѣкъ въ мундирномъ сюртукѣ безъ эполетъ и съ голубымъ *rouge le mérite* ²⁾ на шеѣ. Онъ съ чрезвычайной настойчивостью посмотрѣлъ на меня, прошелъ, тотчасъ возвратился и съ дерзкимъ видомъ спросилъ меня:

— Васъ везетъ жандармъ въ Пермь?

— Меня, — отвѣчалъ я, не останавливаясь.

— Позвольте. позвольте, да какъ же онъ смѣетъ...

— Съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

— Я—здѣшній городничій, — отвѣтилъ незнакомецъ голосомъ, въ которомъ звучало глубокое сознание высоты такого обществен-

¹⁾ Владимірской губ.

²⁾ За заслугу—прусскій орденъ.

наго положенія ¹⁾.—Прошу покорно, я съ часу на часъ жду товарища министра, а тутъ политическіе арестанты по улицамъ прогуливаются. Да что же это за осель жандармъ?

— Не угодно ли вамъ адресоваться къ самому жандарму?

— Не адресоваться, а я его арестую, я ему велю влѣпить сто палокъ, а васъ отправлю съ полицейскимъ.

Я кивнулъ ему головой, не дожидаясь окончанія рѣчи, и быстрыми шагами пошелъ въ станціонный домъ. Въ окно мнѣ было слышно, какъ онъ горячился съ жандармомъ, какъ грозилъ ему. Жандармъ извинялся, но, кажется, мало былъ испуганъ. Минуты черезъ три они взошли оба; я сидѣлъ, обернувшись къ окну, и не смотрѣлъ на нихъ.

Изъ вопросовъ городничаго жандарму я тотчасъ увидѣлъ, что онъ снѣдаемъ желаніемъ узнать, за какое дѣло, почему и какъ я сосланъ. Я упорно молчалъ. Городничій началъ безличную рѣчь между мною и жандармомъ:

— Въ наше положеніе никто не хочетъ взойти. Что мнѣ весело, что ли, браниться съ солдатомъ или дѣлать неприятности чедовѣку, котораго я отродясь не видалъ? Отвѣтственность! Городничій—хозяинъ города. Что бы ни было, отвѣчай; казначейство обокрадутъ—виноватъ; церковь сгорѣла—виноватъ; пьяныхъ много на улицѣ—виноватъ; вина мало пьютъ—тоже виноватъ (последнее замѣчаніе ему очень понравилось, и онъ продолжалъ болѣе веселымъ тономъ); хорошо, вы меня встрѣтили,—ну, встрѣтили бы министра да тоже бы эдакъ мимо, а тотъ спросилъ бы: «Какъ, политическій арестантъ гуляетъ?!—городничаго подъ судъ...»

Мнѣ, наконецъ, надоѣло его краснорѣчіе, и я, обращаясь къ нему, сказалъ:

— Дѣлайте все, что вамъ приказываетъ служба, но я васъ прошу избавить меня отъ поученій. Изъ вашихъ словъ я вижу, что вы ждали, чтобъ я вамъ поклонился. Я не имѣю привычки кланяться незнакомымъ.

Городничій сконфузился.

У насъ все такъ, говаривалъ А. А. ²⁾; кто первый дастъ острастку, начнетъ кричать, тотъ и одержитъ верхъ. Если, говоря съ начальникомъ, вы ему позволите поднять голосъ,—вы пропали: услышавъ себя кричащимъ, онъ сдѣлается дикій звѣрь. Если же при первомъ грубомъ словѣ вы закричали, онъ непременно испугается

¹⁾ Подполковникъ Лавръ Тимоѣевичъ Измайловъ.

²⁾ Вѣроятно, Алексѣй Алексѣевичъ Тучковъ.

и уступить, думая, что вы съ характеромъ и что такихъ людей ненадобно слишкомъ дразнить.

Городничій услалъ жандарма спросить, что лошади, и, обращаясь ко мнѣ, замѣтилъ въ родѣ извиненія:

— Я это больше для солдата и сдѣлалъ; вы не знаете, что такое нашъ солдатъ,—ни малѣйшаго попушенія не слѣдуетъ допускать; но, повѣрьте, я умѣю различать людей... Позвольте васъ спросить, какой несчастный случай?..

— По окончаніи дѣла намъ запретили рассказывать.

— Въ такомъ случаѣ... конечно... я не смѣю...—и взгляды городничаго выразилъ муку любопытства. Онъ помолчалъ.

— У меня былъ родственникъ дальній, онъ сидѣлъ съ годъ въ Петропавловской крѣпости; знаете, тоже сношенія... Позвольте, у меня это на душѣ, вы, кажется, все еще сердитесь? Я человѣкъ военный, строгій, привыкъ; по семнадцатому году поступилъ въ полкъ, у меня нравъ горячій, но черезъ минуту все прошло. Я вашего жандарма оставляю въ покоѣ, чортъ съ нимъ совсѣмъ...

Жандармъ взошелъ съ докладомъ, что ранѣе часа лошадей нельзя пригнать съ выгона.

Городничій объявилъ ему, что онъ прощаетъ его, по моему ходатайству, потомъ, обращаясь ко мнѣ, прибавилъ:

— И вы ужъ не откажите въ моей просьбѣ и, въ доказательство, что не сердитесь,—я живу черезъ два дома отсюда,—позвольте васъ просить позавтракать, чѣмъ Богъ послалъ.

Это было такъ смѣшно послѣ нашей встрѣчи, что я пошелъ къ городничему и ѣлъ его балыкъ и его икру, и пилъ его водку и мадеру.

Онъ до того разлюбезничался, что рассказалъ мнѣ всѣ свои семейныя дѣла, даже семилѣтнюю болѣзнь жены. Послѣ завтрака онъ съ гордымъ удовольствіемъ взялъ съ вазы, стоявшей на столѣ, письмо и далъ мнѣ прочесть «стихотвореніе» его сына, удостоенное публичнаго чтенія на экзаменѣ въ кадетскомъ корпусѣ. Одолживъ меня такими знаками несомнѣннаго довѣрія, онъ ловко перешелъ къ вопросу, косвенно поставленному, о моемъ дѣлѣ. На этотъ разъ я долею удовлетворилъ городничаго.

Городничій этотъ напомнилъ мнѣ того секретаря уѣзднаго суда, о которомъ рассказывалъ нашъ Щ. ¹⁾ Девять исправниковъ перемѣнились, а секретарь остался безсмѣнно и управлялъ попрежнему уѣздомъ. Какъ это вы ладите со всѣми? спросилъ Щ. «Ничего-съ, съ Божіей помощью обходимся кой-какъ. Иной, точно,

¹⁾ М. С. Щепкинъ.

сначала такой сердитый, бьетъ передними и задними ногами, кричить, ругается; и въ отставку, говорить, выгоню и въ губернію, говорить, отпишу... Ну, знаете, наше дѣло подчиненное, смолчишь и думаешь: дай срокъ, надорвется еще! такъ это,—еще первая упряжка. И, дѣйствительно, глядишь, — куда потомъ *во пздѣ хорошѣ*.

...Когда мы подъѣхали къ Казани, Волга была во всемъ блескѣ весенняго разлива; цѣлую станцію отъ Услона ¹⁾ до Казани надобно было плыть на досчаникѣ: рѣка разливалась верстъ на пятнадцать или больше. День былъ ненастный. Перевозъ остановился, множество телѣгъ и всякихъ повозокъ ждали на берегу.

Жандармъ пошелъ къ смотрителю и требовалъ досчаника. Смотритель давалъ его нехотя, говорилъ, что, впрочемъ, лучше обождать, что неровень часъ. Жандармъ торопился, потому что былъ пьянъ, потому что хотѣлъ показать свою власть.

Уставили мою коляску на небольшомъ досчаникѣ и мы поплыли. Погода, казалось, утихла; татаринъ черезъ полчаса поднялъ парусъ, какъ вдругъ утихавшая буря снова усилилась. Насъ понесло съ такой силой, что, нагнавъ какое-то бревно, мы такъ въ него стукнулись, что дрянной паромъ проломился, и вода разлилась по палубѣ. Положеніе было непріятное; впрочемъ, татаринъ сумѣлъ направить досчаникъ на мель.

Купеческая барка прошла въ виду; мы ей кричали, просили прислать лодку; бурлаки слышали и проплыли, не сдѣлавъ ничего.

Крестьянинъ подъѣхалъ на небольшой комягѣ съ женой, спросилъ насъ, въ чемъ дѣло, и, замѣтивъ: «Ну, что же? Ну, заткнуть дыру да благословясь и въ путь. Что тутъ киснуть? ты, вотъ, для того, что татаринъ, такъ ничего и не умѣешь сдѣлать», — взошелъ на досчаникъ.

Татаринъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ очень встревоженъ. Во-первыхъ, когда вода залила спящаго жандарма, тотъ вскочилъ и тотчасъ началъ бить татарина. Во-вторыхъ, досчаникъ былъ казенный, и татаринъ повторялъ: «Ну, вотъ потонетъ, что мнѣ будетъ! что мнѣ будетъ!». Я его утѣшалъ, говоря, что и онъ тогда съ досчаникомъ потонетъ.

— Хорошо, бачка, коли потону, а какъ нѣтъ? — отвѣчалъ онъ.

Мужикъ и работники заткнули дыру всякой всячиной; мужикъ постучалъ топоромъ, прибилъ какую-то досчечку; потомъ, по поясъ въ водѣ, помогъ другимъ стащить досчаникъ съ мели, и мы скоро вплыли въ русло Волги. Рѣка несла свирѣпо. Вѣтеръ и

¹⁾ Верхній Услонъ.

дождь со снѣгомъ сѣкли лицо, холодъ проникалъ до костей, но вскорѣ сталъ вырѣзываться изъ-за тумана и потоковъ воды памятникъ Іоанна Грознаго. Казалось, опасность прошла, какъ вдругъ татаринъ жалобнымъ голосомъ закричалъ: «Тече, тече!», и, дѣйствительно, вода съ силой вливалась въ заткнутую дыру. Мы были на самомъ стержнѣ рѣки, досчаникъ двигался тише и тише, можно было предвидѣть, когда онъ совсѣмъ погрузнетъ. Татаринъ снялъ шапку и молился. Мой камердинеръ ¹⁾, растерянный, плакалъ и говорилъ: «Прощай, моя матушка, не увижусь я съ тобой больше». Жандармъ бранился и общался на берегу всѣхъ исколотить.

Сначала и мнѣ было жутко; къ тому же вѣтеръ съ дождемъ прибавлялъ какой-то безпорядокъ, смятеніе. Но мысль, что это нелѣпо, чтобъ я могъ погибнуть, *ничего не сдѣлавъ*, это юношеское *quid timeas? Caesarem vehis!* ²⁾ взяло верхъ, и я спокойно ждалъ конца, увѣренный, что не погибну между Услономъ и Казанью. Жизнь впослѣдствіи отучаетъ отъ гордой вѣры, наказываетъ за нее; оттого-то юность и отважна и полна героизма, а въ лѣтахъ человѣкъ остороженъ и рѣдко увлекается.

...Черезъ четверть часа мы были на берегу подлѣ стѣнъ казанскаго кремля, передрогнушіе и вымоченные. Я взошелъ въ первый кабакъ, выпилъ стаканъ пѣннаго вина, закусилъ печенымъ яйцомъ и отправился въ почтамтъ.

Въ деревняхъ и маленькихъ городкахъ у станціонныхъ смотрителей есть комната для проѣзжихъ. Въ большихъ городахъ всѣ останавливаются въ гостиницахъ, и у смотрителей нѣтъ ничего для проѣзжающихъ. Меня привели въ почтовую канцелярію. Станціонный смотритель показалъ мнѣ свою комнату; въ ней были дѣти и женщины, больной старикъ не сходилъ съ постели,—мнѣ рѣшительно не было угла переодѣться. Я написалъ письмо къ жандармскому генералу и просилъ его отвести комнату гдѣ-нибудь, для того, чтобъ обогрѣться и высушить платье.

Черезъ часъ времени жандармъ воротился и сказалъ, что графъ Апраксинъ ³⁾ велѣлъ отвести комнату. Подождаль я часа два, никто не приходилъ, и я опять отправилъ жандарма. Онъ пришелъ съ отвѣтомъ, что полковникъ Поль ⁴⁾, которому генераль

¹⁾ Петръ Ѳедоровичъ.

²⁾ Чего ты боишься? Ты везешь цезаря.

³⁾ Ген.-маіоръ Петръ Ивановичъ.

⁴⁾ Петръ Ивановичъ, жандармскій подполковникъ, позже полицмейстеръ Казани.

приказаль отвести мнѣ квартиру, въ дворянскомъ клубѣ играетъ въ карты и что квартиры до завтра отвести нельзя.

Это было варварство, и я написалъ второе письмо къ графу Апраксину, прося меня немедленно отправить, говоря, что я на слѣдующей станціи могу найти пріютъ. Графъ изволилъ почивать, и письмо осталось до утра. Нечего было дѣлать; я снялъ мокрое платье и легъ на столѣ почтовой конторы, завернувшись въ шинель «старшаго»; вмѣсто подушки, я взялъ толстую книгу и положилъ на нее немного бѣлья.

Утромъ я послалъ принести себѣ завтракъ. Чиновники уже собирались. Экзекуторъ ставилъ мнѣ на видъ, что, въ сущности, завтракать въ присутственномъ мѣстѣ не хорошо, что ему лично это все равно, но что почтмейстеру это можетъ не понравиться.

Я шутя говорилъ ему, что выгнать можно только того, кто имѣетъ право выйти, а кто не имѣетъ его, тому поневолѣ приходится ѣсть и пить тамъ, гдѣ онъ задержанъ...

На другой день графъ Апраксинъ разрѣшилъ мнѣ остаться до трехъ дней въ Казани и остановиться въ гостиницѣ.

Три дня эти я бродилъ съ жандармомъ по городу. Татарки съ покрытыми лицами, скуластые мужья ихъ, православныя мечети рядомъ съ православными церквями,—все это напоминаетъ Азію и Востокъ. Во Владимірѣ, Нижнемъ подозрѣвается близость къ Москвѣ, здѣсь—даль отъ нея.

...Въ Перми меня привезли прямо къ губернатору ¹⁾. У него былъ большой съѣздъ: въ этотъ день вѣнчали его дочь съ какимъ-то офицеромъ. Онъ требовалъ, чтобъ я взошелъ, и я долженъ былъ представиться всему пермскому обществу въ замаранномъ дорожномъ архалукѣ, въ грязи и пыли. Губернаторъ, потолковавъ всякій вздоръ, запретилъ мнѣ знакомиться съ сосланными поляками и велѣлъ на дняхъ прійти къ нему, говоря, что онъ тогда сыщеть мнѣ занятіе въ канцеляріи.

Губернаторъ этотъ былъ изъ малороссіянь, сосланныхъ не тѣснилъ и, вообще, былъ человѣкъ смирный. Онъ какъ-то втихомолку улучшалъ свое состояніе; какъ кротъ, гдѣ-то подъ землею, незамѣтно онъ прибавлялъ зерно къ зерну и отложилъ-таки малую толику на черные дни.

Для какого-то непонятнаго контроля и порядка, онъ приказывалъ всѣмъ сосланнымъ на житье въ Пермь являться къ себѣ въ десять часовъ утра по субботамъ. Онъ выходилъ съ трубкой и съ листомъ, повѣрялъ, всѣ ли налицо, а если кого не было, посы-

¹⁾ Гавріиль Корняевичъ Селастенникъ; Герценъ прибылъ 28 апрѣля.

лалъ квартальнаго узнавать о причинѣ, ничего почти ни съ кѣмъ не говорилъ и отпускалъ. Такимъ образомъ я въ его залѣ пере-знакомился со всѣми поляками, съ которыми онъ предупреждалъ, чтобъ я не былъ знакомъ. ¹⁷

На другой день послѣ моего приѣзда уѣхалъ жандармъ, и я впервые послѣ ареста очутился на волѣ.

На волѣ... въ маленькомъ городѣ на сибирской границѣ, безъ малѣйшей опытности, не имѣя понятія о средѣ, въ которой мнѣ надобно было жить.

Изъ дѣтской я перешелъ въ аудиторію, изъ аудиторіи—въ дружескій кружокъ,—теоріи, мечты, свои люди, никакихъ дѣловыхъ отношеній. Потомъ тюрьма, чтобъ дать всему осѣсться. Практическое соприкосновеніе съ жизнью начиналось тутъ, возлѣ Уральскаго хребта.

Она тотчасъ заявила себя. На другой день послѣ приѣзда я пошелъ со сторожемъ губернаторской канцеляріи искать квартиру; онъ меня привелъ въ большой одноэтажный домъ. Сколько я ему ни толковалъ, что я ищу домъ очень маленькій и, еще лучше, часть дома, онъ упорно требовалъ, чтобъ я взошелъ.

Хозяйка усадила меня на диванъ; узнавъ, что я изъ Москвы, спросила, видѣлъ ли я въ Москвѣ г. Кабрита. Я ей сказалъ, что никогда и фамиліи подобной не слыхалъ.

— Что ты это,—замѣтила старушка,—Кабриту-то?—и она назвала его по имени и по отчеству. Помилуй, батюшка, онъ у насъ вистъ-то губернаторомъ ¹⁾.

— Да я девять мѣсяцевъ въ тюрьмѣ сидѣлъ, можетъ, потому не слыхалъ,—сказалъ я, улыбаясь.

— *Пожалуй*, что и такъ. Такъ ты, батюшка, домикъ нанимаешь?

— Великъ, больно великъ, я служивому-то говорилъ.

— Лишнее добро за плечами не висить.

— Оно такъ, но за лишнее добро вы попросите и денегъ побольше.

— Ахъ, отецъ родной, да кто же это тебѣ о моихъ цѣнахъ говорилъ? я и не молвила еще.

— Да я понимаю, что нельзя дешево взять за такой домъ.

— Дашь-то ты сколько?

Чтобъ отдѣлаться отъ нея, я сказалъ, что больше трехсотъ пятидесяти руб. асс. не дамъ.

¹⁾ Андрей Федоровичъ, вице-губернаторъ.

— Ну, и на томъ спасибо; велика, голубчикъ мой, чемоданчики-то перенести да выпей тенирѣфу рюмочку.

Цѣна ея мнѣ показалась баснословно дешевой, я взялъ домъ, и, когда совсѣмъ собрался итти, она меня остановила.

— Забыла тебя спросить: а что коровку свою станешь держать?

— Нѣтъ, помилуйте—отвѣчалъ я, до оскорбленія пораженный ея вопросомъ.

— Ну, такъ я буду тебѣ сливочекъ приносить.

Я пошелъ домой, думая съ ужасомъ, гдѣ я и что я, что меня заподозрили въ возможности держать свою коровку.

Но я еще не успѣлъ оглядѣться, какъ губернаторъ мнѣ объявилъ, что я переведенъ въ Вятку, потому что другой сосланный, назначенный въ Вятку ¹⁾, просилъ его перевести въ Пермь, гдѣ у него были родственники. Губернаторъ хотѣлъ, чтобъ я ѣхалъ на другой же день. Это было невозможно: думая остаться нѣсколько времени въ Перми, я накопилъ всякой всячины, надобно было продать хоть за полцѣны. Послѣ разныхъ уклончивыхъ отвѣтовъ, губернаторъ разрѣшилъ мнѣ остаться двое сутокъ, взявъ слово, что я не буду искать случая увидѣться съ другимъ сосланнымъ ²⁾.

Я собирался на другой день продать лошадь и всякую дрянь, какъ вдругъ явился полицмейстеръ ³⁾ съ приказомъ выѣхать въ продолженіе 24 часовъ. Я объяснилъ ему, что губернаторъ далъ мнѣ отсрочку. Полицмейстеръ показалъ бумагу, въ которой, дѣйствительно, было ему предписано выпроводить меня въ 24 часа. Бумага была подписана въ самый тотъ день, слѣдовательно, послѣ разговора со мною.

— А, — сказалъ полицмейстеръ, — понимаю, понимаю: это нашъ герой-то хочетъ оставить дѣло на моей отвѣтственности.

— Поѣдемте его уличать.

— Поѣдемте!

Губернаторъ сказалъ, что онъ забыть разрѣшеніе, данное мнѣ. Полицмейстеръ лукаво спросилъ, не прикажетъ ли онъ переписать бумагу. «Стоить ли труда» — прибавилъ простодушно губернаторъ.

— Поймали! — сказалъ мнѣ полицмейстеръ, потирая отъ удовольствія руки... — чернильная душа!

¹⁾ И. А. Оболенскій.

²⁾ Однако, свиданіе пріятелей состоялось; Оболенскій прибылъ въ Пермь 11 мая, Герценъ уѣхалъ изъ нея — 13-го.

³⁾ Городничій, Федоръ Ивановичъ Вайгель.

Пермскій полицмейстеръ принадлежалъ къ особому типу военно-гражданскихъ чиновниковъ. Это—люди, которымъ посчастливилось въ военной службѣ какъ-нибудь наткнуться на штыкъ или подвернуться подъ пулю, за это имъ даются преимущественно мѣста городничихъ, экзекуторовъ.

Въ полку они привыкли къ нѣкоторымъ замашкамъ откровенности, затвердили разныя сентенціи о неприкосновенности чести, о благородствѣ, язвительныя насмѣшки надъ писарями. Младшіе изъ нихъ читали Марлинскаго и Загоскина, знаютъ на память начало «Кавказскаго плѣнника», «Войнаровскаго» ¹⁾ и часто повторяютъ затверженные стихи. Напримѣръ, иные говорятъ всякій разъ, заставая человѣка курящимъ:

«Янтарь въ устахъ его дымился».

Всѣ они безъ исключенія глубоко и громко сознаютъ, что ихъ положеніе гораздо ниже ихъ достоинства; что одна нужда можетъ ихъ держать въ этомъ «чернильномъ мірѣ»; что если-бъ ни бѣдность и не раны, то они управляли бы корпусами арміи или были бы генераль-адъютантами. Каждый прибавляетъ поразительный примѣръ кого-нибудь изъ прежнихъ товарищей и говоритъ: «Вѣдь, вотъ—Крейць или Ридигеръ ²⁾—въ одномъ приказѣ въ корнеты произведены были. Жили на одной квартирѣ,—Петруша, Алеша... ну, я, видите, не нѣмецъ да и поддержки не было никакой,—вотъ и сиди будочникомъ. Вы думаете, легко благородному человѣку съ нашими понятіями занимать полицейскую должность?».

Жены ихъ еще болѣе горюютъ и съ стѣсненнымъ сердцемъ возятъ въ ломбардъ всякій годъ денежки класть, отправляясь въ Москву подъ предлогомъ, что мать или тетка больна и хочетъ въ послѣдній разъ видѣть.

И такъ они живутъ себѣ лѣтъ пятнадцать. Мужъ, жалуюсь на судьбу, сѣчетъ полицейскихъ, бьетъ мѣщанъ, подличаетъ передъ губернаторомъ, покрываетъ воровъ, крадетъ документы и повторяетъ стихи изъ «Бахчисарайскаго фонтана». Жена, жалуюсь на судьбу и на провинціальную жизнь, беретъ все на свѣтѣ, грабитъ просителей, лавки и любить мѣсячныя ночи, которыя называетъ «лунными».

Я потому остановился на этой характеристикѣ, что сначала я былъ обманутъ этими господами и въ самомъ дѣлѣ считалъ ихъ нѣсколько получше другихъ, что вовсе не такъ...

Я увезъ изъ Перми одно личное воспоминаніе, которое дорого мнѣ.

¹⁾ Запрещенная тогда поэма К. Θ. Рылѣева.

²⁾ Генералы эпохи Александра I.

На одномъ изъ губернаторскихъ смотровъ ссыльнымъ меня пригласилъ къ себѣ одинъ ксендзъ. Я засталъ у него нѣсколько поляковъ.¹⁸ Одинъ изъ нихъ сидѣлъ молча, задумчиво куря маленькую трубку; тоска, тоска безвыходная видна была въ каждой чертѣ. Онъ былъ сутуловатъ, даже кривобокъ, лицо его принадлежало къ тому неправильному польско-литовскому типу, который удивляетъ сначала и привязываетъ потомъ; такія черты были у величайшаго изъ поляковъ—у Фаддея Костюшки. Одежда Цѣхановича свидѣтельствовала о страшной бѣдности.

Спустя нѣсколько дней, я гулялъ по пустынному бульвару, которымъ оканчивается въ одну сторону Пермь; это было во вторую¹⁾ половину мая; молодой листъ развертывался, березы цвѣли (помнится, вся аллея была березовая),—и никѣмъ никого. Провинціалы наши не любятъ *латоническихъ* гуляній. Долго бродя, я увидѣлъ, наконецъ, по другую сторону бульвара, т.-е. на полѣ, какого-то человѣка, гербаризировавшаго или просто рвавшаго однообразные и скудные цвѣты того края. Когда онъ поднялъ голову, я узналъ Цѣхановича и подошелъ къ нему.

Впослѣдствіи я много видѣлъ мучениковъ польскаго дѣла; Четьи-Миней польской борьбы чрезвычайно богаты,—Цѣхановичъ былъ первый. Когда онъ мнѣ рассказалъ, какъ ихъ преслѣдовали заплечные мастера въ генераль-адъютантскихъ мундирахъ, эти кулаки, которыми дрался разсвирѣпѣлый деспотъ Зимняго дворца,—жалки показались мнѣ тогда наши невзгоды, наша тюрьма и наше слѣдствіе.

Въ Вильнѣ былъ въ это время начальникомъ, *со стороны побѣдоноснаго непріятеля*, этотъ знаменитый ренегатъ Муравьевъ²⁾, который обезсмертилъ себя историческимъ изреченіемъ, что «онъ принадлежитъ не къ тѣмъ Муравьевымъ, которыхъ вѣшаютъ, а къ тѣмъ, *которые вѣшаютъ*». Для узкаго, мстительнаго взгляда Николая люди раздражительнаго властолюбія и грубой безпощадности были всего пригоднѣе, по крайней мѣрѣ, всего симпатичнѣе.

Генералы, сидѣвшіе въ застѣнкѣ и мучившіе эmissаровъ, ихъ знакомыхъ, знакомыхъ ихъ знакомыхъ, обращались съ арестантами, какъ мерзавцы, лишенные всякаго воспитанія, всякаго чувства деликатности и при томъ очень хорошо знавшіе, что всѣ ихъ дѣйствія прикрыты солдатской шинелью Николая, облитой и польской кровью мучениковъ и слезами польскихъ матерей... Еще эта *страстная недѣля* цѣлаго народа ждетъ своего Луки или Матѣя... Но пусть *они* знаютъ: одинъ палачъ за другимъ будетъ выведенъ

¹⁾ Въ первую.

²⁾ Михаилъ Николаевичъ.

къ позорному столбу исторіи и оставить тамъ свое имя. Это будетъ портретная галерея николаевского времени въ pendant галереѣ полководцевъ 1812 года ¹⁾).

Муравьевъ говорилъ арестантамъ «ты» и ругался площадными словами. Разъ онъ до того разъярился, что подошелъ къ Цѣхановичу и хотѣлъ его взять за грудь, а, можетъ, и ударить,—встрѣтилъ взглядъ скованнаго арестанта, сконфузился и продолжалъ другимъ тономъ.

Я догадывался, каковъ долженъ былъ быть этотъ взглядъ: рассказывая мнѣ года черезъ три послѣ событія эту исторію, глаза Цѣхановича горѣли, и жилы налились у него на лбу и на перекошенной шеѣ его.

— Что же бы вы сдѣлали въ цѣпяхъ?

— Я разорвалъ бы его зубами, я своимъ черепомъ и цѣпями избилъ бы его,—сказалъ онъ дрожа.

Цѣхановичъ сначала былъ сосланъ въ Верхотурье ²⁾, одинъ изъ дальнѣйшихъ городовъ Пермской губерніи, потерянный въ Уральскихъ горахъ, занесенный снѣгомъ и такъ стоящій внѣ всякихъ дорогъ, что зимой почти нѣтъ никакого сообщенія. Разумѣется, что жить въ Верхотурьѣ хуже, чѣмъ въ Омскѣ или Красноярскѣ. Совершенно одинокій, Цѣхановичъ занимался тамъ естественными науками, собиралъ скудную флору Уральскихъ горъ, наконецъ, получилъ дозволеніе перебраться въ Пермь; и это уже для него было улучшение: снова услышалъ онъ звуки своего языка, встрѣтился съ товарищами по несчастью. Жена его, оставшаяся въ Литвѣ, писала къ нему, что она отправится къ нему *пѣшкомъ* изъ *Виленской* ³⁾ губерніи... Онъ ждалъ ее.

Когда меня перевели такъ неожиданно въ Вятку, я пошелъ проститься съ Цѣхановичемъ. Небольшая комната, въ которой онъ жилъ, была почти совсѣмъ пуста; небольшой старый чемоданчикъ стоялъ возлѣ скудной постели; деревянный столъ и одинъ стулъ составляли всю мебель,—на меня пахнуло моей крутицкой кельей.

Вѣсть о моемъ отъѣздѣ огорчила его, но онъ такъ привыкъ къ лишениямъ, что черезъ минуту, почти свѣтло улыбувшись, сказалъ мнѣ: «Вотъ за то-то я и люблю природу: ее никакъ не отнимешь, гдѣ бы человекъ ни былъ».

Мнѣ хотѣлось оставить ему что-нибудь на память, я снялъ небольшую запонку съ рубашки и просилъ его принять ее.

¹⁾ Въ Зимнемъ дворцѣ.

²⁾ Ошибка—въ Чердынѣ.

³⁾ Ошибка—Минской.

— Къ моей рубашкѣ она не идетъ,—сказалъ онъ мнѣ,—но запонку вашу я сохраню до конца жизни и наряжусь въ нее на своихъ похоронахъ.

Потомъ онъ задумался, и вдругъ быстро началъ рыться въ чемоданѣ. Досталъ небольшой мѣшочекъ, вынулъ изъ него желѣзную цѣпочку, сдѣланную особымъ образомъ, оторвавъ отъ нея нѣсколько звеньевъ, подаль мнѣ со словами:

— Цѣпочка эта мнѣ очень дорога, съ ней связаны святѣйшія воспоминанія иного времени; все я вамъ не дамъ, а возьмите эти кольца. Не думалъ, что я, изгнанникъ изъ Литвы, подарю ихъ русскому изгнаннику.

Я обнялъ его и простился.

— Когда вы ѣдете?—спросилъ онъ.

— Завтра утромъ, но я васъ не зову; у меня уже на квартирѣ ждетъ безсмѣнно жандармъ.

— Итакъ, добрый путь вамъ, будьте счастливѣе меня.

На другой день съ девяти часовъ утра полицмейстеръ былъ уже налицо въ моей квартирѣ и торопилъ меня. Пермскій жандармъ ¹⁾, гораздо болѣе ручной, чѣмъ крутицкій, не скрывая радости, которую ему доставляла надежда, что онъ будетъ 350 верстъ пьянъ, работалъ около коляски. Все было готово; я нечаянно взглянулъ на улицу,—идетъ мимо Цѣхановичъ. Я бросился къ окну.

— Ну, слава Богу,—сказалъ онъ;—я вотъ четвертый разъ прохожу, чтобъ проститься съ вами, хоть издали, но вы все не видали.

Глазами, полными слезъ, поблагодарилъ я его. Это нѣжное, женское вниманіе глубоко тронуло меня; безъ этой встрѣчи мнѣ нечего было бы и пожалѣть въ Перми! ¹⁹

...На другой день послѣ отъѣзда изъ Перми, съ разсвѣта полилъ дождь сильный, непрерывный, какъ бываетъ въ лѣсистыхъ мѣстахъ, и продолжался весь день; часа въ два мы пріѣхали въ бѣднѣйшую вятскую деревню. Станціоннаго дома не было; вотяки (безграмотные) справляли должность смотрителей, развертывали дорожную, справлялись, двѣ ли печати или одна, кричали «айда, айда!» и запрягали лошадей, разумѣется, вдвое скорѣе, чѣмъ бы это сдѣлалось при смотрителѣ. Мнѣ хотѣлось обсушиться, обогрѣться, съѣсть что-нибудь. Пермскій жандармъ согласился на мое предложеніе часа два отдохнуть. Все это было сдѣлано, подѣзжая къ деревнѣ. Когда же я взошелъ въ избу душную, черную и узналъ, что рѣшительно ничего достать нельзя, что даже и кабака нѣту верстъ пять, я, было, раскаялся и хотѣлъ спросить лошадей.

¹⁾ Рядовой Федотъ Бурдинъ.

Пока я думалъ, ѣхать или не ѣхать, взошелъ солдатъ и от-
рапортовалъ мнѣ, что этапный офицеръ прислалъ меня звать на
чашку чая.

— Съ большимъ удовольствіемъ. Гдѣ твой офицеръ?

— Возлѣ, въ избѣ, ваше благородіе!—и солдатъ выдѣлалъ
извѣстное *па налѣво* кругомъ.

Я пошелъ вслѣдъ за нимъ.

Пожилыхъ лѣтъ, небольшой ростомъ офицеръ, съ лицомъ,
выражавшимъ много перенесенныхъ заботъ, мелкихъ нуждъ, страха
передъ начальствомъ, встрѣтилъ меня со всѣмъ радушіемъ мерт-
вящей скуки. Это былъ одинъ изъ тѣхъ недалнихъ, добродуш-
ныхъ служаекъ, тянувшій лѣтъ двадцать пять свою лямку и заты-
нувшійся, безъ разсужденій, безъ повышеній, въ томъ родѣ, какъ
служать старья лошади, полагая, вѣроятно, что такъ и надобно—
на разсвѣтѣ надѣтъ хомутъ и что-нибудь тащить.

— Кого и куда вы ведете?

— И не спрашивайте, индо сердце надрывается; ну, да про то
знають першіе, наше дѣло—исполнять приказанія, не мы въ от-
вѣтѣ; а по человѣческому, нечрасиво.

— Да въ чемъ дѣло-то?

— Видите, набрали ораву проклятыхъ жиденятъ съ восьми-
девятилѣтняго возраста. Во флотъ, что ли набирають,—не знаю.
Сначала, было, ихъ *велѣли инать въ Пермь, да вышла перемѣна—*
юнимъ въ Казань. Я ихъ принялъ версть за сто. Офицеръ, что
сдавалъ, говорилъ: бѣда и только, треть осталась на дорогѣ (и
офицеръ показалъ пальцемъ въ землю). Половина не дойдетъ до
назначенія,—прибавилъ онъ.

— Повальныя болѣзни, что ли?—спросилъ я, потрясенный до
внутренности.

— Нѣтъ, не то, чтобъ повальныя, а такъ, мрутъ, какъ
мухи. Жиденокъ, знаете, эдакой чахлый, тщедушный, словно, кошка
ободранная, не привыкъ часовъ десять мѣсить грязь да ѣсть су-
хари... Опять—чужіе люди, ни отца, ни матери, ни баловства; ну,
покашляетъ, покашляетъ—да и въ Могилевъ¹⁾. И скажите, сдѣлайте
милость, что это имъ далось, что можно съ ребятишками дѣлать?

Я молчалъ.

— Вы когда выступаете?

— Да пора бы давно, дождь былъ ужъ довольно силенъ... Эй
ты, служба, вели-ка мелюзгу собрать!

¹⁾ Въ могилу.

Привели малютокъ и построили въ правильный фронтъ. Это было одно изъ самыхъ ужасныхъ зрѣлищъ, которыя я видалъ... Бѣдныя, бѣдныя дѣти! Мальчики двѣнадцати, тринадцати лѣтъ еще кое-какъ держались, но малютки восьми, десяти лѣтъ... Ни одна черная кисть не вызоветъ такого ужаса на холстѣ.

Блѣдные, изнуренные, съ испуганнымъ видомъ, стояли они въ неловкихъ, толстыхъ солдатскихъ шинеляхъ съ стоячимъ воротникомъ, обращая какой-то безпомощный, жалостный взглядъ на гарнизонныхъ солдатъ, грубо равнявшихъ ихъ; бѣлыя губы, синіе круги подъ глазами показывали лихорадку или ознобъ. И эти больныя дѣти безъ ухода, безъ ласки, обдуваемые вѣтромъ, который безпрепятственно дуетъ съ Ледовитаго моря, шли въ могилу.

И притомъ замѣтите, что ихъ велъ добрякъ-офицеръ, которому явно было жаль дѣтей. Ну, а если бы попался военно-политическій экономъ?!

Я взялъ офицера за руку и, сказавъ: «поберегите ихъ», бросился въ коляску; мнѣ хотѣлось рыдать, я чувствовалъ, что не удержусь...

Какія чудовищныя преступленія безвѣстно схоронены въ архивахъ злодѣйскаго, безнравственнаго царствованія Николая! Мы къ нимъ привыкли, они дѣлались обыденно, дѣлались какъ ни въ чемъ ни бывало, никѣмъ незамѣченныя, потеряныя за страшной далью, беззвучно, заморенныя въ нѣмыхъ канцелярскихъ омутахъ или задержанныя полицейской цензурой.

Развѣ мы не видали своими глазами семьи голодныхъ псковскихъ мужиковъ, переселяемыхъ насильственно въ Тобольскую губернію и кочевавшихъ безъ корма и ночлеговъ по Тверской площади въ Москвѣ до тѣхъ поръ, пока князь Д. В. Голицынъ на свои деньги велѣлъ ихъ призрѣть?..

ГЛАВА XIV.

Вятка. — Канцелярія и столовая его превосходительства. — К. Я. Тюфяевъ.

Вятскій губернаторъ¹⁾ не принялъ меня, а велѣлъ сказать, чтобъ я явился къ нему на другой день въ десять часовъ.²⁰

Въ залѣ утромъ я засталъ исправника²⁾, полицмейстера³⁾ и двухъ чиновниковъ; всѣ стояли, говорили шопотомъ и съ безпокойствомъ посматривали на дверь. Дверь растворилась, и взошелъ небольшого роста плечистый старикъ, съ головой, посаженной на плечи, какъ у бульдога; большія челюсти продолжали сходство съ собакой, къ тому же онѣ какъ-то плотноядно улыбались; старое и съ тѣмъ вмѣстѣ пріапическое выраженіе лица, небольшіе, быстрые сѣренькіе глазки и рѣдкіе прямые волосы дѣлали невѣроятно гадкое впечатлѣніе.

Онъ сначала сильно намылилъ голову исправнику за дорогу, по которой вчера ѣхалъ. Исправникъ стоялъ съ нѣсколько опущенной, въ знакъ уваженія и покорности, головою и ко всему прибавлялъ, какъ это встарь дѣлывали слуги: «Слушаю, ваше превосходительство».

Послѣ исправника онъ обратился ко мнѣ, дерзко посмотрѣлъ на меня и спросилъ:

— Вы, вѣдь, кончили курсъ въ московскомъ университетѣ?

— Я кандидатъ.

— Потомъ служили?

¹⁾ Кирилль Яковлевичъ Тюфяевъ.

²⁾ Сергѣй Васильевичъ Орловъ.

³⁾ Михаилъ Ивановичъ Катани.

— Въ Кремлевской экспедиціи.

— Ха, ха ха! Хорошая служба! Вамъ, разумѣется, при такой службѣ былъ досугъ пировать и пѣсни пѣть. Аленицынъ!—закричалъ онъ.

Взошелъ молодой золотушный человекъ¹⁾.

— Послушай, братецъ, вотъ кандидатъ московскаго университета; онъ, вѣроятно, все знаетъ, кромѣ службы; его величеству угодно, чтобъ онъ ей у насъ поучился. Займи его у себя въ канцеляріи и докладывай мнѣ особо. Завтра вы явитесь въ канцелярію въ девять утромъ, а теперь можете итти. Да, позвольте, я забылъ спросить, какъ вы пишете?

Я сразу не понялъ.

— Ну, то-есть почеркъ?

— У меня ничего нѣтъ съ собой.

— Дай бумаги и перо,—и Аленицынъ подалъ мнѣ перо.

— Что же я буду писать?

— Что вамъ угодно,—замѣтилъ секретарь;—напишите: *А по справкѣ оказалось.*

— Ну, къ государю переписывать вы не будете,—замѣтилъ, иронически улыбаясь, губернаторъ.

Я еще въ Перми многое слышалъ о Тюфяевѣ, но онъ далеко превзошелъ всѣ мои ожиданія.

Что и чего ни производитъ русская жизнь!

Тюфяевъ родился въ Тобольскѣ. Отецъ его чуть ли не былъ сосланъ и принадлежалъ къ бѣднѣйшимъ мѣщанамъ. Лѣтъ тринадцати молодой Тюфяевъ присталъ къ ватагѣ бродячихъ комедіантовъ, которые слоняются съ ярмарки на ярмарку, пляшутъ на канатѣ, кувыркаются колесомъ и пр. Онъ съ ними дошелъ отъ Тобольска до польскихъ губерній, потѣшая православный народъ. Тамъ его, не знаю почему, арестовали и, такъ какъ онъ былъ безъ вида, его, какъ бродягу, отправили пѣшкомъ при партіи арестантовъ въ Тобольскъ. Его мать овдовѣла и жила въ большой крайности; сынъ клалъ самъ печку, когда она развалилась; надобно было приискать какое-нибудь ремесло; мальчику далась грамота, и онъ сталъ наниматься писцомъ въ магистратѣ. Развязный отъ природы и изошрившій свои способности многостороннимъ воспитаніемъ въ таборѣ акробатовъ и въ пересыльныхъ арестантскихъ партіяхъ, съ которыми прошелъ съ одного конца Россіи до другого, онъ сдѣлался лихимъ дѣльцомъ.

¹⁾ Секретарь, Петръ Яковлевичъ.

Въ началѣ царствованія Александра въ Тобольскѣ пріѣзжалъ какой-то ревизоръ. Ему нужны были дѣловые писаря, кто-то рекомендовалъ ему Тюфяева. Ревизоръ до того былъ доволенъ имъ, что предложилъ ему ѣхать съ нимъ въ Петербургъ. Тогда Тюфяевъ, у котораго, по собственнымъ словамъ, самолюбіе не шло дальше мѣста секретаря въ уѣздномъ судѣ, иначе оцѣнилъ себя и съ желѣзной волей рѣшился сдѣлать карьеру.

И сдѣлалъ ее. Черезъ десять лѣтъ мы его уже видимъ неутомимымъ секретаремъ Канкринна ¹⁾, который тогда былъ генераль-интендантомъ. Еще годъ спустя, онъ уже завѣдуетъ одной экспедиціей въ канцеляріи Аракчеева, завѣдывавшей всею Россіей; онъ съ графомъ былъ въ Парижѣ во время занятія его союзными войсками.

Тюфяевъ все время просидѣлъ безвыходно въ походной канцеляріи и à la lettre ²⁾ не видалъ ни одной улицы въ Парижѣ. День и ночь сидѣлъ онъ, составляя и переписывая бумаги, съ достойнымъ товарищемъ своимъ Клейнмихелемъ ³⁾.

Канцелярія Аракчеева была въ родѣ тѣхъ мѣдныхъ рудниковъ, куда работниковъ посылаютъ только на нѣсколько мѣсяцевъ, потому что если оставить долѣе, то они мрутъ. Усталъ, наконецъ, и Тюфяевъ на этой фабрикѣ приказовъ и указовъ, распоряженій и учреждений и сталъ проситься на болѣе спокойное мѣсто. Аракчеевъ не могъ не полюбить такого человѣка, какъ Тюфяевъ: безъ высшихъ притязаній, безъ развлеченій, безъ мнѣній, человѣка формально честнаго, снѣдаемаго честолюбіемъ и ставящаго повинованіе въ первую добродѣтель людскую. Аракчеевъ наградилъ Тюфяева мѣстомъ вице-губернатора. Спустя нѣсколько лѣтъ, онъ ему далъ пермское воеводство. Губернія, по которой Тюфяевъ разъ прошелъ по веревкѣ ⁴⁾ и разъ на веревкѣ ⁵⁾, лежала у его ногъ.

Власть губернатора, вообще, растеть въ прямомъ отношеніи разстоянія отъ Петербурга, но она растеть въ геометрической прогрессіи въ губерніяхъ, гдѣ нѣтъ дворянства, какъ въ Перми, Вяткѣ и Сибири. Такой-то край и былъ нуженъ Тюфяеву.

Тюфяевъ былъ восточный сатрапъ, но только дѣятельный, безпокойный, во все мѣшавшійся, вѣчно занятый. Тюфяевъ былъ бы свирѣпымъ комиссаромъ конвента въ 94 году, какимъ-нибудь Каррье ⁶⁾.

¹⁾ Ошибка—Василія Сергѣевича Ланского.

²⁾ Буквально.

³⁾ Петръ Андреевичъ, тогда адъютантъ Аракчеева.

⁴⁾ Т.-е. въ труппѣ акробатовъ.

⁵⁾ Т.-е. въ партіи арестантовъ.

⁶⁾ Французскій террористъ, потопившій 152 священниковъ съ приспособленной для этого баржи.

Развратный по жизни, грубый по натурѣ, нетерпящій никакого возраженія,—его вліяніе было чрезвычайно вредно. Онъ не бралъ взятокъ, хотя состояніе себѣ-таки составилъ, какъ оказалось послѣ смерти. Онъ былъ строгъ къ подчиненнымъ; безъ пощады преслѣдовалъ тѣхъ, которые попадались, а чиновники крали больше, чѣмъ когда-нибудь. Онъ злоупотребленіе вліяній довелъ до-нельзя; напр., отправляя чиновника на слѣдствіе, разумѣется, если онъ былъ интересованъ въ дѣлѣ, говорилъ ему, что, вѣроятно, откроется то-то и то-то, и горе было бы чиновнику, если-бъ открылось что-нибудь другое.

Въ Перми все еще было полно славою Тюфяева, у него тамъ была партія приверженцевъ, враждебная новому губернатору, который, какъ разумѣется, окружилъ себя своими клеветами.

Но зато были люди, ненавидѣвшіе его. Одинъ изъ нихъ, довольно оригинальное произведеніе русскаго *надлома*, особенно предупреждалъ меня, что такое Тюфяевъ. Я говорю о докторѣ на одномъ изъ заводовъ. Человѣкъ этотъ, умный и очень нервный, вскорѣ послѣ курса какъ-то несчастно женился, потомъ былъ занесенъ въ Екатеринбургъ и безъ всякой опытности затеръ въ болото провинціальной жизни. Поставленный довольно независимо въ этой средѣ, онъ, все-таки, сломился; вся дѣятельность его обратилась на преслѣдованіе чиновниковъ сарказмами. Онъ хохоталъ надъ ними въ глаза, онъ съ гримасами и кривляніемъ говорилъ имъ въ лицо самыя оскорбительныя вещи. Такъ какъ никому не было пощады, то никто особенно не сердился на злой языкъ доктора. Онъ сдѣлалъ себѣ общественное положеніе своими нападками и заставилъ безхарактерное общество терпѣть розги, которыми онъ хлесталъ его безъ отдыха.

Меня предупредили, что онъ — хорошій докторъ, но поврежденный, и что онъ чрезвычайно дерзокъ.

Его болтовня и шутки не были ни грубы, ни плоски; совсѣмъ напротивъ, онѣ были полны юмора и сосредоточенной желчи; это была его поэзія, его месть, его крикъ досады, а, можетъ, долею и отчаянія. Онъ изучилъ чиновничій кругъ, какъ артистъ и какъ медикъ, онъ зналъ всѣ мелкія и затаенныя страсти ихъ и, ободренный ненаходчивостью, трусостью своихъ знакомыхъ, позволялъ себѣ все.

Ко всякому слову прибавлялъ онъ: «ни копѣйки не стоитъ». Я разъ, шутя, замѣтилъ ему это повтореніе. «Чему же вы удивляетесь?—возразилъ докторъ,—цѣль всякой рѣчи убѣдить, я и торплюсь прибавить сильнѣйшее доказательство, какое существуетъ на свѣтѣ. Увѣрьте человѣка, что убить родного отца ни копѣйки не будетъ стоить,—онъ убьетъ его».

Чеботаревъ никогда не отказывалъ давать взаймы небольшія суммы, въ сто, двѣсти рублей асс. Когда кто у него просилъ, онъ вынималъ свою записную книжку и подробно спрашивалъ, когда тотъ ему отдасть.

— Теперь,—говорилъ онъ,—позвольте держать пари на цѣлковый, что вы не отдадите въ срокъ.

— Да помилуйте,—возражалъ тотъ,—за кого же вы меня принимаете?

— Вамъ это ни копѣйки не стоитъ,—отвѣчалъ докторъ,—за кого я васъ принимаю, а дѣло въ томъ, что я шестой годъ веду книжку, и ни одинъ человѣкъ еще не заплатилъ въ срокъ, да никто почти и послѣ срока не платилъ.

Срокъ проходилъ, и докторъ пресерьезно требовалъ выигранный цѣлковый.

Пермскій откупщикъ продавалъ дорожную коляску; докторъ явился къ нему и, не прерываясь, произнесъ слѣдующую рѣчь: «Вы продаете коляску, мнѣ нужно ее; вы—богатый человѣкъ, вы—милліонеръ, за это васъ всѣ уважаютъ, и я потому пришелъ свидѣтельствовать вамъ мое почтеніе; какъ богатый человѣкъ, вамъ ни копѣйки не стоитъ, продадите ли вы коляску или нѣтъ, мнѣ же ее очень нужно, а денегъ у меня мало. Вы захотите меня притѣснить, воспользоваться моею необходимостью и спросите за коляску 1.500; я предложу вамъ рублей семьсотъ, буду ходить всякій день торговаться; черезъ недѣлю вы уступите за 750 или 800,—не лучше ли съ этого начать? Я готовъ ихъ дать». — «Гораздо лучше», отвѣчалъ удивленный откупщикъ и отдалъ коляску.

Анекдотамъ и шалостямъ Чеботарева не было конца; прибавлю еще два ¹⁾).

— Вѣрите ли вы въ магнетизмъ?—спросила его при мнѣ одна дама, довольно умная и образованная.—«Да что вы разумѣете подъ магнетизмомъ?»—Дама ему сказала какой-то общій вздоръ.—«Вамъ ни копѣйки не стоитъ знать,—отвѣчалъ онъ,—вѣрю я магнетизму или нѣтъ, а хотите, я вамъ расскажу, что я видѣлъ по этой части?»—Пожалуйста.—«Только слушайте внимательно». Послѣ этого онъ передалъ очень живо, умно и интересно опыты какого-то харьковскаго доктора, его знакомаго.

Середь разговора человѣкъ принесъ на подносѣ закуску. Дама сказала ему, когда онъ выходилъ: «Ты забылъ подать горчицу». Чеботаревъ остановился.—«Продолжайте, продолжайте»,—

¹⁾ Эти два анекдота не были въ первомъ изданіи, я ихъ вспомнилъ, перечитывая листы для поправки (1858). А. И. Г.

сказала дама, нѣсколько уже испуганная,—«я слушаю».—«Соль-то принесъ ли онъ?»—«Это вы уже и разсердились», прибавила дама, краснѣя.—«Нисколько, будьте увѣрены; я знаю, что вы внимательно слушали, да и то знаю, что женщина, какъ бы ни была умна и о чемъ бы ни шла рѣчь, не можетъ никогда стать выше кухни,—за что же я лично на васъ смѣлъ бы сердиться».

На заводахъ графини Полье ¹⁾, гдѣ онъ тоже лѣчилъ, понравился ему дворовый мальчикъ; онъ его пригласилъ къ себѣ въ услуженіе. Мальчикъ былъ согласенъ, но управляющій сказалъ, что безъ разрѣшенія графини онъ его не можетъ уволить. Чеботаревъ написалъ къ графинѣ. Она велѣла управляющему выдать паспортъ, но на томъ условіи, чтобы Чеботаревъ заплатилъ за *лѣтъ лѣтъ* впередъ оброкъ. Получивъ этотъ отвѣтъ, онъ немедленно написалъ къ графинѣ, что согласенъ, но что просить ее предварительно разрѣшить ему слѣдующее сомнѣніе: съ кого ему получить заплаченные деньги въ томъ случаѣ, если Энкіева комета, пересѣкая орбиту земного шара, съобьетъ его съ пути, что можетъ случиться за полтора года до окончанія срока?

Въ день моего отъѣзда въ Вятку, утромъ рано явился докторъ и началъ съ слѣдующей глупости: «Вы, какъ Гораций: разъ *плыли* и до сихъ поръ васъ все *переводятъ*». Потомъ онъ вынулъ бумажникъ и спросилъ, не нужно ли мнѣ денегъ на дорогу. Я поблагодарилъ его и отказался.—«Отчего же вы не берете? вамъ это ни копѣйки не стоитъ».—У меня есть деньги.—«Плохо,—сказалъ онъ,—мѣръ кончается»,—раскрылъ свою записную книжку и вписалъ: «Послѣ пятнадцатилѣтней практики въ первый разъ встрѣтилъ человѣка, который не взялъ денегъ, да еще будучи на отъѣздѣ».

Отдурачившись, онъ сѣлъ ко мнѣ на постель и серьезно сказалъ: «Вы ѣдете къ страшному человѣку. Остерегайтесь его и удаляйтесь, какъ можно болѣе. Если онъ васъ полюбитъ,—плохая вамъ рекомендація; если же возненавидитъ, такъ ужъ онъ васъ доѣдетъ клеветой, ябедой, не знаю чѣмъ, но доѣдетъ, ему это ни копѣйки не стоитъ».

При этомъ онъ мнѣ рассказалъ происшествіе, истинность котораго я имѣлъ случай послѣ повѣрить по документамъ въ канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ.

Тюфяевъ былъ въ открытой связи съ сестрой одного бѣднаго чиновника. Надъ братомъ смѣялись; братъ хотѣлъ разорвать эту связь, грозился доносомъ, хотѣлъ писать въ Петербургъ, словомъ,

¹⁾ Варвара Петровна, урожд. Шаховская, по первому мужу Шувалова.

шумѣлъ и безпокоился до того, что его однажды полиція схватила и представила, какъ сумасшедшаго, для освидѣтельствованія въ губернское правленіе.

Губернское правленіе, предсѣдатели палатъ и инспекторъ врачебной управы, старикъ нѣмецъ, пользовавшійся большой любовью народа и котораго я лично зналъ,—всѣ нашли, что Петровскій — сумасшедшій.

Нашъ докторъ зналъ Петровскаго и былъ его врачомъ. Спросили и его для формы. Онъ объявилъ инспектору, что Петровскій вовсе не сумасшедшій и что онъ предлагаетъ переосвидѣтельствовать, иначе долженъ будетъ дѣло это вести дальше. Губернское правленіе было вовсе не прочь, но, по несчастью, Петровскій умеръ въ сумасшедшемъ домѣ, не дождавшись дня, назначеннаго для вторичнаго свидѣтельства, и несмотря на то, что онъ былъ молодой, здоровый малый.

Дѣло дошло до Петербурга. Петровскую арестовали (почему не Тюфяева?), началось секретное слѣдствіе. Отвѣты диктовалъ Тюфяевъ; онъ превзошелъ себя въ этомъ дѣлѣ. Чтобъ разомъ остановить его и отклонить отъ себя опасность вторичнаго произвольнаго путешествія въ Сибирь, Тюфяевъ научилъ Петровскую сказать, что братъ ея съ тѣхъ поръ съ нею въ ссорѣ, какъ она, увлеченная молодостью и неопытностью, лишилась невинности при проѣздѣ императора Александра въ Пермь, за что и получила черезъ генерала Соломку ¹⁾ 5000 р.

Привычки Александра были таковы, что невѣроятнаго ничего тутъ не было. Узнать, правда ли, было не легко и во всякомъ случаѣ надѣлало бы много скандалу. На вопросъ г. Бенкендорфа генераль Соломка отвѣчалъ, что черезъ его руки проходило столько денегъ, что онъ не припомнить объ этихъ 5000.

«La regina en aveva molto!» ²⁾ говоритъ импровизаторъ въ «Египетскихъ ночахъ» Пушкина... ²¹

И вотъ этотъ-то почтенный ученикъ Аракчеева и достойный товарищъ Клейнмихеля, акробатъ, бродяга, писарь, секретарь, губернаторъ, нѣжное сердце, безкорыстный чловѣкъ, запирающій здоровыхъ въ сумасшедшій домъ и уничтожающій ихъ тамъ, чловѣкъ, оклеветавшій императора Александра для того, чтобы отвести глаза императора Николая, брался теперь приучать меня къ службѣ.

Зависимость моя отъ него была велика. Стоило ему написать какой-нибудь вздоръ министру,—меня отослали бы куда-нибудь въ

¹⁾ Полковникъ, Аванасій Даниловичъ.

²⁾ «Perché la grande regina aveva molto» —потому что великая царица имѣла (ихъ) много.

Иркутскъ. Да и зачѣмъ писать? Онъ имѣлъ право перевести въ какой-нибудь дикій городъ Кай или Царево-Санчурскъ безъ всякихъ сообщеній, безъ всякихъ ресурсовъ. Тюфяевъ отправилъ въ Глазовъ одного молодого поляка ¹⁾ за то, что дамы предпочитали танцовать съ нимъ мазурку, а не съ его превосходительствомъ.

Такъ князь Долгоруковъ ²⁾ былъ отправленъ изъ Перми въ Верхотурье. Верхотурье, потерянное въ горахъ и снѣгахъ, принадлежитъ еще къ Пермской губерніи, но это мѣсто стоитъ Березова по климату, оно хуже Березова по пустотѣ.

Князь Долгоруковъ принадлежалъ къ аристократическимъ повѣсамъ въ дурномъ родѣ, которые ужъ рѣдко встрѣчаются въ наше время. Онъ дѣлалъ всякія проказы въ Петербургѣ, проказы въ Москвѣ, проказы въ Парижѣ.

На это тратилась его жизнь. Это былъ Измайловъ ³⁾ въ маленькомъ размѣрѣ, князь Е. Грузинскій ⁴⁾ безъ притона бѣглыхъ въ Лысковѣ, т.-е. избалованный, дерзкій, отвратительный забавникъ, баринъ и шутъ вмѣстѣ. Когда его продѣлки перешли всѣ границы, ему велѣли отправиться на житье въ Пермь.

Онъ пріѣхалъ въ двухъ каретахъ: въ одной онъ самъ съ собакой, въ другой—его поваръ французъ съ попугаями. Въ Перми обрадовались богатому гостю и вскорѣ весь городъ толкся въ его столовой. Долгоруковъ завелъ шашни съ пермской барыней; барыня, заподозривъ какія-то невѣрности, явилась невзначай утромъ къ князю и застала его съ горничной. Изъ этого вышла сцена, кончившаяся тѣмъ, что невѣрный любовникъ снялъ со стѣны арапникъ; совѣтница, видя его намѣреніе, пустилась бѣжать; онъ—за ней, небрежно одѣтый въ одинъ халатъ; нагнавъ ее на небольшой площади, гдѣ учили обыкновенно баталіонъ, онъ вытянулъ раза три ревнивую совѣтницу арапникомъ и спокойно отправился домой, какъ будто сдѣлалъ дѣло.

Подобныя милыя шутки навлекли на него гоненіе пермскихъ друзей, и начальство рѣшилось сорокалѣтняго шалуна отослать въ Верхотурье. Онъ далъ наканунѣ отъѣзда богатый обѣдъ, и чиновники, несмотря на разладъ, все-таки, поѣхали. Долгоруковъ общалъ ихъ накормить какимъ-то неслыханнымъ пирогомъ.

¹⁾ Вѣроятно, Адама Янишевскаго.

²⁾ Михаилъ Михайловичъ.

³⁾ Левъ Дмитріевичъ, генералъ, помѣщикъ Рязанской губ., самодуръ и тиранъ, прославившійся далеко за предѣлами своей губерніи.

⁴⁾ Егоръ Вахтангѣвичъ, укрывалъ въ своемъ с. Лысковѣ Нижегород. губ. бѣжавшихъ отъ помѣщиковъ крѣпостныхъ, чѣмъ сильно увеличилъ его населеніе.

Пирогъ былъ, дѣйствительно, превосходенъ и исчезалъ съ невѣроятной быстротой. Когда остались однѣ корки, Долгоруковъ патетически обратился къ гостямъ и сказалъ: «Не будетъ же сказано, что я, разставаясь съ вами, что-нибудь пожалѣлъ. Я велѣлъ вчера убить моего Гарди для пирога».

Чиновники съ ужасомъ взглянули другъ на друга и искали глазами знакомую всѣмъ датскую собаку; ея не было. Князь догадался и велѣлъ слугѣ принести бранные остатки Гарди, его шкуру,—внутренность была въ пермскихъ желудкахъ. Полгорода занемогло отъ ужаса.

Между тѣмъ, Долгоруковъ, довольный тѣмъ, что ловко подшутить надъ пріятелями, ѣхалъ торжественно въ Верхотурье. Третья повозка везла цѣлый курятникъ,—курятникъ, ѣдущій на почтовыхъ! По дорогѣ онъ увезъ съ нѣсколькихъ станцій приходныя книги, перемѣшалъ ихъ, поправилъ въ нихъ цифры и чуть не свелъ съ ума почтовое вѣдомство, которое и съ книгами не всегда ловко сводило концы съ концами. ²²

Удушливая пустота и нѣмота русской жизни, страннымъ образомъ соединенная съ живостью и даже бурностью характера, особенно развиваетъ въ насъ всякія юродства.

Въ пѣтушемъ крикѣ Суворова, какъ въ собачьемъ паштетѣ князя Долгорукова, въ дикихъ выходкахъ Измайлова, въ полудобровольномъ безуміи Мамонова ¹⁾ и буйныхъ преступленіяхъ Толстого-Американца ²⁾ я слышу родственную ноту, знакомую намъ всѣмъ, но которая у насъ ослаблена образованіемъ или направлена на что-нибудь другое.

Я лично зналъ Толстого и именно въ ту эпоху, когда онъ лишился своей дочери Сарры, необыкновенной дѣвушки съ высокимъ поэтическимъ даромъ. Одинъ взглядъ на наружность старика, на его лобъ, покрытый сѣдыми кудрями, на его сверкающіе глаза и атлетическое тѣло показывалъ, сколько энергіи и силы было ему дано отъ природы. Онъ развилъ однѣ буйныя страсти, однѣ дурныя наклонности, и это неудивительно: всему порочному позволяютъ у насъ развиваться долгое время безпрепятственно, а за страсти человѣческія посылаютъ въ гарнизонъ или въ Сибирь при первомъ шагѣ... Онъ буйствовалъ, обыгрывалъ, дрался, уродовалъ людей, разорялъ семейства лѣтъ двадцать сряду, пока, наконецъ, былъ посланъ въ Сибирь, откуда «вернулся алеутомъ», какъ говоритъ Грибоѣдовъ, т.-е. пробрался черезъ Камчатку въ Аме-

¹⁾ Гр. Матвѣй Александровичъ Дмитріевъ-Мамоновъ, послѣдній въ родѣ.

²⁾ Графъ Ѳедоръ Ивановичъ.

рику, и оттуда выпросилъ дозволеніе возвратиться въ Россію. Александръ его простилъ, и онъ на другой день послѣ пріѣзда продолжалъ прежнюю жизнь. Женатый на цыганкѣ, извѣстной своимъ голосомъ и принадлежавшей къ московскому табору, онъ превратилъ свой домъ въ игорный, проводилъ все время въ оргіяхъ, всѣ ночи—за картами, и дикія сцены алчности и пьянства совершались возлѣ колыбели маленькой Сарры. Говорятъ, что онъ разъ, въ доказательство мѣткости своего глаза, велѣлъ женѣ стать на столъ и прострѣлилъ ей каблукъ башмака.

Послѣдняя его продѣлка чуть, было, снова не свела его въ Сибирь. Онъ былъ давно сердитъ на какого-то мѣщанина, поймалъ его какъ-то у себя въ домѣ, связалъ по рукамъ и ногамъ и вырвалъ у него зубъ. Вѣроятно ли, что этотъ случай былъ лѣтъ десять или двѣнадцать тому назадъ? ¹⁾ Мѣщанинъ подалъ просьбу. Толстой задарилъ полицейскихъ, задарилъ судъ и мѣщанина посадили въ острогъ за ложный извѣтъ. Въ это время одинъ извѣстный русскій литераторъ, Н. Ф. Павловъ, служилъ въ тюремномъ комитетѣ. Мѣщанинъ рассказалъ ему дѣло, неопытный чиновникъ поднялъ его. Толстой струхнулъ не на шутку: дѣло клонилось явнымъ образомъ къ его осужденію. Но русскій Богъ великъ! Графъ Орловъ ²⁾ написалъ князю Щербатову ³⁾ секретное отношеніе, въ которомъ совѣтовалъ ему дѣло затушить, чтобъ не дать такого *прямою торжества низшему сословію надъ высшимъ*. Н. Ф. Павлова графъ Орловъ совѣтовалъ удалить отъ такого мѣста... Это почти невѣроятнѣе вырваннаго зуба. Я былъ тогда въ Москвѣ и очень хорошо зналъ неосторожнаго чиновника.

Но возвратимся въ Вятку.

Канцелярія была безъ всякаго сравненія хуже тюрьмы. Не матеріальная работа была велика, а удушающій, какъ въ собачьемъ гротѣ, воздухъ этой затхлой среды и страшная, глупая потеря времени,—вотъ что дѣлало канцелярію невыносимой. Аленыцынъ меня не тѣснилъ, онъ былъ даже вѣжливѣе, чѣмъ я ожидалъ: онъ учился въ казанской гимназіи и, въ силу этого, имѣлъ уваженіе къ кандидату московскаго университета.

Въ канцеляріи было человѣкъ двадцать писцовъ. Большею частью люди безъ малѣйшаго образованія и безъ всякаго нравственнаго понятія, дѣти писцовъ и секретарей, съ колыбели привыкнувшіе считать службу средствомъ пріобрѣтенія, а крестьянъ—

¹⁾ Писано въ 1853 г.

²⁾ Алексѣй Фёдоровичъ, шефъ жандармовъ.

³⁾ Алексѣй Григорьевичъ, московскій ген.-губернаторъ.

почвой, приносящей доходъ, они продавали справки, брали двугривенные и четвертаки, обманывали за стаканъ вина, унижались, дѣлали всякія подлости. Мой камердинеръ пересталъ ходить въ «бильярдную», говоря, что чиновники плутуютъ хуже всякаго, а проучить ихъ нельзя, потому что они—*офицеры*.

Вотъ съ этими-то людьми, которыхъ мой слуга не билъ только за ихъ чинъ, мнѣ приходилось сидѣть ежедневно отъ 9 утра до 2 дня и отъ 5 до 8 часовъ вечера.

Сверхъ Аленицына, общаго начальника канцеляріи, у меня былъ начальникъ стола, къ которому меня посадили,—существо тоже не злое, но пьяное и безграмотное. За однимъ столомъ со мною сидѣли четыре писца. Съ ними надобно было говорить и быть знакомымъ да и со всѣми другими тоже. Не говоря уже о томъ, что эти люди «за гордость» рано или поздно подставили бы мнѣ ловушку, просто нѣтъ возможности проводить нѣсколько часовъ дня съ одними и тѣми же людьми, не перезнакомившись съ ними. Сверхъ того, не должно забывать, какъ провинціалы льнуть къ постороннему, особенно прѣхавшему изъ столицы, и притомъ еще съ какой-то интересной исторіей за спиной.

Просидѣвши день цѣлый въ этой галлерѣ, я приходилъ иной разъ домой въ какомъ-то отупѣнии всѣхъ способностей и бросался на диванъ, изнуренный, униженный и неспособный ни на какую работу, ни на какое занятіе. Я душевно жалѣлъ о моей крутицкой кельѣ съ ея чадомъ и тараканами, съ жандармомъ у дверей и съ замкомъ на дверяхъ. Тамъ я былъ воленъ, дѣлалъ, что хотѣлъ, никто мнѣ не мѣшалъ; вмѣсто этихъ пошлыхъ рѣчей, грязныхъ людей, низкихъ понятій, грубыхъ чувствъ, тамъ была мертвая тишина и невозмущаемый досугъ. И когда мнѣ приходило въ голову, что послѣ обѣда опять слѣдуетъ итти и завтра опять, мною тотчасъ овладѣвали бѣшенство и отчаяніе, и я пилъ вино и водку для утѣшенія.

А тутъ еще придетъ «по дорогѣ» кто-нибудь изъ сослуживцевъ посидѣть отъ скуки, поговорить, пока до узаконеннаго часа итти на службу...

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, впрочемъ, канцелярія сдѣлалась нѣсколько полегче.

Долгое, равномерное преслѣдованіе не въ русскомъ характерѣ, если не примѣшивается личностей или денежныхъ видовъ; и это совсѣмъ не отъ того, чтобъ правительство не хотѣло душить и добивать, а отъ русской безопасности, отъ нашего *laissez aller*¹⁾.

¹⁾ Небрежности.

Русскія власти всё вообще неотесаны, наглы, дерзки, на грубость съ ними закупиться очень легко, но постоянное доколачиваніе людей не въ ихъ нравахъ, у нихъ на это недостаетъ терпѣнія, можетъ, оттого, что оно не приноситъ никакого барыша.

Сначала, сгоряча, чтобъ показать, въ одну сторону, усердіе, въ другую,—власть, дѣлаются всякія глупости и ненужности, потомъ мало-по-малу человѣка оставляютъ въ покоѣ.

Такъ случилось и съ канцеляріей. Министерство внутреннихъ дѣлъ было тогда въ припадкѣ статистики; оно велѣло вездѣ завести комитеты и разослало такія программы, которыя врядъ возможно ли было бы исполнить гдѣ-нибудь въ Бельгіи или Швейцаріи; при этомъ всякія вычурныя таблицы съ *maximum* и *minimum*, съ средними числами и разными выводами изъ десятилѣтнихъ сложностей (составленными по свѣдѣніямъ, которыя *за юды передъ тѣмъ* не собирались!), съ нравственными отмѣтками и метеорологическими замѣчаніями. На комитетъ и на собраніе свѣдѣній денегъ не назначалось ни копѣйки; все это слѣдовало дѣлать изъ любви къ статистикѣ, черезъ земскую полицію и приводить въ порядокъ въ губернаторской канцеляріи. Канцелярія, заваленная дѣлами, земская полиція, ненавидящая всё *мирныя* и теоретическія занятія, смотрѣли на статистическій комитетъ, какъ на ненужную роскошь, какъ на министерскую шалость; однако, отчеты надобно было представить съ таблицами и выводами.

Это дѣло казалось безмѣрно труднымъ всей канцеляріи; оно было просто невозможно; но на это никто не обратилъ вниманія, хлопотали о томъ, чтобъ не было выговора. Я обѣщаль Аленицыну приготовить введеніе и начало, очерки таблицъ съ краснорѣчивыми отмѣтками, съ иностранными словами, съ цитатами и поразительными выводами, если онъ разрѣшитъ мнѣ этимъ тяжелымъ трудомъ заниматься дома, а не въ канцеляріи. Аленицынъ переговорилъ съ Тюфяевымъ и согласился.

Начало отчета о занятіяхъ комитета, въ которомъ я говорилъ о надеждахъ и проектахъ, потому что въ настоящемъ ничего не было, тронули Аленицына до глубины душевной. Самъ Тюфяевъ нашель, что оно мастерски написано. Тѣмъ и окончились труды по части статистики, но комитетъ дали въ мое завѣдываніе. На барщину переписки бумагъ меня больше не гоняли, и мой пьяненькій столоначальникъ сдѣлался почти подчиненное мнѣ лицо. Аленицынъ требовалъ только, изъ какихъ-то соображеній высшаго приличія, чтобъ я на короткое время заходилъ всякій день въ канцелярію.

Для того, чтобъ показать всю мѣру невозможности серьезныхъ таблицъ, я упомяну свѣдѣнія, присланныя изъ заштатнаго

города Кая. Тамъ между разными нелѣпостями было: «Утопшихъ—2, причины утопленія неизвѣстны—2» и въ графѣ суммъ выставлено «четыре». Подъ рубрикой чрезвычайныхъ происшествій значился слѣдующій трагическій анекдотъ: «Мѣщанинъ такой-то, разстроивъ горячительными напитками свой умъ, повѣсился». Подъ рубрикой о нравственности городскихъ жителей было написано: «Жидовъ въ городѣ Каѣ не находилось». На вопросъ, не было ли ассигновано суммъ на постройку церкви, биржи, богадѣльни, отвѣты шли такъ: «На постройку биржи ассигновано было—не было...» ²³

Статистика, спасая меня отъ канцелярской работы, имѣла несчастнымъ послѣдствіемъ личныя сношенія съ Тюфяевымъ.

Было время, когда я этого человѣка ненавидѣлъ; это время давно прошло, да и человѣкъ этотъ прошелъ,—онъ умеръ въ своихъ казанскихъ помѣстьяхъ около 1845 года. Теперь я вспоминаю о немъ безъ злобы, какъ объ особенномъ звѣрѣ, попавшемся въ лѣсу и дичи, котораго надобно было изучать, но на котораго нельзя было сердиться за то, что онъ звѣрь; тогда я не могъ не вступить съ нимъ въ борьбу: это была необходимость для всякаго порядочнаго человѣка. Случай мнѣ помогъ, иначе онъ сильно повредилъ бы мнѣ; имѣть зубъ за зло, которое онъ мнѣ не сдѣлалъ, было бы смѣшно и жалко.

Тюфяевъ жилъ одинъ. Жена его была съ нимъ въ разводѣ. На задней половинѣ губернаторскаго дома, какъ-то намѣренно неловко, пряталась его фаворитка, жена повара, удаленнаго именно за вину своего брака въ деревню. Она не являлась официально, но чиновники, особенно преданные губернатору, т.-е. особенно боявшіеся слѣдствій, составляли придворный штатъ супруги повара «въ случаѣ». Ихъ жены и дочери, не хвастаясь этимъ, потихоньку, вечеромъ дѣлали ей визиты. Госпожа эта отличалась тѣмъ тактомъ, который имѣлъ одинъ изъ блестящихъ ея предшественниковъ—Потемкинъ: зная нравъ старика и боясь быть смѣненной, она сама прискивала ему неопасныхъ соперницъ. Благодарный старикъ платилъ привязанностью за такую снисходительную любовь, и они жили ладно.

Тюфяевъ все утро работалъ и былъ въ губернскомъ правленіи. Поэзія жизни начиналась съ трехъ часовъ. Обѣдъ для него былъ вещь не шуточная. Онъ любилъ поѣсть, и поѣсть на людяхъ. У него на кухнѣ готовилось всегда на двѣнадцать человѣкъ; если гостей было меньше половины, онъ огорчался; если не больше двухъ человѣкъ, онъ былъ несчастенъ; если же никого не было, онъ уходилъ обѣдать, близкій къ отчаянію, въ комнаты Дульцинеи.

Достать людей для того, чтобъ ихъ накормить до тошноты,—не трудная задача, но его официальное положеніе и страхъ чиновниковъ передъ нимъ не позволяли ни имъ свободно пользоваться его гостепріимствомъ, ни ему сдѣлать трактиръ изъ своего дома. Надобно было ограничиться совѣтниками, предсѣдателями (но съ половиной онъ былъ въ ссорѣ, т.-е. не благоволилъ къ нимъ), рѣдкими проѣзжими, богатыми купцами, откупщиками и *странностями*, нѣчто въ родѣ *saracités* ¹⁾, которыя хотѣли ввести при Людовикѣ-Филиппѣ въ выборы. Разумѣется, я былъ странность первой величины въ Вяткѣ.

Людей, сосланныхъ на житье «за мнѣнія» въ дальніе города, нѣсколько боятся, но никакъ не смѣшиваютъ съ обыкновенными смертными. «Опасные люди» имѣютъ тотъ интересъ для провинціи, который имѣютъ извѣстные ловласы для женщинъ и куртизаны для мужчинъ. Опасныхъ людей гораздо больше избѣгаютъ петербургскіе чиновники и московскіе тузы, чѣмъ провинціальныя жители, особенно сибиряки.

Сосланные по четырнадцатому декабрю пользовались огромнымъ уваженіемъ. Къ вдовѣ Юшневскаго ²⁾ дѣлали чиновники первый визитъ въ новый годъ. Сенаторъ Толстой ³⁾, ревизовавши Сибирь, руководствовался свѣдѣніями, получаемыми отъ сосланныхъ декабристовъ, для повѣрки тѣхъ, которыя доставляли чиновники.

Минихъ завѣдывалъ изъ своей башни въ Пельмѣ дѣлами Тобольской губерніи. Губернаторы ходили къ нему совѣщаться о важныхъ дѣлахъ.

Простой народъ еще менѣе враждебенъ къ сосланнымъ; онъ, вообще, со стороны наказанныхъ. Около сибирской границы слово «ссылный» исчезаетъ и замѣняется словомъ «несчастный». Въ глазахъ русскаго народа судебный приговоръ не пятнаетъ человѣка. Въ Пермской губерніи, по дорогѣ въ Тобольскъ крестьяне выставляютъ часто квасъ, молоко и хлѣбъ въ маленькомъ окошкѣ, на случай, если «несчастный» будетъ тайкомъ пробираться изъ Сибири.

Кстати, говоря о сосланныхъ,—за Нижнимъ начинаютъ встрѣчаться сосланные поляки, съ Казани число ихъ быстро возрастаетъ. Въ Перми было человѣкъ сорокъ, въ Вяткѣ не меньше; сверхъ того, въ каждомъ уѣздномъ городѣ было нѣсколько человѣкъ ⁴⁾.

¹⁾ Право участія въ выборахъ по образовательному цензу.

²⁾ Алексѣй Петровичъ,—жена Марія Казиміровна, жили въ Иркутскѣ.

³⁾ Гр. Алексѣй Петровичъ.

⁴⁾ Приведенныя мною «вѣдомости» обнаруживаютъ ошибочность указанныхъ цифръ.

Они жили совершенно отдѣльно отъ русскихъ и удалялись отъ всякаго сообщенія съ жителями; между собою у нихъ было большое единодушіе, и богатые дѣлились братски съ бѣдными.

Со стороны жителей я не видалъ ни ненависти, ни особеннаго расположенія къ нимъ. Они смотрѣли на нихъ, какъ на постороннихъ, къ тому же почти ни одинъ полякъ не зналъ по-русски.

Одинъ закоснѣлый сарматъ, старикъ, уланскій офицеръ при Понятовскомъ, дѣлавшій часть наполеоновскихъ походовъ, получилъ въ 1837 году дозволеніе возвратиться въ свои литовскія помѣстья ¹⁾. Наканунѣ отъѣзда старикъ позвалъ меня и нѣсколько поляковъ отобѣдать. Послѣ обѣда мой кавалеристъ подошелъ ко мнѣ съ бокаломъ, обнялъ меня и съ военнымъ простодушіемъ сказалъ мнѣ на ухо: «*Да зачѣмъ же вы русскій!?*». Я не отвѣчалъ ни слова, но замѣчаніе это сильно запало мнѣ въ грудь. Я понималъ, что *этому* поколѣнію нельзя было освободить Польшу.

Съ Конарскаго ²⁾ начиная, поляки совсѣмъ иначе смотрятъ на русскихъ.

Вообще, поляковъ, сосланныхъ на житье, не тѣснятъ, но матеріальное положеніе ужасно для тѣхъ, которые не имѣютъ состоянія. Правительство даетъ неимущимъ *по 15 рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ*; изъ этихъ денегъ слѣдуетъ платить за квартиру, одѣваться, ѣсть и отапливаться. Въ довольно большихъ городахъ, въ Казани, Тобольскѣ, можно было что-нибудь заработать уроками, концертами, играя на балахъ, рисуя портреты, заводя танцклассы,—въ Перми и Вяткѣ не было и этихъ средствъ. И, несмотря на то, у русскихъ они не просили ничего. ²⁴

...Приглашеніе Тюфяева на его жирные сибирскіе обѣды было для меня истиннымъ наказаніемъ. Столовая его была та же канцелярія, но въ другой формѣ, менѣе грязной, но болѣе пошлой, потому что она имѣла видъ доброй воли, а не насилія.

Тюфяевъ зналъ своихъ гостей насквозь, презиралъ ихъ, показывалъ имъ иногда когти и, вообще, обращался съ ними въ томъ родѣ, какъ хозяинъ обращается съ своими собаками: то съ излишней фамильярностью, то съ грубостью, выходящей изъ всѣхъ предѣловъ,—и, все-таки, онъ звалъ ихъ на свои обѣды, и они съ трепетомъ и радостью являлись къ нему, унижаясь, сплетничая, подслушиваясь, угодая, улыбаясь, кланаясь.

Я за нихъ краснѣлъ и стыдился.

¹⁾ Со всѣми такими примѣтами ссыльнаго поляка въ Вяткѣ и Перми не было.

²⁾ Симонъ, польскій революціонеръ. казненъ въ 1839 г.

Дружба наша недолго продолжалась. Тюфяевъ скоро догадался, что я не гожусь въ «высшее» вятское общество.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ былъ мною недоволенъ, черезъ нѣсколько другихъ онъ меня ненавидѣлъ, и я не только не ходилъ на его обѣды, но вовсе пересталъ къ нему ходить. Проѣздъ наслѣдника спасъ меня отъ его преслѣдованій, какъ мы увидимъ послѣ.

Притомъ необходимо замѣтить, что я рѣшительно ничего не сдѣлалъ, чтобы заслужить сначала его вниманіе и приглашеніе, потомъ гнѣвъ и немилость. Онъ не могъ вынести во мнѣ человѣка, державшаго себя независимо, но вовсе не дерзко; я былъ съ нимъ всегда en règle ¹⁾, онъ требовалъ подобострастія.

Онъ ревниво любилъ свою власть: она ему досталась трудовой копѣйкой, и онъ искалъ не только повинovenія, но *вида* безпрекословной подчиненности. По несчастью, въ этомъ онъ былъ націоналенъ.

Помѣщикъ говоритъ слугѣ: «молчать! я не потерплю, чтобы ты мнѣ отвѣчалъ!».

Начальникъ департамента замѣчаетъ, блѣднѣя, чиновнику, дѣлающему возраженіе: «вы забываетесь, знаете ли вы, съ *къмъ* вы говорите?!».

Государь «за *мнѣнія*» посылаетъ въ Сибирь, за *стихи* морить въ казематахъ, и всѣ трое скорѣе готовы простить воровство и взятки, убійство и разбой, чѣмъ наглость человѣческаго достоинства и дерзость независимой рѣчи.

Тюфяевъ былъ настоящей царскій слуга; его оцѣнили, но мало. Въ немъ византійское рабство необыкновенно хорошо соединилось съ канцелярскимъ порядкомъ. Уничтоженіе себя, отреченіе отъ воли и мысли передъ властью шло неразрывно съ суровымъ гнетомъ подчиненныхъ. Онъ бы могъ быть статскимъ Клейнмихелемъ; его «усердіе» точно также превозмогало бы все ²⁾, и онъ точно также штукатурилъ бы стѣны человѣческими трупами, сушилъ бы дворецъ людскими легкими, а молодыхъ людей инженернаго корпуса сѣкъ бы еще больнѣе за то, что они не доносчики.

У Тюфяева была живучая, затаенная ненависть ко всему аристократическому, ее онъ сохранилъ отъ горькихъ испытаній. Для Тюфяева каторжная канцелярія Аракчеева была первой гаванью, первымъ освобожденіемъ. Прежде начальники не предлагали ему

¹⁾ Корректенъ.

²⁾ «Усердіе все превозмогаетъ»—деви́зъ графскаго герба П. А. Клейнмихеля.

стула, употребляя его на мелкія комиссіи. Когда онъ служилъ по интендантской части, офицеры по-армейски преслѣдовали его, и одинъ полковникъ вытянулъ его на улицѣ въ Вильнѣ хлыстомъ... Все это взошло и назрѣло въ душѣ писаря; теперь, губернаторомъ, его чередъ тѣснить, не давать стула, говорить *ты*, поднимать голосъ больше, чѣмъ нужно, а иной разъ отдавать подъ судъ столбовыхъ дворянъ.

Изъ Перми Тюфяевъ былъ переведенъ въ Тверь. Дворянство, при всей уступчивости и при всемъ раболѣпїи, не могло вынести Тюфяева. Они упросили министра Блудова ¹⁾ удалить его. Блудовъ назначилъ его въ Вятку.

Тутъ онъ снова очутился въ своей средѣ: чиновники и откупщики, заводчики и чиновники,—раздолье да и только. Все трепетало его, все вставало передъ нимъ, все поило его, все давало ему обѣды, все глядѣло въ глаза; на свадьбахъ и именинахъ первый тостъ предлагали «за здравіе его превосходительства!».

¹⁾ Дмитрій Николаевичъ.

ГЛАВА XV.

Чиновники.—Сибирскіе генераль-губернаторы.— Хищный полицмейстеръ.— Ручной судья.—Жареный исправникъ.—Равноапостольный татаринъ.—Мальчикъ женскаго пола.—Картофельный терроръ и пр.

Одинъ изъ самыхъ печальныхъ результатовъ петровскаго переворота, это—развитіе чиновническаго сословія. Классъ искусственный, необразованный, голодный, не умѣющій ничего дѣлать, кромѣ «служенія», ничего не знающій, кромѣ канцелярскихъ формъ, онъ составляетъ какое-то гражданское духовенство, священнодѣйствующее въ судахъ и полиціяхъ и сосущее кровь народа тысячами ртовъ, жадныхъ и нечистыхъ...

Гоголь приподнялъ одну сторону занавѣси и показалъ намъ русское чиновничество во всемъ безобразіи его; но Гоголь невольно примиряетъ смѣхомъ: его огромный комическій талантъ беретъ верхъ надъ негодованіемъ. Сверхъ того, въ колодкахъ русской цензуры онъ едва могъ касаться печальной стороны этого грязнаго подземелья, въ которомъ куются судьбы бѣднаго русскаго народа.

Тамъ, гдѣ-то въ закоптѣлыхъ канцеляріяхъ, черезъ которыя мы спѣшимъ пройти, оптерханные люди пишутъ, пишутъ на сѣрой бумагѣ, переписываютъ на гербовую, и лица, семьи, цѣлыя деревни обижены, испуганы, разорены. Отецъ идетъ на поселенье, мать—въ тюрьму, сынъ—въ солдаты, и все это разразилось, какъ громъ, неожиданно, большей частью неповинно. А изъ-за чего? Изъ-за денегъ. Складчину—или начнется слѣдствіе о мертвомъ тѣлѣ какого-нибудь пьяницы, сторѣвшаго отъ вина и замерзнувшаго отъ мороза. И голова собираетъ, староста собираетъ, мужики несутъ

послѣднюю копѣйку. Становому надобно жить; исправнику надобно жить да и жену содержать; совѣтнику надобно жить да и дѣтей воспитать: совѣтникъ—примѣрный отецъ...

Чиновничество царить въ сѣверо-восточныхъ губерніяхъ Руси и въ Сибири; тутъ оно раскинулось безпрепятственно, безъ оглядки... даль страшная, всѣ участвуютъ въ выгодахъ, кража становится *res publica* ¹⁾). Самая власть царская, которая бьетъ, какъ картечь, не можетъ пробить эти подсыѣжня, болотистыя траншеи изъ топкой грязи. Всѣ мѣры правительства ослаблены, всѣ желанія искажены; оно обмануто, одурачено, предано, продано—и все съ видомъ вѣрноподданническаго раболѣпія и съ соблюденіемъ всѣхъ канцелярскихъ формъ.

Сперанскій пробовалъ облегчить участь сибирскаго народа. Онъ ввелъ всюду коллегіальное начало; какъ будто, дѣло зависѣло отъ того, какъ кто крадетъ: по одиночкѣ или шайками. Онъ сотнями отрѣшалъ старыхъ плутовъ и сотнями принималъ новыхъ. Сначала онъ нагналъ такой ужасъ на земскую полицію, что мужики *брали* деньги съ чиновниковъ, чтобъ не ходить съ челобитьемъ. Года черезъ три чиновники наживались по новымъ формамъ не хуже, какъ по старымъ.

Нашелся другой чудакъ, генералъ Вельяминовъ ²⁾). Года два онъ побился въ Tobольскѣ, желая уничтожить злоупотребленія, но, видя безуспѣшность, бросилъ все и совсѣмъ пересталъ заниматься дѣлами.

Другіе, благоразумнѣе его, не дѣлали опыта, а наживались и давали наживаться.

— Я искореню взятки,—сказалъ московскій губернаторъ Сенявинъ ³⁾ сѣдому крестьянину, подавшему жалобу на какую-то явную несправедливость. Старикъ улыбнулся.

— Что же ты смѣешься?—спросилъ Сенявинъ.

— Да, батюшка,—отвѣчалъ мужикъ,—ты прости; на умъ пришелъ мнѣ одинъ молодецъ нашъ: похвалялся царь-пушку поднять и, точно, пробовалъ, да только пушку-то не поднялъ!

Сенявинъ, который самъ рассказывалъ этотъ анекдотъ, принадлежалъ къ тому числу непрактическихъ людей въ русской службѣ, которые думаютъ, что риторическими выходками о честности и деспотическимъ преслѣдованіемъ двухъ-трехъ плутовъ, которые подвернутся, можно помочь такой всеобщей болѣзни, какъ

¹⁾ Дѣломъ общимъ.

²⁾ Иванъ Александровичъ, генералъ-губернаторъ Западной Сибири.

³⁾ Иванъ Григорьевичъ.

русское взяточничество, свободно растущее под тѣнью цензурнаго древа.

Противъ него два средства: гласность и совершенно другая организациія всей машины, введеніе снова народныхъ началъ третейскаго суда, изустнаго процесса, цѣловальниковъ ¹⁾ и всего того, что такъ ненавидитъ петербургское правительство.

Генераль-губернаторъ Западной Сибири Пестель, отецъ знаменитаго Пестеля, казеннаго Николаемъ, былъ настоящій римскій проконсулъ да еще изъ самыхъ яростныхъ. Онъ завелъ открытый систематическій грабежъ во всемъ краѣ, отрѣзанномъ его лазутчиками отъ Россіи. Ни одно письмо не переходило границы не распечатанное, и горе человѣку, который осмѣлился бы написать что-нибудь объ его управленіи. Онъ купцовъ первой гильдіи держалъ по году въ тюрьмѣ, въ цѣпяхъ, онъ ихъ пыталъ; чиновниковъ посылалъ на границу Восточной Сибири и оставлялъ тамъ года на два, на три.

Долго терпѣлъ народъ; наконецъ, какой-то тобольскій мѣщанинъ рѣшилъ довести до свѣдѣнія государя о положеніи дѣлъ. Боясь обыкновеннаго пути, онъ отправился на Кяхту и оттуда пробрался съ караваномъ чаевъ черезъ сибирскую границу. Онъ нашель случай въ Царскомъ Селѣ подать Александру свою просьбу, умоляя его прочесть ее. Александръ былъ удивленъ, пораженъ страшными вещами, прочтенными имъ. Онъ позвалъ мѣщанина и, долго говоря съ нимъ, убѣдился въ печальной истинѣ его доноса. Огорченный и нѣсколько смущенный, онъ сказалъ ему:

— Ступай, братецъ, теперь домой, дѣло это будетъ разобрано.

— Ваше величество, — отвѣчалъ мѣщанинъ, — я къ себѣ теперь не пойду. Прикажете лучше меня запереть въ острогъ. Разговоръ мой съ вашимъ величествомъ не останется въ тайнѣ — меня убьютъ.

Александръ содрогнулся и сказалъ, обращаясь къ Милорадовичу, который тогда былъ генераль-губернаторомъ въ Петербургѣ:

— Ты мнѣ отвѣчаешь за него.

— Въ такомъ случаѣ, — замѣтилъ Милорадовичъ, — позвольте мнѣ его взять къ себѣ въ домъ.

Тамъ мѣщанинъ, дѣйствительно, и оставался до окончанія дѣла.

Пестель почти всегда жилъ въ Петербургѣ, — вспомните, что и проконсулы жилали обыкновенно въ Римѣ. Онъ своимъ присут-

¹⁾ Выборная должность въ московской Руси до смутнаго времени для исполненія обязанностей судебныхъ, финансовыхъ и полицейскихъ.

ствіемъ и связями, а всего болѣе дѣлежомъ добычи предупреждать всякіе непріятные слухи и дразги ¹⁾). Государственный совѣтъ, пользуясь отсутствіемъ Александра, бывшаго въ Веронѣ или Аахенѣ, умно и справедливо рѣшилъ, что такъ какъ рѣчь въ доносѣ идетъ о Сибири, то дѣло и передать на разборъ Пестелю, благо, онъ налицо. Милорадовичъ, Мордвиновъ ²⁾ и еще человекъ два возстали противъ этого предложенія, и дѣло пошло въ сенатъ.

Сенатъ, съ тою возмутительной несправедливостью, съ которой постоянно судить дѣла высшихъ чиновниковъ, выгородилъ Пестеля, а Трескина, тобольскаго гражданскаго губернатора, лишивъ чиновъ и дворянства, сослалъ куда-то на житье. Пестель былъ только отрѣшенъ отъ службы.

Послѣ Пестеля явился въ Tobольскъ Капцевичъ ³⁾, изъ школы Аракчеева. Худой, желчѣвой, тиранъ по натурѣ, тиранъ потому, что всю жизнь служилъ въ военной службѣ, безпокойный исполнитель, онъ приводилъ все во фронтъ и строй, объявлялъ тахітум на цѣны, а обыкновенныя дѣла оставлялъ въ рукахъ разбойниковъ. Въ 1824 году государь хотѣлъ посѣтить Tobольскъ. По Пермской губерніи идетъ превосходная широкая дорога, давно наѣзженная, и которой, вѣроятно, способствовала почва. Капцевичъ сдѣлалъ такую же до Tobольска въ нѣсколько мѣсяцевъ. Весной, въ распутицу и стужу, онъ заставилъ тысячи работниковъ дѣлать дорогу; ихъ сгоняли по раскладкѣ изъ ближнихъ и дальнихъ поселеній; открылись болѣзни, половина рабочихъ перемерла, но «усердіе все перевозмогаетъ»—дорога была сдѣлана.

Восточная Сибирь управляется еще больше спущая рукава. Это ужъ такъ далеко, что и вѣсти едва доходятъ до Петербурга. Въ Иркутскѣ генералъ-губернаторъ Броневскій ⁴⁾ любилъ палить въ городъ изъ пушекъ, когда «гулялъ». А другой служилъ пьяный у себя въ домѣ обѣдню въ полномъ облаченіи и въ присутствіи архіерея. По крайней мѣрѣ, шумъ одного и набожность другого не были такъ вредны, какъ осадное положеніе Пестеля и неусыпная дѣятельность Капцевича.

¹⁾ Это дало поводъ графу Ростопчину ⁵⁾ отпустить колкое слово на счетъ Пестеля. Они оба обѣдали у государя. Государь спросилъ, стоя у окна: «Что это тамъ на церкви... на крестѣ, черное?»—Я не могу разглядѣть,—замѣтилъ Ростопчинъ; это надобно спросить у Бориса Ивановича ⁶⁾: у него чудесные глаза, онъ видитъ отсюда, что дѣлается въ Сибири. А. И. Г.

²⁾ Николай Семеновичъ.

³⁾ Петръ Михайловичъ.

⁴⁾ Семень Богдановичъ.

⁵⁾ Федоръ Васильевичъ.

⁶⁾ Иванъ Борисовичъ.

Жаль, что Сибирь такъ скверно управляется. Выборъ генералъ-губернаторовъ особенно несчастенъ. Не знаю, каковъ Муравьевъ ¹⁾),—онъ извѣстенъ умомъ и способностями,—остальные были никуда не годны. Сибирь имѣетъ большую будущность; на нее смотрятъ только, какъ на подвалъ, въ которомъ много золота, много мѣху и другого добра, но который холоденъ, занесенъ снѣгомъ, бѣденъ средствами жизни, не изрѣзанъ дорогами, не населенъ. Это невѣрно.

Мертвящее русское правительство, дѣлающее все насиліемъ, все палкой, не умѣетъ сообщить тотъ жизненный толчокъ, который увлекъ бы Сибирь съ американской быстротою впередъ. Увидимъ, что будетъ, когда устья Амура откроются для судоходства, и Америка встрѣтится съ Сибирью возлѣ Китая.

Я давно говорилъ, что *Тихій океанъ—Средиземное море будущаю* ²⁾). Въ этомъ будущемъ роль Сибири, страны между океаномъ, южной Азіей и Россіей, чрезвычайно важна. Разумѣется, Сибирь должна спуститься къ китайской границѣ. Не въ самомъ же дѣлѣ мерзнуть и дрожать въ Березовѣ и Якутскѣ, когда есть Красноярскъ, Минусинскъ и пр.

Самое русское народонаселеніе въ Сибири имѣетъ въ характерѣ своемъ начала, намекающія на иное развитіе. Вообще, сибирское племя здоровое, рослое, умное и чрезвычайно положительное. Дѣти поселщиковъ, сибиряки, вовсе не знаютъ помѣщичьей власти. Дворянства въ Сибири нѣтъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ нѣтъ и аристократіи въ городахъ; чиновникъ и офицеръ, представители власти, скорѣе похожи на непріятельскій гарнизонъ, поставленный побѣдителемъ, чѣмъ на аристократію. Огромныя разстоянія спасаютъ крестьянъ отъ частаго сношенія съ ними; деньги спасаютъ купцовъ, которые въ Сибири презираютъ чиновниковъ и, наружно уступая имъ, принимаютъ ихъ за то, что они есть: за своихъ приказчиковъ по гражданскимъ дѣламъ.

Привычка къ оружію, необходимая для сибиряка, повсемѣстна; привычка къ опасностямъ, къ расторопности сдѣлали сибирскаго крестьянина болѣе воинственнымъ, находчивымъ, готовымъ на отпоръ, чѣмъ великорусскаго. Даль церквей оставила его умъ свободнѣе, чѣмъ въ Россіи, онъ холоденъ къ религіи, большей частью раскольникъ. Есть дальнія деревеньки, куда поплѣздить раза три въ годъ и гуртомъ накрещиваетъ, хоронитъ, женитъ и исповѣдуетъ за все время.

¹⁾ Николай Николаевичъ.

²⁾ Съ большой радостью видѣлъ я, что нью-іоркскіе журналы нѣсколько разъ повторили это. А. И. Г.

По сю сторону Уральскаго хребта дѣла дѣлаются скромнѣе, и, несмотря на то, я томы могъ бы наполнить анекдотами о злоупотребленіяхъ и плутовствѣ чиновниковъ, слышанными мною въ продолженіе моей службы въ канцеляріи и столовой губернатора.

— Вотъ былъ профессоръ-съ мой предшественникъ!—говорилъ мнѣ въ минуту задушевнаго разговора вятскій полицмейстеръ.— Ну, конечно, эдакъ жить можно, только на это надобно родиться-съ; это въ своемъ родѣ, могу сказать, Сеславинъ, Фигнеръ ¹⁾,—и глаза хромого маіора, за рану произведеннаго въ полицмейстеры, блистали при воспоминаніи славнаго предшественника.—Показалась шайка воровъ недалеко отъ города; разъ, другой доходитъ до начальства: то у купцовъ товаръ ограбленъ, то у управляющаго по откупамъ деньги взяты. Губернаторъ въ хлопотахъ, пишетъ одно предписаніе за другимъ. Ну, знаете, земская полиція—трусъ; такъ какого-нибудь воришку связать да представить она умѣетъ, а тамъ шайка, да и. пожалуй, съ ружьями. Земскіе ничего не сдѣлали. Губернаторъ призываетъ полицмейстера и говорить:

— «Я, молъ, знаю, что это вовсе не ваша должность, но ваша распорядительность заставляетъ меня обратиться къ вамъ».

Полицмейстеръ прежде ужъ о дѣлѣ былъ неслышанъ.

— «Генераль, отвѣчаетъ онъ, я ѣду черезъ часть. Воры должны быть тамъ-то и тамъ-то; я беру съ собой команду, найду ихъ тамъ-то и тамъ-то и черезъ два-три дня приведу ихъ въ цѣпяхъ въ губернской острогъ». Вѣдь, это Суворовъ-съ у австрійскаго императора! Дѣйствительно, сказано—сдѣлано; онъ ихъ такъ и накрылъ съ командой; денегъ не успѣли спрятать, полицмейстеръ все взялъ и представилъ воровъ въ городъ.

Начинается слѣдствіе; полицмейстеръ спрашиваетъ:

— «Гдѣ деньги?»

— «Да мы ихъ тебѣ, батюшка, сами въ руки отдали»,—отвѣчаютъ двое воровъ.

— «Мнѣ?—говоритъ полицмейстеръ, пораженный удивленіемъ.

— «Тебѣ,—кричатъ воры,—тебѣ.

— «Вотъ дерзость-то! — говоритъ полицмейстеръ частному приставу, блѣднѣя отъ негодованія. Да вы, мошенники, пожалуй, увѣрите, что я вмѣстѣ съ вами грабилъ. Такъ вотъ я вамъ покажу, каково марать мой мундиръ; я уланскій корнетъ и честь свою не дамъ въ обиду!»

Онъ ихъ съчь,—признавайся да и только, куда деньги дѣли? Тѣ сначала свое. Только какъ онъ велѣлъ имъ закатить *на двѣ трубки*,

¹⁾ Партизаны 1812 г.

такъ главный-то изъ воровъ закричалъ: «Виноваты, деньги прогуляли».

— «Давно бы такъ,—говорить полицмейстеръ,—а то несешь вздоръ такой; меня, братъ, не скоро надуешь.

— «Ну, ужъ точно, намъ у вашего благородія надобно учиться, а не вамъ у насъ. Гдѣ намъ!»—пробормоталъ старый плутъ, съ удивленіемъ поглядывая на полицмейстера... А, вѣдь, онъ за это дѣло получилъ Владиміра въ петлицу...

— Позвольте,—спросилъ я, перебивая похвальное слово великому полицмейстеру,—что же это значить: *на двѣ трубки*?

— Это такъ у насъ, *домашнее* выраженіе. Скучно, знаете, при наказаніи, ну, такъ велишь сѣчь да и куришь трубку; обыкновенно къ концу трубки и наказанію конецъ; ну, а въ экстренныхъ случаяхъ велишь иной разъ и на двѣ трубки угостить пріятеля. Полицейскіе привычны, знаютъ примѣрно сколько.

Объ этомъ Фигнеръ и Сеславинъ ходили цѣлыя легенды въ Вяткѣ. Онъ чудеса дѣлалъ. Разъ, не помню по какому поводу, пріѣзжалъ ли генераль-адъютантъ какой или министръ, полицмейстеру хотѣлось показать, что онъ не даромъ носилъ уланскій мундиръ и что кольнетъ шпорой не хуже другого свою лошадь. Для этого онъ адресовался съ просьбой къ одному изъ Машковцевыхъ, богатыхъ купцовъ того края, чтобъ онъ ему далъ свою сѣрую дорожную верховую лошадь. Машковцевъ не далъ.

— Хорошо,—говоритъ Фигнеръ,—вы эдакой бездѣлицы не хотите сдѣлать по доброй волѣ, я и безъ вашего позволенія возьму лошадь.

— Ну, это еще посмотримъ!—сказало *злато*.

— Ну, и увидите,—сказалъ *булатъ*.

Машковцевъ заперъ лошадь, приставилъ двухъ караульныхъ. На этотъ разъ полицмейстеръ ошибется.

Но въ эту ночь, какъ нарочно, загорѣлись пустые сараи, принадлежавшіе откупщикамъ и находившіеся за самымъ Машковцевымъ домомъ. Полицмейстеръ и полицейскіе дѣйствовали отлично; чтобъ спасти домъ Машковцева, они даже разобрали стѣну конюшни и вывели, не опаливши ни гривы, ни хвоста, спорную лошадь. Черезъ два часа полицмейстеръ, парадировавъ на бѣломъ жеребцѣ, ѣхалъ получать благодарность особы за примѣрное потушеніе пожара. Послѣ этого никто не сомнѣвался въ томъ, что полицмейстеръ все можетъ сдѣлать.

Губернаторъ Рыхлевскій ¹⁾ ѣхалъ изъ собранія; въ то время,

¹⁾ Андрей Ивановичъ, вятскій губернаторъ въ 1825—30 гг.; вслѣдъ за нимъ былъ предшественникъ Тюфяева Ефимъ Ефимевичъ Ренкевичъ.

какъ его карета двинулась, какой-то кучеръ съ небольшими санками, зазѣвавшись, попалъ между постромокъ двухъ коренныхъ и двухъ переднихъ лошадей. Изъ этого вышла минутная конфузiя, не помѣшавшая Рыхлевскому преспокойно пріѣхать домой. На другой день губернаторъ спросилъ полицмейстера, знаетъ ли онъ, чей кучеръ въѣхалъ ему въ постромки и что его слѣдуетъ постращать.

— Этотъ кучеръ, ваше превосходительство, не будетъ больше въ постромки заѣзжать, я ему влѣпилъ порядочный урокъ,—отвѣчалъ, улыбаясь, полицмейстеръ.

— Да чей онъ?

— Совѣтника Кулакова-съ ¹⁾, ваше превосходительство.

Въ это время старикъ совѣтникъ, котораго я засталъ и оставилъ тѣмъ же совѣтникомъ губернскаго правленiя, взошелъ къ губернатору.

— Вы насъ простите,—сказалъ губернаторъ ему,—что мы вашего кучера поучили.

Удивленный совѣтникъ, не понимая ничего, смотрѣлъ впросительно.

— Вчера онъ заѣхалъ мнѣ въ постромки. Вы понимаете, если онъ мнѣ заѣхалъ, то...

— Да, ваше превосходительство, я вчера да и хозяйка моя сидѣли дома, и кучеръ былъ дома.

— Что это значитъ?—спросилъ губернаторъ.

— Я, ваше превосходительство, вчера былъ такъ занятъ, голова кругомъ шла, виноватъ, совсѣмъ забылъ о кучерѣ и, признаюсь, не посмѣлъ доложить это вашему превосходительству. Я хотѣлъ сейчасъ распорядиться.

— Ну, вы—настоящiй полицмейстеръ, нечего сказать!—замѣтилъ Рыхлевскiй.

Рядомъ съ этимъ хищнымъ чиновникомъ я покажу вамъ и другую, противоположную породу—чиновника мягкаго, сострадательнаго, ручнаго.

Между моими знакомыми былъ одинъ почтенный старецъ, исправникъ, отрѣшенный по сенаторской ревизiи отъ дѣлъ. Онъ занимался составленiемъ просьбъ и хожденiемъ по дѣламъ, что именно было ему запрещено. Человѣкъ этотъ, начавшiй службу съ незапамятныхъ временъ, воровалъ, подкабливалъ, наводилъ ложныя справки въ трехъ губернiяхъ, два раза былъ подъ судомъ и пр. Этотъ ветеранъ земской полицiи любилъ рассказывать удивительныя анекдоты о самомъ себѣ и своихъ сослуживцахъ, не

¹⁾ Григорiй Ивановичъ.

скрывая своего презрѣнія къ выродившимся чиновникамъ новаго поколѣнія.

— Это такъ, вертопрахи,—говорилъ онъ; конечно, они берутъ: безъ этого жить нельзя, но, то-есть, эдакъ ловкости или знанія закона и не спрашивайте. Я расскажу вамъ, для примѣра, объ одномъ пріятелѣ. Судьей былъ лѣтъ двадцать, въ прошедшемъ году помре,—вотъ былъ голова! И мужики его лихою не поминуютъ, и своимъ хлѣба кусокъ оставилъ. Совсѣмъ особенную манеру имѣлъ. Придетъ, бывало, мужикъ съ просьбицей, судья сейчасъ пускаетъ къ себѣ,—такой ласковый, веселый.

— Какъ, дескать, дядюшка, твое имя и батюшку твоего какъ звали?

Крестьянинъ кланяется.

— Ермолаемъ,—моль,—батюшка, а отца Григорьемъ прозвали.

— Ну, здравствуйте, Ермолай Григорьевичъ; изъ какихъ мѣстъ Господь несетъ?

— А мы дубиловскіе.

— Знаю, знаю. Мельницы-то, кажись, ваши вправо отъ дороги, отъ трахта?

— Точно, батюшка, мельницы общинныя наши.

— Село зажиточное, земляца хорошая, черноземъ.

— На Бога не жалобимся, нешто, кормилецъ.

— Да, вѣдь, оно и нужно. Небось у тебя, Ермолай Григорьевичъ, семейка не малая?

— Три сыночка да дѣвки двѣ, да во дворъ къ, старшей принялъ молодца, пятый годокъ пошелъ.

— Чай, ужъ и внучата завелись?

— Есть, точно, небольшое дѣло, ваша милость.

— И слава Богу! плодитесь и умножайтесь. Нутка, Ермолай Григорьевичъ, дорога дальняя, выпьемъ-ка рюмочку березовой. Мужикъ ломается. Судья наливаетъ ему, приговаривая:

— Полно, полно, братъ, сегодня отъ святыхъ отцовъ нѣтъ запрета на вино и елей.

— Оно, точно, что запрету нѣтъ, но вино-то и доводитъ челоуѣка до всѣхъ бѣдъ.—Тутъ онъ крестится, кланяется и пьетъ березовку.

— При такой семейкѣ, Григорьичъ, небось, накладно жить? Каждого накормить, одѣтъ,—одной кляченкой или коровенкой не оборотишь дѣла, молока не достанетъ.

— Помилуй, батюшка, куда толкнешься съ одной лошадежкой; есть-таки троечка, была четвертая, саврасая, да пала съ глазу

о Петровки; плотникъ у насъ, Дорожей, не приведи Богъ, ненави-
дять чужое добро, и глазъ у него больно дурень.

— Бываетъ-съ, бываетъ-съ-съ. А у насъ, вѣдь, выгоны большіе,—
небось, барашковъ держите!

— Ништо, есть и барашки.

— Охъ, затолковался я съ тобой. Служба, Ермолай Гри-
горьичъ, царская: пора въ судъ. Что у тебя дѣльце, что ли?

— Точно, ваша милость, есть.

— Ну, что такое? повздорили что-нибудь? поскорѣе, дядя,
разказывай, пора ѣхать.

— Да что, отецъ родной, бѣда подъ старость лѣтъ пришла...
Вотъ въ самѣе-то Успенье были мы въ питейномъ, ну, и крупно
поговорили съ сусѣдскимъ крестьяниномъ,—такой безобразный че-
ловѣкъ: нашъ лѣсъ крадетъ. Только, поговоримши, онъ размахнулся
да меня кулакомъ въ грудь. «Ты, молъ, въ чужой деревнѣ не де-
рись», говорю я ему да хотѣлъ, такъ, то-есть примѣръ сдѣлать,
тычка ему дать, да спяна что ли или нечистая сила,—прямо
ему въ глазъ; ну, и попортилъ, то-есть глазъ, а онъ со старостой
церковнымъ сейчасъ къ становому,—хочу, дескать, судъ по формѣ.

Во время разказа, судья—что ваши петербургскіе актеры!—все
становится серьезнѣе, глаза эдакіе сдѣлаетъ страшные и ни слова.

Мужикъ видитъ и блѣднѣетъ, ставитъ шляпу у ногъ и выни-
маетъ полстенецъ, чтобъ обтереть потъ. Судья все молчитъ и въ
книжкѣ листочки перевортываетъ.

— Такъ вотъ я, батюшка, къ тебѣ и пришелъ,—говорить
мужикъ не своимъ голосомъ.

— Чего жъ я могу сдѣлать тутъ? Экая причина! И зачѣмъ
же это прямо въ глазъ?

— Точно, батюшка, зачѣмъ... арагъ попуталъ.

— Жаль, очень жаль! Изъ чего домъ долженъ погибнуть! Ну,
что семья безъ тебя останется? все молодежь; а внучата—мел-
кота, да и старушку-то твою жаль.

У мужика начинаютъ ноги дрожать.

— Да что же, отецъ родной, къ чему же это я себя угодилъ?

— Вотъ, Ермолай Григорьичъ, читай самъ... или того, гра-
мота-то не далась? Ну, вотъ видишь «о членовредителяхъ» статья...
«Наказавши плетми, сослать въ Сибирь на поселенье».

— Не дай разориться человѣку! не погуби христіанина! Развѣ
нельзя какъ?...

— Экой ты какой! Развѣ супротивъ закона можно итти? Ко-
нечно, все—дѣло рукъ человѣческихъ. Ну, вмѣсто тридцати уда-
ровъ, мы назначимъ эдакъ пяточекъ.

— Да то-есть въ Сибирь-то?..

— Не въ нашей, братецъ ты мой, волѣ.

Тащить мужикъ изъ-за пазухи кошелекъ, вынимаетъ изъ кошелька бумажку, изъ бумажки—два-три золотыхъ и съ низкимъ поклономъ кладетъ ихъ на столъ.

— Это что, Ермолай Григорьевичъ?

— Спаси, батюшка.

— И полно, полно! что ты это? Я, грѣшный человѣкъ, иной разъ беру благодарность. Жалованье у меня малое, поневолѣ возьмешь; но принять, такъ было бы за что. Какъ я тебѣ помогу? Добро бы ребро или зубъ, а то прямо въ глаза! Возьмите денежки ваши назадъ.

Мужичекъ уничтоженъ.

— Развѣ вотъ что: поговорить мнѣ съ товарищами да и въ губернію отписать? Неравно, дѣло пойдетъ въ палату, тамъ у меня есть пріатели, все сдѣлаютъ; ну, только это люди другого сорта, тутъ тремя лобанчиками не отдѣлаешься.

Мужикъ начинаетъ приходиться въ себя.

— Мнѣ, пожалуй, ничего не давай—мнѣ семью жаль; ну, а тѣмъ меньше двухъ сѣренкихъ и предлагать нечего.

— То-есть, какъ предъ Богомъ, ума не приложу, гдѣ это достать такую палестину денегъ: четыреста рублевъ... время же какое?

— Я таки и самъ думаю, что оно трудновато. Наказанье мы уменьшимъ,—за раскаянье, молъ, и принявъ въ соображенье нетрезвый видъ... Вѣдь, и въ Сибири люди живутъ. Тебѣ же не Богъ вѣсть, какъ далеко итти... Конечно, если продать парочку лошадокъ да одну изъ коровъ, да барашковъ, оно, можетъ, и хватить, да скоро ли потомъ въ крестьянскомъ дѣлѣ сколотишь столько денегъ? А, съ другой стороны, подумаешь, лошадки-то останутся, а ты-то пойдешь себѣ, куда Макаръ телятъ не гонялъ. Подумай, Григорычъ, время терпите, пообождемъ до завтра, а мнѣ пора,—прибавляетъ судья и кладетъ въ карманъ лобанчики, отъ которыхъ отказался, говоря:—это вовсе лишнее, я беру, только чтобъ васъ не обидѣть.

На другое утро, глядь, старый жидъ тащить разными крестовиками да старинными рублями рублевъ триста пятьдесятъ ассигнаціями къ судѣ.

Судья общается пещься объ дѣлѣ; мужика судятъ, судятъ, страшатъ, а потомъ и выпускаютъ съ какимъ-нибудь легкимъ наказаніемъ или съ совѣтомъ впредь въ подобныхъ случаяхъ быть осторожнымъ, или отмѣткой: «оставить въ подозрѣніи», и мужикъ всю жизнь молить Бога за судьбу.

— Вотъ какъ дѣлали встарь,—приговариваль отрѣшенный отъ дѣлъ исправникъ,—на чистоту!

...Вятскіе мужики, вообще, не очень выносливы. Зато ихъ и считаютъ чиновники ябедниками и безпокойными. Настоящій кладъ для земской полиціи, это — вотяки, мордва, чуваша: народъ жалкій, робкій, бездарный. Исправники даютъ двойной окупъ губернаторамъ за назначеніе ихъ въ уѣзды, населенные финнами.

Полиція и чиновники дѣлаютъ невѣроятныя вещи съ этими бѣдняками.

Землемѣръ ли ѣдетъ съ порученіемъ черезъ вотскую деревню, онъ непременно въ ней останавливается, беретъ съ телѣги астролябію, вбиваетъ шесть, протягиваетъ цѣпь. Черезъ часъ вся деревня въ смятеніи. «Межемѣрія, межемѣрія!» говорятъ мужики съ тѣмъ видомъ, съ которымъ въ 12-мъ году говорили: «французъ! французъ!». Является староста поклониться съ міромъ. А тотъ все мѣряетъ и записываетъ. Онъ его проситъ не обмѣрить, не обидѣть. Землемѣръ требуетъ двадцать, тридцать рублей. Вотяки радехоньки, собираютъ деньги, и землемѣръ ѣдетъ до слѣдующей вотской деревни.

Попадется ли мертвое тѣло исправнику со становымъ, они его возятъ двѣ недѣли, пользуясь морозомъ, по вотскимъ деревнямъ, и въ каждой говорятъ, что сейчасъ подняли и что слѣдствіе и судъ назначены въ ихъ деревнѣ. Вотяки откупаются.

За нѣсколько лѣтъ до моего пріѣзда, исправникъ, разохотившійся брать выкупы, привезъ мертвое тѣло въ большую русскую деревню и требоваль, помнится, двѣсти рублей. Староста собралъ міръ; міръ больше ста не даваль. Исправникъ не уступаль. Мужики разсердились, заперли его съ двумя писарями въ волостномъ правленіи и, въ свою очередь, грозили ихъ сжечь. Исправникъ не повѣрилъ угрозѣ. Мужики обложили избу соломой и, какъ ультиматумъ, подали исправнику на шесть въ окно сторублевую ассигнацію. Героическій исправникъ требоваль еще сто. Тогда мужики зажгли съ четырехъ сторонъ солому, и всѣ три Муція Сцеволы земской полиціи сгорѣли. Дѣло это было потомъ въ сенатѣ.

Вотскія деревни, вообще, гораздо бѣднѣ русскихъ.

— Плохо, братъ, ты живешь, — говорилъ я хозяину вотяку, дожидаясь лошадей въ душной, черной и покосившейся избушкѣ, поставленной окнами назадъ, т.-е. на дворъ.

— Что, бачка, дѣлать? мы бѣдна, деньга бережемъ на черная дня.

— Ну, чернѣ мудрено быть дню, старинушка, — сказалъ я ему, наливая рюмку рому, — выпей-ка съ горя.

— Мы не пьемъ,—отвѣчалъ вотякъ, страстно глядя на рюмку и подозрительно на меня.

— Полно, нутка бери.

— Выпей сама прежде.

Я выпилъ, и вотякъ выпилъ.

— А ты что?—спросилъ онъ,— съ губернія, по дѣлу?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я,—проѣздомъ, ѣду въ Вятку. Это его значительно успокоило, и онъ, осмотрѣвшись на всѣ стороны, прибавилъ въ вилѣ поясненія:

— Черной дня, когда исправникъ да *полк* пріѣдутъ.

Вотъ о послѣднемъ-то я и хочу рассказать вамъ кое-что.

Попъ у насъ превращается болѣе и болѣе въ духовнаго квартальнаго, какъ и слѣдуетъ ожидать отъ византійскаго смиренія нашей церкви и отъ императорскаго первосвятительства.

Финское населеніе долею приняло крещеніе въ допетровскія времена, долею было окрещено въ царствованіе Елизаветы и долею осталось въ язычествѣ. Большая часть крещеныхъ при Елизаветѣ тайно придерживается своей печальной, дикой религіи ¹⁾.

Года черезъ два-три исправникъ или становой отправляются съ попомъ по деревнямъ ревизовать, кто изъ вотяковъ говѣлъ, кто нѣтъ и почему нѣтъ. Ихъ тѣснятъ, сажаютъ въ тюрьму, сбѣгутъ, заставляютъ платить требы; а главное, попъ и исправникъ ищутъ какое-нибудь доказательство, что вотяки не оставили своихъ прежнихъ обрядовъ. Тутъ духовный сыщикъ и земскій миссіонеръ поднимаютъ бурю, берутъ огромный окупъ, дѣлаютъ «черная дня», потомъ уѣзжаютъ, оставляя все по старому, чтобъ имѣть случай черезъ годъ, другой снова поѣхать съ розгами и крестомъ.

Въ 1835 году святѣйшій синодъ счелъ нужнымъ поапостольствовать въ Вятской губерніи и обратить черемисовъ-язычниковъ въ православіе.

Это обращеніе—типъ всѣхъ великихъ улучшеній, дѣлаемыхъ

¹⁾ Всѣ молитвы ихъ сводятся на матеріальную просьбу о продолженіи ихъ рода, объ урожаѣ, о сохраненіи стада и больше ничего. «Дай, Юмала, чтобъ отъ одного барана родилось два, отъ одного зерна родилось пять, чтобъ у моихъ дѣтей были дѣти». Въ этой неувѣренности въ *земной* жизни и хлѣбѣ насущномъ есть что-то отжившее, подавленное, несчастное и печальное. Діаволь (шайтанъ) почитается наравнѣ съ богомъ. Я видѣлъ сильный пожаръ въ одномъ селѣ, въ которомъ жители были перемѣшаны—русскіе и вотяки. Русскіе таскали вещи, кричали, хлопотали, особенно между ними отличался цѣловальникъ. Пожаръ остановить было невозможно; но спасти кое-что было сначала легко. Вотяки собрались на небольшой холмикъ и плакали навзрыдъ, ничего не дѣлая. А. И. Г.

русскимъ правительствомъ, фасадъ, декорация, blague ¹⁾, ложь, пышный отчетъ; кто-нибудь крадетъ и кого-нибудь сѣкутъ.

Митрополитъ Филаретъ отрядилъ миссіонеромъ бойкаго священника. Его звали Курбановскимъ ²⁾. Снѣдаемый русской болѣзью, честолюбіемъ, Курбановскій горячо принялся за дѣло. Во что бы то ни стало, онъ рѣшился втѣснить благодать Божію черемисамъ. Сначала онъ пробовалъ проповѣдывать, но это ему скоро надоѣло. И, въ самомъ дѣлѣ, много ли возьмешь этимъ старымъ средствомъ?

Черемисы, смекнувши, въ чемъ дѣло, прислали своихъ священниковъ, дикихъ, фанатическихъ и ловкихъ. Они, послѣ долгихъ разговоровъ, сказали Курбановскому: «Въ лѣсу есть бѣлыя березы, высокія сосны и ели, есть тоже и малая мозжуха. Богъ всѣхъ ихъ терпитъ и не велитъ мозжухѣ быть сосной. Такъ вотъ и мы межъ собой, какъ лѣсъ. Будьте вы бѣлыми березами, мы останемся мозжухой; мы вамъ не мѣшаемъ, *за царя молимся*, подать платимъ и рекрутовъ ставимъ, а святынѣ своей измѣнить не хотимъ» ³⁾.

Курбановскій увидѣлъ, что съ ними не столкуешь, и что доля Кирилла и Меѳодія ему не удастся; онъ обратился къ исправнику. Исправникъ ⁴⁾ обрадовался до-нельзя; ему давно хотѣлось показать свое усердіе къ церкви: онъ былъ некрещеный татаринъ, т.-е. правовѣрный магометанинъ, по названію Девлетъ-Кильдѣевъ.

Исправникъ взялъ съ собою команду и поѣхалъ осаждать черемисовъ словомъ Божиимъ. Нѣсколько деревень были окрещены. Курбановскій отслужилъ молебствіе и отправился смиренно получать камилавку. Апостолу-татарину правительство прислало владимірскій крестъ за распространеніе христіанства!

По несчастію, татаринъ-миссіонеръ былъ не въ ладахъ съ муллою въ Малмыжѣ. Муллѣ совсѣмъ не нравилось, что правовѣрный сынъ корана такъ успѣшно проповѣдуетъ Евангеліе. Въ рамазанъ исправникъ, отчаянно привязавши крестъ въ петлицу, явился въ мечеть и, разумѣется, сталъ впереди всѣхъ. Мулла только, было, началъ читать въ носъ коранъ, какъ вдругъ остановился и сказалъ, что онъ не смѣетъ продолжать въ присутствіи *правовѣрнаго*, пришедшаго въ мечеть съ христіанскимъ знаменіемъ.

¹⁾ Бахвальство.

²⁾ Николай, протоіерей царевосанчурскій и благочинный Яранскаго у.

³⁾ Подобный отвѣтъ (если Курбановскій его не выдумалъ) былъ нѣкогда сказанъ крестьянами въ Германіи, которыхъ хотѣли обращать въ католицизмъ. А. И. Г.

⁴⁾ Уржумскаго у.

Татары зароптали, исправникъ смѣшался и куда-то спрятался или снялъ крестъ.

Я потомъ читалъ въ «Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» объ этомъ блестящемъ обращеніи черемисовъ. Въ статьѣ было упомянуто ревностное содѣйствіе Девлетъ-Кильдѣева. По несчастію, забыли прибавить, что усердіе къ церкви было тѣмъ болѣе безкорыстно у него, чѣмъ тверже онъ вѣрилъ въ исламизмъ ¹⁾.

Передъ окончаніемъ моей вятской жизни департаментъ государственныхъ имуществъ воровалъ до такой наглости, что надъ нимъ назначили слѣдственную комиссію, которая разослала ревизоровъ по губерніямъ. Съ этого началось введеніе новаго управленія государственными крестьянами.

Губернаторъ Корниловъ долженъ былъ назначить отъ себя двухъ чиновниковъ при ревизіи. Я былъ одинъ изъ назначенныхъ. Чего ни пришлось мнѣ тутъ прочесть!—и печальнаго, и смѣшного, и гадкаго. Самые заголовки дѣлъ поражали меня удивленіемъ:

«Дѣло о потери *неизвѣстно* куда дома волостного правленія и о изгрызеніи плана онаго мышами»,

«Дѣло о потери *двадцати двухъ* казенныхъ оброчныхъ статей», т.-е. версть пятнадцати земли,

«Дѣло о перечисленіи крестьянскаго мальчика Василья въ женскій полъ».

Послѣднее было такъ хорошо, что я тотчасъ прочелъ его отъ доски до доски.

Отецъ этого предполагаемаго Василья пишетъ въ своей просьбѣ губернатору, что лѣтъ пятнадцать тому назадъ у него родилась дочь, которую онъ хотѣлъ назвать Василисой, но что священникъ, бывъ «подъ хмелькомъ», окрестилъ дѣвочку Васильемъ и такъ внесъ въ метрику. Обстоятельство это, повидимому, мало беспокоило мужика, но когда онъ понялъ, что скоро падеть на его домъ рекрутская очередь и подушная, тогда онъ объявилъ о томъ головѣ и становому. Случай этотъ показался полиціи очень мудренъ. Она предварительно отказала мужику, говоря, что онъ пропустилъ десятилѣтнюю давность. Мужикъ пошелъ къ губернатору. Губернаторъ назначилъ торжественное освидѣтельствованіе этого мальчика женскаго пола медикомъ и повивальной бабкой... Тутъ ужъ какъ-то завелась переписка съ консисторіей, и попъ, наслѣдникъ того, который подъ хмелькомъ цѣломудренно не разбиралъ

¹⁾ Иначе, чѣмъ въ «Ж. М. В. Дѣлъ», дѣло о «стараніи» Девлетъ-Кильдѣева и Курбановскаго изложено на стр. 544—556 т. II «Столѣтія Вятской губ.».

плотскихъ различій, выступилъ на сцену, и дѣло длилось годы и чуть ли дѣвочку не оставили въ подозрѣніи мужского пола.

Не думайте, что это нелѣпное предположеніе сдѣлано мною для шутки; вовсе нѣтъ, это совершенно сообразно духу русскаго самодержавія.²⁵

При Павлѣ какой-то гвардейскій полковникъ въ мѣсячномъ рапортѣ показаль умершимъ офицера, который отходилъ въ больницѣ. Павелъ его исключилъ за смертью изъ списковъ. По несчастью, офицеръ не умеръ, а выздорозѣлъ. Полковникъ упросилъ его на годъ или на два уѣхать въ свои деревни, надѣясь сыскать случай поправить дѣло. Офицеръ согласился, но, на бѣду полковника, наслѣдники, прочитавши въ приказахъ о смерти родственника, ни за что не хотѣли его признавать живымъ и, безутѣшные отъ потери, настойчиво требовали ввода во владѣніе. Когда живой мертвецъ увидѣлъ, что ему приходится въ другой разъ умирать, и не съ приказу, а съ гололу, тогда онъ поѣхалъ въ Петербургъ и подалъ Павлу просьбу. Павелъ написалъ своей рукой на его просьбѣ: «Такъ какъ объ г. офицерѣ состоялся высочайшій приказъ, то въ просьбѣ ему отказать».

Это еще лучше моей Василисы-Василья. Что значитъ грубый фактъ жизни передъ высочайшимъ приказомъ? Павелъ былъ поэтъ и діалектикъ самовластья!

Какъ ни грязно и ни топко въ этомъ болотѣ приказныхъ дѣлъ, но прибавлю еще нѣсколько словъ. Эта гласность—послѣднее, слабое вознагражденіе страдавшимъ, погибнувшимъ безъ вѣсти, безъ утѣшенія.

Правительство даетъ охотно въ награду высшимъ чиновникамъ пустопорожнія земли. Вреда въ этомъ большого нѣтъ, хотя умнѣе было бы сохранить эти запасы для умножающагося населенія. Правила, по которымъ велѣно отмежевывать земли, довольно подробны; нельзя давать береговъ судоходной рѣки, строевого лѣса, обоихъ береговъ рѣки, наконецъ, ни въ какомъ случаѣ не велѣно выдѣлять земель, обработанныхъ крестьянами, хотя бы крестьяне не имѣли никакихъ правъ на эти земли, кромѣ давности...¹⁾

Все это, разумѣется, на бумагахъ. На дѣлѣ отмежеваніе земель

¹⁾ Въ Вятской губерніи крестьяне особенно любятъ переселяться. Очень часто въ лѣсу открываются вдругъ три-четыре починка. Огромныя земли и лѣса (до половины уже сведенные) увлекаютъ крестьянъ брать эту *res nullius* °), бесполезно остающуюся. Министерство нѣсколько разъ принуждено было утверждать землю за захватившими. А. И. Г.

°) Вещь, никому не принадлежащую.

въ частное владѣніе—страшный источникъ грабежа казны и при-тѣсненія крестьянъ.

Благородные вельможи, получающіе аренды, обыкновенно или продаютъ свои права купцамъ, или стараются черезъ губернское начальство завладѣть, вопреки правиламъ, чѣмъ-нибудь особеннымъ. Самъ графъ Орловъ ¹⁾ случайно получилъ въ надѣль дорогу и пастбища, на которыхъ останавливаются гурты въ Саратовской губерніи.

Дивиться, стало быть, нечему, что однимъ добрымъ утромъ у крестьянъ Даровской волости Котельничскаго уѣзда отрѣзали землю вплоть до гумениковъ и домовъ и отдали въ частное владѣніе купцамъ, купившимъ аренду у какого-то родственника графа Канкринна. Купцы положили наемную плату за землю. Изъ этого началось дѣло. Казенная палата, закупленная купцами и боясь родственника Канкринна, запутала дѣло. Но крестьяне рѣшились его вести настойчиво; они выбрали двухъ толковыхъ мужиковъ и отправили ихъ въ Петербургъ. Дѣло пошло въ сенатъ. Межевой департаментъ догадался, что мужики правы, но не зналъ, что дѣлать, и спросилъ Канкринна. Канкринъ просто призналъ, что земля неправильно отрѣзана, но считалъ затруднительнымъ возвратить ее, потому что она съ тѣхъ поръ *могла* быть перепродаваема, и что владѣльцы оной *могли сдѣлать* разныя улучшенія. А потому его сіятельство положило, пользуясь большимъ количествомъ казенныхъ земель, надѣлить крестьянъ полнымъ количествомъ съ другой стороны. Это понравилось всѣмъ, кромѣ крестьянъ. Во-первыхъ, шуточное ли дѣло вновь разрабатывать поля? Во-вторыхъ, земля съ другой стороны оказалась неудобною, болотистою. Такъ какъ крестьяне Даровской волости больше занимались хлѣбопашествомъ, чѣмъ охотой за дупелями и бекасами, то они снова подали просьбу.

Тогда казенная палата и министерство финансовъ отдѣлили новое дѣло отъ прежняго и, найдя законъ, въ которомъ сказано, что, если попадется неудобная земля, идущая въ надѣль, то не вырѣзывать ее, а прибавлять еще половинное количество, велѣли дать даровскимъ крестьянамъ къ болоту еще полболота.

Крестьяне снова подали въ сенатъ, но пока ихъ дѣло дошло до разбора, межевой департаментъ прислалъ имъ планы на новую землю, какъ водится, переплетенные, раскрашенные, съ изображеніемъ звѣзды вѣтровъ, съ приличными объясненіями ромба R R Z

¹⁾ Алексѣй Федоровичъ.

и ромба Z Z R, а главное—съ требованіемъ такой-то подесащинной платы. Крестьяне, увидѣвъ, что имъ не только не отдають земли, но хотять съ нихъ слупить деньги за болото, начисто отказались платить.

Исправникъ донесъ Тюфяеву. Тюфяевъ послалъ военную экзекуцію подъ начальствомъ вятскаго полицмейстера. Тотъ пріѣхалъ, схватилъ нѣсколько человѣкъ, пересѣкъ ихъ, усмирилъ волость, взялъ деньги, предалъ *виновныхъ* уголовному суду и недѣлю говорилъ хриплымъ языкомъ отъ крику. Нѣсколько человѣкъ были наказаны плетьюми и сосланы на поселенье.

Черезъ два года наслѣдникъ проѣзжалъ Даровской волостью; крестьяне подали ему просьбу, онъ велѣлъ разобрать дѣло. По этому случаю я составлялъ изъ него докладную записку. Что вышло путнаго изъ этого пересмотра, я не знаю. Слышалъ я, что сосланныхъ воротили, но воротили ли землю, не слыхалъ.

Въ заключеніе упомяну о знаменитой исторіи картофельнаго бунта и о томъ, какъ Николай пріобщалъ къ благамъ петербургской цивилизаціи кочующихъ цыганъ.

Русскіе крестьяне неохотно сажали картофель, какъ нѣкогда крестьяне всей Европы: какъ будто, инстинктъ говорилъ народу, что это—дрянная пища, не дающая ни силъ, ни здоровья. Впрочемъ, у порядочныхъ помѣщиковъ и во многихъ казенныхъ деревняхъ «земляныя яблоки» саживались гораздо прежде картофельнаго террора. Но русскому правительству то-то и противно, что дѣлается само собою. Все надобно, чтобъ дѣлалось изъ-подъ палки, по флигельману ¹⁾, по темпамъ.

Крестьяне Казанской и долею Вятской губерніи засѣяли картофелемъ поля. Когда картофель былъ собранъ, министерству пришло въ голову завести по волостямъ центральныя ямы. Ямы утверждены, ямы предписаны, ямы копаются, и въ началѣ зимы мужики, скрѣпя сердце, повезли картофель въ центральныя ямы. Но когда слѣдующей весной ихъ хотѣли заставить сажать *мерзлый* картофель, они отказались. Дѣйствительно, не могло быть оскорбленія болѣе дерзкаго труда, какъ приказъ дѣлать явнымъ образомъ нелѣпость. Это возраженіе было представлено, какъ бунтъ. Министръ Киселевъ ²⁾ прислалъ изъ Петербурга чиновника; онъ, человѣкъ умный и практической, взялъ въ первой волости по рублю съ души и позволилъ не сѣять картофельныя выморозки.

¹⁾ При Павлѣ унтеръ-офицеръ, стоявшій передъ фронтомъ и дѣлавшій ружейные приемы, повторявшіеся всѣми остальными солдатами.

²⁾ Графъ Павелъ Дмитріевичъ.

Чиновникъ повторилъ это во второй и въ третьей, но въ четвертой голова сказалъ ему наотрѣзъ, что онъ картофель сажать не будетъ, ни денегъ ему не дастъ. «Ты, говорилъ онъ ему, освободилъ такихъ-то и такихъ-то; ясное дѣло, что и насъ долженъ освободить». Чиновникъ хотѣлъ дѣло кончить угрозами и розгами, но мужики схватились за колья, полицейскую команду прогнали; военный губернаторъ послалъ казаковъ. Сосѣднія волости вступились за своихъ.

Довольно сказать, что дѣло дошло до пушечной картечи и ружейныхъ выстрѣловъ. Мужики оставили дома, разсыпались по лѣсамъ; казаки ихъ выгоняли изъ чащи, какъ дикихъ звѣрей; тутъ ихъ хватали, ковали въ цѣпи и отправляли въ военно-судную комиссію въ Козьмодемьянскъ.

По странной случайности, старый маіоръ внутренней стражи былъ честный, простой человекъ; онъ добродушно сказалъ, что всему виною чиновникъ, присланный изъ Петербурга. На него всё опрокинулись, его голосъ подавили, заглушили, его запугали и даже застыдили тѣмъ, что онъ хочетъ «погубить невиннаго человека».

Ну, и слѣдствіе пошло обычнымъ русскимъ чередомъ: мужиковъ сѣкли при допросахъ, сѣкли въ наказаніе, сѣкли для примѣра, сѣкли изъ-за денегъ и цѣлую толпу сослали въ Сибирь.

Замѣчательно, что Киселевъ проѣзжалъ по Козьмодемьянску во время суда. Можно было бы, кажется, завернуть въ военную комиссію или позвать къ себѣ маіора.

Онъ этого не сдѣлалъ!

...Знаменитый Тюрго, видя ненависть французовъ къ картофелю, разослалъ всѣмъ откупщикамъ, поставщикамъ и другимъ подвластнымъ лицамъ картофель на посѣвъ, строго запретивъ давать крестьянамъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ сообщилъ имъ тайно, чтобъ они не препятствовали крестьянамъ красть на посѣвъ картофель. Въ нѣсколько лѣтъ часть Франціи обсыялась картофелемъ.

Tout bien pris ¹⁾, вѣдь, это лучше картечи, Павелъ Дмитріевичъ?

Къ Вяткѣ прикочевалъ въ 1836 г. таборъ цыганъ и расположился на полѣ. Цыгане эти таскались до Тобольска и Ирбита, продолжая съ незапамятныхъ временъ свою вольную бродячую жизнь, съ вѣчнымъ ученымъ медвѣдемъ и ничему не учеными дѣтьми, съ коновалами, гаданьемъ и мелкимъ воровствомъ. Они спокойно пѣли пѣсни и крали куръ, но вдругъ губернаторъ получилъ повелѣніе, буде найдутся цыгане *безпаспортные* (ни у

¹⁾ Обсудивъ, какъ слѣдуетъ.

одного цыгана никогда не бывало паспорта, и это очень хорошо знали и Николай и его люди), то дать имъ такой-то срокъ, чтобъ они приписались тамъ, гдѣ ихъ застанетъ указъ, къ сельскимъ и городскимъ обществамъ.

По прошествіи же даннаго срока предписывалось *всѣхъ* годовныхъ къ военной службѣ отдать въ солдаты, *остальныхъ* отправить на поселеніе, *отобравъ дѣтей* мужского пола.

Этотъ безумный указъ, напоминающій библейскіе рассказы объ избіеніяхъ и наказаніяхъ цѣлыхъ породъ и всѣхъ къ стѣнѣ мочащихся, сконфузилъ самого Тюфяева. Онъ объявилъ цыганамъ нелѣпый указъ, написалъ въ Петербургъ о невозможности исполненія. Для того, чтобъ приписываться, надобны деньги, надобно согласіе обществъ, которыя тоже даромъ не захотятъ принять цыганъ, и притомъ слѣдуетъ еще предположить, что сами цыгане хотятъ ли именно тутъ поселиться. Взявъ все во вниманіе, Тюфяевъ,—и тутъ нельзя ему не отдать справедливости,—представлялъ министерству о томъ, чтобъ имъ дать льготы и отсрочки.

Министръ отвѣчалъ предписаніемъ по истеченіи срока привести въ исполненіе навуходоносоровское распоряженіе. Скрѣпя сердце, послалъ Тюфяевъ команду, которой велѣлъ окружить таборъ; когда это было сдѣлано, явилась полиція съ гарнизоннымъ баталіономъ, и что тутъ, говорятъ, было,—это трудно себѣ представить. Женщины съ растрепанными волосами, съ крикомъ и слезами, въ какомъ-то безуміи бѣгали, валялись въ ногахъ у полиціи, сѣдя старухи цѣплялись за сыновей. Но порядокъ восторжествовалъ, и полицмейстеръ забралъ дѣтей, забралъ рекрутъ, остальныхъ отправили по этапамъ куда-то на поселеніе.

Но когда отобрали дѣтей, возникъ вопросъ, куда ихъ дѣть и на какія деньги содержать?

Прежде при приказахъ общественнаго призрѣнія были воспитательные дома, ничего не стоившіе казнѣ. Но прусское цѣломудріе Николая ихъ уничтожило, какъ вредныя для нравственности. Тюфяевъ далъ впередъ своихъ денегъ и спросилъ министра. Министры никогда и ни за чѣмъ не останавливаются: велѣли отдать малютокъ, впредь до распоряженія, на попеченіе стариковъ и старухъ, призираемыхъ въ богадѣльнѣ.

Маленькихъ дѣтей помѣстить съ умирающими стариками и старухами и заставить ихъ дышать воздухомъ смерти, и поручить ищущимъ покоя старикамъ уходъ за дѣтьми даромъ...

Поэты!

Чтобы не прерываться, расскажу я здѣсь исторію, случившуюся года полтора спустя съ владимірскимъ старостою моего

отца. Мужикъ онъ былъ умный, бывалый, ходилъ въ извозѣ, самъ держалъ нѣсколько троекъ и лѣтъ двадцать сидѣлъ старостой небольшой оброчной деревеньки.

Въ тотъ годъ, въ который я жилъ во Владимірѣ, сосѣдніе крестьяне просили его сдать за нихъ рекрута; онъ явился въ городъ съ будущимъ защитникомъ отечества на веревкѣ и съ большой самоувѣренностью, какъ мастеръ своего дѣла.

— Это, батюшка,—говорилъ онъ, расчесывая пальцами свою окладистую бѣлокурую бороду съ просѣдью,—все дѣло рукъ человѣческихъ. Въ запрошломъ году нашего малаго ставили, былъ такой плохенькой, ледащій, мужички больно опасались, что не сойдетъ. Ну, я и говорю: а что примѣрно, православные, прикладу положите?—немазано колесо не вертится. Мы такъ потолковали промежъ себя, мѣръ-то и опредѣлили двадцать пять золотыхъ. Приѣзжаю я въ губернію и, поговоривши въ казенной палатѣ, иду прямо къ предсѣдателю: человѣкъ, батюшка, былъ онъ умный и меня давненько зналъ. Велѣлъ онъ позвать меня въ кабинетъ, а у самого ножка болитъ, такъ изволить лежать на софѣ. Я ему все представилъ, а онъ мнѣ въ отвѣтъ со смѣхомъ: «Ладно, ладно, ты толкуй,—сколько *онихъ*-то привезъ? ты, вѣдь, жидоморъ, знаю я тебя». Я положилъ на столъ десять лобанчиковъ и поклонился въ поясъ; они ихъ такъ въ ручку взяли и поигрываютъ.—«А, что, говоритъ, не мнѣ, вѣдь, одному платить-то надо, что же ты еще привезъ?» Я докладываю: съ десятокъ, молъ, еще наберется. Ну, говоритъ, куда же ты ихъ дѣнешь? Самъ считай: лѣкарю два, военному пріемщику два, письмоводителю, ну, тамъ на всякое угощеніе все же больше трехъ не выйдетъ,—такъ ты ужъ остальные мнѣ отдай, а я постараюсь уладить дѣльце».

— Ну, что же, ты даль?

— Вѣстимо, что даль; ну, и забрали лобъ очень хорошо.

Обученный такому округленію счетовъ, привыкнувшій къ такого рода смѣтамъ, а вѣроятно, и къ пяти золотымъ, о судьбѣ которыхъ онъ умолчалъ, староста былъ увѣренъ въ успѣхѣ. Но много несчастій можетъ пройти между взятой и рукой того, который ее беретъ. Къ рекрутскому набору во Владимірѣ былъ присланъ флигель-адъютантъ графъ Эссенъ ¹⁾. Староста сунулся къ нему съ своими лобанчиками и арапчиками. По несчастью, нашъ графъ, какъ героиня въ «Нулинѣ», былъ воспитанъ «не въ отеческомъ законѣ», а въ школѣ балтійской аристократіи, учащей нѣмецкой преданности русскому государю. Эссенъ разсердился, раскричался

¹⁾ Александръ Карловичъ, не графъ.

и, что хуже всего, позвонилъ; вбѣжалъ письмоводитель, явились жандармы. Староста, никогда не мечтавшій о существованіи людей въ мундирѣ, которые бы не брали взятокъ, до того растерялся, что не заперся, не началъ клясться и божиться, что никогда денегъ не давалъ, что если только хотѣлъ этого, такъ чтобъ лопнули его глаза и росинка не попала бы въ ротъ. Онъ, какъ баранъ, позволилъ себя уличить, свести въ полицію, раскаяваясь, вѣроятно, въ томъ, что мало генералу предложилъ и тѣмъ его обидѣлъ.

Но Эссенъ, недовольный ни собственной чистой совѣстью, ни страхомъ несчастнаго крестьянина, и желая, вѣроятно, искоренить въ Russland взятки, наказать порокъ и поставить цѣлбный примѣръ, написалъ въ полицію, написалъ губернатору, написалъ въ рекрутское присутствіе о злодѣйскомъ покушеніи старосты. Мужика посадили въ острогъ и отдали подъ судъ. Благодаря глупому и безобразному закону, одинаково наказывающему того, который, будучи честнымъ человѣкомъ, даетъ деньги чиновнику, и самого чиновника, который беретъ взятку, дѣло было скверное и старосту надобно было спасти, во что бъ ни стало.

Я бросился къ губернатору; онъ отказался вступать въ это дѣло; предсѣдатель и совѣтники уголовной палаты, испуганные вмѣшательствомъ флигель-адъютанта, качали головой. Самъ флигель-адъютантъ первый, смѣнивъ гнѣвъ на милость, говорилъ, что онъ «никакого зла сдѣлать старостѣ не хочетъ, что онъ хотѣлъ его проучить, что *«пусть его посудятъ да и отпустятъ»*. Когда я это рассказывалъ полицмейстеру, тотъ мнѣ замѣтилъ: «То-то и есть, что всѣ эти господа не знаютъ дѣла; прислалъ бы его просто ко мнѣ, я бы ему, дураку, вздулъ бы спину,—не суйся, молъ, въ воду, не спросясь броду,—да и отпустилъ бы его во-свояси,— всѣ бы и были довольны; а теперь, поди, расчихивайся съ палатой».

Два сужденія эти такъ ловко и ярко выражаютъ русское имперское понятіе о правѣ, что я не могъ ихъ позабыть.

Между этими Геркулесовыми столпами отечественной юриспруденціи староста попалъ въ средній, въ самый глубокой омутъ, т.-е. въ уголовную палату. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ заготовили рѣшеніе, въ силу котораго старосту, наказавши плетями, отправляли въ Сибирь на поселеніе. Явился ко мнѣ его сынъ, вся семья, умоляя спасти отца и главу семейства. Жаль мнѣ было смертельно самому крестьянина, совершенно невинно гибнущаго. Поѣхалъ я снова къ предсѣдателю и совѣтникамъ, снова сталъ имъ доказывать, что они себѣ причиняютъ вредъ, наказывая такъ строго старосту; что они сами очень хорошо знаютъ, что ни одного дѣла безъ

взятокъ не кончишь, что, наконецъ, имъ самимъ нечего будетъ ѣсть, если они, какъ истинные христіане, не будутъ находить, что всякъ даръ совершенъ и всякое даяніе—благо. Прося, кланяясь и посылая сына старосты еще ниже кланяться, я достигъ въ половину моей цѣли: старосту присудили къ наказанію нѣсколькими ударами плетью въ стѣнахъ острога, съ оставленіемъ на мѣстѣ жительства и съ воспрещеніемъ ходатайствовать по дѣламъ за другихъ крестьянъ.

Я веселѣе вздохнулъ, увидя, что губернаторъ и прокуроръ согласились, и отправился въ полицію просить объ облегченіи силы наказанія; полицейскіе, отчасти польщенные тѣмъ, что я самъ пришелъ ихъ просить, отчасти жалѣя мученика, пострадавшаго за такое близкое каждому дѣло, сверхъ того, зная, что онъ—мужикъ зажиточный, обѣщали мнѣ сдѣлать одну проформу.

Черезъ нѣсколько дней явился какъ-то утромъ староста, похудѣвшій и еще болѣе сѣдой, нежели былъ. Я замѣтилъ, что при всей радости онъ былъ что-то грустенъ и подъ вліяніемъ какой-то тяжелой мысли.

— О чемъ ты кручинишься?—спросилъ я его.

— Да что, ужъ разомъ бы все порѣшили.

— Ничего не понимаю.

— Да, то-есть, когда же наказывать-то будутъ?

— А тебя не наказывали?

— Нѣтъ.

— Какъ же тебя выпустили? Ты, вѣдь, идешь домой?

— Домой-то домой, да вотъ о наказаніи-то думается: секретарь именно читалъ.

Я ничего, въ самомъ дѣлѣ, не понималъ и, наконецъ, спросилъ его, дали ли ему какой-нибудь видъ? Онъ подалъ мнѣ его. Въ немъ было написано все рѣшеніе и въ концѣ сказано, что, учинивъ, по указу уголовной палаты, наказаніе плетями въ стѣнахъ тюремнаго замка, «выдать ему оное свидѣтельство и изъ замка освободить».

Я расхохотался.

— Да, вѣдь, уже ты наказанъ!

— Нѣтъ, батюшка, нѣтъ.

— Ну, если недоволенъ, ступай назадъ, проси, чтобъ наказали, можетъ, полиція взойдетъ въ твое положеніе.

Видя, что я смѣюсь, улыбнулся и старикъ, сомнительно качая головой и приговаривая: «Поди ты вонъ, эки чудеса!».

«Экой безпорядокъ»,—скажутъ многіе, но пусть же они вспомнятъ, что только этотъ безпорядокъ и дѣлаетъ возможною жизнь въ Россіи.

ГЛАВА XVI.

АЛЕКСАНДРЪ ЛАВРЕНТЬЕВИЧЪ ВИТБЕРГЪ.

Середь этихъ уродливыхъ и сальныхъ, мелкихъ и отвратительныхъ лицъ и сценъ, дѣлъ и заголовковъ, въ этой канцелярской рамѣ и приказной обстановкѣ вспоминаются мнѣ печальныя, благородныя черты художника, задавленнаго правительствомъ съ холодной и безчувственной жестокостью.

Свинцовая рука царя не только задушила геніальное произведение въ колыбели, не только уничтожила самое творчество художника, запутавъ его въ судебныя продѣлки и слѣдственныя полицейскія уловки, но она попыталась съ послѣднимъ кускомъ хлѣба вырвать у него честное имя, выдать его за взяточника, казнокрада.

Разоривъ, опозоривъ А. Л. Витберга, Николай его сослалъ въ Вятку. Тамъ мы встрѣтились съ нимъ.

Два года съ половиной я прожилъ съ великимъ художникомъ и видѣлъ, какъ подъ бременемъ гоненій и несчастій разлагался этотъ сильный человѣкъ, павшій жертвою приказно-казарменнаго самовластья, тупо мѣряющаго все на свѣтѣ рекрутской мѣркой и канцелярской линейкой.

Нельзя сказать, чтобъ онъ легко сдался: онъ отчаянно боролся цѣлыхъ десять лѣтъ, онъ пріѣхалъ въ ссылку еще въ надеждѣ одолѣть враговъ, оправдаться, онъ пріѣхалъ, словомъ, еще готовый на борьбу, съ планами и предположеніями. Но тутъ онъ разглядѣлъ, что все кончено.

Можетъ быть, онъ сладилъ бы и съ этимъ открытіемъ, но возлѣ стояла жена, дѣти, а впереди представлялись годы ссылки,

нужды, лишений, и Витбергъ сѣдѣлъ, сѣдѣлъ, старѣлъ, старѣлъ не по днямъ, а по часамъ. Когда я его оставилъ въ Вяткѣ черезъ два года, онъ былъ десятью годами старше.

Вотъ повѣсть этого длиннаго мученичества.

Императоръ Александръ не вѣрилъ своей побѣдѣ надъ Наполеономъ, ему было тяжело отъ славы, и онъ откровенно относилъ ее къ Богу. Всегда наклонный къ мистицизму и сумрачному расположенію духа, въ которомъ многіе видѣли угрызения совѣсти, онъ особенно предался ему послѣ ряда побѣдъ надъ Наполеономъ.

Когда «послѣдній непріятельскій солдатъ переступилъ границу», Александръ издалъ манифестъ, въ которомъ давалъ обѣтъ воздвигнуть въ Москвѣ огромный храмъ во имя Спасителя.

Требовались отовсюду проекты, назначался большой конкурсъ.

Витбергъ былъ тогда молодымъ художникомъ ¹⁾, окончившимъ курсъ и получившимъ золотую медаль за живопись. Шведъ по происхожденію, онъ родился въ Россіи и сначала воспитывался въ горномъ кадетскомъ корпусѣ. Восторженный, эксцентрической и преданный мистицизму артистъ,—артистъ читаетъ манифестъ, читаетъ вызовы—и бросаетъ всѣ свои занятія. Дни и ночи бродитъ онъ по улицамъ Петербурга, мучимый неотступной мыслью; она сильнѣе его; онъ запирается въ своей комнатѣ, беретъ карандашъ и работаетъ.

Ни одному человѣку не довѣрилъ артистъ своего замысла. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ труда, онъ ѣдетъ въ Москву изучать городъ, окрестности и снова работаетъ, мѣсяцы цѣлые скрываясь отъ глазъ и скрывая свой проектъ.

Пришло время конкурса. Проектовъ было много, были проекты изъ Италіи и изъ Германіи, наши академики представили свои. И неизвѣстный молодой человѣкъ представилъ свой чертежъ въ числѣ прочихъ. Недѣли прошли прежде, чѣмъ императоръ занялся планами. Это были сорокъ дней въ пустынѣ, дни искусства, сомнѣній и мучительнаго ожиданія.

Колоссальный, исполненный религіозной поэзіи проектъ Витберга поразилъ Александра. Онъ остановился передъ нимъ и о немъ первомъ спросилъ, кѣмъ онъ представленъ. Распечатали пакетъ и нашли неизвѣстное имя ученика академіи.

Александръ захотѣлъ видѣть Витберга. Долго говорилъ онъ съ художникомъ. Смѣлый и одушевленный языкъ его, дѣйствительное вдохновеніе, которымъ онъ былъ проникнутъ, и мистиче-

¹⁾ Родился въ 1787 г.

скій колоритъ его убѣжденій поразили императора. «Вы камнями говорите», замѣтилъ онъ, снова разсматривая проектъ.

Въ тотъ же день проектъ былъ утверждёнъ, и Витбергъ былъ назначенъ строителемъ храма и директоромъ комиссиі о постройкѣ. Александръ не зналъ, что вмѣстѣ съ лавровымъ вѣнкомъ онъ надѣваетъ и терновый на голову артиста.

Нѣтъ ни одного искусства, которое было бы роднѣ мистицизму, какъ зодчество; отвлеченное, геометрическое, нѣмо-музыкальное, безстрастное, оно живетъ символикой, образомъ, намекомъ. Простыя линіи, ихъ гармоническое сочетаніе, ритмъ, числовыя отношенія представляютъ нѣчто таинственное и съ тѣмъ вмѣстѣ неполное. Зданіе, храмъ не заключаютъ сами въ себѣ своей цѣли, какъ статуя или картина, поэма или симфонія; зданіе ищетъ обитателя, это—очерченное, расчищенное мѣсто, это—обстановка, броня черепахи, раковина моллюска; именно въ томъ-то и дѣло, чтобъ содержащее такъ соотвѣтствовало духу, цѣли, жильцу, какъ панцырь черепахѣ. Въ стѣнахъ храма, въ его сводахъ и колоннахъ, въ его порталѣ и фасадѣ, въ его фундаментѣ и куполѣ должно быть отпечатлѣно божество, обитающее въ немъ, такъ, какъ извивы мозга отпечатлѣваются на костяномъ черепѣ.

Египетскіе храмы были ихъ священныя книги. Обелиски—проповѣди на большой дорогѣ.

Соломоновъ храмъ—построенная библія, такъ, какъ храмъ святого Петра—построенный выходъ изъ католицизма, начало свѣтскаго міра, начало разстриженія рода человѣческаго.

Самое построеніе храмовъ было всегда такъ полно мистическихъ обрядовъ, иносказаній, таинственныхъ посвященій, что средневѣковые строители считали себя чѣмъ-то особеннымъ, какимъ-то духовенствомъ, преемниками строителей Соломонова храма и составляли между собой тайныя артели каменщиковъ, перешедшія впослѣдствіи въ масонство.

Собственно мистическій характеръ зодчество теряетъ съ вѣками Возстановленія. Христіанская вѣра борется съ философскимъ сомнѣніемъ, готическая стрѣлка—съ греческимъ фронтономъ, духовная святыня—съ свѣтской красотой. Поэтому-то храмъ св. Петра и имѣетъ такое высокое значеніе: въ его колоссальныхъ размѣрахъ христіанство рвется въ жизнь, церковь становится языческая, и Буонаротти ¹⁾ рисуетъ на стѣнѣ Сикстинской капеллы Іисуса Христа широкоплечимъ атлетомъ, Геркулесомъ въ цвѣтѣ лѣтъ и силы.

¹⁾ Микель Анджеоло, знаменитѣйшій италіанскій скульпторъ, живописецъ, архитекторъ и поэтъ.

Послѣ храма св. Петра зодчество церквей совсѣмъ пало и светлось, наконецъ, на простое повтореніе въ разныхъ размѣрахъ то древнихъ греческихъ *периптеровъ*, то церкви св. Петра.

Одинъ Парæнонъ назвали церковью св. Магдалины въ Парижѣ, другой—биржей въ Нью-Йоркѣ.

Безъ вѣры и безъ особыхъ обстоятельствъ трудно было создать что-нибудь живое; всѣ новыя церкви дышали натяжкой, лицемѣремъ, анахронизмомъ, какъ пятиглавыя *судки* съ луковками, вмѣсто пробокъ, на индо-византійскій манеръ, которые строилъ Николай съ Тономъ ¹⁾, или какъ угловатыя, готическія, оскорбляющія аристократическій глазъ церкви, которыми англичане украшаютъ свои города.

Но именно обстоятельства, при которыхъ Витбергъ сочинилъ свой проектъ, его личность и настроеніе императора Александра выходили изъ ряда вонъ.

Война 1812 года сильно потрясла умы въ Россіи; долго послѣ освобожденія Москвы не могли устояться волнующіяся мысли и нервное раздраженіе. Событія внѣ Россіи: взятіе Парижа, исторія ста дней, ожиданія, слухи, Ватерлоо, Наполеонъ, плывущій за океанъ, трауръ по убитымъ родственникамъ, страхъ за живыхъ, возвращающіяся войска, ратники, идущіе домой,—все это сильно дѣйствовало на самыя грубыя натуры. Представьте же себѣ артиста-юношу, мистика, художника, одареннаго творческой силой, и при томъ фанатика, подъ влияніемъ совершающагося, подъ влияніемъ царскаго вызова и своего собственнаго генія.

Близъ Москвы, между Можайской и Калужской дорогой, небольшая возвышенность царитъ надъ всѣмъ городомъ. Это тѣ Воробьевы горы, о которыхъ я упоминалъ въ первыхъ воспоминаніяхъ юности. Весь городъ стелется у ихъ подошвы, съ ихъ высотъ одинъ изъ самыхъ изящныхъ видовъ на Москву. Здѣсь стоялъ плачущій Іоаннъ Грозный, тогда еще молодой развратникъ, и смотрѣлъ, какъ горѣла его столица; здѣсь явился передъ нимъ іерей Сильвестръ и строгимъ словомъ пересоздалъ на двадцать лѣтъ геніальнаго изверга.

Эту гору обогнулъ Наполеонъ со своей арміей, тутъ переломилась его сила, отъ подошвы Воробьевыхъ горъ началось отступление.

Можно ли было найти лучше мѣсто для храма въ память 1812 года, какъ дальнѣйшую точку, до которой достигнулъ непріятель?

Но это еще мало, надобно было самую гору превратить въ

¹⁾ Константинъ Андреевичъ, извѣстный архитекторъ.

нижнюю часть храма, поле до рѣки обнять колоннадой и на этой базѣ, построенной съ трехъ сторонъ самой природой, поставить второй и третій храмъ, представлявшіе удивительное единство.

Храмъ Витберга, какъ главный догматъ христіанства, тройственень и нераздѣлень.

Нижній храмъ, изсѣченный въ горѣ, имѣлъ форму параллелограмма, гроба, тѣла; его наружность представляла тяжелый порталъ, поддерживаемый почти египетскими колоннами; онъ пропадалъ въ горѣ, въ дикой необработанной природѣ. Храмъ этотъ былъ освѣщенъ лампами въ этрурійскихъ высокихъ канделабрахъ, дневной свѣтъ скудно падалъ въ него изъ второго храма, проходя сквозь прозрачный образъ Рождества. Въ этой криптѣ должны были покоиться всѣ герои, павшіе въ 1812 году; вѣчная панихида должна была служить о убіенныхъ на полѣ битвы, по стѣнамъ должны были быть изсѣчены имена всѣхъ ихъ, отъ полководцевъ до рядовыхъ.

На этомъ гробѣ, на этомъ кладбищѣ разбрасывался во всѣ стороны равноконечный греческій крестъ второго храма, — храма распростертыхъ рукъ, жизни, страданій, труда. Колоннада, ведущая къ нему, была украшена статуями ветхозавѣтныхъ лицъ. При входѣ стояли пророки. Они стояли внѣ храма, указывая путь, по которому имъ итти не пришлось. Внутри этого храма были вся евангельская исторія и исторія апостольскихъ дѣяній.

Надъ нимъ, вѣнчая его, оканчивая и заключая, былъ третій храмъ въ видѣ ротонды. Этотъ храмъ, ярко освѣщенный, былъ храмъ духа, невозмущаемаго покоя, вѣчности, выражавшейся кольцеобразнымъ его планомъ. Тутъ не было ни образовъ, ни изваяній, только снаружи онъ былъ окруженъ вѣнкомъ архангеловъ и накрытъ колоссальнымъ куполомъ.

Я теперь передаю на память главную мысль Витберга; она у него была разработана до мелкихъ подробностей и вездѣ совершенно послѣдовательно христіанской теодицеѣ и архитектурному изяществу.

Удивительный челоувѣкъ, онъ всю жизнь работалъ надъ своимъ проектомъ. Десять лѣтъ подсудимости онъ занимался только имъ; гонимый бѣдностью и нуждой въ ссылкѣ, онъ всякій день посвящалъ нѣсколько часовъ своему храму. Онъ жилъ въ немъ, онъ не вѣрилъ, что его не будутъ строить: воспоминанія, утѣшенія, слава, — все было въ этомъ портфель артиста.

Быть можетъ, когда-нибудь другой художникъ, послѣ смерти страдальца, стряхнетъ пыль съ этихъ листовъ и съ благочестіемъ издастъ этотъ архитектурный мартирологъ, за которымъ прошла и изныла сильная жизнь, мгновенно освѣщенная яркимъ свѣтомъ

и затёртая, раздавленная потомъ, попавшись между царемъ-фельд-фебелемъ, крѣпостными сенаторами и министрами-писцами.

Проектъ былъ геніаленъ, страшень, безуменъ; оттого-то Александръ его выбралъ, оттого-то его и слѣдовало исполнить. Говорятъ, что гора не могла вынести этого храма. Я не вѣрю этому, особенно, если мы вспомнимъ всѣ новыя средства инженеровъ въ Америкѣ и Англии, эти туннели въ восемь минутъ ѣзды, цѣпные мосты и пр.

Милорадовичъ совѣтовалъ Витбергу толстыя колонны нижняго храма сдѣлать монолитныя изъ гранита. На это кто-то замѣтилъ графу, что провозъ изъ Финляндіи будетъ очень дорого стоить. «Именно поэтому-то и надобно ихъ выписать, отвѣчалъ онъ; если-бъ гранитная каменоломня была въ Москвѣ-рѣкѣ, что за чудо было бы ихъ поставить».

Милорадовичъ былъ воинъ-поэтъ и потому понималъ вообще поэзію. Грандіозныя вещи дѣлаются грандіозными средствами.

Одна природа дѣлаетъ великое даромъ.

Главное обвиненіе, падающее на Витберга со стороны даже тѣхъ, которые никогда не сомнѣвались въ его чистотѣ, — зачѣмъ онъ принялъ мѣсто директора, онъ, неопытный артистъ, молодой человѣкъ, ничего не смыслившій въ канцелярскихъ дѣлахъ? Ему слѣдовало ограничиться ролью архитектора. Это правда.

Но такія обвиненія легко поддерживать, сидя у себя въ комнатѣ. Онъ именно потому и принялъ, что былъ молодъ, неопытенъ, артистъ; онъ принялъ потому, что послѣ принятія его проекта ему казалось все легко; онъ принялъ потому, что самъ царь предлагалъ ему, ободрялъ его, поддерживалъ. У кого не закружилась бы голова?.. Гдѣ эти трезвые люди, умѣренные, воздержные? Да если и есть, то они не дѣлаютъ колоссальныхъ проектовъ и не заставляютъ «говорить камня»!

Само собою разумѣется, что Витберга окружила толпа плутовъ, людей, принимающихъ Россію за аферу, службу—за выгодную сдѣлку, мѣсто—за счастливый случай нажитья. Нетрудно было понять, что они подъ ногами Витберга выкопаютъ яму. Но для того, чтобъ онъ, упавши въ нее, не могъ изъ нея выйти, для этого нужно было еще, чтобъ къ воровству прибавилась зависть однихъ, оскорбленное честолюбіе другихъ.

Товарищами Витберга въ комиссіи были: митрополитъ Филаретъ ¹⁾, московскій генераль-губернаторъ ²⁾, сенаторъ Кушниковъ ³⁾;

¹⁾ До него—Серафимъ.

²⁾ Кн. Д. В. Голицынъ.

³⁾ Сергѣй Сергѣевичъ.

всѣ они впередъ были разобижены товариществомъ съ молокососомъ, да еще притомъ смѣло говорящимъ свое мнѣніе и возражающимъ, если не согласенъ.

Они помогли запутать его, помогли оклеветать и хладнокровно погубили потомъ.

Этому способствовало сначала паденіе мистическаго министерства князя А. Н. Голицына, потомъ смерть Александра.

Вмѣстѣ съ министерствомъ Голицына пали масонство, библейскія общества, лютеранскій піэтизмъ, которые въ лицѣ Магницкаго ¹⁾ въ Казани и Рунича ²⁾ въ Петербургѣ дошли до безграничной уродливости, до дикихъ преслѣдованій, до судорожныхъ плясокъ, до состоянія кликушъ и Богъ знаетъ какихъ чудесъ.

Съ своей стороны, дикое, грубое, невѣжественное православіе взяло верхъ. Его проповѣдывалъ новгородскій архимандритъ Фотій, жившій въ какой-то,—разумѣется, не тѣлесной,—близости съ графиней Орловой. Дочь знаменитаго Алексѣя Григорьевича, задушившаго Петра III, думала искупить душу отца, отдавая Фотію и его обители большую часть несмѣтнаго имѣнія, насильственно отнятаго у монастырей Екатериной, и предаваясь неистовому изувѣрству.

Но въ чемъ петербургское правительство постоянно, чему оно не измѣняетъ, какъ бы ни мѣнялись его начала, его религія, это—несправедливое гоненіе и преслѣдованія. Неистовство Руничей и Магницкихъ обратилось на Руничей и Магницкихъ. Библейское общество, вчера покровительствуемое и ободряемое, опора нравственности и религіи, сегодня закрыто, запечатано и поставлено на одну доску чуть не съ фальшивыми монетчиками; «Сіонскій Вѣстникъ», вчера рекомендованный всѣмъ отцамъ семейства, запрещенъ больше Вольтера и Дидро, и его издатель Лабзинъ сосланъ въ Вологду.

Паденіе князя А. Н. Голицына увлекло Витберга; все опрокидывается на него: комиссія жалуется, митрополитъ огорченъ, генераль-губернаторъ недоволенъ. Его отвѣты «дерзки» (въ его дѣлѣ *дерзость* поставлена въ одно изъ главныхъ обвиненій), его подчиненные *воруютъ*,—какъ будто, кто-нибудь, находящійся на службѣ въ Россіи, не воруетъ. Впрочемъ, вѣроятно, что у Витберга воровали больше, чѣмъ у другихъ: онъ не имѣлъ никакой привычки завѣдывать смиренными домами и классными ворами.

Александръ велѣлъ Аракчеву разобрать дѣло. Ему было

¹⁾ Михаилъ Леонтьевичъ, попечитель казанскаго учебнаго округа.

²⁾ Дмитрій Павловичъ, попечитель СПб. округа; оба—знаменитые обскурранты.

жалъ Витберга, онъ передалъ ему черезъ одного изъ своихъ приближенныхъ, что онъ увѣренъ въ его правотѣ.

Но Александръ умеръ, и Аракчеевъ палъ. Дѣло Витберга при Николаѣ приняло тотчасъ худшій видъ. Оно тянулось *десять* лѣтъ съ невѣроятными недѣлпостями. Обвинительные пункты, признанные уголовной палатой, отвергаются сенатомъ; пункты, въ которыхъ оправдываетъ палата, ставятся въ вину сенатомъ. Комитетъ министровъ принимаетъ всѣ обвиненія. Государь, пользуясь «лучшей привилегіей царей—миловать и уменьшать наказанія», прибавляетъ къ приговору ссылку на Вятку.

Итакъ, Витбергъ отправился въ ссылку, отрѣшенный отъ службы «за злоупотребленіе довѣренностью императора Александра и за ущербы, нанесенные казнѣ»; на него насчитываютъ миллионъ, кажется, рублей, берутъ все имѣніе, продаютъ все съ публичнаго торго и распускаютъ слухъ, что онъ перевелъ видимо-невидимо денегъ въ Америку. ²⁶

Я жилъ съ Витбергомъ въ одномъ домѣ два года и послѣ остался до самаго отъѣзда ¹⁾ постоянно въ сношеніяхъ съ нимъ. Онъ не спасъ насущнаго куска хлѣба; семья его жила въ самой страшной бѣдности.

Для характеристики этого дѣла и всѣхъ подобныхъ въ Россіи я приведу двѣ небольшія подробности, которыя у меня особенно остались въ памяти.'

Витбергъ купилъ для работъ рощу у купца Лобанова; прежде, чѣмъ началась рубка, Витбергъ увидѣлъ другую рощу, тоже Лобанова, ближе къ рѣкѣ, и предложилъ ему промѣнять проданную для храма на эту. Купецъ согласился. Роща была вырублена, лѣсъ сплавленъ. Впослѣдствіи занадобилась другая роща, и Витбергъ снова купилъ первую. Вотъ—знаменитое обвиненіе въ двойной покупке одной и той же рощи. Бѣдный Лобановъ былъ посаженъ въ острогъ за это дѣло и умеръ тамъ.

Второе дѣло было передъ моими глазами. Витбергъ скупалъ имѣнія для храма. Его мысль состояла въ томъ, чтобъ помѣщичьи крестьяне, купленные съ землею для храма, обязывались выставлять извѣстное число работниковъ; этимъ способомъ они приобрѣтали полную волю себѣ и деревнѣ. Забавно, что наши сенаторы-помѣщики находили въ этой мѣрѣ какое-то невольничество!

Между прочимъ, Витбергъ хотѣлъ купить имѣніе моего отца въ Рузскомъ уѣздѣ, на берегу Москвы-рѣки. Въ деревнѣ былъ найденъ мраморъ, и Витбергъ просилъ дозволеніе сдѣлать геологи-

¹⁾ За границу.

ческое изслѣдованіе, чтобъ опредѣлить количество его. Отецъ мой позволилъ. Витбергъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Мѣсяца черезъ три отецъ мой узнаеть, что ломка камня производится въ огромномъ размѣрѣ, что озимыя поля крестьянъ завалены мраморомъ; онъ протестуетъ, его не слушаютъ. Начинается упорный процессъ. Сначала хотѣли все свалить на Витберга, но, по несчастью, оказалось, что онъ не давалъ никакого приказа, и что все это было сдѣлано комиссіей во время его отсутствія.

Дѣло пошло въ сенатъ. Сенатъ рѣшилъ, къ *общему удивленію*, довольно близко къ *здоровому смыслу*: наломанный камень оставить помѣщику, считая ему его въ вознагражденіе за помятыя поля; деньги, истраченныя казной на ломку и работу, до ста тысячъ ассигнаціями, взыскать съ подписавшихъ контрактъ о работахъ. Подписавшіеся были: князь Голицынъ, Филаретъ и Кушниковъ. Разумѣется,—крикъ, шумъ. Дѣло довели до государя.

У него своя юриспруденція: онъ велѣлъ освободить виновныхъ отъ платежа, потому, написалъ онъ собственноручно, какъ и напечатано въ сенатской запискѣ, «что члены комиссіи не знали, что подписывали». Положимъ, что митрополитъ по ремеслу долженъ оказывать смиреніе, а каковы другіе-то вельможи, которые приняли подарокъ, такъ учтиво и милостиво мотивированный!

Но откуда же было взять сто тысячъ? Казенное добро, говорятъ, ни на огнѣ не горитъ, ни въ водѣ не тонетъ,—оно только крадется, могли бы мы прибавить. Чего тутъ задумываться,—сейчасъ генераль-адъютанта на почтовыхъ въ Москву разбирать дѣло.

Стрекаловъ ¹⁾ все разобралъ, привелъ въ порядокъ, уладилъ и кончилъ въ нѣсколько дней: камень у помѣщика взять за сумму, заплаченную за ломку, впрочемъ, если помѣщикъ хочетъ оставить, взыскать съ него сто тысячъ. Особаго вознагражденія помѣщику потому не слѣдуетъ, что цѣнность его имѣнія возвысилась открытіемъ новой отрасли богатства (вѣдь, это *chef d'oeuvre!*), а впрочемъ, за помятыя крестьянскія поля *выдать* по закону о затопленныхъ лугахъ и потравленныхъ сѣнокосахъ, утвержденному Петромъ I, столько-то копѣекъ съ десятины...

Собственно, наказанный въ этомъ дѣлѣ былъ мой отецъ. Не нужно добавлять, что ломка этого камня въ процессѣ, все-таки, поставлена на счетъ Витберга.

...Года черезъ два послѣ ссылки Витберга, вятское купечество вознамѣрилось построить новую церковь.

Желая вездѣ и во всемъ убить всякій духъ независимости,

¹⁾ Степанъ Степановичъ.

личности, фантазіи, воли, Николай издалъ цѣлый томъ церковныхъ фасадовъ, *высочайше* утвержденныхъ. Кто бы ни хотѣлъ строить церковь, онъ долженъ непременно выбрать одинъ изъ казенныхъ плановъ. Говорятъ, что онъ же запретилъ писать русскія оперы, находя, что даже писанныя въ III Отдѣленіи собственной канцеляріи флигель-адъютантомъ Львовымъ никуда не годятся. Но это еще мало,—ему бы издать собраніе высочайше утвержденныхъ мотивовъ.

Вятское купечество, перебирая «апробованные планы», имѣло смѣлость не быть согласнымъ со вкусомъ государя.

Проектъ вятскаго купечества удивилъ Николая, онъ утвердилъ его и велѣлъ предписать губернскому начальству, чтобъ при исполненіи не исказили мысли архитектора.

— Кто дѣлалъ этотъ проектъ?—спросилъ онъ статсъ-секретаря.

— Витбергъ, в. в.

— Какъ, тотъ Витбергъ?

— Тотъ самый, в. в.

И вотъ Витбергу, какъ снѣгъ на голову,—разрѣшеніе возвратиться въ Москву или Петербургъ. Человѣкъ просилъ позволеніе оправдаться,—ему отказали; онъ сдѣлалъ удачный проектъ,—государь велѣлъ его воротить, какъ будто, кто нибудь сомнѣвался въ его художественной способности...

Въ Петербургѣ, погибая отъ бѣдности, онъ сдѣлалъ послѣдній опытъ защитить свою честь. Онъ вовсе не удался. Витбергъ просилъ объ этомъ князя А. Н. Голицына, но князь не считалъ возможнымъ поднимать снова дѣло и совѣтовалъ Витбергу написать пожалобнѣе письмо къ наслѣднику съ просьбой о денежномъ вспоможеніи; онъ обѣщался съ Жуковскимъ похлопотать и сулилъ рублей тысячу серебромъ.

Витбергъ отказался.

Въ 1846, въ началѣ зимы, я былъ въ послѣдній разъ въ Петербургѣ и видѣлъ Витберга. Онъ совершенно гибнулъ; даже его прежній гнѣвъ противъ его враговъ, который я такъ любилъ, сталъ потухать; надеждъ у него не было больше, онъ ничего не дѣлалъ, чтобъ выйти изъ своего положенія: ровное отчаяніе dokonчило его, существованіе сломилось на всѣхъ суставахъ. Онъ ждалъ смерти.

Если этого хотѣлъ Николай Павловичъ, то онъ можетъ быть доволенъ.

Живъ ли страдалецъ? Не знаю, но сомнѣваюсь.

— Если-бъ не семья, не дѣти,—говорилъ онъ мнѣ, прощаясь,—я вырвался бы изъ Россіи и пошелъ бы по міру; съ моимъ владимірскимъ крестомъ на шеѣ спокойно протягивалъ бы я прохожимъ

руку, которую жаль императоръ Александръ, рассказывая имъ мой проектъ и судьбу художника въ Россіи!

Судьбу твою, мученикъ, думаль я, узнають въ Европѣ: я *тебѣ за это отвѣчаю*.

Близость съ Витбергомъ была мнѣ большимъ облегченіемъ въ Вяткѣ. Серьезная ясность и нѣкоторая торжественность въ манерахъ придавали ему что-то духовное. Онъ былъ очень чистыхъ нравовъ и, вообще, скорѣе склонялся въ аскетизму, чѣмъ къ наслажденіямъ; но его строгость ничего не отнимала отъ роскоши и богатства его артистической природы. Онъ умѣлъ своему мистицизму придавать такую пластичность и такой изящный колоритъ, что возраженіе замирало на губахъ, жаль было анализировать, разлагать мерцающіе образы и туманныя картины его фантазіи.

Мистицизмъ Витберга лежалъ долею въ его скандинавской крови; это—та самая холодно-обдуманная мечтательность, которую мы видимъ въ Сведенборгѣ, похожая, въ свою очередь, на огненное отраженіе солнечныхъ лучей, падающихъ на ледяныя горы и снѣга Норвегіи.

Вліяніе Витберга поколебало меня. Но реальная натура моя взяла, все-таки, верхъ. Мнѣ не суждено было подниматься на третье небо, я родился совершенно земнымъ человѣкомъ. Отъ моихъ рукъ не вертятся столы, и отъ моего взгляда не качаются кольца. Дневной свѣтъ мысли мнѣ роднѣе луннаго освѣщенія фантазіи.

Но именно въ ту эпоху, когда я жилъ съ Витбергомъ, я болѣе, чѣмъ когда-нибудь, былъ расположенъ къ мистицизму,

Разлука, ссылка, религіозная экзальтація писемъ, получаемыхъ мною ¹⁾, любовь, сильнѣе и сильнѣе обнимавшая всю душу, и вмѣстѣ гнетущее чувство раскаянія ²⁾,—все это помогало Витбергу.

И еще года два послѣ я былъ подъ вліяніемъ идей мистически-соціальныхъ, взятыхъ изъ Евангелія и Жанъ-Жака, на манеръ французскихъ мыслителей, въ родѣ Пьера Леру.

Огаревъ еще прежде меня окунулся въ мистическія волны. Въ 1833 онъ начиналъ писать текстъ для Гебелевой ³⁾ ораторіи «Потерянный рай». «Въ идеѣ «Потеряннаго рая», писалъ мнѣ Огаревъ, заключается вся исторія человѣчества!» Стало быть, въ то время и онъ *отыскиваетъ рай* идеала принималъ за утраченный.

Я въ 1838 году написалъ въ соціально-религіозномъ духѣ

¹⁾ Отъ Н. А. Захаринной.

²⁾ Въ связи своей съ П. П. Мельвѣдовой.

³⁾ Гебель, извѣстный композиторъ того времени. А. И. Г.

историческія сцены, которыя тогда принималъ за драмы. Въ однѣхъ я представлялъ борьбу древняго міра съ христіанствомъ; тутъ Павелъ, входя въ Римъ, воскрешалъ мертваго юношу къ новой жизни; въ другихъ—борьбу официальной церкви съ квакерами и отъѣздъ Вильяма Пена въ Америку, въ Новый свѣтъ ¹⁾).

Мистицизмъ науки вскорѣ замѣнилъ во мнѣ евангельскій мистицизмъ; по счастью, отдѣлался я и отъ второго.

Но возвратимся въ нашъ скромный Хлыновъ-городокъ, переименованный, не знаю зачѣмъ, развѣ изъ финскаго патріотизма, Екатериной II въ Вятку.

Въ этомъ захолюстьѣ вятской ссылки, въ этой грязной средѣ чиновниковъ, въ этой печальной дали, разлученный со всѣмъ дорогимъ, безъ защиты отданный во власть губернатора, я провелъ много чудныхъ, святыхъ минутъ, встрѣтилъ много горячихъ сердецъ и дружескихъ рукъ.

Гдѣ вы? Что съ вами, подслѣжные друзья мои? Двадцать лѣтъ мы не видались. Чай, состарѣлись и вы, какъ я; дочерей выдаете замужъ, не пьете больше бутылками шампанское и стаканчикомъ на ножкѣ наливку. Кто изъ васъ разбогатѣлъ, кто разорился, кто въ чинахъ, кто въ параличѣ? А главное, жива ли у васъ память о нашихъ смѣлыхъ бесѣдахъ, живы ли тѣ струны, которыя такъ сильно сотрясались любовью и *негодованиемъ*?

Я остался тотъ же, вы это знаете; чай, долетаютъ до васъ вѣсти съ береговъ Темзы. Иногда вспоминаю васъ, всегда съ любовью; у меня есть нѣсколько писемъ того времени; нѣкоторыя изъ нихъ мнѣ ужасно дороги, и я люблю ихъ перечитывать.

¹⁾ Я эти сцены, не понимая почему, вздумалъ написать *стихами*. Вѣроятно, я думалъ, что всякій можетъ писать пятистопнымъ ямбомъ безъ ривмъ, если самъ Погодинъ писалъ имъ. Въ 1839 или 40 году я далъ обѣ тетрадки Бѣлинскому и спокойно ждалъ похвалъ. Но Бѣлинскій на другой день прислалъ мнѣ ихъ съ запиской, въ которой писалъ: «вели, пожалуйста, переписать сплошь, не отмѣчая стиховъ; я тогда съ охотой прочту, а теперь мнѣ все мѣшаетъ мысль, что это стихи».

Убилъ Бѣлинскій обѣ попытки драматическихъ сценъ. Долгъ красенъ платежами. Въ 1841 Бѣлинскій помѣстилъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» длинный разговоръ о литературѣ. «Какъ тебѣ нравится моя послѣдняя статья?»—спросилъ онъ меня, обѣдая en petit comité ^{o)} у Дюссо. «Очень,—отвѣчалъ я; все, что ты говоришь, превосходно, но скажи, пожалуйста, какъ же ты могъ биться два часа говорить съ этимъ человѣкомъ, не догадавшись съ перваго слова, что онъ дуракъ?»—«И въ самомъ дѣлѣ такъ—сказалъ, помирая со смѣху, Бѣлинскій—ну, братъ, зарѣзалъ! Вѣдь, совершенный дуракъ!» А. И. Г.

^{o)} Маленькой компаніей.

«Я не стыжусь тебѣ признаться,—писалъ мнѣ 26 января 1838 одинъ юноша, ¹⁾—что мнѣ очень горько теперь. Помоги мнѣ ради той жизни, къ которой призвалъ меня, помоги мнѣ своимъ совѣтомъ. Я хочу *учиться*, назначь мнѣ книги, назначь, что хочешь, я употреблю всѣ силы, дай мнѣ ходъ,—на тебѣ будетъ грѣхъ, если ты оттолкнешь меня».

«Я тебя благословляю,—пишетъ мнѣ другой, вслѣдъ за моимъ отъѣздомъ,—какъ земледѣлецъ благословляетъ дождь, оживотворившій его неудобренную почву».

Не изъ суетнаго чувства выписалъ я эти строки, а потому, что онѣ мнѣ очень дороги. За эти юношескіе призывы и юношескую любовь, за эту возбужденную въ нихъ *тоску* можно было примириться съ девятимѣсячной тюрьмой и трехлѣтней жизнью въ Вяткѣ.

А тутъ два раза въ недѣлю приходила въ Вятку московская почта; съ какимъ волненіемъ дождался я возлѣ почтовой конторы, пока разберутъ письма, съ какимъ трепетомъ ломалъ я печать и искалъ въ письмѣ изъ дома, нѣтъ ли маленькой записочки на тонкой бумагѣ, писанной удивительно мелкимъ и изящнымъ шрифтомъ.

И я не читалъ ее въ почтовой конторѣ, а тихо шелъ домой, отдаляя минуту чтенія, наслаждаясь одной мыслью, что письмо *есть*.

Эти письма всѣ сохранились. Я ихъ оставилъ въ Москвѣ. Ужасно хотѣлось бы перечитать ихъ и страшно коснуться..

Письма—больше, чѣмъ воспоминанья: на нихъ запеклась кровь событій, это—само прошедшее, какъ оно было, задержанное и нелѣнное.

...Нужно ли еще разъ знать, видѣть, касаться сморщившимися отъ старости руками до своего вѣнчальнаго убора?..

¹⁾ А. Е. Скворцовъ.

ГЛАВА XVII.

Наслѣдникъ въ Вяткѣ. — Паденіе Тюфяева. — Переводъ во Владиміръ. —
Исправникъ на слѣдствіи.

Наслѣдникъ будетъ въ Вяткѣ! Наслѣдникъ ѣдетъ по Россіи, чтобъ себя ей показать и ее посмотреть. Новость эта занимала всѣхъ, но всѣхъ болѣе, разумѣется, губернатора. Онъ затормошился и надѣлалъ рядъ невѣроятныхъ глупостей: велѣлъ мужикамъ по дорогѣ быть одѣтыми въ праздничные кафтаны, велѣлъ въ городахъ перекрасить заборы и перечинить тротуары. Въ Орловѣ бѣдная вдова, владѣлица небольшого дома, объявила городничему, что у нея нѣтъ денегъ на поправку тротуара; городничій донесъ губернатору. Губернаторъ велѣлъ у нея разобрать полы (тротуары тамъ деревянные), а, буде не достанетъ, сдѣлать поправку на казенный счетъ и взыскать потомъ съ нея деньги, хотя бы для этого слѣдовало продать домъ съ публичнаго торга. До продажи не дошло, а полы у вдовы сломали.

Верстахъ въ пятидесяти отъ Вятки находится мѣсто, на которомъ явилась новгородцамъ чудотворная икона Николая Хлыновскаго. Когда новгородцы поселились въ Хлыновѣ (Вяткѣ), они икону перенесли, но она исчезла и снова явилась на Великой рѣкѣ въ 50 верстахъ отъ Вятки. Новгородцы опять перенесли ее, но съ тѣмъ вмѣстѣ дали обѣтъ, если икона останется, ежегодно носить ее торжественнымъ ходомъ на Великую рѣку, кажется, 23 мая. Это—главный лѣтній праздникъ въ Вятской губерніи. За сутки отправляется икона на богатомъ досчаникѣ по рѣкѣ, съ нею—архіерей и все духовенство въ полномъ облаченіи. Сотни всякаго рода лодокъ, досчаниковъ, комягъ, наполненныхъ крестьянами и

крестьянками, вотяками, мѣщанами, пестро двигаются за плывущимъ образомъ. И впереди всѣхъ—губернаторская расшива, покрытая краснымъ сукномъ. Зрѣлище это очень недурно. Десятки тысячъ народа изъ близкихъ и дальнихъ уѣздовъ ждутъ образа на Великой рѣкѣ. Все это кочуетъ шумными толпами около небольшой деревни, и, что всего страннѣе, толпы некрещеныхъ вотяковъ и черемисъ, даже татаръ, приходятъ молиться иконѣ. Зато и праздникъ имѣетъ чисто-языческій видъ. За монастырской стѣной вотяки, русскіе приносятъ на жертву барановъ и телятъ, ихъ тутъ же бьютъ, іеромонахъ читаетъ молитвы, благословляетъ и святитъ мясо, которое подаютъ въ особое окно съ внутренней стороны ограды. Мясо это раздають по кускамъ народу. Встарь давали его даромъ, теперь монахи берутъ нѣсколько копѣекъ за каждый кусокъ, такъ что мужикъ, подарившій цѣлаго теленка, долженъ истратитъ грошъ-другой, чтобъ получить кусокъ себѣ на снѣдъ. На монастырскомъ дворѣ сидятъ цѣлыя толпы нищихъ, калѣкъ, слѣпыхъ, всякихъ уродовъ, которые хоромъ поютъ «Лазаря». Молодые поповичи и мѣщанскіе мальчики сидятъ на надгробныхъ памятникахъ около церкви съ чернильницей и кричатъ: «Кому памятыцы писать? кому памятыцы?». Бабы и дѣвки окружаютъ ихъ, сказывая имена; мальчишки, ухарски скрипя перомъ, повторяютъ: «Марью, Марью, Акулину, Степаниду, отца Іоанна, Матрену, — нутка, тетушка, твоихъ, твоихъ-то... Вишь, отколола грошъ; меньше пятака взять нельзя: родни-то, родни — Іоанна, Василису, Іону, Марью, Евпраксею, младенца Катерину»...

Въ церкви толкотня и странныя предпочтенія: одна баба передаетъ сосѣду свѣчку съ точнымъ порученіемъ поставить «гостю», другая «хозяину». Вятскіе монахи и дьякона постоянно пьяны во все время этой процессіи. Они по дорогѣ останавливаются въ большихъ деревняхъ, и мужики ихъ потчуютъ на убой.

Вотъ этотъ-то народный праздникъ, къ которому крестьяне привыкли вѣками, переставилъ, было, губернаторъ, желая имъ потѣшить наслѣдника, который долженъ былъ пріѣхать 19 мая; что за бѣда, кажется, если Николай-юсть тремя днями раньше придетъ къ *хозяину*? На это надобно было согласіе архіерея; по счастью, архіерей ¹⁾ былъ человѣкъ сговорчивый и не нашель ничего возразить противъ губернаторскаго намѣренія отпраздновать 23-е мая 19-го.

Рядъ ловкихъ мѣръ своихъ для приѣма наслѣдника губерна-

¹⁾ Ниль.

торъ послалъ къ государю, — посмотрите, молъ, какъ сына угощаемъ. Государь, прочитавши, взбѣсилъ и сказалъ министру внутреннихъ дѣлъ: «губернаторъ и архіерей дураки, оставить праздникъ, какъ былъ». Министръ намылилъ голову губернатору, синодъ — архіерею, и Николай-гость остался при своихъ привычкахъ.

Между разными распоряженіями изъ Петербурга велѣно было въ каждомъ губернскомъ городѣ приготовить выставку всякаго рода произведеній и издѣлій края и расположить ее по тремъ царствамъ природы. Это раздѣленіе по царствамъ очень затруднило канцелярію и даже отчасти Тюфяева. Чтобъ не ошибиться, онъ рѣшился, несмотря на свое неблагорасположеніе, позвать меня на совѣтъ. «Ну, напримѣръ, медъ, — говорилъ онъ, — куда принадлежитъ медъ? Или золоченая рама, — какъ опредѣлить, куда она относится?» Увидя изъ моихъ отвѣтовъ, что я имѣю удивительно точныя свѣдѣнія о трехъ царствахъ природы, онъ предложилъ мнѣ заняться расположеніемъ выставки.

Пока я занимался размѣщеніемъ деревянной посуды и вотскихъ нарядовъ, меда и чугунныхъ рѣшетокъ, а Тюфяевъ продолжалъ брать свирѣпныя мѣры для вящаго удовольствія «его высочества», оно изволило прибыть въ Орловъ, и громовая вѣсть объ арестѣ орловскаго городничаго разнеслась по городу. Тюфяевъ пожелтѣлъ и какъ-то невѣрно началъ ступать ногами.

Дней за пять до пріѣзда наслѣдника въ Орловъ, городничій писалъ Тюфяеву, что вдова, у которой полъ сломали, шумить, и что купецъ такой-то, богатый и знаемый въ городѣ человекъ, похвалится, что все наслѣднику скажетъ. Тюфяевъ насчетъ его распорядился очень умно: онъ велѣлъ городничему заподозрить его сумасшедшимъ (примѣръ Петровскаго ему понравился) и представить для свидѣтельства въ Вятку; пока бы дѣло длилось, наслѣдникъ уѣхалъ бы изъ Вятской губерніи, тѣмъ дѣло и кончилось бы. Городничій все исполнилъ: купецъ былъ въ вятской больницѣ.

Наконецъ, наслѣдникъ пріѣхалъ. Сухо поклонился Тюфяеву, не пригласилъ его и тотчасъ послалъ доктора Енохина ¹⁾ свидѣтельствовать арестованнаго купца, — все ему было извѣстно. Орловская вдова свою просьбу подала, другіе купцы и мѣщане рассказали все, что дѣлалось. Тюфяевъ еще на два градуса перекоксился. Дѣло было не хорошо: городничій прямо сказалъ, что онъ на все имѣлъ письменныя приказанія отъ губернатора.

¹⁾ Иванъ Васильевичъ, лейбъ-медикъ.

Докторъ Енохинъ увѣрялъ, что купецъ совершенно здоровъ. Тюфяевъ былъ потерянъ.

Въ восьмомъ часу вечера, наслѣдникъ со свитой явился на выставку; Тюфяевъ повелъ его, сбивчиво объясняя, путаясь и толкуя о какомъ-то *царь* Тохтамышѣ. Жуковский и Арсеньевъ, видя, что дѣло не идетъ на ладъ, обратились ко мнѣ съ просьбой показать имъ выставку. Я повелъ ихъ.

Видъ наслѣдника не выражалъ той строгости, той холодной, безпощадной жестокости, какъ видъ его отца; черты его скорѣе показывали добродушіе и вялость. Ему было около двадцати лѣтъ, но онъ уже начиналъ толстѣть.

Нѣсколько словъ, которыя онъ сказалъ мнѣ, были ласковы, безъ хриплага, отрывистаго тона Константина Павловича, безъ отцовской привычки испугать слушающаго до обморока.

Когда онъ уѣхалъ, Жуковский и Арсеньевъ стали меня разспрашивать, какъ я попалъ въ Вятку; ихъ удивилъ языкъ порядочнаго человѣка въ вятскомъ губернскомъ чиновникѣ. Они тотчасъ предложили мнѣ сказать наслѣднику о моемъ положеніи, и, дѣйствительно, они сдѣлали все, что могли. Наслѣдникъ представилъ государю о разрѣшеніи мнѣ ѣхать въ Петербургъ. Государь отвѣчалъ, что это было бы несправедливо относительно другихъ сосланныхъ, но, взявъ во вниманіе представленіе наслѣдника, велѣлъ меня перевести во Владиміръ; это было географическое улучшение: 700 верстъ меньше. Но объ этомъ послѣ.

Вечеромъ былъ балъ въ благородномъ собраніи. Музыканты, нарочно выписанные съ одного изъ заводовъ, пріѣхали мертвецки пьяные; губернаторъ распорядился, чтобъ ихъ заперли за сутки до бала и прямо изъ полиціи конвоировали на хоры, откуда не выпускали никого до окончанія бала.

Балъ былъ глупъ, неловокъ, слишкомъ бѣденъ и слишкомъ пестръ, какъ всегда бываетъ въ маленькихъ городкахъ при чрезвычайныхъ случаяхъ. Полицейскіе суетились, чиновники въ мундирахъ жались къ стѣнѣ, дамы толпились около наслѣдника въ томъ родѣ, какъ дикіе окружаютъ путешественниковъ... Кстати о дамахъ. Въ одномъ городкѣ былъ приготовленъ послѣ выставки «гуте»¹⁾. Наслѣдникъ ничего не бралъ, кромѣ одного персика, котораго кость онъ бросилъ на окно. Вдругъ изъ толпы чиновниковъ отдѣляется высокая фигура, налитая спиртомъ, земскаго засѣдателя, извѣстнаго забулдыги, который мѣрными шагами отправляется къ окну, беретъ кость и кладетъ ее въ карманъ.

¹⁾ Le goûter—закуска.

Послѣ бала или *гуге*, засѣдатель подходитъ къ одной изъ значительныхъ дамъ и предлагаетъ высочайше обглоданную косточку; дама въ восхищеньи. Потомъ онъ отправляется къ другой, потомъ къ третьей,—всѣ въ восторгѣ.

Засѣдатель купилъ 5 персиковъ, вырѣзалъ косточки и осчастливилъ шесть дамъ. У кого настоящая? Всѣ подозрѣваютъ истинность своей косточки... 27

Тюфяевъ, послѣ отъѣзда наслѣдника, приготовлялся съ стѣсненнымъ сердцемъ промѣнять пашалыкъ на сенаторскія кресла, но вышло хуже.

Недѣли черезъ три почта привезла изъ Петербурга бумаги на имя «управляющаго губерніей». Въ канцеляріи все переполошилось. Регистраторъ губернскаго правленія прибѣжалъ сказать, что у нихъ полученъ указъ. Правитель дѣлъ бросился къ Тюфяеву; Тюфяевъ сказался больнымъ и не поѣхалъ въ присутствіе.

Черезъ часъ мы узнали, онъ былъ отставленъ—*sans phrase* 1).

Весь городъ былъ радъ паденію губернатора; управление его имѣло въ себѣ что-то удушливое, нечистое, затхло-приказное и, несмотря на то, все-таки, гадко было смотрѣть на ликованіе чиновниковъ.

Да, не одинъ оселъ ударилъ копытомъ этого раненаго вепря. Людская подлость и тутъ показала не меньше, какъ при паденіи Наполеона, несмотря на разницу діаметровъ. Все послѣднее время я былъ съ нимъ въ открытой ссорѣ, и онъ непремѣнно усмалъ бы меня въ какой-нибудь заштатный городъ Кай, если-бъ его не прогнали самого. Я удалялся отъ него и мнѣ нечего было мѣнять въ моемъ поведеніи относительно его. Но другіе, вчера снимавшіе шляпу, завидя его карету, глядѣвшіе ему въ глаза, улыбавшіеся его шпицу, потчивавшіе табакомъ его камердинера, — теперь едва кланялись съ нимъ и кричали во весь голосъ противъ безпорядковъ, которые онъ дѣлалъ *вмѣстѣ съ ними*. Все это старо и до того постоянно повторяется изъ вѣка въ вѣкъ и вездѣ, что намъ слѣдуетъ эту низость принять за обще-человѣческую черту и, по крайней мѣрѣ, не удивляться ей.

Явился новый губернаторъ 2). Это былъ человѣкъ совершенно въ другомъ родѣ. Высокій, толстый и рыхло-лимфатическій мужчина, лѣтъ около пятидесяти, съ пріятно улыбающимся лицомъ и съ образованными манерами. Онъ выражался съ необычайной грамматической правильностью, пространно, подробно, съ ясностью,

1) Безъ дальнихъ разговоровъ.

2) Александръ Алексѣевичъ Корниловъ, прибылъ 12 августа 1837 г. 28

которая въ состояніи была своей излишностью затемнить простѣйшій предметъ. Онъ былъ ученикъ Лицея, товарищъ Пушкина, служилъ въ гвардіи, покупалъ новыя французскія книги, любилъ бесѣдовать о предметахъ важныхъ и далъ мнѣ книгу Токвиля о демократіи въ Америкѣ, на другой день послѣ пріѣзда.

Перемѣна была очень рѣзка. Тѣ же комнаты, та же мебель, а на мѣстѣ татарскаго баскака съ тунгуской наружностью и сибирскими привычками—доктринеръ, нѣсколько педантъ, но все же порядочный человекъ. Новый губернаторъ былъ уменъ, но умъ его какъ-то свѣтилъ, а не грѣлъ, въ родѣ яснаго зимняго дня—пріятнаго, но отъ котораго плодовъ не дождешься. Къ тому же онъ былъ страшный формалистъ,—формалистъ не приказный, а какъ бы это выразить?.. Его формализмъ былъ второй степени, но столько же скучный, какъ и всѣ прочіе.

Такъ какъ новый губернаторъ былъ въ самомъ дѣлѣ женатъ, губернаторскій домъ утратилъ свой ультра-холостой и полигамическій характеръ. Разумѣется, это обратило всѣхъ совѣтниковъ къ совѣтницамъ; плѣшивые старики не хвастались побѣдами «на-счетъ клубники», а, напротивъ, нѣжно отзывались о завялыхъ, жестко и угловато костлявыхъ или заплывшихъ жиромъ до невозможности пускать кровь, супругахъ своихъ.

Корниловъ былъ назначенъ за нѣсколько лѣтъ передъ пріѣздомъ въ Вятку, прямо изъ семеновскихъ или измайловскихъ полковниковъ, куда-то гражданскимъ губернаторомъ. Онъ пріѣхалъ на воеводство, вовсе не зная дѣла. Сначала, какъ всѣ новички, онъ принялся все читать; вдругъ ему попалась бумага изъ другой губерніи, которую онъ, прочитавши два раза, три раза, не понялъ.

Онъ позвалъ секретаря и далъ ему прочесть. Секретарь тоже не могъ ясно изложить дѣла.

— Что же вы сдѣлаете съ этой бумагой,—спросилъ его Корниловъ,—если я ее передамъ въ канцелярію?

— Отправлю въ третій столъ, это по третьему столу.

— Стало быть, столоначальникъ третьяго стола знаетъ, что дѣлать?

— Какъ же, в. п., ему не знать? онъ седьмой годъ править столомъ.

— Позовите его ко мнѣ.

Пришелъ столоначальникъ. Корниловъ, отдавая ему бумагу, спросилъ, что надобно сдѣлать. Столоначальникъ пробѣжалъ наскоро дѣло и доложилъ, что, де, въ казенную палату слѣдуетъ сдѣлать запросъ и исправнику предписать.

— Да что предписать?

Столоначальникъ затруднился и, наконецъ, признался, что это трудно такъ разсказать, а что написать легко.

— Вотъ стулъ, прошу васъ написать отвѣтъ.

Столоначальникъ принялся за перо и, не останавливаясь, бойко настрочилъ двѣ бумаги.

Губернаторъ взялъ ихъ, прочелъ, прочелъ разъ и два,—ничего понять нельзя. «Я увидѣлъ,—разсказывалъ онъ улыбаясь,—что это, дѣйствительно былъ отвѣтъ на ту бумагу и, благословясь, подписалъ. Никогда болѣе не было помину объ этомъ дѣлѣ,— бумага была вполнѣ удовлетворительна».

Вѣсть о моемъ переводѣ во Владиміръ пришла передъ Рождествомъ; я скоро собрался и пустился въ путь.

Съ вятскимъ обществомъ я разстался тепло. Въ этомъ дальнемъ городѣ я нашелъ двухъ-трехъ искреннихъ пріятелей между молодыми купцами.

Всѣ хотѣли наперерывъ показать изгнаннику участие и дружбу. Нѣсколько саней провожали меня до первой станціи и, сколько я ни защищался, въ мою повозку наставили цѣлый грузъ всякихъ припасовъ и винъ. На другой день я пріѣхалъ въ Яранскъ.

Отъ Яранска дорога идетъ безконечными сосновыми лѣсами. Ночи были лунныя и очень морозныя; небольшія пошевни неслись по узенькой дорогѣ. Такихъ лѣсовъ я послѣ никогда не видалъ; они идутъ такимъ образомъ, не прерываясь, до Архангельска; изрѣдка по нимъ забѣгаютъ олени въ Вятскую губернію. Лѣсъ большей частью строевой. Сосны чрезвычайной прямизны шли мимо саней, какъ солдаты, высокія и покрытыя снѣгомъ, изъ-подъ котораго торчали ихъ черныя хвои, какъ щетина. И заснешь, и опять проснешься, а полки сосенъ все идутъ быстрыми шагами, стряхивая иной разъ снѣгъ. Лошадей мѣняютъ въ маленькихъ расчищенныхъ мѣстахъ: домишко потерянный за деревьями, лошади привязаны къ столбу, бубенчики позваниваютъ, два-три черемисскихъ мальчика въ шитыхъ рубашкахъ выбѣгутъ заспанные; ямщикъ-вотякъ какимъ-то сиплымъ альтомъ поругается съ товарищемъ, покричитъ «айда», запоетъ пѣсню въ двѣ ноты... и опять сосны, снѣгъ, снѣгъ, сосны...

При самомъ выѣздѣ изъ Вятской губерніи мнѣ еще пришлось проститься съ чиновническимъ міромъ, и онъ pour la clôture ¹⁾ явился во всемъ блескѣ.

Мы остановились у станціи; ямщикъ сталъ откладывать; высокій мужикъ показался въ сѣняхъ и спросилъ: «кто проѣзжаетъ?».

¹⁾ На прощаніе.

— А тебѣ что за дѣло?

— А то дѣло, что исправникъ велѣлъ узнать, а я—разсылный при земскомъ судѣ.

— Ну, такъ ступай же въ станціонную избу, тамъ моя дорожная.

Мужикъ ушелъ и черезъ минуту воротился, говоря ямщику: «не давать ему лошадей».

Это было черезъ край. Я соскочилъ съ саней и пошелъ въ избу. Полупьяный исправникъ сидѣлъ на лавкѣ и диктовалъ полупьяному писарю. На другой лавкѣ въ углу сидѣлъ или, лучше, лежалъ человекъ со скованными ногами и руками. Нѣсколько бутылокъ, стаканы, табачная зола и кипы бумагъ были разбросаны.

— Гдѣ исправникъ?—сказалъ я громко, входя.

— Исправникъ здѣсь,—отвѣчалъ мнѣ полупьяный Лазаревъ ¹⁾, котораго я видѣлъ въ Вяткѣ. При этомъ онъ дерзко и грубо усталъ на меня глаза... и вдругъ бросился ко мнѣ съ распростертыми объятіями.

Надобно при этомъ вспомнить, что послѣ смѣны Тюфяева чиновники, видя мои довольно хорошія отношенія съ новымъ губернаторомъ, начинали меня побаиваться.

Я остановилъ его рукою и спросилъ очень серьезно:

— Какъ вы могли велѣть, чтобъ мнѣ не давали лошадей? Что это за вздоръ, на большой дорогѣ останавливать проѣзжихъ!

— Да я пошутилъ, помилуйте, какъ вамъ не стыдно сердиться? Лошадей, вели лошадей, что ты тутъ стоишь, разбойникъ!—закричалъ онъ разсылному. Сдѣлайте одолженіе, выкушайте чашку чаю съ ромомъ.

— Покорно благодарю.

— Да нѣтъ ли у насъ шампанскаго?... Онъ бросился къ бутылкамъ,—всѣ были пусты.

— Что вы тутъ дѣлаете?

— Слѣдствіе-съ; вотъ молодчикъ-то топоромъ убилъ отца и сестру родную изъ-за ссоры да по ревности.

— Такъ это вы вмѣстѣ и пируете?

Исправникъ замаялся. Я взглянулъ на черемиса: онъ былъ лѣтъ двадцати; ничего свирѣпаго не было въ его лицѣ, совершенно восточномъ, съ узенькими, сверкающими глазами, съ черными волосами.

Все это вмѣстѣ такъ было гадко, что я вышелъ опять на дворъ. Исправникъ выбѣжалъ вслѣдъ за мной; онъ держалъ въ

¹⁾ Николай Емельяновичъ.

одной рукѣ рюмку, въ другой бутылку рома и приставалъ ко мнѣ, чтобъ я выпилъ.

Чтобы отвязаться отъ него, я выпилъ. Онъ схватилъ меня за руку и сказалъ:

— Виноватъ, ну, виноватъ, что дѣлать! но я надѣюсь, вы не скажете объ этомъ его превосходительству, не погубите благороднаго человѣка. При этомъ исправникъ *схватилъ мою руку и поцѣловалъ ее*, повторяя десять разъ: «Ей Богъ, не погубите благороднаго человѣка». Я съ отвращеніемъ отдернулъ руку и сказалъ ему:

— Да ступайте вы къ себѣ,—нужно мнѣ очень рассказывать.

— Да чѣмъ же бы мнѣ услужить вамъ?

— Посмотрите, чтобъ поскорѣе закладывали лошадей.

— Живѣй,—закричалъ онъ,—айда, айда!—и самъ сталъ подергивать какіе-то веревки и ремешки у упряжи.

Случай этотъ сильно врѣзался въ мою память. Въ 1846 г., когда я былъ въ послѣдній разъ въ Петербургѣ, нужно мнѣ было сходить въ канцелярію министра внутреннихъ дѣлъ, гдѣ я хлопоталъ о пассѣ. Пока я толковалъ со столоначальникомъ, прошелъ какой-то господинъ, дружески пожимая руку магнатамъ канцеляріи, снисходительно кланяясь столоначальникамъ. Фу, чортъ возьми, подумалъ я, да неужели это онъ?—Кто это?

— Лазаревъ, чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ и въ большой силѣ ¹⁾.

— Былъ онъ въ Вятской губерніи исправникомъ?

— Былъ.

— Поздравляю васъ, господа: девять лѣтъ тому назадъ онъ цѣловалъ мнѣ руку.

Перовскій ²⁾ мастеръ выбирать людей!

¹⁾ Въ 1846 г. былъ въ числѣ состоящихъ при министерствѣ порпоряженіямъ министра.

²⁾ Графъ Левъ Алексѣевичъ.

ГЛАВА XVIII.

Начало владимірской жизни.

...Когда я вышелъ садиться въ повозку въ Козьмодемьянскѣ, сани были заложены по-русски: тройка въ рядъ,—одна въ корню, двѣ на пристяжкѣ; коренная въ дугѣ весело звонила колокольчикомъ.

Въ Перми и Вяткѣ закладываютъ лошадей гуськомъ: одну передъ другой или двѣ въ рядъ, а третью впереди.

Такъ сердце и стукнуло отъ радости, когда я увидѣлъ нашу упряжь.

— Нутка, нутка, покажи намъ свою прыть!—сказалъ я молодому парню, лихо сидѣвшему на облучкѣ въ нагольномъ туплѣ и несгибаемыхъ рукавицахъ, которыя едва ему позволяли настолько сблизить пальцы, чтобъ взять пятиалтынный изъ моихъ рукъ.

— Уважимъ-съ, уважимъ-съ. Эй, вы, голубчики!—Ну, баринъ,—сказалъ онъ, обращаясь вдругъ ко мнѣ,—ты только держись: туда гора, такъ я коней-то пушу.

Это былъ крутой съѣздъ къ Волгѣ, по которой шелъ зимній трактъ.

Дѣйствительно, коней онъ пустилъ. Сани не ѣхали, а какъ-то цѣликомъ прыгали справа налево и слѣва направо, лошади мчали подъ гору, ямщикъ былъ смертельно доволенъ да, грѣшный человекъ, и я самъ,—русская натура.

Такъ вѣѣжалъ я на почтовыхъ въ 1838 годъ,—въ лучшій, въ самый свѣтлый годъ моей жизни. Расскажу вамъ нашу первую встрѣчу съ нимъ.

Верстахъ въ 80 отъ Нижняго взошли мы, т.-е. я и мой камердинеръ Матвѣй ¹⁾, обогрѣться къ станціонному смотрителю. На дворѣ было очень морозно и къ тому же вѣтрено. Смотритель, худой, болѣзненный и жалкой наружности человѣкъ, записывалъ подорожную, самъ себѣ диктуя каждую букву и, все-таки, ошибаясь. Я снялъ шубу и ходилъ по комнатѣ въ огромныхъ мѣховыхъ сапогахъ; Матвѣй грѣлся у каленой печи; смотритель бормоталъ; деревянные часы постукивали разбитымъ и слабымъ звукомъ...

— Посмотрите, — сказалъ мнѣ Матвѣй, — скоро двѣнадцать часовъ: вѣдь, новый годъ-съ. Я принесу, — прибавилъ онъ полувопросительно глядя на меня, — что-нибудь изъ запаса, который намъ въ Вяткѣ поставили? — и, не дожидаясь отвѣта, бросился доставать бутылки и какой-то кулечекъ.

Матвѣй, о которомъ я еще буду говорить впослѣдствіи, былъ больше, нежели слуга: онъ былъ моимъ пріятелемъ, меньшимъ братомъ. Московскій мѣщанинъ, отданный Зонненбергу, съ которымъ мы тоже познакомимся, на изученіе переплетнаго искусства, въ которомъ, впрочемъ, Зонненбергъ не былъ особенно свѣдушъ, онъ перешелъ ко мнѣ.

Я зналъ, что мой отказъ огорчилъ бы Матвѣя, да и самъ, въ сущности, ничего не имѣлъ противъ почтоваго праздника... Новый годъ—своего рода станція.

Матвѣй принесъ ветчину и шампанское.

Шампанское оказалось замерзнувшимъ въ густую; ветчину можно было рубить топоромъ, она вся блистала отъ льдинокъ; но à la guette comme à la guette ²⁾).

«Съ новымъ годомъ! Съ новымъ счастьемъ!».. Въ самомъ дѣлѣ, съ новымъ счастьемъ. Развѣ я не былъ на возвратномъ пути? Всякій часъ приближалъ меня къ Москвѣ, — сердце было полно надеждъ.

Мороженое шампанское не то, чтобъ слишкомъ нравилось смотрителю, я прибавилъ ему въ вино полстакана рома. Это новое half and half ³⁾ имѣло большой успѣхъ.

Ямщикъ, котораго я тоже пригласилъ, былъ еще радикальнѣе: онъ насыпалъ перцу въ стаканъ пѣннаго вина, размѣшалъ ложкой, выпилъ разомъ, болѣзненно вздохнулъ и нѣсколько со стономъ прибавилъ: «славно огорчило!».

¹⁾ Матвѣй Савельевичъ смѣнилъ Петра Федоровича въ сентябрѣ 1837 г.

²⁾ На войнѣ, какъ на войнѣ.

³⁾ Смѣсь портера съ пивомъ.

Смотритель самъ усадилъ меня въ сани и такъ усердно хлопоталъ, что уронилъ въ сѣно зажженную свѣчу и не могъ ее потомъ найти. Онъ былъ очень въ духѣ и повторялъ: «Вотъ и меня вы сдѣлали съ новымъ годомъ... Вотъ и съ новымъ годомъ!».

Огорченный ямщикъ тронулъ лошадей...

На другой день, часовъ въ восемь вечера, приѣхалъ я во Владиміръ и остановился въ гостиницѣ, чрезвычайно вѣрно описанной въ «Тарантасъ» ¹⁾, съ своей курицей «съ рысью», «хлѣбнымъ патише» и съ уксусомъ, вмѣсто бордо.

— Васъ спрашивалъ какой-то человекъ сегодня утромъ; онъ, никакъ, дожидается въ полпивной, — сказалъ мнѣ, прочитавъ въ дорожной мое имя, половой съ тѣмъ ухарскимъ приборомъ и отчаяннымъ вискомъ, которымъ отличались прежде одни русскіе половые, а теперь — половые и Людовикъ-Наполеонъ.

Я не могъ понять, кто бы это могъ быть.

— Да вотъ и они-съ, — прибавилъ половой, сторонясь. Но явился сначала не человекъ, а страшной величины подносъ, на которомъ было много всякаго добра: куличъ и баранки, апельсины и яблоки, яйца, миндаль, изюмъ... а за подносомъ виднѣлась сѣдая борода и голубые глаза старосты изъ владимірской деревни моего отца ²⁾.

— Гаврило Семенычъ! — воскликнулъ я и бросился его обнимать. Это былъ *первый* человекъ изъ *нашихъ*, изъ прежней жизни, котораго я встрѣтилъ послѣ *тюрьмы и ссылки*... Я не могъ насмотрѣться на умнаго старика и наговориться съ нимъ... Онъ былъ для меня представителемъ близости къ Москвѣ, къ дому, къ друзьямъ, онъ три дня тому назадъ всѣхъ видѣлъ, отъ всѣхъ привезъ поклонъ... Стало, не такъ-то далеко.

Губернаторъ Курута ³⁾, умный грекъ, хорошо зналъ людей и давно успѣлъ охладѣть къ добру и злу. Мое положеніе онъ понялъ тотчасъ и не дѣлалъ ни малѣйшаго опыта меня притѣснять. О канцеляріи не было и помину: онъ поручилъ мнѣ съ однимъ учителемъ гимназіи ⁴⁾ завѣдывать «*Губернскими Вѣдомостями*» — въ этомъ состояла вся служба. ²⁹

Дѣло это было мнѣ знакомое: я уже въ Вяткѣ поставилъ на ноги неофициальную часть «Вѣдомостей» и помѣстилъ въ нее разъ статейку, за которую чуть не попалъ въ бѣду мой преемникъ. Описывая празднество на «Великой рѣкѣ», я сказалъ, что баранину,

¹⁾ Романъ гр. В. А. Соллогуба.

²⁾ Г. С. Найденовъ.

³⁾ Иванъ Эммануиловичъ.

⁴⁾ Д. В. Небаба.

приносимую на жертву Николаю Хлыновскому, въ стары годы раздавали бѣднымъ, а нынче продають. Архіерей разгнѣвался, и губернаторъ насилиу уговорилъ его оставить дѣло. ³⁰

«Губернскія Вѣдомости» были введены въ 1837 году. ³¹ Оригинальная мысль приучать къ гласности въ странѣ молчанія и нѣмоты пришла въ голову министру внутреннихъ дѣлъ Блудову. Блудовъ, извѣстный, какъ продолжатель исторіи Карамзина, не написавшій ни строки далѣе, и какъ сочинитель «Доклада слѣдственной комиссіи» послѣ 14 декабря, котораго было бы лучше совѣмъ не писать, принадлежалъ къ числу государственныхъ доктринеровъ, явившихся въ концѣ александровскаго царствованія. Это были люди умные, образованные, честные, состарившіеся и выслужившіеся «арзамасскіе гуси»; они умѣли писать по-русски, были патріоты и такъ усердно занимались отечественной исторіей, что не имѣли досуга заняться серьезно современностью. Всѣ они чтили незабвенную память Н. М. Карамзина, любили Жуковскаго, знали на память Крылова и ѣздили въ Москву бесѣдовать къ И. И. Дмитріеву, въ его домъ на Садовой, куда и я ѣзживалъ къ нему студентомъ, вооруженный романтическими предразсудками, личнымъ знакомствомъ съ Н. Полевымъ и затаеннымъ чувствомъ неудовольствія, что Дмитріевъ, будучи поэтомъ, былъ министромъ юстиціи. Отъ нихъ много надѣялись, они ничего не сдѣлали, какъ вообще доктринеры всѣхъ странъ. Можетъ быть, имъ и удалось бы оставить слѣдъ болѣе прочный при Александрѣ, но Александръ умеръ, и они остались при своемъ *желаніи* дѣлать что-нибудь путное.

Въ Монако на надгробномъ памятникѣ одного изъ владѣтельныхъ князей написано: «Здѣсь покоится Флорестанъ такой-то— онъ *хотѣлъ* дѣлать добро своимъ подданнымъ!» ¹⁾ Наши доктринеры тоже желали дѣлать добро, если не своимъ, то подданнымъ Николая Павловича, но счетъ былъ составленъ безъ хозяина. Не знаю, кто помѣшалъ Флорестану, но имъ помѣшалъ нашъ Флорестанъ. Имъ пришлось быть соприкосновенными во всѣхъ ухудшеніяхъ Россіи и ограничиваться ненужными нововведеніями, перемѣнами формъ, названій. Всякій начальникъ у насъ считаетъ высшей обязанностью нѣтъ-нѣтъ да и представить какой-нибудь проектъ, измѣненіе, обыкновенно къ худшему, но иногда просто безразличное. Секретаря въ канцеляріи губернатора, напр., сочи нужнымъ назвать правителемъ дѣлъ, а секретаря губернскаго правленія оставили безъ перевода на русскій языкъ. Я помню, что

¹⁾ «Il a voulu le bien de ses sujets». А. И. Г.

министръ юстиціи подавалъ проектъ о необходимыхъ измѣненіяхъ мундировъ гражданскихъ чиновниковъ. Проектъ этотъ начинался какъ-то величаво и торжественно: «Обративъ въ особенности вниманіе на недостатокъ единства въ шитьѣ и покроѣ нѣкоторыхъ мундировъ гражданского вѣдомства и взявъ въ основаніе» и т. д.

Одержимый тою же болѣзною проектовъ, министръ внутреннихъ дѣлъ *замѣнилъ* земскихъ засѣдателей становыми приставами. Засѣдатели жили по городамъ и наѣзжали въ деревни. Становые иногда съѣзжаются въ городъ, но постоянно живутъ въ деревнѣ. Всѣ крестьяне такимъ образомъ были отданы подъ надзоромъ полиціи, и это при полномъ знаніи, какое хищное, плотоядное, развратное существо—нашъ полицейскій чиновникъ. Блудовъ ввелъ полицейскаго въ тайны крестьянскаго промысла и богатства, въ семейную жизнь, въ мірскія дѣла и черезъ это коснулся послѣдняго убѣжища народной жизни. По счастью, деревень у насъ очень много, а становыхъ бываетъ два на уѣздъ.

Почти въ то же время, тотъ же Блудовъ выдумалъ «*Губернскія Вѣдомости*». У насъ правительство, презирая всякую грамотность, имѣетъ большія притязанія на литературу, и въ то время, какъ въ Англіи, напр., совсѣмъ нѣтъ казенныхъ журналовъ, у насъ каждое министерство издаетъ свой, Академія и университеты—свой. У насъ есть журналы горные и соляные, французскіе и нѣмецкіе, морскіе и сухопутные. Все это издается на казенный счетъ, подряды статей дѣлаются въ министерствахъ такъ, какъ подряды на дрова и свѣчи, только безъ переторжки; недостатка въ общихъ отчетахъ, выдуманныхъ цифрахъ и фантастическихъ выводахъ не бываетъ. Взявши всѣ монополіи, правительство взяло и монополію болтовни, оно велѣло всѣмъ молчать и стало говорить безъ умолку. Продолжая эту систему, Блудовъ велѣлъ, чтобъ каждое губернское правленіе издавало свои «Вѣдомости» и чтобъ каждая «Вѣдомость» имѣла свою неофициальную часть для статей историческихъ, литературныхъ и пр.

Сказано—сдѣлано, и вотъ пятьдесятъ губернскихъ правленій рвутъ себѣ волосы надъ неофициальной частью. Священники изъ семинаристовъ, доктора медицины, учителя гимназій, всѣ люди, состоящіе въ подозрѣннн образованія и умѣстнаго употребленія буквы «ѣ», берутся въ реквизицію. Они думаютъ, перечитываютъ «Библиотеку для Чтенія» и «Отечественныя Записки», боятся, посягаютъ и, наконецъ, пишутъ статейки.

Видѣть себя въ печати—одна изъ самыхъ сильныхъ искусственныхъ страстей человѣка, испорченнаго книжнымъ вѣкомъ. Но, тѣмъ не меньше, рѣшались на публичную выставку своихъ

произведеній нелегко безъ особаго случая. Люди, которые не смѣли бы думать о печатаніи своихъ статей въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», въ петербургскихъ журналахъ, стали печататься у себя дома. А между тѣмъ *паубная* привычка имѣть органъ, привычка къ гласности укоренилась. Да и совсѣмъ готовое орудіе имѣть не дурно. Типографскій станокъ *тоже* безъ костей!

Товарищъ мой по редакціи былъ кандидатъ нашего университета и одного со мною отдѣленія. Я не имѣю духу говорить о немъ съ улыбкой—такъ горестно онъ кончилъ свою жизнь, а, все-таки, до самой смерти онъ былъ очень смѣшонъ. Далекое не глупый, онъ былъ необыкновенно неуклюжъ и неловокъ. Не только полнѣйшаго безобразія трудно было встрѣтить, но и такого большого, т.-е. такого растянутого. Лицо его было вполтора больше обыкновеннаго и какъ-то шероховато; огромный рыбій ротъ раскрывался до ушей; свѣтло-сѣрые глаза были не оттѣнены, а скорѣе освѣщены бѣлокуроыми рѣсницами; жесткіе волосы скудно покрывали его черепъ, и притомъ онъ былъ головою выше меня, сутуловать и очень неопрятенъ.

Онъ даже назывался такъ, что часовой во Владимірѣ посадилъ его въ караульню за его фамилію. Поздно вечеромъ шелъ онъ, завернутый въ шинель, мимо губернаторскаго дома; въ рукѣ у него былъ ручной телескопъ; онъ остановился и прицѣлился въ какую-то планету; это озадачило солдата, вѣроятно, считавшаго звѣзды казенной собственностью. «Кто идетъ?» закричалъ онъ неподвижно стоявшему наблюдателю.—«Небаба», отвѣчалъ мой пріятель густымъ голосомъ, не двигаясь съ мѣста.

— Вы не дурачьтесь,—отвѣтилъ оскорбленный часовой,—я въ должности.

— Да говорю же, что я Небаба!

Солдатъ не вытерпѣлъ и дернулъ звонокъ; явился унтеръ-офицеръ, часовой отдалъ ему астронома, чтобъ свести на гауптвахту; тамъ, молъ, тебя разберутъ, баба ты или нѣтъ. Онъ непремѣнно просидѣлъ бы до утра, если-бъ дежурный офицеръ не узналъ его.

Разъ Небаба зашелъ ко мнѣ по утру, чтобъ сказать, что ѣдетъ на нѣсколько дней въ Москву, при этомъ онъ какъ-то умильно лукаво улыбнулся. «Я,—сказалъ онъ, заминаясь,—я возвращусь не одинъ!»—Какъ, вы, то-есть...—«Да-съ, вступаю въ законный бракъ»,—отвѣтилъ онъ застѣнчиво. Я удивился героической отвагѣ женщины, рѣшающейся итти за этого добраго, но ужъ черезчуръ некрасиваго человѣка. Но когда, черезъ двѣ-три недѣли, я увидѣлъ у него въ домѣ дѣвочку лѣтъ восемнадцати, не

то, чтобъ красивую, но смазливенькую и съ живыми глазами, тогда я сталъ смотрѣть на него, какъ на героя.

Мѣсяца черезъ полтора я замѣтилъ, что жизнь моего Квазимодо шла плохо: онъ былъ подавленъ горемъ, дурно правилъ корректуру, не оканчивалъ своей статьи «о перелетныхъ птицахъ» и былъ мрачно разсѣянъ; иногда мнѣ казались его глаза заплаканными. Это продолжалось недолго. Разъ, возвращаясь домой черезъ Золотыя Ворота, я увидѣлъ мальчиковъ и лавочниковъ, бѣгущихъ на погостъ церкви; полицейскіе суетились. Пошелъ и я.

Трупъ Небабы лежалъ у церковной стѣны, а возлѣ ружье. Онъ застрѣлился супротивъ оконъ своего дома; на ногѣ оставалась веревочка, которой онъ спустилъ курокъ. Инспекторъ врачебной управы плавно повѣствовалъ окружающимъ, что покойникъ нисколько не мучился; полицейскіе приготовлялись нести его въ часть. 32

...Куда природа свирѣпа къ лицамъ! Что и что прочувствовалось въ этой груди страдальца прежде, чѣмъ онъ рѣшился своей веревочкой остановить маятникъ, мѣрившій ему одни оскорбленія, одни несчастія. И за что? За то, что отецъ былъ золотушень или мать лимфатична. Все это такъ. Но по какому праву мы требуемъ справедливости, отчета, причинъ? у кого? у крутящагося урагана жизни?..

Въ то же время для меня начался новый отдѣлъ жизни... отдѣлъ чистый, ясный, молодой, серьезный, отшельнической и проникнутой любовью...

Онъ принадлежитъ къ другой части. 33

◆◆ 1. Огаревъ былъ арестованъ 9 іюля, вернувшись 7-го въ Москву изъ деревни. Причины ареста выясняются изъ дѣла архива III Отдѣленія С. Е. И. В. канцеляріи, называющагося «дѣломъ о лицахъ, пѣвшихъ въ Москвѣ пасквильные стихи» (1834 г. 1 эксп., № 239, ч. I).

По словамъ современника, 1834 годъ «огненными чертами записанъ въ лѣтописяхъ Москвы; два мѣсяца пожары истребляли городъ; 8-го іюня сгорѣло Лефортово, 11-го августа—290 домовъ; на 11 милліоновъ погибло отъ огня въ Рогожской; пожары были по нѣсколько разъ въ день, команда обезсилѣла, лошади измучились. Ясно было видно, что это не случайность, что тутъ злоумышленность. Народъ волновался, обвинялъ внѣшнихъ враговъ, во всѣхъ видѣлъ поджигателей, и стало опасно ходить по улицамъ.

Волненіе выходило изъ границъ общественнаго спокойствія и угрожало бунтомъ» («Рус. Старина» 1889 г. VII, 148).

Въ разгаръ этого растеряннаго состоянія и общества и администраціи, къ состоявшему при начальникѣ московскаго округа корпуса жандармовъ чиновнику III Отдѣленія камеръ-юнкеру Николаю Андреевичу Кашинцову явился вольный механикъ Павелъ Скаретка и сообщилъ, что «нѣсколько молодыхъ людей собираются по ночамъ въ разныхъ мѣстахъ и тамъ, подъ видомъ препровожденія времени, напиваются допьяна и поютъ пѣсни, наполненныя гнусными и злоумышленными выраженіями противъ вѣрноподданнической присяги». Кашинцовъ успѣшилъ доложить объ этомъ своему начальнику полковнику Шубинскому, и они рѣшили посвятить въ дѣло оберъ-полицейстера Цынскаго. Послѣ совмѣстнаго совѣщанія, рѣшено было учредить за «преступнымъ сообществомъ» строгій полицейскій надзоръ, а затѣмъ вскорѣ механику Скареткѣ и его брату, поручику Ивану, велѣно было заманить къ себѣ 8 іюля на квартиру знакомыхъ имъ «вольнодумцевъ», сдѣлать имъ обильное (на казенный счетъ) угощеніе и ждать появленія Цынскаго. Послѣдній, въ свою очередь, приготовилъ нѣсколькихъ полицейскихъ чиновниковъ, самъ переодѣлся въ статское платье и, явсь къ Скареткамъ, сталъ за перегородкой подслушивать разговоры кутившей компаніи.

«По прибытіи туда секретнымъ образомъ,—доносилъ 10 іюля Цынскій генераль-губернатору кн. Д. В. Голицыну,—я засталъ тамъ 3-хъ человекъ въ пьяномъ видѣ и самъ слышалъ ихъ пѣніе пѣсенъ, и тѣхъ самыхъ, о коихъ я былъ уже предувѣдомленъ. Заключая важность въ сборищѣ помянутыхъ людей, удостовѣрившихъ меня своими пѣснями, я въ то же время взялъ всѣхъ ихъ подъ арестъ, кои оказались: 1-й отставной поручикъ Ибаевъ, 2-й чиновникъ 14 класса Уткинъ, 3-й художникъ Сорокинъ. Съ перваго изъ нихъ, Ибаева, тогда же снято вкратцѣ показаніе, которое онъ, по нетрезвости своей, хотя и написалъ не совсѣмъ связно, но довольно ясно пѣтую имъ пѣсню, а въ показаніи изъяснилъ, что Николай Киндяковъ участвовалъ съ нимъ, почему въ то же время взяты былъ и Киндяковъ, который въ снятомъ съ него показаніи открылъ и еще другихъ лицъ, къ нимъ прикосновенныхъ, и написалъ также другую пѣсню, которая будто бы сочиненія Уткина. Пѣсни сіи въ копіяхъ при семъ представляются. Но какъ, по показанію Киндякова, прочія лица суть слѣдующія:

1. Московскаго университета кандидатъ (Иванъ Афанасьевичъ) Оболенскій.
2. Студентъ изъ грековъ (Николай Степановичъ) Убини.

3. Дѣйствительный студентъ (Аркадій Петровичъ) Машковцевъ.

4. Уволенный изъ вятскаго мѣщанства (Иванъ Михайловичъ)

Масленниковъ.

5. Студентъ Архипъ Огаревъ.

6. Иностранецъ (Николай Петровичъ) Бернгардъ и

7. Отставной 14-го класса Кривскій,—то и они 9 числа ночью также взяты подъ стражу, а всѣ ихъ бумаги, находящіяся въ ихъ квартирахъ, опечатаны и представлены ко мнѣ».

Цынскій добавилъ, что по окончаніи допроса всѣхъ этихъ семи человекъ, показанія ихъ будутъ представлены князю, и что онъ просилъ петербургскаго оберъ-полицмейстера объ арестованіи тамъ «главнаго участника въ семь дѣлъ»—титулярнаго совѣтника (Владимира Игнатьевича) Соколовскаго.

Грамотность полицейскаго, снимавшаго допросы, особенно ясна по записи, сдѣланной имъ, со словъ арестованнаго Киндякова, объ «Архипѣ» Огаревѣ. Это значило, что Н. П. служилъ въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ съ 24 апрѣля 1833 г. состоялъ въ должности актуариуса...

Что же это были за пѣсни? Онѣ приложены къ рапорту Цынскаго и передаются мною, по возможности, полностью.

1 ¹⁾.

За трапезой царской
Комендантъ сидѣлъ,
Съ важностью боярской
Чинно раки ѣлъ.

Фрелина съ тарелки—
Шарикъ ему въ глазъ.
О! когда вы ц...и,
Такъ я ракомъ въ васъ.

2.

Русскій императоръ
Богу духъ вручилъ;
Ему операторъ
Брюхо начинилъ.

Плачетъ государство,
Плачетъ весь народъ,—
Ѣдетъ къ намъ на царство
Костюшка-уродъ.

¹⁾ Первые двѣ пѣсни Цынскій считалъ за одну.

Но царю вселенной,
 Богу вышнихъ силъ,
 Царь Благословенный
 Грамоту вручилъ.

Манифестъ читая,
 Сжалился Творецъ,—
 Далъ намъ Николая,
 Всевышній Отецъ! ¹⁾

3.

Боже! коль силенъ еси,
 Всѣхъ царей въ прахъ мѣси
 И кинь ихъ подъ престоль,—
 Сашеньку, Машеньку, Мишеньку,
 Костеньку и Николиньку,
 Ж...й на коль.

Первая пѣсня неосновательно приписывалась Пушкину, вторая сочинена Соколовскимъ, третья—Уткинымъ.

При пѣніи были, конечно, соотвѣтствующіе разговоры. Невѣрно указаніе П. В. Анненкова, повторенное потомъ другими, что на пирушкѣ былъ разбитъ бюстъ Николая. (Мы еще будемъ имѣть случаи видѣть, какъ Анненковъ,—да и только-ли онъ,—вообще, склоненъ былъ къ сочинительству тамъ, гдѣ, благодаря этому, можно было украсить или просто «связать» рассказъ).

Характерно, что, донося обо всемъ рассказанномъ шефу жандармовъ, Шубинскій восторгался «совершенною осторожностью, дѣятельностью и истинно патріотическимъ усердіемъ» Цынскаго, а Кашинцова считалъ просто образцомъ шпионской службы и добавилъ, что сей камеръ-юнкеръ не желаетъ быть открытымъ въ этомъ дѣлѣ передъ кн. Д. В. Голицынымъ, въ чемъ съ нимъ солидарны и братья Скаретки.

На рапортѣ Цынскаго отъ 10 іюля Голицынъ положилъ резолюцію: «скажу какъ о семъ донести гр. Бенкендорфу а Киндякова обыскать. Убини, Огарева и Бернгарда можно будетъ отдать или родителямъ или отъ нихъ самихъ взять подписку о молчаніи и тебѣ явится по требованію».

12-го іюля Голицынъ сообщилъ Бенкендорфу, что Киндяковъ, Оболенскій, Убини, Бернгардъ и Огаревъ освобождены имъ на поруки родственниковъ съ распиской представить ихъ по первому

¹⁾ Этотъ стихъ пѣли:

Сукинъ сынъ, подлецъ!

требованію и съ подпиской освобожденныхъ «не говорить отнюдь ничего о случившемся съ ними и оставитъ свои сборища». Общее мнѣніе князя было такое: все дѣло создалось на почвѣ нетрезваго поведенія, а отнюдь не преступнаго намѣренія.

Такимъ образомъ, съ 12 до 31 іюля (когда Огаревъ былъ арестованъ вторично и окончательно) Николай Платоновичъ былъ на свободѣ, и Герцену пришлось выдумывать, какъ бы его освободить, только три дня; между тѣмъ, по описанію Герцена, Огаревъ на свободу не выпускался, а по разсказу Пассекъ,—и 19 іюля онъ былъ подъ арестомъ. Чѣмъ объяснить такую забывчивость Герцена (Пассекъ въ счетъ не идетъ)? Если даже предположить, что напуганный подпиской, отецъ Огарева не выпускалъ сына изъ дома (если онъ только въ это время былъ въ Москвѣ), то, во всякомъ случаѣ, друзья нашли бы способъ переписываться и повидаться. Забылъ, очевидно, свое временное освобожденіе даже и самъ Огаревъ, который такъ и не поправилъ Герцена при послѣдующихъ изданіяхъ этой главы... Между тѣмъ, въ промежутокъ 12—30 іюля Огаревъ ѣздилъ въ имѣніе своей сестры А. П. Плаутиной.

16 іюля Шубинскій донесъ Бенкендорфу, что Д. В. Голицынъ пригласилъ его присутствовать на допросахъ у Цынскаго, гдѣ бывають и всѣ московскіе полицмейстеры. «Изъ отобранныхъ показаній наиупорнѣйшій и, какъ видно, злостнѣйшій — сочинитель стиховъ Уткинъ, который есть главною пружиною затѣяннаго ими пѣнія злоумышленныхъ пѣсней, а прочіе, какъ полагають доселѣ можно, завлечены необузданною молодостью и своеволіемъ, въ чемъ они почти всѣ и сознались». Упорство Уткина столь велико, что, «не чувствуя себя способнымъ къ жестокостямъ, но бывъ свидѣтелемъ чрезвычайной томительности въ показаніяхъ Уткина, по важности его преступленія», Шубинскій полагалъ бы «совершенно необходимымъ употребить нѣкоторыя ему угрозы, съ наказаніемъ безъ всякаго сожалѣнія къ столь гнусному предателю»...

17 іюля на квартирѣ Цынскаго происходилъ разборъ бумагъ Огарева. Для этого были приглашены Шубинскій и два полицмейстера. Рѣшено было, что это—«переписка въ конституціонномъ духѣ». Къ такому опредѣленію дали поводъ тѣ мѣста въ письмахъ Герцена, гдѣ онъ говоритъ о Сперанскомъ, сень-симонизмѣ, революціи 1789 года и т. д. (см. №№ 29, 31, 37). Оберъ-полицмейстеру и жандармскому полковнику стали ясны дружескія отношенія Герцена съ Огаревымъ и ихъ полное единомысліе.

Свободомысліе Огарева, помимо тѣхъ мѣстъ, которыя можно было встрѣтить въ его немногихъ письмахъ, было ясно изъ такой странички діалога, найденнаго въ его бумагахъ:

«Докторъ. Кажется, мое искусство уже болѣе не нужно.
 Родственники. Онъ умираетъ. Ахъ, какъ жаль! (*плачутъ*).
 Одинъ изъ нихъ. Да сдѣлалъ ли онъ завѣщаніе?
 Другой. Нѣтъ.
 Третій. Стало, намъ приходится самимъ дѣлиться.
 Всѣ. Какъ бы поскорѣе сдѣлать это дѣльце!
 Умирающій (*приподнимается*).

Презрѣнные! какъ жалки вы,
 Корысти низкіе рабы!
 И люди вы? Гдѣ жъ будущность моя?

Священникъ. Рабъ божій! Прими дары спасенья...
 Умирающій. Я рабъ?! Безумный! прочь! оставь меня!
 О, какъ отравлены послѣднія мгновенья!»

Дружба же съ Герценомъ могла быть запротоколирована еще и благодаря стихотворенію Огарева, взятому при арестѣ (въ изданіе его «Стихотвореній» 1904 г. не вошло):

Другу Герцену.

Прими, товарищъ добрый мой,
 Души мечтающей признанья;
 Съ тобой связалъ я жребій свой,
 Мои и радость и страданья.

Другъ! все мое найдешь здѣсь ты:
 И къ міру лучшему стремленья,
 О небѣ сладкія мечты
 И на землѣ—разувѣренья.

Прочитавъ письма Герцена, Шубинскій и Цынскій обратили вниманіе на упоминавшихся въ нихъ друзей: М. П. Носкова и А. Н. Савича. Оказалось, что первый служилъ въ Спб. помощникомъ контролера при артиллерійскомъ департаментѣ военнаго министерства, а второй уѣхалъ изъ Москвы въ Спб. и отправляется или уже отправился на 6 лѣтъ въ Дерптъ; тамъ его не трогали и даже отказались отъ перлюстрированія писемъ. «Дружескія откровенія Огареву со стороны Герцена обнаруживаются во всѣхъ письмахъ». Въ заключеніе своего рапорта Шубинскій совѣтовалъ назначить для этого дѣла особую комиссію, такъ какъ при массѣ дѣлъ ему и Цынскому оно не по силамъ.

19 іюля Цынскій просилъ Голицына разрѣшить арестовать Герцена, письма котораго, найденныя у Огарева, показали, что писавшаго «необходимо взять подъ арестъ для снятія показанія». При этомъ были приложены выписки изъ писемъ отъ 5 и 19 іюля и 31 августа 1833 г. Резолюція Голицына 22 іюля, послѣ словеснаго

приказанія объ арестѣ: «Переговоримъ. Въ ономъ деле следуетъ толко дознать существуетъ ли какое нибудь общество между сими молодыми людьми, где они хотя неопасные но предпринимають исполнить преступные замыслы или толко сія переписка есть сообщеніе одинъ другому своихъ мыслей на щетъ ихъ чтеніе и предметы ихъ ученіе тогда также обнаруживается ихъ образъ мысли котора согласенъ съ духомъ времени и не можно ихъ въ ономъ обвинять».

21 іюля Бенкендорфъ вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ обо всемъ мною рассказанномъ, приложилъ Николаю I самыя «пѣсни» и предложилъ учредить особую комиссію изъ московскаго коменданта, сенатора и управляющаго дѣлами московскаго округа корпуса жандармовъ полковника Шубинскаго. Николай написалъ на докладѣ: «переговоримъ», а затѣмъ Бенкендорфъ такъ изложилъ высочайшее повелѣніе: «Государь приказалъ назначить комиссію, составленную изъ князей Сергѣя Голицына, какъ попечителя университета, коменданта Шталя (Стааль), моего Голицына (т.-е. камергера Александра Ѳедоровича, состоявшаго при государѣ по III Отдѣленію) и полковника Шубинскаго. Написать объ изложенномъ кн. Д. В. Голицыну, дабы далъ нужные приказанія Цынскому для здачи всехъ бумагъ и лицъ до сего дѣла принадлежащихъ» (архивъ III Отд., всепод. доклады 1834 г., № 68, I).

Вотъ пока та фаза дѣла, которая предшествовала аресту самого Герцена.

2. Несмотря на тщательность продолжительныхъ изслѣдованій, мнѣ не удалось точно установить, кто именно указанъ подъ буквой В. Данныя Герцена таковы, что прежде всего приходится искать такое лицо среди подчиненныхъ московскаго ген.-губернатора. Изъ нихъ единственный подходящий—совѣтникъ московскаго губернскаго правленія *камеръ-юнкеръ* Александръ Николаевичъ Васильчиковъ. Онъ родился въ 1800 г. и такимъ образомъ удовлетворяетъ и другому указанію—«былъ лѣтъ десять старше насъ»; погребенъ на кладбищѣ Спасо-Андроніева монастыря, близъ Воронцова поля и «страшно далеко» отъ Сивцева Вражка, гдѣ жилъ Герценъ; если предполагать, что, слѣдуя старому обычаю, мѣсто погребенія избиралось въ районѣ постоянного жительства, то надо думать, что Васильчиковъ могъ имѣть и дачу за Воронцовскимъ полемъ (умеръ въ іюль 1877 г.). Однако, ни въ одномъ изъ списковъ лицъ, такъ или иначе прикосновенныхъ къ декабристамъ, Васильчиковъ не значится. Есть еще данная за правдоподобность моего предположенія—это смерть В. послѣ смерти Герцена, почему послѣдній, изъ чувства деликатности, такъ и не открылъ его фамилію полностью.

Какъ видно изъ фѳормулярнаго списка, Васильчиковъ служилъ въ Измайловскомъ полку; въ мартѣ 1826 г. былъ назначенъ адъютантомъ къ ген.-ад. Балашову; съ октября 1829 г. по ноябрь 1831 г. былъ въ отставкѣ и тогда переименованъ въ надворные совѣтники; камеръ-юнкерское званіе получилъ въ 1834 г. (архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло деп. полиціи исполнит. 1836 г. № 147).

3. Изъ приложенной къ слѣдственному дѣлу коротенькой французской записки М. Ѳ. Орлова видно, что приглашеніе дѣлалось на вторникъ («mardi»), т.-е. именно на 10 іюля, когда утромъ Герценъ и узналъ объ арестѣ друга, бывшемъ въ ночь съ 9-го на 10-е число.

4. О встрѣчѣ Герцена съ Наталіей Александровной 20 іюля рассказываетъ Т. П. Пассекъ. «19 іюля вся Москва ѣхала на скачку и гулянье на Ходынское поле... Отправился туда и Саша... Занимала ли его скачка, можетъ судить всякій. Онъ стоялъ одиноко и смотрѣлъ на толпу.... Онъ молилъ Бога ни съ кѣмъ не встрѣтиться, отворачивался и вдругъ увидалъ въ каретѣ Марью Степановну и Наташу. Онѣ звали его. Когда онъ подошелъ, Наташа съ участіемъ сказала ему въ полголоса: «что вашъ другъ?». Саша былъ радъ, что его видимое разстройство духа она отнесла къ безпокойству о Никѣ, и сочувственно взглянулъ на нее... Скачка кончилась. Они шли пѣшкомъ къ кладбищу» (т. I, 28—30). Разсказъ продолжается и текстуально, въ формѣ діалога, передаетъ разговоръ молодыхъ людей, но я не рѣшаюсь заимствовать изъ него больше взятаго, такъ какъ совершенно не увѣренъ въ вѣрности передаваемого. Во всякомъ случаѣ, тогда же Герценъ не могъ передать этого своей «корчевской кузинѣ», а потомъ, спустя много лѣтъ, едва ли передалъ.. Сама Н. А.—на такъ вспоминала объ этомъ днѣ два года спустя: «Что было съ тобой, ангель мой, 20 числа? Каждая минута, проведенная съ тобою два года тому назадъ въ этотъ день, приходила мнѣ на умъ, каждое слово твое горѣло на сердцѣ,—и такъ все живо! Помнишь, ты сидѣлъ со мною въ каретѣ у насъ? Какъ прежде проходилъ мимо, какъ всѣ вмѣстѣ бродили по могиламъ, потомъ, какъ незамѣтно мы отдѣлились отъ толпы. Ахъ! помню, помню, тогда исчезло для меня все, тогда я видѣла и слышала брата моего Александра и его любимую колокольню. Разставшись, долго глядѣла на тебя, долго прислушивалась къ стуку копытъ, которая увозили отъ меня такъ далеко, такъ надолго все, чѣмъ ты жила, чѣмъ дышала!» (т. VII, стр. 117).

22 августа 1834 г. Н. А.—на писала своей подругѣ Александрѣ Григорьевнѣ Кліентовой: «Третьяю дня былъ ровно мѣсяцъ, какъ мы съ нимъ были на скачкѣ; помнишь ли ты, какъ мы

ходили по кладбищу? Думала ли я, что это въ послѣдній разъ, что я разстанусь съ нимъ такъ надолго... И Александръ былъ что-то скучень... А какъ, простясь съ грустнымъ кладбищемъ, шли мы по полю къ заставѣ, горестъ, ужасная горестъ изображалась въ чертахъ Александра, даже въ голосѣ его я замѣтила перемену: томно и отрывисто рассказывалъ онъ, какъ отняли у него друга... У заставы мы простились, мнѣ что-то грустно было разстаться съ нимъ; пока кареты наши ѣхали рядомъ, я смотрѣла на него, потомъ они поскакали впередъ, я посмотрѣла имъ взадъ, какъ будто простилась, и слышала только одинъ грустный шумъ ихняго экипажа. Такъ, Саша, въ послѣдній разъ я видѣла моего брата, въ послѣдній разъ я слушала нашего соловья, въ послѣдній разъ глядѣла на нашего ненагляднаго! *Сегодня* ровно мѣсяць, какъ его отняли у друзей» («Рус. Старина» 1892, III, 780—781).

Я нарочно подчеркнулъ указанія на день прогулки въ воспоминаніяхъ Пассекъ и въ письмахъ Н. А.—ны, чтобы показать, какъ неточно устанавливается этотъ день и самимъ Герценомъ, и Н. А.—ной (то прямо указывающей—20-е, то косвенно—21-е), и Пассекъ; если сюда прибавить еще указанія Е. С. Некрасовой, на одной и той же страницѣ называвшей и 20-е, и 21-е, и 22-е числа,—то получилась бы полная невозможность точно установить день свиданія съ Н. А.—ной на скачкахъ и кладбищѣ и день ареста. Даныя архива III Отдѣленія разрѣшаютъ всѣ эти вопросы безспорно: на скачкахъ были 20-го, арестованъ Герценъ утромъ 21-го.

5. 21 іюля, въ день ареста Герцена, Шубинскій доноситъ Бенкендорфу, что когда Д. В. Голицынъ вернулся изъ деревни, Цынскій доложилъ ему о впечатлѣннн, произведенномъ на нихъ просмотромъ бумагъ Огарева, и получилъ приказаніе арестовать Герцена и вмѣстѣ съ тѣмъ немедленно учредить подъ наблюденіемъ Цынскаго формальную слѣдственную комиссію изъ полковника кн. Ив. Фед. Голицына, состоявшаго при генераль-губернаторѣ въ должности чиновника для особыхъ порученій, полицмейстера Микулина, его, Шубинскаго, и оберъ-аудитора Оранскаго. Полковникъ спрашивалъ своего шефа, входитъ ли ему въ эту комиссію, еще не зная (и не имѣя для того возможности) о всеподданнѣйшемъ докладѣ Бенкендорфа въ тотъ же день, 21 іюля.

По разсказу Шубинскаго (рапортъ отъ 23 іюля), Герценъ при арестѣ сказалъ: «Огаревъ взятъ подѣ стражу, то и я ожидалъ сего же». Это можетъ служить косвеннымъ указаніемъ, что Герцену не было извѣстно объ освобожденіи друга.

22 іюля происходилъ осмотръ бумагъ Герцена, 24-го, въ первый день работы комиссіи Цынскаго, ему дѣлался первый допросъ.

6. Шубинській сообщалъ Бенкендорфу, что 7-го августа квартальный поручикъ Борзовъ сопровождалъ Герцена съ допроса изъ комиссіи обратно въ часть и завелъ его по дорогѣ къ отцу. «Люди Яковлева, выбѣжавъ на улицу, толпою цѣловали кто руки, иные же плечи, а въ самыхъ воротахъ встрѣтилъ его и старикъ Яковлевъ со слезами»... Полицейскаго отдали подъ судъ.

Первые дни И. А. Яковлевъ скрывалъ объ арестѣ сына. Пасекъ, со словъ Т. А. Астраковой, рассказываетъ, что когда Н. И. Астраковъ узналъ все отъ квартальнаго Яворовскаго, бывшаго «на ловлѣ», и отправился въ домъ Герцена, то на вопросъ, дома ли А. И., слуга отвѣчалъ: «дома нѣтъ, куда-то вышли». Придя вторично, Астраковъ услышалъ тотъ же отвѣтъ (т. II, 79).

7. Д. М. Погодинъ говоритъ: «ходили слухи, что къ первой женѣ Лужина Ховриной былъ равнодушенъ знаменитый Герценъ, но въ то время Лужинъ уже былъ женатъ вторично на Орловой-Денисовой» («Истор. Вѣстникъ» 1892, IV, 39). Здѣсь сплошная путаница. Повидимому, рѣчь идетъ о Марьѣ Дмитриевнѣ Ховриной, не женѣ, а сестрѣ преемника Цынскаго, И. Д. Лужина; она жила въ домѣ оберъ-полицмейстера и имѣла дочь Александру Николаевну Ховрину, въ 1848 г. вышедшую за Бахметева, брата жены того Кашинцова, который такъ отличился въ дѣлѣ друзей 1834 года. Ховрина собирала у себя небольшое интеллигентное общество Москвы, которое отходило отъ нея, по мѣрѣ роста нелестной «популярности» ея брата. Вторично, съ 1856 г. Лужинъ былъ женатъ на Шидловской. Говорить о «равнодушіи» Герцена врядъ ли возможно—объ этомъ нѣтъ ни одного слѣда ни у него, ни въ литературѣ о немъ.

8. Зданіе было не монастыремъ, а архіерейскимъ дворомъ, названнымъ Крутицами основателемъ его москов. княземъ Даниломъ Александровичемъ по весьма крутому берегу Москвы-рѣки въ томъ мѣстѣ. Внутри каменной ограды стоялъ старинный домъ, построенный въ 1682—1688 гг. митрополитомъ Варсонофіемъ: теплые коридоры, маленькія окна, тѣснота, неудобство расположенія. Въ серединѣ XVIII ст. тамъ помѣщалась семинарія, а съ воцареніемъ Николая I архіерейскій домъ и прочія службы обращены были въ казармы для жандармскаго баталіона, преобразованнаго изъ команды бывшихъ полицейскихъ драгунъ («Москва, или историческій путеводитель etc.», М., 1831, ч. IV, 11—12).

9. Курьезно, что во время заключенія въ Крутицахъ государственный преступникъ Герценъ былъ произведенъ въ титулярные совѣтники со старшинствомъ съ 25 декабря 1833 года («Дѣло Прав.

сената по деп. герольдіи 1841 г., № 230 и архивъ III Отд. «слѣдственное дѣло etc.»).

10. Основательное изученіе дѣлъ архива III Отдѣленія не подтверждаетъ сказаннаго Герценомъ, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ тѣмъ, кого можно покрыть словами «мы», «насъ», «намъ». Герценъ и его друзья попались, дѣйствительно, случайно, одинъ за другимъ.

11. Изъ сказаннаго мною раньше видно, что пирушка происходила 8 іюля, а не 24 іюня.

12. Текстъ стихотворенія отличается отъ приведеннаго мною въ комментарий.

13. См. сказанное въ комментарий 1-мъ.

14. Ходъ арестовъ и ихъ послѣдовательность изложены невѣрно; см. сказанное мною раньше.

15. Подъ каждымъ отвѣтомъ Герцена, Огарева и др., дѣлаемъ ими на всѣхъ допросахъ слѣдственной комиссіи, неизмѣнно писалось: «увѣщеваль Ржевской церкви, что близъ Пречистенскихъ воротъ, священникъ Георгій Васильевъ Соколовъ».

Теперь продолжу свой краткій документальный разсказъ о ходѣ слѣдствія.

Соколовскій былъ арестованъ въ Спб. 19 или 20 іюля и находился тамъ до конца іюля, а 3 августа привезенъ въ Москву. Въ квартирѣ его и въ его карманѣ найдены и отобраны слѣдующія бумаги: изорванныя черновыя его сочиненій, «тетради о нравахъ монгольскаго народа», «катехизисъ на монгольскомъ языкѣ», переписка съ родными и знакомыми, черновой проектъ о составленіи историко-біографическаго словаря, восемь листочковъ съ подписями: в. кн. Михаила Павловича, военнаго министра гр. Чернышева, министра финансовъ гр. Канкринъ, министра юстиціи Дашкова, министра внутр. дѣлъ Блудова, кн. Д. В. Голицына, Спб. военнаго ген.-губ. гр. Эссена, адмирала Рожнова, Клейнмихеля, ген.-ад. Мартынова и Башуцкаго, д. ст. сов. Кайсарова, Спб. гражд. губернатора Храповицкаго и тайн. сов. Дубенскаго. Изъ памятной записки Бенкендорфа узнаемъ, что Соколовскій служилъ въ Сибири и долженъ былъ поступить въ канцелярію ген.-губ. Эссена; факсимиле бралъ у правителя его Оводова; хотѣлъ составить сочиненіе для наслѣдника.

Носковъ, назвалъ себя при арестѣ пріятелемъ Герцена, но, по указанію его начальника ген.-лейт. Эйлера, «поведенія и службы прекрасныхъ». Послѣ допроса его сейчасъ же освободили и въ августѣ даже дали разрѣшеніе для проѣзда въ Москву на 28 дней на свадьбу сестры; помощникъ Бенкендорфа Мордвиновъ даже на-

шелъ ненужнымъ учреждать тамъ за нимъ надзоръ—«все равно никого уже не увидить».

1 августа Шубинскій увѣдомилъ Бенкендорфа, что всѣ, кромѣ Бернгарда, больного горячкою, опрошены и сознались, что пѣли возмутительныя пѣсни; «болѣе всѣхъ изъ содержащихся подъ арестомъ лицъ обращаютъ на себя вниманіе Огаревъ, Герценъ и послѣдователь ихъ Оболенскій, ибо въ отобранныхъ у первыхъ двухъ бумагахъ оказываются нѣкоторыя сочиненія и письма, кои подають поводъ заключать о какомъ-то намѣреніи ихъ». Тогда же Шубинскій нашель нужнымъ замѣтить, что «сколь тайно ни исполнялись сіи и прежнія, до учрежденія комиссіи, дѣйствія въ разсужденіи означенныхъ лицъ, многіе, однакожь, нѣкоторымъ образомъ постигаютъ уже причину взятія ихъ подъ стражу; но за всѣмъ тѣмъ таковыя догадки, сколько можно замѣтить, по отголоскамъ на сей предметъ, передающимся въ публикѣ, непріятнаго впечатлѣнія не производятъ».

31 іюля гр. Бенкендорфъ писалъ кн. С. М. Голицыну, что «въ недавнемъ времени арестовано въ Москвѣ нѣсколько молодыхъ людей, изблеченныхъ въ пѣни пасквильныхъ стиховъ». (При перечисленіи ихъ Герценъ названъ «Герцелемъ»). «Главнѣйшимъ же виновникомъ въ семъ дѣлѣ оказывается титул. сов. Соколовскій, находившійся въ Ст.-Петербургѣ и отправленный уже подъ арестомъ въ Москву». «По доведеніи о семъ до высочайшаго свѣдѣнія Е. В. высочайше повелѣтъ соизволилъ, для изслѣдованія поступковъ вышепоименованныхъ и прикосновенныхъ къ сему дѣлу лицъ учредить особую слѣдственную комиссію изъ вашего сіятельства, г. московскаго коменданта ген.-лейт. Стаала, состоящаго при его величествѣ по 3-му Отдѣленію С. Е. В. канцеляріи, камергера кн. Голицына и полковника корпуса жандармовъ Шубинскаго».

Прежде, чѣмъ говорить о дѣйствіяхъ этой второй комиссіи, скажу нѣсколько словъ о ея предсѣдателѣ и членахъ.

Кн. С. М. Голицынъ, называемый Герценомъ, въ отличіе отъ другого «senior», былъ представителемъ стараго русскаго барства, чванства и тупости. Угодить царю—единственное желаніе этого ничтожнаго царедворца.

Другому Голицыну, А. Ѳ., «junior», пришлось быть инквизиторомъ не только въ этомъ дѣлѣ. Достойный своего брата, И. Ѳ., прославившагося сказочнымъ инквизиторствомъ надъ подозрѣвавшимися въ московскихъ пожарахъ, онъ былъ сначала, при Константинѣ Павловичѣ начальникомъ всей полиціи въ Варшавѣ и имѣлъ въ числѣ своихъ обязанностей слѣдить и за самимъ великимъ княземъ... Когда послѣдній умеръ, Бенкендорфъ выдвинулъ «старатель-

наго и исполнительнаго» Голицына на постъ статсъ-секретаря у принятія прошеній, каковой и занимался имъ около тридцати лѣтъ. И всякій разъ, какъ только Николаю I или Александру II нужно было придать какому-нибудь политическому дѣлу беззаконный ходъ, предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи назначался Голицынъ, всегда оправдывавшій возлагавшіяся на него надежды ¹⁾.

К. Г. Стааль былъ единственнымъ порядочнымъ человѣкомъ изъ всей комиссіи, но, конечно, не имѣлъ возможности бороться съ нею и даже не всегда оказывалъ достаточное пассивное сопротивленіе. Указаніе Герцена на его систематическое отсутствіе въ комиссіи опровергается ея протоколами.

9 августа всѣ члены комиссіи собрались у С. Голицына на предварительное засѣданіе; прежде всего было рѣшено имѣть при производствѣ дѣла оберъ-аудитора Оранскаго, знающаго все дѣло по состоянію своему въ комиссіи, учрежденной раньше того московскимъ ген.-губернаторомъ подъ предсѣдательствомъ Цынскаго. Что касается самихъ привлеченныхъ къ дѣлу, то постановлено просить ген.-губернатора, содержа пока арестованныхъ по частнымъ (полицейскимъ) домамъ,—«о предписаніи кому слѣдуетъ, дабы въ содержаніи всѣхъ ихъ соблюдалась примѣрная строгость, дабы отнюдь не были они допускаемы къ свиданію или перепискѣ съ кѣмъ-либо иначе, какъ черезъ комиссію».

Въ предварительной «запискѣ» второй комиссіи всѣ привлеченные къ дѣлу были раздѣлены на три разряда. Въ первомъ стояли Уткинъ, Соколовскій, Левъ Константиновичъ Ибаевъ, Герценъ, Огаревъ, Оболенскій, Николай Киндяковъ и Егоръ Машковцевъ; во второмъ—Михаилъ Федоровичъ Сорокинъ, Николай Убини, и Иванъ Масленниковъ; въ третьемъ—Бернгардъ, Аркадій Машковцевъ (14-ти лѣтъ, братъ Егора), Сергѣй Кривскій и свободный художникъ Петръ Готье.

Вотъ характеристики нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Соколовскій—«приверженный пьянству, достаточнаго ума, но вѣтранный. Онъ сочинилъ уставъ литературнаго общества подъ названіемъ Красноярскаго и имѣлъ у себя снятые имъ самимъ по черки подписей Его императорскаго величества... Сильно подозрѣвается, по показаніямъ прочихъ, въ сочиненіи дерзкой пѣсни на кончину въ бозѣ почивающаго Государя Императора Александра Павловича, въ пѣннѣ которой сознался. Сверхъ того, 23-го декабря 1833 года съ студентомъ Огаревымъ были замѣчены на подѣздѣ

¹⁾ Очень интересныя подробности о немъ на стр. 142—144 и 149—150 «Листка», издававшася кн. П. В. Долгоруковымъ въ 1862 г., въ Брюсселѣ.

Малаго театра, въ Москвѣ, весьма въ нетрезвомъ видѣ, пѣвшими французскую арію: «Allons, enfants de la patrie» и потомъ въ самомъ театрѣ, сидя въ креслахъ, имѣли между собою неблагопристойный разговоръ, въ которомъ весьма часто выражались непотребными словами».

Герценъ—«молодой человекъ, пылкаго ума и хотя въ пѣніи пѣсенъ не обнаруживается, но изъ переписки его съ Огаревымъ видно, что онъ смѣлый вольнодумецъ, весьма опасный для общества».

Огаревъ—«сознался въ пѣніи дерзкихъ пѣсенъ, будучи въ пьяномъ образѣ; былъ знакомъ съ Соколовскимъ и со всѣми пѣвшими дерзкіе стихи, велъ съ титулярнымъ совѣтникомъ Герценомъ переписку, наполненную свободомысліемъ; въ показаніяхъ своихъ замѣченъ упорнымъ и скрытнымъ фанатикомъ».

Оболенскій—«грубый подражатель Огареву и Герцену въ свободомысліи, имѣлъ короткое знакомство съ Соколовскимъ и, хотя не изобличается въ пѣніи дерзкихъ пѣсней, но сознается, что слыхалъ, когда оныя были пѣты Соколовскимъ и (Алексѣемъ Васильевичемъ) Уткинымъ».

Изъ рапорта Цынскаго отъ 13 августа видно, что у Герцена было отобрано 54 нумера разныхъ бумагъ, у Огарева—28 нумеровъ и у него же и Оболенскаго, во время содержанія ихъ подъ арестомъ, перехвачено 8 нумеровъ; кромѣ того, былъ еще тюкъ бумагъ, отобранныхъ у Огарева, но пока въ подробности не разсмотрѣнныхъ, и портфель съ бумагами Герцена.

Первый допросъ былъ сдѣланъ 16 августа одному Соколовскому. 20 августа допрошенъ Огаревъ. Вотъ предложенные ему «вопросные пункты» и его отвѣты.

1. *Вопросъ.* Титулярный сов. Александръ Герценъ, въ письмѣ къ вамъ отъ 31 августа 1831 г. пишетъ, что вѣкъ анализа и разрушеній, начавшійся реформаціею, окончился революціею; что Франція выразила его полноту; но что въ ней не можетъ начаться новое огромное зданіе обновленія, а въ Германіи, въ странѣ чистыхъ тевтоновъ, и что хотя поверхностные люди дивятся, что Германія не принимаетъ ярко нынѣшнее направленіе, но что такое нынѣшнее направленіе? Контрактъ между господиномъ и слугою, но не нужно ни господина, ни слуги». Далѣе Герценъ говоритъ: «я останавливаюсь, ты понимаешь мою мысль, я ее обработаю въ статьѣ для друзей».—Объясните, что вы понимаете объ упоминаемомъ Герценомъ вѣкѣ разрушеній; чѣмъ Франція выразила полноту его; что заключаютъ въ себѣ слова объ обновленіи, могущемъ быть въ Германіи, и къ чему относится выраженіе его: «контрактъ между господиномъ и слугою, но не нужно ни господина, ни слуги»?

Отвѣтъ. «Письмо сіе отъ г. Герцена я понимаю слѣдующимъ образомъ. Въ началѣ христіанской эпохи католицизмъ соединилъ подъ одну идею всѣ государства европейскія; всѣ народы жили подъ единою волею папы; всѣ умы имѣли одно направленіе, господствовала вездѣ одна вѣра, одно начало развивалось повсюду. Реформація впервые потрясла вѣру разборомъ, анализомъ,—гдѣ разбирали, тамъ уже не могли вѣрить. Посему-то въ письмѣ г. Герцена реформація отнесена къ вѣку аналитическому, разрушительному. Таковое направленіе умовъ, гдѣ господствовали разборъ и критика, болѣе и болѣе потрясало зданіе общественное, и, наконецъ, революція французская оное разрушила; мѣсто централизаціи іерархической заступила республика, анархія или конституціонное правленіе, которое представляетъ только видимое сліяніе трехъ элементовъ общества, т.-е. аристократіи, народа и власти государя, но на самомъ дѣлѣ мѣшаетъ каждой изъ частей общества итти путемъ улучшенія. А сей-то путь улучшенія, совершенствованія есть то, что въ помянутомъ письмѣ названо нынѣшнимъ направленіемъ. Дѣйствительно, разрушенные элементы жизни гражданской требуютъ обновленія. Обновленіе же сіе, по моему мнѣнію, должно состоять въ уничтоженіи эгоизма, поселившагося во всѣхъ разрядахъ гражданскаго общества отъ вліянія революціоннаго анализа. Даже эгоизмъ націй долженъ бы кончиться, и мѣсто вражды заступятъ миръ и любовь. Какъ въ порядкѣ историческомъ человѣкъ свое себялюбіе уничтожилъ въ семействѣ, семейство—въ націи; такъ, какъ любовь къ семейству одержала верхъ надъ любовью къ самому себѣ, любовь къ отечеству, къ націи надъ любовью къ семейству, такъ нація должна уничтожиться въ человѣчествѣ; всѣ народы должны соединиться въ одно цѣлое—человѣчество. Въ такомъ состояніи, дѣйствительно, нѣтъ ни господина, ни слуги, въ томъ смыслѣ, какъ нынѣ это понимается, то-есть нѣтъ ни покорителя, ни покоряющагося, но въ семъ состояніи общаго соединенія человѣчества всегда найдется человѣкъ, волею провидѣнія предназначенный освѣщать людямъ путь ихъ къ совершенствованію, вести ихъ выше и выше на ступени, провидѣніемъ предначертанія. Такой человѣкъ будетъ центромъ всего человѣчества; таковое же состояніе человѣчества есть, можетъ быть, сказанное во святомъ Евангеліи въ слѣдующихъ словахъ: *и будетъ едино стадо и единъ пастырь.*

«Что же касается до упомянутаго въ письмѣ г. Герцена о Германіи, то я понимаю это такимъ образомъ, что Германія по чистотѣ своихъ нравовъ болѣе способна къ принятію вышесказанныхъ мыслей, нежели Франція, гдѣ наиболѣе господствуетъ эгоизмъ,

воспращающей людямъ жить соединенно въ совершенномъ мирѣ и любви».

2. В. Въ другомъ письмѣ, отъ 19 іюля, Герценъ также пишетъ къ вамъ *объ обновленіи* сими словами: «Ты правъ,—Saint-Simonisme имѣетъ право насъ занять. Мы чувствуемъ (я тебѣ писалъ это года два тому назадъ, и писалъ оригинально), что міръ ждетъ обновленія, что революція 89 года ломала—и только; но надобно создать новое палингенезическое время, надобно другія основанія положить обществамъ Европы: болѣе права, болѣе нравственности, болѣе просвѣщенія. Вотъ опытъ—это S.-Sim. Я не говорю о нынѣшнемъ упадкѣ его,—таковымъ я называю его религіозную форму. Мистицизмъ увлекаетъ всегда сотую идею. Есть еще *Système d'association par Fourier*. Ее ты прочтешь въ «*Revue Encyclopédique*» за февраль 1832.... Ты, Вадимъ и я, мы составляемъ одно цѣлое; будемъ же жить чисто-умственной жизнью, науки (ты понимаешь, что я говорю въ обширномъ смыслѣ), науки пусть займутъ всю жизнь».—Объясните противу сего въ подробности, что означаютъ всѣ выраженія Герцена и въ особенности о революціи 89 года, о упоминаемыхъ обществахъ Европы; словомъ, поясните весь смыслъ письма Герцена и кого онъ называетъ Вадимомъ, и что разумѣетъ онъ подъ словами «одно цѣлое», которое вы составляете; гдѣ проживаетъ лицо, называемое Вадимомъ, не находится ли въ службѣ, какихъ лѣтъ и какой имѣетъ образъ мыслей?

О. «Saint-Simonisme есть ученіе Сенъ-Симона, въ которомъ изложена та мысль, что Европѣ недостаточно теперешняго устройства и что для нея необходимо обновленіе; о семъ я писалъ къ г. Герцену, вѣроятно, послѣ чтенія о семъ предметѣ въ какомъ-либо журналѣ; онъ съ симъ согласенъ и полагаетъ, что революція 89 года не иное что сдѣлала, какъ разрушила старое, не построивъ, не создавъ ничего на мѣсто онаго, между тѣмъ, какъ государства европейскія (что въ письмѣ г. Герцена разумѣется подъ обществами Европы) требуютъ замѣну уничтоженному. Системы Фурье я не помню и не помню даже, читалъ ли даже ее или нѣтъ.—Я, г. Герценъ и Вадимъ Пассекъ занимались науками вмѣстѣ, стараясь помогать, объяснять другъ другу непонятное, рассказывать другъ другу, что каждый читалъ, и такимъ образомъ старались болѣе и болѣе постигать обширный кругъ наукъ. Подъ словами «одно цѣлое» разумѣетъ г. Герценъ тѣсную связь нашихъ умственныхъ занятій. Гдѣ теперь г. Пассекъ, я отвѣчать не могу, ибо еще до моего ареста давно съ нимъ не видался. Лѣта его мнѣ неизвѣстны; чинъ—титулярный совѣтникъ; занятія и мысли его наиболѣе сосредоточены на предметы древней русской исторіи».

3. *В.* Въ числѣ знакомыхъ вашихъ находятся Носковъ и Савичъ. Скажите, кто они?

О. «Носковъ—сынъ дѣйств. ст. сов. Носкова, служить гдѣ-то въ Петербургѣ, кандидатъ московскаго университета. Савичъ проживалъ у кн. Андрея Петровича Оболенскаго, теперь же въ Дерптѣ, при мѣстѣ».

4. *В.* Какого вы мнѣнія о письмѣ Герцена, писанномъ 7 или 8 августа и при семъ оказываемомъ, въ которомъ онъ передаетъ вамъ свои понятія и свое мнѣніе о христіанской религіи; изъясните весь смыслъ письма сего и въ особенности слова, до сень-симонистовъ относящіяся, и какого успѣха ожидаете вы отъ людей сего рода?

О. «Съ мнѣніями, изложенными въ семъ письмѣ г. Герценомъ касательно христіанской религіи, я согласенъ и самъ почитаю христіанскую религію, какъ высочайшее божественное откровеніе, величайшую эпоху въ жизни человѣчества. Сень-симонизмъ мнѣ кажется попыткою продолжить ученіе христіанское, возвратить умы къ вѣрѣ, которую они въ себѣ уничтожили гибельнымъ анализомъ. Ожидаю же я отъ людей такового рода большого усовершенствованія».

5. *В.* Что означаетъ смыслъ письма вашего друга, называющаго себя Вадимомъ, который, упрекая, что вы грустно замечались, отрѣшили себя рѣзко и легко отъ всего, что называется обществомъ, совѣтуетъ вамъ оставить по себѣ слѣдъ, проявить свой міръ, который будетъ прозраченъ, и въ коемъ не одна душа, взволнованная имъ, въ восторгѣ сладостномъ потонетъ?»

О. «Письмо сіе отъ Вадима Пассека, вѣроятно, писано отвѣтомъ на какое-нибудь изъ моихъ писемъ, которое я не помню; вѣроятно, я въ ономъ замечтался, забывъ о мірѣ дѣйствительномъ (что г. Пассекъ называетъ «отрѣшиться отъ всего, что называется обществомъ»), и онъ совѣтуетъ въ этомъ расположеніи духа приняться за какое-либо поэтическое сочиненіе».

6. *В.* Кто такой Кольрейфъ, о которомъ писалъ къ вамъ 2 апрѣля сего года гр. Колокольцевъ; давно ли вы знакомы съ симъ Кольрейфомъ, какое принимаете въ немъ участіе и гдѣ онъ находится; кто самъ Колокольцевъ, не родственникъ ли вамъ или близко знакомый?

О. «Кольрейфъ—сынъ пастора Кольрейфа и, будучи разжалованъ въ солдаты, сосланъ въ Оренбургъ, гдѣ жила двоюродная сестра моя и родная сестра Григорія Колокольцева. Колокольцевъ—мой двоюродный братъ, служившій въ корпусѣ жандармовъ; вѣроятно, я просилъ его узнать отъ сестры, что случилось съ Кольрейфомъ, и онъ по сему случаю мнѣ пишетъ».

7. В. О какой тайнѣ писали вы къ Герцену, какъ упоминаеть сіе въ оказываемомъ при семъ письмѣ Сатинъ, и упрекаетъ, что въ тайну вашу онъ не удостоился быть посвященнымъ, и что вы и Герценъ почли его слишкомъ мелкимъ, чтобы онъ могъ понять возвышенность вашего совѣщанія?

О. «Писаль я къ г. Герцену о моемъ состояніи, которое въ то время было совершенно поэтическое, восторженное, прося письма сего никому не показывать, т.-е. держать въ тайнѣ. Тайна же сія состояла именно въ томъ, что я не хотѣлъ, чтобы кто-либо, кромѣ г. Герцена, зналъ о моемъ состояніи и о стихахъ, которые я въ семъ письмѣ писалъ, но которыхъ теперь не помню. Кажется, впоследствии я собирался ихъ печатать, но остался ли у меня экземпляръ оныхъ, не знаю. Г. Сатинъ счелъ себя обиженнымъ,—за сіе отвѣчать не могу».

8. В. За что упрекаетъ васъ другъ вашъ Александръ С.... (наименуйте фамилію его) въ письмѣ изъ Москвы отъ 2 августа, выражаясь сими словами: «Мнѣ кажется, что ты—какая-то упрямая статуя, изъ которой нельзя никакого звука выколотить. Я колотилъ, кажется, тебя всѣми умственными дубичами, и ты остаешься безмолвнымъ, какъ... Гарпократъ!... Я употреблялъ все! все! риторическія фігуры, все роды возбужденія: возбуждалъ въ тебѣ и страхъ, и горестъ, и соболѣзнованіе, и гнѣвъ—все! все! и все это на тебя не подѣйствовало»,—а также поясните содержаніе стиховъ, переданныхъ вами Герцену, о коихъ сей Александръ С.... упоминаеть и которые хвалить?

О. «Александръ С... долженъ быть Александръ Сухово-Кобылинъ, мальчикъ лѣтъ 15-ти, съ которымъ я познакомился на университетскихъ лекціяхъ; упрекаетъ, вѣроятно, за то, что къ нему не пишу. Стиховъ же тѣхъ я не помню; вѣроятно, дѣло идетъ о какихъ-нибудь изъ моихъ стиховъ».

9. В. Кто сочинялъ найденные въ бумагахъ вашихъ и при семъ оказываемые стихи на польскомъ діалектѣ; сами вы или сообщены вамъ и кѣмъ именно; и ежели вы знаете польскій языкъ, то напишите содержаніе стиховъ?

О. «Стихи сіи получилъ я отъ г. Ежовскаго, бывшаго лекторомъ греческаго языка въ московскомъ университетѣ и обучавшаго меня латинскому языку. Содержаніе оныхъ, по незнанію твердо польскаго языка, объяснить не могу».

10. В. Въ письмѣ къ вамъ отъ 28 іюля 1833 за № 14 Сатинъ, между прочимъ, пишетъ слѣдующее: «прости мнѣ, я не могу писать къ тебѣ теперь много, ибо я весь разстроень, растерзанъ; писалъ сейчасъ весьма длинное, беспорядочное письмо къ Герцену, и еще

не утихли сильныя волненія души моей»,—и въ томъ же письмѣ сказано слѣдующее: «я писалъ къ тебѣ, пріѣхавши въ деревню; весьма сожалѣю и даже нѣсколько опасаясь, чтобы оно не пропало: тамъ была довольно подробная исторія Почеки и еще кое-что, о чемъ поговоримъ при свиданіи».—Объясните, получили ли вы то письмо, въ которомъ описываетъ Сатинъ исторію Почеки, и въ чемъ она заключается, а также, не читали ли вы упоминаемаго письма его къ Герцену; что въ немъ было писано, что столь сильно потрясло душу его, кто Почека и какой имѣетъ образъ мыслей?

О. «Что г. Сатинъ разумѣетъ о своемъ волненіи и что за письмо онъ писалъ къ Герцену, не знаю. Исторія же Почеки состоитъ въ слухахъ, которые носились о томъ, будто бы Почека обезчестилъ дочь одного почтеннаго человѣка, музыканта г. Гебеля, который даетъ уроки на фортепіано, и что сія дѣвица послѣ сего умерла, будто бы, отъ отравы, Почекою ей данной. Но сіи слухи, кажется, несправедливы; Почека былъ студентомъ въ московскомъ университетѣ, я послѣ сего съ нимъ не знакомъ».

11. В. Содержась подъ арестомъ, Вы писали письмо къ г. Оболенскому и по прочемъ сказали: «Сегодня я чувствую себя спокойнѣе. Я могъ подумать о своей «Системѣ»,—Объясните съ чистосердечіемъ, какую разумѣли вы систему?

О. «Слова, здѣсь приводимыя, были писаны не къ г. Оболенскому, но такъ, ибо я имѣлъ бумагу и чернила, ибо я хотѣлъ наблюдать за всѣми психологическими измѣненіями, во мнѣ происходящими. Система, о которой я здѣсь понимаю, есть система философическая, которую объяснить весьма трудно, тѣмъ болѣе, что въ головѣ моей она еще не докончена. Основаніе же оной заключалось въ томъ, что существо абсолютное, то-есть которое не имѣетъ себѣ никакой другой причины, кромѣ самого себя, вмѣстѣ существуетъ въ идеѣ и въ дѣйствительности, вмѣстѣ постигаетъ и существуетъ и что, такимъ образомъ, слѣдуя отъ одной идеи къ другой, можно бы изслѣдовать развитіе всей вселенной. Сіи слова я, дѣйствительно, писалъ только для себя, но не къ Оболенскому. Отъ Оболенскаго же получилъ записку, въ которой онъ писалъ, что не онъ помянулъ о моемъ знакомствѣ съ Соколовскимъ; я же отвѣчалъ, что я въ этомъ увѣренъ, что полагаю, что самъ Соколовскій обвинилъ меня, но потомъ думалъ на знакомцевъ Соколовскаго: Киндякова и Скаретку, о которыхъ, пріѣхавъ изъ деревни отъ сестры моей, слышалъ отъ Оболенскаго, что взяты; писалъ же сіе для того, чтобы показать Оболенскому всю низость людей, обвиняющихъ неучаствовавшихъ съ ними и кото-

рыхъ Оболенскій въ добросердечіи желалъ исправить увѣщаніями. Записки же моеи Оболенскому не передавалъ, но отдалъ дежурному по требованію».

12. В. Въ отобранныхъ у васъ бумагахъ есть одна, писанная г. Герценомъ. Онъ, дѣлая разборъ на сочиненіе, сказалъ: «Знаете ли, по его мнѣнію, какая важнѣйшая услуга революціи?» и, охудая автора, присовокупляетъ: «Разрѣшеніе задачи: буйные и непокорные эгоисты не могутъ составить добродѣтельнѣйшаго общества». Какъ думаете вы объ этомъ сужденіи вашего друга?

О. «Я думаю, что сіе сужденіе справедливо, что буйные и непокорные эгоисты не могутъ составить добродѣтельнѣйшаго общества, и на этотъ случай съ Герценомъ не согласенъ, который сіе охудаетъ».

13. В. Содержась подъ арестомъ по настоящему дѣлу, вы писали еще къ г. Оболенскому: «я знаю, что это не ты; я думалъ, что С. взять, и что онъ меня назвалъ; я сказалъ, что онъ знаетъ лѣсно на голосъ: «Боже, Царя храни!» и которую я не помню, потому что я былъ пьянъ. Болѣе ничего. Теперь новое дѣло начинается для меня, это—мои бумаги. Въ оныхъ заключаются мои мысли, мои убѣжденія». Далѣе сказано: «Это К. и С., которые насъ назвали; С. не взять; меня спрашивали, гдѣ онъ? Я отвѣчалъ: въ Нарвѣ. Берегись, чтобы тебя не спросили, сколько бумаги ты истратилъ?» Объясните, кто тѣ лица, которыхъ литерами вы здѣсь означаете, и съ какимъ намѣреніемъ покушались вы сообщить Оболенскому то, объ чемъ начальство спрашивало васъ, и что вы отвѣчали; что разумѣли вы въ словахъ «новое дѣло—мои бумаги», и чтобы Оболенскій берегся также спроста о бумагахъ?

О. «Лица подъ литерами К. и С. суть Киндяковъ и Скаретка, о которыхъ Оболенскій по пріѣздѣ моемъ изъ деревни говорилъ, что взяты за лѣсно на голосъ «Боже, царя храни!», которую зналъ Соколовскій. Послѣ чего и я, припоминая, дѣлалъ эти показанія, которыхъ я бы и не вспомнилъ, еслибы не слышалъ вышеписанную отъ Оболенскаго, и не пришло мнѣ на память, что я, дѣйствительно, отъ Соколовскаго что-то такое слышалъ. Насчетъ бумаги писано мною для того, ибо мнѣ хотѣлось, чтобы знали, что Оболенскій писалъ ко мнѣ, боясь повредить ему, ибо я всегда уважалъ, какъ добраго молодого человѣка, и насчетъ бумаги, намъ даваемой, отъ насъ требовали отчета. О моихъ же бумагахъ писалъ, ибо былъ въ недоумѣніи, какимъ образомъ таковыя будутъ приняты; теперь же объяснялъ ихъ со всѣмъ чистосердечіемъ человѣка, имѣющаго чистую совѣсть и благородное сердце. Писалъ же я Оболенскому какъ для того, чтобы показать ходъ моего дѣла,

ибо зналъ, что Оболенскій приметъ во мнѣ участіе и, хотя онъ пожалѣеть о томъ, что я такъ несчастно попалъ въ это дѣло, такъ и для того, чтобы показать низость людей, съ которыми мы бывали вмѣстѣ».

23 августа Цынскій препроводилъ на разрѣшеніе кн. Д. Голицина отношеніе кн. С. Голицына отъ 20-го о воспитанникѣ г-на сенатора (явная ошибка) Ив. А. Яковлева. Резолюція князя. 23-го: «отвечать г. об. полц. чтобы Его Пр. объявилъ гос. Яковлеву, что сколько бы я нежелалъ зделать ему угодное но что по подобнымъ делалъ все те лица которы находятся подъ следствиемъ немогутъ иметь свободное сообщеніе ни съ знакомымъ, нись роднымъ до того времени что следственна ком. неокончить свое следствие и необъявить, что дело уже окончено. Сіе уже будетъ зависить отъ следственной комисіи. Но буде г. Яковлевъ желаетъ доставить белья или другіе нужные для собственнаго употребленія то можетъ черезъ в. Пр. онья ему доставить. Буде г. Герценъ въ замке то можно ему позволить ходить въ баню особо дабы вымотся но не съ прочими арестантовъ».

23 августа былъ допрошенъ Герценъ. Привожу «вопросные пункты», конечно, полностью, слѣдуя, однако, правилу всего изданія въ отношеніи орфографіи. Какой-то Л. Ильинскій напечаталъ ихъ въ № 7—9 «Голоса Минувшаго» 1918 г. очень небрежно: съ пропусками по нѣсколько словъ сразу, съ путаницей въ транскрипціи, которую то измѣнялъ по современному, то давалъ по тогдашнему написанію, а, между тѣмъ, все показаніе написано четкимъ писарскимъ почеркомъ; благодаря записи отвѣтовъ постороннимъ лицомъ, вкрались нѣкоторыя совершенно очевидныя описки (въ родѣ «издать новое палингенезическое время», вмѣсто *создать* и т. п.), которыя, конечно, слѣдовало исправить или оговорить, что азбучно извѣстно каждому маломальски подготовленному изслѣдователю. Замѣчательна судьба Герцена—быть искажаемымъ случайно интересующимися имъ «историками».

1. В. Въ сочиненіяхъ вашихъ видны сужденія вольныя и образу правленія, существующаго въ россійскомъ государствѣ, не соотвѣтственныя. Скажите съ чистосердечіемъ, для чего писали вы въ семъ духѣ, кому сообщали таковыя мысли свои и отъ кого заимствовали ихъ сами?

О. «Изъ числа сочиненій, мною писанныхъ, я не помню ни одного чисто политическаго; ежели же находятся какія-либо замѣчанія легкомысленныя, то я большую часть сочиненій писалъ не съ цѣлью печатанія, а или для изученія собственнаго о какомъ-либо предметѣ, или чтобы не забыть какой-нибудь мысли, которая

впослѣдствіи могла мнѣ самому показаться несправедливою, вслѣдствіе чего статья была бы уничтожена мною. Сверхъ того, я не помню совершенно замѣчаній, противныхъ правленію въ Россіи. Цѣль, съ коею я писалъ, была совершенно собственное образованіе. Статьи свои, имѣя очень ограниченный кругъ знакомства, я почти никому не показывалъ; въ прошедшихъ показаніяхъ моихъ ¹⁾ написаны поименно, кому оныя были прочтены. Заимствовалъ я свои мысли, разсуждая самъ и читая современныхъ сочинителей, по разнымъ предметамъ писавшихъ».

2. В. Въ сочиненіи подъ заглавіемъ «28 генваря», посвященномъ другу вашему Діомиду, видна какая-то привязанность ваша къ оппозиціи и желаніе, чтобы оппозиція существовала въ Россіи. Для чего вы это писали, кто Діомидъ, которому посвящено сіе сочиненіе, и вручено ли оно ему?

О. «Оппозиція, о которой говорено въ сей статьѣ, понимаема мною слѣдующимъ образомъ: всѣ государства европейскія начались въ борьбѣ разныхъ народовъ, въ борьбѣ двухъ народовъ; въ каждомъ государствѣ это было чистилище, чрезъ которое Богъ провель чловѣка въ среднія времена; сію борьбу новѣйшіе историки Тьерри, Гизо назвали началомъ военнымъ, или оппозиціею. Сей-то борьбы въ Россіи не было, и Провидѣніе, вмѣсто оной, послало Великаго Петра, который разомъ своею силою перенесъ въ Россію плоды, доставшіеся Европѣ горькимъ и кровавымъ опытомъ. Статья сія была посвящена мною Діомиду Пассеку, поручику корпуса инженеровъ путей сообщенія, но я сей статьи ему не отдавалъ, помнится, ибо онъ въ Петербургѣ, какъ мною и было показано. Цѣль сей статьи—понять необходимость явленія Петра Великаго въ началѣ XVIII вѣка въ Россіи».

3. В. Что означаютъ въ семъ же сочиненіи написанныя слова: «но наступило уже то время, когда Европа, наскучивъ феодализмомъ, начавшая изслѣдовать все, подлежащее уму, приуготовлялась сдѣлать огромный пиръ анализу, разсмотрѣть права чловѣка и произвести огромный переворотъ, долженствовавшій сплавить Европу въ другую форму?

О. «Изъ развалинъ Рима, изъ элементовъ народовъ тевтонскихъ и скандинавскихъ образовалось феодальное общество на святомъ основаніи христіанской религіи. Но этотъ феодализмъ былъ несообразенъ съ благосостояніемъ народнымъ; появленіе реформаціи, Декарта, Бэкона, анализировавшихъ все, и, наконецъ,

¹⁾ Начало слѣдственнаго дѣла, веденное комиссіею Цынскаго, въ архивѣ III Отдѣленія не найдено.

французская философія XVIII вѣка много способствовали сплавить Европу въ другую форму, а не въ одну».

4. В. Кѣмъ писано найденное въ бумагахъ вашихъ письмо на имя г. Огарева, вамъ при семъ оказываемое. Съ тѣмъ вмѣстѣ дайте изъясненіе на содержащіяся въ немъ слова: «Отчего матеріальное развитіе (внѣшнее) Россіи предшествовало ея духовному развитію; отчего не проявились въ ней тѣ стихіи, которыя проявились въ другихъ государствахъ Европы, тогда какъ самобытность ея утверждалась на основаніяхъ общихъ всѣмъ новѣйшимъ государствамъ; отчего завоеванная древняя (норманская) система не породила у насъ оппозиціи, не образовала дворянства въ смыслѣ европейскомъ (наше собственное нынѣшнее дворянство есть порожденіе централизаціи Россіи, остатокъ удѣлизма, выходство, раг-вену)?» Далѣе въ семъ же письмѣ сказано: «Отчего направленіе нашего вѣка, есть направленіе историческое; отчего послѣ формъ сказочной, ораторской, критической, политической, философской оно принимаетъ теперь форму народную (populaire), смотритъ на массы народа, а не на отдѣльныя лица, на движеніе ея, ищетъ въ ней одной ко всему пружины?»

О. «Письма сего никогда въ моихъ бумагахъ не находилось, и я его вижу въ первый разъ, посему никакихъ объясненій на сіе дать не могу».

5. В. Въ письмѣ отъ 26 августа Огаревъ, между прочимъ, пишетъ къ вамъ: «Что всѣ труды мои, ночи, проведенныя въ мечтахъ, что вся эта поэзія души, когда одно происшествіе остановило полетъ мысли и принесло съ собою сомнѣнія и горести? Надъ кѣмъ, бишь, въ древности висѣлъ мечъ на волоскѣ, между тѣмъ, какъ онъ утопалъ въ наслажденіяхъ? Это—я, это—изображеніе моего состоянія». Объясните содержаніе словъ сихъ, и о какомъ упоминаете здѣсь происшествіи?

О. «Принимаю всѣ слова сіи за мечтанія поэта въ восторженныя минуты; не знаю, на какое онъ происшествіе ссылается; сверхъ того, онъ (Г. Огаревъ) пишетъ далѣе: «Болѣе писать я не буду и объясню, когда вздумается мнѣ», слѣдовательно, онъ самъ зналъ, что слова сіи мнѣ будутъ неясны, а послѣ никогда о семъ письмѣ рѣчи не было».

6. Для чего другъ вашъ Огаревъ въ письмѣ своемъ совѣтуетъ вамъ какъ можно чаще читать «Вильгельма Телля»?

О. «„Вильгельмъ Телль“—лучшее произведеніе Шиллера; такъ его понимаютъ германцы, такъ объ немъ отзывается Шлегель, посему г. Огаревъ, пораженный наравнѣ съ ними красотою сей трагедіи, совѣтуетъ мнѣ читать ее чаще».

7. В. Что значать присовокупленныя имъ въ томъ же письмѣ слова: «Эта пьеса представляетъ эпоху кризиса. Ахъ! Что я чувствовалъ, когда читалъ ее. Ты не можешь себѣ представить; ты поймешь, когда перечтешь еще разъ, особенно же въ минуту ожесточенія, досады, ненависти. Но все это—мысль разрушенія, а мнѣ хочется созидать; изъ общихъ началъ моей философіи исторіи долженъ я вывести планъ ассоціаціи?»

О. «Слова г. Огарева я отчетливо объяснить не могу, но понимаю ихъ слѣдующимъ образомъ: пьеса Шиллера, о которой рѣчь, нравится ему, но нравилась бы ему еще болѣе, ежели бы предметъ оной не была эпоха кризиса, разрушенія, ежели бы она, словомъ, не имѣла предметомъ революціи. Что касается до вывода ассоціаціи изъ философіи, то это есть опытъ, дѣлаемый многими мыслителями, которые выводили изъ началъ мышленія идеальныя построенія общества или ассоціаціи, такъ сочинилъ Платонъ свою Республику, Бэконъ—свою Атлантиду и др. Само собою понимается, что здѣсь слово «ассоціація» принято за слово «государство», а не за общество между частными людьми, словомъ, такъ, какъ понимаютъ это слово нынѣшніе сочинители».

8. В. Въ письмѣ своемъ 31 августа 1833 года вы пишете къ г. Огареву, что «вѣкъ анализа и разрушеній, начавшійся реформаціей, окончился революціей, что Франція выразила его полноту; но что въ ней не можетъ начаться новое, огромное зданіе обновленія, а въ Германіи, въ странѣ чистыхъ тевтоновъ, и что, хотя поверхностные люди дивятся, что Германія не принимаетъ ярко нынѣшнее направленіе, но что такое нынѣшнее направленіе? Контрактъ между господиномъ и слугою, но не нужно ни господина, ни слуги». Далѣе вы говорите: «Я останавливаюсь; ты понимаешь мою мысль, я ее обработаю въ статьѣ для друзей!» Объясните, что вы разумѣете подъ выраженіемъ: «вѣкъ разрушеній»; чѣмъ Франція выразила полноту его, что заключаютъ въ себѣ слова: «объ обновленіи, могущемъ быть въ Германіи», и къ чему относится выраженіе ваше: «контрактъ между господиномъ и слугою, но не нужно ни господина, ни слуги»?

О. «Подъ словомъ «вѣкъ анализа и разрушенія» я разумѣю то время, которое протекло между реформаціей и XIX вѣкомъ, и почитаю оное состояніе весьма несовершеннымъ. Новые мыслители говорятъ объ обновленіи; я предложилъ себѣ вопросъ: ежели будетъ обновленіе, то-есть новая форма общественнаго быта, то гдѣ она можетъ быть? Мнѣ кажется, что лучшее казалось тогда, что всего скорѣе можно ждать, что въ Германіи явится новое политическое ученіе, ибо тамъ наиболѣе просвѣщенія и наичище нравствен-

ность. Сверхъ сего, я понимаю подъ вѣкомъ разрушенія разрушеніе феодализма, а въ Германіи есть уже государство, образованное на новомъ основаніи — Пруссія. Полноту вѣка разрушенія Франція выразила революціей и своимъ матеріализмомъ. Подъ контрактомъ между господиномъ и слугою разумѣю я конституціи, которыя выражаютъ, какъ мнѣ кажется, феодальныя отношенія государя, вассаловъ и народа; но не нужны эти отношенія въ новой формѣ обновленія, полагаютъ многіе писатели, между прочимъ, Гегель, ибо понятіе монарха и подданнаго не совпадаютъ съ понятіями господина и слуги. Впрочемъ, я тогда былъ нѣсколько увлеченъ новыми философскими теоріями и нынѣ не совсѣмъ согласенъ съ мнѣніемъ, тогда изложеннымъ».

9. В. Въ другомъ письмѣ къ Огареву же отъ 19 іюля вы пишете объ обновленіи сими словами: «Ты правъ, Saint-Simonisme имѣетъ право насъ занять. Мы чувствуемъ (я тебѣ писалъ это года два тому назадъ, и писалъ оригинально), что міръ ждетъ обновленія, что революція 89 года ломала—и только; но надобно создать новое палингенезическое время, надобно другія основанія положить обществамъ Европы: болѣе права, болѣе нравственности, болѣе просвѣщенія. Вотъ опытъ, это—S.-Sim. Я не говорю о нынѣшнемъ упадкѣ его,—таковымъ я называю его религіозную форму. Мистицизмъ увлекаетъ всегда сотую идею. Есть еще *Système d'association par Fourier*. Ее ты прочтешь въ «*Revue Encyclopédique*» за февраль 1832... Ты, Вадимъ и я, мы составляемъ одно цѣлое; будемъ же жить чисто-умственной жизнью, науки (ты понимаешь, что я говорю въ обширномъ смыслѣ), науки пусть займутъ всю жизнь».—Объясните противу сего въ подробности, что означаютъ всѣ ваши выраженія, и въ особенности о революціи 89 года, о упомянутыхъ обществахъ Европы, словомъ, поясните весь смыслъ письма вашего, и кого вы называете Вадимомъ, и что разумѣете подъ словами «одно цѣлое», которое вы составляете, гдѣ проживаетъ лицо, называемое Вадимомъ, не находится ли въ службѣ, какихъ лѣтъ и какой имѣетъ образъ мыслей?

О. «Теорія Сень-Симона, читанная мною въ журналахъ и разныхъ отрывкахъ, мнѣ нравится въ нѣкоторыхъ частяхъ, особенно въ историческомъ смыслѣ. Я видѣлъ въ ней дальнѣйшее развитіе ученія о совершенствованіи рода человѣческаго, такъ было мною написано и въ статьѣ моей о книгѣ Бюше. Здѣсь подъ сень-симонизмомъ я совершенно понималъ другое, нежели секту Анфантена (см. въ статьѣ о Бюше ¹⁾). Главное положеніе Сень-Симона,

¹⁾ Очевидно, эта статья была приложена къ пропавшей первой части слѣдственнаго дѣла. Филиппъ-Жозефъ Buchez издалъ въ 1833 г. книгу

что за разрушеніемъ слѣдуетъ созданіе; мнѣ приходили эти мысли и прежде, ибо я не могъ представить, чтобъ человѣкъ жилъ токмо разрушая, что видимъ съ реформаціи до революціи 89 года, которая разрушала остатки общества феодальнаго. Въ нравахъ европейскихъ есть еще много ветхаго, что нынѣ не имѣетъ совсѣмъ смысла того, который прежде; мнѣ казалось, что сіи остатки должны замѣниться нравами, изъ новыхъ началъ истекшими, съ болѣе чистой нравственностью, какъ сказано въ письмѣ. Вадимъ Васильевичъ Пассекъ, титулярный совѣтникъ, и нынѣ служащій при императорскомъ харьковскомъ университетѣ, лѣтъ 26, человѣкъ весьма образованный, преимущественно занимающійся отечественною исторіей и издатель книги («Путевыя записки», 1834 г.). Мы съ нимъ были весьма дружны и желали, какъ сказано, посвятить свою жизнь наукамъ. Впослѣдствіи онъ часто отлучался изъ Москвы, и около года наше короткое знакомство съ нимъ разстроилось».

10. В. Для чего имѣли вы у себя «Роспись государственнымъ преступникамъ, приговоромъ верховнаго уголовного суда присужденнымъ къ разнымъ казнямъ и наказаніямъ»? ¹⁾

О. «Эта «Роспись» была мною, помнится, куплена вмѣстѣ съ «Донесеніемъ слѣдственной комиссіи» и съ тѣхъ поръ лежала у меня нѣсколько лѣтъ между бумагами; особой цѣли на сіе никакой нѣтъ».

11. В. Что означаетъ найденный въ бумагахъ вашихъ списокъ, при семъ оказываемый, лицамъ и мѣстамъ, и для чего есть въ немъ такіе нумера, противъ которыхъ ничего не обозначено?

О. «Издавая нынѣ книгу о состояніи современномъ просвѣщенія Германіи, которой уже нѣсколько листовъ напечатаны, я составилъ каталогъ, кому подарить экземпляры сей книги; пять первыхъ №№ я назначилъ для родственниковъ ²⁾».

«L'Introduction à la science de l'histoire ou science du développement de l'humanité» (Введеніе въ историческую науку, или наука о развитіи человечества); по выраженію анонимнаго автора статьи въ «Новомъ энциклопед. словарѣ», вмѣстѣ съ Базаромъ и Анфантенемъ работалъ надъ созданіемъ «секты» (sic!) сенъ-симонистовъ (IX т., стр. 172). Онъ первый, въ 1831 г., въ своемъ журналѣ «L'Européen», выдвинулъ положеніе о промышленныхъ товариществахъ, какъ средствѣ эмансипаціи рабочаго класса.

¹⁾ Приложена къ «Верховному уголовному суду надъ злоумышленниками, учрежденному по Выс. манифесту 1-го іюня 1826 года», Спб., 1826 г.

²⁾ Никакихъ другихъ свѣдѣній о книгѣ мнѣ получить нигдѣ не удалось.

12. В. Знакомый вашъ Сатинъ въ письмѣ къ Огареву отъ 28 іюля 1833 года, между прочимъ, написалъ слѣдующее: «Прости мнѣ, я не могу писать къ тебѣ теперь много, ибо я весь разстроенъ, растерзанъ, писалъ сейчасъ весьма длинное безпорядочное письмо къ Герцену, и еще не утихли сильныя волненія души моей». И въ томъ же письмѣ сказано слѣдующее: «Я писалъ къ тебѣ, пріѣхавши въ деревню; весьма сожалѣю и даже нѣсколько опасуюсь, чтобы оно не пропало, тамъ была довольно подробная исторія Почеки и еще кое-что, о чемъ поговоримъ при свиданіи».—Скажите по справедливости, о чемъ писалъ къ вамъ тогда Сатинъ, что такъ сильно потрясло душу его, въ чемъ состоитъ исторія Почеки, и гдѣ онъ нынѣ находится?

О. «Г. Почека, студентъ императорскаго московскаго университета, развратилъ дочь извѣстнаго музыканта Гебеля, прекрасную дѣвушку, которая умерла отъ отчаянія; дочь Гебеля, говорятъ, отравилась. Исторію я эту знаю отъ самого Гебеля, который давалъ уроки моему брату. Исторія сія также поразила г. Сатина и Огарева. Тогда Огаревъ былъ въ Пензѣ, а Сатинъ—въ Тамбовѣ; гнусный поступокъ г. Почеки меня чрезвычайно поразилъ, поелику же онъ съ нами былъ знакомъ, то я прервалъ съ нимъ всякое сношеніе и просилъ своихъ друзей сдѣлать то же».

13. В. Объясните смыслъ письма вашего отъ 7 или 8 августа къ Огареву, въ которомъ вы передаете ему свои понятія и свое мнѣніе о христіанской религіи, въ особенности, слова до сень-симонистовъ относящіяся, и какого успѣха вы ожидаете отъ людей сего рода?

О. «Въ письмѣ моемъ довольно ясно объяснены мои мнѣнія о христіанской религіи; можетъ, токмо пояснить подлежитъ, что я разумѣю подъ третьей фазою вѣры христіанской; я думаю, что эта фаза есть именно такое обновленіе человѣчества, въ которое христіанство будетъ принято и исполняемо всѣми: не столько формъ наружныхъ, сколько истинной благодати и нравственности. Сень-симонизмъ, сказалъ я въ письмѣ,—*можетъ быть*, начало этой фазы, и прибавилъ два вопросительныхъ знака; здѣсь опять рѣчь о самомъ начальномъ развитіи Сень-Симонова ученія, которое имъ самимъ названо «Le nouveau christianisme». Послѣдствія доказали, что сень-симонисты не выполнили того, что хотѣлъ Сень-Симонъ, и, слѣдственно, моя фраза разрѣшается отрицательно».

14. В. О какой тайнѣ писалъ къ вамъ Огаревъ, какъ упоминается въ письмѣ Сатина къ Огареву, и упрекаетъ, что въ тайну вашу онъ не удостоился быть посвященнымъ, и что вы и Огаревъ сочли его слишкомъ мелкимъ, чтобы онъ могъ понять возвышенность вашего совѣщанія?

О. «Сатинъ гораздо менѣе знакомъ съ Огаревымъ, нежели я, сверхъ того, онъ дѣлалъ какія-то пустыя замѣчанія на Огарева стихи. Огаревъ писалъ ко мнѣ письмо стихами и, излагая мечты свои, просилъ, чтобъ я не показывалъ г. Сатину, ибо онъ опять будетъ съ холодною нападать на его мечты. Письмо Огарева было показано мною г. Пассеку (Вадиму), который сказалъ объ этомъ Сатину, и оскорбленный Сатинъ писалъ ко мнѣ объ этомъ изъ Тамбова въ іюль 1833 г.; что же до письма его къ Огареву, я не помню его и рѣшительно не понимаю слова *совѣщаніе*, которое, вѣроятно, употребилось невзначай и съ сердцовъ».

15. В. Вы сообщили г. Огареву писанную вами бумагу, заключающую въ себѣ разборъ одного автора, котораго оуждаете за то, что онъ не одобряетъ революціи и сказалъ слѣдующее: «буйные и непокорные эгоисты не могутъ произвести добродѣтельнѣйшаго общества». Что на сіе отвѣтствовать имѣете?

О. «Это—нѣсколько бѣглыхъ мыслей, явившихся мнѣ при чтеніи статьи изъ «Эдинбургскаго Обозрѣнія», переведенную въ «Телескопъ» года два тому назадъ. Мысль мною порицается сія на томъ основаніи, что г. сочинитель не понялъ революцію 89 года; это было разрушеніе прошлаго порядка, а онъ воображалъ, что цѣль ихъ была образовать общество; что смыслъ фразы сей именно тотъ, доказывають въ той же моей статьѣ слѣдующія слова Гизо: «люди, участвовавшіе въ революціяхъ, не могутъ быть въ спокойномъ состояніи правителями» и еще далѣе: «Люди, правила, идеи, способы состоянія переходнаго не годятся къ состоянію, истекающему изъ онаго»¹⁾.

16. В. Откройте настоящій смыслъ аллегорическаго письма вашего къ Людмилѣ, отъ 3 августа 1833 года, гдѣ описана вами гора съ растущимъ на ней сѣвернаго края деревомъ; вырвавшійся изъ нѣдръ ея огонь, который, какъ бы насыщая мщеніе, истреблялъ все, океанъ крови, — дерево не существуетъ. Но огонь въ горѣ не тухнетъ, свирѣпая рѣка яростно подмываетъ гору?

О. «Смыслъ этой аллегоріи — самая обыкновенная мысль, что чистота душевная, которую сначала человекъ ласкаетъ при разгарѣ страстей, погибнетъ; другого смысла рѣшительно нѣтъ; это былъ опытъ подражанія Жанъ-Полю Рихтеру».

17. В. Въ одномъ письмѣ она желаетъ вамъ достиженія славной цѣли своей и благороднаго стремленія: «Ты достигнешь ее, ты идешь къ ней вѣрною стезею; съ твоимъ умомъ, съ твоими талантами

¹⁾ Эта статья, повидимому, также была приложена къ пропавшей части слѣдственнаго дѣла.

ты поведешь за собою толпу благородныхъ юношей, чтобъ исполнить свое предназначеніе». Дайте на сіе объясненіе?

О. «Въ одномъ изъ предыдущихъ вопросовъ было выписано изъ письма моего къ Огареву, что вся цѣль моего существованія есть занятіе науками, этой цѣли я обрекъ себя; но, сверхъ того, признаться долженъ, что мнѣ весьма льстила извѣстность, которую я на семь поприщѣ могу приобрѣсти. Между разными средствами для достиженія извѣстности я сначала хотѣлъ продолжать службу въ университетѣ и быть профессоромъ; эта мысль была извѣстна не токмо моимъ короткимъ знакомымъ, но многимъ профессорамъ и Дмитрію Павловичу Голохвастову; цѣль моя была приобрѣсти каѳедру общую естественныхъ наукъ, ихъ-то хотѣлъ я слить съ нынѣшнею германскою философіею и увлечь юношей,—вотъ смыслъ словъ, упоминаемыхъ въ запискѣ».

18. В. Въ другомъ письмѣ къ вамъ она сказала слѣдующее: «Ты говоришь мнѣ, чтобъ я не разлучала тебя съ твоею идеею. Сохрани, Боже! Я слишкомъ люблю родину, чтобъ мнѣ когда-нибудь пришла эта мысль». Изъясните смыслъ этихъ словъ?

О. «Смыслъ сего совершенно тотъ же, какой въ предыдущей выпискѣ; я боялся, чтобъ частная семейная дѣятельность не отвлекла меня отъ моихъ занятій; она писала выписанныя слова, и все это сводится на похвалу мнѣ, почитая, что я могу своими занятіями по ученой части быть полезенъ родинѣ».

19. В. О какомъ демонѣ, безпокоящемъ васъ, упоминаетъ въ письмахъ къ вамъ Людмила?

О. «Долгое время боролся я между вѣрою и невѣріемъ, и эта борьба была весьма сильна. Мои сомнѣнія простирались не токмо на частную недовѣрчивость, но и на догматы христіанской религіи; но въ этомъ я совершенно исцѣлился, и переломъ сей былъ со мною съ годъ или болѣе тому назадъ; онъ обозначенъ въ письмѣ къ Огареву о христіанствѣ. Сіи-то сомнѣнія названы ею демономъ».

20. В. Огаревъ въ письмѣ къ вамъ отъ 3 сентября (№ 45), при семъ вамъ оказываемомъ, между прочимъ, говоря о заданныхъ вами ему вопросахъ, пишетъ: «О цивилизаціи войдетъ (вошелъ) въ предположенную мною статью о переходеніи въ двор. сословіе,—но думай на волѣ, мнѣ кажется, что наша цивилизація не XIX, но XVIII вѣка».—Далѣе, онъ, совѣтуя вамъ прочесть «*Philosophie du droit*» соч. Лерминье, пишетъ слѣдующее: «Другъ, прочти ихъ, непремѣнно прочти. Я воспламенился отъ нихъ, innere Fülle, (внутрняя полнота) такъ и забушевала, хотѣлось бы что-нибудь творить, и съ досадою и съ ужасомъ вижу, что мнѣ 18 лѣтъ, и что я въ деревнѣ. Но вдругъ я вспомнилъ васъ, друзья мои, сра-

вниль то, о чемъ говорить Лерминье, съ нами, и что-то сладостно заговорило въ душѣ,—будущность, прекрасная будущность, сколько надеждъ и упованій, и проч.»—Объясните смыслъ всего этого письма, и въ особенности, какую статью предполагалъ написать Огаревъ о переходеніи въ двор. сословіе, и что онъ разумѣетъ подь словами «наша цивилизація не XIX, но XVIII вѣка», что значать слова: «хотѣлось бы что-нибудь творить, но съ досадою и съ ужасомъ вижу, что мнѣ 18 лѣтъ и проч.»?

О. «Письмо сіе писано въ 1832 году, и Огаревъ, 18-лѣтній юноша, мечтатель по нраву, восхитился сочиненіемъ Лерминье, и потребность творить, создавать, къ которой такъ сродны юноши, сильно выразилась въ словахъ его, но недостатокъ основательности совѣтовъ друзей заставляеть его жалѣть о томъ, что онъ въ деревнѣ и что ему еще 18 лѣтъ. Вопросъ, сколько я помню, заданный мною ему, былъ о историческомъ значеніи дворянства въ Россіи, а не о переходеніи въ несостояніе; впрочемъ, Огаревымъ не было писано статьи сей. Подь цивилизаціею онъ просто разумѣетъ образованіе наше, говоря, что образованность въ Россіи еще болѣе имѣетъ основанія XVIII вѣка, нежели XIX, и сей статьи Огаревъ мнѣ не читалъ, и я почти увѣренъ, что и не писалъ оную. Вообще, письмо сіе писано въ такихъ лѣтахъ и въ такомъ расположеніи, что его объяснить токмо можно минутнымъ волненіемъ, происшедшимъ отъ чтенія Лерминье; что касается до его, и моего мнѣнія объ Американскихъ штатахъ, оно отвергнуто и мною и имъ, что доказать можно направленіемъ религіозно-философскихъ писемъ отъ 1833 года и совершеннымъ матеріалистическимъ сужденіемъ, здѣсь изложеннымъ».

5 сентября 1834 г. Цынскій увѣдомилъ комиссію, что, согласно ея распоряженій, Убини, Киндяковъ, Машковцевы, Сорокинъ и Огаревъ отправлены въ Петровскія казармы, Герценъ и Оболенскій—въ Крутицкія, Масленниковъ остается въ Хамовнической части, Ибаевъ—въ Яузской и Уткинъ—въ Рогожской.

6 сентября кн. Сергѣй Гагаринъ сообщилъ кн. С. Голицыну, что «служащій въ дворцовой конторѣ тит. сов. А. И. Герценъ въ службу вступилъ въ вѣдомство бывшей Экспедиціи Кремлевскаго строенія (что нынѣ московская дворцовая контора) въ 1820 году и до сентября 1833 года только числился въ службѣ, не занимая никакой должности, а въ ономъ сентябрѣ мѣсяцѣ представилъ въ контору аттестатъ на званіе кандидата, выданный ему изъ московскаго университета, и вмѣстѣ съ симъ помѣщенъ былъ въ канцелярію конторы къ письменнымъ дѣламъ, которыми въ продолженіе года, при похвальномъ поведеніи, занимался съ усер-

діємъ и во все продолженіе онаго времени въ образѣ мыслей, которыя были бы противны религіи и клонились бы къ неповиновенію властямъ, замѣченъ не былъ, равно такоже не былъ замѣченъ никогда и съ невыгодной стороны. Вообще же о поведеніи его и образѣ мыслей, по причинѣ малаго времени, въ которое онъ занимался должностію, я вѣрныхъ свѣдѣній доставить вашему сіятельству не могу».

Въ началѣ сентября пріѣхалъ въ Москву на смотръ войскъ государь и былъ недоволенъ медленностію слѣдствія, позднимъ переводомъ арестованныхъ въ тюрьмы и, вообще, не похвалилъ комиссію за недостатокъ энергіи. Дѣло ускорили, допросы и очныя ставки слѣдовали одна за другой,—работа закипѣла...

Отчасти задержка произошла по винѣ СПб. военнаго ген.-губернатора Эссена, долго не дававшего комиссіи своего отзыва о Соколовскомъ, какъ лицѣ ему извѣстномъ по разсказу нѣкоторыхъ подчиненныхъ, при которыхъ Соколовскій и копировалъ подписи перечисленныхъ мною раньше лицъ. Кн. А. Ѳ. Голицынъ узналъ, что Соколовскій сблизился въ Сибири со многими декабристами, и очень хотѣлъ разработать детальнѣе вопросъ о его виновности.

13 сентября поручикъ Иванъ Скаретка, между прочимъ, показалъ, что «прежде бывшаго завтрака у Машковцева, прикосновенные къ дѣлу сему, а именно: Огаревъ, Киндяковъ, Оболенскій,* Сатинъ и другіе молодые люди, фамилій которыхъ я не знаю, собирались на бульварахъ по вечерамъ и, ходя по онымъ, пѣли и декламировали пасквильные стихи».

При личномъ свиданіи съ отцомъ 7 августа Герценъ разсказалъ, какъ ему жилось въ части, а переѣхавъ въ Крутицы, писалъ оттуда не одинъ разъ. Яковлевъ, еще при арестѣ поразившій сына своими слезами, наконецъ, не вынесъ, и гордый и никогда никого не просившій, ѣздилъ къ С. М. Голицыну, просилъ, а когда не помогло, писалъ ему 30 октября: «Милостивый государь, Князь Сергій Михайловичъ! Я лично просилъ ваше сіятельство о дозволеніи мнѣ иногда видѣтся съ сыномъ моимъ, Александромъ Герценымъ, который содержится въ Крутицкихъ казармахъ. Такое свиданіе, какъ по преклоннымъ моимъ лѣтамъ, такъ и по болѣзненному моему состоянію, я на неопредѣленное время отлагать не могу, а потому чрезъ сіе повторяя писменно ту же мою просьбу, и тѣмъ съ большею довѣренностію обращаюсь къ вашему сіятельству съ оною, что мнѣ извѣстно, что вамъ не чужды взаимныя обязанности, заповѣданныя самимъ Богомъ, и чувства, утвержденныя природой между дѣтьми и ихъ родителями.

«Не сомнѣнно уповая, что сія законная моя просьба не оста-

нется безъ удовлетворенія честь имѣю пребыть, съ истиннымъ почитаніемъ и преданностію вашего сіятельства покорнѣйшій слуга *Иванъ Яковлевъ*.

31 октября командующій московскимъ жандармскимъ дивизиономъ подполковникъ Зершиковъ представилъ въ комиссію доставленное ему Герценомъ письмо на имя И. А. Яковлева, 8 ноября комиссія разрѣшила отправить письмо адресату. Въ тотъ же день Зершиковъ прислалъ отцу и другое письмо Герцена.

1 ноября Герцену былъ сдѣланъ дополнительный вопросъ: «Съ кѣмъ изъ пребывающихъ въ Одессѣ имѣете знакомство, давно ли и гдѣ познакомились? Не имѣете ли съ симъ лицомъ переписки, объ чемъ писали и что писано было къ вамъ?»

Отвѣтъ: «Въ 1831 или 1832 году познакомился я съ Моисеемъ Михайловичемъ г. Иваненкою, выпущеннымъ изъ благороднаго пансіона, который около сего времени уѣхалъ въ Одессу, гдѣ служилъ при г. военномъ генераль-губернаторѣ графѣ Воронцовѣ; переписки я съ нимъ не имѣлъ, но нѣсколько разъ писалъ къ нему, не помню, вообще о чемъ; но послѣднія два письма состояли въ просьбѣ къ нему прислать статью въ предполагаемый мною альманахъ на 1835 годъ. Онъ обѣщалъ прислать и о семъ писалъ, кажется, два раза. Прочихъ писемъ не припомню».

Въ тотъ же день Огареву была дана очная ставка съ поручикомъ Иваномъ Павловичемъ Скареткой. «Огаревъ сдѣлалъ отрицаніе, говоря, что, хотя онъ прогуливался иногда съ Киндяковымъ и другими молодыми людьми, но никто изъ нихъ не пѣлъ и не декламировалъ пасквильныхъ стиховъ; а Сатинъ былъ боленъ и въ прогулкахъ съ ними не участвовалъ». Скаретка объяснилъ, что Огаревъ не пѣлъ и не декламировалъ, но ходилъ только съ другими, которые пѣли и декламировали.

9 ноября Яковлевъ снова писалъ Голицыну: «М. Г. кн. С. М.! Воспитанникъ мой и сынъ Александръ Герценъ, который почти четыре мѣсяца томится въ заточеніи, проситъ меня о исходатайствованіи ему дозволенія въ день его ангела, т.-е. 23 числа сего мѣсяца, провести хотя одинъ часъ въ домѣ его родителей. На случай, если таковое, сколько не естественное его желаніе и моя объ ономъ покорнѣйшая къ вашему сіятельству просьба, въ исполненіи встрѣтитъ затрудненіе, убѣдительнѣйше прошу васъ, М. Г., хотя дозволить въ тотъ день посѣтить его и обнять въ Крутицкихъ казармахъ матери его, Луизѣ Гаакъ, и брату его титул. сов. Егору Герцену, и тѣмъ самымъ доставить сему страдальцу хотя минутное утѣшеніе.

«Совѣстно мнѣ, что я вторично беспокою в. с. симъ моимъ

письмомъ, но я увѣренъ, что вы легко найдете въ христіанской душѣ вашей мое оправданіе.

«Съ истиннымъ почитаніемъ и таковою же преданностью честь имѣю пребыть в. с. покорнѣйшимъ слугою, *Иванъ Яковлевъ*».

10 ноября комиссія постановила допустить 23 ноября при дежурномъ офицерѣ указанныхъ лицъ къ свиданію съ Герценомъ.

22 ноября комиссія разсмотрѣла рапортъ московскаго коменданта ген. Стаала, въ которомъ онъ испрашивалъ указаній, какъ поступить въ отношеніи предоставленія иногда свиданій съ Герценомъ его матери и брату, съ Огаревымъ—его дядѣ сенатору Огареву и сестрѣ А. П. Плаутиной съ мужемъ. Постановлено: «дозволить иногда навѣщать, но съ тѣмъ, дабы при сихъ свиданіяхъ были соблюдаемы всѣ необходимыя предосторожности и находились благонадежные офицеры».

10 декабря Герценъ попробовалъ просить Шубинскаго о пропускѣ къ нему Натальи Александровны Захарьиной, но получилъ отказъ. Письма, однако, доставлялись ей, благодаря постоянно бывшимъ у Герцена деньгамъ...

14 декабря Яковлевъ писалъ Стаалу: «М. Г. Карлъ Густавовичъ! Воспитанникъ и сынъ мой Александръ Герценъ уже пять мѣсяцевъ содержится подъ арестомъ; я не знаю, чѣмъ онъ заслужилъ такое долговременное и тяжкое заточеніе; но имѣвъ его безотлучно со дня его рожденія подъ моимъ надзоромъ, повѣрить можно, что я знаю короче и лучше, чѣмъ кто-либо, его склонности и поведеніе, въ коихъ предосудительнаго я никогда и ничего не замѣтилъ да, сверхъ того, я знаю, что онъ, при отличныхъ умственныхъ и душевныхъ качествахъ, не одаренъ природою крѣпкимъ сложеніемъ. Теперешнее его положеніе, въ которомъ онъ томится долгое время, разлученъ будучи со всѣми близкими его сердцу родными и наставниками, удаленъ будучи отъ всякаго сообщенія съ людьми просвѣщенными и не имѣвъ способа заниматься чѣмъ-либо полезнымъ, находясь безпрестанно и безъ движенія въ горницѣ сырой и угарной, безъ пособія какого-либо медика, положеніе сіе необходимо разстраиваетъ остатки его здоровья и заглушаетъ развившіяся умственныя его способности, въ коихъ свидѣтельствуется приобрѣтенное имъ званіе кандидата и медаль за его сочиненіе. Сострадаю, какъ отецъ и христіанинъ, о такомъ настоящемъ его положеніи и неминуемыхъ послѣдствіяхъ отъ онаго, я смѣю прибѣгнуть къ вашему превосходительству съ покорнѣйшею моею просьбою, чтобы вы, со свойственнымъ вамъ снисхожденіемъ, приняли на себя трудъ исходатайствовать отъ кого слѣдуетъ, чтобы сына моего Александра Герцена отдали мнѣ на расписку; увѣряю

вась, м. г., что онъ, находясь на моей отвѣтственности и подъ моимъ присмотромъ, такъ же будетъ всегда въ распоряженіи комиссіи, какъ и теперь; далѣе же моя надежда опирается на невинность моего сына и на основное правило для судей, изложенное въ премудрыхъ словахъ, начертанныхъ рукою премудрой Екатерины, что лучше десять виновныхъ простить, чѣмъ одного невиннаго наказать.

«Чтобы извинить или облегчить мою нескромность, прошу в. п—во только вообразить себѣ, что, я, какъ отецъ, пять мѣсяцевъ нахожусь въ безпрестанномъ страданіи и безпокойствѣ насчетъ моего сына, имѣвъ передъ глазами несчастную его мать и зная, какое живое участіе берутъ въ моемъ положеніи не только родные, но нѣкоторые и изъ знакомыхъ; простительно ли мнѣ изыскивать всѣ способы себя и ихъ успокоить. Вотъ что понуждаетъ меня утруждать в. п—во и просить вась быть за меня предстателемъ.

«Съ глубокимъ почитаніемъ и истинною преданностью честь имѣю пребыть вашего п—ва покорнѣйшимъ слугою, *Иванъ Яковлевъ*».

17 декабря, разсмотрѣвъ письмо Яковлева и рапортъ по нему Стаала, комиссія постановила: «Такъ какъ тит. сов. Александръ Герценъ содержится подъ арестомъ по секретному дѣлу, производимому по высоч. повелѣнію государя императора, и объ арестованіи его вмѣстѣ съ прочими, прежде еще начатія слѣдствія, было донесено его величеству, то посему слѣдств. комиссія до рѣшенія дѣла не въ правѣ освободить его на поручительство; но если состояніе здоровья Герцена требуетъ врачебныхъ пособій, въ такомъ случаѣ отъ собственнаго усмотрѣнія г. коменданта будетъ зависѣть распорядиться пользованіемъ его въ самомъ мѣстѣ содержанія или испросить разрѣшенія на помѣщеніе его въ военномъ госпиталѣ подобно тому, какъ послѣдовало со студентомъ Сатинымъ; впрочемъ, ежели бы г. Яковлевъ пожелалъ прислать и отъ себя къ воспитаннику своему извѣстнаго ему благонадежностью врача, то сей къ преподаванію ему пособій допускаемъ быть можетъ; равномѣрно не отъемлется отъ г. Яковлева возможность доставлять Герцену отъ себя, ежели пожелаетъ, и самое продовольствіе пищую».

4 января 1835 г. комиссія разрѣшила допускать Герцена къ свиданіямъ не только съ отцомъ, матерью и братомъ, но и съ дядею сенаторомъ Л. А. Яковлевымъ и другими родственниками, въ число которыхъ была включена и пріятельница Н. А.—ны Эмилиа М. Аксбергъ.

21 января С. М. Голицынъ отправилъ Бенкендорфу всепод-

даннѣйшій рапортъ комиссіи съ приложеніемъ доклада и двухъ писемъ на имя шефа жандармовъ.

«Съ достовѣрностью можно заключить, — читаемъ въ докладѣ,—что лица, участвовавшія въ пѣніи пасквильныхъ пѣсенъ, не составляли между собою никакого тайнаго злонамѣреннаго общества, но нѣкоторые изъ нихъ по развратности, другіе по недостатку нравственнаго образованія и вообще по заблужденію и завлеченію. оказались дерзкими въ отзывахъ своихъ противъ Высочайшей Особы Вашего Императорскаго Величества и установленнаго правительства. Дерзость сія, не будучи, впрочемъ, какъ предшествуема, такъ и сопровождаема никакими противными государственному порядку замыслами, выражалась пѣніемъ двухъ пѣсенъ». Затѣмъ шла группировка всѣхъ обвиняемыхъ, отличная отъ уже приведенной выше. Въ первомъ разрядѣ—«сочинителей дерзкихъ стиховъ» стояли только Алексѣй Васильевичъ Уткинъ и Соколовскій, во второмъ—«пѣвшихъ дерзкіе стихи»: Егоръ Машковцевъ, Ибаевъ, Сорокинъ, Киндяковъ и Оболенскій и въ третьемъ—«бывшіе въ сообществахъ, гдѣ происходило пѣніе дерзкихъ стиховъ»,— всѣ остальные, кромѣ Огарева, Герцена и присоединенныхъ много спустя къ дѣлу—Сатина и Лахтина. Послѣдніе четверо составили «особый разрядъ лицъ, обращающихъ на себя вниманіе образомъ мыслей своихъ».

Сатину инкриминировалось, главнымъ образомъ, слѣдующее мѣсто его письма къ Огареву: «неужели истинный поэтъ, повергшись на колѣна предъ доской, на которой намалеванъ ликъ Чудотворца Николая или Богоматери, будетъ молиться ему и просить отпущенія грѣховъ? Нѣтъ! Не тутъ будетъ онъ искать Божества и не въ словахъ изольется горячая его молитва».

Лахтинъ оказался виновнымъ, благодаря письму къ Огареву, гдѣ сказалъ нѣсколько самыхъ невинныхъ словъ о прошломъ Россіи и дворянства. Онъ арестованъ не былъ.

Въ отношеніи къ Бенкендорфу С. Голицынъ, между прочимъ, писалъ: «Комиссія соблюдала въ дѣйствіяхъ своихъ всю предписанную законами строгость и не оставляла безъ вниманія ни одинъ изъ тѣхъ случаевъ, которые могли казаться требующими или поясненія или повѣрки розыскомъ. Къ убѣжденіямъ, дѣлаемымъ при разспросахъ прикосновеннымъ лицамъ чрезъ увѣщателя и самыми членами комиссіи, присовокуплены были улики нѣкоторымъ изъ нихъ, болѣе обвиняемымъ, посредствомъ очныхъ ставокъ, съ употребленными отъ генералъ-маіора Цынскаго къ открытію ихъ поручикомъ и канцеляристомъ Скаретками.

«По совершенномъ окончаніи розыска комиссія въ докладѣ

изложила сущность дѣла со всею подробностью обстоятельствъ, до каждого лица относящихся, и убѣдилась повторить изъясненное ею въ начальномъ своемъ всеподданнѣйшемъ донесеніи 8 сентября, что лица, замѣшанныя въ дѣлѣ семь, не составляли, по всѣмъ вѣроятіямъ, никакого особаго элнамѣренного общества. Но тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ нихъ должны подлежать по законности въ развратѣ, какъ и главные начинатели дерзкихъ противъ высочайшей особы изреченій, строгому взысканію».

Разсказавъ суть дѣла, охарактеризовавъ всѣ три разряда и указавъ на желательное ихъ наказаніе, Голицынъ обращалъ особенное вниманіе на внѣбразрядныхъ. «Хотя не видно въ нихъ настоящаго замысла къ измѣненію государственнаго порядка, и сужденія ихъ, не имѣющія еще существенно никакихъ вредныхъ послѣдствій, въ прямомъ значеніи не что иное суть, какъ однѣ мечты пылкаго воображенія, возбужденныя при незрѣлости разсудка чтеніемъ новѣйшихъ книгъ, которыми молодые люди нерѣдко увлекаются въ заблужденія, но за всѣмъ тѣмъ имѣютъ видъ умствованій не позволительныхъ какъ потому, что укоренясь временемъ, могутъ образовать расположеніе ума, готоваго къ противнымъ порядку предпріятіямъ, такъ и потому, что люди съ такими способностями и образованіемъ, какія имѣютъ означенныя въ семь разрядѣ лица, удобно могутъ обольщать ими другихъ».

Огарева и Сатина Голицынъ считалъ полезнымъ выдержать подъ арестомъ еще полгода и затѣмъ отправить ихъ на службу въ одну изъ отдаленныхъ губерній, но перваго не въ Пензенскую, Орловскую и Рязанскую, а втораго—не въ Тамбовскую: тамъ имѣнія ихъ родителей и имъ будетъ слишкомъ свободно. Лахтина же и Герцена, «не участвовавшаго въ пѣніи и слушаніи пасквильныхъ стиховъ и прикосновеннаго къ слѣдствію по одному образу мыслей его, не подвергая дальнѣйшему аресту, отослать на службу въ какую-либо отдаленную губернію подъ строгое наблюденіе начальства».

Въ заключеніе князь сообщалъ, что въ перепискѣ Огарева и Герцена частенько упоминается имя какого-то Вадима Пассека; его надо отыскать и подвергнуть секретному наблюденію, а потомъ уже рѣшить, что съ ними дѣлать.

Бенкендорфъ немедленно навелъ справки, узналъ, что Пассекъ еще весной 1834 года отправился въ Харьковь, по приглашенію попечителя, принять со временемъ кафедру русской исторіи, и написалъ туда, чтобы за нимъ былъ немедленно учрежденъ секретный надзоръ, а предоставленіе кафедры не думали бы и дѣлать. Такъ Пассекъ и не осуществилъ своей мечты о профессурѣ.

7 февраля Бенкендорфъ представилъ государю свой всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ настаивалъ на отдачѣ Соколовскаго, Ибаева и Уткина еще особому военному суду и находилъ, что лишь послѣ приговора послѣдняго, который, конечно, будетъ болѣе суровъ, чѣмъ комиссія, можно наказать уже всѣхъ остальныхъ согласно предложенію князя. Николай былъ вполне съ этимъ согласенъ, но, хоть на послѣдокъ, не желалъ обойтись безъ декорума законности и приказалъ Бенкендорфу снестись, все-таки, по этому поводу съ министромъ юстиціи Дашковымъ... Послѣдній отвѣтилъ, что, дѣйствительно, хорошо бы поступить, какъ предлагаетъ шефъ жандармовъ, но на судѣ неизбѣжно оглашеніе пѣсенъ... поэтому лучше поступить по образцу 1826 года, когда пѣсни, сочиненныя декабристами, не фигурировали ни въ «Донесеніи слѣдственной комиссіи», ни въ докладѣ верховнаго суда. Не проще ли домашнимъ образомъ послать трехъ названныхъ лицъ въ крѣпость, а оттуда въ отдаленную Сибирь, Киндякова отослать на службу въ одну изъ внутреннихъ губерній, а съ прочими поступить, какъ предлагаетъ слѣдственная комиссія?

14 марта Бенкендорфъ вошелъ со вторичнымъ докладомъ, въ которомъ принялъ это мнѣніе Дашкова. Николай написалъ противъ Уткина, Ибаева и Соколовскаго: «лучше оставить года на три въ Шлиссельбургѣ и потомъ допустить къ службѣ въ отдаленныхъ мѣстахъ».

Изъ безграмотной надписи Бенкендорфа на докладѣ, обращенной, по обыкновенію, къ помощнику его Мордвинову, видно, что было написано въ Москву: «Государь соизволилъ повѣлеть; дабы к. С. Голицынъ лично призвавъ всѣхъ, участвующихъ по сему дѣлу, и прочитавъ имъ, законъ по первому пункту по которому они все подвергаются тяжкому наказанію, объявилъ бы имъ, милость Государя которою освобождая ихъ отъ строгости суда, переменялъ приговоръ онаго, исправительными мерами, а именно Уткина, Ибаева и Соколовскаго содержаніемъ въ Шлиссербургскую крѣпость на неопредѣленное время съ темъ, что современи будутъ употреблены на службу во внутренние губерніи, прочимъ, по назначенію комиссіи, о чемъ приготовъ бумаги кому слѣдуетъ лучше будетъ послать к. Голицыну уже написанную бумагу которую онъ долженъ будетъ прочесть виновнымъ прописатьъ и законъ».

Резолюція весьма характерная: сразу же, изъ первыхъ рукъ воля Николая толковалась по своему: вмѣсто трехъ лѣтъ—«неопредѣленное время», вмѣсто отдаленныхъ губерній—«внутреннія».

Мордвиновъ уже самъ распредѣлил: Герцена въ Пермскую

губернію, Огарева—въ Пензенскую ¹⁾, Лахтина—въ Саратовскую и Сатина—въ Симбирскую.

Письмо И. А. Яковлева къ кн. Д. В. Голицыну отъ 1 апрѣля 1835 г.: «Милостивый Государь, Князь Дмитрій Володимировичъ! Слѣдственная Комиссія, состоявшая подъ предсѣдательствомъ, князь Сергія Михайловича, заключила вчерашній день, свои дѣйствія. Изъ числа находившихся подъ слѣдствіемъ, воспитанникъ мой, Титулярный Совѣтникъ Александръ Герценъ, содѣржится въ Крутицкихъ казармахъ. Онъ отъ природы слабого сложенія, а отъ девятимѣсячнаго, и весьма тяжкаго заточенія, очѣвидно разстроилъ свое здоровье. Въ таковомъ несчастномъ его положеніи, и моемъ какъ его родителя и попѣчителя, вынуждаютъ меня утруждать ваше Сіятельство писменно (ибо лично не имѣю силъ, къ вамъ предстать) и обратится съ покорнейшею моею прозбою, къ особе вашей, извѣстной всемъ, благодѣтельнымъ разположеніемъ вашимъ, и готовностію, на защиту, и покровитѣлство притѣсненныхъ и несчастныхъ, благоволите ваше сіятельство, дозволить мнѣ взять моего воспитанника въ домъ мой, какъ для поправленія его здоровья, такъ и для того, чтобы онъ на сей недѣле, могъ исполнить, долгъ христіанскій гавѣтъ, и удастоится святаго причащенія. За темъ осмѣливаюсь просить и еще милости, то есть чтобы ваше сіятельство, изъ состраданія къ положенію моего сына, и моему, дозволили отложить отправленіе его, въ назначенное ему, и отдаленное мѣсто, да лѣтняго времени, дабы я, по преклоннымъ моимъ лѣтамъ, и разстроеному моему и его здоровью, не былъ вынужденъ, на сей разъ, разставаться съ нимъ на вѣчно.

«Предавая себя, и сверхъ заслугъ несчастнаго воспитанника моего, высокому покровителству вашего сіятельства, честь имѣю пребыть, съ глубочайшимъ почитаніемъ, и таковою же преданностію вашего Сіятельства Покорнейшимъ слугою *Иванъ Яковлевъ*».

Отвѣтъ былъ, конечно, отрицательный (дѣло № 80 канц. москв. воен. ген.-губер. 1834 г.).

5 апрѣля полк. кн. И. Ѡ. Голицынъ представилъ ген.-губернатору записку московскаго коменданта, изъ которой видно, что «богатство г. Огарева умѣло заставить лицъ, принимающихъ въ немъ корыстолюбивое участіе, найти болѣзнь тогда, когда Огаревъ объ ней даже не помышляетъ, и тѣмъ затрудняютъ сдѣланныя распоряженія насчетъ его отправленія». Резолюція: «Я верю что Ога-

(см. стр. 366)

¹⁾ Зная «безкорыстіе» Мордвинова, можно быть увѣреннымъ, что П. Б. Огаревъ открылъ ему свой кошелекъ во-время.

№	Чины, имена и прозванія.	Отъ роду лѣтъ.	По какому повелѣнію, за что, съ какого времени состоятъ подъ надзоромъ полиціи.
1	Семейство бывшего одесскаго жителя <i>Потылицы</i> : Жена его Анна Иванова. Дѣти ея:	53	Присланы въ Пермь 16 января 1823 г. отъ херсонскаго гражданскаго губернатора, по выс. повелѣнію, подъ строжайшій надзоръ, за законсѣлую противъ начальства грубостъ и неповиновеніе.
2	Марѳа	24	
3	Анна	21	
4	Франсуа <i>Пьеръ</i> , баронъ, по св. миропомазанію Флорентинъ, французскій уроженецъ.	42	Доставленъ въ Пермь 3 іюля 1824 г. отъ управляющаго мин. вн. дѣлъ на жительство въ одинъ изъ уѣздныхъ городовъ Пермской губ., подъ личный и строгій надзоръ городничаго, за распространеніе вредныхъ общественному порядку правилъ.
5	Подпоручикъ Исидоръ <i>Гриббовскій</i> .	25	Доставленъ изъ Вятки въ Пермь 11 марта 1832 г., по выс. повелѣн., объявленному въ предписаніи мин. вн. дѣлъ отъ 19 февраля 1832 г., для помѣщенія въ одинъ изъ уѣздныхъ городовъ Пермской губ. подъ строгій присмотръ полиціи за пьянство и буйные поступки.
6	Отставной гвардіи капитанъ князь <i>Михаилъ Долоруковъ</i> .	41	Присланъ изъ Вятки въ Пермь 8 мая 1832 г., по выс. повелѣн., объявленному въ отношеніи генераль-адыютанта гр. Бенкендорфа отъ 31 октября 1831 г., за неистовые и буйные поступки.
7	Винницкой гимназіи законоучитель по римско-католическому обряду ксендзъ <i>Тома Куявскій</i> .	36	Доставленъ въ Пермь 5 октября 1833 г., по распоряженію Кіевскаго военнаго Подольскаго и Волынскаго ген.-губ., отъ управлявшаго Подольскою губ. сенатора Лубяновскаго, на жительство подъ строгій надзоръ полиціи, какъ оказавшійся къ должности учителя неблагонадежнымъ во время бывш. въ винницкой гимназіи экзамена.

<p>Гдѣ живеть, чѣмъ занимается, получаетъ ли содержаніе изъ казны.</p>	<p>Имѣеть ли семейство и гдѣ оно находится.</p>	<p>Что по надзору открылось.</p>
<p>Въ г. Перми; сначала содержали себя доходами, получаемыми съ имѣнія ихъ, находящагося въ Одессѣ, но съ марта 1829 г. выдается изъ казны на содержаніе каждой по 50 коп. въ сутки; занимаются рукодѣіемъ.</p>	<p>Имѣеть сына Эммануила, который, во исполнен. выс. повел., объявленнаго въ отношеніи шефа корпуса жандармовъ генераль-адъютанта гр. Бенкендорфа отъ 24 марта 1831 г., помѣщенъ въ Пермскіе баталіоны военныхъ кантонистовъ въ маѣ 1831 г.</p>	<p>Въ неприличныхъ поступкахъ не замѣнены.</p>
<p>Состоить подъ надзоромъ полиціи въ Шадринскѣ и съ 8 іюня 1824 г. получаетъ изъ казны на пропитаніе по 50 коп. въ сутки; занятій никакихъ не имѣеть.</p>	<p>Имѣеть жену и 3-хъ сыновей, находящихся Виленской губерніи Россіенскаго повѣта въ мѣстечкѣ Кейдахахъ.</p>	<p>Поведенія хорошаго.</p>
<p>Съ 26 марта 1832 г. состоялъ подъ надзоромъ полиціи въ гор. Верхотурьѣ, а съ 18 ноября 1834 г. перемѣщенъ въ г. Чердынъ; постоянныхъ занятій не имѣеть; получаетъ изъ казны на содержаніе по 50 коп. въ сутки.</p>	<p>Холостъ.</p>	<p>Поведеніе не одобряется.</p>
<p>Находился въ г. Перми подъ строгимъ полицейскимъ надзоромъ, но, на основаніи выс. повел., изображеннаго въ предписаніи мин. вн. дѣлъ отъ 10 августа 1834 г., перемѣщенъ въ г. Верхотурье подъ надзоръ тамошняго городничаго; занятій никакихъ не имѣеть; денегъ изъ казны на содержаніе не получаетъ.</p>	<p>Имѣеть сына, находящагося въ воинской службѣ.</p>	<p>Строптивость и безпокойность характера.</p>
<p>Состоить подъ надзоромъ полиціи въ г. Перми; занятій никакихъ не имѣеть; на содержаніе и на наемъ квартиры получаетъ по 20 руб. въ мѣсяцъ.</p>	<p>Холостъ.</p>	<p>Ведеть себя хорошо.</p>

№	Чины, имена и прозванія.	Отъ роду лѣтъ.	По какому повелѣнію, за что, съ како времени состоятъ подъ надзоромъ полиціи.
8	Бывшій учитель тифлисской гимназіи Заанъ <i>Автиндиновъ</i> .	24	По выс. повел., объявленному въ писаніи мин. вн. дѣлъ отъ 5 ноября 1833 за причастность къ злоумышленному завору противъ правительства, обнаруженному между нѣкоторыми грузинскими урженцами; присланъ въ Пермь 7 февраля 1834 г. для опредѣленія къ должности гражданской части съ тѣмъ, чтобы всѣми его дѣйствіями имѣть тайное, бдительное наблюденіе.
9	Каменецк. ксендзъ Францисканск. ордена Корнелій <i>Важинскій</i> .	27	Доставленъ въ Пермь 3 мая 1834 г., выс. повел., объявленному въ предписаніи мин. вн. дѣлъ отъ 9 марта того же года за предосудительные и неприличные до вѣрноподданнаго поступки; изъ виленскаго монастыря Бернардиновъ; подъ строгій надзоръ мѣстной полиціи.
10	Дворянинъ Петръ <i>Црхановичъ</i> .	25	Доставлены въ Пермь: Цѣхановичъ — Зелинскій 23 марта 1834 г., по конфирмаціи Виленскаго военнаго, Гродненскаго, Бѣлостокскаго и Минскаго ген.-губ., утвержденной е. и. в., за прикосновенность къ дѣлу о 24 лицахъ, оказавшихся виновными въ сообществѣ или сношеніяхъ съ заграничными пришельцами Шиманскимъ и Гордскимъ, посланными отъ польскихъ революціонистовъ изъ Франціи для возобновленія въ тамошнемъ краѣ замѣшательства, и жительство въ Пермскую губ. съ учрежденіемъ, по предписанію мин. вн. дѣлъ отъ 25 іюня 1834 г., обыкновеннаго полицейскаго надзора.
11	Гродненскаго приходск. костела ксендзъ Теофиль <i>Зелинскій</i> .	37	Доставленъ въ Пермь 14 апрѣля 1834 по конфирмаціи Виленскаго воен., Гродненскаго, Бѣлостокскаго и Минскаго ген.-губ., утвержденной е. и. в., за прикосновенность къ дѣлу о злоумышленіяхъ эмиссара Ицетовскаго на жительство въ Пермскую губ. съ учрежденіемъ, по предписанію мин. вн. дѣлъ отъ 25 іюня 1834 г., обыкновеннаго полицейскаго надзора.
12	По римско-католическому обряду ксендзъ Войцѣхъ <i>Баинскій</i> .	58	Доставленъ въ Пермь 14 апрѣля 1834 по конфирмаціи Виленскаго воен., Гродненскаго, Бѣлостокскаго и Минскаго ген.-губ., утвержденной е. и. в., за прикосновенность къ дѣлу о злоумышленіяхъ эмиссара Ицетовскаго на жительство въ Пермскую губ. съ учрежденіемъ, по предписанію мин. вн. дѣлъ отъ 25 іюня 1834 г., обыкновеннаго полицейскаго надзора.

Гдѣ живеть, чѣмъ занимается, получаетъ ли содержаніе изъ казны.	Имѣеть ли семейство и гдѣ оно находится.	Что по надзору открылось.
<p>Въ г. Перми и состоитъ на службѣ въ канцеляріи гражд. губернатора (въ числѣ канцелярскихъ служителей); кромѣ положеннаго ему по службѣ жалованья, никакой суммы изъ казны на содержаніе не получаетъ; за нимъ имѣется строгій полицейскій надзоръ.</p>	Холостъ.	Ведеть себя хорошо.
<p>Въ г. Шадринскѣ подѣ строгимъ надзоромъ городничаго; занятій никакихъ не имѣеть; на содержаніе получаетъ 50 к. въ сутки</p>	Холостъ.	Ведеть себя хорошо.
<p>Находился въ г. Чердыни, но съ 13 сентября 1834 г. перемѣщенъ подѣ надзоръ полиціи въ г. Пермь; занятій никакихъ не имѣеть; получаетъ на содержаніе изъ казны по 50 коп. въ сутки.</p>	Имѣеть жену Софію изъ Срколовскихъ и сына Болеслава, которые находятся Минской губ. Слуцкаго у. въ им. «Курляндзіа».	Ведеть себя хорошо.
<p>Находился въ г. Осѣ, но съ 25 августа 1834 г. перемѣщенъ подѣ надзоръ полиціи въ г. Пермь; занятій никакихъ не имѣеть; получаетъ изъ казны на содержаніе по 20 р. въ мѣсяць.</p>	Холостъ.	Ведеть себя хорошо.
<p>Состоитъ подѣ надзоромъ полиціи въ г. Красноуфимскѣ; занятій никакихъ не имѣеть; получаетъ изъ казны на содержаніе по 50 коп. въ сутки и на наемъ квартиры отъ 4 до 5 руб. въ мѣсяць.</p>	Холостъ.	Ведеть себя хорошо.

№	Чины, имена и прозванія.	Отъ роду лѣтъ.	По какому повелѣнію, за что, съ какого времени состоятъ подъ надзоромъ полиціи.
13	Помѣщикъ <i>Адамъ Козловскій.</i>	44	Доставлены въ Пермь 8 іюля 1834 г., по confirmации Виленскаго военнаго, Гродненскаго, Бѣлостокскаго и Минскаго ген.-губ., утвержд. е. и. в.: Козловскій — за причастность къ дѣлу о 19 соучастникахъ злоумышленій преступника Гордынскаго и другихъ заграничныхъ пришельцевъ по Бѣлостокской области и о десяти прикосновенныхъ къ оному дѣлу лицахъ, а Ежевскій по дѣлу, произведенному надъ соучастниками злоумышленій Шиманскаго по Гродненской губерніи, найденный виновнымъ въ двукратномъ свиданіи съ Шиманскимъ, знаніи о преднамѣреніяхъ его къ бунту и недонесеніи о томъ начальству, — на жительство въ Пермскую губ. съ учрежденіемъ, по предписанію мин. вн. дѣлъ отъ 25 іюля 1834 г., обыкновеннаго полицейскаго надзора.
14	Адвокатъ изъ дворянъ губернской секретарь <i>Викентій Ежевскій.</i>	35	
15	Французскій подданный изъ Руана, бывшій секретарь при герцогѣ Александрѣ Виртембергскомъ, экзаменованный учитель французск. языка Францъ <i>Луи Дунге.</i>	41	Прибыль въ г. Екатеринбургъ 24 февраля 1834 г. по виду отъ состоящаго при канцеляріи СПб. воен. ген.-губ. — ра иностраннаго отдѣленія и по отношенію СПб. оберъ-полицейстера отъ 31 декабря 1833 г., во исполненіе выс. воли, объявленной оберъ-полицейстеру Лифляндскимъ гр. губернаторомъ въ отношеніи отъ 3 августа 1832 г., учрежденъ за нимъ въ Екатеринбургѣ секретный надзоръ полиціи.
16	Служившій въ Московской Дворцовой конторѣ титулярный совѣтникъ <i>Александръ Герцена.</i>	22	Присланъ 28 апрѣля 1835 г. за прикосновенность къ дѣлу о пасквильныхъ стихахъ, пѣтыхъ въ Москвѣ, при отношеніи Московскаго воен. ген.-губ.-ра отъ 9 апрѣля, во исполненіе выс. повел., на службу въ Пермскую губ. подъ строгое наблюденіе мѣстнаго начальства.
17	Служащій въ пермскомъ губернскомъ правленіи кандидатъ московскаго университета <i>Иванъ Оболенскій.</i>	21	Присланъ 11 мая 1835 г. за прикосновенность къ дѣлу о пасквильныхъ стихахъ, пѣтыхъ въ Москвѣ, при отношеніи Московскаго воен. ген.-губ.-ра отъ 28 апрѣля, на службу въ Пермскую губ. подъ строгое наблюденіе мѣстнаго начальства.

Гдѣ живеть, чѣмъ занимается, получаетъ ли содержаніе изъ казны.	Имѣеть ли семейство и гдѣ оно находится.	Что по надзору открылось.
<p>Состоить подѣ надзоромъ полиціи въ г. Перми; занятій никакихъ не имѣеть; денегъ изъ казны на содержаніе не получаетъ.</p> <p>Состоить подѣ надзоромъ полиціи въ г. Чердыни; занятій никакихъ не имѣеть; денегъ изъ казны на содержаніе получаетъ по 1 руб. въ сутки.</p>	<p>Имѣеть жену Амалію, сына Феликса, находящихся въ гор. Перми по паспорту, и дочь Викторію, проживающую въ Бѣлостокской области.</p> <p>Холостъ.</p>	<p>Что по надзору открылось.</p> <p>Ведеть себя хорошо.</p> <p>Ведеть себя хорошо.</p>
<p>Въ г. Екатеринбургѣ подѣ секретнымъ надзоромъ полиціи; занимается обученіемъ дѣтей французскому языку; денегъ изъ казны на содержаніе не получаетъ.</p> <p>Во исполненіе выс. повел., изображеннаго въ отношеніи Московскаго воен. ген.-губ. отъ 26 апрѣля, отправленъ на службу въ г. Вятку.</p>	<p>Имѣеть жену Марію-Франсуа и сына Петра-Александра, находящихся при немъ въ г. Екатеринбургѣ.</p> <p>Холостъ.</p>	<p>Ведеть себя хорошо.</p> <p>Ведеть себя хорошо.</p>
<p>Въ г. Перми и состоить на службѣ въ штатѣ пермскаго губ. прав. въ числѣ канцелярскихъ служителей; кромѣ положеннаго ему по службѣ жалованья, никакой суммы изъ казны на содержаніе не получаетъ. За нимъ имѣется строгій полицейскій надзоръ.</p>	<p>Холостъ.</p>	<p>Въ неприличныхъ поступкахъ не замѣченъ.</p>

ревъ могъ подкупить дабы его сделать болнымъ. Но буде онъ о себе объявляетъ болнымъ, то что могъ смотритель и комендантъ какъ оное представить мне. Узнать какого медика можно бы къ нему послать более честного».

Всего разказаннаго мною достаточно, чтобы внимательный читатель самъ увидѣлъ мелкія ошибки Герцена въ родѣ офицерскихъ эполетъ бывшаго уже въ отставкѣ Ибаева, зачисленія Герцена во второй разрядъ и т. п.

Въ маѣ 1838 г. Ибаевъ былъ выпущенъ изъ крѣпости и 12-го числа отправленъ III Отдѣленіемъ въ Пермь съ жандармомъ для опредѣленія его на службу подъ самымъ строгимъ надзоромъ начальства. Онъ былъ помѣщенъ въ канцелярію губернскаго правленія и вскорѣ же назначенъ смотрителемъ губернской типографіи (архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло деп. полиціи исполн. 1838 г. № 160).

16. Приговоръ былъ объявленъ 31 марта и тогда же со всѣхъ взята подписка впредь подобнаго ничего не дѣлать.

Считаю не лишнимъ перечислить здѣсь всѣхъ остальныхъ, привлекавшихся къ дѣлу, о которыхъ не упомянуто ни Герценомъ, ни въ комментаріяхъ. Всѣ они въ группировкѣ слѣдственной комиссіи входили въ третій разрядъ—«бывшіе въ сообществахъ, гдѣ происходило пѣніе дерзкихъ стиховъ»:

Студентъ Минъ, студентъ Николай Ивановъ, Петръ Бѣляевъ, дворовый князя Кугушева и студентъ Перемышловскій. Всѣ освобождены отъ отвѣтственности и надзора.

Въ мартѣ 1837 г. Н. С. Убини былъ опредѣленъ въ канцелярію СПб. ген.-губернатора помощникомъ столоначальника (дѣло деп. полиціи исполн. 1839 г. № 553).

17. Въ архивѣ мин. внутр. дѣлъ хранятся дѣла о лицахъ, находившихся подъ надзоромъ полиціи; свѣдѣнія эти, въ видѣ особыхъ вѣдомостей, собирались отъ всѣхъ губернаторовъ и пр. съ 1834 г. трижды въ годъ: за январскую (январь—апрѣль), майскую (май—августъ) и сентябрьскую (сентябрь—декабрь) трети. Привожу здѣсь «вѣдомость о состоящихъ подъ надзоромъ полиціи въ Пермской губерніи лицахъ за майскую треть 1835 года» (дѣло деп. полиціи исполн. 1835 г. № 527). Такія же вѣдомости посылались губернаторами одновременно въ III Отдѣленіе С. Е. И. В. канцелярію для всеподданнѣйшаго о нихъ доклада шефа жандармовъ (*см.* стр. 360—365).

18. Изъ приведенной «вѣдомости» можно точно установить, кто изъ ссыльных поляковъ присутствовалъ. Въ качествѣ хозяина могъ быть только Фома Куявскій, гости его—Цѣхановичъ, Зелинскій и Козловскій. Вотъ нѣсколько данныхъ къ біографіи второго изъ нихъ.

Въ 1841 г. Могилѣ-Цѣхановичу (полная фамилія, употребленная

имъ только въ одномъ прошеніи) предоставлено было избрать мѣсто жительства въ одной изъ ближайшихъ къ родинѣ губерній; онъ остановился на Черниговской.

Въ іюнѣ 1846 г. онъ подалъ прошеніе гр. Орлову о возвращеніи на родину, въ Виленскую губернію. «Слишкомъ рано, почти на зарѣ жизни призвало меня провиденіе на путь страданія; я ишелъ семнадцать лѣтъ по этой стѣзи, неутруждая, нисловесно, ниписьменно, ни монарха ни Августѣйшаго его Семейства, ниже кого изъ лицъ имѣющихъ нато власть объ облегченіи моей участи». Жалуясь на крайнее свое истощеніе и болѣзненность, онъ просилъ дать ему возможность, хоть около гроба, вернуться домой, чтобы поддержать мать и семейство рядомъ мѣръ по хозяйству. Въ сентябрѣ шефъ жандармовъ сообщилъ черниговскому губернатору, что прошеніе не можетъ быть удовлетворено.

Въ 1848 г. мать его снова просила о возвращеніи сына въ Виленскую губернію,—опять отказъ. Въ 1849 г. Цѣхановичъ просилъ самъ, и тоже получилъ отказъ: такъ помнило правительство дѣло Конарскаго, Гордынскаго, Шиманскаго и Пищетовскаго (архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц., 1 эксп. 1833 г. дѣло № 201, ч. 38).

19. Дальнѣйшее впервые напечатано въ «Колоколѣ» 1860 г., л. 85 (15 ноября) съ такими вводными словами Герцена: «Помѣстивъ эту чрезвычайно дѣльную статью («Положеніе евреевъ въ Россіи»—*М. Л.*), я прошу позволенія въ дополненіе къ ней присовокупить небольшой отрывокъ изъ прибавленной главы къ «„Тюрьмѣ и ссылкѣ“».

20. 1 іюня высоч. приказомъ Герценъ былъ опредѣленъ въ вятское губернское правленіе переводчикомъ, 19 мая прибылъ въ Вятку, 20-го состоялось представленіе его губернатору.

21. Документы, по которымъ Герценъ провѣрилъ въ послѣдствіи рассказъ доктора Чеботарева, уцѣлѣли и до сихъ поръ, хранясь, въ видѣ толстаго «дѣла», въ архивѣ министерства вн. дѣлъ. Указанія Петровской на Александра I въ документахъ, разумѣется, нѣтъ, не было, вѣроятно, и въ III Отдѣленіи, куда со страху министерскіе чиновники должны были передать опрашиваемую, какъ только она заикнулась объ имени «Благословеннаго»: тамъ такое показаніе не записали бы, а доложили бы императору на словахъ. Можно, однако, вѣрить, что такое показаніе она могла сдѣлать, по наученію Тюфяева, какъ увидимъ, не брезговавшаго ничѣмъ.

Не исправляя по ходу рассказъ Герцена о дѣлѣ Петровскаго, привожу краткое содержаніе его по даннымъ архива.

8 іюля 1830 г. Бенкендорфъ прислалъ мин. вн. дѣлъ гр. Закревскому копію своей всепод. докладной записки, на которой Ни-

колай I положилъ резолюцію: «Передать министру вн. дѣлъ съ тѣмъ, чтобы Петровскаго и сестру его вытребовалъ сюда, для чего придать жандармскаго офицера и предварить полковника Маслова. По прибытіи же ихъ сюда, отобрать подробное показаніе». Изъ записки Бенкендорфа видно, что еще въ февралѣ 1830 г. онъ представлялъ государю анонимное письмо изъ Пермской губ., гдѣ было сказано, что тамошній губернаторъ, «будучи низкаго происхожденія и человѣкомъ мало образованнымъ, чрезвычайно гордъ, тщеславенъ и самовластенъ. Одинъ благородный молодой человѣкъ, желая защитить честь сестры своей отъ любово-страстныхъ преслѣдованій губернатора Тюфяева, былъ взятъ подъ стражу и едва ли не содержится до сихъ поръ за карауломъ, подъ предлогомъ сумасшествія». Николай приказалъ тогда «стараться узнать истину». Шефъ жандармовъ поручилъ симбирскому жандарму Маслову заняться этимъ дѣломъ. Масловъ донесъ, что почти все, сказанное анонимомъ, справедливо. Позже, въ іюнѣ онъ донесъ дополнительно, что сынъ бывшаго межевого прокурора Александръ Степановичъ Петровскій по смерти отца переѣхалъ изъ Кунгура въ Пермь. «Опасаясь, чтобы частыя посѣщенія губернатора не повредили доброй славы его сестры, онъ старался отвращать сіи посѣщенія, но, не успѣвъ въ этомъ, впалъ въ задумчивость и рѣдко выходилъ со двора. Однажды губернаторъ въ необыкновенное время пришелъ къ нему въ домъ. Петровскій спросилъ его о причинѣ частыхъ его посѣщеній и получилъ въ отвѣтъ, что губернаторъ пріѣзжаетъ не къ нему, а къ его сестрѣ. Петровскій, оскорбившись симъ отвѣтомъ, съ угрозою вышелъ изъ комнаты и, какъ полагаютъ, побѣжалъ за саблею. Губернаторъ, не дождавшись его, удалился столь поспѣшно, что забылъ взять шляпу, и приказалъ городничему Дамичу посадить Петровскаго, какъ сумасшедшаго, въ больницу. Городничій нашель комнату Петровскаго запертою и вмѣстѣ съ лѣкаремъ Ардашевымъ силою вломился въ оную. Петровскій защищался саблею, ранилъ городничаго въ руку и заставилъ его удалиться. Засимъ губернаторъ послалъ къ Петровскому частнаго пристава Аронова, который обманомъ выманилъ Петровскаго изъ комнаты, связалъ ему руки и отправилъ въ больницу, въ которой онъ содержится уже третій годъ». Полковникъ Масловъ, посѣтивъ Петровскаго въ больницу, доносилъ, что «безъ сожалѣнія нельзя смотрѣть на сего несчастнаго молодого человѣка, который, отвѣчая на всѣ вопросы совершенно разумно, жаловался на дурное содержаніе и пищу, сказалъ, что онъ опасается, чтобы его не отравили, и спросилъ, скоро ли разсмотрятъ его дѣло». (Еще 3 ноября 1827 г. Тюфяевъ донесъ объ этомъ «происшествіи» государю и министру вн. дѣлъ, но,

конечно, совсѣмъ въ другихъ краскахъ). «Въ доказательство стараній внушить Петровскому безтолковыя идеи,—продолжалъ Масловъ—въ оправданіе злого поступка съ нимъ губернатора, служить то обстоятельство, что уже въ продолженіе трехъ лѣтъ твердятъ ему, будто австрійскій императоръ прислалъ посланниковъ для разсмотрѣнія его дѣла». «Сестра Петровскаго находится на содержаніи у губернатора, прижила уже трехъ дѣтей, ѣздила съ нимъ на прошедшую ирбитскую ярмарку и вообще оказываетъ большое на него вліяніе. Всякій чиновникъ, желающій получить мѣсто, обращается прежде съ просьбою къ ней. По слухамъ, губернаторъ имѣетъ также тѣсную связь съ женою совѣтника казенной палаты Розинга, и одинъ извѣстный чиновникъ говорилъ однажды, что, служа въ Пермской губ., должно исполнять волю пяти губернаторшъ. 12 мая, вечеромъ въ домѣ совѣтника Никольскаго губернаторъ совѣтовался съ нѣкоторыми чиновниками, какія принять мѣры, чтобы дать благовидный оборотъ дѣлу о Петровскомъ, на случай, когда оно дойдетъ до свѣдѣнія правительства».

10 іюля Бенкендорфъ препроводилъ министру вн. дѣлъ рапортъ Маслова отъ 3 іюня съ приложеніями. «Тюфяевъ управляетъ вѣренною ему губернію съ нѣкоторымъ самовластіемъ; поводомъ сему служитъ, что большая часть чиновниковъ по собственнымъ ихъ дѣламъ должны непременно оставаться въ безмолвіи и слѣпо исполнять волю начальника, имѣющаго надъ ними большое вліяніе, будучи подъ особеннымъ его покровительствомъ, рѣшаются безболѣзненно входить въ торговые обороты, подряды и откупа, что воспрещается закономъ. Наружный порядокъ, устройство губернскаго города на первый взглядъ покажетъ всегда всякому попечительность начальника, но вникнувъ обстоятельно, ясно представится одинъ обманчивый блескъ, прикрывающій собою упущенія по управленію губерніей. Нравственность г. губернатора и мстительность его ясно обнаруживаются непозволительными связями съ Петровскою и другими женщинами, и поступокъ его съ братомъ первой, слѣдственно, подобный примѣръ есть неоспоримое сему доказательство». Въ приложеніяхъ указано на всякаго рода злоупотребленія Тюфяева: присвоеніе казенныхъ суммъ, покровительство взяточникамъ и казнокрадамъ, заинтересованность въ разныхъ постройкахъ, покровительство дѣвушкамъ изъ воспитательнаго дома и пр., и пр.

Получивъ приказаніе министра о присылкѣ Петровскаго и его сестры, Тюфяевъ собственноручно донесъ, что немедленно его исполнить, и прибавилъ: «Осмѣливаюсь донести вашему выс—ству: всю силу власти, званію моему присвоенную, устрямляю я, къ пользѣ и благодѣнствію народа; благодѣнствуютъ всѣ призраемые, въ

числѣ ихъ и Петровскій, помѣщенный, въ городскую больницу, о которомъ прилагается особѣнное попѣченіе, ибо онъ находится въ помѣшательствѣ ума. Онъ объявляетъ себя ближайшимъ родственникомъ австрійскаго императора и что съ правительства російскаго слѣдуетъ ему получить двѣсти миліоновъ руб. золотомъ и серебромъ, доставшихся ему по наслѣдству отъ его прадѣда, который назывался Людвикъ-Петрикъ; что правительство наше, желая завладѣть его наслѣдствомъ, положило отравить его ядомъ, и потому хлѣба не ѣстъ онъ иначе, какъ обрѣзавъ кругомъ корки, не пьетъ иной воды, какъ растаянной имъ самимъ изъ льда или снега; прочую пищу употребляетъ также, со всѣй осторожностію и разсмотрѣніемъ. Недавно сказывалъ мнѣ, что въ Петербургъ пріѣхалъ австрійскій посланникъ именно на щетъ его, но что несмотря на конвенцію имъ привѣзенную скрываютъ его Петровскаго здѣсь тайно, и проч. Изъ сихъ сумасбродныхъ идей, происходятъ жалобы, на правительство; но устраиваемыя, противу меня, ковы, раскольниками, за то что я свято и строго исполняю, Высочайше изданныя объ немъ правила, и лихоимцами за то, что я уничтожилъ въ губерніи противозаконные сборы и существовавшія всегда, кормовые дома, и что не скрываю ни когда презрѣнія моего къ взяточникамъ, жалобы съ ума сшедшаго на правительство, облекли въ жалобы на нѣкоторыхъ чиновниковъ, или прямо на меня. Волю Его Императорскаго Величества, о присылкѣ Петровскаго въ С.-П.-бургъ, пріемлю я, благомъ неба, покровительствующаго мою невинность» и т. д.

27 августа Петровскіе были отправлены съ поручикомъ Подгорнымъ.

Въ апрѣлѣ 1830 г. Клеопатра Степановна Петровская подала всепод. прошеніе объ учрежденіи опеки надъ больнымъ своимъ братомъ. Прошеніе это разсматривалось въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ губернскаго правленія, журналы котораго представляютъ образецъ стариннаго крючкотворства и подлоговъ, въ угоду губернатору, врачебнаго персонала и всѣхъ другихъ чиновъ.

Петровскій былъ допрошенъ въ департ. полиціи исполн. 24 сентября 1830 года; всѣ его желанія сводились только къ одному—дать ему свободу, изъѣвъ изъ сумасшедшаго дома. Сестра его категорически заявила, что съ Тюфяевымъ она никакой связи никогда не имѣла и считаетъ это клеветой лихоимцевъ и раскольниковъ.

11 ноября 1831 г. директоръ департамента государств. хозяйства и публичныхъ зданій увѣдомилъ директора деп. полиціи исполн., что ни одно изъ обвиненій со стороны полковника Маслова, по раз-

слідованію чиновника Крюковскаго, не подтвердилось. «Замѣчанія по всѣмъ вышеприведеннымъ предметамъ полк. Маслова не имѣють никакого основанія; а возраженія его противъ плановъ устроенія новыхъ заведеній, рассмотрѣнныхъ по искусственной и экономической части двукратно строительнымъ комитетомъ, министерствомъ вн. дѣлъ, комитетомъ гг. министровъ и утвержденныхъ именнымъ высоч. указомъ, самопроизвольны и неприличны». Очевидно «нищій» Тюфяевъ щедро оплачивалъ услуги министерскихъ ревизоровъ.

Въ декабрѣ 1831 г. Петровскій былъ опредѣленъ на службу въ родной городъ Орель, а сестра его, по высоч. повелѣнію, была заключена въ нижегородскій Крестовоздвиженскій монастырь за то, что, «не взирая на священническое увѣщаніе, сдѣлала показаніе столь же ложное, какъ дерзкое» (можетъ быть, это и есть намекъ на роль Александра I).

18 апрѣля 1832 г. нижегородскій губернаторъ донесъ министру вн. дѣлъ, что Петровская имѣетъ связь съ тамошнимъ провіантскимъ чиновникомъ Шуруповымъ; дѣвица подвергнута строгому надзору трехъ старшихъ монахинь; боясь, все-таки, что, благодаря толкотнѣ въ монастырѣ въ посту и Святой, она можетъ быть увезена для вѣнчанія ея кавалеромъ, губернаторъ приказалъ выслать Шурупова въ Саратовъ, тѣмъ болѣе, что комиссаріатъ просилъ устранить его отъ закупочныхъ операцій, какъ чловѣка недобросовѣтнаго. Игуменья просила, все-таки, перевести куда-нибудь и Петровскую; въ августѣ 1832 г. она была переведена въ Христорождественскій монастырь Вятской губ.

6 августа 1832 г. Тюфяевъ, тогда уже тверской губернаторъ, сообщилъ министру вн. дѣлъ, что, уѣзжая изъ Перми, Петровская оставила ему документы на владѣніе ея дворовыми людьми и заемныя письма, о чемъ онъ тогда же доносилъ по начальству, и зная, что она нуждается въ нихъ, посылаетъ ихъ министру для пересылки по назначенію (архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло деп. полиціи исполн. 1830 г. № 425).

Біографическія данныя о Тюфяевѣ въ литературѣ отсутствуютъ. Если бы не рассказанное Герценомъ, то эта личность вовсе не была бы освѣщена. Вотъ почему я считаю интереснымъ привести все, что мнѣ удалось найти о немъ въ архивѣ министерства вн. дѣлъ.

Происходя изъ военныхъ, Тюфяевъ, по «окончаніи наукъ», какъ сказано въ его формулярѣ, въ тобольскомъ главномъ народномъ училищѣ, вступилъ 20 лѣтъ въ службу въ бывшій тобольскій губернскій магистратъ копистомъ 14 февраля 1795 г.; произведенъ въ подканцеляристы въ іюль, въ канцеляристы—въ декабрѣ; въ 1797 г. переведенъ въ тобольскій нижній земскій судъ; въ 1800

произведенъ въ кол. регистраторы, тогда же перемѣщенъ въ штатъ губернскаго правленія и находился при управленіи дѣлами гражд. губернатора; въ 1802 г. опредѣленъ въ штатъ гродненскаго губерн. правленія; въ 1803 г.—секретарь губернатора; въ 1804 г. произведенъ въ губ. секретари, 1806 г.—въ тит. совѣтники; одновременно работалъ въ разнаго рода комиссіяхъ; въ 1808 получилъ высоч. подарокъ чрезъ литовскаго воен. губернатора Римскаго-Корсакова; въ 1810 г. награжденъ Владиміромъ 4 ст., въ 1811 г. опредѣленъ совѣтникомъ въ гродненскую каз. палату; въ 1812 командированъ во 2-ю Западную армію къ ген.-интенданту Ланскому; по соединеніи обѣихъ западныхъ армій поступилъ къ главноуправлявшему интенд. частью въ нихъ Ланскому; награжденъ Анной 2 ст. Министръ полиціи ген.-ад. Балашевъ секретнымъ предписаніемъ отъ 31 января 1812 года увѣдомилъ гродненскаго губернатора, что онъ имѣлъ счастье доводить до свѣдѣнія государя замѣчанія его о бывшемъ герцогствѣ Варшавскомъ и государь повелѣлъ объявить Тюфяеву монаршее благоволеніе; въ 1813 г. пожалованъ въ 8 классъ; въ сентябрѣ 1813 г. командированъ по дѣламъ б. герцогства Варшавскаго къ гр. Аракчееву, при которомъ находился до апрѣля 1814 г.; въ 1815 г. произведенъ въ надв. совѣтники; до упраздненія временнаго въ Ц. Польскомъ правительства находился при Ланскомъ въ качествѣ директора канцеляріи по части ген.-губернатора и потомъ по части предсѣдателя пр. сената Ц. Польскаго; въ 1815 г. награжденъ 2500 руб.; въ 1816 г. командированъ къ д. т. сов. Новосильцову по дѣламъ, производившимся въ канцеляріи Ланскаго и бывшаго пр. сената Ц. Польскаго; въ августѣ 1817 г. опредѣленъ вице-губернаторомъ Кавказской губерніи съ производствомъ въ кол. совѣтники; въ мартѣ 1819 г. переведенъ вице-губернаторомъ въ Пензенскую губ.; въ 1820 г. получилъ Владиміра 3 ст.; въ мартѣ 1824 г. опредѣленъ пермскимъ гражд. губернаторомъ съ производствомъ въ стат. совѣтники; въ 1826 г. награжденъ Владиміромъ 2 ст.; въ 1827 произведенъ въ дѣйств. ст. совѣтники и въ 1824—30 гг. удостоенъ восьми высоч. благоволеній. Въ 1825 г. ему пожаловано на уплату долговъ 25,000 рублей и повелѣно производить содержаніе, присвоенное губернаторамъ губерній не 3-го, а 2-го разряда. Ген.-адъютантъ гр. Дибичъ-Забалканскій, увѣдомляя о семъ 19 августа 1825 г. министра вн. дѣлъ, «изъяснилъ, что по докладу всеподданнѣйшаго прошенія г. Тюфяева, государь императоръ отозваться изволилъ, что его величеству пріятно воспользоваться случаемъ изъявить ему знакъ своего благоволенія, на которе онъ пріобрѣлъ право своею усердною и примѣрною службою и попеченіемъ о губерніи, въ чемъ его вели-

чество удостоившись въ проѣздъ чрезъ оную». Не была ли эта слишкомъ ужъ щедрая награда платой за связь съ Петровскою?... Въ 1829 г. награжденъ Анной 1 ст.; 16 марта 1831 г. назначенъ минскимъ гражд. губернаторомъ.

9 апрѣля 1831 г. Тюфяевъ писалъ министру вн. дѣлъ гр. А. А. Закревскому: «Я не имѣю счастья, быть извѣстнымъ Его И. Величеству, неизвѣстенъ также и Вашему Сіятельству, почитаю священнымъ долгомъ, повергнуть себя къ священнымъ стопамъ Г. И. и предстать предъ Особу В. С., осмѣливаюсь просить Милостиваго позволенія, пріѣхать мнѣ въ Санктпетербургъ, быть тамъ нахожу необходимымъ для испрошенія наставленій по новой моей должности и для испрошенія помощи отъ угнѣтающей меня бѣдности. Я обремененъ долгами. Бога и людей призываю въ свидѣтели, что въ продолженіи 37-лѣтней службы моей не только руки мои но и мысли мои неосквернены постыдными и преступными приобретеньями. Все достояніе мое есть жалованье. Прейдя всѣ степени чиновъ и имѣя при каждомъ возвышеніи неизбѣжныя надобности, я постепенно вошелъ въ долги; сіе тяжкое бремя отнимающее духъ и покойствіе увеличивалось съ возрастомъ трехъ сыновей, увеличивается и нынѣ на поддержаніе ихъ ¹⁾, изъ нихъ старшій (Павелъ) Шт.-капитанъ Генеральнаго Штаба, въ прошедшія турецкія компаніи покрытъ ранами и нынѣ служитъ въ Арміи дѣйствующей противъ мятежниковъ, другій (Александръ) Капитанъ Корпуса Инженеровъ Путей сообщенія управляетъ Маріинскою системою; третій (Иванъ) юнкеръ во 2-мъ Карабинерномъ полку. Всѣмъ имъ помощь необходима. Сіятельнѣйшій Графъ! повторяю еще я столько бѣденъ, что неимѣю никакой возможности отправить семейство и самому тронуться съ мѣста; умоляю В. С. исходатайствовать мнѣ у Всемилостивѣйшаго Государя пособіе на путевые издержки. Съ истиннымъ Высокопочитаніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть Сіятельнѣйшій Графъ Милостивый Государь Вашего Сіятельства вѣпокорнѣйшій слуга *Кирилл Тюфяевъ*».

Онъ еще не двинулся изъ Перми, какъ 26 апрѣля 1831 г. былъ назначенъ тверскимъ губернаторомъ, за экстреннымъ увольненіемъ отъ этой должности д. ст. сов. гр. Апраксина, назначеннаго состоять по особымъ порученіямъ при шефѣ жандармовъ съ переименованіемъ въ генераль-маіоры.

8 мая управлявшій министерствомъ товарищъ министра вн. дѣлъ Новосильцовъ просилъ объ удовлетвореніи просьбы Тюфяева

¹⁾ Женатъ былъ Тюфяевъ на дворянкѣ Урусовой, умершей послѣ 1840 г.

выдачею ему пособія на подъемъ въ размѣрѣ 5000 руб., а ему самому приказаль отправляться, минуя Спб., прямо въ Тверь. Комитетъ министровъ уважилъ это представленіе, государь согласился; 5000 р. были выданы уже въ Твери.

Въ началѣ 1831 г. совѣтъ министерства финансовъ сдѣлалъ начеть на Тюфяева, по должности кавказскаго вице-губернатора, въ 1929 р. за вино, пущенное въ 1819 г. съ перегарными градусами, и за убытки, причиненные тѣмъ казнѣ. Въ теченіе пяти лѣтъ Тюфяевъ отписывался отъ этого взысканія, но наконецъ, въ апрѣлѣ 1836 г., уже будучи вятскимъ губернаторомъ, долженъ былъ приказать казенной палатѣ дѣлать узаконенный вычетъ изъ своего содержанія.

1 мая 1831 г. онъ напомнилъ министру вн. дѣлъ о бумагахъ Дибича-Забалканскаго отъ 1825 г. и просилъ сохранить ему высоч. дарованную милость, но при томъ очень ловко: не столько о сохраненіи за нимъ оклада 2 разряда, сколько о ежегодной прибавкѣ въ 3000 рублей, каковая сумма, собственно, и была разницей между 2 и 3 разрядами. Въ Спб. не сразу поняли эту крючкотворную уловку и увѣдомили его, что окладъ 2 разряда сохраняется, но, кромѣ того, никакихъ доплатъ дѣлаемо быть не можетъ. Тогда Тюфяевъ опять обратился съ письмомъ къ товарищу министра вн. дѣлъ:

«Бѣдность, спутница моя, отъ самой колыбѣли, вынуждаетъ меня, по поводу предписанія Вашего Выс—ва отъ 18 Сентября за № 3116-мъ вновь обратится съ прошеніемъ, о производствѣ все-милостивѣйше пожалованныхъ къ губернаторскому окладу 3 т. рублей. Можетъ быть я заблуждаюсь, почитая прибавку сію неотлепимою; но немогу не просить продолженіе сей милости, ибо дороговизна здѣшняя на всѣ потребности усугубляетъ бѣдность мою, до послѣдней крайности; я ни чего не имѣю, и бывъ сохраненъ Богомъ, отъ способности къ постыднымъ приобритеніямъ, ненадѣюсь имѣть ни чего; одна надежда, на милосердіе Г. И. и участіе начальства въ бѣдственномъ моемъ положеніи, если служба моя можетъ дать мнѣ на нихъ право. Подношу у сего новое представленіе. Уваженіемъ его, В. В—во, окажете благодѣяніе неимущему служащему Государю и отечеству, вѣрою и правдою».

25 февраля 1832 г. Тюфяевъ просилъ: о выдачѣ ему знака отличія безпорочной службы, о добавкѣ ежегодно 3000 руб. и объ отпленіи губернаторскаго дома за счетъ городскихъ доходовъ Твери. Просьбу его поддержалъ Бенкендорфъ, увѣдомившій 4 марта 1832 г. министра, что ген.-маіоръ гр. Апраксинъ представилъ ему, что «во время нахожденія его въ Твери онъ не получалъ ни одной жалобы на гражд. губернатора, и что, напротивъ того, всѣ сословія

отдавали справедливость его честности и безкорыстію». Въ 1833 г. удостоенъ высочайшаго удовольствія за успѣшное взысканіе по губерніи недоимокъ; 13 апрѣля 1834 г. назначенъ вятскимъ губернаторомъ; въ 1835 г. такая же «почетная» награда была повторена дважды, и, кромѣ того, пожалована аренда за отлично-усердную службу, на 25 лѣтъ по 1500 рубл. сер. ежегодно; въ 1836 г. опять удостоенъ высочайшаго удовольствія за тѣ же недоимки.

Этому не помѣшали очень нелестныя свѣдѣнія о Тюфяевѣ, постепенно, съ 1834 по 1837 г., поступавшія въ III Отдѣленіе. Они любопытны. Еще о тверскомъ «воеводствѣ» сообщалось изъ губерніи, что Тюфяевъ очень тѣснилъ чиновниковъ, поощрялъ лихоимцевъ, самъ былъ нечистъ при торгахъ на земскую почту и т. п. Если жанд. полк. Дейеръ всячески его защищалъ, зато гр. Апраксинъ въ сентябрѣ 1834 г. утверждалъ, что въ Вяткѣ Тюфяевъ «имѣетъ семейственную жизнь самую предосудительную; онъ, завладѣвъ женою своего дворецкаго, содержитъ ея явнымъ образомъ какъ свою наложницу; а супругу свою совсемъ оставилъ, которая потому и осталась жить въ домѣ втораго своего сына». Вскорѣ Апраксинъ добавилъ, что вятскій губернаторъ «дворецкому своему выдаетъ отпускную съ тѣмъ чтобы онъ удалился на жительство въ Польшу». Въ ноябрѣ 1834 г. Апраксинъ донесъ шефу жандармовъ, что взяточничество чиновниковъ вятской городской полиціи продолжаетъ обращать на себя вниманіе, и что «поступки ихъ хотя и доводимы были до свѣденія начальника губерніи; но имъ оныя оставлены безъ преслѣдованія. Нынѣ корпуса жандармовъ подп. Бекъ доноситъ мнѣ, что г. губернаторъ Тюфяевъ продолжаетъ потворствовать симъ чиновникамъ; а свѣденія его г. Бека о ихъ злоупотребленіяхъ наружно хотя и принимаетъ съ признательностію, но только для того, чтобы оставлять оныя безъ всякаго вниманія». Смѣнившій Бека маіоръ А. Замятинъ вскорѣ замѣтилъ, что его донесенія, въ которыхъ говорилось о Тюфяевѣ, не доходили до шефа жандармовъ, и просилъ Дубельта разрѣшить ему посылать копіи такихъ донесеній кому-либо изъ чиновниковъ III Отдѣленія. Вотъ какъ онъ характеризовалъ вятскаго губернатора: «самолюбіе, властолюбіе, мщеніе и прочіе синонимы такъ глубоко вкоренены и въ душѣ и въ сердцѣ его, что уже тамъ нѣтъ мѣста чему либо противному ихъ; то есть хорошимъ чувствамъ. Неблагодарное и свое высказываетъ явно, неприкрываясь даже личною благонамѣренности. При первомъ свиданіи нашемъ онъ сказалъ мнѣ: что не только проситъ но даже требуетъ, чтобы я сообщалъ ему о всѣхъ злоупотребленіяхъ которыя дойдутъ до моего свѣдѣнія. Я и повѣрилъ. Но что жъ! Что бы я ни сказалъ, что бы я

ни написалъ ему, за все неудовольствіе. Многіе штабъ-офицеры получаютъ благодарность и награды по представленіямъ губернаторовъ; господинъ же Тюфяевъ такой человѣкъ, что если онъ кого похвалить, то и спрашивать не нужно: вѣрно ужъ тотъ очень дурной человѣкъ. Я до смерти боюсь чтобъ онъ не написалъ про меня чего либо хорошаго: мнѣ будетъ весьма обидно. Между тѣмъ я съ нимъ въ миру».

Въ виду пріѣзда наслѣдника Тюфяевъ доносилъ государю о сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ и приготовленіяхъ и, по высоч. повелѣнію, сдѣланъ былъ ему министромъ вн. дѣлъ Блудовымъ «строгій выговоръ за его неблагоразумныя и ни съ чѣмъ не сообразныя распоряженія, съ строжайшимъ воспрещеніемъ всякаго отступленія отъ предписаннаго порядка».

28 мая 1837 г., по высоч. повелѣнію, Танѣевъ увѣдомилъ министра вн. дѣлъ, что «несмотря на сдѣланный строгій выговоръ вятскому гр. губернатору Тюфяеву за неблагоразумныя его распоряженія по случаю проѣзда Е. И. В. Г. Наслѣдника-Цесаревича, во многихъ мѣстахъ, какъ то въ М. Г., усмотрѣть изволите изъ письма ген.-ад. Кавелина, глупости сіи исполнялись. Е. И. В., повелѣвъ уволить отъ службы губернатора Тюфяева, высочайше соизволяетъ, чтобъ в. пр.—во представили другаго на его мѣсто, подвергнувъ равномѣрно взысканію и виновнаго городничаго». Кавелинъ писалъ государю, что въ г. Орловѣ «великій князь былъ недоволенъ городничимъ, на котораго жаловались жители, что онъ имъ строжайше запретилъ подавать просьбы его высочеству и для пріѣзда его слишкомъ крутыми мѣрами принуждалъ жителей дѣлать деревянные тротуары, а тѣмъ, которые не въ состояніи были выполнить его требованій ставилъ экзекуцію, такъ какъ онъ сознался, что дѣлалъ это изъ усердія къ службѣ, исполняя волю начальника, то я объявилъ губернатору, что его высочеству весьма непріятно, что проѣздъ его обращается въ отягощеніе жителямъ».

29 мая состоялся указъ сенату объ увольненіи Тюфяева отъ должности.

28 іюня 1837 г. Замятинъ донесъ гр. Апраксину, что «по полученіи извѣстія объ увольненіи вятскаго гражд. губ. Тюфяева, общая радость одушевила всѣ сословія. За исключеніемъ членовъ казенной палаты, правителя его канцеляріи, вятскаго градскаго главы, откупщика и подрядчика купца Гусева и другихъ подрядчиковъ, откупщиковъ и управляющихъ винными откупами, всѣ чиновники, купцы и мѣщане возсылаютъ благодареніе богу за проѣздъ государя наслѣдника, избавившаго губернію отъ неблагонамѣннаго начальника. Въ уѣздахъ члены земской полиціи вѣроятно

будуть сожалѣть о немъ». 2 іюля Замятинъ, сообщая о желаніи Тюфяева остаться въ Вяткѣ около года, пока не прищеть купить гдѣ-либо выгодное имѣніе, просилъ для пользы губерніи немедленно удалить его изъ нея.

16 іюня 1837 г. Тюфяевъ писалъ министру вн. дѣлъ: «Сего 16 іюня, получилъ я предписаніе Вашего вы—ва, адресованное на имя правящаго должность вятскаго гражд. губернатора объ отрешеніи отъ должности орловскаго городничаго. Судя по адресу и по самому предписанію, я долженъ ожидать горькой участи; готовъ принять ее съ покорностію. Къ благодѣяніямъ вашимъ прибавте послѣднѣе ежели возможно: ходатайствомъ вашимъ у Всемилостивѣйшаго Государя Императора, не оставте 42-хъ лѣтней службы моей, безъ куска хлѣба». Гр. Софія Строганова (урожд. кн. Голицына) писала Блудову, что, зная Тюфяева, «какъ самаго честнаго человѣка, въ чемъ и настоящее его положеніе свидѣтельствуешь», просить обратить вниманіе на «странную и сожалѣнія достойную судьбу сего человѣка» и дать ему узаконенную пенсію. Блудовъ отвѣтилъ, что дастъ ходъ ея просьбѣ, когда соберетъ необходимыя свѣдѣнія по дѣлу, къ которому Тюфяевъ оказался прикосновеннымъ. Тюфяевъ взволновался и написалъ министру пространную бумагу, доказывая, что всѣ неудовольствія по проѣзду наслѣдника есть «плодъ клеветы и интриги прокурора Мейера, инспектора врачебной управы Воскобойникова, губернскаго стряпчаго и уѣзднаго лѣкаря, вызваннаго изъ отдаленнаго города». Что касается жалобы жены купца Муралева на орловскаго городничаго Давыдова о притѣсненіяхъ ея мужу, и жалобы мѣщанки Булычевой на того же городничаго за устройство тротуара, то все это тоже клевета. «Я видѣлъ всѣ устремленныя сдѣсь противъ меня коварства, но молчалъ объ нихъ, какъ о дѣйствіяхъ достойныхъ презрѣнія, въ полной увѣренности, что они сами по себѣ откроются и посрамятъ преступныхъ; но узнавъ теперь, что я, считаюсь прикосновеннымъ какъ полагаютъ должно къ дѣлу по излѣченію и содержанію кантонистовъ, вынужденнымъ себя нахожу, обратится къ В. Выс—ву съ убедительнѣйшею просьбою, обнаружить взведенную на меня несправедливость, не справедливость тѣмъ болѣе преступную, что клевета представлена въ видѣ истины Государю Наслѣднику и Е. И. Величеству. Предъ Государемъ Императоромъ я виноватъ безъ оправданія, въ томъ, что увлекшись усердіемъ, встрѣтить Государя Наслѣдника лучше, сдѣлалъ распоряженія, признанныя несообразными; этотъ проступокъ послѣдовалъ мгновенно: получивъ повелѣніе о путешествіи Его Высочества и восхитясь симъ событіемъ, я въ тужъ секунду распорядился, къ несчастію моему, не обдуманно, но когда указана мнѣ

В. В.—вомъ по Высоч. Е. И. В. повелѣнію, ошибка моя, я тогда же и прежде еще прибытія въ Вятку Его Высочества, отмѣнилъ то, что здѣлалъ прежде». Дальше онъ указалъ, что видитъ козни противъ себя пермскаго губернатора Селластеника, утверждавшаго непрочность построенныхъ при немъ въ Перми зданій. «Отъ сихъ козней я не получилъ даже знака отличія безъ порочной службы, а Селластеникъ имъ украшается»—закончилъ Тюфяевъ свое длинное оправданіе отъ 12 ноября 1837 г., писанное еще въ Вяткѣ. Въ январѣ 1838 г. (тоже изъ Вятки) Тюфяевъ писалъ: «положеніе мое, такъ стеснено, что я скоро буду нуждаться въ пропитаніи; оно вынуждаетъ меня возобновить прозбу мою о пенсіи. Ежели несчастья до того отяготѣли на мнѣ, что я не долженъ надѣяться получить заслуженный кусокъ хлѣба, то будте Великодушны, не оставте меня наставленіемъ: должно ли мнѣ обратиться съ объясненіемъ къ Государю Наслѣднику, что онъ преступною ложью вовлеченъ въ необходимость донести Е. И. В., что кантонисты одержимы глазами болѣзнями содержатся и пользуются весьма дурно».

Представляя о награжденіи Тюфяева узаконенной пенсіей, министръ вн. дѣлъ долженъ былъ изложить ближайшія обстоятельства его увольненія и прибавить: «Сверхъ того, по службѣ д. ст. сов. Тюфяева пермскимъ гражд. губернаторомъ, онъ былъ прикосновененъ къ дѣлу о бывшихъ безпорядкахъ при постройкѣ тюремъ въ Перми, Кунгурѣ и Екатеринбургѣ»... «Вина Тюфяева, подъ непосредственнымъ распоряженіемъ коего производились означенныя постройки, состоитъ въ томъ только, что онъ безъ разрѣшенія главнаго начальства допустилъ нѣкоторыя отступленія отъ утвержденныхъ проектовъ».

Заключительнымъ аккордомъ вдругъ сорвавшагося счастья было дѣло въ сенатѣ, ясное изъ приводимаго ниже указа министру вн. дѣлъ: «По указу Е. И. В., Прав. Сенатъ слушали дѣло по донесенію Тверской казенной палаты о неправильныхъ дѣйствіяхъ бывшего тамъ гражд. губернаторомъ д. ст. сов. Тюфяева по дѣлу о недостаткѣ по климовскому волостному правленію суммы. Приказали: Изъ дѣла сего видно: 1, что Тверская каз. палата въ донесеніяхъ Пр. Сенату по дѣлу объ оказавшемся въ климовскомъ вол. правленіи недостаткѣ разнаго казеннаго сбора, насчетъ бывшего гражд. губернатора д. ст. сов. Тюфяева выводитъ, что онъ произвольно и безъ вѣдома ея отдалъ въ рекруты волостнаго писаря Іонова, въ бытность котораго означенный недостатокъ послѣдовалъ и отъ отдачи котораго въ рекруты книги остались неписанными; поручалъ производить предварительное изысканіе такому чиновнику, котораго указомъ сената велѣно въ производство къ чину не вклю-

чать; входилъ въ разсмотрѣніе рѣшенія уголов. палаты по означенному дѣлу въ противность 1-го пункта манифеста о поединкахъ; обращалъ оное къ дослѣдованію черезъ чиновниковъ, прикосновенныхъ къ дѣлу, и требовалъ отъ палаты за 10 лѣтъ книгъ, вовсе къ дѣлу не относящихся;—напротивъ того бывший гражд. губ. Тюфяевъ въ объясненіяхъ своихъ показываетъ, что причиною растраты общественныхъ денегъ были собственныя упущенія каз. палаты, которая не равизовала счетоводства и не повѣряла книгъ волостныхъ правленій; что чиновникомъ Эрномъ обнаружена по разнымъ уѣздамъ растрата собранныхъ съ казенныхъ крестьянъ въ подати и повинности денегъ, равно излишне собранныхъ по тремъ рекрутскимъ наборамъ болѣе 15,000 р.; что о растратѣ по ахтимѣвской волости болѣе 32,000 р. заключеніе каз. палаты заслуживаетъ особаго вниманія своею незаконностью, что палата не обратила вниманія на открытыя чиновникомъ Эрномъ злоупотребленія по сбору денегъ для сдачи рекрутъ и что изъ назначенныхъ обществомъ 72 семействъ палата исключила 32 семейства, довольно старшихъ, состоящихъ въ 9, 7, 6, 5, 4, и 3 душахъ, а вмѣсто ихъ назначила сама новыхъ 29 семействъ, изъ коихъ одно состояло изъ 6, четыре—изъ 4, а прочія изъ 3 душъ и между ними четыре семьи такія, которыя ставили рекрутъ по 96 набору; и 2-ое, что изъ имѣющихся въ департаментѣ госуд. имуществъ свѣдѣній оказалось, что о растратѣ общественныхъ суммъ по разнымъ казеннымъ волостямъ Тверской губерніи производятся въ судебныхъ мѣстахъ дѣла, изъ коихъ одно по климовской волости рѣшено уже уголовною палатою, а по ахтимѣвской еще разсматривается, о положеніи же прочихъ дѣлъ еще неизвѣстно.—Пр. Сенатъ, разсмотрѣвъ дѣло и согласно съ мнѣніемъ Временнаго Совѣта для управленія департаментомъ госуд. имуществъ, принимая въ уваженіе, что упущенія казенной палаты, относящіяся непосредственно къ дѣламъ о затратѣ общественныхъ суммъ по климовской и ахтимѣвской волостямъ не иначе могутъ быть обсужены, какъ по соображеніи съ обстоятельствами сихъ дѣлъ, а слѣдовательно подлежать совокупному съ оными разсмотрѣнію, самая же дѣла сіи, какъ сопряженная съ казеннымъ интересомъ, по существу своему должны быть представлены въ Пр. Сенатъ,—полагаетъ: тверскому гражд. губ. предписать, чтобы вышеозначенныя дѣла о недостаткѣ по климовскому волост. правленію разнаго казеннаго сбора на 12,000 р. и по ахтимѣвской волости болѣе 32,000 р. представлены были на разсмотрѣніе пр. Сената по 1 отдѣленію 5 департамента. Что жъ касается до прочихъ дѣлъ, производящихся въ судебныхъ мѣстахъ о неправильныхъ сборахъ съ казенныхъ крестьянъ въ Тверской

губ., кромѣ климовской и ахтимѣвской волостей, то тверскому губернскому правленію предписать, чтобъ озаботилось поспѣшнѣйшимъ оныхъ окончаніемъ и внесеніемъ установленнымъ порядкомъ въ Пр. Сенатъ и о томъ послать указъ, каковымъ увѣдомить и г. министра госуд. имуществъ. Засимъ Пр. Сенатъ усматриваетъ изъ дѣла сего, что бывшій тверской гражд. губернаторъ д. ст. сов. Тюфяевъ на указъ Пр. Сената отъ 11 августа 1833 г. за сдѣланными ему неоднократно понужденіями, доставилъ исполнительное донесеніе отъ 17 февраля 1837 г., т.-е. слишкомъ черезъ три года, а потому и полагаетъ за такую допущенную имъ, д. ст. сов. Тюфяевымъ, въ исполненіи указа сената медленность, на основ. Св. Зак. т. I Учр. Пр. Сен. ст. 462 пун. 1-го, сдѣлать ему замѣчаніе. О исполненіи чего, за увольненіемъ его, Тюфяева, отъ службъ, предоставить Вамъ, Г. Министру вн. дѣлъ, учинить надлежащее распоряженіе. Мая 6 дня 1838 года.» Проживавшій тогда въ своемъ казенномъ имѣніи Тюфяевъ 6 ноября далъ подписку, что указъ ему объявленъ.

20 ноября 1839 г. Тюфяевъ писалъ изъ Казани м. вн. д. гр. А. Строганову: «Я имѣлъ счастье получить почтеннѣйшее увѣдомленіе В. С. отъ 26 октября о Всемилостив. назначеніи мнѣ пенсіи. Благодареніе вами мнѣ оказанное преисполнило душу мою вѣчною вамъ признательностію и благодарностію, которые только удобно чувствовать, но изъяснить невозможно. Молю Бога да воздастъ онъ вамъ сторицею»; просилъ наградить позволеніемъ носить мундиръ за 13-лѣтнее служеніе въ одномъ званіи. «Можетъ быть я небуду имѣть случая и надобности надѣть его, но онъ оградить меня отъ злословія что я уволенъ отъ службы дурно. Господь Богъ видитъ что я служилъ вѣрою и правдою и душа моя не знала другаго чувства какъ пламенеть вѣрностію, усердіемъ и ревностію Государю и отечеству». 13 марта 1840 г. просьба его уважена (архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣла деп. полиціи исполн. 1827 г. № 546, 1830 г. № 425, 1831 г. №№ 180, 298, 279 и 654, 1838 г. № 14; деп. общ. дѣлъ 1837 г. № 55 и 67 и 1839 г. № 93; архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. I Эксп. 1834 г. № 43 и части *a, б, с, д.*).

22. Отставной гв. капитанъ кн. Михайлъ Михайловичъ Долгоруковъ былъ высланъ въ Вятку въ маѣ 1831 г. Въ отношеніи московскаго ген.-губ. говорилось, что кн. Долгоруковъ «за каждую ошибку строго взыскиваетъ съ служащихъ у него людей». Провожавшій князя квартальный поручикъ Лавровъ, по прибытіи съ княземъ 3 июля въ Вятку, заявилъ, что изъ взятыхъ имъ дворовыхъ, по строгому обращенію съ ними, нѣкоторые бѣжали съ дороги, и что онъ, Лавровъ, вынужденъ былъ отобрать находившееся при князѣ

оружіе, которымъ онъ намѣревался застрѣлить Лаврова. Жестокое обращеніе Долгорукова съ дворовыми замѣчено было и въ Вяткѣ на другой же день его приѣзда, когда онъ избилъ свою дворовую, а мальчику надорвалъ ухо. Въ августѣ у князя, по высоч. повелѣнію, были отобраны всѣ дворовые. Въ апрѣлѣ 1832 г. онъ переведенъ въ Пермь («Столѣтіе Вятской губ.», II, 408—409). Въ 1841 г. было разрѣшено перевести князя въ Екатеринбургъ въ непосредственное распоряженіе и подъ надзоръ главнаго начальника уральскихъ горныхъ заводовъ ген. Владиміра Глинка, но 27 апрѣля Долгоруковъ умеръ въ Верхотурьѣ (архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло деп. полиціи испол. 1841 г. № 320).

23. Вятскій губернскій статистическій комитетъ открытъ 2 мая 1835 г.; производство дѣлъ по нему возложено было на губернскаго прокурора Мейера. Дѣйствія комитета съ 1835 по 1839 г. были неудовлетворительны и не обѣщали никакого успѣха («Столѣтіе Вятской губ.», II, 423).

15 апрѣля 1836 г. губернаторъ представилъ министру вн. дѣлъ на утвержденіе списокъ 40 членовъ-корреспондентовъ комитета, предложенныхъ непремѣнными членами, «кои, по общему заключенію, признаются званію сему соотвѣтствующими»; всѣ почти проживали въ губерніи; изъ жившихъ въ самой Вяткѣ входили только ученый лѣсничій Н. С. Ивановъ, Спасскаго собора свящ. М. В. Хлопинъ, инспекторъ гимназіи В. Г. Лопатинъ, гимназическій учитель исторіи и статистики А. И. Тѣлькинъ и учитель исторіи и географіи уѣзднаго училища М. М. Плеткинъ. Одновременно представленъ и журналъ статистич. комитета отъ 9 апрѣля съ очень подробно разработанной программой свѣдѣній, которая, сообразно плану, изданному министерствомъ вн. дѣлъ, должны были быть истребованы отъ разныхъ мѣстъ и лицъ губерніи. Дѣло, однако, не налаживалось.

14 октября 1836 г. вятскій губернаторъ писалъ министру вн. дѣлъ: «15 апрѣля с. г. я имѣлъ честь представить вашему выс.—ву въ засвидѣтельствованной копіи журналъ вятскаго губернскаго статистическаго комитета, въ 9 день апрѣля состоявшійся, о собраніи потребныхъ свѣдѣній, и при томъ донести, что надлежащія по журналу распоряженія сдѣланы. Съ того времени и доселѣ требуемая журналомъ комитета свѣдѣнія собираются. Причиною медленнаго собранія ихъ суть: или неопытность и незнаніе составителей сего предмета, или ихъ небреженіе; но во всякомъ случаѣ одни и тѣ же свѣдѣнія иногда два раза обращаются или для исправленія невѣрностей, ошибокъ, ни съ чѣмъ несообразныхъ, или для пополненія недостатковъ и бывають представляемы съ

новыми упущениями и съ новыми безпорядками. Желая дать дѣлу сему скорый и вѣрный ходъ и прекратить переписки, которая влекутъ за собою одни затрудненія и бесполезную потерю времени, я призналъ за нужное обратиться къ рѣшительнымъ мѣрамъ и именно—командировать во всѣ города совершенно знающаго сію часть чиновника. Ему предполагаю я отдать всѣ свѣдѣнія и бумаги, какія доселѣ были собраны, съ тѣмъ, чтобъ онъ на мѣстахъ, безъ всякихъ переписокъ, личными трудами своими, сообразивъ все, исправилъ несообразности и пополнилъ недостатки, а въ тѣхъ мѣстахъ, откуда не доставлено еще никакихъ свѣдѣній, занялся бы собраніемъ ихъ, смотря по мѣрѣ извѣстности и необходимости. Какъ ни убѣжденъ я въ совершенномъ успѣхѣ сего предположенія моего, но не рѣшился привести его въ исполненіе безъ разрѣшенія вашего выс—ва, не рѣшился потому, что чиновникъ, котораго намѣренъ я командировать, есть переводчикъ вятскаго губ. правленія тит. сов. Герценъ, находящійся подъ надзоромъ полиціи. Почему, представляя сіе на разсмотрѣніе вашего выс—ва, осмѣливаюсь испрашивать начальственнаго соизволенія на приведеніе въ исполненіе означеннаго моего предположенія и притомъ поставляю долгомъ свидѣтельствовать предъ вашимъ выс—вомъ и увѣрить васъ, что тит. сов. Герценъ, извѣстный мнѣ лично по обширнымъ познаніямъ своимъ и по склонности къ трудамъ и точности, вполне оправдаетъ мои ожиданія и положитъ конецъ дѣлу, такъ давно замедляющемуся исполненіемъ отъ причинъ вышеизъясненныхъ; но я совершенно ручаюсь за г. Герцена и въ томъ, что онъ не употребитъ во зло сего порученія и во все время своей командировки не сдѣлаетъ ничего неприличнаго правиламъ благороднаго и благовоспитаннаго человѣка, ибо онъ доказалъ уже сіе полугодишною примѣрною жизнью своею въ г. Вяткѣ подъ личнымъ моимъ наблюденіемъ».

Тюфяевъ не написалъ бы такой панегирикъ, если бы видѣлъ, что могъ и безъ Герцена исполнить требованія министерства.

12 ноября Блудовъ отвѣтилъ ему, что «не можетъ согласиться на командированіе тит. сов. Герцена для собиранія статистич. свѣдѣній по Вятской губ.» (архивъ мин. вн. дѣлъ, статистич. отдѣленіе, 1836 г. дѣло № 31).

24. За время пребыванія Герцена въ Вяткѣ тамошніе губернаторы отправили восемь «вѣдомостей о лицахъ, состоящихъ подъ надзоромъ полиціи по Вятской губерніи». Я произвелъ общую ихъ сводку, разлѣлилъ всѣхъ поднадзорныхъ на группы и въ концѣ такой сводной вѣдомости привелъ и стереотипно повторявшіяся свѣдѣнія о самомъ Герценѣ. Точность соблюдена полная, кажу-

щіяся опечатки (напр., «раструска' суммъ») — стиль тогданяго чиновництва (дѣла деп. полиціи исполнит. 1835 г. №№ 527, 470, 502, 1836 г. №№ 336, 369, 388, 1837 г. №№ 288, 310 и 269). Вѣдомость см. стр. 384—397.

Лѣтомъ 1831 г. поляки, сосланные въ Курскъ по подозрѣнію въ соучастіи съ мятежниками, были переведены въ Вятку и Пермь. Въ сентябрѣ 1831 г. послѣдовало высоч. повелѣніе о томъ, чтобы «всѣхъ плѣнныхъ чиновниковъ, какъ нынѣ въ разныхъ губерніяхъ ужъ и находящихся, такъ и тѣхъ, кои впредь будутъ направляемы изъ Ц. Польскаго въ предѣлы имперіи, размѣстить въ одной Вятской губерніи». Въ 1832 и 1833 гг. большинство ихъ было прощено. Въ мартѣ 1833 г., слѣд., до прибытія туда Герцена, всѣ генералы, штабъ- и оберъ-офицеры и др. званія поляки, кромѣ 17 человекъ, были прощены («Столѣтіе Вятской губ.», II, 402—403).

25. Въ концѣ іюня 1837 г. вятскому губернатору было высоч. повелѣно обревизовать дѣла хозяйственнаго и лѣснаго отдѣленій мѣстной казенной палаты, согласно особой инструкціи. Корниловъ именно эту ревизию и произвелъ съ помощью Герцена и другого чиновника. Чтобы иллюстрировать порядки, хотя бы въ официальномъ изложеніи, приведу результаты ревизіи, напечатанные въ «Столѣтіи Вятской губерніи» по архивному дѣлу за 1838 годъ.

«Изъ представленнаго отчета по ревизіи хозяйственнаго отдѣленія видно:

«1) Относительно *свѣдѣній* казенной палаты *о народонаселеніи и его обезпеченіи земель*. Подробнаго и вѣрнаго описанія о числѣ ревизскихъ душъ, промышленности крестьянъ и о количествѣ принадлежащей каждому селенію земли казенная палата не имѣла. Генеральное межеваніе произведено было крайне неправильно и съ большими злоупотребленіями. Увеличеніе числа волостей, происшедшее вслѣдствіе сенаторской ревизіи, бывшей въ 1824 году, повело къ тому, что нѣкоторыя поселянскія дачи, переходя изъ одной волости въ другую, смѣшались между собою, и межеваніе тѣхъ волостей по генеральному межеванію осталось только на бумагѣ. Сами крестьяне никакихъ документовъ на владѣмыя ими земли не имѣли. Они владѣли тѣмъ, что у нихъ было и чѣмъ владѣли ранѣе по преданію. Отъ этого происходятъ между ними ссоры, жалобы и тяжбы. Казенная палата, не имѣя возможности разобрать ихъ по фактамъ, предоставляетъ это земской полиціи по мірскимъ приговорамъ и по показанію людей околныхъ, что и составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ всѣхъ тѣхъ безпорядковъ и затрудненій, которые встрѣчаются по управленію государственными имуществами» (далѣе см. стр. 396).

№	Чины, имена и прозванія.	Лѣтъ отъ року.	По какому повелѣнію, за что и съ какого времени состоятъ подъ надзоромъ.
	А. Находились въ Вятской губ. въ теченіе всего времени жизни въ ней А. И. Герцена.		
1	Отставной губ. секретарь <i>Никачевъ</i>	42	По рѣшенію прав. сената, за унесеніе чужихъ денегъ изъ опекунскаго совѣта за другія преступленія; съ 16 іюля 1828 г.
2	Бывш. профессоръ высш. наукъ <i>Шаполинскій</i> .	38	По выс. повел., за вредное на юношествовліяніе; съ 15 марта 1831 г.
3	Подпоруч. бывш. польскихъ войскъ Вавжи-нецъ <i>Гижинскій</i> .	48	Посланъ въ числѣ прочихъ польскихъ плѣнныхъ 5 января 1832 г., по случаю бывшаго польскаго мятежа, а по замѣченной въ немъ во время пребыванія въ Вятской г. наклонности къ мятежу, вслѣдствіе выс. повел., изъясненнаго въ предписаніи мин. вн. дѣлъ отъ 21 марта 1833 г., оставленъ на жительствѣ въ сей губерніи.
4	Помѣщикъ Лукашъ <i>Рутковскій</i> .	33	По выс. повел., за участіе въ бывшемъ польскомъ мятежѣ и другіе противозаконныя поступки; доставленъ въ Вятку въ числѣ прочихъ польскихъ плѣнныхъ 5 января 1832 г.
5	Подпоруч. бывш. польскихъ войскъ Адольфъ <i>Езеранскій</i> .	23	Присланъ въ числѣ прочихъ польскихъ плѣнныхъ 17 апрѣля 1832 г., по случаю бывшаго польскаго мятежа, а по замѣченной въ немъ во время пребыванія въ Вятской губ. наклонности къ мятежу, вслѣдствіе выс. повел., изъясненнаго въ предписаніи мин. вн. дѣлъ отъ 21 марта 1833 г., оставленъ на жительствѣ въ сей губерніи.
6	Отставн. капит. Францъ <i>Мадалинскій</i> .	51	По распоряженію кievскаго воен. подольскаго и волинскаго ген.-губ., за сильное участіе въ Овручскомъ мятежѣ; съ 12 мая 1832 г.

Гдѣ живеть, чѣмъ занимается, получаетъ ли изъ казны содержаніе.	Имѣеть ли семейство и гдѣ оно находится.	Что по надзору оказалось.
Въ г. Нолинскѣ; живеть праздно; на содержаніе получаетъ по 50 к. въ сутки и на квартиру по 5 р. въ мѣсяць.	Имѣеть мать, которая проживаетъ въ С.-Петербургѣ.	Ведеть себя хорошо.
Въ г. Вяткѣ; занимается чтеніемъ книгъ; на содержаніе получаетъ по 50 к. въ сутки и на квартиру по 5 р. въ мѣсяць.	Вдовъ. Имѣеть 2-хъ сестеръ, которыя проживаютъ въ Витебск. губ., и племянника, обучающагося въ гор. Нѣжинѣ.	Ведеть себя хорошо.
Въ г. Вяткѣ; занимается чтеніемъ книгъ; на содержаніе получаетъ по 50 к. въ сутки.	Семейства не имѣеть.	Ведеть себя хорошо.
Въ г. Вяткѣ; занятій никакихъ не имѣеть; на содержаніе получаетъ по 50 к. въ сутки.	Семейства не имѣеть.	Ведеть себя посредственно и нетрезво.
Въ г. Слободскомѣ; занимается чтеніемъ книгъ; на содержаніе получаетъ по 50 к. въ сутки.	Семейства не имѣеть, кромѣ родителей, находящихся Царства Польскаго въ городѣ Кѣльцы.	Ведеть себя хорошо.
Въ г. Вяткѣ; занимается чтеніемъ книгъ; на содержаніе получаетъ по 50 к. въ сутки и на квартиру по 5 р. въ мѣсяць.	Имѣеть жену и семерыхъ дѣтей, которыя проживаютъ Волынской губ. въ гор. Овручѣ.	Ведеть себя хорошо.

№	Чины, имена и прозванія.	Лѣтъ отъ роду.	По какому повелѣнію, за что и съ какого времени состоятъ подъ надзоромъ.
7	Подпоруч. бывш. польскихъ войскъ Людвигъ <i>Амшинскій</i> .	28	Присланъ въ числѣ прочихъ польскихъ плѣнныхъ 24 мая 1832 г., по случаю бѣгства польскаго мятежа, а по замѣченно въ немъ во время пребыванія въ Вятской наклонности къ мятежу, велѣдствіе выш. повелѣнія, изъясненнаго въ предписаніи мин. вн. дѣлъ отъ 21 марта 1833 г., оставленъ на жительствѣ въ сей губерніи.
8	Монахъ Бернардинскаго ордена Доминикъ <i>Буткевичъ</i> .	44	По предписанію мин. внутрен. дѣлъ отъ 25 августа 1833 г., за участіе въ мятежѣ съ 23 ноября 1833 г.
9	Ксендзъ Доминиканскаго ордена Симонъ <i>Гилевскій</i> .	38	По выс. утвержденной конфирмаціи вилненскаго воен., гродненскаго, минскаго бѣлостокскаго ген.-губ., за злоумышленныя сношенія съ заграничными пришельцами Шиманскимъ и Гордынскимъ; съ 21 марта 1834 г.
10	Дворянинъ Михаилъ <i>Даниловичъ</i> .	48	По выс. утвержденной конфирмаціи вилненскаго воен. гродненскаго, минскаго бѣлостокскаго ген.-губ., за участіе въ злоумышленіяхъ эmissара Пищетовскаго; съ 21 марта 1834 г.
11	Канцеляристъ Адамъ <i>Янишевскій</i> .	22	По выс. подтвержденному докладу в 29 день сентября 1834 г. ген.-аудиторіатъ за участіе въ замыслахъ прапорщика кн. Урусова противъ общественнаго спокойствія и тишины и др. противозаконныя поступки; съ 5 января 1835 г.
12	Помѣщикъ Волынск. губ. Іосифъ <i>Вирцинскій</i> .	64	По выс. утвержденной конфирмаціи київскаго воен. подольскаго и волынскаго ген. губ., за участіе въ бывшемъ польскомъ мятежѣ; съ 9 іюня 1835 г.

Гдѣ живеть, чѣмъ занимается, получаетъ ли изъ казны содержаніе.	Имѣть ли семейство и гдѣ оно находится.	Что по надзору оказалось.
<p>Въ г. Котельничѣ; занимается чтеніемъ книгъ; на содержаніе получаетъ по 50 коп. въ сутки.</p>	Семейства не имѣть.	Ведеть себя хорошо.
<p>Въ г. Вяткѣ; живеть праздно; на содержаніе получаетъ отъ казны по 50 коп. въ сутки.</p>	Семейства не имѣть.	Поведенія худого и занимается непрерывно пьянствомъ.
<p>Въ г. Вяткѣ; занимается чтеніемъ книгъ и исправляетъ требы по духовенству; на содержаніе отъ казны получаетъ по 50 к. въ сутки и на квартиру по 5 р. въ мѣсяцъ.</p>	Семейства не имѣть.	Ведеть себя хорошо.
<p>Въ г. Вяткѣ; занимается чтеніемъ книгъ; на содержаніе отъ казны получаетъ по 50 к. въ сутки и на наемъ квартиры по 5 р. въ мѣсяцъ.</p>	Имѣть семейство, состоящее изъ 8 лицъ, а именно: жены, 5 малолѣтнихъ сыновей и 2 дочерей, которые проживаютъ Бѣлостокской обл. Бѣлскаго уѣзда въ селѣ Сескахъ.	Ведеть себя хорошо.
<p>Въ г. Глазовѣ; опредѣленъ на службу въ штатъ тамошняго уѣзднаго суда; на содержаніе отъ казны не получаетъ.</p>	Холостъ, имѣть родителей.	Ведеть себя хорошо.
<p>Въ г. Вяткѣ; занимается чтеніемъ книгъ; на содержаніе отъ казны не получаетъ.</p>	Имѣть жену, которая проживаетъ Волинской губ. въ Кременецкомъ уѣздѣ, 3 сыновей, находящихся въ военной службѣ, и 4 дочерей, изъ коихъ старшая находится въ замужествѣ, и всѣ они проживаютъ въ Волинской губ.	Ведеть себя хорошо.

№	Чины, имена и прозванія	Лѣтъ отъ роду.	По какому повелѣнію, за что и съ какого времени состоятъ подъ надзоромъ.
13	Помѣщики Виленск. губ.: Зенонъ <i>Тарашкевичъ</i> .	25	По выс. утвержденной конфирмаціи виленскаго воен. губ., за тайныя сношенія съ бѣжавшими за границу мятежниками и за укрывательство оружія; съ 29 іюля 1835 г.
14	Константинъ <i>Тарашкевичъ</i> .	24	
15	Политич. преступникъ подпоруч. бывш. польскихъ войскъ Максиміанъ <i>Валевскій</i> .	30	По конфирмаціи г. ген.-фельдмаршала князя Варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго, за невоспользованіе всемілостивѣйше дарованною амнистією; съ 29 августа 1835 г.
16	Б. Проживавшіе въ губерніи при прибытіи А. И. Герцена, но оставившіе ее раньше перевода его во Владиміръ. Отставн. кол. секретарь Францышекъ <i>Захаржевскій</i> .	46	По выс. повел., состоявшемуся 20 апрѣля 1833 г., за разные поступки, относящіяся къ бывшему польскому мятежу; съ 21 іюля 1833 г.
17	Коллежск. регистраторъ <i>Савицкій</i> .	35	По выс. повел., за участіе въ мятежѣ съ 15 ноября 1833 г.
18	Отставн. губерн. секрет. <i>Протопоповъ</i> .	61	По выс. повелѣнію, послѣдовавшему 1 день апрѣля 1826 г. по мнѣнію госуд. совѣта, за сочиненіе дерзкихъ ябедническихъ просьбъ; съ 1 сентября 1826 г.
19	Помѣщикъ Лазарь <i>Байковскій</i> .	44	По распоряженію кіевскаго воен. подполковника и волынскаго ген.-губ., за участіе въ мятежѣ; съ 7 іюля 1832 г.

Гдѣ живеть, чѣмъ занимается, получаетъ ли изъ казны содержаніе.	Имѣеть ли семейство и гдѣ оное находится.	Что по надзору оказалось.
<p>Въ г. Вяткѣ; занимаются чтеніемъ книгъ; на содержаніе отъ казны не получаютъ.</p>	<p>Семейства не имѣють.</p>	<p>Ведуть себя хорошо.</p>
<p>Въ г. Орловѣ; на содержаніе отъ казны не получаетъ.</p>	<p>Имѣеть мать и 3 братьевъ, изъ коихъ одинъ неизвѣстно, гдѣ находится, а прочіе всѣ проживають Царства Польскаго въ Калишскомъ воеводствѣ.</p>	<p>Ведеть себя хорошо.</p>
<p>Въ г. Орловѣ; занимается чтеніемъ книгъ; на содержаніе отъ казны получаетъ по 50 к. въ сутки и на квартиру по 5 р. въ мѣсяць.</p>	<p>Женатъ на вдовѣ, имѣеть двухъ пасынковъ, изъ нихъ одинъ съ матерью проживаетъ Виленской губ. въ Ошмянскомъ у., а послѣдній неизвѣстно гдѣ.</p>	<p>Ведеть себя добропорядочно. (9 іюня 1835 года отправленъ въ Вильну).</p>
<p>Опредѣленъ на службу въ вятское губ. правленіе съ прикомандированіемъ къ дѣламъ гражд. губернатора; на содержаніе отъ казны получаетъ по 50 к. въ сутки и на квартиру по 5 р. въ мѣсяць.</p>	<p>Имѣеть семейство, которое находится при немъ.</p>	<p>Ведеть себя добропорядочно. (9 іюня 1835 года отправленъ въ Вильну).</p>
<p>Въ г. Вяткѣ; занимается партикулярно письмоводствомъ; на содержаніе получаетъ по 50 к. въ сутки и на квартиру по 5 руб. въ мѣсяць.</p>	<p>Имѣеть жену, сына и дочь, которые проживають въ Нижегородской губ.</p>	<p>Ведеть себя хорошо. (Въ іюль 1837 года возвращенъ въ Нижегородск. губ.).</p>
<p>Въ г. Вяткѣ; занимается чтеніемъ книгъ; отъ казны на содержаніе не получаетъ.</p>	<p>Имѣеть жену и дѣтей, которые находятъся въ Волынской губ.</p>	<p>Ведеть себя хорошо. (Въ октябрѣ 1837 г. возвращенъ въ Волынскую г.).</p>

№	Чины, имена и прозванія.	Лѣтъ отъ року.	По какому повелѣнію, за что и съ какого времени состоятъ подъ надзоромъ.
20	Докторъ медицины Исидоръ <i>Наумовичъ</i> .	31	По распоряженію виленскаго воен. губ. и и. д. ген.-губ. гродненскаго и бѣлостокскаго, за участіе въ польскомъ мятежѣ и неблагонамѣренные замыслы противъ правительства; съ 11 ноября 1833 г.
21	Канцеляристъ Іосифъ <i>Мамацовъ</i> .	24	По выс. повел., за участіе въ злоумышленномъ заговорѣ противъ правительства; съ 4 февраля 1834 г.
22	Дворян. Адамъ <i>Римша</i> .	39	По конфирмаціи виленскаго, гродненскаго, минскаго и бѣлостокскаго ген.-губ., за участіе съ злоумышленникомъ Шиманскимъ въ намѣреніяхъ его; съ 4 іюля 1834 г.
23	Бывшій учитель тифлисской гимназіи Соломонъ <i>Додаевъ</i> .	30	По выс. повел., послѣдовавшему въ 20-й день апрѣля 1834 г. на мнѣніе командира отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, за участіе въ происшедшемъ въ Грузіи между тамошними уроженцами заговорѣ; съ 31 іюля 1834 г.
24	Лишенный чиновъ и дворянства Дмитрій <i>Кудрявцевъ</i> .	68	По выс. утвержденному въ 30 день января 1835 г. мнѣнію гос. совѣта, за дѣланіе и продажу поддѣльныхъ игральныхъ картъ; съ 26 апрѣля 1835 г.

Гдѣ живеть, чѣмъ занимается, получаетъ ли изъ казны содержаніе.	Имѣеть ли семейство и гдѣ оно находится.	Что по надзору оказалось.
<p>Въ г. Вяткѣ; занимается пользованіемъ больныхъ; на содержаніе отъ казны не получаетъ.</p>	<p>Имѣеть семейство, которое находится при немъ.</p>	<p>Ведеть себя хорошо. (Въ августѣ 1837 г. возвращенъ въ Гродненскую г. Въ 1841 г. освобожденъ отъ надзора (дѣло деп. пол. исп. 1841 г. № 372).</p>
<p>Въ г. Вяткѣ; состоитъ на службѣ въ штатѣ вятскаго губ. правленія въ числѣ канц. служителей; на содержаніе отъ казны не получаетъ.</p>	<p>Имѣеть семейство, состоящее изъ 8 лицъ: отца, матери, жены, сына, 2 братьевъ и 2 сестеръ, находящихся, кромѣ одного брата, обучающагося въ кадетскомъ корпусѣ, Грузинской области въ селеніи Руиси.</p>	<p>Поведенія весьма хорошаго. (Въ мартѣ 1836 г. отправленъ на службу въ Закавказскій кр.)</p>
<p>Въ г. Вяткѣ; занятій никакихъ не имѣеть; на содержаніе отъ казны не получаетъ.</p>	<p>Имѣеть жену, которая находится при немъ.</p>	<p>Ведеть себя хорошо. (Въ августѣ 1837 г. возвращенъ на родину).</p>
<p>Въ г. Вяткѣ; служить столоначальникомъ въ вятскомъ губернскомъ о земскихъ повинностяхъ комитетѣ въ чинѣ копіиста; на содержаніе отъ казны не получаетъ.</p>	<p>Имѣеть жену, 2 малолѣтнихъ сыновей и дочь, которые находятся при немъ, отца, мать, 3 братьевъ и 3 сестеръ, находящихся въ Грузіи Сигнахскаго уѣзда въ д. Могоро, и еще брата, служащаго въ прав. сенатѣ.</p>	<p>Ведеть себя хорошо. (20 августа 1836 г. «померъ отъ приключившейся ему болѣзни»).</p>
<p>Въ г. Вяткѣ; по старости лѣтъ занятій никакихъ не имѣеть; на содержаніе отъ казны не получаетъ.</p>	<p>Имѣеть жену, дочь и 6 сыновей, изъ коихъ первые двое жительство имѣють Тверской губ. въ Зубцовскомъ уѣздѣ, а послѣдніе находятся въ военной службѣ.</p>	<p>Ведеть себя хорошо. 12 декабря 1836 г. отправленъ въ Тверскую губ. въ имѣніе брата).</p>

№	Чины, имена и прозванія.	Лѣтъ отъ роду.	По какому повелѣнію, за что и съ какого времени состоятъ подъ надзоромъ.
	В. Прибыли позже прибытія А. И. Герцена и оставались послѣ его отъѣзда.		
25	Губернская секретарша Авдотья <i>Перваю</i> .	47	По выс. повел., за помѣщеніе въ письмѣ къ сыну своему дерзкихъ и противозаконныхъ выраженій; съ 17 ноября 1835 г.
26	Государств. преступники: Александръ <i>Ботуславскій</i>	29	По выс. повел., за участіе въ возбужденіи польскаго мятежа и убійствахъ, совершенныхъ въ первый день польскаго мятежа
27	Северинъ <i>Гродзинскій</i> .	31	главною частью школы подпрапорщикова бывшихъ польскихъ пѣхотныхъ войскъ; съ 26 января 1836 г.
28	Юсифъ <i>Рожнецкій</i> .	34	По выс. повел., состоявшемуся въ апрѣлѣ 1835 г., за оказаніе имъ противодѣйствія распоряженіямъ правительства; съ 21 мая 1836 г.
29	Рижскій купецъ раскольникъ Григорій <i>Зубакинъ</i> .	52	По выс. повел., за участіе въ убійствахъ, совершенныхъ въ первый день польскаго мятежа главною частью школы подпрапорщикова бывшихъ польскихъ пѣхотныхъ войскъ; съ 1 марта 1836 г.
30	Фортунатъ <i>Велюбицкій</i> .	37	По выс. утв. 13 февраля 1836 г. конфирмаціи виленскаго, гродненскаго и бѣлостокскаго ген.-губ. за произношеніе дерзкихъ выраженій на высочайшихъ особъ съ намѣреніемъ посягнуть на жизнь е. и. величества и за другія разныя преступныя дѣйствія; съ 30 мая 1836 г.
31	Губернскій регистраторъ Венедиктъ <i>Любанскій</i> .	50	По выс. повел., за обнаруженіе нерасположенія и неблагонамѣренности къ Россіи и правительству въ написанныхъ имъ стихахъ; съ 5 августа 1836 г.
32	Бывш. учитель казанской гимназіи колл. секретарь Иванъ Антоновичъ <i>Верниковскій</i> ¹⁾ .	37	

¹⁾ По прикосновенности къ дѣлу о тайномъ обществѣ, обнаруженномъ въ Виситетѣ въ Казанскій для обученія восточнымъ языкамъ и съ отдачею подъ особы гимназію преподавателемъ арабскаго и персидскаго языковъ; въ 1830 г. допущенъ въ университетскаго преподавателя. Въ сентябрѣ 1834 г. уволенъ изъ учебнаго вѣдомства ственной пропагандѣ въ Западномъ краѣ (дѣло Завлоцкаго и др. студентовъ).

Гдѣ живеть, чѣмъ занимается, получаетъ ли изъ казны содержаніе.	Имѣеть ли семейство и гдѣ оно находится.	Что по надзору оказалось.
<p>Въ г. Вяткѣ; занятій не имѣеть; на содержаніе отъ казны получаетъ по 50 к. въ сутки и на наемъ квартиры по 5 руб. въ мѣсяцъ.</p>	<p>Имѣеть мужа, дочь въ замужествѣ и 2 сыновей, которые, гдѣ находятся, ей неизвѣстно.</p>	<p>Примѣтно ослабленіе умственныхъ способностей.</p>
<p>Въ г. Глазовѣ Въ г. Уржумѣ Въ г. Елабугѣ</p>	<p>Занятій особенныхъ не имѣють; на содержаніе отъ казны получаютъ арестантскія кормовыя деньги.</p> <p>Холостъ. Имѣеть жену, находящуюся въ Царствѣ Польскомъ. Холостъ.</p>	<p>Ведутъ себя хорошо.</p>
<p>Въ г. Орловѣ; занятій особенныхъ не имѣеть; содержаніе отъ казны не получаетъ.</p>	<p>Семейство находится въ Ригѣ.</p>	<p>Ведеть себя хорошо.</p>
<p>Въ г. Сарапулѣ; занятій особенныхъ не имѣеть; на содержаніе отъ казны получаетъ по 50 к. въ сутки.</p>	<p>Холостъ.</p>	<p>Ведеть себя хорошо.</p>
<p>Въ г. Елабугѣ; занятій особенныхъ не имѣеть; содержаніе отъ казны не получаетъ.</p>	<p>Имѣеть жену, которая проживаетъ въ Минской губ.</p>	<p>Ведеть себя хорошо.</p>
<p>Опредѣленъ, по распоряженію мин. нар. просв., въ вятскую губерн. гимназію учителемъ французскаго языка.</p>	<p>Семейства не имѣеть.</p>	<p>Ведеть себя хорошо.</p>
<p>искомъ университетѣ. въ августѣ 1824 г. препровожденъ изъ Виленскаго университетскаго начальства; въ августѣ 1827 г. опредѣленъ въ казанскую преподаванію въ Казанскомъ университетѣ; въ 1832 г. утвержденъ въ должности унитоудачею подъ судъ, въ виду обнаруженія прикосновенности къ антиправитель-</p>		

№	Чины, имена и прозванія.	Лѣтъ отъ роду.	По какому повелѣнію, за что и съ какого времени состоятъ подъ надзоромъ.
33	Государств. преступникъ <i>Игнатій Биль.</i>	34	По выс. повел., изъясненному въ предписаніи мин. вн. дѣлъ отъ 10 декабря 1836 г., за участіе въ безпорядкахъ 17/29 ноября, школою польскихъ подпрапорщиковъ произведенныхъ; съ 19 января 1837 г.
34	Помѣщикъ Минской губ. <i>Клавдій Мирскій.</i>	40	По выс. повел., изъясненному въ предписаніи мин. вн. дѣлъ отъ 21 ноября 1836 г., за присвоеніе узміанской греко-унитской церкви и обнаруженіе при томъ явной дерзости и непокорства законамъ и правильнымъ требованіямъ установленныхъ властей; съ 25 февраля 1837 г.
35	Суперъ-интендантъ <i>Беттшера.</i>	58	По выс. повел., изъясненному въ предписаніи г. мин. вн. дѣлъ отъ 24 декабря 1836 г., за раструску казенныхъ суммъ; съ 29 апрѣля 1837 г.
	Г. Прибыли и выбыли при <i>А. И. Герцонъ.</i>		
36	Помѣщикъ Кіевской губ. <i>Михаилъ Скибицкій.</i>	—	Съ 28 февраля 1836 г.
37	Дворянинъ Константинъ <i>Миллера.</i>	20	По выс. повел., изъясненному въ предписаніи мин. внутр. дѣлъ отъ 24 сентября 1836 г., за произношеніе при погребеніи въ г. Житомирѣ нѣкоей Квятковской рѣчей нескромнаго содержанія; съ 10 ноября 1836 г.
38	Дворянинъ Карлъ <i>Пучковскій.</i>	23	

Гдѣ живеть, чѣмъ занимается, получаетъ ли изъ казны содержаніе.	Имѣеть ли семейство и гдѣ оное находится.	Что по надзору оказалось.
<p>Въ г. Нолинскѣ; занятій особенныхъ не имѣеть; на содержаніе отъ казны не получаетъ.</p>	<p>Холостъ.</p>	<p>Ведеть себя хорошо.</p>
<p>Въ г. Вяткѣ; занятій не имѣеть; на содержаніе отъ казны не получаетъ.</p>	<p>Имѣеть жену, сына и 2 дочерей, находящихся на своей родинѣ.</p>	<p>Ведеть себя хорошо.</p>
<p>Въ г. Вяткѣ; занятія его, по недавнему рыбѣтїю, еще неизвѣстны; на содержаніе отъ казны не получаетъ.</p>	<p>Холостъ.</p>	<p>Ведеть себя хорошо.</p>
<p>Въ г. Вяткѣ; занимаются чтеніемъ книгъ; а содержаніе отъ казны не получаютъ.</p>	<p>Имѣеть отца и мать, 3 сестеръ, дядю и 3 тетокъ, проживающихъ въ г. Житомирѣ.</p>	<p>(9 марта 1836 г. отправленъ въ Кіевъ).</p>
<p>Въ г. Вяткѣ; занимаются чтеніемъ книгъ; а содержаніе отъ казны не получаютъ.</p>	<p>Имѣеть двухъ братьевъ Ивана и Фортуната, которые проживаютъ: первый Подольской губ. въ мѣстечкѣ Липинскаго у., а второй Волынской г. Ровенскаго у., въ мѣстечкѣ Березкѣ, и сестру Юлію, проживающую въ г. Житомирѣ вмѣстѣ съ мужемъ адвокатомъ Бвляковскимъ.</p>	<p>Ведутъ себя хорошо. (Въ мартѣ 1837 г. объявлено о возвращеніи обоихъ на прежнее мѣсто жительства).</p>

№	Чины, имена и прозванія.	Лѣтъ отъ роду.	По какому повелѣнію, за что и съ какого времени состоятъ подъ надзоромъ.
39	Рижскій купецъ Устинъ <i>Боруновъ</i> .	70	По выс. повел., состоявшемуся въ апрѣлѣ 1835 г., за оказанное имъ противодѣйствіе распоряженіямъ правительства; съ 21 мая 1836 г.
40	Титулярный совѣтникъ Александръ <i>Герценъ</i> .	23	По выс. повел., послѣдовавшему по дѣлу о пасквильныхъ стихахъ, пѣтыхъ въ Москвѣ разными лицами; съ 10 мая 1835 г.

«2) *Заботы* казенной палаты о *благоустроеніи крестьянъ*. На положеніе тѣхъ поселянъ, которые терпятъ недостатокъ въ землѣ, равно какъ и вообще на благоустроеніе всѣхъ вообще казенныхъ крестьянъ, палатою должнаго вниманія не обращалось, и дѣйствія ея по этому предмету были слабы и противны ея обязанностямъ и законамъ. При сильномъ ростѣ народонаселенія оно не можетъ оставаться въ прежнихъ межахъ и границахъ владѣнія, и требуется для него просторъ и разселеніе. Огромная злоупотребленія при генеральномъ размежеваніи оказали самое отяготительное вліяніе на поселянъ. Самые *отводы земель во всемилостивѣйшее пожалованіе* производились съ такимъ же безпорядкомъ. Этотъ отводъ земель можно подраздѣлить на два періода. Первый составляютъ дѣла, производившіяся до 1820 года, когда казенная палата руководилась однимъ произволомъ повѣренныхъ отъ лицъ, удостоившихся всемилостивѣйшаго пожалованія. Второй же—дѣла, послѣ 1820 года, ежели не меньшій вредъ принесшія казнѣ, то хотя нѣсколько заключенныя въ правилахъ, высочайше утвержденныхъ. Въ первый періодъ казенная палата, несмотря на указъ 26 октября

Гдѣ живеть, чѣмъ занимается, получаетъ ли изъ казны содержаніе.	Имѣеть ли семейство, и гдѣ оное находится.	Что по надзору оказалося.
<p>Въ г. Слободскомъ; занятій особенныхъ не имѣеть; содержаніе отъ казны не получаетъ.</p>	<p>Семейство находится въ Ригѣ.</p>	<p>Ведеть себя хорошо. (Въ апрѣлѣ 1837 г. возвращенъ въ Ригу).</p>
<p>Въ г. Вяткѣ; опредѣленъ на службу въ штатъ вятскаго губ. правл. въ должность переводчика; на содержаніе отъ казны не получаетъ.</p>	<p>Имѣеть отца, мать и брата, жительствующихъ въ Москвѣ.</p>	<p>Ведеть себя хорошо. (За майскую треть 1837 г. Корниловымъ написано: «ведеть себя отлично хорошо»).</p>

1815 года, отводила ихъ самыми мелкими участками, даже иногда менѣе десятины, по одному указанію лицъ, которымъ предоставлено было право избранія земли. Такимъ образомъ отведено было Энгелю 9000 дес. въ 160 мѣстахъ, Коновницыну 3000 дес. въ 67 мѣстахъ, вятскому губернатору фонъ-Брадке 3000 десятинъ въ 132 мѣстахъ, Викторову 1500 дес. въ 175 мѣстахъ, Модераху, бывшему пермскому и вятскому генераль-губернатору, 2000 дес. въ 131 мѣстѣ и Пейкеру 1229 десятинъ въ 130 мѣстахъ. Распоряженія казенной палаты въ подобныхъ случаяхъ были слѣдующія: получивъ прошеніе съ регистромъ избранныхъ земель, она обыкновенно спрашивала межевую контору не о томъ, въ какомъ мѣстѣ лежитъ земля, также—не нужна ли она въ надѣлъ крестьянамъ и далеко ли отстоитъ отъ селеній, а только о томъ, сколько въ той волости, гдѣ избрано мѣсто, размежевано земли. Отвѣтъ всегда показывалъ превосходство земли сверхъ пятнадцатидесятиннаго надѣла, и оттого выходило, что крестьяне при полномъ надѣлѣ по 5-й ревизіи оставались безъ сѣнокосовъ, безъ пашни, а иногда лишались даже огородовъ и огуменниковъ. Но этого мало. Вообще

казенная палата какъ скоро находила только возможнымъ, по своему разсужденію. отдать избранныя земли, то, предоставивъ о томъ на утвержденіе въ правительствующій сенатъ и не выжидая такового утвержденія, вводила во владѣніе избравшихъ земли, а эти послѣдніе не рѣдко продавали тѣ земли другимъ. Въ дѣлѣ же объ отводѣ земли Пейкеру палата осмѣлилась перемѣнить земли послѣ утвержденія ихъ за Пейкеромъ его императорскимъ величествомъ потому только, что повѣренный его не согласился принять ихъ по причинѣ, что якобы лѣсъ, бывшій на этой землѣ при избраніи, въ послѣдующемъ времени былъ вырубленъ. Во второй періодъ, послѣ 1820 года, казенная палата рѣшилась только дважды представлять объ утвержденіи земель дробными участками—Кузмину въ 4, Буцкому въ 6 мѣстахъ, но министръ не согласился, и съ того времени палата уже не позволяла себѣ подобныхъ представленій. Множество жалобъ казенныхъ крестьянъ въ 1824 году, какъ на неправильныя дѣйствія генеральнаго межеванія, такъ и на претерпѣваемое ими вслѣдствіе того по отводу самыхъ близкихъ и необходимыхъ для нихъ земель въ частную собственность, поступившихъ сенаторамъ, ревизовавшимъ тогда Вятскую губернію, заставило ихъ обратить на то особенное вниманіе. Произведенныя по распоряженію ихъ изслѣдованія показали, что генеральнымъ размежеваніемъ были вырѣзаны у крестьянъ мелкими участками отъ 3, 6 и до 9 десятинъ земли, находящіяся среди самыхъ селеній, и что земли эти почти всѣ поступили въ число отведенныхъ по всемилостивѣйшему пожалованію. Между тѣмъ оброчныя статьи, заимствованныя внутри казенныхъ дачъ и которыя, на основаніи закона, должны были войти въ число опредѣленной поселянамъ пропорціи, имъ еще были не отведены и отдавались постороннимъ лицамъ изъ оброка. Сенаторы, видя все это и видя, что столь несправедливо отнимаемая у крестьянъ земли переходятъ въ руки чиновниковъ, купцовъ, мѣщанъ и духовенства, у которыхъ потомъ крестьяне нанимаютъ и, будутъ нанимать ихъ за высокую цѣну, и зная, что казенная палата вновь представила объ утвержденіи въ пожалованіе 2500 дес. и тоже мелкими участками, довели объ этомъ до свѣдѣнія государя императора, докладывая при томъ, что для благосостоянія крестьянъ необходимо надобно предоставить имъ всѣ, состоящія внутри дачъ казенныхъ селеній, оброчныя статьи и всѣ земли, отрѣзанныя отъ нихъ мелкими долями и назначенныя во всемилостивѣйшее пожалованіе, но еще не утвержденныя сенатомъ. Вслѣдствіе этого состоялось распоряженіе о прекращеніи выдачи земель мелкими участками. Надзора за цѣло-

стію оброчныхъ статей казенная палата не имѣла, точно также у нея не было даже заведено инвентаря для записи этихъ статей».

«По лѣсному отдѣленію открылось, между прочимъ, слѣдующее: Описаніе казеннымъ лѣсамъ, хотя и составлено было, но оно не провѣрено. Книгъ для хозяйственнаго описанія лѣснымъ отдѣленіемъ до сихъ поръ не заведено. Казенная палата точныхъ и положительныхъ свѣдѣній о состояніи казенныхъ лѣсовъ не имѣетъ, лучшимъ доказательствомъ чего можетъ служить сравнительная вѣдомость за послѣднія пять лѣтъ числовыхъ данныхъ, ежегодно составляемыхъ губернскими лѣсничими на предметъ отпуска лѣсовъ. По этимъ смѣтамъ было показано подъ казенными лѣсами земли: къ 1834 г.—7407748 десятинь 439 саж.; къ 1835—7633317 дес. 985 саж.; къ 1836 г.—7483255 дес. 1266 саж.; къ 1837 г.—8993130 дес. 425 саж. и въ томъ же году по другой смѣтѣ 8996443 дес. 242 саж. и къ 1838 г.—8306919 дес. 1274 саж. Въ 1832 году командированные изъ С.-Петербурга для осмотра лѣсовъ Вятской губерніи лѣсничіе Шель и Вейхенталь между замѣчаніями своими говорятъ, что планы на лѣсныя дачи здѣсь такъ худо сбережены, что они ни къ какому хозяйственному разсчету не годятся. Они нашли, что въ Вятской губерніи для возобновленія лѣсовъ никакихъ способовъ не предпринимается, и что хотя и дано было предписаніе объ отводѣ лѣсовъ для промышленниковъ лѣсосѣтками, но мѣра эта не приноситъ ожидаемой пользы. Штатъ лѣсного управленія Вятской губерніи во время ревизіи Корнилова состоялъ изъ губернскаго лѣсничаго, 4 окружныхъ лѣсничихъ, 7 младшихъ, 8 подлѣсничихъ, 50 конныхъ объѣзчиковъ, 1306 полѣсовщиковъ и 847 пожарныхъ старостъ; но этого штата было далеко недостаточно. Въ Вятской губерніи, по словамъ Корнилова, болѣе чѣмъ гдѣ-либо истребляется лѣсу порубками, пожарами и расчистками. Все это происходитъ, говоритъ онъ далѣе: «во-первыхъ, отъ самовольныхъ переселеній крестьянъ съ одного мѣста на другое. Слабый надзоръ за крестьянами волостного и сельскаго начальствъ и таковое же наблюденіе чиновниковъ лѣсного вѣдомства и лѣсной стражи усилили и распространили эти переселенія. Во-вторыхъ, отъ изворотливости здѣшнихъ лѣспромышленниковъ и оборотовъ производимой ими торговли. Торговля лѣсами съ полуденными и приволжскими губерніями составляетъ одну изъ важнѣйшихъ отраслей здѣшней промышленности. Къ сожалѣнію, эта торговля основана преимущественно на разчетахъ незаконной вырубki и сплава казенныхъ лѣсовъ. Промышленники съ давняго времени освоились, такъ сказать, съ злоупотребленіями всякаго рода по этой части и, пользуясь снисхожденіями, нерѣдко умышленными, лѣсныхъ чи-

новниковъ, производятъ оныя открыто и незаконно. И въ-третьихъ, отъ непомѣрнаго развитія въ Вятской губерніи промышленности лѣсными издѣліями. Промышленность эта по нѣкоторымъ уѣздамъ составляетъ почти общее занятіе крестьянъ. Они выдѣлываютъ продаваемые ими промышленникамъ издѣлія почти всегда изъ казенныхъ дачъ безъ билетовъ, подъ видомъ, что тѣ издѣлія выработаны ими изъ лѣсовъ, на домашнее употребленіе ихъ ежегодно отпускаемыхъ» (II, стр. 443—447).

26. Витбергъ прибылъ въ Вятку 26 октября 1835 г.

22 января 1836 г. Тюфяевъ донесъ министру вн. дѣлъ, что «29 іюля 1835 г. московское губернское правленіе увѣдомило его объ отправленіи въ Вятку, по высоч. утвержденному мнѣнію госуд. совѣта, на жительство бывшего директора при строеніи и экономической части сооруженія въ Москвѣ храма во имя Христа Спасителя, надворнаго сов. Витберга», и присовокупилъ, что тѣмъ же мнѣніемъ опредѣлено «воспретить означенному Витбергу, употребившему во вредъ казнѣ монаршее къ нему довѣріе, пребываніе въ обѣихъ столицахъ и, какъ оглашеннаго въ порокахъ и въ службѣ нетерпимаго, впредь въ оную не опредѣлять и къ выборамъ дворянскимъ не допускать, равно не имѣть ему ходатайства по чужимъ дѣламъ, прнятія довѣренностей, сочиненія просьбъ и другихъ бумагъ по онымъ». Посему вятское губернское правленіе опредѣлило: «фамилію Витберга внести въ запретительный алфавитъ и дать знать о содержаніи означеннаго мнѣнія госуд. совѣта всѣмъ по Вятской губерніи присутственнымъ мѣстамъ и лицамъ» (архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло деп. полиціи испол. 1836 г. № 344).

27. Наслѣдникъ прибылъ въ Вятку 18 мая въ сопровожденіи свиты, состоявшей изъ ген.-ад. А. А. Кавелина, флигель-ад. полк. С. А. Юрьевича, полк. В. И. Нахимова, В. А. Жуковского, К. И. Арсеньева, доктора И. В. Енохина, гр. І. М. Вельгорскаго и подпоручиковъ А. В. Паткуля и А. В. Адлерберга. Вечеромъ въ тотъ же день онъ отправился на выставку мануфактурныхъ и др. издѣлій, устроенную въ домѣ Н. П. Гусева, на углу Казанской ул., при верхней хлѣбной площади; тамъ же была осмотрѣна публичная библіотека, состоявшая изъ 1250 книгъ. Позже наслѣдникъ былъ на балу, данномъ городскимъ обществомъ въ домѣ городского головы М. Н. Рязанцева. 19-го онъ принималъ преосв. Нила, губернскихъ чиновниковъ не ниже 8 класса и городское купечество; потомъ осматривая тюремный замокъ, пожарную команду, городскую больницу, училище, Успенскій Трифоновъ монастырь, гимназію, былъ у Нила, потомъ присутствовалъ на обѣдѣ, къ которому пригласилъ губер-

натора и др., а вечеромъ катался въ шлюпкѣ. Утромъ 20-го наслѣдникъ отправился на с. Макарьевское, а оттуда—по сибирскому тракту. Тюфяевъ видѣлъ его только въ Вяткѣ, не выѣзжая въ губернію. Официальное открытіе выставки совершено уже вечеромъ 20 мая. Тюфяевъ приказалъ всѣмъ проживающимъ въ Вяткѣ чиновникамъ во все время пребыванія наслѣдника въ городѣ быть одѣтыми въ форменные мундиры, а неисполняющихъ это распоряженіе велѣлъ забирать въ полицію для поступленія съ ними по закону... («Столѣтіе Вятской губерніи», II, 833—840).

28. Корниловъ окончилъ царскосельскій Лицей вмѣстѣ съ Пушкинымъ, въ 1817 г., выйдя офицеромъ гвардіи; родился въ 1801 г.; до 1827 г. служилъ въ л.-гв. Московскомъ полку; въ 1825 г. привлекался къ дѣлу декабристовъ за «сочувствіе», такъ какъ 12 декабря говорилъ, что присягать не станеть; но 14-го числа раскаялся и принесъ присягу съ другими; былъ арестованъ, но вскорѣ же выпущенъ; въ 1827 г. переведенъ въ л.-гв. Измайловскій полкъ съ производствомъ въ полковники; въ 1832 уволенъ по болѣзни отъ военной службы съ переименованіемъ въ д. ст. совѣтники. Въ 1833 г.—чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ вн. дѣлъ, въ 1834 г.—киевскій гражданскій губернаторъ, въ 1835 г., по несогласіямъ съ ген.-губ. Левшинымъ, уволенъ отъ должности и причисленъ къ министерству, а въ 1836 г. вовсе уволенъ отъ службы. Однако, 1 іюля 1837 г. назначенъ вятскимъ губернаторомъ, а въ 1838—тамбовскимъ. Женатъ былъ на гр. Софіи Дмитріевнѣ Толстой. Умеръ въ 1856 г. въ званіи сенатора и чинѣ тайнаго совѣтника (Гастфрейндъ, «Товарищи Пушкина по И. Царскосельскому лицу», III).

29. Какъ видно изъ формуляровъ, 19 января 1838 г. Герценъ былъ опредѣленъ къ дѣламъ канцеляріи губернатора, что не мѣшало не поручать ему ничего, кромѣ неоф. части «Губ. Вѣдомостей», пока губернаторъ, не узнавъ новаго чиновника, не рѣшилъ дать ему дѣйствительную службу, о чемъ дальше.

Меню, поданное герою «Тарантаса»:

Обѣтъ!

1. Супъ.—Липотажъ.
2. Говядина.—Телятина съ циндрономъ.
3. Рыба—раки.
4. Соусъ.—Патиша.
5. Жаркое. Курица съ рысью.
6. Хлѣбное. Желе сапельсиновъ.

№	Чинъ, имя и прозваніе.	Лѣтъ отъ року.	По какому повелѣнію, за что, съ какого времени состоитъ подъ надзоромъ.
1	Губ. секр. Иванъ Андреевичъ <i>Поповъ</i> .	70	Присланъ при предписаніи главнокомандовавшаго въ СПб. гр. Вязмитинова отъ 18 июня 1814 г., за праздничательство и съ того времени находится подъ надзоромъ полиціи.
2	Тит. сов. Павелъ Ивановичъ <i>Колошинъ</i> .	44	По выс. повел., послѣдовавшему въ слѣдствіе представленія комиссіи о злоумышленномъ обществѣ, отставленъ отъ службы съ тѣмъ, что впредь никуда не опредѣлять. Явился во Владимірскую губ. по билету СПб. оберъ-полицейстера въ іюль 1826 и съ того времени состоитъ подъ надзоромъ полиціи.
3	Отставн. губ. секр. Петръ Яковлевичъ <i>Григорьевъ</i> .	44	Высланъ при отношеніи СПб. военнаго ген.-губ. отъ 25 мая 1828 г., за пьянство праздности и съ тѣхъ поръ находится подъ надзоромъ полиціи.
4	Подполковн. Евсевій Ивановичъ <i>Лялинъ</i> .	42	По выс. повел., изъясненному въ отношеніи и. д. московскаго оберъ-полицейстера отъ 17 октября 1831 г., за прикосновенность къ дѣлу по доносу студента Подлоники ¹⁾ ; согласно мнѣнію быв. слѣдственной комиссіи, освобождены отъ ареста и оставлены подъ секретнымъ надзоромъ.
5	8-го класса Петръ Ивановичъ <i>Лялинъ</i> .	40	По выс. повел., изъясненному въ предписаніи управлявшаго мин. вн. дѣлъ, за весьма безпокойный нравъ, находится подъ надзоромъ полиціи съ 9 февраля 1832 г.
6	Магистръ правъ Антоній Якушевичъ.	43	По выс. повел., изъясненному въ предписаніи управлявшаго мин. вн. дѣлъ, за весьма безпокойный нравъ, находится подъ надзоромъ полиціи съ 9 февраля 1832 г.
7	Титулярн. сов. Авдотья Ивановна <i>Романова</i> .	39	По выс. повел., сообщенному въ отношеніи тверскаго губ. правл., послѣдовавшемъ во владимірское губ. правл., за ранне поступки; находится подъ надзоромъ полиціи съ 15 іюля 1834 г.

¹⁾ Прикосновененъ къ дѣлу декабристовъ по категоріи лицъ, не требующихъ надзора.

²⁾ Создатель «сунгуровскаго дѣла».

Гдѣ живеть и чѣмъ занимается; получаетъ ли отъ казны содержаніе и какое именно.	Имѣеть ли семейство и гдѣ оно находится.	Что по надзору открылось.
<p>Проживаетъ въ г. Владимірѣ; занятія никакого не имѣеть; получаетъ отъ казны за службу пенсіонъ по 200 р. въ годъ.</p>	<p>Имѣеть дочь, которая находится въ С.-Петербургѣ.</p>	<p>Ведеть себя кротко и тихо.</p>
<p>Проживаетъ Покровскаго уѣзда въ селѣ Смольновѣ, принадлежащемъ женѣ его, и занимается сельскимъ хозяйствомъ; содержанія отъ казны не получаетъ.</p>	<p>Имѣеть семейство, состоящее изъ жены и 5 чел. дѣтей, изъ коихъ одинъ находится въ СПб., а прочіе при немъ съ тещею его гр. Салтыковою.</p>	<p>Ведеть себя прилично званію своему.</p>
<p>Проживаетъ въ гор. Пороховцѣ; получаетъ отъ казны на содержаніе по 50 к. въ сутки и на квартиру по 5 р. въ мѣсяцъ.</p>	<p>Холостъ.</p>	<p>Временемъ бываетъ пьянъ, но удерживается отъ сего должными мѣрами.</p>
<p>Проживаютъ Юрьевского уѣзда въ селѣ Лычевѣ; занимаются сельскимъ хозяйствомъ; отъ казны ничего не получаютъ.</p>	<p>Имѣютъ семейства, находящіяся при нихъ.</p>	<p>Ведутъ себя прилично званію своему.</p>
<p>Проживаетъ въ г. Суздалѣ; занятія никакого не имѣеть; получаетъ отъ казны на содержаніе по 50 к. въ сутки и по 5 р. въ мѣсяцъ на квартиру.</p>	<p>Семейства не имѣеть.</p>	<p>Ведеть себя трезво, замѣтно въ нравѣ безпокоень, постороннимъ дѣлаеть дерзости, даже начальству оказываетъ грубости.</p>
<p>Проживаетъ въ г. Александровѣ; занятія никакого не имѣеть; получаетъ отъ казны на содержаніе по 50 к. въ сутки и на квартиру по 5 р. въ мѣсяцъ.</p>	<p>Семейства не имѣеть.</p>	<p>Ведеть себя нетрезво.</p>

ныхъ къ слѣдствію.

№	Чинъ, имя и прозваніе.	Лѣта отъ року.	По какому повелѣнію, за что, съ какого времени состоитъ подъ надзоромъ.
8	Ген.-маіоръ князь Андрей Борисовичъ <i>Голицынъ</i> .	47	По выс. повел., изъясненному въ предписаніи мин. вн. дѣлъ отъ 30 августа 1835 г. и съ того времени состоитъ подъ надзоромъ полиціи.
9	Лѣкарь I отдѣленія Христіанъ <i>Де-Куртень</i> .	34	По выс. повел., изъясненному въ отношеніи московскаго оберъ-полицмейстера отъ 9 ноября 1835 г., и съ того времени находится подъ надзоромъ полиціи; въ отношеніи же оберъ-полицмейстера не объявлено причины, за что именно подвергнуть надзору.
10	Титул. сов. Александръ Ивановичъ <i>Герценъ</i> .	28	По выс. повел., изъясненному въ предписаніи г. мин. вн. дѣлъ отъ 30 ноября 1837 года, за прикосновенность къ дѣлу о пасквильныхъ стихахъ, пѣтыхъ въ Москвѣ, переведенъ изъ гор. Вятки на службу въ гор. Владиміръ для сближенія съ родственниками, живущими въ Москвѣ, подъ строгій надзоръ мѣстнаго начальства; прибылъ во Владиміръ 2 января 1838 г.
11	Лишенный священства Василій <i>Кочетовъ</i> .	63	По выс. повел., изъясненному въ предписаніи г. мин. вн. дѣлъ отъ 23 апрѣля 1838 года, освобожденъ изъ Суздальскаго Спасо-Ефимьева монастыря и отданъ на пропитаніе сыну своему дякону Сергіевской церкви въ г. Владиміръ съ учрежденіемъ надзора мѣстнаго начальства; прибылъ сюда 7 мая 1838 г.
12	Корнетъ Николай Александровичъ <i>Васильчиковъ</i> .	37	По отношенію московскаго оберъ-полицмейстера, со времени пріѣзда во Владимірскую губ., съ 25 мая 1838 г., учрежденъ за нимъ секретный надзоръ; на требованіе же о причинѣ, по коей подвергнуть надзору, оберъ-полицмейстеръ отозвался, что оный учрежденъ по распоряженію московскаго военнаго ген.-губ. съ отношенія къ нему генераль-адъютанта гр. Бенкендорфа.

<p>Гдѣ живеть и чѣмъ занимается; получаетъ ли отъ казны содержаніе и какое именно.</p>	<p>Имѣеть ли семейство, и гдѣ оно находится.</p>	<p>Что по надзору открылось.</p>
<p>Проживаетъ Юрьевского уѣзда въ селѣ Сидѣ; занимается сельскимъ хозяйствомъ; отъ казны ничего не получаетъ.</p> <p>Проживаетъ Гороховскаго уѣзда въ селѣ Ижнемъ Ландихѣ, принадлежащемъ графинѣ Паниной; занимается пользованіемъ земельными, съ разрѣшенія начальства; отъ казны ничего не получаетъ.</p> <p>Проживая въ г. Владимірѣ, состоитъ на службѣ въ канцеляріи гражданскаго губернатора; отъ казны содержанія не получаетъ.</p> <p>Проживая въ г. Владимірѣ, занятія никакого не имѣеть; отъ казны на содержаніе не получаетъ.</p> <p>Проживая Юрьевского уѣзда въ с. Милавлѣ, занимается хозяйствомъ; отъ казны ничего не получаетъ.</p>	<p>Вдовѣ.</p> <p>Семейства при себѣ не имѣеть, а отецъ и мать проживаютъ въ Романіи, что въ Швейцаріи.</p> <p>Имѣеть жену, которая находится при немъ.</p> <p>Имѣеть сына, у которого нынѣ и проживаетъ.</p> <p>Имѣеть семейство, которое находится при немъ.</p>	<p>Ведеть себя прилично званію своему.</p> <p>Ведеть себя хорошо и ничего зловреднаго не замѣчено.</p> <p>Ведеть себя очень хорошо. [Въ вѣдомости за январскую треть 1838 г. сказано: «Ведеть себя весьма прилично и по надзору ничего предосудительнаго не открылось». Въ вѣдомостяхъ 1839 г., вмѣсто слова «очень», сказано «весьма»].</p> <p>Ведеть себя хорошо.</p> <p>Ведеть себя прилично званію своему.</p>

№	Чинъ, имя и прозваніе.	Лѣтъ отъ роду.	По какому повелѣнію, за что, съ какого времени состоитъ подъ надзоромъ.
13	Дворян. Кіевской губ. ко- піистъ Игнатій <i>Сар- неукій</i> .	—	По выс. повел., изъясненному въ пред- писаніи управляющему мин. вн. дѣлъ ми- нистра юстиціи отъ 10 марта 1839 г., за прикосновенность къ тайнымъ обществамъ; прибыли во Владиміръ 1 мая 1839 г. и съ того же времени состоятъ подъ бдитель- нымъ надзоромъ.
14	Дворян. Подольской губ. копіистъ Адамъ <i>Дзер- жекв</i> .	—	

30. Весь этотъ абзацъ является сплошнымъ недоразумѣніемъ. Герценъ выѣхалъ изъ Вятки до выхода перваго нумера «Вятскихъ Губ. Вѣдомостей», начавшихся лишь въ 1838 г. Указываемое имъ описаніе напечатано нигдѣ не было и вообще не дошло до насъ; о о немъ можно только догадываться изъ № 90. Это—одна изъ свойственныхъ Герцену ошибокъ памяти. Вѣроятно, все сказанное относится не къ статьѣ, а къ недошедшей до насъ монографіи о Вятской губерніи.

31. Съ 1 января 1838 г. «Вѣдомости» стали выходить въ 42 губернскихъ и областныхъ городахъ, а до того было повелѣно издавать ихъ, въ видѣ опыта, только въ Астраханской, Казанской, Кіевской, Нижегородской, Слободско-Украинской и Ярославской губерніяхъ.

32. Небаба покончилъ самоубійствомъ въ февралѣ 1841 г., когда Герцена уже не было во Владиміръ, и онъ узналъ объ этомъ лишь по письмамъ и разсказамъ.

33. Привожу «вѣдомость о лицахъ, состоящихъ подъ надзоромъ полиціи по Владимірской губерніи», тоже, до нѣкоторой степени, сводную, но детализованную менѣе, чѣмъ вятская, потому что и контингентъ лицъ, поселенныхъ близъ Москвы, былъ вообще иной, и жизнь Герцена шла уже менѣе въ зависимости отъ такого рода товарищей по несчастью (архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣла департ. полиціи исполнит. 1838 г. № 159 и 138, 1839 г. № 29, 172, 186).

(См. стр. 402—407).

Гдѣ живеть и чѣмъ занимается; получаетъ ли отъ казны содержаніе и какое именно.	Имѣеть ли семейство и гдѣ оно находится.	Что по надзору открылось.
Проживаютъ въ г. Владимірѣ; находятся за службѣ во владимірскомъ губерн. правленіи; отъ казны содержанія не получаютъ.	Холость. Холость.	Ведутъ себя хорошо.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Владиміръ-на-Клязьмѣ

(1838—1839)

Не ждите отъ меня длинныхъ повѣствованій о внутренней жизни того времени... Страшныя событія, всякое горе все же легче кладутся на бумагу, чѣмъ воспоминанія совершенно свѣтлыя и безоблачныя... Будто можно рассказывать счастье?

Дополните сами, чего не достасть, догадайтесь сердцемъ,—а я буду говорить о наружной сторонѣ, объ обстановкѣ, рѣдко, рѣдко касаясь намекомъ или словомъ заповѣдныхъ тайнъ своихъ.

(„Былое и думы“).

ГЛАВА XIX.

КНЯГИНЯ И КНЯЖНА.

Когда мнѣ было лѣтъ пять-шесть, и я очень шалилъ, Вѣра Артамоновна говаривала: «Хорошо, хорошо, дайте срокъ, погодите, я все расскажу княгинѣ, какъ только она пріѣдетъ». Я тотчасъ усмирлся послѣ этой угрозы и умолялъ ее не жаловаться.

Княгиня Марья Алексѣевна Хованская, родная сестра моего отца, была строгая, угрюмая старуха, толстая, важная, съ пятномъ на щекѣ, съ поддѣльными буклями подъ чепцомъ; она говорила, прищуривая глаза, и до конца жизни, т.-е. до восьмидесяти лѣтъ, употребляла немного румянъ и немного бѣлилъ. Всякій разъ, когда я ей попадался на глаза, она притѣсняла меня; ея проповѣдямъ, ворчанью не было конца, она меня журила за все: за измятый воротничокъ, за пятно на курточкѣ, за то, что я не такъ подошелъ къ рукѣ, заставляла подойти другой разъ. Окончивши проповѣдь, она иногда говаривала моему отцу, бравши кончиками пальцевъ табакъ изъ крошечной золотой табакерки: «Ты мнѣ бы, голубчикъ, отдалъ баловня-то твоего на выправку: онъ у меня въ мѣсяцъ сдѣлался бы шелковый». Я зналъ, что меня не отдадутъ, а, все-таки, у меня дѣлался ознобъ отъ этихъ словъ.

Съ лѣтами страхъ прошелъ, но дома княгини я не любилъ, — я въ немъ не могъ дышать вольно, мнѣ было у нея не по себѣ и я, какъ пойманный заяцъ, безпокойно смотрѣлъ то въ ту, то въ другую сторону, чтобъ дать стрелка.

Княгининъ домъ вовсе не походилъ на домъ моего отца или Сенатора. Это былъ старинный, православный русскій домъ, — домъ, въ которомъ соблюдались посты, ходили къ заутрени, ставили на-

канунѣ Крещенія крестъ на дверяхъ, дѣлали удивительные блины на масленицѣ, ѣли буженину съ хрѣномъ, обѣдали ровно въ два и ужинали въ девятомъ часу. Западная зараза, коснувшаяся братьевъ и сбившая ихъ нѣсколько съ родной колеи, не коснулась житья княгини; она, напротивъ, съ неудовольствіемъ посматривала, какъ «Ванюша» и «Левушка» испортились въ *этой* Франціи.

Княгиня жила во флигелѣ дома, занимаемого ея теткой, княжной Мещерской, дѣвицей лѣтъ восьмидесяти.

Княжна была живою и чуть ли не единственною связью множества родственниковъ во всѣхъ семи восходящихъ и нисходящихъ колѣнахъ. Около нея собирались въ большіе праздники всѣ ближніе; она мирила ссорившихся, сближала отдалявшихся, ее всѣ уважали, и она заслуживала это. Съ ея смертію родственныя связи распались, потеряли свое средоточіе, забыли другъ друга.

Она окончила воспитаніе моего отца и его братьевъ; послѣ смерти ихъ родителей, она завѣдывала ихъ имѣніемъ до совершеннолѣтія; она отправила ихъ въ гвардію на службу, она выдала замужъ ихъ сестеръ ¹⁾. Не знаю, насколько она была довольна плодомъ своего воспитанія, образовавши, съ помощью французскаго инженера, Вольтерова родственника, помѣщиковъ *esprits forts* ²⁾, но уваженіе къ себѣ вселить она умѣла, и племянники, не очень расположенные къ чувствамъ покорности и уваженія, почитали старушку и часто слушались ее до конца ея жизни.

Домъ княжны Анны Борисовны, уцѣлѣвшей какимъ-то чудомъ во время пожара 1812, не былъ поправленъ лѣтъ пятьдесятъ; штофные обои, вылинялые и почернѣвшіе, покрывали стѣны; хрустальные люстры, какъ-то загорѣлыя и сдѣлавшіяся дымчатыми топазами отъ времени, дрожали и позванивали, мерцая и тускло блестя, когда кто-нибудь шелъ по комнатѣ; тяжелая, изъ цѣльнаго краснаго дерева, мебель, съ вычурными украшеніями, потерявшими позолоту, печально стояла около стѣнъ; комоды съ китайскими инкрустаціями, столы съ мѣдными рѣшеточками, фарфоровыя куклы рококо,—все напоминало о другомъ вѣкѣ, объ иныхъ нравахъ.

Въ передней сидѣли сѣдые лакеи, важно и тихо занимаясь разными мелкими работами, а иногда читая въ полслуха молитвенникъ или псалтирь, котораго листы были темнѣе переплета. У дверей стояли мальчики, но и они были скорѣе похожи на старыхъ

¹⁾ Марію Алексѣевну за кн. Хованскаго, Елизавету А.—за П. И. Голхвастова.

²⁾ Вольнодумцевъ.

карликовъ, нежели на дѣтей, никогда не смѣялись и не подымали голоса.

Во внутреннихъ комнатахъ царила мертвая тишина; только по временамъ раздавался печальный крикъ какаду, — несчастный опытъ его, картавя, повторить человѣческое слово, костяной звукъ его клюва объ жердочку, покрытую жестью, да противное хныканье небольшой обезьяны, старой, осунувшейся, чахоточной, жившей въ залѣ на небольшомъ выступѣ изразцовой печи. Обезьяна эта, одѣтая дебардеромъ, въ широкихъ красныхъ шароварахъ, сообщала всей комнатѣ особый запахъ, чрезвычайно непріятный. Въ другой залѣ висѣло множество фамильныхъ портретовъ всѣхъ величинъ, формъ, временъ, возрастовъ и костюмовъ. Портреты эти имѣли для меня особый интересъ, именно по противоположности оригиналовъ съ изображеніями. Молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати, въ свѣтло-зеленомъ шитомъ кафтанѣ, съ пудреной головой, вѣжливо улыбавшійся съ холста,—это былъ мой отецъ. Дѣвочка съ растрепанными кудрями, съ букетомъ розъ, украшенная мушкой, неумолимо затянутая въ какой-то граненый бокаль, воткнутый въ непомярныя фижмы, была грозная княгиня...

Чинность и тишина росли по мѣрѣ приближенія къ кабинету. Старья горничная, въ бѣлыхъ чепцахъ съ широкой оборкой, ходили взадъ и впередъ съ какими-то чайничками такъ тихо, что ихъ шаговъ не было слышно; иногда появлялся въ дверяхъ какой-нибудь сѣдой слуга въ длинномъ сюртукѣ изъ толстаго синяго сукна, но и его шаговъ также не было слышно; даже свой докладъ старшей горничной онъ дѣлалъ, шевеля губами безъ всякаго звука.

Небольшая ростомъ, высохнувшая, сморщившаяся, но вовсе не безобразная старушка обыкновенно сидѣла или, лучше, лежала на большомъ неуклюжемъ диванѣ, обкладенная подушками. Ее едва можно было разглядѣть; все было бѣлое: капоть, чепецъ, подушки, чехлы на диванѣ. Блѣдно-восковое и кружевно-нѣжное лицо ея вмѣстѣ съ слабымъ голосомъ и бѣлой одеждой придавали ей что-то отошедшее, еле-еле дышащее.

Большіе англійскіе столовые часы, своимъ мѣрнымъ, громкимъ спондеемъ—тикъ-такъ—тикъ-такъ—тикъ-такъ.... казалось, отмѣривали ей послѣднюю четверть часа жизни.

Часу въ первомъ являлась княгиня и важно усаживалась въ глубокія кресла; ей было скучно въ пустомъ флигелѣ своемъ. Она была вдова, и я еще помню ея мужа; онъ былъ небольшого роста, сѣденькій старичокъ, пившій тайкомъ отъ княгини настойки и наливки, ничѣмъ не занимавшійся путнымъ въ домѣ и привыкнущій къ безусловной покорности женѣ, противъ которой иногда возму-

щался на словахъ, особенно послѣ наливокъ, но никогда на дѣлѣ. Княгиня удивлялась потомъ, какъ сильно дѣйствуетъ на князя Федора Сергѣевича крошечная рюмка водки, которую онъ пилъ официально передъ обѣдомъ, и оставляла его покойно играть цѣлое утро съ дроздами, соловьями и канарейками, кричавшими наперерывъ во все птичье горло; онъ обучалъ однихъ органчикомъ, другихъ собственнымъ свистомъ; онъ самъ ѣздилъ ранехонько въ Охотный рядъ мѣнять птицъ, продавать, прикупать; онъ былъ артистически доволенъ, когда случалось (да и то, по его мнѣнію), что онъ надулъ купца... И такъ продолжалъ свою полезную жизнь до тѣхъ поръ, пока разъ по утру, посвиставши своимъ канарейкамъ, онъ упалъ навзничъ и черезъ два часа умеръ ¹⁾).

Княгиня осталась одна. У нея были двѣ дочери ²⁾; она обѣихъ выдала замужъ, обѣ вышли не по любви, а только чтобъ освободиться отъ родительскаго гнета матери. Обѣ умерли послѣ первыхъ родовъ. Княгиня была, дѣйствительно, несчастная женщина, но несчастія скорѣе исказили ея нравъ, нежели смячили его. Она отъ ударовъ судьбы стала не кротче, не добрѣе, а жестче и угрюмѣе.

Теперь у нея оставались только братья и, главное,—княжна. Княжна, съ которой она почти не разставалась во всю жизнь, еще больше приблизила ее къ себѣ послѣ смерти мужа. Она не распоряжалась ничѣмъ въ домѣ: княгиня самодержавно управляла всѣмъ и притѣсняла старушку, подъ предлогомъ заботъ и вниманія.

Около стѣнъ, по разнымъ угламъ постоянно сиживали всякія старухи, приживавшія у княжны или временно кочевавшія въ ея домѣ. Полусвятые и полубродяги, нѣсколько поврежденныя и очень набожныя, больныя и чрезвычайно нечистыя, эти старухи таскались изъ одного стариннаго дома въ другой; въ одномъ домѣ покормятъ, въ другомъ подарятъ старую шаль, отсюда пришлютъ крупокъ и дровецъ, отсюда холста и капусты,—концы-то кой-какъ и сойдутся. Ими вездѣ тяготились, вездѣ ихъ обходили, вездѣ сажали на послѣднее мѣсто и вездѣ принимали отъ скуки, пустоты, а пуще всего отъ любви къ сплетнямъ. При постороннихъ печальныя фигуры эти обыкновенно молчали, съ завистливой ненавистью поглядывали другъ на друга... вздыхая, качали головой, крестились и бормотали себѣ подъ носъ счетъ петель, молитвы, а можетъ, и брань. Зато, оставшись наединѣ съ *благодѣтельницей* и *покровительницей*, онѣ вознаграждали себя за молчаніе самой предатель-

¹⁾ 3 января 1821 г.

²⁾ Наталія Ѳ. по мужу Насакина, † 1821 г. и Екатерина Ѳ.

ской болтовней обо всѣхъ другихъ благодѣтельницахъ, къ которымъ ихъ пускали, гдѣ ихъ кормили и дарили.

Онѣ безпрестанно просили что-нибудь у княжны и за ея подарки, дѣлаемые часто тайкомъ отъ княгини, которая не любила ихъ баловать, приносили ей окаменѣлыя просвиры и собственнаго издѣлія шерстяныя и вязаныя ненужности, которыя княжна потомъ продавала въ ихъ же пользу, причеиъ воля покупателя вовсе не бралась въ соображеніе.

Сверхъ дня рожденія, именинъ и другихъ праздниковъ, самый торжественный сборъ родственниковъ и близкихъ въ домѣ княжны былъ наканунѣ новаго года. Княжна въ этотъ день *поднимала* Иверскую Божию мать. Съ пѣніемъ носили монахи и священники образъ по всѣмъ комнатамъ. Княжна первая, крестясь, проходила подъ него, за ней всѣ гости, слуги, служанки, старики, дѣти. Послѣ этого всѣ поздравляли ее съ наступающимъ новымъ годомъ и дарили ей всякія бездѣлицы, какъ дарятъ дѣтямъ. Она ими играла нѣсколько дней, потомъ сама раздаривала.

Отецъ мой возилъ меня всякій годъ на эту языческую церемонію; все повторялось въ томъ же порядкѣ, только иныхъ стариковъ и иныхъ старушекъ не доставало; объ нихъ намѣренно умалчивали, одна княжна говорила: «А нашего-то Ильи Васильевича и нѣтъ, дай ему Богъ царство небесное!.. Кого-то въ будущій годъ Господь еще позоветъ?»—и сомнительно качала головой.

А спондей англійскихъ часовъ продолжалъ отмѣривать дни, часы, минуты... и, наконецъ, домѣрилъ до роковой секунды. Старушка разъ, вставши, какъ-то дурно себя чувствовала; прошла по комнатамъ,—все не хорошо; кровь пошла у нея носомъ и очень обильно; она была слаба, устала, прилегла совсѣмъ одѣтая на своемъ диванѣ, спокойно заснула... и не просыпалась. Ей было тогда за девяносто лѣтъ ¹⁾).

Домъ и большую часть имѣнія оставила она княгинѣ, но внутренней смыслъ своей жизни не передала ей. Княгиня не умѣла продолжать изящную въ своемъ родѣ роль прародительницы, патриархальной связи многихъ нитей. Съ кончиной княжны все приняло разомъ, какъ въ гористыхъ мѣстахъ при захожденіи солнца, мрачный видъ, длинныя черныя тѣни легли на все. Она заперла наглухо домъ тетки и осталась жить во флигелѣ; дворъ поросъ травой; стѣны и рамы все больше и больше чернѣли; сѣни, на которыхъ вѣчно спали какія-то желтоватыя, неуклюжія собаки, покривились.

¹⁾ † 31 января 1827 г., 89 лѣтъ.

Знакомые и родные рѣдѣли, домъ ея пустѣлъ, она огорчалась этимъ, но поправить не умѣла.

Уцѣлѣвъ одна изъ всей семьи, она стала бояться за свою ненужную жизнь и безжалостно отталкивала все, что могло физически или морально разстроить равновѣсіе, обезпокоить, огорчить. Боясь прошедшаго и воспоминаній, она *удаляла* всѣ вещи, принадлежавшія дочерямъ, даже ихъ портреты. То же было послѣ княжны: какаду и обезьяна были сосланы въ людскую, потомъ высланы изъ дома. Обезьяна доживала свой вѣкъ въ кучерской у Сенатора, задыхаясь отъ нѣжинскихъ корешковъ и потѣшая фореиторовъ.

Эгоизмъ самохраненія страшно черствитъ старое сердце. Когда болѣзнь послѣдней дочери ея ¹⁾ приняла совершенно отчаянный характеръ, мать уговорили ѣхать домой, *и она поѣхала*. Дома она тотчасъ велѣла приготовить разные спирты и капустные листы (она ихъ привязывала къ головѣ) для того, чтобъ имѣть подъ рукой все, что надобно, когда придетъ *страшная вѣсть*. Она не простилась ни съ тѣломъ мужа, ни съ тѣломъ дочери, она ихъ не видала послѣ смерти и не была на похоронахъ. Когда впослѣдствіи умеръ Сенаторъ, ея любимый братъ, она догадалась по нѣсколькимъ словамъ племянника о томъ, что случилось, *и просила его* не объявлять ей печальной новости, ни подробности кончины. Какъ же не жить съ этими мѣрами противъ собственнаго сердца—и такого сговорчиваго сердца—до восьмого, девятаго десятка въ полномъ здравіи и съ несокрушимымъ пищевареніемъ...

Впрочемъ, напомнимъ въ защиту княгини, что это уродливое отдаленіе всего печальнаго было гораздо больше въ ходу у аристократическихъ баловней прошлаго вѣка, чѣмъ теперь. Знаменитый Кауницъ ²⁾ строго запретилъ подъ старость, чтобъ при немъ говорили о чьей-нибудь смерти и объ ослѣ, которой онъ очень боялся. Когда умеръ Иосифъ II, секретарь, не зная, какъ доложить Кауницу, рѣшился сказать: «Нынѣ царствующій императоръ Леопольдъ». Кауницъ понялъ и, блѣдный, опустился на кресла, не спросивъ ничего. Садовникъ его въ разговорахъ миновалъ слово «прививка», чтобъ не напомнить оспы. Наконецъ, о смерти собственнаго сына онъ узналъ случайно отъ испанскаго посланника. А надъ страусами, которые прячутъ голову подъ крыло отъ опасности, люди смѣются!

Для храненія полнаго покоя своего княгиня учредила особую полицію и начальство надъ нею ввѣрила искуснымъ рукамъ.

¹⁾ Насакиной.

²⁾ Австрійскій государственный дѣятель.

Сверхъ кочующихъ старухъ, унаслѣдованныхъ отъ княжны, у княгини жила постоянная «компаньонка» ¹⁾. Эту почетную должность занимала здоровая, краснощекая вдова какого-то звенигородскаго чиновника, надменная своимъ «благородствомъ» и ассесорскимъ чиномъ покойника, сварливая и неугомонная женщина, которая никогда не могла простить Наполеону преждевременную смерть ея звенигородской коровы, погибшей въ Отечественную войну 1812 года. Я помню, какъ она серьезно заботилась послѣ смерти Александра I, какой ширины плерезы ей слѣдуетъ носить *по рану*.

Женщина эта играла очень неважную роль, пока княжна была жива, но потомъ такъ ловко умѣла приладиться къ капризамъ княгини и къ ея тревожному безпокойству о себѣ, что вскорѣ заняла при ней точно то мѣсто, которое сама княгиня имѣла при теткѣ.

Обшитая своими чиновными плерезами, Марья Степановна каталась, какъ шаръ, по дому съ утра до ночи, кричала, шумѣла, не давала покоя людямъ, жаловалась на нихъ, дѣлала слѣдствія надъ горничными, давала тузы и драла за уши мальчишекъ, сводила счеты, бѣгала на кухню, бѣгала на конюшню, обмахивала мухъ, терла ноги, заставляла принимать лѣкарство. Домашніе не имѣли больше доступа къ барынѣ,—это былъ Аракчеевъ, Биронъ, словомъ, первый министръ. Княгиня, чопорная и, хотя по старинному, но все же воспитанная, часто, особенно сначала, тяготилась звенигородской вдовой, ея крикливымъ голосомъ, ея рыночными манерами, но ввѣрялась ей больше и больше и съ восхищеніемъ видѣла, что Марья Степановна значительно уменьшила и безъ того не очень важные расходы по дому. Кому княгиня берегла деньги, трудно сказать: у нея не было никого близкаго, кромѣ братьевъ, которые были вдвое богаче ея.

Со всѣмъ тѣмъ княгиня, въ сущности, послѣ смерти мужа и дочерей скучала и бывала рада, когда старая французенка, бывшая гувернанткой при ея дочеряхъ ²⁾, пріѣзжала къ ней погостить недѣли на двѣ, или когда ея племянница изъ Корчевы ³⁾ навѣщала ее. Но все это было мимоходомъ, изрѣдка, а скучное съ глазу на глазъ съ компаньонкой не наполняло промежутковъ.

Занятіе, игрушка и разсѣяніе нашлись очень естественно незадолго передъ смертью княжны.

¹⁾ Марія Степановна Макашина.

²⁾ M-me Matthey.

³⁾ Т. П. Кучина (Пассекъ).

ГЛАВА XX.

СИРОТА.

Въ половинѣ 1825 года Химикъ, принявшій дѣла отца въ большомъ безпорядкѣ, отправилъ изъ Петербурга въ шацкое имѣніе своихъ братьевъ и сестеръ; онъ давалъ имъ господскій домъ и содержаніе, предоставляя впослѣдствіи заняться ихъ воспитаніемъ и устроить ихъ судьбу. Княгиня поѣхала на нихъ взглянуть. Ребенокъ восьми лѣтъ ¹⁾ поразилъ ее своимъ грустно-задумчивымъ видомъ; княгиня посадила его въ карету, привезла домой и оставила у себя.

Мать была рада и отправилась съ другими дѣтьми въ Тамбовъ.¹

Химикъ согласился,—ему было все равно.

«Помни всю жизнь,—говорила маленькой дѣвчкѣ, когда онѣ пріѣхали домой, компаньонка — помни, что княгиня — *твоя благодѣтельница*, и молись о продолженіи ея дней. Что была бы ты безъ нея?»

И вотъ въ этомъ отжившемъ домѣ, надъ которымъ угрюмо тяготѣли двѣ неутомонныя старухи: одна, полная причудъ и капризовъ, другая—ея безпокойная лазутчица, лишенная всякой деликатности, всякаго такта,—явилось дитя, оторванное отъ всего близкаго ему, чужое всему окружающему и взятое отъ скуки, какъ берутъ собаченокъ или какъ князь Федоръ Сергѣевичъ держалъ канареекъ.

Въ длинномъ траурномъ шерстяномъ платьѣ, блѣдная до синеватаго отлива, дѣвочка сидѣла у окна, когда меня привезъ черезъ

¹⁾ Наталія Александровна Захарьина.

нѣсколько дней отецъ мой къ княгинѣ. Она сидѣла молча, удивленная, испуганная, и глядѣла въ окно, боясь смотрѣть на что-нибудь другое.

Княгиня подозвала ее и представила моему отцу. Всегда холодный и непривѣтливый, онъ равнодушно потрепалъ ее по плечу, замѣтилъ, что покойный братъ самъ не зналъ, что дѣлалъ, побранилъ Химику и сталъ говорить о другомъ.

У дѣвочки были слезы на глазахъ; она опять сѣла къ окну и опять стала смотрѣть въ него.

Тяжелая жизнь начиналась для нея. Ни одного теплаго слова, ни одного нѣжнаго взгляда, ни одной ласки; возлѣ, около посторонніе, морщины, пожелтѣлыя щеки, существа потухающія, хилыя. Княгиня была постоянно строга, взыскательна, нетерпѣлива и держала себя слишкомъ далеко отъ сироты, чтобъ ей въ голову пришло пріютиться къ ней, отогрѣться, утѣшиться въ ея близости или поплакать. Гости не обращали на нее никакого вниманія. Компаньонка сносила ее, какъ капризъ княгини, какъ вещь лишнюю, но которая ей вредить не можетъ; она, особенно при постороннихъ, даже показывала, что покровительствуетъ ребенку и ходатайствуетъ передъ княгиней о ней.

Ребенокъ не привыкалъ и черезъ годъ былъ столько же чуждъ какъ въ первый день, и еще печальнѣе. Сама княгиня удивлялась его «серioзности» и иной разъ, видя, какъ она часы цѣлые уныло сидитъ за маленькими пальцами, говорила ей: «Что ты не порѣзвишься, не пробѣжишь?». Дѣвочка улыбалась, краснѣла, благодарила, но оставалась на своемъ мѣстѣ.

И княгиня оставляла ее въ покоѣ, нисколько не заботясь, въ сущности, о грусти ребенка и не дѣлая ничего для его развлечения. Приходили праздники; другимъ дѣтямъ дарили игрушки, другія дѣти рассказывали о гуляньяхъ, объ обновленияхъ. Сиротѣ ничего не дарили. Княгиня думала, что довольно дѣлаетъ для нея, давай ей кровъ; благо есть башмаки, на что еще куклы! Ихъ, въ самомъ дѣлѣ, было ненужно,—она не умѣла играть, да и не съ кѣмъ было.

Одно существо поняло положеніе сироты: за ней была представлена старушка няня; она одна просто и наивно любила ребенка. Часто вечеромъ, раздѣвая ее, она спрашивала: «Да что же это вы, моя барышня, такія печальныя?». Дѣвочка бросалась къ ней на шею и горько плакала, и старушка, заливаясь слезами и качая головой, уходила съ подсвѣчникомъ въ рукѣ.

Такъ шли годы. Она не жаловалась, она не роптала, она только лѣтъ двѣнадцати хотѣла умереть. «Мнѣ все казалось, писала она, что я попала ошибкой въ эту жизнь и что скоро ворочусь домой,—

но гдѣ же былъ мой домъ?.. Уѣзжая изъ Петербурга, я видѣла большой сугробъ снѣга на могилѣ моего отца; моя мать, оставляя меня въ Москвѣ, скрылась на широкой, безконечной дорогѣ... Я горячо плакала и молила Бога взять меня скорѣй домой».

...«Мое ребячество было самое печальное, горькое; сколько слезъ пролито, невидимыхъ никѣмъ, сколько разъ, бывало, ночью, не понимая еще, что такое молитва, я вставала украдкой (не смѣя и молиться не въ назначенное время) и просила Бога, чтобъ меня кто-нибудь любилъ, ласкалъ. У меня не было той забавы или игрушки, которая бы заняла меня и утѣшила, потому что, ежели и давали что-нибудь, то съ упрекомъ и съ непремѣннымъ прибавленіемъ: «ты этого не стоишь». Каждый лоскутъ, получаемый отъ нихъ, былъ мною оплаканъ; потомъ я становилась выше этого стремленіе къ наукѣ душило меня, я ничему больше не завидовала въ другихъ дѣтяхъ, какъ ученью. Многіе меня хвалили, находили во мнѣ способности и съ состраданіемъ говорили: «Если-бъ приложить руки къ этому ребенку!». «Онъ дивилъ бы свѣтъ»—договаривала я мысленно, и щеки мои горѣли, я спѣшила итти куда-то, мнѣ видѣлись мои картины, мои ученики, а мнѣ не давали клочка бумаги, карандаша... Стремленье выйти въ другой міръ становилось все сильнѣе и сильнѣе, и съ тѣмъ вмѣстѣ росло презрѣніе къ моей темницѣ и къ ея жестокимъ часовымъ. Я повторяла безпрерывно стихи чернеца ¹⁾:

Вотъ тайна: дней моихъ весною
Ужъ я все горе жизни зналъ.

«Помнишь ли ты, мы какъ-то были у васъ, давно, еще въ томъ домѣ; ты меня спросилъ, читала ли я Козлова, и сказалъ изъ него именно то же самое мѣсто? Трепетъ пробѣжалъ по мнѣ, я улыбулась, насилу удерживая слезы».

Глубоко грустная нота постоянно звучала въ ея груди; вполнѣ она никогда не исключалась, а только иногда умолкала, поглощенная свѣтлой минутой жизни.

Мѣсяца за два до своей кончины, возвращаясь еще разъ къ своему дѣтству, она писала:

«Кругомъ было старое, дурное, холодное, мертвое, ложное; мое воспитаніе началось съ упрековъ и оскорбленій, вслѣдствіе этого—отчужденіе отъ всѣхъ людей, недовѣрчивость къ ихъ ласкамъ, отвращеніе отъ ихъ участія, углубленіе въ самое себя...»

Но для такого углубленія въ самага себя надобно было имѣть.

¹⁾ Изъ поэмы И. И. Козлова «Чернецъ».

не только страшную глубь души, въ которой привольно нырять, но страшную силу независимости и самобытности. Жить своею жизнью въ средѣ непріязненной и пошлой, гнетущей и безвыходной могутъ очень немногіе: иной разъ духъ не вынесетъ, иной разъ тѣло сломится.

Сиротство и грубая прикосновенія въ самый нѣжный возрастъ оставили черную полосу на душѣ, рану, которая никогда не сталась вполне.

«Я не помню,—пишетъ она въ 1837,—когда бы я свободно и отъ души произнесла слово «маменька», къ кому бы, безопасно забывая все, склонилась на грудь. Съ восьми лѣтъ чужая всѣмъ, я люблю мою мать... но мы не знаемъ другъ друга».

Глядя на блѣдный цвѣтъ лица, на большіе глаза, окаймленные темной полоской, двѣнадцатилѣтней дѣвочки, на ея томную усталъ и вѣчную грусть, многимъ казалось, что это—одна изъ предназначенныхъ, раннихъ жертвъ чахотки,—жертвъ, съ дѣтства отмѣченныхъ перстомъ смерти, особымъ знаменіемъ красоты и преждевременной думы. «Можетъ, говоритъ она, я и не вынесла бы этой борьбы, если-бъ я не была спасена нашей встрѣчей».

И я такъ поздно ее понялъ и разгадалъ!

До 1834 я все еще не умѣлъ оцѣнить это богатое существованіе, развертывавшееся возлѣ меня, несмотря на то, что девять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ княгиня представляла ее моему отцу, въ длинномъ шерстяномъ платьѣ. Объяснить это нетрудно. Она была дика, я разсѣянъ; мнѣ было жаль дитя, которое все такъ печально и одиноко сидѣло у окна, но мы видались очень не часто. Рѣдко и всякій разъ поневолѣ ѣздилъ я къ княгинѣ; еще рѣже привозила ее княгиня къ намъ. Визиты княгини производили къ тому же почти всегда непріятныя впечатлѣнія; она обыкновенно ссорилась изъ-за пустяковъ съ моимъ отцомъ, и, не выдавшись мѣсяца два, они говорили другъ другу колкости, прикрывая ихъ нѣжными оборотами, въ томъ родѣ, какъ леденцомъ покрываютъ противныя лѣкарства. «Голубчикъ мой», говорила княгиня; «голубушка моя», отвѣчала мой отецъ, и ссора шла своимъ порядкомъ. Мы всегда радовались, когда княгиня уѣзжала. Сверхъ того, ненадобно забывать, что я тогда былъ совершенно увлеченъ политическими мечтами, науками, жилъ университетомъ и товариществомъ.

Но *чѣмъ жила она*, сверхъ своей грусти, въ продолженіе этихъ темныхъ, длинныхъ *девяти годовъ*, окруженная глупыми ханжами, надменными родственниками, скучными іеромонахами, толстыми попадьями, лицемѣрно покровительствуемая компаньонкой

и не выпускаемая изъ дома далѣе печальнаго двора, поросшаго травой, и маленькаго палисадника за домомъ?

Изъ приведенныхъ строкъ уже видно, что княгиня не особенно изубытчивалась на воспитаніе ребенка, взятаго ею. Нравственностью занималась она сама; это преподаваніе состояло изъ наружной выправки и изъ привитія цѣлой системы лицемѣрія. Ребенокъ долженъ былъ быть съ утра зашнурованъ, причесанъ, на вытяжкѣ; это можно бы было допустить въ ту мѣру, въ которую оно не вредно здоровью; но княгиня шнуровала вмѣстѣ съ таліей и душу, подавляя всякое откровенное, чистосердечное чувство; она требовала улыбку и веселый видъ, когда ребенку было грустно, ласковое слово—когда ему хотѣлось плакать, видъ участія къ предметамъ безразличнымъ, словомъ, постоянной лжи.

Сначала бѣдную дѣвочку ничему не учили, подъ предлогомъ, что раннее ученіе бесполезно; потомъ, т.-е. года черезъ *три* или *четыре*, наскучивъ замѣчаніями Сенатора и даже постороннихъ, княгиня рѣшилась устроить ученіе, имѣя въ виду наименьшую трату денегъ.

Для этого она воспользовалась старушкой гувернанткой, которая считала себя обязанной княгинѣ и иногда нуждалась въ ней; такимъ образомъ французскій языкъ доведенъ былъ до послѣдней дешевизны, зато и преподавался à bâtons rompus ¹⁾.

Но и русскій языкъ былъ доведенъ до того же; для него и для *всего прочаго* былъ приглашенъ сынъ какой-то вдовы попады ²⁾, облагодѣтельствованной княгиней, разумѣется, безъ особыхъ тратъ: черезъ ея ходатайство у митрополита, двое сыновей попады были сдѣланы соборными священниками. Учитель былъ ихъ старшій братъ, дьяконъ бѣднаго прихода, обремененный большой семьей ³⁾; онъ гибнулъ отъ нищеты, былъ доволенъ всякой платой и не смѣлъ дѣлать условій съ благодѣтельницей братьевъ.

Что можетъ быть жалче, недостаточнѣе такого воспитанія, а между тѣмъ, все пошло на дѣло, все принесло удивительные плоды: такъ мало нужно для развитія, если только есть чему развиться.

Бѣдный, худой, высокій и плѣшивый дьяконъ былъ одинъ изъ тѣхъ восторженныхъ мечтателей, которыхъ не лѣчатъ ни лѣта, ни бѣдствія, напротивъ, бѣдствія ихъ поддерживаютъ въ мистическомъ созерцаніи. Его вѣра, доходившая до фанатизма, была искренина и не лишена поэтическаго оттѣнка. Между имъ, отцомъ

¹⁾ Черезъ пятое въ десятое.

²⁾ Т. И. Ключаревой.

³⁾ Павелъ Сергѣевичъ Ключаревъ.

голодной семьи, и сиротой, кормимой чужимъ хлѣбомъ, тотчасъ образовалось взаимное пониманье.

Въ домѣ княгини дьякона принимали такъ, какъ слѣдуетъ принимать беззащитнаго и къ тому же кроткаго бѣдняка,—едва кивая ему головой, едва достаивая его словомъ. Даже компаньонка считала необходимымъ обращаться съ нимъ свысока; а онъ едва замѣчалъ и ихъ самихъ и ихъ пріемъ, съ любовью давалъ свои уроки, былъ тронутъ понятливостью ученицы и умѣлъ трогать ее самое до слезъ. Этого княгиня не могла понять, журила ребенка за плаксивость и была очень недовольна, что дьяконъ разстраиваетъ нервы: «Ужъ это слишкомъ какъ-то эдакъ, совсѣмъ не подѣтски!».

А между тѣмъ, слова старика открывали передъ молодымъ существомъ иной міръ, иначе симпатичный, нежели тотъ, въ которомъ сама религія дѣлалась чѣмъ-то кухоннымъ, сводилась на соблюденіе постовъ да на хожденіе ночью въ церковь, гдѣ все было ограничено, поддѣльно, условно и жало душу своей узкостью. Дьяконъ далъ ученицѣ въ руки Евангеліе,—и она долго не выпускала его изъ рукъ. Евангеліе была *первая книга*, которую она читала и перечитывала съ своей единственной подружкой Сашей ¹⁾, племянницей няни, молодой горничной княгини.

Я Сашу потомъ зналъ очень хорошо. Гдѣ и какъ умѣла она развиться, родившись между кучерской и кухней, не выходя изъ дѣвичей,—я никогда не могъ понять, но развита она была необыкновенно. Эта была одна изъ тѣхъ неповинныхъ жертвъ, которыя гибнутъ незамѣтно и чаще, чѣмъ мы думаемъ, въ людскихъ, раздавленныхъ крѣпостнымъ состояніемъ. Онѣ гибнутъ не только безъ всякаго вознагражденія, состраданія, безъ свѣтлаго дня, безъ радостнаго воспоминанія, но не зная, не подозрѣвая сами, чтѣ въ нихъ гибнетъ и сколько въ нихъ умираетъ.

Барыня съ досадой скажетъ: «Только начала, было, дѣвчонка приучаться къ службѣ, какъ вдругъ слегла и умерла...» Ключница семидесяти лѣтъ проворчитъ: «Какія нынче слуги,—хуже всякой барышни», и отправится на кутью и поминки. Мать поплачетъ, поплачетъ и начнетъ попивать,—тѣмъ дѣло и кончено.

И мы идемъ возлѣ, торопясь и не видя этихъ страшныхъ повѣстей, совершающихся подъ нашими ногами, отдѣляясь важнымъ недосугомъ, нѣсколькими рублями и ласковымъ словомъ. А тутъ вдругъ, изумленные, слышимъ страшный стонъ, которымъ

¹⁾ Вырлина.

даетъ о себѣ вѣсть на вѣки вѣковъ сломившаяся душа, и, какъ спросонья, спрашиваемъ, откуда взялась эта душа, эта сила?

Княгиня убила свою горничную, разумѣется, нехотя и безсознательно,—она ее замучила по мелочи, сломила ее, гнувши цѣлую жизнь, она истомила ее униженіями, шероховатымъ, грубымъ прикосновеніемъ. Она нѣсколько лѣтъ не позволяла ей итти замужъ и разрѣшила только тогда, когда разглядѣла чахотку на ея страдальческомъ лицѣ.

Бѣдная Саша, бѣдная жертва гнусной, проклятой русской жизни, запятнанной крѣпостнымъ состояніемъ: смертью ты вышла на волю! И ты еще была несравненно счастливѣе другихъ: въ суровомъ плѣну княгининаго дома ты встрѣтила друга, и дружба той, которую ты такъ безмѣрно любила, проводила тебя заочно до могилы. Много слезъ стоила ты ей; незадолго до своей кончины, она еще поминала тебя и благословляла память твою, какъ единственный свѣтлый образъ, явившійся въ ея дѣтствѣ!

...Двѣ молодыя дѣвушки (Саша была постарше) вставали рано по утрамъ, когда все въ домѣ еще спало, читали Евангеліе и молились, выходя на дворъ, подъ чистымъ небомъ. Онѣ молились о княгинѣ, о компаньонкѣ, просили Бога раскрыть ихъ души; выдумывали себѣ испытанія, не ѣли цѣлыя недѣли мяса, мечтали о монастырѣ и о жизни за гробомъ.

Такой мистицизмъ идетъ къ отроческимъ чертамъ, къ тому возрасту, гдѣ все—еще тайна, все—религіозная мистерія, пробуждающаяся мысль еще не ясно свѣтитъ изъ-за утренняго тумана, а туманъ еще не разсѣянъ ни опытомъ, ни страстью.

Въ тихія и короткія минуты я любилъ слушать потомъ рассказы объ этой дѣтской молитвѣ, которою начиналась одна широкая жизнь, и оканчивалось одно несчастное существованіе. Образъ *сироты*, оскорбленной грубымъ благодѣяніемъ, и *рабы*, оскорбленной безвыходностью своего положенія, молящихся на одичаломъ дворѣ о своихъ притѣснителяхъ, наполнялъ сердце какимъ-то умиленіемъ, и рѣдкій покой сходилъ на душу.

Это чистое и граціозное явленіе, никѣмъ не оцѣненное изъ близкихъ въ безсмысленномъ домѣ княгини, нашло, сверхъ дьякона и Саши, отзывъ и горячее поклоненіе всей дворни. Простые люди эти видѣли въ ней больше, чѣмъ добрую, ласковую барышню: они въ ней угадали что-то высшее, передъ чѣмъ они склонялись,—они вѣровали въ нее. Невѣсты изъ княгининаго дома просили ее приколотъ своими руками какую-нибудь ленту, когда шли къ вѣнцу. Одна молодая горничная,—помнится, ее звали Еленой,—вдругъ занемогла колотьемъ; открылась сильная плерези, надежды спасти ее

не было, послали за попомъ. Дѣвушка, испуганная, спрашивала мать все ли кончено; мать, рыдая, сказала ей, что Богъ ее скоро позоветъ. Тогда больная, припавъ къ матери, съ горькими слезами просила сходить за барышней, чтобъ она пришла сама благословить ее образомъ на тотъ свѣтъ. Когда она пришла къ ней, больная взяла ее руку, приложила къ своему лбу и повторяла: «Молитесь обо мнѣ, молитесь!». Молодая дѣвушка, сама вся въ слезахъ, начала въ полслуха молитву,—больная отошла въ продолженіе этого времени. Всѣ въ комнатѣ стояли на колѣняхъ и крестились; она закрыла ей глаза, поцѣловала холодящую лобъ и вышла ¹⁾).

Однѣ сухія и недаровитыя натуры не знаютъ этого романтическаго періода; ихъ столько же жаль, какъ тѣ слабыя и хилыя существа, у которыхъ мистицизмъ переживаетъ молодость и остается навсегда. Въ *наше* вѣкъ съ реальными натурами этого и не бываетъ; но откуда могло проникнуть въ домъ княгини *светское* вліяніе девятнадцатаго столѣтія?—онъ былъ такъ хорошо законопаченъ.

Щель нашлась-таки.

Корчевская кузина иногда гостила у княгини. Она любила «маленькую кузину», какъ любятъ дѣтей, особенно несчастныхъ, но не знала ея. Съ изумленіемъ, почти съ испугомъ разглядѣла она въ послѣдствіи эту необыкновенную натуру и, порывистая во всемъ, тотчасъ рѣшилась поправить свое невниманіе. Она просила у меня Гюго, Бальзака или, вообще, что-нибудь новое. «Маленькая кузина,—говорила она мнѣ,—гениальное существо, намъ слѣдуетъ ее вести впередъ!».

«Большая кузина». — и при этомъ названіи я не могу безъ улыбки вспомнить, что она была прекрошечная ростомъ,—сообщила разомъ своей ставленицѣ все, бродившее въ ея собственной душѣ:

¹⁾ Въ бумагахъ моихъ сохранились нѣсколько писемъ Саши, писанныхъ между 35 и 36 годами. Саша оставалась въ Москвѣ, а подруга ея была въ деревнѣ съ княгиней; я не могу читать этого простого и восторженнаго лепета сердца безъ глубокаго чувства. «Неужели это правда, пишетъ она,—что вы пріѣдете? Ахъ, если-бъ вы въ самомъ дѣлѣ пріѣхали, я не знаю, что со мною бы было. Вѣдь, вы не повѣрите, чтобъ я такъ часто объ васъ думала, почти всѣ мои желанія, всѣ мои мысли, *все, все, все въ васъ*... Ахъ, Наталья Александровна, вѣдь, какъ вы прекрасны, какъ милы, какъ высоки, какъ...но не могу ужъ выразить. Право, это не выученныя слова, прямо изъ сердца...»

Въ другомъ письмѣ она благодаритъ за то, что «барышня» часто пишетъ ей. «Это ужъ слишкомъ,—говоритъ она,—впрочемъ, вѣдь, это *вы-вы*», и заключаетъ письмо словами: «все мѣшаютъ, обнимаю васъ, мой ангелъ, со всею истинной, безмѣрной любовью. Благословите меня!». А. И. Г.

шиллеровскія идеи и идеи Руссо, революціонныя мысли, взятыя у меня, и мечты влюбленной дѣвушки, взятыя у самой себя. Потому она ей тайкомъ надавала французскихъ романовъ, стиховъ, поэмъ. Это были большею частью книги, вышедшія послѣ 1830 г. Онѣ, при всѣхъ недостаткахъ, сильно будили мысль и крестили огнемъ и духомъ юныя сердца. Въ романахъ и повѣстяхъ, въ поэмахъ и пѣсняхъ того времени, съ вѣдома писателя или нѣтъ, вездѣ сильно билась социальная артерія, вездѣ обличались общественныя раны, вездѣ слышался стонъ сгнетенныхъ голодомъ невинныхъ каторжниковъ работы; тогда еще этого ропота и этого стона не боялись, какъ преступленія.

Само собою разумѣется, что «кузина» надавала книгъ безъ всякаго разбора, безъ всякихъ объясненій, и я думаю, что въ этомъ не было вреда; есть организациі, которымъ никогда не нужна чужая помощь, опора, указка, которая всего лучше идутъ тамъ, гдѣ нѣтъ рѣшетки.

Вскорѣ прибавилось другое лицо, продолжавшее свѣтское вліяніе корчевской кузины. Княгиня, наконецъ, рѣшилась взять гувернантку и, чтобъ недорого платить, пригласила молодую *русскую* дѣвушку, только-что выпущенную изъ института ¹⁾.

Русскія гувернантки у насъ ни по чемъ, по крайней мѣрѣ, такъ еще было въ тридцатыхъ годахъ, а между тѣмъ, при всѣхъ недостаткахъ онѣ все же лучше большинства французенокъ изъ Швейцаріи, безсрочно отпускныхъ лоретокъ и отставныхъ актрисъ, которыя съ отчаянья бросаются на воспитаніе, какъ на послѣднее средство доставать насущный хлѣбъ,—средство, для котораго ненужно ни таланта, ни молодости, ничего, кромѣ произношенія «гrrра» и манеръ *d'une dame de comptoir* ²⁾, которыя часто у насъ по провинціямъ принимаются за «хорошія» манеры. Русскія гувернантки выпускаются изъ институтовъ или изъ воспитательныхъ домовъ, стало быть, все же имѣютъ какое-нибудь правильное воспитаніе и не имѣютъ того мѣщанскаго *plé* ³⁾, которое вывозятъ иностранки.

Нынѣшнихъ французскихъ воспитательницъ ненадобно смѣшивать съ тѣми, которыя пріѣзжали въ Россію до 1812 г. Тогда и Франція была меньше мѣщанской, и пріѣзжавшія женщины принадлежали совсѣмъ другому слою. Долею это были дочери эмигрантовъ, разорившихся дворянъ, вдовы офицеровъ, часто ихъ покинутыя жены. Наполеонъ женилъ своихъ воиновъ въ томъ родѣ,

¹⁾ Эмилія Михайловна Аксбергъ.

²⁾ Конторщицы.

³⁾ Складки.

какъ наши помѣщики женятъ дворовыхъ людей, — не очень заботясь о любви и наклонностяхъ. Онъ хотѣлъ браками сблизить дворянство пороха съ старымъ дворянствомъ; онъ хотѣлъ оболванить своихъ Скалозубовъ женами. Привычные къ слѣпому повиновенію, они вѣнчались безпрекословно, но вскорѣ бросали своихъ женъ, находя ихъ слишкомъ чопорными для казарменныхъ и бивачныхъ вечеринокъ. Бѣдныя женщины плелись въ Англію, въ Австрію, въ Россію. Къ числу прежнихъ гувернантокъ принадлежала француженка, гащивавшая у княгини ¹⁾). Она говорила съ улыбкой, отборнымъ слогомъ и никогда не употребляла ни одного сильнаго выраженія. Она вся состояла изъ хорошихъ манеръ и никогда ни на минуту не забывалась. Я увѣренъ, что она ночью въ постели больше преподавала, какъ слѣдуетъ спать, нежели спала.

Молодая институтка была дѣвушка умная, бойкая, энергическая, съ прибавкой пансіонской восторженности и врожденнаго чувства благородства. Дѣятельная и пылкая, она внесла въ существованіе ученицы-подруги больше жизни и движенія.

Унылая, грустная дружба къ увядающей Сашѣ имѣла печальный, траурный отблескъ. Она вмѣстѣ съ словами дьякона и съ отсутствіемъ всякаго развлечения удаляла молодую дѣвушку отъ міра, отъ людей. Третье лицо, живое, веселое, молодое и съ тѣмъ вмѣстѣ сочувствовавшее всему мечтательному и романтическому, было очень на мѣстѣ: оно стягивало на землю, т.-е. на дѣйствительную, истинную почву.

Сначала ученица приняла нѣсколько наружныхъ формъ Эмили; улыбка чаще стала показываться, разговоръ становился живѣе; но черезъ годъ времени натуры двухъ дѣвушекъ заняли мѣста по удѣльному вѣсу. Разсѣянная милая Эмилія склонилась передъ сильнымъ существомъ и совершенно подчинилась ученицѣ, видѣла ея глазами, думала ея мыслями, жила ея улыбкой, ея дружбой.

Передъ окончаніемъ курса я сталъ чаще ходить въ домъ княгини. Молодая дѣвушка, казалось, радовалась, когда я приходилъ, иногда вспыхивалъ огонь на щекахъ, рѣчь оживлялась, но тотчасъ потомъ она входила въ свой обыкновенный задумчивый покой, напоминая холодную красоту изваянія или «дѣву чужбины» Шиллера, останавливавшую всякую близость.

Это не было ни отчужденіе, ни холодность, а внутренняя работа: чужая другимъ, она еще себѣ была чужою и больше предчувствовала, нежели знала, чтó въ ней. Въ ея прекрасныхъ чер-

¹⁾ M-me Matthey.

тахъ было что-то недоконченное, невысказавшееся; имъ недоставало одной искры, одного удара рѣзцомъ, который долженъ былъ рѣшить, назначено ли ей истомиться, завянуть на песчаной почвѣ, не зная ни себя, ни жизни, или отразить зарево страсти, обняться ею и жить, можетъ, страдать, даже навѣрное страдать, *но мною жить*.

Печать жизни, выступившей на полудѣтскомъ лицѣ ея, я первый увидѣлъ наканунѣ долгой разлуки.

Памятенъ мнѣ этотъ взглядъ, иначе освѣщенный, и всѣ черты, вдругъ измѣнившія значеніе, будто, проникнутыя иною мыслью, инымъ огнемъ... будто, тайна разгадана и внутренній туманъ разсѣянъ. Это было въ тюрьмѣ ¹⁾. Десять разъ прощались мы и все еще не хотѣлось разстаться; наконецъ, моя мать, прїѣзжавшая съ Natalie ²⁾ въ Крутицы, рѣшительно встала, чтобъ ѣхать. Молодая дѣвушка вздрогнула, поблѣднѣла, крѣпко, не по своимъ силамъ, сжала мнѣ руку и повторила, отворачиваясь, чтобъ скрыть слезы: «Александръ, не забывай же сестры».

Жандармъ проводилъ ихъ и принялся ходить взадъ и впередъ. Я бросился на постель и долго смотрѣлъ на дверь, за которой исчезло это свѣтлое явленіе. «Нѣтъ, братъ твой не забудетъ тебя» — думалъ я.

На другой день меня везли въ Пермь, но прежде, нежели я буду говорить о разлукѣ, расскажу, что еще мнѣ мѣшало передъ тюрьмой лучше понять Natalie, больше сблизиться съ нею.

Я былъ влюбленъ! Да, я былъ влюбленъ, и память объ этой юношеской чистой любви мнѣ мила, какъ память весенней прогулки на берегу моря, середь цвѣтовъ и пѣсень. Это было сновидѣніе, навѣявшее много прекраснаго и исчезнувшее, какъ обыкновенно сновидѣнія исчезаютъ!

¹⁾ 9 апрѣля 1835 г.

²⁾ Я очень хорошо знаю, сколько аффектаціи въ французскомъ переводѣ имени, но какъ быть? имя—дѣло традиціонное, какъ же его мѣнять? Къ тому же всѣ неславянскія имена у насъ какъ-то усѣчены и менѣе звучны,—мы, воспитанные отчасти въ отеческомъ законѣ, въ нашу молодость «романизировали» имена, предержавшія власти «славянизируютъ» ихъ. Съ производствомъ въ чины и съ пріобрѣтеніемъ силы при дворѣ, мѣняются буквы въ имени; такъ, напримѣръ, графъ Строгановъ остался до конца дней *Серій Григорьевичемъ*, но князь Голицынъ всегда назывался *Серій Михайловичъ*. Последній примѣръ производства по этой части мы замѣтили *въ извѣстномъ* по 14-му декабря генералѣ Ростовцовѣ: во все царствованіе Николая Павловича онъ былъ Яковъ, такъ, какъ Яковъ Долгоруковъ, но съ воцаренія Александра II онъ сдѣлался Іаковъ, такъ, какъ братъ Божій. А. И. Г.

Я говорилъ уже прежде, что мало женщинъ было во всемъ нашемъ кругу, особенно такихъ, съ которыми бы я былъ близокъ; моя дружба, сначала пламенная, къ корчевской кузинѣ приняла мало-по-малу ровный характеръ; послѣ ея замужества мы видались рѣже, потому она уѣхала. Потребность чувства больше тепла, больше нѣжнаго, чѣмъ наша мужская дружба, неопредѣленно бродила въ сердцѣ. Все было готово, недоставало только «ея». Въ одномъ изъ знакомыхъ намъ домовъ была молодая дѣвушка ¹⁾, съ которой я скоро подружился. Странный случай сблизилъ насъ. Она была помолвлена; вдругъ вышла какая-то ссора, женихъ оставилъ ее и уѣхалъ куда-то на другой край Россіи. Она была въ отчаяніи, огорчена, оскорблена; съ искреннимъ и глубокимъ участіемъ смотрѣлъ я, какъ горе разъѣдало ее; не смѣя заикнуться о причинѣ, я старался разсѣять ее, утѣшить, носилъ романы, самъ ихъ читалъ вслухъ, рассказывалъ цѣлыя повѣсти и иногда не приготовлялся вовсе къ университетскимъ лекціямъ, чтобъ подольше посидѣть съ огорченной дѣвушкой.

Мало-по-малу слезы ея становились рѣже, улыбка свѣтилась по временамъ изъ-за нихъ; отчаянье ея превращалось въ томную грусть; скоро ей сдѣлалось страшно за прошедшее, она боролась съ собой и отстаивала его противъ настоящаго изъ сердечнаго *point d'honneur*'а, какъ воинъ отстаиваетъ знамя, понимая, что сраженіе потеряно. Я видѣлъ эти послѣднія облака, едва задержанныя у небосклона, и, самъ увлеченный и съ бьющимся сердцемъ, тихо, тихо вынималъ изъ ея рукъ знамя, а когда она перестала его удерживать,—я былъ влюбленъ. Мы вѣрили въ нашу любовь. Она мнѣ писала стихи, я писалъ ей въ прозѣ цѣлыя диссертации, а потомъ мы вмѣстѣ мечтали о будущемъ, о ссылкѣ, о казематахъ: она была на все готова. Внѣшняя сторона жизни никогда не рисовалась свѣтлой въ нашихъ фантазіяхъ; обреченные на бой съ чудовищною силою, успѣхъ намъ казался почти невозможнымъ. «Будь моей Гаetanой», говорилъ я ей, читая «Изувѣченнаго» Сентина ²⁾, и воображалъ, какъ она проводитъ меня въ сибирскіе рудники.

«Изувѣченный», это—тотъ поэтъ, который написалъ пасквиль на Сикста V и выдалъ себя, когда папа далъ слово не казнить виновнаго смертью. Сикстъ V велѣлъ ему отрубить руки и языкъ. Образъ несчастнаго страдальца, задыхающагося отъ собственной полноты мыслей, которая тѣснится въ его головѣ, не находя вы-

¹⁾ Людмила Васильевна Пасекъ.

²⁾ Жозефъ-Ксавье Boniface, извѣстный подъ именемъ Сентинъ (Saintine), французскій романистъ и драматургъ.

хода, не могъ не нравится намъ тогда. Грустный и истомленный взглядъ страдальца успокаивался только и останавливался съ благодарностью и остаткомъ веселья на дѣвушкѣ, которая любила его прежде и не измѣнила ему въ несчастіи: ее-то звали Гаетаной.

Этотъ первый опытъ любви прошелъ скоро, но онъ былъ совершенно искрененъ. Можетъ, даже эта любовь должна была пройти, иначе она лишилась бы своего лучшаго, самаго благоуханнаго достоинства, своего девятнадцатилѣтняго возраста, своей непорочной свѣжести. Когда же ландыши зимуютъ?

И неужели ты, моя Гаетана, не съ той же ясной улыбкой вспоминаешь о нашей встрѣчѣ? неужели что-нибудь горькое примѣшивается къ памяти обо мнѣ черезъ двадцать два года? Мнѣ было бы это очень больно. И гдѣ ты? И какъ прожила жизнь?

Я свою дожиль и плетусь теперь подъ гору, сломленный и нравственно «изувѣченный»; не ищу никакой Гаетаны, перебираю старое и память о тебѣ встрѣтилъ радостно... Помнишь угольное окно противъ небольшого переулка, въ который мнѣ надобно было заворачивать? Ты всегда подходила къ нему, провожая меня, и какъ бы я огорчился, если-бъ ты не подошла или ушла бы прежде, нежели мнѣ приходилось повернуть.

А встрѣтить тебя въ самомъ дѣлѣ я не хотѣлъ бы. Ты въ моемъ воображеніи осталась съ твоимъ юнымъ лицомъ, съ твоими кудрями (*blond-cendré*¹⁾); останься такою: вѣдь, и ты, если вспоминаешь обо мнѣ, то помнишь стройнаго юношу, съ искрящимся взглядомъ, съ огненной рѣчью; такъ и помни и не знай, что взглядъ потухъ, что я отяжелѣлъ, что морщины прошли по лбу, что давно нѣтъ прежняго свѣтлаго и оживленнаго выраженія въ лицѣ, которое, Огаревъ называлъ «выраженіемъ надежды», да нѣтъ и надеждъ.

Другъ для друга мы должны быть такими, какими были тогда... ни Ахиллъ, ни Діана не старѣются... Не хочу встрѣтиться съ тобою, какъ Ларина съ княжной Алиной:

Кузина, помнишь Грандисона?—
«Какъ? Грандисонъ?... А, Грандисонъ!
Да, помню, помню. Гдѣ же онъ?»
Въ Москвѣ, живетъ у Симеона;
Меня въ сочельникъ навѣстилъ,
Недавно сына онъ женилъ.

...Послѣднее пламя потухавшей любви освѣтило на минуту тюремный сводъ, согрѣло грудь прежними мечтами, и каждый пошелъ своимъ путемъ. Она уѣхала въ Украину, я собирался въ ссылку. Съ тѣхъ поръ не было вѣсти объ ней.

¹⁾ Пепельнаго цвѣта.

ГЛАВА XXI.

РАЗЛУКА.

«Ахъ, люди, люди, люди злые,
Вы ихъ разрознили...»

Такъ оканчивалось мое первое ¹⁾ письмо къ Natalie, и замѣчательно, что испуганный словомъ «сердца», я его не написалъ, а написалъ въ концѣ письма «твой братъ» ²⁾).

Какъ дорога мнѣ была уже тогда моя *сестра* и какъ непрерывно въ моемъ умѣ, видно изъ того, что я писалъ къ ней изъ Нижняго, изъ Казани и на другой день послѣ приѣзда въ Пермь. Слово *сестра* выражало все созннное въ нашей симпатіи; оно мнѣ безконечно нравилось и теперь нравится, употребляемое, не какъ *предъль*, а, напротивъ, какъ смѣшеніе ихъ; въ немъ соединены дружба, любовь, кровная связь, общее преданіе, родная обстановка, привычная неразрывность. Я никого не называлъ прежде этимъ именемъ, и оно было мнѣ такъ дорого, что я впослѣдствіи часто называлъ Natalie такъ.

Прежде, нежели я вполнѣ понялъ наше отношеніе, и, можетъ, именно оттого, что не понималъ его вполнѣ, меня ожидалъ иной искусъ, который мнѣ не прошелъ такой свѣтлой полоской, какъ встрѣча съ Гаганой, — искусъ, смирившій меня и стойвшій мнѣ много печали и внутренней тревоги.

Очень мало опытный въ жизни и брошенный въ міръ, совер-

¹⁾ Первое уже съ мѣста ссылки; см. № 58.

²⁾ Этого написано не было.

шенно мнѣ чуждый, послѣ девятимѣсячной тюрьмы, я жилъ сначала разсѣянно, безъ оглядки: новый край, новая обстановка рябили передъ глазами. Мое общественное положеніе измѣнилось. Въ Перми, въ Вяткѣ на меня смотрѣли совсѣмъ иначе, чѣмъ въ Москвѣ; тамъ я былъ молодымъ человѣкомъ, жившимъ въ родительскомъ домѣ, здѣсь, въ этомъ болотѣ, я сталъ на свои ноги, былъ принимаемъ за чиновника, хотя и не былъ вовсе имъ. Не трудно было мнѣ догадаться, что безъ большого труда я могъ играть роль свѣтскаго человѣка въ заволжскихъ и закамскихъ гостиныхъ и быть львомъ въ вятскомъ обществѣ.

Въ Перми я не успѣлъ оглядѣться; тамъ только хозяйка дома, къ которой я пришелъ нанимать квартиру, спрашивала меня, нуженъ ли мнѣ огородъ и держу ли я корову!... Вопросъ, по которому я съ ужасомъ вымѣрилъ мое паденіе съ академическихъ высотъ студентской жизни. Но въ Вяткѣ я перезнакомился со всѣмъ свѣтомъ, особенно съ молодымъ купечествомъ, которое тамъ гораздо образованнѣе купечества внутреннихъ губерній, хотя кутить любить не меньше. Сбитый канцеляріей съ моихъ занятій, я вель безпокойно праздную жизнь; при особенной удобовпечатлимости или, лучше сказать, удободвижимости характера и отсутствіи опытности можно было ждать ряда всякаго рода столкновеній.

Въ силу кокетливой страсти de l'approbativité ¹⁾, я старался нравиться направо и налево, безъ разбора кому, натягивалъ симпатіи, дружилъ по десяти словамъ, сближался больше, чѣмъ нужно, сознавалъ свою ошибку черезъ мѣсяцъ или два, молчалъ изъ деликатности и таскалъ скучную цѣпь неистинныхъ отношеній до тѣхъ поръ, пока она не обрывалась нелѣпой ссорой, въ которой меня же обвиняли въ капризной нетерпимости, въ неблагодарности, въ непостоянствѣ.

Я сначала жилъ въ Вяткѣ не одинъ. Странное и комическое лицо, которое время отъ времени является на всѣхъ перепутьяхъ моей жизни, при всѣхъ важныхъ событіяхъ ея,—лицо, которое тонетъ для того, чтобы меня познакомить съ Огаревымъ, и машетъ фуляромъ съ русской земли, когда я переѣзжаю таурогенскую границу, словомъ, К. И. Зонненбергъ жилъ со мною въ Вяткѣ; я забылъ объ этомъ, рассказывая мою ссылку.

Случилось это такъ. Въ то время, какъ меня отправляли въ Пермь, Зонненбергъ собирался на ирбитскую ярмарку. Отецъ мой, любившій всегда усложнять простыя дѣла, предложилъ Зонненбергу

¹⁾ Желанія нравиться.

заѣхать въ Пермь и тамъ *монтировать мой домъ*; за это онъ бралъ на себя путевыя издержки.

Въ Перми Зонненбергъ ревностно принялся за дѣло, т.-е. за покупку ненужныхъ вещей, всякой посуды, кастрюль, чашекъ, хрустала, запасовъ; онъ самъ ѣздилъ на Обву, чтобъ приобрести *ex ipsa fonte* ¹⁾ вятскую лошадь. Когда все было готово, меня перевели въ Вятку. Мы распродали за полцѣны купленное добро и оставили Пермь. Зонненбергъ, добросовѣстно исполняя волю моего отца, счелъ необходимымъ ѣхать также и въ Вятку «монтировать» мой домъ. Отецъ мой такъ былъ доволенъ его преданностью и самоотверженіемъ, что положилъ ему сто рублей жалованья въ мѣсяцъ, пока онъ будетъ у меня. Это было выгоднѣе и вѣрнѣе Ирбита,— и онъ не торопился меня оставить.

Въ Вяткѣ онъ уже купилъ не одну, а трехъ лошадей, изъ которыхъ одна принадлежала ему самому, хотя тоже была куплена на деньги моего отца. Лошади эти подняли насъ чрезвычайно въ глазахъ вятскаго общества. Карлъ Ивановичъ, — мы уже говорили это, — несмотря на свой пятидесятилѣтній возрастъ и на значительные недостатки въ лицѣ, былъ большой волокита и былъ пріятно увѣренъ, что всякая женщина и дѣвушка, подходящая къ нему, подвергается опасности мотылька, летающаго возлѣ зажженной свѣчи. Дѣйствіе, произведенное лошадьми, Карлъ Ивановичъ утратитъ не хотѣлъ и старался вывести изъ него пользу по эротической части. Къ тому же всѣ обстоятельства ему способствовали: у насъ былъ балконъ, выходящій на дворъ, за которымъ начинался садъ. Съ десяти часовъ утра Зонненбергъ въ казанскихъ *ичшахъ*, въ шитой золотомъ *тибитейкѣ* и въ кавказскомъ бешметѣ, съ огромнымъ янтарнымъ мундштукомъ во рту, сидѣлъ на вахтѣ, дѣлая видъ, будто читаетъ. Тибитейка и янтарь, — все это было направлено на трехъ барышень, жившихъ въ сосѣднемъ домѣ. Барышни, съ своей стороны, занимались пріѣзжими и съ любопытствомъ разсматривали восточную куклу, курившую на балконѣ. Карлъ Ивановичъ зналъ, когда и какъ тайкомъ онѣ подымали штору, находилъ, что дѣла его идутъ успѣшно, и нѣжно выпускалъ дымъ легкой струйкой по завѣтному направленію.

Вскорѣ садъ представилъ намъ возможность познакомиться съ сосѣдками. У нашего хозяина было три дома, садъ былъ общій. Два дома были заняты: въ одномъ жили мы и самъ хозяинъ съ своей мачихой, толсто-мягкой вдовой, которая такъ мастерски и съ такой ревностью за нимъ присматривала, что онъ только украдкой

¹⁾ Изъ самаго источника.

отъ нея разговариваль съ садовыми дамами; въ другомъ—жили барышни съ своими родителями; третій стоялъ пустой. Карлъ Ивановичъ черезъ недѣлю былъ свой человѣкъ въ дамскомъ обществѣ нашего сада; онъ постоянно по нѣсколько часовъ въ день качаль барышень на качеляхъ, бѣгалъ за мантильями и зонтиками, словомъ, былъ aux petits soins ¹⁾. Барышни съ нимъ дурачились больше, чѣмъ съ другими, именно потому, что его еще меньше можно было подозрѣвать, чѣмъ жену Цезаря; при взглядѣ на него останавливалось всякое, самое отважное злорѣчіе.

По вечерамъ ходилъ и я въ садъ, по тому табунному чувству, по которому люди безъ всякаго желанія дѣлають то же, что другіе. Туда, сверхъ жильцовъ, приходили ихъ знакомые; главный предметъ занятій и разговоровъ было волокитство и подсматриваніе другъ за другомъ. Карлъ Ивановичъ съ неусыпностью Видока ²⁾ предался сентиментальному шпионству, зналъ, кто съ кѣмъ чаще гуляетъ, кто на кого непросто смотритъ. Я былъ страшнымъ камнемъ преткновенія для всей тайной полиціи нашего сада; дамы и мужчины удивлялись моей скрытности и при всѣхъ стараніяхъ не могли открыть, за кѣмъ я ухаживаю, кто мнѣ особенно нравится, что, дѣйствительно, было нелегко: я рѣшительно ни за кѣмъ не ухаживаль, и всѣ барышни мнѣ не особенно нравились. Это, наконецъ, имъ надоѣло и оскорбило ихъ, меня стали считать гордымъ, насмѣшникомъ, и дружба барышень замѣтно стыла, хотя въ одиночку каждая пробовала на мнѣ самые опасные взгляды свои.

Среди всѣхъ этихъ обстоятельствъ, однимъ утромъ Карлъ Ивановичъ сообщилъ мнѣ, что хозяйская кухарка съ утра открыла ставни третьяго дома и моетъ окна,—домъ былъ занятъ какимъ-то пріѣзжимъ семействомъ.

Садъ занялся исключительно подробностями о новопріѣзжихъ. Незнакомая дама, усталая съ дороги или еще не успѣвшая разобратъся, какъ на зло, не являлась къ намъ въ вокзалъ. Ее старались увидѣть въ окно или въ сѣняхъ; инымъ удавалось, другіе тщетно караулили цѣлые дни; видѣвшіе находили ее блѣдной, томной, словомъ, интересной и недурной. Барышни говорили, что она печальна и болѣзненна; молодой губернаторскій чиновникъ, шалунъ и очень неглупый малый ³⁾, одинъ зналъ пріѣзжихъ: онъ служилъ прежде въ одной губерніи съ ними. Всѣ пристали къ нему съ разспросами.

¹⁾ На посылкахъ.

²⁾ Извѣстный французскій сыщикъ.

³⁾ Вѣроятно, чиновникъ особыхъ порученій Иванъ Степановичъ Порфиревъ.

Разбитой чиновникъ, довольный, что знаетъ, чего другіе не знаютъ, толковалъ безъ конца о достоинствахъ новопріѣзжей; онъ ее превозносилъ, называлъ ее столичной дамой. «Она умна,—повторялъ онъ,—мила, образована, на нашего брата и не посмотритъ. Ахъ, Боже мой,—прибавилъ онъ, вдругъ обращаясь ко мнѣ,—вотъ чудесная мысль: поддержите честь вятскаго общества, поволочитесь за ней... Ну, знаете, вы изъ Москвы, въ ссылкѣ, вѣрно, пишете стихи,—это вамъ съ неба подарокъ».

— Какой вы вздоръ порете,—сказалъ я ему смѣясь, однако, вспыхнулъ въ лицѣ: мнѣ захотѣлось ее видѣть.

Черезъ нѣсколько дней я встрѣтился съ ней въ саду. Она, въ самомъ дѣлѣ, была очень интересная блондинка; тотъ же господинъ, который говорилъ объ ней, представилъ меня ей, я былъ взволнованъ и такъ же мало умѣлъ это скрыть, какъ мой патронъ—улыбку.

Самолюбивая застѣнчивость прошла, я познакомился съ ней; она была очень несчастна и, обманывая себя мнимымъ спокойствіемъ, томилась и исходила въ какой-то праздности сердца.

Р. ¹⁾ была одна изъ тѣхъ скрытно-страстныхъ женскихъ натуръ, которыя встрѣчаются только между блондинками; у нихъ пламенное сердце маскировано кроткими и тихими чертами; онѣ блѣднѣютъ отъ волненія, и глаза ихъ не искрятся, а скорѣе тухнутъ, когда чувства выступаютъ изъ береговъ. Утомленный взоръ ея выбивался изъ силъ, стремясь къ чему-то, несутая грудь неровно подымалась. Во всемъ существѣ ея было что-то неспокойное, электрическое. Часто, гуляя по саду, она вдругъ блѣднѣла и, смущенная или встревоженная изнутри, отвѣчала разсѣянно и торопилась домой; я именно въ эти минуты любилъ смотрѣть на нее.

Внутреннюю жизнь ея я вскорѣ разглядѣлъ. Она не любила мужа и не могла его любить: ей было лѣтъ двадцать пять, ему за пятьдесятъ; съ этимъ, можетъ, она бы сладила, но различіе образованія, интересовъ, характеровъ было слишкомъ рѣзко.

Мужъ почти не выходилъ изъ комнаты; это былъ сухой, черствый старикъ, чиновникъ съ притязаніемъ на помѣщество, раздражительный; какъ всѣ больные и какъ почти всѣ люди, потерявшіе состояніе. Ей было шестнадцать лѣтъ, когда ее отдали замужъ; онъ имѣлъ достатокъ, но впоследствии все проигралъ въ карты и принужденъ былъ жить службой. Года за два до перевода въ Вятку, онъ началъ хирѣть, какая-то рана на ногѣ развилась

¹⁾ Подъ инициаломъ Р(auline) скрыта Прасковья Петровна Медвѣдева.

въ костоѣду, старикъ сдѣлался угрюмъ и тяжелъ, боялся своей болѣзни и смотрѣлъ взглядомъ тревожной и безпомощной подозрительности на свою жену. Она грустно и самоотверженно ходила за нимъ, но это было исполненіе долга. Дѣти не могли удовлетворить всему,—чего-то просило незанятое сердце.

Разъ вечеромъ, говоря о томъ, о семъ, я сказалъ, что мнѣ бы очень хотѣлось послать моей кузинѣ портретъ, но что я не могъ найти въ Вяткѣ человѣка, который бы умѣлъ взять карандашъ въ руки.

— Дайте, я попробую,—сказала сосѣдка,—я когда-то довольно удачно дѣлала портреты чернымъ карандашомъ.

— Очень радъ. Когда же?

— Завтра передъ обѣдомъ, если хотите.

— Разумѣется. Я приду въ часъ.

Все это было при мужѣ; онъ не сказалъ ни слова.

На другой день утромъ я получилъ отъ сосѣдки записку,—это была первая записка отъ нея. Она очень вѣжливо и осторожно увѣдомляла меня, что мужъ ея недоволенъ тѣмъ, что она мнѣ предложила сдѣлать портретъ, просила снисхожденія къ капризамъ больного, говорила, что его надобно щадить, и въ заключеніе предлагала сдѣлать портретъ въ другой день, не говоря объ этомъ мужу, чтобъ его не беспокоить.

Я горячо, можетъ, черезъ край горячо, благодарилъ ее, тайное дѣланіе портрета не принялъ, но, тѣмъ не меньше, эти двѣ записки сблизили насъ много. Отношенія ея къ мужу, до которыхъ я никогда бы не коснулся, были высказаны. Между мною и ею невольно составлялось тайное соглашеніе, лига противъ него.

Вечеромъ я пришелъ къ нимъ,—ни слова о портретѣ. Если-бъ мужъ былъ умнѣе, онъ долженъ бы былъ догадаться о томъ, что было; но онъ не былъ умнѣе. Я взглядомъ поблагодарилъ ее, она улыбкой отвѣчала мнѣ.

Вскорѣ они переѣхали въ другую часть города. Первый разъ, когда я пришелъ къ нимъ, я засталъ сосѣдку одну; въ едва мебелированной залѣ она сидѣла за фортепіано; глаза у нея были сильно заплаканы. Я просилъ ее продолжать; но музыка не шла, она ошибалась, руки дрожали, цвѣтъ лица мѣнялся. «Какъ здѣсь душно!»—сказала она, быстро вставая изъ-за фортепіано.

Я молча взялъ ея руку, слабую, горячую руку; голова ея, какъ отяжелѣвшій вѣнчикъ, страдательно повинуюсь какой-то силѣ, склонилась на мою грудь, она прижала свой лобъ и мгновенно исчезла.

На другой день я получилъ отъ нея записку, нѣсколько испуганную, старавшуюся бросить какую-то дымку на вчерашнее; она писала о страшномъ нервномъ состояніи, въ которомъ она была, когда я взошелъ, о томъ, что она едва помнить, что было, извинялась, но легкой вуаль этихъ словъ не могъ уже скрыть страсть, ярко просвѣчивающую между строкъ.

Я отправился къ нимъ. Въ этотъ день мужу было легче, хотя на новой квартирѣ онъ уже не вставалъ съ постели; я былъ монтированъ, дурачился, сыпалъ остротами, рассказывалъ всякій вздоръ, морилъ больного со смѣху и, разумѣется, все это для того, чтобы заглушить ея и мое смущеніе. Сверхъ того, я чувствовалъ, что смѣхъ этотъ увлекаетъ и пьянитъ ее.

... Прошли недѣли двѣ. Мужу было все хуже и хуже; въ половинѣ десятаго онъ просилъ гостей удалиться; слабость, худоба и боль возрастали. Однимъ вечеромъ, часовъ въ девять я простился съ больнымъ. Р. пошла меня проводить. Въ гостиной полный мѣсяцъ стлалъ по полу три косыя блѣдно-фіолетовыя полосы. Я открылъ окно, воздухъ былъ чистъ и свѣжъ, меня такъ имъ и обдало.

— Какой вечеръ! — сказалъ я, — и какъ мнѣ не хочется итти...

Она подошла къ окну.

— Побудьте немного здѣсь.

— Невозможно, я въ это время перемѣняю повязку.

— Приходите послѣ, я васъ подожду.

Она молчала, я взялъ ея руку.

— Ну приходите же.. я васъ прошу.. Придете?

— Право, нельзя, я сначала надѣваю блузу.

— Приходите въ блузѣ, я васъ утромъ заставалъ нѣсколько разъ въ блузѣ.

— А если васъ кто-нибудь увидитъ?

— Кто? Человѣкъ вашъ пьянъ, отпустите его спать, а ваша Дарья... вѣрно, любитъ васъ больше, чѣмъ вашего мужа, да она и со мной пріятельница. Да и что же за бѣда? помилуйте, вѣдь, теперь десятый часъ,—вы хотѣли мнѣ что-нибудь поручить, просили подождать...

— Безъ свѣчей...

— Велите принести. А, впрочемъ, эта ночь стоитъ дня.

Она еще сомнѣвалась.

— Приди же, приди!—шепталъ я ей на ухо, первый разъ такъ обращаясь къ ней.

Она вздрогнула.

— Приду... но только на минуту.

... Я ждалъ ее больше получаса... Все было тихо въ домѣ. Я могъ слышать оханье и кашель старика, его медленный говоръ, передвижанье какого-то стола... Хмельной слуга приготавливалъ, присвистывая, на залавкѣ въ передней свою постель, выругался и черезъ минуту захрапѣлъ... Тяжелыя ступни горничной, выходявшей изъ спальни, были послѣднимъ звукомъ... Потомъ тишина, стонъ больного и опять тишина... Вдругъ шелестъ, скрипнулъ полъ, легкіе шаги,—и бѣлая блуза мелькнула въ дверяхъ...

Ея волненіе было такъ сильно, что она сначала не могла произнести ни одного слова, ея губы были холодны, ея руки—какъ ледъ. Я чувствовалъ, какъ страшно билось ея сердце.

— Я исполнила *твоё* желаніе,—сказала она, наконецъ. Теперь пусти меня. Прощай, ради бога прощай, поди и ты домой,—прибавила она печально умоляющимъ голосомъ.

Я обнялъ ее и крѣпко, крѣпко прижалъ ее къ груди.

— Другъ мой... иди же!

Это было невозможно... *Troppe tardi* ¹⁾... Оставить ее въ минуту, когда у нея, у меня такъ билось сердце!? Это было бы сверхъ человеческихъ силъ и очень глупо... Я не пошелъ, она осталась... Мѣсяцъ прокладывалъ свои полосы въ другую сторону. Она сидѣла у окна и горько плакала... Я цѣловалъ ея влажные глаза, утиралъ ихъ прядями косы, упавшей на блѣдно-матовое плечо, которое вбирало въ себя мѣсячный свѣтъ, терявшійся безъ отраженія въ нѣжно-тускломъ отливѣ.

Мнѣ было жаль оставить ее въ слезахъ, я ей болталъ полушопотомъ какой-то бредъ... Она взглянула на меня, и въ ея глазахъ мелькнуло изъ-за слезъ столько счастья, что я улыбнулся. Она какъ будто поняла мою мысль, закрыла лицо обѣими руками и встала. Теперь была въ самомъ дѣлѣ пора, я отнялъ ея руки, расцѣловалъ ихъ, ее и вышелъ.

Тихо выпустила меня горничная, мимо которой я прошелъ, не смѣя взглянуть ей въ лицо. Отяжелѣвшій мѣсяцъ садился огромнымъ краснымъ ядромъ, заря занималась. Было очень свѣжо, вѣтеръ дулъ мнѣ прямо въ лицо, я вдыхалъ его больше и больше, мнѣ надобно было освѣжиться... Когда я подходилъ къ дому, взошло солнце, и добрые люди, встрѣчавшіеся со мной, удивлялись, что я такъ рано всталъ «воспользоваться хорошей погодой».

Съ мѣсяцъ продолжался этотъ запой любви; потомъ, будто, сердце устало, истощилось,—на меня стали находить минуты тоски;

¹⁾ Слишкомъ поздно.

я ихъ тщательно скрывалъ, старался имъ не вѣрить, удивлялся тому, что происходило во мнѣ, а любовь стыла себѣ да стыла.

Меня стало тѣснить присутствіе старика, мнѣ было съ нимъ неловко, противно. Не то, чтобъ я чувствовалъ себя неправымъ передъ граждански-церковнымъ собственникомъ женщины, которая его не могла любить, и которую онъ любить былъ не въ силахъ, но моя двойная роль казалась мнѣ унижительной: лицемѣріе и двоедушіе—два преступленія, наиболѣе чуждыя мнѣ. Пока распахнувшаяся страсть брала верхъ, я не думалъ ни о чемъ, но когда она стала нѣсколько холоднѣе, явилось раздумье.

Однимъ утромъ Матвѣй взошелъ ко мнѣ въ спальню съ вѣстью, что старикъ Р. «приказалъ долго жить». Мною овладѣло какое-то странное чувство при этой вѣсти; я повернулся на другой бокъ и не торопился одѣваться: мнѣ не хотѣлось видѣть мертвеца. Взошелъ Витбергъ, совсѣмъ готовый. «Какъ?—говорилъ онъ,—вы еще въ постели? Развѣ не слышали, что случилось? Чай, бѣдная Р. одна, пойдемте провѣдать, одѣвайтесь скорѣе». Я одѣлся, мы пошли.

Мы застали Р. въ обморокѣ или въ какомъ-то нервномъ летаргическомъ снѣ. Это не было притворствомъ; смерть мужа напомнила ей ея безпомощное положеніе; она оставалась одна съ дѣтьми въ чужомъ городѣ, безъ денегъ, безъ близкихъ людей. Сверхъ того, у ней бывали и прежде при сильныхъ потрясеніяхъ эти нервныя ошеломленія, продолжавшіяся по нѣсколько часовъ. Бѣдная, какъ смерть, съ холоднымъ лицомъ и съ закрытыми глазами, лежала она въ этихъ случаяхъ, изрѣдка захлебываясь воздухомъ и безъ дыханья въ промежуткахъ.

Ни одна женщина не пріѣхала помочь ей, показать участіе, посмотрѣть за дѣтьми, за домомъ. Витбергъ остался съ нею; пророкъ-чиновникъ и я взялись за хлопоты.

Старикъ, исхудалый и почернѣлый, лежалъ въ мундирѣ на столѣ, насупивъ брови, будто, сердился на меня; мы положили его въ гробъ, а черезъ два дня опустили въ могилу. Съ похоронъ мы воротились въ домъ покойника; дѣти въ черныхъ платьицахъ, обшитыхъ плерезами, жались въ углу, больше удивленные и испуганные, чѣмъ огорченные; они шептались между собой и ходили на цыпочкахъ. Не говоря ни одного слова, сидѣла Р., положивъ голову на руку, какъ будто что-то обдумывая.

Въ этой гостиной, на этомъ диванѣ я ждалъ ее, прислушиваясь къ стону больного и къ брани пьянаго слуги. Теперь все было такъ черно... Мрачно и смутно вспоминались мнѣ, въ похоронной обстановкѣ, въ запахѣ ладана, слова, минуты, на которыхъ я все же *не могъ* не останавливаться безъ нѣжности.

Печаль ея улеглась мало-по-малу, она тверже смотрѣла на свое положеніе; потомъ мало-по-малу и другія мысли прояснили ея озабоченное и унылое лицо. Ея взоръ останаивался съ какой-то взволнованной пытливостью на мнѣ, будто, она ждала чего-то—вопроса... отвѣта...

Я молчалъ, и она, испуганная, встревоженная, стала сомнѣваться.

Тутъ я понялъ, что мужъ, въ сущности, былъ для меня извиненіемъ въ своихъ глазахъ,—любовь откипѣла во мнѣ. Я не былъ равнодушенъ къ ней, далеко нѣтъ, но это было не то, чего ей надобно было. Меня занималъ теперь иной порядокъ мыслей, и этотъ страстный порывъ, словно, для того обнялъ меня, чтобъ уяснить мнѣ самому иное чувство. Одно могу сказать я въ свое оправданіе: я былъ искрененъ въ моемъ увлеченіи.

Въ то время, какъ я терялъ голову и не зналъ, что дѣлать, пока я ждалъ съ малодушной слабостью случайной переменны отъ времени, отъ обстоятельствъ, время и обстоятельства еще больше усложнили положеніе.

Тюфяевъ, видя безпомощное состояніе вдовы, молодой, красивой собой и брошенной безъ всякой опоры въ дальнемъ, ей чуждомъ городѣ, какъ настоящий «отецъ губерніи», обратилъ на нее самую нѣжную заботливость. Сначала мы всѣ думали, что дѣйствительно онъ принимаетъ въ ней участіе, но вскорѣ Р. съ ужасомъ замѣтила, что его вниманіе совсѣмъ не просто. Два-три развратныхъ губернатора воспитали вятскихъ дамъ, и Тюфяевъ, привыкнувшій къ нимъ, не откладывая въ долгій ящикъ, прямо сталъ говорить ей о своей любви. Р., разумѣется, отвѣчала ему холоднымъ презрѣніемъ и насмѣшкой на его старческія любезности. Тюфяевъ не считалъ себя побитымъ и продолжалъ наглое ухаживанье. Видя, впрочемъ, что дѣло мало подвигается, онъ далъ ей почувствовать, что судьба ея дѣтей въ его рукахъ, и что безъ него она ихъ не помѣститъ на казенный счетъ, а что онъ, съ своей стороны, хлопотать не будетъ, если она не переменитъ съ нимъ своего холоднаго обращенія. Оскорбленная женщина вскочила уязвленнымъ звѣремъ. «Извольте вонъ итти! и чтобъ нога ваша не смѣла переступить моего порога!»—сказала она ему, указывая дверь. «Фу, какія вы сердитыя!»—сказалъ Тюфяевъ, обращая дѣло въ шутку. «Петръ, Петръ!»—закричала она въ переднюю, и испуганный Тюфяевъ, боясь огласки, задыхаясь отъ бѣшенства, пристыженный и униженный, бросился въ свою карету.

Вечеромъ Р. рассказала все случившееся Витбергу и мнѣ. Витбергъ тотчасъ понялъ, что обратившійся въ бѣгство и оскорбленный

волокита не оставитъ въ покоѣ бѣдную женщину,—характеръ Тюфяева былъ довольно извѣстенъ всѣмъ намъ. Витбергъ рѣшился, во что бы ни стало, спасти ея.

Гоненія начались скоро. Представленіе о дѣтяхъ было написано такъ, что отказъ былъ неминуемъ. Хозяинъ дома, лавочники требовали съ *особенной* настойчивостью уплаты. Богъ знаетъ, что можно было еще ожидать: шутить съ человѣкомъ, уморившимъ Петровскаго въ сумасшедшемъ домѣ, не слѣдовало.

Витбергъ, обремененный огромной семьей, задавленный бѣдностью, не задумался ни на минуту и предложилъ Р. переѣхать съ дѣтьми къ нему, на другой или третій день послѣ пріѣзда въ Вятку его жены. У него Р. была спасена; такова была нравственная сила этого сосланнаго. Его непреклонной воли, его благороднаго вида, его смѣлой рѣчи, его презрительной улыбки боялся самъ вятскій Шемяка.

Я жилъ въ особомъ отдѣленіи того же дома и имѣлъ общій столъ съ Витбергомъ; и вотъ *мы* очутились подъ одной крышей именно тогда, когда должны были бы быть раздѣлены морями.

Въ этой близости она поняла, что былого не воротить.

Зачѣмъ она встрѣтилась именно со мной, неустоявшимся тогда? Она могла быть счастливой, она была достойна счастья. Печальное прошедшее ушло, новая жизнь любви, гармоніи была такъ возможна для нея! Бѣдная, бѣдная Р.! Винавать ли я, что это облако любви, такъ непреодолимо набѣжавшее на меня, дохнуло такъ горячо, опьянило, увлекло и разнеслось потомъ?

...Сбитый съ толку, предчувствуя несчастія, недовольный собою, я жилъ въ какомъ-то тревожномъ состояніи; снова кутилъ, искалъ разсѣянія въ шумѣ, досадовалъ за то, что находилъ его, досадовалъ за то, что не находилъ, и ждалъ, какъ чистую струю воздуха середь пыльнаго жара, нѣсколько строкъ изъ Москвы отъ Natalie... Надо всѣмъ этимъ броженіемъ страстей всходилъ свѣтлѣе и свѣтлѣе кроткій образъ ребенка-женщины. Порывъ любви къ Р. уяснилъ мнѣ мое собственное сердце, раскрылъ его тайну.

Увлекаясь больше и больше моей симпатіей къ отсутствующей кузинѣ, я не давалъ себѣ именно отчета въ чувствѣ, связывавшемъ меня съ ней. Я къ нему привыкъ и не слѣдилъ за тѣмъ, измѣнилось оно или нѣтъ.

Мои письма становились все тревожнѣе; съ одной стороны, я глубоко чувствовалъ не только свою вину передъ Р., но новую вину лжи, которую бралъ на себя молчаніемъ. Мнѣ казалось, что я палъ, недостойнъ иной любви... а любовь росла и росла.

Имя «сестры» начинало тѣснить меня; теперь мнѣ недоста-

точно было дружбы, это тихое чувство казалось холоднымъ. Любовь ея видна изъ каждой строки ея писемъ, но мнѣ ужъ и этого мало: мнѣ нужно не только любовь, но и самое слово, и вотъ я пишу: «Я сдѣлаю тебѣ странный вопросъ: вѣришь ли ты, что чувство, которое ты имѣешь ко мнѣ,—одна дружба? Вѣришь ли ты, что чувство, которое я имѣю къ тебѣ,—одна дружба?—*Я не вѣрю*» ¹⁾.

«Ты что-то смущенъ, отвѣчаетъ она; я знала, что твое письмо испугало тебя больше, чѣмъ меня. Успокойся, другъ мой; оно не перемѣнило во мнѣ рѣшительно ничего, оно уже не могло заставить меня любить тебя ни больше, ни меньше» ²⁾.

Но слово было произнесено; «туманъ исчезъ,—пишетъ она,—опять свѣтло и ясно».

Она радостно, безоблачно отдавалась названному чувству; письма ея—одна отроческая пѣснь любви, поднимающаяся отъ дѣтскаго лепета до могучаго лиризма.

«Можетъ, ты сидишь теперь,—пишетъ она,—въ кабинетѣ, не пишешь, не читаешь, а задумчиво куришь сигару, и взоръ углубленъ въ неопредѣленную даль, и нѣтъ отвѣта на привѣтствіе взошедшаго. Гдѣ же твои думы? Куда стремится взоръ? Не давай отвѣта,—пусть придутъ ко мнѣ».

... «Будемъ дѣтьми, назначимъ часъ, въ который намъ обоимъ непремѣнно быть на воздухѣ,—часъ, въ который мы будемъ увѣрены, что насъ ничто не дѣлитъ, кромѣ одной дали. Въ восемь часовъ вечера и тебѣ, вѣрно, свободно? А то я давеча вышла, было, на крыльцо, да тотчасъ возвратилась, думая, что ты былъ въ комнатѣ».

... «Глядя на твои письма, на портретъ, думая о моихъ письмахъ, о браслетѣ, мнѣ захотѣлось перешагнуть лѣтъ за сто и посмотрѣть, какая будетъ ихъ участь. Вещи, которыя были для насъ святыней, которыя лѣчили наше тѣло и душу, съ которыми мы бесѣдовали, и которыя намъ замѣняли нѣсколько другъ друга въ разлукѣ; всѣ эти орудія, которыми мы оборонялись отъ людей, отъ ударовъ рока, отъ самихъ себя,—что будутъ они послѣ насъ? Останется ли въ нихъ сила ихъ, ихъ душа? разбудятъ ли, согрѣютъ ли они чье сердце, расскажутъ ли нашу повѣсть, наши страданія, нашу любовь? будетъ ли имъ въ награду хоть одна слеза? Какъ грустно становится, когда вообразу, что портретъ твой, наконецъ, будетъ висѣть безвѣстнымъ въ чьемъ-нибудь кабинетѣ или,

¹⁾ Передано не точно; см. № 69.

²⁾ Текстуально Н. А.—я писала иначе (ср. стр. 40—42 т. VII Спб. изд.).

можетъ, какой, нибудь ребенокъ, играя имъ, разобьетъ стекло и сотретъ черты».

Не таковы мои письма ¹⁾: середь полной, восторженной любви пробиваются горькіе звуки досады на себя, раскаянія, нѣмой укоръ Р. гложетъ сердце, мутитъ свѣтлое чувство; я казался себѣ лгуномъ, а, вѣдь, я не лгалъ.

Какъ же мнѣ было признаться, какъ сказать Р. въ январѣ, что я ошибся въ августѣ, говоря ей о своей любви? Какъ она могла повѣрить въ истину моего разсказа?—новая любовь была бы понятнѣе; измѣна—проще. Какъ могъ дальній образъ отсутствующей вступить въ борьбу съ настоящимъ, какъ могла струя другой любви пройти черезъ этотъ горнь и выйти больше сознанной и сильной? Все это я самъ не понималъ, а чувствовалъ, что все это—правда.

Наконецъ, сама Р., съ неуловимой ловкостью ящерицы, ускользала отъ серьезныхъ объясненій: она чуяла опасность, искала отгадки и въ то же время отдаляла правду. Точно, она предвидѣла, что мои слова раскроютъ страшныя истины, послѣ которыхъ все будетъ кончено, и она обрывала рѣчь тамъ, гдѣ она становилась опасною.

Сначала она осмотрѣлась кругомъ; нѣсколько дней она находила себѣ соперницу въ молодой, милой, живой нѣмкѣ, которую я любилъ, какъ дитя, съ которой мнѣ было легко именно потому, что ни ей не приходило въ голову кокетничать со мной, ни мнѣ съ ней. Черезъ недѣлю она увидѣла, что Паулина ¹⁾ вовсе не опасна... Но я не могу итти дальше, не сказавъ нѣсколько словъ о ней.

Въ вятской аптекѣ приказа общественнаго призрѣнія былъ аптекарь нѣмецъ, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, но удивительно было то, что его гезель былъ русскій, а назывался Больманъ. Вотъ съ нимъ—то я и познакомился; онъ былъ женатъ на дочери какого-то вятскаго чиновника, у которой была самая длин-

¹⁾ Разница между слогомъ писемъ Natalie и моимъ очень велика, особенно въ началѣ переписки; потомъ онъ уравнивается и впослѣдствіи дѣлается сходенъ. Въ моихъ письмахъ рядомъ съ истиннымъ чувствомъ ломанныя выраженія, изысканныя, эффектные слова, явное вліяніе школы Гюго и новыхъ французскихъ романистовъ. Ничего подобнаго въ ея письмахъ,—языкъ ея простъ, поэтиченъ, истинъ, на немъ замѣтно одно вліяніе—вліяніе Евангелія. Тогда я все еще старался писать свысока и писалъ дурно, потому что это не былъ мой языкъ. Жизнь въ непрактическихъ сферахъ и излишнее чтеніе долго не позволяютъ юношѣ естественно и просто говорить и писать; умственное совершеннѣе начинается для человѣка только тогда, когда его слогъ устанавливается и принимаетъ свой послѣдній складъ.

А. И. Г.

¹⁾ Тромпетеръ, потомъ по мужу Скворцова.

ная, густая и красивая коса изъ всѣхъ видѣнныхъ мною. Самого аптекаря, Фердинанда Рульковиуса, не было налицо, и мы съ Большаномъ пили разныя «шипучки» и художественныя «желудочныя» настойки фармацевта. Аптекарь былъ въ Ревелѣ; тамъ онъ познакомился съ какой-то молодой дѣвушкой и предложилъ ей руку; дѣвушка, едва знавшая его, шла за него, очертя голову, какъ слѣдуетъ дѣвушкѣ вообще и нѣмкѣ въ особенности: она даже не имѣла понятія, въ какую дичь онъ ее везетъ. Но когда послѣ свадьбы пришлось собираться, страхъ и отчаяніе овладѣли ею. Чтобы утѣшить новобрачную, аптекарь пригласилъ ѣхать съ ними въ Вятку молодую дѣвушку лѣтъ семнадцати, дальнюю родственницу его жены; она, еще болѣе очертя голову и уже совсѣмъ не зная, что такое «Вятка», согласилась. Обѣ нѣмки не говорили ни слова по-русски,—въ Вяткѣ не было четырехъ человекъ, говорившихъ по-нѣмецки; даже учитель нѣмецкаго языка въ гимназійи не зналъ его; это меня до того удивило, что я рѣшилъ его спросить, какъ же онъ преподаетъ. «По грамматикѣ,—отвѣчалъ онъ,—и по діалогамъ». Онъ объяснялъ при этомъ, что онъ, собственно, учитель математики, но покамѣстъ, за недостаткомъ вакансіи, преподаетъ нѣмецкій языкъ, и что, впрочемъ, онъ получаетъ половинный окладъ ¹⁾. Нѣмки пропадали со скуки и, увидѣвши человекъ, который, если не хорошо, то понятно могъ объясняться по-нѣмецки, пришли въ совершенный восторгъ, запоили меня кофеемъ и еще какой-то «кальте-шале», рассказали мнѣ всѣ свои тайны, желанія и надежды и черезъ два дня называли меня другомъ и еще больше потчевали сладкими мучнистыми яствами съ корицей. Обѣ были довольно образованы, т.-е. знали на память Шиллера, поигрывали на фортепiano и пѣли нѣмецкіе романсы. Этимъ сходство, впрочемъ, между ними и оканчивается. Аптекарьша была бѣлокурая, лимфатическая, высокая, очень недурная собой, но вялая и сонная женщина; она была чрезвычайно добра, да и трудно было при такой комплекціи быть злою. Убѣдившись однажды, что ея мужъ—мужъ ея, она тихонько и ровненько любила его, занималась кухней и бѣльемъ, читала въ свободныя

¹⁾ Зато «просвѣщенное» начальство опредѣлило въ той же вятской гимназійи извѣстнаго оріенталиста, товарища Ковалевскаго ^{o)} и Мицкевича ^{oo)}, Верниковскаго ^{ooo)}, сосланнаго по дѣлу филаретозъ ^{oooo)}, учителемъ французскаго языка. А. И. Г.

^{o)} Осипъ Михайловичъ, монголистъ.

^{oo)} Адамъ, извѣстный польскій поэтъ.

^{ooo)} См. «вѣдомость» въ комментаріи ко II части.

^{oooo)} Названіе студенческаго общества виленскаго университета въ началѣ XIX ст.

минуты романы и въ свое время благополучно родила аптекарю дочь, бѣлобрысую и золотушную.

Подруга ея, небольшого роста, смуглая брюнетка, крѣпкая здоровѣемъ, съ большими черными глазами и съ самобытнымъ видомъ, была коренастая, народная красота; въ ея движеньяхъ и словахъ видна была большая энергія, и когда, бывало, аптекарь, существо скучное и скупое, дѣлалъ не очень вѣжливыя замѣчанія своей женѣ, и та ихъ слушала съ улыбкой на губахъ и слезой на рѣсницѣ, Паулина краснѣла въ лицѣ и такъ взглядывала на расходившагося фармацевта, что тотъ мгновенно усмирался, дѣлалъ видъ, что очень занятъ, и уходилъ въ лабораторію мѣшать и толочь всякую дрянъ для возстановленія здоровья вятскихъ чиновниковъ.

Мнѣ нравилась наивная дѣвушка, которая за себя постоять умѣла, и не знаю, какъ это случилось, но ей первой рассказалъ я о моей любви, ей переводилъ письма. Тотъ только знаетъ цѣну этой сердечной болтовни, кто живалъ долго, годы цѣлые съ людьми совершенно посторонними. Я рѣдко говорю о чувствахъ, но бывають минуты, въ которыя потребность высказаться становится невыносимою, даже *теперь*. А тогда мнѣ было двадцать четыре года, и я только-что понялъ мою любовь. Я могъ переносить разлуку, перенесъ бы и молчаніе, но, встрѣтившись съ ребенкомъ-женщиной, въ которомъ все было такъ непритворно просто, я не могъ удержаться, чтобъ не разболтать ей мою тайну. Да и какъ же она была мнѣ благодарна за то, и сколько добра сдѣлала она мнѣ!

Всегда серьезная бесѣда Витберга иной разъ утомляла меня; мучимый моимъ тяжелымъ отношеніемъ къ Р., я не могъ быть при ней свободенъ. Часто вечеромъ уходилъ я къ Паулинѣ, читалъ ей пустыя повѣсти, слушалъ ея звонкій смѣхъ, слушалъ, какъ она нарочно для меня пѣла «*das Mädchen aus der Fremde*», подъ которой я и она понимали другую *дѣву чужбины*, и облака разсѣивались на душѣ, мнѣ становилось искренно весело, безмятежно спокойно, и я съ миромъ уходилъ домой, когда аптекарь, окончивъ послѣднюю микстуру и намазавъ послѣдній пластырь, приходилъ надобѣдать мнѣ вздорными политическими разспросами,—не прежде, впрочемъ, какъ выпивши его «лѣкарственной» и закусивши герингъ-салатомъ, приготовленнымъ бѣленькими ручками der Frau Apotekerin.

...Р. страдала; я съ жалкой слабостью ждалъ отъ времени случайныхъ разрѣшеній и длилъ полуложь. Тысячу разъ хотѣлъ я итти къ Р., броситься къ ея ногамъ, рассказать все, вынести ея гнѣвъ, ея презрѣніе... Но я боялся не негодованія—я бы ему былъ радъ—боялся слезъ. Много дурного надобно испытать, чтобъ умѣть

вынести женскія слезы, чтобъ умѣть сомнѣваться, пока онѣ, еще теплыя, текутъ по воспаленной щекѣ. Къ тому же ея слезы были бы искреннія.

Такъ прошло много времени. Начали носиться слухи о близкомъ окончаніи ссылки; не такъ уже казался далекимъ день, въ который я брошусь въ повозку и полечу въ Москву; знакомыя лица мерещились, и между ними, передъ ними завѣтныя черты... Но едва я отдавался этимъ мечтамъ, какъ мнѣ представлялась съ другой стороны повозки блѣдная, печальная фигура Р., съ заплаканными глазами, со взглядомъ, выражающимъ боль и упрекъ, и радость моя мутилась, мнѣ становилось жаль, смертельно жаль ее.

Долѣе оставаться въ ложномъ положеніи я не могъ и рѣшился, собравъ всѣ силы, вынырнуть изъ него. Я написалъ ей полную исповѣдь. Горячо, откровенно. рассказалъ ей всю правду. На другой день она не выходила и сказалась больной. Все, что можетъ вынести преступникъ, боящійся, что его уличатъ, все вынесъ я въ этотъ день; ея нервное оцѣпененіе возвратилось,—я не смѣлъ ее навѣстить.

Мнѣ надобно было большее покаянье,—я заперся съ Витбергомъ въ кабинетъ и рассказалъ ему весь романъ мой. Сначала онъ удивился, потомъ выслушалъ меня, не какъ судья, а какъ другъ, не мучилъ разспросами, не читалъ заднимъ числомъ морали, а принялся со мной искать средствъ смягчить ударъ. Онъ одинъ и могъ это сдѣлать: онъ горячо любилъ тѣхъ, кого любилъ. Я боялся его ригоризма, но дружба ко мнѣ и къ Р. рѣшительно взяла верхъ. Да, на его руки я могъ оставить несчастную женщину, которой безотрадное существованіе я доломалъ; въ немъ она находила сильную нравственную опору и авторитетъ. Р. уважала его, какъ отца.

Утромъ Матвѣй подаль мнѣ записку. Я почти не спалъ всю ночь; съ волненіемъ распечаталъ я ее дрожащей рукой. Она писала кротко, благородно и глубоко печально; цвѣты моего краснорѣчія не скрыли аспика ¹⁾, въ ея примирительныхъ словахъ слышался затаенный стонъ слабой груди, крикъ боли, подавленный чрезвычайнымъ усиленіемъ. Она благословляла меня на новую жизнь, желала намъ счастья, называла Natalie «сестрой» и протягивала намъ руку на забвеніе прошедшаго и на будущую дружбу,—какъ будто, она была виновата!

Рыдая, перечитывалъ я ея письмо. Qual cuor tradisti! ²⁾

Я встрѣтился въ послѣдствіи съ нею; дружески подала она мнѣ

¹⁾ Змѣя.

²⁾ Какое сердце ты предалъ!

руку, но намъ было неловко; каждый чего-то не договаривалъ, каждый старался кой-чего не касаться.

Годъ тому назадъ я услышалъ о ея кончинѣ.

Уѣхавъ изъ Вятки, меня долго мучило воспоминаніе объ Р. Мирясь съ собой, я принялся писать повѣсть, героиней которой была Р. ¹⁾. Я представилъ барича екатерининскихъ временъ, покинувшего женщину, любившую его, и женившася на другой. Она чахнетъ и умираетъ. Вѣсть о ея смерти тяжело падаетъ на него, онъ сдѣлался мраченъ, задумчивъ и, наконецъ, сошелъ съ ума. Его жена, идеаль кротости и самоотверженія, испытавъ все, везетъ его въ одну изъ такихъ минутъ въ *Двѣвичій монастырь* и бросается съ нимъ на колѣни передъ могилой несчастной женщины, прося прощенія и заступничества. Изъ оконъ монастыря достигаютъ слова молитвы, тихіе женскіе голоса поютъ объ отпущеніи, — баричъ выздоравливаетъ. Повѣсть вышла плоха. Когда я писалъ ее, Р. не собиралась въ Москву, и одинъ человекъ, догадывавшійся о томъ, что что-то было между мной и Р., былъ «вѣчный нѣмецъ» К. И. Зонненбергъ. Послѣ кончины моей матери въ 1851, отъ него не было ни одной вѣсти. Въ 1860 одинъ туристъ, рассказывая мнѣ о своемъ знакомствѣ съ восьмидесятилѣтнимъ Карломъ Ивановичемъ, показалъ его письмо. Въ «Р. С.» онъ извѣщалъ его о кончинѣ Р. и о томъ, что *мой братъ* ее похоронилъ *въ Новодѣвичьемъ монастырѣ!*

Само собой разумѣется, что повѣсть имъ обоимъ была неизвѣстна.

¹⁾ «Елена», см. т. II.

ГЛАВА XXII.

ВЪ МОСКВѢ БЕЗЪ МЕНЯ.

Мирная жизнь моя во Владимірѣ скоро была возмущена вѣстями изъ Москвы, которыя теперь приходили со всѣхъ сторонъ. Онѣ сильно огорчали меня. Для того, чтобъ сдѣлать ихъ понятными, надобно воротиться къ 1834 году.

На другой день послѣ моего взятія въ 1834 году были именины княгини; потому-то Natalie, разставаясь со мной на кладбищѣ, сказала мнѣ: «до завтра». Она ждала меня; съѣхалось нѣсколько человѣкъ родныхъ; вдругъ является мой двоюродный братъ ¹⁾ и рассказываетъ со всѣми подробностями исторію моего ареста. Новость эта, совершенно неожиданная, поразила ее; она встала, чтобъ выйти въ другую комнату, и, сдѣлавъ два шага, упала безъ чувствъ на полъ ²⁾. Княгиня все видѣла и все поняла; она рѣшилась противодѣйствовать всѣми средствами возникающей любви.

Для чего?

Не знаю. Въ послѣднее время, т.-е. послѣ окончанія моего курса, она была очень хорошо расположена ко мнѣ; но мой арестъ, слухи о нашемъ *вольномъ* образѣ мыслей, объ измѣнѣ православной церкви при вступленіи въ сенъ-симонскую «секту» разгнѣвали ее; она съ тѣхъ поръ меня иначе не называла, какъ «государственнымъ преступникомъ» или «несчастливымъ сыномъ брата Ивана». Весь авторитетъ Сенатора былъ нуженъ, чтобъ она рѣшилась отпустить Natalie въ Крутицы проститься со мной.

¹⁾ С. Л. Львовъ-Львицкій.

²⁾ Н. А.—на узнала объ арестѣ въ тотъ же день, 21-го іюля.

По счастью, меня ссылали: времени передъ княгиней было много. «Да и гдѣ это Пермь, Вятка? вѣрно, онъ тамъ себѣ свернетъ шею или ему свернуть ее, а главное—тамъ онъ ее забудетъ».

Но, какъ на зло княгинѣ, у меня память была хороша. Переписка со мной, долго скрываемаемая отъ княгини, была, наконецъ, открыта, и она строжайше запретила людямъ и горничнымъ доставлять письма молодой дѣвушкѣ или отправлять ея письма на почту. Года черезъ два стали поговаривать о моемъ возвращеніи. «Эдакъ, пожалуй, какимъ-нибудь добрымъ утромъ несчастный сынъ брата отворить дверь и взойдетъ; чего тутъ долго думать да откладывать, — мы ее выдадимъ замужъ и спасемъ отъ государственнаго преступника, челоуѣка безъ религіи и правилъ».

Прежде княгиня, вздыхая, говорила о бѣдной сиротѣ, о томъ, что у нея почти ничего нѣтъ, что ей нельзя долго разбирать; что ей бы хотѣлось *какъ-нибудь* пристроить ее при себѣ. Она, дѣйствительно, съ своими приживалками устроила *кой-какъ* судьбу одной дальней родственницы безъ состоянія, отдавъ ее замужъ за какого-то подьячаго. Добрая, милая дѣвушка, очень развитая, пошла замужъ, желая успокоить свою мать; года черезъ два она умерла, но подьячій остался живъ и изъ благодарности продолжалъ заниматься хожденіемъ по дѣламъ ея сіятельства. Теперь, совсѣмъ напротивъ, сирота—вовсе не бѣдная невѣста: княгиня собираетъ ее выдать, какъ родную дочь, даетъ однѣми деньгами сто тысячъ рублей и оставляетъ, сверхъ того, какое-то наслѣдство. На такихъ условіяхъ можно всегда найти жениховъ не только въ Москвѣ, но гдѣ угодно, особенно имѣя компаньонку, княжескій титулъ и кочующихъ старухъ.

Шопоть, переговоры, слухи,—и горничныя довели до несчастной жертвы такой попечительности намѣренія княгини. Она сказала компаньонкѣ, что рѣшительно не приметъ ничьего предложенія. Тогда началось непрерывное, оскорбительное, лишенное пощады и всякой деликатности гоненіе,—гоненіе ежеминутное, мелкое, цѣпляющееся за каждый шагъ, за каждое слово.

... «Представъ себѣ дурную погоду, страшную стужу, вѣтеръ, дождь, пасмурное, какое-то безъ выраженія небо, прегадкую маленькую комнату, изъ которой, кажется, сейчасъ вынесли покойника, а тутъ эти *дѣти* безъ цѣли, даже безъ удовольствія, шумятъ, кричатъ, ломаютъ и мараютъ все близкое; да хорошо бы еще, если-бъ только можно было глядѣть на этихъ дѣтей, а когда заставляютъ быть въ ихъ средѣ»,—пишетъ она въ одномъ письмѣ изъ деревни, куда княгиня уѣзжала лѣтомъ, и продолжаетъ: «У насъ сидятъ три старухи, и всѣ три рассказываютъ, какъ ихъ

покойники были въ параличѣ, какъ онѣ за ними ходили, — а и безъ того холодно».

Теперь къ этой средѣ прибавилось систематическое преслѣдованіе, и уже не отъ одной княгини, но и отъ жалкихъ старухъ, мучившихъ непрерывно Natalie, уговаривая ее итти замужъ и браня меня; большей частью она умалчивала въ письмахъ о рядѣ неприятностей, выносимыхъ ею, но иной разъ горечь, униженіе и скука брали верхъ. «Не знаю, пишетъ она, можно ли выдумать еще что-нибудь къ моему угнетенію? неужели у нихъ станетъ настолько ума? Знаешь ли ты, что даже выходъ въ другую комнату мнѣ запрещенъ, даже перемѣна мѣста въ той же комнатѣ? Я давно не играла на фортепіано; подали огонь, иду въ залу, авось, либо, смилосердятся; нѣтъ, воротили, заставили вязать; пожалуй, только сяду у другого стола, — подлѣ нихъ мнѣ невыносимо, — можно ли хоть это? Нѣтъ, непремѣнно сядь тутъ, рядомъ съ попадѣей, слушай, смотри, говори, а онѣ только и говорятъ о Филаретѣ да пересушиваютъ тебя. На минуту мнѣ стало досадно, я покраснѣла, и вдругъ тяжелое чувство грусти сдавило грудь, но не оттого, что я должна быть ихъ рабою, нѣтъ... мнѣ смертельно стало жаль ихъ».

Начинается формальное сватовство.

«У насъ была одна дама, которая любитъ меня, и которую я за это не люблю... Хлопочеть, что есть мочи, пристроить меня и до того разсердила меня, что я пропѣла ей вслѣдъ:

Гробовой скорѣй покроюсь пеленой,
Чѣмъ безъ милаго узорчатой фатой.

Черезъ нѣсколько дней, 26 октября 1837 г., она пишетъ: «Что я вытерпѣла сегодня, другъ мой, ты не можешь себѣ представить. Меня нарядили и повезли къ С. ¹⁾, которая съ дѣтства была ко мнѣ *милостива* черезъ мѣру; къ нимъ каждый вторникъ ѣздитъ полковникъ З. ²⁾ играть въ карты. Вообрази мое положеніе: съ одной стороны старухи за карточнымъ столомъ, съ другой — разныя безобразныя фигуры и онѣ. Разговоръ, лица, — все это такъ чуждо, странно, противно, такъ безжизненно, пошло; я сама была больше похожа на изваяніе, чѣмъ на живое существо; все происходящее казалось мнѣ тяжкимъ, удушливымъ сномъ; я, какъ ребенокъ, непрерывно просила ѣхать домой, меня не слушали. Вниманіе хозяина и *юстя* задавило меня; онѣ даже написали мѣломъ до половины мой вензель; Боже мой, моихъ силъ недостаетъ, ни

¹⁾ Свѣчина.

²⁾ Подъ этимъ инициаломъ Герценъ скрылъ Снаксарева.

на кого не могу опереться изъ тѣхъ, которые могли быть опорой, одна на краю пропасти, и цѣлая толпа употребляетъ всѣ усилія; чтобъ столкнуть меня; иногда я устаю, силы слабѣютъ—и нѣтъ тебя вблизи, и вдали тебя не видно; но одно воспоминаніе—и душа встрепенулась, готова снова на бой въ dospѣхахъ любви» ¹⁾.

Между тѣмъ полковникъ понравился всѣмъ; Сенаторъ его ласкалъ, отецъ мой находилъ, что «лучше жениха нельзя ждать и желать не должно». «Даже,—пишетъ Natalie,—его превосходительство Д. П. (Голохвастовъ) доволенъ имъ». Княгиня не говорила прямо Natalie, но прибавляла притѣсненія и торопила дѣло. Natalie пробовала прикидываться при немъ совершенной «дурочкой», думая, что отстрашаетъ его;—нисколько, онъ продолжаетъ ѣздить чаще и чаще.

«Вчера,—пишетъ она,—была у меня Эмилиа; вотъ что она сказала: «Если-бъ я услышала, что ты умерла, я бы съ радостью перекрестилась и поблагодарила бы Бога». Она права во многомъ, но не совсѣмъ; душа ея, живущая однимъ горемъ ²⁾, поняла вполне страданія моей души, но блаженство, которымъ наполняетъ ее любовь, едва ли ей доступно».

Но и княгиня не унывала. «Желая очистить свою совѣсть, княгиня призвала какого-то священника, знакомаго съ Э., и спрашивала его, не грѣхъ ли будетъ отдать меня насильно? Священникъ сказалъ, что это будетъ даже богоугодно пристроить сироту. Я пошлю за своимъ духовникомъ—прибавляетъ Natalie—и открою ему все».

30 октября. «Вотъ платье, вотъ нарядъ къ завтраму, а тамъ образъ, кольца, хлопоты, приготовленія—и ни слова мнѣ! Приглашены Насакины и другіе. Они готовятъ мнѣ сюрпризъ, и я готовлю имъ сюрпризъ».

Вечеръ. «Теперь происходитъ совѣщаніе. Левъ Алексѣевичъ (Сенаторъ) здѣсь. Ты уговариваешь меня,—ненужно, другъ мой, я умѣю отворачиваться отъ этихъ ужасныхъ, гнусныхъ сценъ, куда меня тянутъ на цѣпи. Твой образъ сіяетъ надо мной, за меня нечего бояться, и самая грусть и самое горе такъ святы и такъ сильно и крѣпко обняли душу, что, отрывая ихъ, сдѣлаешь еще больнѣе, раны откроются» ³⁾.

Однако, какъ ни скрывали и ни маскировали дѣла, полковникъ не могъ не увидѣть рѣшительнаго отвращенія невѣсты; онъ

¹⁾ Передано не точно; ср. стр. 369 т. VII Спб. изд.

²⁾ Нераздѣленная любовь къ Н. М. Сатину.

³⁾ Передано не точно; ср. стр. 371 т. VII Спб. изд.

сталь рѣже ѣздить, сказанъ больнымъ, заикнулся даже о прибавкѣ приданаго; это очень разсердило, но княгиня прошла и черезъ это униженіе: она давала еще свою подмосковную. Этой уступки, кажется, и онъ не ждалъ, потому что послѣ нея онъ совсѣмъ скрылся.

Мѣсяца два прошли тихо. Вдругъ разнеслась вѣсть о моемъ переводѣ во Владиміръ. Тогда княгиня сдѣлала послѣдній отчаянный опытъ сватовства. У одной изъ ея знакомыхъ былъ сынъ офицеръ, только-что возвратившійся съ Кавказа; онъ былъ молодъ, образованъ и весьма порядочный человекъ ¹⁾. Княгиня, откинувъ спѣсь, сама предложила его сестрѣ «позондировать» брата, не хочетъ ли онъ посвататься. Онъ поддался на внушенія сестры. Молодой дѣвушкѣ не хотѣлось еще разъ играть ту же отвратительную и скучную роль; она, видя, что дѣло принимаетъ серьезный оборотъ, написала ему письмо, прямо, открыто и просто говорила ему, что любитъ другого, довѣрялась его чести и просила не прибавлять ей новыхъ страданій.

Офицеръ очень деликатно устранился. Княгиня была поражена, оскорблена и рѣшила узнать, въ чемъ дѣло. Сестра офицера, съ которой говорила сама Natalie и которая дала слово брату ничего не передавать княгинѣ, рассказала все компаньонкѣ. Разумѣется, та тотчасъ же донесла.

Княгиня чуть не задохнулась отъ негодованія. Не зная, что дѣлать, она приказала молодой дѣвушкѣ итти къ себѣ наверхъ и не казаться ей на глаза; недовольная этимъ, она велѣла запереть ея дверь и посадила двухъ горничныхъ для караула. Потомъ она написала къ своимъ братьямъ и одному изъ племянниковъ записки и просила ихъ собраться для совѣта, говоря, что она такъ разстроена и огорчена, что не можетъ ума приложить къ несчастному дѣлу, ее постигшему. Отецъ мой отказался, говоря, что у него своихъ заботъ много, что вовсе не нужно придавать случившемуся такой важности и что онъ плохой судья въ дѣлахъ сердечныхъ. Сенаторъ и Д. П. Голохвастовъ явились на другой день вечеромъ, по зову.

Долго толковали они, ни въ чемъ не согласились и, наконецъ, потребовали арестанта. Молодая дѣвушка взошла; но это была не та молчаливая, застѣнчивая сирота, которую они знали. Непокорливая твердость и безвозвратное рѣшеніе были видны въ спокойномъ и гордомъ выраженіи лица: это было не дитя, а женщина, которая шла защищать свою любовь—мою любовь.

¹⁾ А. О. Миницкій.

Видъ «подсудимой» смѣшалъ ареопагъ. Имъ было неловко; наконецъ, Дмитрій Павловичъ, l'orateur de la famille ¹⁾, изложилъ пространно причину ихъ сѣзда, горестъ княгини, ея сердечное желаніе устроить судьбу своей воспитанницы и странное противодѣйствіе со стороны той, въ пользу которой все дѣлается. Сенаторъ подтверждалъ головой и указательнымъ пальцемъ слова племянника. Княгиня молчала, сидѣла отвернувшись и нюхала соль.

«Подсудимая» все выслушала и простодушно спросила, чего отъ нея требуютъ?

— Мы весьма далеки отъ того, чтобъ что-нибудь требовать,— замѣтилъ племянникъ;—мы здѣсь, по волѣ тетушки, для того, чтобъ дать вамъ искренній совѣтъ: вамъ представляется партія, превосходящая во всѣхъ отношеніяхъ.

— Я не могу ее принять.

— Какая же причина на это?

— Вы ее знаете.

Ораторъ семейства немного покраснѣлъ, понюхалъ табуку и, щуря глаза, продолжалъ:

— Тутъ есть очень многое, противъ чего можно бы возражать; я обращаю ваше вниманіе на шаткость вашихъ надеждъ. Вы такъ давно не видались съ нашимъ несчастнымъ Alexandr'омъ; онъ такъ молодъ, горячъ,—увѣрены ли вы?..

— Уфрена. Да и какія бы намѣренія его ни были, я не могу перемѣнить своихъ.

Племянникъ исчерпалъ свою латынь; онъ всталъ, говоря:

— Дай Богъ, дай Богъ, чтобъ вы не раскаялись! Я очень боюсь за ваше будущее.

Сенаторъ морщился; къ нему-то и обратилась теперь несчастная дѣвушка.

— Вы,—сказала она ему,—показывали мнѣ всегда участіе; васъ я умоляю: спасите меня, сдѣлайте, что хотите, но избавьте меня отъ этой жизни. Я ничего никому не сдѣлала, ничего не прошу, ничего не предпринимаю, я только отказываюсь обмануть человѣка и погубить себя, выходя за него замужъ. Что я за это терплю, нельзя себѣ представить; мнѣ больно, что я должна это высказать въ присутствіи княгини, но выносить оскорбленія, обидныя слова, намеки ея пріятельницы выше моихъ силъ. Я не могу, я не должна позволить, чтобъ во мнѣ былъ оскорбленъ... Нервы взяли свое, и слезы градомъ полились изъ ея глазъ; Сенаторъ вскопчилъ и, взволнованный, ходилъ по комнатѣ.

¹⁾ Ораторъ семейства.

Въ это время компаньонка, кипѣвшая отъ злобы, не выдержала и сказала, обращаясь къ княгинѣ:

— Какова наша скромница-то, вотъ вамъ и благодарность!

— О комъ она говоритъ?!—закричалъ Сенаторъ.—А? Какъ это вы, сестрица, позволяете, чтобъ эта, чортъ знаетъ, кто такая, при васъ такъ говорила о дочери вашего брата? Да и, вообще, зачѣмъ эта шваль здѣсь? Вы ее тоже позвали на совѣтъ? Что она вамъ родственница, что ли?!

— Голубчикъ мой,—отвѣчала испуганная княгиня,—ты знаешь, что она мнѣ и какъ она за мной ходитъ.

— Да, да, это прекрасно, ну, и пусть подаетъ лѣкарство и что нужно; не о томъ рѣчь,—я васъ, та соеуг, спрашиваю, зачѣмъ она здѣсь, когда говорятъ о семейномъ дѣлѣ, да еще голосъ подымаетъ? Можно думать послѣ этого, что она дѣлаетъ одна... а потомъ жалуется... Эй, карету!

Компаньонка, расплаканная и раскраснѣвшаяся, выбѣжала вонъ.

— Зачѣмъ вы такъ балуете ее?!—продолжалъ расходившійся Сенаторъ. Она все воображаетъ, что въ шинкѣ въ Звенигородѣ сидитъ; какъ вамъ это не гадко?!

— Перестань, мой другъ, пожалуйста, у меня нервы такъ разстроены... Охъ!.. Ты можешь итти наверхъ и тамъ остаться,—прибавила она, обращаясь къ племянницѣ.

— Пора и Бастильи всѣ эти уничтожить. Все это вздоръ и ни къ чему не ведетъ,—замѣтилъ Сенаторъ и схватилъ шляпу.

Уѣзжая, онъ взошелъ наверхъ; взволнованная всѣмъ происшедшимъ, Natalie сидѣла на креслахъ, закрывши лицо, и горько плакала. Старикъ потрепалъ ее по плечу и сказалъ:

— Успокойся, успокойся, все перемелется. Ты постарайся, чтобъ сестра перестала сердиться на тебя: она женщина больная, надобно ей уступить; она, вѣдь, все жъ добра тебѣ жаждаетъ; ну, а насильно тебя замужъ не отдадутъ, за это я тебѣ отвѣчаю.

— Лучше въ монастырь, въ пансионъ, въ Тамбовъ, къ брату въ Петербургъ, чѣмъ долгие выносить эту жизнь!—отвѣчала она.

— Ну, полно, полно! старайся успокоить сестру, а дуру эту я отучу отъ грубостей.

Сенаторъ, проходя по залѣ, встрѣтилъ компаньонку.

— Прошу не забываться!—закричалъ онъ на нее, грозя пальцемъ. Она, рыдая, пошла въ спальню, гдѣ княгиня уже лежала въ постели, и четыре горничныя терли ей руки и ноги, мочили виски уксусомъ и капали гофманскія капли на сахаръ.

Тѣмъ семейный совѣтъ и кончился.

Ясное дѣло, что положеніе молодой дѣвушки не могло пере-
мѣниться къ лучшему. Компаньонка стала осторожнѣе, но, питая
теперь личную ненависть и желая на ней выместить обиду и уни-
женіе, она отравляла ей жизнь мелкими, косвенными средствами;
само собою разумѣется, что княгиня участвовала въ этомъ небла-
городномъ преслѣдованіи беззащитной дѣвушки.

Надобно было положить этому конецъ. Я рѣшился выступить
прямо на сцену и написалъ моему отцу длинное, спокойное, иск-
реннее письмо. Я говорилъ ему о моей любви и, предвидя его
отвѣтъ, прибавлялъ, что я вовсе его не тороплю, что я даю ему время
вглядѣться, мимолетное это чувство или нѣтъ, и прошу его объ
одномъ: чтобъ онъ и Сенаторъ взошли въ положеніе несчастной
дѣвушки, чтобъ они вспомнили, что они имѣютъ на нее столько
же права, сколько и сама княгиня.

Отецъ мой на это отвѣчалъ, что онъ въ чужія дѣла терпѣть
не можетъ мѣшаться, что до него не касается, что княгиня дѣ-
лаетъ у себя въ домѣ; онъ мнѣ совѣтовалъ оставить пустыя мысли,
«порожденныя праздностью и скукой ссылки», и лучше пригото-
вляться къ путешествію въ чужіе края. Мы часто говаривали съ
нимъ въ былые годы о поѣздкѣ за границу, онъ зналъ, какъ
страстно я желалъ, но находилъ бездну препятствій и всегда окан-
чивалъ однимъ: «Ты прежде закрой мнѣ глаза, потомуъ дорога
открыта на всѣ четыре стороны». Въ ссылкѣ я потерялъ всякую
надежду на скорое путешествіе, зналъ, какъ трудно будетъ полу-
чить дозволеніе, и, сверхъ того, мнѣ казалось неделикатно, послѣ
насильственной разлуки, настаивать на добровольной. Я помнилъ
слезу, дрожавшую на старыхъ вѣкахъ, когда я отправлялся въ Пермь..
И вдругъ мой отецъ беретъ инициативу и предлагаетъ мнѣ ѣхать!

Я былъ откровененъ, писалъ, щадя старика, просилъ такъ
мало,—онъ мнѣ отвѣчалъ ироніей и уловкой. «Онъ ничего не хо-
четъ сдѣлать для меня, говорилъ я самъ себѣ; онъ, какъ Гизо,
проповѣдуетъ la non-intervention ¹⁾); хорошо, такъ я сдѣлаю самъ,
и теперь—аминь уступкамъ». Я ни разу прежде не думалъ объ
устройствѣ будущаго; я вѣрилъ, зналъ, что оно мое, что оно наше,
и предоставлялъ подробности случаю; намъ было довольно созна-
нія любви; желанія не шли дальше минутнаго свиданія. Письмо
моего отца заставило меня схватить будущее въ мои руки. Ждать
было нечего—*cosa fatta capo ha!* ²⁾ Отецъ мой не очень сентимен-
таленъ, а княгиня—

¹⁾ Невмѣшательство.

²⁾ Сдѣланнаго не воротить.

Пускай себѣ поплачетъ...
Ей ничего не значить! ¹⁾

Въ это время гостили во Владимірѣ мой братъ и К. ²⁾. Мы съ К. проводили цѣлыя ночи напролетъ, говоря, вспоминая, смѣясь сквозь слезы и до слезъ. Онъ былъ первый изъ нашихъ, котораго я увидѣлъ послѣ отъѣзда изъ Москвы. Отъ него я узналъ хронику нашего круга, въ чемъ перемѣны, и какіе вопросы занимаютъ, какія лица прибыли, гдѣ тѣ, которые оставили Москву, и пр. Переговоривши все, я рассказалъ о моихъ намѣреніяхъ. Разсуждая, что и какъ слѣдуетъ сдѣлать, К. заключилъ предложеніемъ, нелѣпость котораго я оцѣнили потомъ. Желая исчерпать всѣ мирные пути, онъ хотѣлъ съѣздить къ моему отцу, котораго едва зналъ, и *серьезно* съ нимъ поговорить. Я согласился.

К., конечно, былъ способнѣе на все хорошее и на все худое, чѣмъ на дипломатическіе переговоры, особенно съ моимъ отцомъ. Онъ имѣлъ въ высшей степени все то, что должно было окончательно испортить дѣло. Онъ однимъ появленіемъ своимъ наводилъ уныніе и тревогу на всякаго консерватора. Высокій ростомъ, съ волосами странно разбросанными, безъ всякаго единства прически, съ рѣзкимъ лицомъ, напоминающимъ рядъ членовъ конвента 93 года, а всего болѣе Марата: съ тѣмъ же большимъ ртомъ, съ тою же рѣзкой чертой пренебреженія на губахъ и съ тѣмъ же грустно и озлобленно-печальнымъ выраженіемъ; къ этому слѣдуетъ прибавить очки, шляпу съ широкими полями, чрезвычайную раздражительность, громкій голосъ, непривычку себя сдерживать и способность, по мѣрѣ негодованія, поднимать брови все выше и выше. К. былъ похожъ на Ларавинье въ превосходномъ романѣ Ж. Сандъ «Орасъ», съ примѣсю чего-то яатфайндерскаго ³⁾, робинзоновскаго и еще чего-то чисто московскаго. Открытая, благородная натура съ дѣтства оставила его въ прямую ссору съ окружающимъ міромъ; онъ не скрывалъ это враждебное отношеніе и привыкъ къ нему. Нѣсколькими годами старше насъ, онъ непрерывно бранился съ нами и былъ всѣмъ недоволенъ, дѣлалъ выговоры, ссорился и покрывалъ все это добродушіемъ ребенка. Слова его были грубы, но чувства нѣжны, и мы бездну прощали ему.

Представьте же именно его, этого послѣдняго могикана съ лицомъ Марата, «Друга Народа», отравляющагося увѣщевать моего

¹⁾ «Завѣщаніе» Лермонтова.

²⁾ Н. Х. Кетчеръ.

³⁾ Патфайндеръ—герой романовъ Ф. Купера, отличавшійся прямою, независимостью и простодушіемъ.

отца... Много разъ потомъ я заставлялъ К. пересказывать ихъ свиданіе: моего воображенія не доставало, чтобъ представить все оригинальное этого дипломатическаго вмѣшательства. Оно пришлось такъ невзначай, что старикъ не нашелся сначала, сталъ объяснять всѣ глубокія соображенія, почему онъ противъ моего брака, и потомъ уже, спохватившись, перемѣнилъ тонъ и спросилъ К., съ какой онъ стати пришелъ къ нему говорить о дѣлѣ, до него вовсе не касающемся? Разговоръ принялъ характеръ желчевой. Дипломатъ, видя, что дѣло становится хуже, попробовалъ пугнуть старика моимъ здоровьемъ; но это уже было поздно, и свиданіе окончилось, какъ слѣдовало ожидать, рядомъ язвительныхъ колкостей со стороны моего отца и грубыхъ выраженій со стороны К.

К. писалъ мнѣ: «Отъ старика ничего не жди». Этого-то и надо было. Но что было дѣлать, какъ начать? Пока я обдумывалъ по десяти разныхъ проектовъ въ день и не рѣшался, который предпочесть, братъ мой собрался ѣхать въ Москву.

Это было 1 марта 1838 года.

ГЛАВА XXIII.

ТРЕТЬЕ МАРТА И ДЕВЯТОЕ МАЯ 1838 ГОДА.

Утромъ я писалъ письма; когда я кончилъ, мы сѣли обѣдать. Я не ѣлъ, мы молчали, мнѣ было невыносимо тяжело... Это было часу въ пятомъ, въ семь должны были прійти лошади. Завтра, послѣ обѣда онъ будетъ въ Москвѣ, а я... и съ каждой минутой пульсъ у меня бился сильнѣе.

— Послушайте,—сказалъ я, наконецъ, брату, глядя въ тарелку,—довезите меня до Москвы... Братъ мой опустилъ вилку и смотрѣлъ на меня неувѣренный, слышалось ему или нѣтъ.

— Провезите меня черезъ заставу, какъ вашего слугу, больше мнѣ ничего ненужно, согласны?

— Да я, пожалуй, только знаешь, чтобъ тебѣ потомъ...

Это ужъ было поздно; его «пожалуй» было у меня въ крови, въ мозгу. Мысль, едва мелькнувшая за минуту, была теперь неисторгаема.

— Что тутъ толковать, мало-ли что можетъ случиться! Итакъ, вы берете меня?

— Отчего же, я, право, готовъ, только...

Я вскочилъ изъ-за стола.

— Вы ѣдете?—спросилъ Матвѣй, желая что-то сказать.

— Ёду!—отвѣчалъ я такъ, что онъ ничего не прибавилъ. Я послѣ завтра возвращусь; коли кто придетъ, скажи, что у меня болитъ голова, и что я сплю; вечеромъ зажги свѣчи и засимъ дай мнѣ бѣлья и сакъ.

Бубенчики позванивали на дворѣ.—Вы готовы?—Готовъ.

— Итакъ, въ добрый часъ.

На другой день, въ обѣденную пору бубенчики перестали позванивать: мы были у подѣзда К. ¹⁾ Я велѣлъ его вызвать. Недѣлю тому назадъ, когда онъ меня оставилъ во Владимірѣ, о моемъ приѣздѣ не было даже предположенія, а потому онъ такъ удивился, увидя меня, что сначала не сказалъ ни слова, а потомъ покотился со смѣху, но вскорѣ принялъ озабоченный видъ и повелъ меня къ себѣ. Когда мы были въ его комнатѣ, онъ, тшательно запирая дверь на ключъ, спросилъ меня:

— Что случилось?

— Ничего.

— Да ты зачѣмъ?

— Я не могъ остаться во Владимірѣ, я хочу видѣть Natalie,— вотъ и все, а ты долженъ это устроить, и сію же минуту, потому что завтра я долженъ быть дома.

К. смотрѣлъ мнѣ въ глаза и сильно поднялъ брови.

— Какая глупость! это чортъ знаетъ, что такое; безъ нужды, ничего не приготовивши, ѣхать! Что ты писалъ? назначилъ время?

— Ничего не писалъ.

— Помилуй, братецъ, да что же мы съ тобой сдѣлаемъ? Это изъ рукъ вонъ, это—бѣлая горячка!

— Въ томъ-то все дѣло, что, не теряя ни минуты, надобно придумать, какъ и что.

— Ты глупъ,—сказалъ положительно К., забирая еще выше бровями;—я былъ бы очень радъ, чрезвычайно радъ, если-бъ ничего не удалось, былъ бы урокъ тебѣ.

— И довольно продолжительный, если попадусь. Слушай, когда будетъ темно, мы поѣдемъ къ дому княгини; ты вызвешь кого-нибудь на улицу изъ людей, я тебѣ скажу кого,—ну, потомъ увидимъ, что дѣлать. Ладно, что ли?

— Ну, дѣлать нечего, пойдемъ, а ужъ какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобъ не удалось! Что же вчера не написалъ?—и К., важно нахлобучивъ на себя свою шляпу съ длинными полями, набросилъ черный плащъ на красной подкладкѣ.

— Ахъ ты, проклятый ворчунъ!—сказалъ я ему выходя, и К., отъ души смѣясь, повторялъ:

— Да развѣ это не курамъ на смѣхъ! не написалъ и приѣхалъ,—это изъ рукъ вонъ.

У К. нельзя было оставаться: онъ жилъ ужасно далеко, и въ этотъ день у его матери были гости. Онъ отправился со мной къ одному гусарскому офицеру. К. его зналъ за благороднаго чело-

¹⁾ Н. Х. Кетчеръ.

вѣка, онъ не былъ замѣшанъ въ политическія дѣла, и слѣдственно, внѣ полицейскаго надзора. Офицеръ съ длинными усами сидѣлъ за обѣдомъ, когда мы пришли; К. разсказалъ ему, въ чемъ дѣло, офицеръ въ отвѣтъ налилъ мнѣ стаканъ краснаго вина и поблагодарилъ за довѣріе, потомъ отправился со мной въ свою спальню, украшенную сѣдлами и чепраками, такъ что можно было думать, что онъ спитъ верхомъ.

— Вотъ вамъ комната,—сказалъ онъ,—васъ никто здѣсь не обезпокоитъ. Потомъ онъ позвалъ денщика, гусара же, и велѣлъ ему ни подъ какимъ предлогомъ никого не пускать въ эту комнату. Я снова очутился подъ охраной солдата съ той разницей, что въ Крутицахъ жандармъ меня караулилъ отъ всего міра, а тутъ гусаръ караулилъ весь міръ отъ меня.

Когда совсѣмъ смерклось, мы отправились съ К. Сильно билось сердце, когда я снова увидѣлъ знакомыя родныя улицы; мѣста, дома, которыхъ я не видалъ около четырехъ лѣтъ... Кузнецкій Мостъ, Тверской бульваръ... Вотъ и домъ Огарева,—ему нахлобучили какой-то огромный гербъ, онъ чужой ужъ; въ нижнемъ этажѣ, гдѣ мы такъ юно жили, жилъ портной... Вотъ Поварская,—духъ занимается... Въ мезонинѣ, въ угловомъ окнѣ, горитъ свѣча; это—ея комната, она пишетъ ко мнѣ, она думаетъ обо мнѣ, свѣча такъ весело горитъ, такъ *мнѣ* горитъ.

Пока мы придумывали, какъ лучше вызвать кого-нибудь, намъ навстрѣчу бѣжитъ одинъ изъ молодыхъ офиціантовъ княгини.

— Аркадій,—сказалъ я, поровнявшись. Онъ меня не узналъ. Что съ тобой?—сказалъ я. Своихъ не узнаешь?

— Да это вы-съ?!—вскрикнулъ онъ. Я приложилъ палецъ къ губамъ и сказалъ:

— Хочешь ли ты мнѣ сослужить дружескую службу? доставь немедленно, черезъ Сашу или Костеньку, какъ можно скорѣй, вотъ эту записочку, понимаешь? Мы будемъ ждать отвѣтъ въ переулкѣ за угломъ, и ни полслова никому о томъ, что ты меня видѣлъ въ Москвѣ.

— Будьте покойны, все обдѣлаемъ въ мигъ,—отвѣчалъ Аркадій и пустился рысью домой.

Около получаса ходили мы взадъ и впередъ по переулку, прежде чѣмъ вышла, торопясь и оглядываясь, небольшая, худенькая старушка, та самая бойкая горничная, которая въ 1812 году у французскихъ солдатъ просила для меня «манже»; съ дѣтства мы звали его Костенькой. Старушка взяла меня обѣими руками за лицо и расцѣловала.

— Такъ-то ты и прилетѣлъ!—говорила она. Ахъ ты, буйная

голова, и когда ты это уймешься, безпутный ты мой, и барышню такъ испугалъ, что чуть въ обморокъ не упала...

— Что же, записочка есть у васъ?

— Есть, есть, ишь, какой нетерпѣливый!—и она мнѣ подала лоскутокъ бумаги.

Дрожащей рукой, карандашомъ были написаны нѣсколько словъ: «Боже мой, неужели это правда?—ты здѣсь... Завтра, въ шестомъ часу утра, я буду тебя ждать! не вѣрю, не вѣрю! Неужели это не сонъ?» ¹⁾

Гусаръ снова отдалъ меня на сохраненіе денщику. Въ пять часовъ съ половиной я стоялъ, прислонившись къ фонарному столбу, и ждалъ К., взошедшаго въ калитку княгининаго дома. Я и не пробую передать того, что происходило во мнѣ, пока я ждалъ у столба; такія мгновенія остаются потому личной тайной, что они нѣмы.

К. махалъ мнѣ рукой. Я взошелъ въ калитку; мальчикъ, который успѣлъ вырасти, провожалъ меня, знакомо улыбаясь. И вотъ я въ передней, въ которую нѣкогда входилъ зѣвая, а теперь готовъ былъ пасть на колѣни и цѣловать каждую доску пола. Аркадій привелъ меня въ гостиную и вышелъ. Я, утомленный, бросился на диванъ; сердце билось такъ сильно, что мнѣ было больно, и, сверхъ того, мнѣ было страшно. Я растягиваю разсказъ, чтобъ дольше остаться съ этими воспоминаніями, хотя и вижу, что слово ихъ плохо беретъ.

Она взошла вся въ бѣломъ, ослѣпительно прекрасна; три года разлуки и вынесенная борьба окончили черты и выраженіе. «Эты ты?!»—сказала она своимъ тихимъ, кроткимъ голосомъ.

Мы сѣли на диванъ и молчали.

Выраженіе счастья въ ея глазахъ доходило до страданія. Должно быть, чувство радости, доведенное до высшей степени, смѣшивается съ выраженіемъ боли, потому что и она мнѣ сказала: «Какой у тебя измученный видъ!».

Я держалъ ея руку, на другую она облокотилась, и намъ нечего было другъ другу сказать... Короткія фразы, два-три воспоминанія, слова изъ писемъ, пустыя замѣчанія объ Аркадіи, о гусарѣ, о Костенькѣ.

Потомъ взошла нянюшка, говоря, что пора, и я всталъ, не возражая, и она меня не остававливала... такая полнота была въ душѣ. Больше, меньше, короче, дольше, еще,—все это исчезало передъ полнотой настоящаго...

¹⁾ Въ VII т. Спб. изд. не напечатано.

Когда мы были за заставой, К. спросилъ:

— Что же у васъ, рѣшено что-нибудь?

— Ничего.

— Да ты говорилъ съ ней?

— Объ этомъ ни слова.

— Она согласна?

— Я не спрашивалъ; разумѣется, согласна.

— Ты, ей Богу, поступаешь, какъ дитя или какъ сумасшедшій!—замѣтилъ К., повышая брови и пожимая съ негодованіемъ плечами.

— Я ей напишу, потомъ тебѣ, а теперь прощай!... Нутка по всѣмъ по тремъ!

На дворѣ была оттепель, рыхлый снѣгъ мѣстами чернѣлъ, безконечная бѣлая поляна лежала съ обѣихъ сторонъ, деревеньки мелькали съ своимъ дымомъ, потомъ возшелъ мѣсяцъ и иначе освѣтилъ все; я былъ одинъ съ ямщикомъ и все смотрѣлъ и все былъ тамъ съ нею; и дорога, и мѣсяцъ, и поляны какъ-то смѣшались съ княгининой гостиной. И странно, я помнилъ каждое слово нянюшки, Аркадія, даже горничной, проводившей меня до воротъ, но что я говорилъ съ нею, что она мнѣ говорила, не помнилъ!

Два мѣсяца прошли въ непрерывныхъ хлопотахъ: надобно было занять денегъ, достать метрическое свидѣтельство, — оказалось, что княгиня его взяла. Одинъ изъ друзей ¹⁾ досталъ всѣми неправдами другое изъ консисторіи, платя, кланяясь, потчуетъ квартальныхъ и писарей. ²⁾

Когда все было готово, мы поѣхали, т.-е. я и Матвѣй.

На разсвѣтѣ 8 мая, мы были на послѣдней ямской станціи передъ Москвой. Ямщики пошли за лошадьми. Погода была душная, дождь капалъ, казалось, будетъ гроза, я не вышелъ изъ кибитки и торопилъ ямщика. Кто-то страннымъ голосомъ, тонкимъ, плаксивымъ, протяжнымъ, говорилъ возлѣ. Я обернулся и увидѣлъ дѣвочку лѣтъ шестнадцати, блѣдную, худую, въ лохмотьяхъ и съ распущенными волосами; она просила милостыню. Я далъ ей мелкую серебряную монету; она захохотала, увидя ее, но, вмѣсто того, чтобъ итти прочь, влѣзла на облучокъ кибитки, повернулась ко мнѣ и стала бормотать полусвязныя рѣчи, глядя мнѣ прямо въ лицо; ея взглядъ былъ мутенъ, жалокъ, пряди волосъ падали на лицо. Болѣзненное лицо ея, непонятная болтовня вмѣстѣ съ утреннимъ освѣщеніемъ наводили на меня какую-то нервную робость.

— Это у насъ такъ, юродивая, т.-е. дурочка,—замѣтилъ ям-

¹⁾ Н. И. Астраковъ.

щикъ.—И куда ты лѣзешь? вотъ стегну, такъ узнаешь. Ей Богу, стегну, озарница эдакая!

— Что ты брѣнишься, что я тѣ слѣлла? вотъ баринъ-то серебряной пятачокъ далъ, а что я тебѣ сдѣлла?

— Ну, далъ, такъ и убирайся къ своимъ чертямъ въ лѣсъ.

— Возьми меня съ собой,—прибавила дѣвочка, жалобно глядя на меня,—ну, право, возьми..

— Въ Москвѣ показывать за деньги: чудо, молъ, юдо, ракъ морской,—замѣтилъ ямщикъ,—ну, слѣзай, что ли, трогаемъ..

Дѣвочка не думала итти, а все жалобно смотрѣла; я просилъ ямщика не обижать ее; онъ взялъ ее тихо въ охапку и поставилъ на землю. Она расплакалась, и я готовъ былъ плакать съ нею.

Зачѣмъ это существо попало мнѣ именно въ этотъ день, именно при вѣздѣ въ Москву? Я вспомнилъ «Безумную» Козлова: и ее онъ встрѣтилъ подъ Москвой.

Мы поѣхали, воздухъ былъ полонъ электричества, неприятно тяжелъ и тепелъ. Синяя туча, опускавшаяся сѣрыми ключьями до земли, медленно тащилась ими по полямъ,—и вдругъ зигзагъ молніи прорѣзалъ ее своими уступами вкось, ударилъ громъ, и дождь полился ливнемъ. Мы были верстахъ въ десяти отъ Рогожской заставы да еще Москвой приходилось съ часъ ѣхать до Дѣвичьяго поля. Мы пріѣхали къ А. ¹⁾, гдѣ меня долженъ былъ ожидать К., рѣшительно безъ сухой нитки на тѣлѣ.

К. не было налицо: онъ былъ у изголовья умирающей женщины, Е. Г. Левашовой. Женщина эта принадлежала къ тѣмъ удивительнымъ явленіямъ русской жизни, которыя мирятъ съ нею, которыхъ все существованіе — подвигъ, никому невѣдомый, кромѣ небольшого круга друзей. Сколько слезъ утерла она, сколько внесла утѣшеній не въ одну разбитую душу, сколько юныхъ существованій поддержала она, и сколько сама страдала! «Она изошла любовью», сказалъ мнѣ Чаадаевъ ²⁾, одинъ изъ ближайшихъ друзей ея, посвятившій ей свое знаменитое письмо о Россіи ³⁾.

К. не могъ ее оставить и писалъ, что около девяти часовъ пріѣдетъ. Меня встревожила эта вѣсть. Человѣкъ, объятый сильной страстью,—страшный эгоистъ; я въ отсутствіи К. видѣлъ одну задержку... Когда же пробило девять часовъ, раздался благовѣстъ къ поздней обѣднѣ, и прошло еще четверть часа, мною овладѣло ли-

¹⁾ Астраковы. Т. Алексѣевнѣ принадлежалъ домъ на Плющихѣ, въ приходѣ Воздвиженія, на Овражкахъ.

²⁾ Петръ Яковлевичъ.

³⁾ «Философическія письма» были посвящены Пановой, урожд. Улыбышевой.

хорадочное безпокойство и малодушное отчаяніе... Половина десятаго... Нѣтъ, онъ не будетъ; больной, вѣрно, хуже. Что мнѣ дѣлать? Оставаться въ Москвѣ не могу: одно неосторожное слово горничной, нянюшки въ домѣ княгини откроетъ все. Ёхать назадъ было возможно, но я чувствовалъ, что у меня не было силы ёхать назадъ.

Въ три четверти десятаго явился К. въ соломенной шляпѣ, съ измятымъ лицомъ человѣка, не спавшаго цѣлую ночь. Я бросился къ нему и, обнимая его, осыпалъ упреками. К., нахмурившись, посмотрѣлъ на меня и спросилъ: «Развѣ получаса не достаточно, чтобъ дойти отъ А. до Поварской? Мы бы тутъ болтали съ тобой цѣлый часъ, ну, оно какъ ни пріятно, а я изъ-за этого не рѣшился прежде, чѣмъ было нужно, оставить умирающую женщину. Левашова,—прибавилъ онъ,—посылаетъ вамъ свое привѣтствіе; она благословила меня на успѣхъ своей умирающей рукой и дала мнѣ на случай нужды теплую шаль». Привѣтъ умирающей былъ для меня необыкновенно дорогъ; теплая шаль была очень нужна ночью, и я не успѣлъ ее поблагодарить, ни пожать ея руки... она вскорѣ скончалась ¹⁾).

К. и А. отправились. К. долженъ былъ ёхать за заставу съ Natalie, А.—воротиться, чтобы сказать мнѣ, все ли успѣшно и что дѣлать. Я остался ждать съ его милой, прекрасной женой; она сама недавно вышла замужъ; страстная, огненная натура, она принимала самое горячее участіе въ нашемъ дѣлѣ; она старалась съ притворной веселостью увѣрить меня, что все пойдетъ превосходно, а сама была до того снѣдаема безпокойствомъ, что безпрестанно мѣнялась въ лицѣ. Мы съ ней сѣли у окна; разговоръ не шелъ; мы были похожи на дѣтей, посаженныхъ за вину въ пустую комнату. Такъ прошли часа два.

Въ мірѣ нѣтъ ничего разрушительнѣе, невыносимѣе, какъ бездѣйствіе и ожиданіе въ такія минуты. Друзья дѣлаютъ большую ошибку, снимая съ плечъ главнаго *паціента* всю ношу. Выдумать надобно занятія для него, если ихъ нѣтъ, задавить физической работой, разсѣять недосугомъ, хлопотами. ³

Наконецъ, взошелъ А. Мы бросились къ нему. «Все идетъ чудесно, они при мнѣ ускакали!—кричалъ онъ намъ со двора. Ступай сейчасъ за Рогожскую заставу, тамъ у мостика увидишь лошадей недалеко Перова трактира. Съ Богомъ! Да перемѣни на полдорогѣ извозчика, чтобъ послѣдній не зналъ, откуда ты».

¹⁾ Ошибка—Левашова умерла 9 марта 1839 г.

Я пустился, какъ изъ лука стрѣла... Вотъ и мостикъ недалеко отъ Перова,—никого нѣтъ; да и по другую сторону мостикъ, и тоже никого нѣтъ. Я доѣхалъ до Измайловскаго звѣринца,—никого; я отпустилъ извозчика и пошелъ пѣшкомъ. Ходя взадъ и впередъ, я, наконецъ, увидѣлъ на другой дорогѣ какой-то экипажъ; молодой, красивый кучеръ стоялъ возлѣ.

— Не проѣзжалъ ли здѣсь,—спросилъ я его,—баринъ, высокій, въ соломенной шляпѣ, и не одинъ—съ барышней?

— Я никого не видалъ,—отвѣчалъ нехотя кучеръ.

— Да ты съ кѣмъ здѣсь?

— Съ господами.

— Какъ ихъ зовутъ?

— А вамъ на что?

— Экой ты, братецъ, какой! не было бы дѣла, такъ и не спрашивалъ бы.

Кучеръ посмотрѣлъ на меня испытующимъ взглядомъ и улыбнулся; видъ мой, казалось, его лучше расположилъ въ мою пользу.

— Коли дѣло есть, такъ имя сами должны знать, кого вамъ надо?

— Экой ты камень какой! ну, надобно мнѣ барина, котораго К. зовутъ.

Кучеръ еще улыбнулся и, указывая пальцемъ на кладбище, сказалъ:

— Вотъ вдали-то, видите, чернѣетъ? это самый онъ и есть, и барышня съ нимъ; шляпки-то не взяли, такъ ужъ г. К. свою дали, благо соломенная.—И въ этотъ разъ мы встрѣчались на *кладбищѣ!*

... Она съ легкимъ крикомъ бросилась мнѣ на шею. «И навсегда!»—сказала она. «Навсегда!»—повторилъ я. К. былъ тронутъ, слезы дрожали на его глазахъ; онъ взялъ наши руки и дрожащимъ голосомъ сказалъ: «Друзья, будьте счастливы!». Мы обняли его. Это было наше *дѣйствительное* бракосочетаніе!

Мы были больше часу въ особой комнатѣ Перова трактира, а коляска съ Матвѣемъ еще не пріѣзжала! К. хмурился. Намъ и въ голову не шла возможность несчастья: намъ такъ хорошо было тутъ втроемъ и такъ дома, какъ будто мы и все вмѣстѣ были. Передъ окнами была роща, снизу слышалась музыка, и раздавался цыганскій хоръ; день послѣ грозы былъ прекрасный.

Полицейской погони со стороны княгини я не боялся, какъ К.: я зналъ, что она изъ спѣси не замѣшаетъ квартальнаго въ семейное дѣло. Сверхъ того, она ничего не предпринимала безъ Сенатора, ни Сенаторъ—безъ моего отца; отецъ мой никогда не

согласился бы на то, чтобъ полиція остановила меня въ Москвѣ или подь Москвой, т.-е. чтобъ меня отправили въ Бобруйскъ или въ Сибирь за нарушение высочайшей воли. Опасность могла только быть со стороны тайной полиціи, но все было сдѣлано такъ быстро, что ей трудно было знать; да если она что-нибудь и провѣдала, то кому же придется въ голову, чтобъ человѣкъ, тайно возвратившійся изъ ссылки, который увозить свою невѣсту, спокойно сидѣлъ въ Перовомъ трактирѣ, гдѣ народъ толчется съ утра до ночи?

Явился, наконецъ, и Матвѣй съ коляской. «Еще бокаль—командоваль К.,—и въ путь!» И вотъ мы одни, т.-е. вдвоемъ, несемся по Владимірской дорогѣ. ⁴

Въ Буньковѣ, пока мѣняли лошадей, мы взошли на постоянный дворъ ¹⁾. Старушка хозяйка пришла спросить, не надо ли чего подать, и, добродушно глядя на насъ, сказала: «Какая хозяйюшка-то у тебя молоденькая да пригожая, и оба-то вы, Господь съ вами, парочка». Мы покраснѣли до ушей, не смѣли взглянуть другъ на друга и спросили чаю, чтобъ скрыть смущеніе. На другой день, часу въ шестомъ мы приѣхали во Владиміръ. Время терять было нечего. Я бросился, оставивъ у одного стараго семейнаго чиновника ²⁾ невѣсту, узнать, все ли готово. ⁵ Но кому же было готовить во Владимірѣ?

Вездѣ не безъ добрыхъ людей. Во Владимірѣ стоялъ тогда Сибирскій уланскій полкъ; я мало былъ знакомъ съ офицерами, но, встрѣчаясь довольно часто съ однимъ изъ нихъ ³⁾ въ публичной библіотекѣ, я сталъ съ нимъ кланяться; онъ былъ очень учтивъ и милъ. Съ мѣсяць спустя онъ признался мнѣ, что зналъ меня и мою исторію 1834 года, рассказалъ, что онъ самъ изъ студентовъ московскаго университета. Уѣзжая изъ Владиміра и отыскивая, кому поручить разныя хлопоты, я подумалъ объ офицерѣ, поѣхалъ къ нему и прямо рассказалъ, въ чемъ дѣло. Онъ, искренно тронутый моею довѣренностью, пожалъ мнѣ руку, все обѣщалъ и все исполнилъ.

Офицеръ ожидалъ меня во всей формѣ: съ бѣлыми отворотами, съ киверомъ безъ чехла, съ лядункой черезъ плечо, со всякими шнурками. Онъ сообщилъ мнѣ, что архіерей разрѣшилъ священнику вѣнчать, но велѣлъ предварительно показать метрическое свидѣтельство. Я отдалъ офицеру свидѣтельство, а самъ отправился къ другому молодому человѣку, тоже изъ московскаго универси-

¹⁾ Большое село Богородскаго у. Московской губ., извѣстное лихостью своихъ ямщиковъ и нарядностью выѣздовъ.

²⁾ Константинъ Петровичъ Смирновъ.

³⁾ Шишковскій.

тета ¹⁾. Онъ служилъ свои *два губернскихъ* года, по новому положенію, въ канцеляріи губернатора и пропадалъ отъ скуки. — «Хотите быть шаферомъ?» — У кого? — «У меня». — Какъ у васъ? — «Да, да, у меня!» — Очень радъ! Когда? — «Сейчасъ». — Онъ думалъ, что я шучу, но когда я ему наскоро сказалъ, въ чемъ дѣло, онъ вспрыгнулъ отъ радости. Быть шаферомъ на тайной свадьбѣ, хлопотать, можетъ, попасть подъ слѣдствіе, и все это въ маленькомъ городѣ безъ всякихъ разсѣяній... Онъ тотчасъ обѣщаль достать для меня карету, четверку лошадей и бросился къ комоду смотрѣть, есть ли чистый бѣлый жилетъ.

Въхавши отъ него, я встрѣтилъ моего улана: онъ везъ на колѣняхъ священника. Представьте себѣ пестраго, разнаряженнаго офицера на маленькихъ дрожкахъ съ дороднымъ попомъ, украшеннымъ большой, расчесанной бородой, въ шелковой рясѣ, которая цѣплялась за всѣ ненужности уланской сбруи. Одна эта сцена могла бы обратить на себя вниманіе не только улицы, идущей отъ владимірскихъ Золотыхъ Воротъ, но и парижскихъ бульваровъ или самой Режентъ-стритъ. А уланъ и не подумалъ объ этомъ, да и я подумалъ уже послѣ. Священникъ ходилъ по домамъ съ молебномъ, — это былъ Николинъ день, и мой кавалеристъ насилу гдѣ-то его поймалъ и взялъ въ реквизицію. Мы поѣхали къ архіерею.

Для того, чтобъ понять, въ чемъ дѣло, надобно рассказать, какъ вообще архіерей могъ быть замѣшанъ въ него. За день до моего отъѣзда священникъ ²⁾, согласившійся вѣнчать, вдругъ объявилъ, что безъ разрѣшенія архіерея онъ вѣнчать не станетъ, что онъ что-то слышалъ, что онъ боится. Сколько мы ни ораторствовали съ уланомъ, священникъ уперся и стоялъ на своемъ. Уланъ предложилъ попробовать ихъ полкового попа. Священникъ этотъ, бритый, стриженный, въ длинномъ долгополомъ сюртукѣ, въ сапогахъ сверхъ штановъ, смиренно курившій изъ солдатской трубочки, хотя и былъ тронутъ нѣкоторыми подробностями нашего предложенія, но вѣнчать отказался, говоря, и притомъ на какомъ-то польско-бѣлорусскомъ нарѣчій, что имъ строго на строго заказано вѣнчать «цивильныхъ». — «А намъ еще строже запрещено быть свидѣтелями и шаферами безъ позволенія, — замѣтилъ ему офицеръ, — а, вѣдь, вотъ я иду же».

— Инное дѣло, предъ Іезусомъ инное дѣло.

— Смѣлымъ владѣть Богъ, — сказалъ я улану; — я ѣду сейчасъ къ архіерею. Да кстати, зачѣмъ же вы не спросите позволенія?

¹⁾ Мелкомъ Каспаровичъ Ломизе.

²⁾ Іоаннъ Остроумовъ.

— Ненужно. Полковникъ скажетъ женѣ, а та разболтаетъ; да еще, пожалуй, онъ не позволитъ.

Владимірскій архіерей Парѣеній былъ умный, суровый и грубый старикъ; распорядительный и своеобразный, онъ равно могъ быть губернаторомъ или генераломъ, да еще, я думаю, генераломъ онъ былъ бы больше на мѣстѣ, чѣмъ монахомъ; но случилось иначе, и онъ управлялъ своей епархіей, какъ управлялъ бы дивизіей на Кавказѣ. Я въ немъ, вообще, замѣчалъ гораздо больше свойствъ администратора, чѣмъ живого мертвеца. Онъ, впрочемъ, былъ больше человѣкъ крутой, чѣмъ злой; какъ всѣ дѣловые люди, онъ понималъ вопросы быстро, рѣзко и бѣсился, когда ему толковали вздоръ или не понимали его. Съ такими людьми, вообще, гораздо легче объясняться, чѣмъ съ людьми мягкими, но слабыми и нерѣшительными. По обыкновенію всѣхъ губернскихъ городовъ, я послѣ пріѣзда во Владиміръ зашелъ разъ послѣ обѣдни къ архіерею. Онъ радушно меня принялъ, благословилъ и потчевалъ семгой; потомъ пригласилъ когда-нибудь пріѣхать посидѣть вечеромъ, потолковать, говоря, что у него слабѣютъ глаза, и онъ читать по вечерамъ не можетъ. Я былъ раза два-три; онъ говорилъ о литературѣ, зналъ всѣ новыя русскія книги, читалъ журналы. Итакъ, мы съ нимъ были, какъ нельзя лучше. Тѣмъ не менѣе не безъ страха постучался я въ его архипастырскую дверь.

День былъ жаркій. Преосвященный Парѣеній принялъ меня въ саду. Онъ сидѣлъ подъ большой тѣнистой липой, снявъ клобукъ и распустивъ свои сѣдые волосы. Передъ нимъ стоялъ безъ шляпы, на самомъ солнцѣ, статный плѣшивый протопопъ и читалъ вслухъ какую-то бумагу; лицо его было багрово, и крупныя капли пота выступали на лбу; онъ щурился отъ ослѣпительной бѣлизны бумаги, освѣщенной солнцемъ,—и ни онъ не смѣлъ подвинуться, ни архіерей ему не говорилъ, чтобъ онъ отошелъ.

— Садитесь,—сказалъ онъ мнѣ, благословляя,— мы сейчасъ кончимъ, это наши консисторскія дѣлишки. Читай!—прибавилъ онъ протопопу, и тотъ, обтершись синимъ платкомъ и откашлянувъ въ сторону, снова принялся за чтеніе.

— Что скажете новаго?—спросилъ меня Парѣеній, отдавая перо протопопу, который воспользовался сей вѣрной оказіей, чтобъ поцѣловать руку.

Я рассказалъ ему объ отказѣ священника.

— У васъ есть свидѣтельства?

Я показалъ губернаторское разрѣшеніе.

— Только-то?

— Только.

Пароеній улыбнулся.

— А со стороны невѣстры?

— Есть метрическое свидѣтельство, его привезутъ въ день свадьбы.

— Когда свадьба?

— Черезъ два дня.

— Что же, вы нашли домъ?

— Нѣтъ еще.

— Ну, вотъ видите, — сказалъ мнѣ Пароеній, кладя палецъ за губу и растягивая себѣ ротъ, зацѣпивши имъ за щеку, — одна изъ его любимыхъ игрушекъ. Вы человѣкъ умный и начитанный, ну, а стараго воробья на мякинѣ вамъ не провести. У васъ тутъ что-то неладно; такъ вы, коли уже пожаловали ко мнѣ, лучше расскажите мнѣ ваше дѣло по совѣсти, какъ на духу. Ну, я тогда прямо вамъ и скажу, что можно и чего нельзя, во всякомъ случаѣ совѣтъ дамъ не къ худу.

Мнѣ казалось мое дѣло такъ чисто и право, что я рассказаль ему все, разумѣется, не вступая въ ненужныя подробности. Старикъ слушалъ внимательно и часто смотрѣлъ мнѣ въ глаза. Оказалось, что онъ давнишній знакомый съ княгиней и долею могъ, стало быть, самъ провѣрить истину моего рассказа.

— Понимаю, понимаю, — сказалъ онъ, когда я кончилъ. Ну, дайте-ка, я напишу отъ себя письмо къ княгинѣ.

— Будьте увѣрены, что всѣ мирныя средства ни къ чему не поведутъ: капризы, ожесточеніе, все это зашло слишкомъ далеко. Я вашему преосвященству все рассказаль такъ, какъ вы желали; теперь я прибавлю: если вы мнѣ откажете въ помощи, я буду принужденъ тайкомъ, воровски, за деньги слѣблатъ то, что дѣлаю теперъ безъ шума, но прямо и открыто. Могу увѣрить васъ въ одномъ: ни тюрьма, ни новая ссылка меня не остановятъ.

— Видишь, — сказалъ Пароеній, вставая и потягиваясь, — приткой какой! тебѣ все еще мало Перми-то, не укатали крутыя горы. Что, я развѣ говорю, что запрещаю? Вѣнчайся себѣ, пожалуй, противозаконнаго ничего нѣтъ; но лучше бы было семейно да кротко. Пришлите-ка ко мнѣ вашего попа, уломаю его какъ-нибудь; ну, только одно помните: безъ документовъ со стороны невѣсты и не пробуйте. Такъ «ни тюрьма, ни ссылка»?.. Ишь какіе нынче, подумаешь, люди стали! Ну, Господь съ вами, въ добрый часъ, а съ княгиней-то вы меня поссорите.

Итакъ, въ нашъ заговоръ, сверхъ улана, вступилъ высокопреосвященный Пароеній, архіепископъ владимірскій и суздальскій.

Когда я предварительно просилъ у губернатора дозволеніе, я

вовсе не представлялъ моего брака тайнымъ; это было вѣрнѣйшее средство, чтобъ никто не говорилъ, и чего же было естественнѣе прїѣзда моей невѣсты во Владиміръ, когда я былъ лишень права изъ него выѣхать? Тоже естественно было и то, что въ такомъ случаѣ мы желали вѣнчаться, какъ можно скромнѣе.

Когда мы со священникомъ прїѣхали 9 мая къ архіерею, намъ послушникъ его объявилъ, что онъ съ утра уѣхалъ въ свой загородный домъ и до ночи не будетъ. Былъ уже восьмой часъ вечера,— послѣ десяти вѣнчать нельзя, слѣдующій день была суббота. Что дѣлать? Священникъ трусилъ. Мы взошли къ іеромонаху, духовнику архіерея. Монахъ пилъ чай съ ромомъ и былъ въ самомъ благодушномъ настроеніи. Я разсказалъ ему дѣло, онъ мнѣ налилъ чашку чая и настоятельно требовалъ, чтобъ я прибавилъ рому; потомъ онъ вынулъ огромные серебряные очки, прочиталъ свидѣтельство, повернулъ его, посмотрѣлъ съ той стороны, гдѣ ничего не было написано, сложилъ и, отдавая священнику, сказалъ: «Въ наисовершеннѣйшемъ порядкѣ». Священникъ все еще мялся. Я говорилъ стцу іеромонаху, что если я сегодня не обвиняюсь, мнѣ будетъ страшное разстройство. «Что откладывать,—сказалъ іеромонахъ,—я доложу преосвященнѣйшему; повѣнчайте, отецъ Іоаннъ, повѣнчайте—во имя Отца и Сына и Святаго Духа—аминь!». Попу нечего было говорить; онъ поѣхалъ писать обыскъ, я поскакалъ за Natalie.

...Когда мы выѣзжали изъ Золотыхъ Воротъ вдвоемъ, безъ чужихъ, солнце, до тѣхъ поръ закрытое облаками, ослѣпительно освѣтило насъ послѣдними ярко-красными лучами да такъ торжественно и радостно, что мы сказали въ одно слово: «вотъ наши провожатые!». Я помню ея улыбку при этихъ словахъ и пожатіе руки.

Маленькая Ямская церковь, верстахъ въ трехъ отъ города, была пуста, не было ни пѣвчихъ, ни зажженныхъ паникадилъ. Человѣкъ пять простыхъ уланъ взошли мимоходомъ и вышли. Старый дьячокъ пѣлъ тихимъ и слабымъ голосомъ; Матвѣй со слезами радости смотрѣлъ на насъ; молодые шафера стояли за нами съ тяжелыми вѣнцами, которыми перевѣнчали всѣхъ владимірскихъ ямщиковъ. Дьячокъ подавалъ дрожащей рукой серебряный ковшъ единенія... Въ церкви становилось темно, только нѣсколько мѣстныхъ свѣчъ горѣло. Все это было или казалось намъ необыкновенно изящно именно своей простотой. Архіерей проѣхалъ мимо и, увидя отворенныя двери въ церкви, остановился и послалъ спросить, что дѣлается; священникъ, нѣсколько поблѣднѣвшій, самъ вышелъ къ нему и черезъ минуту возвратился съ веселымъ видомъ и сказалъ

намъ: «Высокопреосвященнѣйшій посылаетъ вамъ свое архипастырское благословеніе и велѣлъ сказать, что онъ молится о васъ». 6.

Когда мы ѣхали домой, вѣсть о таинственномъ бракѣ разнеслась по городу, дамы ждали на балконахъ, окна были открыты; я опустилъ стекла въ каретѣ и нѣсколько досадовалъ, что сумерки мѣшали мнѣ показать «молодую».

Дома мы выпили съ шаферами и Матвѣемъ двѣ бутылки вина, шафера посидѣли минутъ двадцать, и мы остались одни, и намъ опять, какъ въ Перовѣ, это казалось такъ естественно, такъ просто, само собою понятно, что мы совсѣмъ не удивлялись, а потомъ мѣсяцы цѣлые не могли надивиться тому же.

У насъ было три комнаты, мы сѣли въ гостиной за небольшимъ столомъ и, забывая усталъ послѣднихъ дней, проговорили часть ночи...

Толпа чужихъ на брачномъ пирѣ мнѣ всегда казалось чѣмъ-то грубымъ, неприличнымъ, почти циническимъ; къ чему это преждевременное снятіе покрывала съ любви, это посвященіе людей постороннихъ, хладнокровныхъ въ семейную тайну? Какъ должны оскорблять бѣдную дѣвушку, выставленную всенародно въ качествѣ *невѣсты*, всѣ эти битыя привѣтствія, тертыя пошлости, тупые намеки... Ни одно деликатное чувство не пощажено, роскошь брачнаго ложа, прелесть ночной одежды выставлены не только на удивленіе гостямъ, но всѣмъ праздношатающимся. А потомъ, первые дни начинающейся новой жизни, въ которыхъ дорога каждая минута, въ которые слѣдовало бы бѣжать куда-нибудь вдаль, въ уединеніе, проводятся за безконечными обѣдами, за утомительными балами, въ толпѣ, точно на смѣхъ.

На другой день утромъ мы нашли въ залѣ два куста розъ и огромный букетъ. Милая, добрая Юлія Ѳедоровна (жена губернатора), принимавшая горячее участіе въ нашемъ романѣ, прислала ихъ. Я обнялъ и расцѣловалъ губернаторскаго лакея, и потомъ мы поѣхали къ ней самой. Такъ какъ приданое «молодой» состояло изъ двухъ платьевъ,—одного дорожнаго и другого вѣнчальнаго, то она и отправилась въ вѣнчальномъ.

Отъ Юліи Ѳедоровны мы заѣхали къ архіерею; старикъ самъ повелъ насъ въ садъ, самъ нарѣзалъ букетъ цвѣтовъ, рассказалъ Natalie, какъ я его страшалъ своей собственной гибелью, и въ заключеніе совѣтовалъ заниматься хозяйствомъ. «Умѣете ли вы солить огурцы?»—спросилъ онъ Natalie. «Умѣю»,—отвѣчала она, смѣясь.—«Охъ, плохо вѣрится. А, вѣдь, это необходимо». 7

Вечеромъ я написалъ письмо къ моему отцу. Я просилъ его не сердиться на конченное дѣло и, «такъ какъ Богъ соединилъ

насъ», простить меня и присовокупить свое благословеніе. Отецъ мой обыкновенно писалъ мнѣ нѣсколько строкъ разъ въ недѣлю; онъ не ускорилъ ни однимъ днемъ отвѣта и не отдалилъ его; даже начало письма было, какъ всегда: «Письмо твое отъ 10 мая я третьяго дня, въ пять часовъ съ половиною получилъ и изъ него не безъ огорченія узналъ, что Богъ тебя соединилъ съ Наташей. Я волѣ Божіей ни въ чемъ не перечу и слѣпо покоряюсь искушеніямъ, которыя онъ ниспосылаетъ на меня. Но такъ какъ деньги мои, а ты не счелъ нужнымъ сообразоваться съ моею волей, то и объявляю тебѣ, что я къ твоему прежнему окладу, тысячѣ рублей серебромъ въ годъ, не прибавлю ни копѣйки».

Какъ мы смѣялись отъ чистаго сердца этому раздѣлу духовной и свѣтской власти! ⁸

А куда какъ надобно было прибавить! Деньги, которыя я занялъ, выходили. У насъ не было ничего, да, вѣдь, рѣшительно ничего: ни одежды, ни бѣлья, ни посуды. Мы сидѣли подъ арестомъ въ маленькой квартирѣ, потому что не въ чемъ было выйти. ⁹ Матвѣй, изъ экономическихъ видовъ, сдѣлалъ отчаянный опытъ превратиться въ повара, но, кромѣ бифштекса и котлетъ, онъ не умѣлъ ничего дѣлать и потому держался больше вещей по натурѣ готовыхъ: ветчины, соленой рыбы, молока, яицъ, сыру и какихъ-то пряниковъ съ мятой, необычайно твердыхъ и не первой молодости. Обѣдъ былъ для насъ безконечнымъ источникомъ смѣха: иногда молоко подавалось сначала, это значило супъ; иногда послѣ всего, вмѣсто десерта. За этими спартанскими трапезами мы вспоминали, улыбаясь, длинную процессію священнодѣйствія обѣденнаго стола у княгини и у моего отца, гдѣ полдюжина официантовъ бѣгала изъ угла въ уголь съ чашками и блюдами, прикрывая торжественной *mise en scène* ¹⁾, въ сущности, очень незатѣйливый обѣдъ.

Такъ бѣдствовали мы и пробивались съ годъ времени. Химикъ прислалъ десять тысячъ асс., изъ нихъ больше шести надобно было отдать долгу, остальные сдѣлали большую помощь. Наконецъ, и отцу моему надоѣло брать насъ, какъ крѣпость, голodomъ: онъ не прибавляя къ окладу, сталъ присылать денежные подарки, несмотря на то, что я ни разу не заикнулся о деньгахъ послѣ его знаменитаго *distinguo!* ²⁾

Я принялся искать другую квартиру. За Лыбедью отдавался въ наймы запущенный большой барскій домъ съ садомъ. Онъ

¹⁾ Постановкой.

²⁾ «Соглашаюсь, хотя и отрицаю» — формула схоластиковъ.

принадлежалъ вдовѣ какого-то князя ¹⁾), проигравшагося въ карты, и отдавался особенно дешево оттого, что былъ далекъ, неудобенъ, а главное, оттого, что княгиня выговаривала небольшую часть его, ничѣмъ не отдѣленную, для своего сына, баловня лѣтъ тридцати, и для его прислуги. Никто не соглашался на это черезполосное владѣніе; я тотчасъ согласился; меня прельстила высота комнатъ, размѣръ оконъ и большой тѣнистый садъ. Но именно эта высота и эти размѣры пресмѣшно противорѣчили совершенному отсутствію всякой движимой собственности, всѣхъ вещей первой необходимости. Ключница княгини, добрая старушка, очень неравнодушная къ Матвѣю, снабжала насъ на свой страхъ то скатертью, то чашками, то простынями, то вилками и ножами.

Какіе свѣтлые, безмятежные дни проводили мы въ маленькой квартирѣ въ три комнаты у Золотыхъ Воротъ и въ огромномъ домѣ княгини!.. ¹⁰ Въ немъ была большая зала, едва меблированная; иногда насъ брало такое ребячество, что мы бѣгали по ней, прыгали по стульямъ, зажигали свѣчи во всѣхъ канделабрахъ, прибитыхъ къ стѣнѣ, и, освѣтивъ залу а giugno ²⁾), читали стихи. Матвѣй и горничная, молодая гречанка, участвовали во всемъ и дурачились не меньше насъ. Порядокъ «не торжествовалъ» въ нашемъ домѣ.

И со всѣмъ этимъ ребячествомъ, жизнь наша была полна глубокой серьезности. Зброшенные въ маленькомъ городкѣ, тихомъ и мирномъ, мы вполне были отданы другъ другу. Изрѣдка приходила вѣсть о комъ-нибудь изъ друзей, нѣсколько словъ горячей симпатіи, и потомъ опять одни, совершенно одни. Но въ этомъ одиночествѣ грудь наша не была замкнута счастьемъ, а, напротивъ, была больше, чѣмъ когда-либо, раскрыта всѣмъ интересамъ; мы много жили тогда и во всѣ стороны, думали и читали, отдавались всему и снова сосредоточивались на нашей любви; мы свѣряли наши думы и мечты и съ удивленіемъ видѣли, какъ бесконечно шло наше сочувствіе, какъ во всѣхъ тончайшихъ, пропадающихъ изгибахъ и развѣтвленіяхъ чувствъ и мыслей, вкусовъ и антипатій все было родное, созвучное. Только въ томъ и была разница, что Natalie вносила въ нашъ союзъ элементъ тихій, кроткій, граціозный, элементъ молодой дѣвушки со всей поэзіей любящей женщины, а я — живую дѣятельность, мое *semper in motu* ³⁾,

¹⁾ Долгорукова.

²⁾ Ярко, какъ днемъ.

³⁾ Всегда въ движеніи.

безпредѣльную любовь да, сверхъ того, путаницу серьезныхъ идей, смѣха, *опасныхъ* мыслей и кучу несбыточныхъ проектовъ. »

... «Мои желанія остановились. Мнѣ было довольно, я жилъ въ настоящемъ, ничего не ждалъ отъ завтрашняго дня, беззаботно вѣрилъ, что онъ и не возьметъ ничего. Личная жизнь не могла больше дать, это былъ предѣлъ; всякое измѣненіе должно было съ какой-нибудь стороны уменьшить его.

«Весною пріѣхалъ Огаревъ изъ своей ссылки на нѣсколько дней. Онъ былъ тогда во всей силѣ своего могучаго развитія; вскорѣ приходилось и ему пройти скорбнымъ испытаніемъ; минутами онъ будто чувствовалъ, что бѣда возлѣ, но еще могъ отворачиваться и принимать за мечту занесенную руку судьбы. Я и самъ думалъ тогда, что эти тучи разсѣются; беззаботность свойственна всему молодому и не лишенному силъ, въ ней выражается довѣріе къ жизни, къ себѣ. Чувство полного обладанія своей судьбой усыпляетъ насъ... а темныя силы, а черные люди влекутъ, не говоря ни слова, на край пропасти.

«И хорошо, что человѣкъ или не подозрѣваетъ, или умѣетъ не видѣть, забыть. Полнаго счастья нѣтъ съ тревогой; полное счастье покойно, какъ море во время лѣтней тишины. Тревога даетъ свое болѣзненное, лихорадочное упоеніе, которое нравится, какъ ожиданіе карты, но это далеко отъ чувства гармоническаго безконечнаго мира. А потому, сонъ или нѣтъ, но я ужасно высоко цѣню это довѣріе къ жизни, пока жизнь не возразила на него, не разбудила... Мрутъ же китайцы изъ-за грубаго упоенія опиумомъ...»

Такъ оканчивалъ я эту главу въ 1853 году, такъ окончу ее и теперь.

ГЛАВА XXIV.

13 ЮНЯ 1839 ГОДА.

Разъ, длиннымъ зимнимъ вечеромъ въ концѣ 1838 сидѣли мы, какъ всегда, одни, читали и не читали, говорили и молчали и молча продолжали говорить. На дворѣ сильно морозило, и въ комнатѣ было совсѣмъ не тепло. Наташа чувствовала себя нездоровой и лежала на диванѣ, покрывшись мантильей; я сидѣлъ возлѣ на полу; чтеніе не налаживалось; она была разсѣянна, думала о другомъ, ее что-то занимало, она мѣнялась въ лицѣ. «Александръ,— сказала она,— у меня есть тайна; поди сюда поближе, я тебѣ скажу на ухо или нѣтъ,— отгадай». Я отгадалъ, но потребовалъ, чтобъ она сказала ее: мнѣ хотѣлось слышать отъ нея эту новость. Она *сказала мнѣ*, и мы взглянули другъ на друга въ какомъ-то волненіи и со слезами на глазахъ.

..Какъ человѣческая грудь богата на ощущеніе счастья, на радость, лишь бы люди умѣли имъ отдаваться, не развлекаясь пустяками. Настоящему мѣшаетъ обыкновенно внѣшняя тревога, дустыя заботы, раздражительная строптивость,—весь этотъ соръ, который къ полудню жизни наноситъ суета суетъ и глупое устройство нашего обихода. Мы тратимъ, пропускаемъ сквозь пальцы лучшія минуты, какъ будто ихъ и не вѣсть сколько въ запасѣ. Мы обыкновенно думаемъ о завтрашнемъ днѣ, о будущемъ годѣ въ то время, какъ надобно обѣими руками уцѣпиться за чашу, налитую черезъ край, которую протягиваетъ сама жизнь, не прошенная, съ обычной щедростью своей,—и пить, и пить, пока чаша не перешла въ другія руки: природа долго потчевать и предлагать не любитъ.

Что, кажется, можно было бы прибавить къ нашему счастью, а между тѣмъ вѣсть о будущемъ младенцѣ раскрыла новыя, со-всѣмъ невѣданныя нами области сердца, упоеній, тревогъ и надеждъ.

Нѣсколько испуганная и встревоженная любовь становится нѣжнѣе, заботливѣе ухаживаетъ; изъ эгоизма двухъ она дѣлается не только эгоизмомъ трехъ, но самоотверженіемъ двухъ для третьяго. Семья начинается съ дѣтей. Новый элементъ вступаетъ въ жизнь, какое-то таинственное лицо стучится въ нее,—гость, который есть и котораго нѣтъ, но который уже необходимъ, котораго страстно ждутъ. Кто онъ? Никто не знаетъ, но кто бы онъ ни былъ, онъ—счастливый незнакомецъ; съ какой любовью его встрѣчаютъ у порога жизни!

А тутъ мучительное безпокойство: родится ли онъ живымъ, или нѣтъ? Столько несчастныхъ случаевъ... Докторъ улыбается на вопросы; «онъ ничего не смыслить или не хочетъ говорить»; отъ постороннихъ все еще скрыто; не у кого спросить, да и совѣстно.

Но вотъ младенецъ подаетъ знаки жизни. Я не знаю выше и религіознѣе чувства, какъ то, которое наполняетъ душу при осязани первыхъ движеній будущей жизни, рвущейся наружу, расправляющей свои не готовые мышцы; это—первое рукоположеніе, которымъ отецъ благословляетъ на бытіе грядущаго пришельца и уступаетъ ему долю своей жизни.

«Моя жена,—сказаль мнѣ разъ одинъ французскій буржуа,—моя жена,—онъ осмотрѣлся и, видя, что ни дамъ, ни дѣтей нѣтъ, прибавилъ въ полслуха—беременна».

Дѣйствительно, путаница всѣхъ нравственныхъ понятій такова, что беременность считается чѣмъ-то неприличнымъ; требуя отъ человѣка безусловнаго уваженія къ матери, какова бы она ни была, завѣшиваютъ тайну рожденія не изъ чувства уваженія, внутренней скромности, а изъ приличія. Все это—идеальное распутство, монашескій развратъ, проклятое закланіе плоти; все это—несчастный дуализмъ, въ которомъ насъ тянутъ, какъ магдебургскія полушарія, въ двѣ разныя стороны. Жанъ Деруанъ ¹⁾, несмотря на свой социализмъ, намекаетъ въ «Almanach des femmes», что со временемъ дѣти будутъ родиться иначе. Какъ иначе?—Такъ, какъ ангелы рождаются.—Ну, оно и ясно.

Честь и слава нашему учителю, старому реалисту Гете: онъ осмѣлился рядомъ съ непорочными дѣвами романтизма поставить беременную женщину и не побоялся своими могучими стихами

¹⁾ Французскій публицистъ.

извѣять измѣнившуюся форму *будущей* матери, сравнивая ее съ гибкими членами будущей женщины.

Дѣйствительно, женщина, несущая вмѣстѣ съ памятью былого упоенья весь крестъ любви, все бремя ея, жертвующая красотой, временемъ, страданіемъ, питающая своею грудью,—одинъ изъ самыхъ изящныхъ и трогательныхъ образовъ.

Въ римскихъ элегіяхъ, въ «Ткачихѣ»¹⁾, въ Гретхенъ и ея отчаянной молитвѣ, Гете выразилъ все торжественное, чѣмъ природа окружаетъ созрѣвающій плодъ, и всѣ терніи, которыми вѣнчаетъ общество этотъ сосудъ будущаго.

Бѣдныя матери, скрывающія, какъ позоръ, слѣды любви! Какъ грубо и безжалостно гонить ихъ міръ, и гонить въ то время, когда женщинѣ такъ нуженъ покой и привѣтъ, дико отравляя ей тѣ незамѣнимыя минуты полноты, въ которыя жизнь, слабѣя, склоняется подъ избыткомъ счастья...

...Съ ужасомъ открывается мало-по-малу тайна; несчастная мать сперва старается убѣдиться, что ей только показалось, но вскорѣ сомнѣніе невозможно; отчаяніемъ и слезами сопровождаетъ она всякое движеніе младенца; она хотѣла бы остановить тайную работу жизни, вести ее назадъ, она ждетъ несчастья, какъ милосердія; какъ прощенія, а неотвратимая природа идетъ своимъ путемъ: она здорова, молода!

Заставить, чтобъ мать *желала* смерти своего ребенка, а иногда и больше—сдѣлать изъ нея его палача, а потомъ ее казнить нашимъ палачомъ или покрыть ее позоромъ, если сердце женщины возьметъ верхъ,—какое умное и нравственное устройство!

И кто взвѣсилъ, кто подумалъ о томъ, что и что было въ этомъ сердцѣ, пока мать переходила страшную тропу отъ любви до страха, отъ страха до отчаянія, отъ отчаянія до преступленія, до безумія, потому что дѣтоубійство есть фізіологическая нелѣпость. Вѣдь, были же и у нея минуты забвенія, въ которыя она страстно любила своего будущаго малютку, и тѣмъ больше, что его существованіе была тайна между ними двумя; было же время, въ которое она мечтала объ его маленькой ножкѣ, объ его молочной улыбкѣ, цѣловала его во снѣ, находила въ немъ сходство съ кѣмъ-то, который былъ ей такъ дорогъ...

«Да чувствуютъ ли онѣ это? Конечно, есть несчастныя жертвы... но... но другія, но вообще?»

Мудрено, кажется, пасть далѣе этихъ летучихъ мышей, шныряющихъ въ ночное время, середь тумана и слякоти по лондон-

¹⁾ «Праха»—«Die Spinnerin».

скимъ улицамъ, этихъ жертвъ неразвитія, бѣдности и голода, которыми общество обороняетъ честныхъ женщинъ отъ излишней страстности ихъ поклонниковъ... Конечно, въ нихъ всего труднѣе предположить слѣдъ материнскихъ чувствъ. Не правда ли?

Позвольте же мнѣ рассказать вамъ небольшое происшествіе, случившееся со мною. Года три тому назадъ я встрѣтился съ одной красивой и молодой дѣвушкой. Она принадлежала къ почетному гражданству разврата, т.-е. не «дѣлала» демократически «тротуаръ», а буржуазно жила на содержаніи у какого-то купца. Это было на публичномъ балу; пріятель, бывший со мною, зналъ ее и пригласилъ выпить съ нами на хорахъ бутылку вина; она, разумѣется, приняла приглашеніе. Это было существо веселое, беззаботное и, навѣрное, какъ Лаура въ «Каменномъ гостѣ» Пушкина, никогда не заботившаяся о томъ, что тамъ, гдѣ-то далеко, въ Парижѣ, холодно, слушая, какъ сторожъ въ «Мадридѣ»¹⁾ кричитъ «ясно»... Допивши послѣдній бокаль, она снова бросилась въ тяжелый вихрь англійскихъ танцевъ, и я потерялъ ее изъ виду.

Нынѣшней зимой, въ ненастный вечеръ, я пробирался черезъ улицу подъ аркаду въ Пель-Мель, спасаясь отъ усилившагося дождя; подъ фонаремъ за аркой стояла, вѣроятно, ожидая добычи и дрожа отъ холода, бѣдно одѣтая женщина. Черты ея показались мнѣ знакомыми; она взглянула на меня, отвернулась и хотѣла спрятаться, но я успѣлъ узнать ее.—«Что съ вами сдѣлалось?»—спросилъ я ее съ участіемъ. Яркій пурпуръ покрывалъ ея исхудалыя щеки; стыдъ ли это былъ, или чахотка, не знаю, только, казалось, не румяны; она въ два года съ половиной состарѣлась на десять.

— Я была долго больна и очень несчастна,—она съ видомъ сильной горести указала мнѣ взглядомъ на свое изношенное платье.

— Да гдѣ же вашъ другъ?

— Убить въ Крыму.

— Да, вѣдь, онъ былъ какой-то купецъ?

Она смѣшалась и, вмѣсто отвѣта, сказала:

— Я и теперь еще очень больна, да къ тому же работы совсѣмъ нѣтъ. А что, я очень перемѣнилась?—спросила она вдругъ, съ смущеніемъ глядя на меня.

— Очень; тогда вы были похожи на дѣвочку, а теперь я готовъ держать пари, что у васъ есть свои дѣти.

Она побагровѣла и съ какимъ-то ужасомъ спросила:

— Отчего же вы это узнали?

¹⁾ Увеселительное заведеніе въ Булонскомъ лѣсу.

— Да, видите, узналъ. Теперь расскажите-ка мнѣ, что съ вами въ самомъ дѣлѣ было?

— Ничего, но только вы правы,—у меня есть маленькій... Если-бъ вы знали,—и при этихъ словахъ лицо ея оживилось,—какой славный! какъ онъ хорошъ! даже сосѣди всѣ удивляются ему. А тотъ-то женился на богатой и уѣхалъ на материкъ. Малютка родился послѣ. Онъ-то и причина моему положенію. Сначала были деньги, я всего накупила ему въ самыхъ большихъ магазинахъ, а тутъ пошло хуже да хуже, я все снесла «на крючокъ»; мнѣ совѣтовали отдать малютку въ деревню; оно, точно, было бы лучше, да не могу; я посмотрю на него, посмотрю,—нѣтъ, лучше вмѣстѣ умирать; хотѣла мѣста искать,—съ ребенкомъ не берутъ. Я воротилась къ матери; она ничего, добрая, простила меня, любитъ маленькаго, ласкаетъ его, да вотъ пятый мѣсяць, какъ отнялись ноги; чтó доктору переплатили и въ аптеку, а тутъ, сами знаете, нынѣшній годъ уголь, хлѣбъ,—все дорого; приходится умирать съ голоду. Вотъ я,—она пріостановилась,—вѣдь, конечно, лучше-бъ броситься въ Темзу, чѣмъ... да малютку-то жаль, на кого же я его оставляю? вѣдь, ужъ онъ очень, очень милъ!

Я далъ ей что-то и, сверхъ того, вынулъ шиллингъ и сказалъ:

— А на это купите что-нибудь вашему малюткѣ. Она съ радостью взяла монету, подержала ее въ рукѣ и вдругъ, отдавая мнѣ ее назадъ, прибавила съ печальной улыбкой:

— Ужъ если вы такъ добры, купите ему тутъ гдѣ-нибудь въ лавкѣ сами что-нибудь, игрушку какую-нибудь; вѣдь, этому бѣдному малюткѣ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ родился, никто еще не подарилъ ничего.

Я съ умиленіемъ взглянулъ на эту *потерянную* женщину и дружески пожалъ ей руку.

Охотники до реабилитаціи всѣхъ этихъ дамъ съ камеліями и съ жемчугами лучше бы сдѣлали, если-бъ оставили въ покоѣ бархатныя мебели и будуары рококо и взглянули бы поближе на несчастный, зябнущій, голодный развратъ,—развратъ роковой, который насильно влечетъ свою жертву по пути гибели и не даетъ ни опомниться, ни раскаяться. Ветшники чаще въ уличныхъ канавахъ находятъ драгоценные камни, чѣмъ подбирая блески мишурнаго платья.

Это мнѣ напомнило бѣднаго умнаго переводчика «Фауста», Жераръ-де-Нерваля ¹⁾, который застрѣлился въ прошломъ году. Онъ въ послѣднее время дней по пяти, по шести не бывалъ дома.

¹⁾ Псевдонимъ G. Labrunie, французскій писатель; покончилъ съ собой въ припадкѣ умственнаго расстройства, въ 1855 г.

Открыли, наконецъ, что онъ проводитъ время въ самыхъ черныхъ харчевняхъ возлѣ заставъ, въ родѣ Поль Нике, что онъ тамъ пере-знакомился съ ворами и со всякой сволочью, поить ихъ, играетъ съ ними въ карты и иногда спитъ подъ ихъ защитой. Его прежніе пріатели стали его уговаривать, стыдить. Нерваль, добродушно защищаясь, разъ сказалъ имъ: «Послушайте, друзья мои, у васъ страшные предразсудки; увѣрю васъ, что общество этихъ людей вовсе не хуже всѣхъ остальныхъ, въ которыхъ я бывалъ». Его подозрѣвали въ сумасшествіи; послѣ этого, я думаю, подозрѣніе перешло въ достовѣрность!

... Роковой день приближался, все становилось страшнѣе и страшнѣе. Я смотрѣлъ на доктора и на таинственное лицо «бабушки» съ подобострастіемъ. Ни Наташа, ни я, ни наша молодая горничная не смыслили ничего; по счастью, къ намъ изъ Москвы пріѣхала, по просьбѣ моего отца, на это время одна пожилая дама, умная, практическая и распорядительная. Прасковья Андреевна ¹⁾, видя нашу безпомощность, взяла самодержавно бразды правленія; я повиновался, какъ негръ.

Разъ ночью слышу, чья-то рука коснулась меня. Открываю глаза: Прасковья Андреевна стоитъ передо мной въ ночномъ чепцѣ и кофтѣ, со свѣчей въ рукахъ; она велитъ послать за докторомъ и за «бабушкой»... Я обмеръ, точно, будто эта новость была для меня совсѣмъ неожиданна. Такъ бы, кажется, выпилъ опиума, повернулся бы на другой бокъ и проспалъ бы опасность... Но, дѣлать было нечего, я одѣлся дрожащими руками и бросился будить Матвѣя.

Десять разъ выбѣгалъ я въ сѣни изъ спальни, чтобъ прислушаться, не ѣдетъ ли издали экипажъ: все было тихо, едва-едва утренній вѣтеръ шедестилъ въ саду, въ тепломъ іюньскомъ воздухѣ; птицы начинали пѣть, алая заря слегка подкрашивала листь, и я снова торопился въ спальню, теребилъ добрую Прасковью Андреевну глупыми вопросами, судорожно жалъ руки Наташѣ, не зналъ, что дѣлать, дрожалъ и былъ въ жару... Но вотъ дрожки простучали по мосту черезъ Лыбедь,—слава Богу, во-время!

Въ одиннадцать часовъ утра я вздрогнулъ, какъ отъ сильнаго электрическаго удара: громкій крикъ новорожденнаго коснулся моего уха. «Мальчикъ!» кричала мнѣ Прасковья Андреевна, идучи къ корыту; я хотѣлъ, было, взять младенца съ подушки, но не могъ: такъ дрожали у меня руки. Мысль объ опасности (которая часто тутъ только начинается), сжимавшая грудь, разомъ исчезла, буйная радость овладѣла сердцемъ, будто въ немъ звонъ во всѣ коло-

¹⁾ Эрнъ, мать М. К. Эрнъ, жившей тогда у И. А. Яковлева.

кола, праздниковъ праздникъ! Наташа улыбалась мнѣ, улыбалась малюткѣ, плакала, смѣялась, и только перерывающееся, спазматическое дыханіе, слабые глаза и смертная блѣдность напоминали о недавнемъ мученіи, о вынесенной борьбѣ.

Потомъ я оставилъ комнату,—я не могъ больше вынести, взошелъ къ себѣ и бросился на диванъ, совершенно обезсиленный, и съ полчаса пролежалъ безъ опредѣленной мысли, безъ опредѣленнаго чувства, въ какой-то боли счастья.

Это измученно-восторженное лицо, эту радость, летающую вмѣстѣ съ началомъ смерти около юнаго чела родильницы, я узналъ потомъ въ Ванъ-Дейковой Мадоннѣ въ римской галлерей Корсини. Младенецъ только-что родился, его подносятъ къ матери: изнеможенная, безъ кровинки въ лицѣ, слабая и томная, она улынулась и остановила на малюткѣ взглядъ усталый и исполненный безконечной любви.

Надобно признаться, дѣва-родильница совсѣмъ не идетъ въ холостую религію христіанства. Съ нею невольно врывается жизнь, любовь, кротость въ вѣчныя похороны, въ страшный судъ и въ другіе ужасы церковной теодицеи.

Оттого-то протестантизмъ и вытолкнулъ *одну* богородицу изъ своихъ сараевъ богослуженія, изъ своихъ фабрикъ слова божія. Она, дѣйствительно, мѣшаетъ христіанскому чину, она не можетъ отдѣлаться отъ своей земной природы, она грѣетъ холодную церковь и, несмотря ни на что, остается женщиной, матерью. Естественными родами мститъ она за неестественное зачатіе и вырываетъ благословеніе своему *чреву* изъ устъ монашескихъ, проклинающихъ все тѣлесное.

Буонаротти и Рафаэль поняли все это кистью.

Въ «Страшномъ судѣ» сикстинской капеллы, въ этой варооломеевской ночи на томъ свѣтѣ, мы видимъ сына божія, идушаго предводительствовать казнями; онъ уже поднялъ руку... онъ даетъ знакъ—и пойдутъ пытки, мученія, раздастся страшная труба, затрещитъ всемірное ауто-да-фе; но женщина-мать, трепещущая и всѣхъ скорбящая, прижалась въ ужасѣ къ нему и умоляетъ его о грѣшникахъ; глядя на нее, можетъ, онъ смягчится, забудетъ свое жесткое «женщина, что тебѣ до меня?» и не подастъ знака.

Сикстинская мадонна—это Миньона послѣ родовъ; она испугана небывалой судьбой, потеряна...

Was hat man dir, du armes Kind, getan? †)

†) Что съ тобою сдѣлали, бѣдное дитя? (изъ стихотворенія Гете «Mignon»).

Внутренній міръ ея разрушенъ; ея увѣрили, что ея сынъ—сынъ божій, что она—богородица; она смотритъ съ какой-то нервной восторженностью, съ магнетическимъ ясновидѣніемъ, она, будто, говоритъ: «Возьмите его, онъ не мой». Но въ то же время прижимаетъ его къ себѣ такъ, что, если-бъ можно, она убѣжала бы съ нимъ куда-нибудь вдаль и стала бы просто ласкать, кормить грудью не спасителя міра, а своего сына. И все это оттого, что она женщина-мать и вовсе не сестра всѣмъ Изидамъ, Реямъ и прочимъ богамъ женскаго пола.

Оттого-то ей и было такъ легко побѣдить холодную Афродиту, эту Нинону Ланкло ¹⁾ Олимпа, о дѣтяхъ которой никто не заботится; Марія съ ребенкомъ на рукахъ, съ кротко потупленными на него глазами, окруженная нимбомъ женственности и святостью званія матери, ближе нашему сердцу, нежели ея златовласая соперница.

Мнѣ кажется, что Пій IX и конклавъ очень послѣдовательно объявили неестественное или, по ихъ, *незапятнанное* зачатіе богородицы. Марія, рожденная, какъ мы съ вами, *естественно* заступаетъ за людей, сочувствуетъ имъ; въ ней прокралось живое примиреніе плоти и духа въ религію. Если и она не по-людски родилась, между ней и нами нѣтъ ничего общаго, ей не будетъ насъ жаль, плоть еще разъ проклята, церковь еще нужнѣе для спасенія.

Жаль, что папа опоздалъ лѣтъ тысячу,—это ужъ такая судьба Пія IX. *Troppo tardi, Santo Padre, siete sempre e sempre—troppo tardi!* ²⁾

Когда я писалъ эту часть «*Было и думъ*», у меня не было нашей прежней переписки. Я ее получилъ въ 1856 году. Мнѣ пришлось, перечитывая ее, поправить два-три мѣста, не больше. Память тутъ мнѣ не измѣнила. Хотѣлось бы мнѣ приложить нѣсколько писемъ Natalie, и съ тѣмъ вмѣстѣ какой-то страхъ останавливаетъ меня, и я не рѣшилъ вопросъ, слѣдуетъ ли еще дальше разоблачать жизнь и не встрѣтятъ ли строки, дорогія мнѣ, холодную улыбку?

Въ бумагахъ Natalie я нашелъ свои записки, писанныя долею до тюрьмы, долею изъ Крутиць. Нѣсколько изъ нихъ я прилагаю къ этой части. Можетъ, онѣ не покажутся лишними для людей, любящихъ слѣдить за всходами личныхъ судебъ; можетъ, они прочтутъ ихъ съ тѣмъ нервнымъ любопытствомъ, съ которымъ мы смотримъ въ микроскопъ на живое развитіе организма.

¹⁾ Ninon de Lenclos—франц. куртизанка XVII ст.

²⁾ Слишкомъ поздно, Святой Отець; вы всегда, всегда слишкомъ поздно!

1 ¹⁾.

15 августа 1832.

Любезная Наталья Александровна!

Сегодня день вашего рожденія; съ величайшимъ желаніемъ хотѣлось бы мнѣ поздравить васъ лично, но, ей-Богу, нѣтъ никакой возможности. Я виноватъ, что давно не былъ, но обстоятельства совершенно не позволили мнѣ по желанію расположить временемъ. Надѣюсь, что вы простите мнѣ, и желаю вамъ полного развитія всѣхъ вашихъ талантовъ и всего запаса счастья, которымъ надѣляется судьба души чистыя.

Преданный вамъ А. Г. ¹²2 ²⁾.

5 или 6 іюля 1833.

Напрасно, Наталья Александровна, напрасно вы думаете, что я ограничусь однимъ письмомъ,—вотъ вамъ и другое. Чрезвычайно пріятно писать къ особамъ, съ которыми есть сочувствіе; ихъ такъ мало, такъ мало, что и дести бумаги не изведешь въ годъ.

Я—кандидатъ, это правда, но золотую медаль дали не мнѣ. Мнѣ серебряная медаль—*одна изъ трехъ!*

А. Г.

Р. S. Сегодня актъ, но я не былъ, ибо не хочу быть вторымъ при полученіи награды.

3 ³⁾.

(Въ началѣ 1834).

Natalie! Мы ждемъ васъ съ нетерпѣніемъ къ намъ. М. надѣется, что, несмотря на вчерашнія угрозы Е. И., и Эмилія Михайловна навѣрное будетъ къ намъ. Итакъ, до свиданья.

Весь вашъ А. Г.

¹⁾ Записочки эти сохранились у Natalie; на многихъ написано ею нѣсколько словъ карандашомъ. Ни одного письма изъ писанныхъ ею въ тюрьму не могло у меня уцѣлѣть: я ихъ долженъ былъ тотчасъ уничтожать.

А. И. Г.

²⁾ См. № 30.³⁾ См. № 45.

4 ¹⁾.

10 декабря 1834, Крутицкія казармы.

Сейчасъ написалъ я къ полковнику письмо, въ которомъ просилъ о пропускѣ *тебѣ*, отвѣта еще нѣтъ. У васъ это труднѣе будетъ обдѣлать, я полагаюсь на маменьку. Тебѣ счастье насчетъ меня: ты была послѣдній изъ моихъ друзей, котораго я видѣлъ передъ взятіемъ (мы разстались съ твердой надеждой увидѣться скоро, въ десятомъ часу, а въ два я уже сидѣлъ въ части), и ты первая опять меня увидишь. Зная тебя, я знаю, что это доставитъ тебѣ удовольствіе; будь увѣрена, что и мнѣ также. Ты для меня родная сестра.

О себѣ много мнѣ нечего говорить, я обжился, привыкъ быть колодникомъ; самое грозное для меня это—разлука съ Огаревымъ: онъ мнѣ необходимъ. Я его ни разу не видалъ, то-есть порядочно; но однажды я сидѣлъ одинъ въ горницѣ (въ комиссіи), допросъ кончился; изъ моего окна видны были освѣщенные сѣни; подали дрожки; я бросился инстинктивно къ окну, отворилъ форточку и видѣлъ, какъ сѣли плацъ-адъютантъ и съ нимъ Огаревъ; дрожки укатились и ему нельзя было меня замѣтить. Неужели намъ суждена гибель, нѣмая, глухая, о которой никто не узнаетъ? Зачѣмъ же природа дала намъ души, стремящіяся къ дѣятельности, къ славлѣ? Неужели это насмѣшка? Но нѣтъ, здѣсь, въ душѣ горитъ вѣра—сильная, живая. Есть Провидѣніе! Я читаю съ восторгомъ Четьи Минеи,—вотъ примѣры самоотверженія, вотъ были люди!

Отвѣтъ получилъ; онъ не веселъ: позволеніе пропустить не даютъ.

Прощай, помни и люби твоего брата.

5 ²⁾.

31 декабря 1834.

Никогда не возьму я на себя той отвѣтственности, которую ты мнѣ даешь, никогда! У тебя есть много *своего*, зачѣмъ же ты такъ отдаешься въ волю мою? Я хочу, чтобъ ты сдѣлала *изъ себя то, что можешь изъ себя сдѣлать*; съ своей стороны, я берусь способствовать этому развитію, отнимать преграды.

Что касается до твоего положенія, оно не такъ дурно для твоего развитія, какъ ты воображаешь. Ты имѣешь большой шагъ

¹⁾ См. № 47.

²⁾ См. № 48.

надъ многими; ты, когда начала понимать себя, очутилась одна, одна во всемъ свѣтѣ. Другіе знали любовь отца и нѣжность матери,—у тебя ихъ не было. Никто не хотѣлъ тобою заняться, ты была оставлена себѣ. Что же можетъ быть лучше для развитія? Благодарю судьбу, что тобою никто не занимался: они тебѣ навѣяли бы чужого, они согнули бы ребяческую душу,—теперь это поздно.

6¹⁾.

8 февраля 1835, Крутицкія казармы.

У тебя, говорятъ, мысль итти въ монастырь; не жди отъ меня улыбки при этой мысли,—я понимаю ее, но ее надобно взвѣсить очень и очень. Неужели мысль любви не волновала твою грудь!? Монастырь—отчаяніе: теперь нѣтъ монастырей для молитвы. Развѣ ты сомнѣваешься, что встрѣтишь человѣка, который тебя будетъ любить, котораго ты будешь любить? Я съ радостью сожму его руку и твою. Онъ будетъ счастливъ. Ежели же этотъ *онъ* не явится,—иди въ монастырь, это въ миллионъ²⁾ разъ лучше пошлаго замужества.

Я понимаю *le ton d'exaltation*²⁾ твоихъ записокъ,—*ты влюблена!* Если ты мнѣ напишешь, что любишь серьезно, я умолкну,—тутъ оканчивается власть брата. Но слова эти мнѣ надобно, чтобы ты сказала. Знаешь ли ты, что такое обыкновенные люди? Они, правда, могутъ составить счастье,—но твое ли счастье, Наташа? Ты слишкомъ мало цѣнишь себя! Лучше въ монастырь, чѣмъ въ толпу. Помни одно, что я говорю это, потому что я твой братъ, *потому что я гордъ за тебя и тобою!*

Отъ Огарева получилъ еще письмо, вотъ выписка:

«L'autre jour donc je repassais dans ma mémoire toute ma vie. Un bonheur, qui ne m'a jamais trahi, c'est ton amitié. De toutes mes passions une seule, qui est restée intacte, c'est mon amitié pour toi, car mon amitié est une passion»³⁾.

...Въ заключеніе еще слово. Если онъ тебя любитъ, что же

¹⁾ См. №№ 49 и 46.

²⁾ Восторженный тонъ.

³⁾ На слѣдующій день я пробѣжалъ въ памяти всю свою жизнь. Счастье, которое меня никогда не обмануло, это—твоя дружба. Изъ всѣхъ моихъ страстей единственная, которая осталась неиспачканной, это—моя дружба къ тебѣ, ибо моя дружба—страсть.

тутъ мудренаго? Что же бы онъ былъ, если-бъ не любилъ, видя тѣнь вниманія? Но я умоляю тебя, не говори ему о своей любви долго, долго.

Прощай, твой братъ
Александръ.

7 1).

Какихъ чудесъ на свѣтѣ не видится, Natalie! Я прежде, чѣмъ получилъ послѣднюю твою записку, отвѣчалъ тебѣ на всѣ вопросы. Я слышалъ, ты больна, грустна. Береги себя, пей съ твердостью не столько горькую, сколько отвратительную чашу, которую наполняютъ тебѣ *благодѣтельные* люди.

И вслѣдъ затѣмъ на другомъ листочкѣ:

Наташа, другъ мой, сестра, ради Бога не унывай, презирай этихъ гнусныхъ эгоистовъ, ты слишкомъ снисходительна къ нимъ, презирай ихъ всѣхъ,—они мерзавцы! Ужасная была для меня минута, когда я читалъ твою записку къ Emilie. Боже, въ какомъ я положеніи,—ну, что я могу сдѣлать для тебя? Клянусь, что ни одинъ братъ не любить болѣе сестру, какъ я тебя,—но что я могу сдѣлать?

Я получилъ твою записку и доволенъ тобою. Забудь его, коли такъ; это былъ опытъ, а ежели-бъ любовь въ самомъ дѣлѣ, то она не такъ бы выразилась.

8 2).

2 апрѣля, Крутицкія казармы.

По клочкамъ изодрано мое сердце, во все время тюрьмы я не былъ до того задавленъ, стѣсненъ, какъ теперь. Не ссылка этому причиной. Что мнѣ Пермь или Москва? и Москва—Пермь! Слушай все до конца.

31 марта потребовали насъ слушать сентенцію, Торжественный, дивный день. Тамъ соединили 20 человекъ, которые должны прямо оттуда быть разбросаны: одни по казематамъ крѣпостей, другіе—по дальнимъ городамъ; всѣ они провели девять мѣсяцевъ въ неволѣ. Шумно, весело сидѣли эти люди въ большой залѣ. Когда

1) См. №№ 50 и 52.

2) См. № 54.

я пришелъ, Соколовскій, съ усами и бородою, бросился ко мнѣ на шею, а тутъ С. ¹⁾; уже долго послѣ меня привезли Огарева; все высыпало встрѣтить его. Со слезами и улыбкой обнялись мы. Все воскресло въ моей душѣ, я жилъ, я *былъ юноша*, я жалъ всѣмъ руку,—словомъ, это одна изъ счастливѣйшихъ минутъ жизни: ни одной мрачной мысли. Наконецъ, намъ прочли приговоръ ²⁾.

...Все было хорошо, но вчерашній день,—да будетъ онъ проклятъ!—сломилъ меня до послѣдней жилы. Со мною содержится Оболенскій. Когда намъ прочли сентенцію, я спросилъ дозволенія у Цынскаго намъ видѣться,—мнѣ позволили. Возвратившись, я отправился къ нему; между тѣмъ, объ этомъ дозволеніи забыли сказать полковнику. На другой день мерзавецъ офицеръ С. донесъ полковнику, и я такимъ образомъ замѣшалъ трехъ лучшихъ офицеровъ, которые мнѣ дѣлали Богъ знаетъ сколько одолженій; всѣ они имѣли выговоръ, и всѣ наказаны, и теперь должны, не смѣняясь, дежурить три недѣли (а тутъ святая). Васильева (жандарма) высѣкли розгами—и все изъ-за меня. Я грызъ себѣ пальцы, плакалъ, бѣсился, и первая мысль, пришедшая мнѣ въ голову, было мщеніе. Я рассказалъ про офицера вещи, которыя могутъ погубить его (онъ заѣзжалъ куда-то съ арестантомъ), и вспомнилъ, что онъ бѣдный человекъ и отецъ семи дѣтей; но должно ль щадить фискала? развѣ онъ щадилъ другихъ?

9 ³⁾.

10 апрѣля 1835, 9 часовъ.

За нѣсколько часовъ до отъѣзда я еще пишу и пишу къ тебѣ,—къ тебѣ будетъ послѣдній звукъ отъѣзжающаго. Тяжело чувство разлуки, и разлуки невольной, но такова судьба, которой я отдался; она влечетъ меня, и я покоряюсь. Когда жъ мы увидимся? Гдѣ? Все это темно, но ярко воспоминаніе твоей дружбы; изгнанникъ никогда не забудетъ свою прелестную сестру.

Можетъ быть... но окончить нельзя, за мной пришли. Итакъ, прощай надолго, но, ей-Богу, не навсегда, я не могу думать сего. Все это писано при жандармахъ.

На этой запискѣ видны слѣды слезъ, и слова «можетъ быть» подчеркнуты два раза ею. Natalie эту записку носила съ собой нѣсколько мѣсяцевъ.

¹⁾ Сатинъ.

²⁾ Пропускаю его. А. И. Г.

³⁾ См. № 55.

◆ 1. Этотъ краткій разсказъ не совсѣмъ совпадаетъ съ приведенными уже мною свѣдѣніями (см. № 46), но нѣтъ сомнѣнія, онъ основанъ на разсказахъ самой Н. А.—ны и, вѣроятно, на записанныхъ ею, но не дошедшихъ до насъ воспоминаніяхъ о своемъ дѣтствѣ. Такимъ образомъ, если изъ сообщеннаго при № 46 исключить противорѣчащія этому разсказу детали, то самъ по себѣ эпизодъ остается изложеннымъ ими вѣрно. Разумѣется, радость матери была очень условна: простая женщина вѣрила, что ея любимая дочь нашла прочное и спокойное пристанище.

2. Т. П. Пассекъ добавляетъ со словъ Т. А. Астраковой: «Одинъ изъ знакомыхъ надоумилъ, чтобы Наташа подала просьбу въ консисторію о выдачѣ ей новаго свидѣтельства, объявивши, что старое она неизвѣстно куда затеряла. На это надобны были деньги, надобны были деньги и на то, чтобы сдѣлать Наташѣ бѣлье и платье, и все это какъ можно скорѣе, пока княгиня не уѣхала въ деревню... Всѣ они были люди безденежные и жили однимъ жалованьемъ. Одинъ Сазоновъ имѣлъ довольно большія средства, къ нему и обратились съ просьбой о деньгахъ. Онъ охотно согласился и выдалъ 400 рублей. Деньги эти передали Эмилиі, бывшей гувернанткѣ или, скорѣе, подругѣ Наташи. Черезъ Эмилию велась вся переписка, черезъ нее же подана была просьба о метричѣ. Два раза просьба съ подписью Наташи была неудачна; въ третій разъ за Наташу подписалась Т. А., и дѣло закипѣло. 400 руб. оказалось далеко недостаточно; Сазоновъ обѣщалъ дать больше, но не давалъ еще... Два раза назначили Наташѣ быть готовой уйти изъ дома и пріѣхать прежде всего къ Астраковымъ, и опять откладывали. Ожиданія до того измучили ее, что она писала Т. А.—нѣ: «Ради Бога, Т. А., скажите, что у васъ дѣлается. Эмилиі третій день нѣтъ дома, я ничего не знаю. Сегодня было назначено навѣрное уѣхать. Я буду ждать вашего отвѣта, какъ смертнаго приговора. Наташа». Наконецъ, Н. И. Астракову удалось залучить къ себѣ Сазонова; онъ разсказалъ ему, что за нимъ дѣло стоитъ и можетъ не хорошо кончиться. На слѣдующій день Сазоновъ прислалъ деньги; по сдѣланному разсчету, оказался недостатокъ еще въ 150 рубляхъ. Николай Ив. добавилъ ихъ изъ своего жалованья, взявши его впередъ. Къ 7 мая все было готово, ждали Александра въ Москву» (т. II, 84—85).

3. Продолжаю цитировать разсказъ Т. А. Астраковой, напечатанный Пассекъ. «Княгиня, будучи въ неудовольствіи на Наташу, запретила ей сходить съ антресолей; это затрудняло побѣгъ. По счастью, Сенаторъ уговорилъ ее простить Наташу и позволить ей сойти внизъ. Княгиня согласилась. Левъ Алексѣевичъ самъ привелъ Наташу изъ

мезонина, княгиня расчувствовалась и позволила ей заниматься по-прежнему музыкой и книгами. Когда все было готово, рѣшили увезти Наташу въ Николинъ день, во время обѣдни (невѣрно, — 8 мая — *М. Л.*). Княгиня еще наканунѣ собиралась ѣхать въ церковь вмѣстѣ съ своей компаньонкой, велѣла приготовиться и Наташѣ. На другой день утромъ Марія Степановна объявила княгинѣ, что у Наташи сильная головная боль, и она не можетъ ѣхать къ обѣднѣ. Какъ только онѣ уѣхали, Наташа сошла внизъ и сѣла въ залѣ подъ окномъ, близкимъ къ воротамъ; ей было сообщено, что одинъ господинъ пробѣдетъ мимо оконъ и остановится у воротъ, а другой пройдетъ по противоположному тротуару и махнетъ ей платкомъ.

«Между тѣмъ, у насъ въ домѣ собрались Александръ, Эмилія, Кетчеръ. Было десять часовъ утра. Николай (Астраковъ) торопилъ Кетчера, и они ушли. Мы остались втроемъ. Вдругъ Николай возвратился и сказалъ мнѣ: дай твою турецкую шаль, а то, вѣдь, она выбѣжитъ безъ ничего». Я подала ему шаль.

«Всѣ мы были страшно взволнованы. Александръ хотѣлъ что-то сосрѣчь, но ему не удалось, я думаю, первый разъ въ жизни. Эмилія, сентиментальная нѣмка, вздыхала и хныкала. Это намъ надоѣло, и мы вышли въ залу. Вдругъ раздался крикъ Эмиліи: «Ахъ!—кричала она,—я чувствую, чувствую, ее увезли... ахъ! ахъ! мнѣ дурно!». «Мы бросились къ ней, схватили стаканъ воды, одеколонъ, гофманскія капли,—ничего не помогало. Александръ вышелъ изъ терпѣнія и сказалъ: «Да развѣ вамъ хотѣлось, чтобъ помѣшали Наташѣ уѣхать и мы были бы несчастны?»—«Нѣтъ, ахъ, нѣтъ! говорила Эмилія,—но мнѣ страшно». Мы съ Александромъ взглянули другъ на друга и поняли, что, вѣдь, и намъ страшно.

«Наконецъ, явился Николай (Астраковъ), объявилъ, что все кончено благополучно. Наташа уѣхала съ Н. Х. Кетчеромъ и находится въ Перовомъ трактирѣ, гдѣ ожидаютъ Александра. Александръ немедленно туда отправился.

«Николай наскоро разсказалъ намъ, что они до дома княгини перемѣнили двухъ извозчиковъ; по условію, Кетчеръ проѣхалъ мимо дома и остановился у воротъ, а Николай, проходя противоположнымъ тротуаромъ, замѣтилъ въ угловомъ окнѣ старушку, безучастно смотрѣвшую на улицу. (Наташа сказала намъ послѣ, что это была тетка М. Н. Каткова, Вѣра Акимовна, очень добрая старушка, часто гостившая у княгини). Николай нѣсколько испугался, но пошелъ дальше; въ крайнемъ углу къ воротамъ сидѣла она. Николай махнулъ ей платкомъ и видѣлъ, какъ она вскочила и побѣжала. Онъ перешелъ къ Кетчеру, накинулъ на нее мою

шаль, усадилъ на дрожки, пожалъ ей руку и тихо пошелъ обратнымъ путемъ. Старушка попрежнему спокойно сидѣла подъ окномъ и смотрѣла на улицу» (т. II, 85—87).

4. «Александръ поѣхалъ въ одномъ сюртукѣ, на простомъ извозчкѣ, какъ бы для прогулки, за заставу. Слѣдомъ за нимъ надобно было отправить его камердинера Матвѣя съ вещами; ихъ набралось цѣлый возъ; послали Матвѣя за извозчикомъ; громоздкія вещи оставались у насъ. Мы не поѣхали провожать Александра, думая, что, можетъ, сдѣлають у насъ обыскъ, то быть бы налицо къ отвѣту. Только-что вещи были уложены на возъ, какъ пришелъ Голубевъ ¹⁾. Николай наскоро сдалъ Голубеву вещи и просилъ его отправиться вмѣстѣ съ ними и Матвѣемъ къ Александру, а на заставѣ сказать, что онъ переѣзжаетъ на дачу. Такимъ образомъ и Голубеву (впослѣдствіи женатому на дочери А. Л. Витберга) пришлось проводить нашихъ милыхъ бѣглецовъ» (тамъ же, 87).

5. Сынъ К. П. Смирнова вспоминаетъ по этому поводу что, Герценъ называлъ его «дѣдушкой» и пользовался его расположеніемъ за свой живой умъ и особенную способность быть приятнымъ и ласковымъ. «Въ одно изъ своихъ посѣщеній Герценъ обратился къ «дѣдушкѣ» съ просьбой вывести его изъ большого затрудненія, говоря, что онъ ждетъ изъ Москвы близкую родственницу, которую ему неудобно принять въ своей холостой квартирѣ, и очень просить его и мою старшую сестру приютить гостю на короткое время. Отецъ и сестра охотно согласились. Черезъ нѣсколько дней А. И.—чъ пришелъ, какъ онъ выразился, покаяться дѣдушкѣ въ томъ, что ожидаемая имъ гостыя—его невѣста, которую онъ тайкомъ увезетъ изъ Москвы отъ суровой тетки, и просилъ дѣдушку принять невѣсту»... 9 мая, только-что разошлись гости съ именинъ самого рассказчика, часу въ четвертомъ дня, какъ «по направленію отъ Сергіевской церкви къ нашему дому мчится коляска на четверкѣ лошадей. Приѣзжіе были А. И. Г. и его невѣста Н. А.—на... Сестра, поцѣловавшись съ нею, выпроводила меня изъ комнаты, началось одѣваніе невѣсты къ вѣнцу; въ это время самъ А. И. и его камердинеръ торопливо выгружали изъ коляски ящики... Вынувъ содержимое ящиковъ (вѣнчальный нарядъ невѣсты), А. И. куда-то поѣхалъ на извозчкѣ, очень скоро возвратился въ каретѣ, и вслѣдъ за нимъ приѣхалъ офицеръ квартировавшаго уланскаго полка, на парѣ съ пристяжкой... Впослѣдствіи я слышалъ, что офицеръ этотъ былъ шаферомъ;

¹⁾ Яковъ Ивановичъ, другъ Сатина, раньше служилъ въ канцеляріи вятскаго губернатора.

фамілія его, если не ошибаюсь, Шишковскій» («Труды Владимірской учен. арх. комиссії», IV).

6. Офіціально Герцены считались обвнчанными въ Николозлатовратской церкви, фактически же внчаніе происходило въ церкви Ямской слободы. Это было сдѣлано, по желанію архіерея, ради меньшей огласки, такъ какъ невѣста была «краденая» (тамъ же, 61—62). Видный губернаторскій чиновникъ, пользующійся его вниманіемъ, «политическій», москвичъ, краденая невѣста,—все это и такъ нѣкоторое время заставило говорить о свадьбѣ весь городъ, а если бы она происходила въ самомъ городѣ, то владимірцы долго говорили бы о своей злобѣ дня.

Какъ видно изъ метрической церковной книги, поручителями по женихъ были: помощникъ правителя канцеляріи губернатора губ. секретарь Мелкомъ Каспаровичъ Ломизе и переводчикъ губ. правленія губ. регистраторъ Николай Ивановичъ Татариновъ, по невѣстѣ—совѣтникъ губ. правленія кол. ассессоръ Петръ Петровичъ Модзюлевскій ¹⁾ и тит. сов. Константинъ Петровичъ Смирновъ. Внчалъ Николозлатовратской церкви протоіерей Іоаннъ Остроумовъ, при внчаніи были той же церкви діаконъ Петръ Ивановичъ Златовратскій и пономарь Петръ Димитревскій («Рус. Старина» 1889, I, 181). Писатель Н. Н. Златовратскій вспоминаетъ по этому поводу: «Совершеніе этой свадьбы было окутано большою тайной, и могла она состояться лишь при особомъ снисхожденіи мѣстнаго архіерея и при вліяніи на него губернатора; архіереемъ было приказано «секретно» одному изъ священниковъ повнчнать Герцена какъ можно скрытнѣе въ отдаленной слободской церкви, на окраинѣ, безъ малѣйшаго шума, придавъ этому видъ, какъ будто священникъ дѣйствуетъ на свой страхъ и рискъ. Въ нашей семьѣ я слышалъ, будто при внчаніи участвовалъ и мой дѣдъ, молодой еще тогда дьяконъ, и тоже по секретному архіерейскому наказу. Дѣйствительно ли это было такъ, утверждать не могу, такъ какъ дѣдъ, быть можетъ, подъ страхомъ наказанія, никогда объ этомъ дѣлѣ не любилъ распространяться и вообще умалчивалъ» («Какъ это было», стр. 171).

7. Н. А.—на такъ описывала событія, спустя десять дней, А. Г. Клиентовой: «О, какъ все хорошо было! На третій день губернаторъ присылалъ за нами карету, потомъ мы были у архіерея, который оказалъ мнѣ вниманіе чрезвычайное; весь городъ хочеть меня видѣть, какъ какое чудо» («Рус. Старина» 1892, III, 782—783).

¹⁾ Писалъ свою фамілію именно такъ, а не «Модзалевскій»; умеръ и погребенъ во Владимірѣ въ 1856 г.

8. Какое впечатлѣніе произвело бѣгство Н. А—ны и свадьба Герценовъ на ихъ родню, можно видѣть изъ воспоминаній М. К. Рейхель и Егора Ивановича. «Иванъ Алексѣевичъ былъ молчаливъ и сумраченъ,—разсказываетъ первая,—и, вѣроятно, скоро догадался. Левъ Алексѣевичъ пріѣхалъ, противъ обыкновенія, днемъ, съ разными предположеніями и, между прочимъ, говорилъ, что Н. А—на, можетъ быть, ушла въ Троице-Сергіевскую лавру на богомолье. Мы поняли тотчасъ, что произошло, и очень волновались, удастся ли побѣгъ. Когда все объяснилось, отецъ принялъ извѣстіе съ неудовольствіемъ, а когда все обошлось, онъ пожелалъ повидаться съ сыномъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ разлуки» (стр. 23). «Возвратясь отъ обѣдни,—говоритъ Егоръ Ивановичъ,—княгиня легла на постель отдохнуть, спросила чаю и, не видя Наташи, приказала позвать ее къ себѣ. Спустя нѣсколько минутъ, княгинѣ доложили, что Н. А—ны нигдѣ нѣтъ. Княгиня тотчасъ поняла, въ чемъ дѣло, и до того была поражена этимъ, что всѣ въ домѣ перетревожились, немедленно послали за Ив. Ал., Сенаторомъ, Д. П. Голохвастовымъ и за докторомъ, который тотчасъ же пустилъ княгинѣ кровь. Родные нашли княгиню въ постели совсѣмъ разстроенной, и сами были сильно раздражены противъ молодыхъ людей. Сенаторъ, желая сколько-нибудь успокоить сестру, высказалъ предположеніе, что, быть можетъ, Наташа и не убѣжала еще, а пошла помолиться къ Иверской. «Помилуй, что за вздоръ,—возразила княгиня, окончательно разстроившись предположеніемъ, что изъ ея дома дѣвушка можетъ ходить одна по Москвѣ:—когда же Наташа бѣгала у меня одна по улицамъ!?». Дмитрій Павловичъ, послѣ разныхъ совѣщаній, совѣтовалъ оставить молодыхъ людей въ покоѣ, выразивши имъ свое неудовольствіе, и беречь свое здоровье, не разстраивая себя тѣмъ, что непоправимо; княгиню совѣщанія не успокоили и не утѣшили, она чувствовала себя глубоко огорченной и оскорбленной» (Пассекъ, II, 267).

9. Т. А. Астракова разсказываетъ, что вскорѣ послѣ свадьбы они получили письмо отъ Н. А—ны, въ которомъ «она просила меня прислать ей какое-нибудь платье, приличное для выѣзда. Эмилія, сдѣлавши ей бѣлье, домашнія платья и вѣнчальное, для выѣзда не сдѣлала никакого. Денегъ у нихъ больше не было и сдѣлать еще платье не на что. Я послала Наташѣ мой шелковый голубой капотъ съ вышитой тюлевой юбкой и шелковое нарядное платье. Въ этихъ платьяхъ она и посѣщала владимірскихъ знакомыхъ. Только къ концу лѣта они сбились деньгами да зяняли у Егора Ивановича и поручили намъ купить разныхъ мелочей для туалета Наташи; но, по молодости, забыли запастись шубой на приближав-

шіеся холода. Когда пришла зима, я послала Наташѣ мою вторую шубу» (Пассекъ, II, 87—88).

Первая квартира Герцена во Владимірѣ была на Большой ул., близъ Золотыхъ Воротъ, въ домѣ Н. А. Адоева, и нынѣ еще (1902 г.) находящемся между почтовой конторой и кофейными номерами («Труды Владим. учен. арх. комиссіи», IV).

10. На мѣстѣ дома кн. Долгоруковой нынѣ (1902 г.) находится домъ купца Сергѣя Муравкина («Труды Влад. учен. арх. комиссіи», IV). Н. Юрданскій писалъ въ 1912 г.: «домъ этотъ былъ проданъ послѣ поѣдъ епархіальное женское училище. Весной нынѣшняго года онъ будетъ сильно передѣланъ и свой внѣшній видъ совершенно измѣнитъ» («Рус. Вѣдомости», № 71).

11. Пассекъ говоритъ, что «на ея долю выпало объявить объ измѣнѣ той, которую онъ (Герценъ) любилъ около двухъ лѣтъ и далъ слово на ней жениться. Она вѣрила въ него и долго не понимала меня, когда же поняла и повѣрила, мнѣ показалось, что жизнь отлетѣла отъ нея,—такъ страшно она поблѣднѣла и умолкла. Въ комнатѣ распространилась мертвая тишина. Спустя четверть часа, она молча простилась со мной и ушла домой. Никто никогда не слышалъ отъ нея жалобы, никто не видалъ ея слезъ и никогда онъ не узналъ,

«Какое сердце разорвалъ...» (т. II, 268).

Сама Пассекъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что къ Людмилѣ Пассекъ Герцена прежде всего привлекли ея «либеральныя идеи» (т. I, стр. 409); что въ семьѣ Пассековъ была опредѣленная политическая атмосфера и пр. Разумѣется, дѣвушка изъ такой семьи да еще любившая, съ одной стороны, сумѣла бы узнать адресъ сосланнаго, сумѣла бы наладить съ нимъ переписку, съ другой—поняла бы, что отсутствіе его писемъ въ теченіе четырехъ лѣтъ не могло доказывать ничего, кромѣ окончательнаго и безповоротнаго разрыва. Онъ могъ быть очень тяжелъ ей, но во всякомъ случаѣ не неожиданъ.

12. Хотя всѣ приводимыя здѣсь письма уже напечатаны въ предыдущихъ томахъ настоящаго изданія, и притомъ точно, безъ ошибокъ, сдѣланныхъ позже Герценомъ, бывшимъ, вообще, неисправнымъ переписчикомъ и копистомъ, но я не считаю себя въ правѣ опустить ихъ здѣсь или ввести въ текстъ какія-либо поправки и ограничиваюсь лишь указаніемъ, какимъ номерамъ соотвѣтствуютъ приводимыя Герценомъ письма.

Приведенное см. въ № 41. Дата выставлена Герценомъ по памяти, невѣрно.

Опечатки и дополненія.

<i>стран.</i>	<i>строка</i>	<i>напечатано</i>	<i>слѣд. читать</i>
54	12 сн.	14	13
131	5 сн.	1843 г.	1843 г. ⁴⁾
			<hr/> ⁴⁾ 25 октября 1842 г.
133	17 сн.	февральской	февральской ¹⁾
			<hr/> ¹⁾ Октябрьской.
163	22 сн.	Винценгероде	Винцингероде
183	20 св.	сентября	октября
335	14 сн.	1831	1833

Цена 60 рублей

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

ПЕТЕРБУРГ:

1) Фонтанка, 61; 2) Кабинетская ул., 13.

МОСКВА:

Советская пл. (Тверская 28), Книжный Склад Народного Комиссариата по Просвещению.